

ЯНВАРЬ 2013

27.1.13., около 7-00

Эти мрази (два «ночных») сегодня ночью украли у меня и сожрали банку тушенки. Как всегда, глумливо «шутили» надо мной, думая, что я сплю (всё постоянное глумление, каждый день, у них, особенно у новоприбывшего наркоши, замаскировано под «шутки» – в случае чего и не придерешься). А я не спал – никак не мог уснуть, много часов просто лежал, ворочаясь с боку на бок. Лишь под утро вроде бы удалось задремать ненадолго.

день

В стране быдла меня заставляли мыть тюремные дальняки. Окажусь ли я когда-нибудь в другой стране, нормальной?

около 16-00

Оказывается, эти ублюдки украли ночью не только тушенку, но и лежавшую рядом с ней мою единственную «мойку», которой я резал продукты. Зачем? Из чистого своего, врожденного паскудства, «моек» у них хватает и своих. Чисто чтобы сделать пакость мне. Придется теперь резать колбасу и ветчину незаточенной ложкой, больше нечем...

28.1.13., около 7 утра

Вчера под вечер (но до ужина) заходила Каретникова. После ее ухода – очередной погром (истерика): засранец орал на меня, что я, видите ли, «ничтожество» и прокурорским тоном допрашивал, почему это, дескать, я «не сказал ей правды» (о моих политических взглядах, как он их понял, когда я в первые дни имел глупость их с ним обсуждать).

29.1.13., 12-46

Мразота наркоша уже второй раз обещает «сплести лестницу» на высоченный второй ярус шконки, где он сейчас спит – и загнать меня жить туда, наверх, чтобы я, мол, «стоял на дороге» (окно открывается как раз рядом с этой шконкой). «Шутит»? Или всерьез мне предстоит испытать еще и это, чего не было у меня ни тем сроком, ни – пока что – этим? Не очень верится, конечно, но... всё может быть. Пределы не поставлены, и от этой биомассы, оказавшись в ее полной власти, можно действительно ждать ВСЕГО.

Да, жизнь кончена, и теперь впереди – только шмоны, уборки, бани, стирки, «шутки» уголовников (открытое глумление), этапы, и т.д. и т.п. Что там еще? Список большой...

А писем по-прежнему нет, от матери – вот уже вторую неделю (отправлял в прошлый понедельник, сегодня вторник).

15-06

Тоска такая невыносимая, что просто нет сил. Всё как в тот раз, только еще тяжелее...

31.1.13., 14-49

Когда никто не слышит (один на прогулке, другой спит) – эта тварь наркоша общается со мной (а молчать она не может вообще) более-менее нормально, относительно по-человечески. Но как только появляется хоть один слушатель, – всё, тотчас начинает опять извергаться поток феерически идиотских «шуток», над которыми эта мразь сама же истерически гогочет, квакает и икает...

ФЕВРАЛЬ 2013

3.2.13., утро, около 10-00

Ну что, какие новости? Позавчера, 1-го, возили на продление ареста в Бутырский «суд», там были мать, Е.С. и Полина Кузьмина (первый раз увидел), Майсурян, жаль, не дождался. Е.С. там, прямо в зале «суда», мне сказала, что Трепашкин всё-таки будет у меня на «суде» адвокатом, – оказывается, до этого он ей говорил, что хочет быть только общественным защитником, вот так номер!.. Но вроде бы она смогла его уговорить.

2-го, вчера, адски начал утром болеть зуб, болел полдня, потом прошел, вечером немного напомнил о себе опять, и сейчас тоже слегка побаливает. Хуже здесь для меня ничего нельзя придумать...

А глумливая мразь наркоша всё продолжает глумиться, гоготать, рассказывать обо мне разные небылицы (якобы я ей «признался»), придумывать мне всякие клички, и т.д. И до истерики сама же ржать над всем этим, иногда вместе с дураком, тоже участвующим время от времени в этом шоу. Любые же попытки что-то возразить или объяснить использует потом как новый повод для глумления, – как, например, вчера, когда я днем наедине, преодолевая зубную боль, пытался объяснить этой нечисти, что я политз/к, сижу совсем за другое, чем они все, и их уголовные «понятия» меня не касаются. Уже вечером мразь использовала в своих очередных глумлениях слово «политический», произносимое наивысшим тоном, с нескрываемой насмешкой. В претензию мне эта погань в разговоре наедине предъявила следующую: оказывается, я не проявляю сам энтузиазма, не выказываю желания убирать их «квартиру» (камеру), – мол, не отказываюсь помочь, если они вдруг надумают убираться, но сам, первый, по собственной инициативе, убираться не бегу, задрал штаны, и это, оказывается – признак моего «неуважения» к ним, ко всем этим подонкам! Дивная логика...

(И еще их, видимо, очень бесит то, что на все из глумления, «шутки» и обсуждения меня в третьем лице – здесь же, открыто, в моем присутствии, – я молчу вглухую, не отвечаю, вообще никак не реагирую, будто и не слышу. Отвечаю только когда обращаются непосредственно ко мне. По их, дешевок глупых, представлениям, я, услышав о себе такое, должен был бы начать биться в истерике, опровергая их бредни, – и каждый из них так бы и поступил на моем месте.)

Да, с появлением наркоши вечером 18-го ситуация тут изменилась, – раньше все трое вглухую меня бойкотировали, не разговаривали, только обсуждали в третьем лице иногда. Эта же мразь, наоборот, решила, типа,

перевоспитать меня, привлечь к их воровским делам, заставить со временем стоять на «дороге», и т.д. Но при этом она постоянно «шутит» по моему адресу, и это одно сводит на не все её попытки наладить контакт.

Вчера ночью прислала СМС-ку с приветом мне Лена Маглеванная, – но эта наркомразь, на чей номер СМС-ка пришла, злобно сказала при мне дураку, что, мол, мне, ПОЛИТИЧЕСКОМУ, она СМС-ку прочесть не даст, и тут же ее стерла, едва сквозь зубы буркнув мне, что мне привет от (неизвестной, ибо в подробности вдаваться я не стал) Лены. А вызвало ярость этой твари изначально – что же? – да длинный, непривычный здесь, в России, а для такого быдла вообще сам по себе жутко подозрительный финский номер Лены... :)))

4.2.13., день, после обеда

Итак, вчера случилось большое событие, произошел резкий перелом. Наркоша, всего 17 дней назад появившийся в камере, вчера уже своим личным решением лишил меня связи.

Сперва он распинался передо мной, что, мол, мою мать ему все-таки жалко (пожалел волк кобылу...), и ей он будет давать возможность дозваниваться до меня. Но, включив вчера вечером «трубу», посмотрев на звонящий какой-то якобы неизвестный ему номер (звонила, конечно, мне мать) – он не мне, а дураку, с которым в этот момент играл в карты. Решительно сказал, что звонить мне больше не даст. То есть, на входящие не будет отвечать, а мне у него, ясное дело, и спрашивать бесполезно...

Затем, попозже, свою «симку» вставил и засранец, хозяин «трубы». Во время разговоров он тоже часто отвлекался посмотреть «вторую линию», но не брал трубку; а когда раз показал наркоше какой-то незнакомый входящий, и тот повторил последние его цифры, но посоветовал не брать, и засранец не взял, – я по этим цифрам понял, что звонит Миша Агафонов. Потом, опять вставив свою «симку», наркоша сообщил, так, в пространство, что, мол, ему звонят с каких-то незнакомых номеров, в том числе с домашних. Так я понял, что бедная мать, в тревоге за меня, пыталась дозвониться всеми мыслимыми способами, в том числе и с явно прослушиваемого домашнего телефона. Увы, ее ждал облом.

Одновременно эта мразь наркоша стала меньше глумиться надо мной в разговорах с остальными, а оставшись сегодня с утра наедине (засранец на «суде», дурак спит) – даже не пыталась со мной, как раньше, разговаривать, «шутить» и т.п. Да и то – после ТАКОГО какие уж там шутки... Фактически ситуация вернулась к тому бойкоту с их стороны, который был здесь до появления этой твари 18-го января.

Что ж, посмотрим, что будет сегодня вечером – хотя, в общем-то, и так

уже ясно. Не впервой нам с матерью оставаться без связи, но все-таки – бедная, бедная мать!.. Представляю, как она мечется там сейчас, как сходит с ума от страха...

Да, всё то же самое, только еще тяжелее, как я и предполагал еще на воле. Окунули опять головой в то же самое дерьмо, в ту же самую выгребную яму, что и в тот раз, только еще глубже...

вечер, около 20-00

М-да, жестко... Все-таки унизился еще раз, спросил телефон у этой наркотвари, когда дурак не был рядом, – как бы наедине. Нагло говорит мне: нет, мол, зарядки не хватает. И после этого как ни в чем не бывало продолжает болтать со своими многочисленными родственничками. Бедная, бедная мать... Когда мне звонит мать, ублюдок, похоже, уже просто сбрасывает, как и в Буреполоме было. И что теперь делать, честно говоря, я не знаю...

5.2.13., 15-44

Весь вечер вчера, до возвращения засранца, бушевал здесь, в камере, словесный погром в мой адрес, бился в истерике и нес дикий бред про меня дурак, и полностью с ним солидарный наркоша уже хотел бить меня, загонять под шконку, выкидывать из «хаты» (когда откроют дверь, чтобы завести засранца), и т.д. Миски мои он выбросил из общего шкафчика, и я убрал их в стол со своей стороны. Пакеты мои же с сэндвичным хлебом тоже хотел положить мне под шконку, но тут уж дурак вмешался и не позволил, положил их обратно. Какие бы ни были у меня нервы, но тут мне всё же пришлось вмешаться в их бредоразговор и начать оправдываться. Началась, забыл написать, вся эта их истерика как раз с того, что я спросил у наркоши «трубу». В итоге, уже после возвращения засранца и нескольких настойчивых просьб дурака (тот просёк, что мразь уже два дня не дает мне позвонить матери, и даже ему это, видимо, показалось не «людским» :) поступком), наркоша таки дал мне телефон, но велел сказать матери, что это последний раз, пока я в этой камере. Это и так ясно, но говорить ей я не стал.

А сегодня за обедом наркоша уже, как и обещал вчера, не пустил меня за стол, есть пришлось, сидя на шконке, а миску я поставил на мини-столик, приваренный к углу у скамеек большого стола...

6.2.13., 14-53

Это, видимо, была кульминация (увы, не последняя, наверное, за этот срок). Еще накануне оно обещало избить меня и выкинуть из камеры, – а вчера вечером эту гнусную отраденскую наркомразь вдруг саму перевели в другую камеру! Воистину, когда услышал – я это воспринял как чудо, хотя и не верю в чудеса!.. Убрали эту тварь, потом засранец достал «трубу», мать

дозвонилась – и он дал мне телефон без проблем!..

На место той мрази поселили – по первой, по крайней мере, видимости – нормального, спокойного парня. Казалось бы, всё наладилось, – но дурак по-прежнему не оставляет замыслов выселить меня из этой камеры. Только что, после бани, при получении обеда, была стычка с ним на эту тему. Увы, теперь как раз (пока?) мне этого совсем не хочется.

9.2.13., утро

Новый поворот идиотизма... 7-го был шмон – сперва в нескольких камерах на третьем этаже, потом здесь, на четвертом, почти во всех. Заранее поняв, что точно придут, засранец спрятал «трубу» надежно – в дыру в потолке, там, где приделана лампочка и провода. Туда не лазили, не забрали. Но – и сам он вот уже два дня, 7-го и 8-го, тоже не лезет туда и не достает! Типа, ему не надо никому звонить. Дураку тоже не нужно; а новый парень, заехавший сюда, тоже сказал, что звонит редко, раз в несколько дней. Так что мать опять не может дозвониться, а при отношении ко мне этих ублюдков – не может быть и речи, чтобы я просил ради меня полезть и достать. И без этого дурак продолжает глумиться надо мной целыми днями, когда не спит, всё норовит унизить, в основном давя на политические темы, обстоятельства моего дела, ареста и т.д. Я плюю, конечно, в душе на все слова этого говорящего куска дерьма, сбить меня с толку этой нечисти не дано. Но на душе тошно и тоскливо, особенно так подурацки оставшись опять без связи...

10.2.13., поздний вечер

Ну что ж, уже два дня, как он достал; сегодня (только что) я, переступив через себя, спросил, он вполне ожидаемо отказал. Сказав уже в который раз одну и ту же глупость: что я, мол, хитрый («хитро...нный»), но вся хитрость написана у меня на лице. Бред, но что поделаться... Одна надежда, что уже завтра придет адвокат.

Какая же все-таки мразь живет на свете!..

12.2.13., 10-55

Вот уже второй день схожу с ума от неизвестности, а адвокат, обещавший быть 11-го или 12-го, всё не идет. Заказ из ларька тоже не несут, – была ли мать здесь вчера? Или сегодня?

Связи так и нет, и ничего нельзя сделать, только медленно сходить с ума от этой неизвестности...

18.2.13., 16-02

Ничего не происходит, но дела кажутся ужасными. Адвокат все-таки пришел в тот день, 12-го, прошлый вторник. Уговорить его приходиться чаще мне, естественно, не удалось, ни на какие другие просьбы, увы, он тоже не

соглашался. Та мразь в камере так и не дает мне телефон, а я, естественно, больше не спрашиваю. Но теперь дурак неожиданно сменил гнев на милость, стал активно общаться со мной, даже есть за одним столом (под предлогом: съесть обед, пока он горячий), уже не помышляет выкидывать меня из камеры (или просто временно не подает виду?) – а наоборот, загорелся идея якобы для меня (!!!) купить у какого-то своего знакомого уголовного авторитета этажом ниже телефон. При этом много говорит о том, что ему тоже противно все время просить (у засранца), а звонить, оказывается, тоже надо много кому, и т.д. Стоит это счастье семь тысяч.

И вот вчера, когда ночью засранец уже лег спать (а сегодня он на «суде»), дурак наконец затянул по «дороге» телефон и «симку», сперва вообще без денег, а потом, на второй раз, и с деньгами. До этого я четко говорил ему несколько раз, что про деньги узнать, не позвонив матери, я не могу, – и вот, наконец, вчера в начале третьего ночи такая возможность была мне предоставлена.

Но, естественно, звонить в это время матери, да еще с перезвоном, не было смысла, и я набрал наудачу опять Мише Агафонову, не спящему допоздна. От него узнал потрясающую новость: оказывается, ублюдок Абоев (следователь) все-таки как-то, чуть не силой, затащил мать к себе на очередной допрос. Спрашивал в основном вроде бы что-то о моем детстве – это ему нужно для психиатров, оказывается, и – самое главное! – все-таки дал разрешение на свидание! Так что завтра, сказал Миша, она идет к тебе на свиданку, – а не только заказывать жрать в ларьке, как я думал.

Но – увы, ожидания не сбылись. Прождал, пронервничал весь день – ни хрена, на свиданку так и не вывели! Что же там могло случиться такое? Про ларек узнаю только завтра с утра – принесут, если был сегодня заказан. Но дурак обещает уже сегодня вечером, как в семь часов начнется «дорога», затянуть от того же своего приятеля «симку» с деньгами, чтобы не только он, но и я смог позвонить, выяснить, что же там случилось. Сказать, что я буквально схожу с ума от неизвестности, – значит, не сказать ничего...

Впрочем, всё это было уже и в тот раз, – и неизвестность, и нервы, и беззвучные, но разрушительные для здоровья внутренние истерики; и, кажется, даже теми же самыми словами я это описывал. Но в тот раз было все-таки главное – была хоть какая-то перспектива, а сейчас ее нет. Вчера, под вечер, не зная еще ничего о свиданке, я вдруг мысленно с небывалой четкостью представил себе самого себя, если я отсижу еще и этот срок, доживу до его конца. Будет мне уже полтинник, или около того, и буду я дряхлым стариком, больным, беззубым, даже с палкой передвигающимся с трудом, одиноким, без родных и близких, без семьи, без денег на жизнь, без

работы и без жилья, – ни кола ни двора, короче, у меня не будет, и только тех, кто из нынешних друзей сохранится таковыми и до тех пор, можно будет попросить о какой-то помощи – но помогать мне они вовсе не обязаны, тем паче материально. В России жить невозможно, но даже если мне дадут убежище в Европе, – рассчитывать не на что и там. Мизерное пособие, м.б., да бесплатные обеды в благотворительных столовых для бедняков. Итог жизни, которая когда-то вроде бы так счастливо и беспечно начиналась...

Нужна ли мне эта жизнь, это перенесение на себе вновь и вновь, еще целых лет десять, всех лагерных унижений и глумлений от подонков, которых я и за людей-то не считаю, чтобы дожить, выйти, уехать и достичь такого вот финала? Ни кола, ни двора, ни денег, ни имущества, ни последователей; всё, чего достиг за жизнь, – статьи в Википедии на разных языках (последнюю деталь сообщил недавно Майсурян); даже книжку ни одну издать так и не удалось – и уже не удастся, это ясно; а через десять лет всё это, вся публицистика и пр., и дневник, – словом, всё, кроме, м.б., стихов, уже потеряет актуальность...

Что ж, открылся новый жизненный этап, – вероятно, последний. Открылся, несмотря на то, что в этом году, в мае, исполняется уже пять лет, как я должен был бы лежать в земле... Сейчас у меня уже нет никаких иллюзий о будущем, бывших тем сроком, и что мне никак не вырваться, абсолютно ясно с самого начала. Остаётся только один выход, одна надежда, – что на то, на что мне не хватило духу в тот раз, даст бог, хватит в этот...

24.2.13., утро, около 11 ч.

Воскресенье. О чем писать? Какой же безумной была эта неделя... 20-го, в среду, с утра, еще не успел встать, выдернули на «телевизор» – в Мосгор«суде» рассматривалась жалоба адвоката Бородина на последнее продление моего ареста. Назначено было в час дня; до двух часов продержали на сборке, потом повели к самому «телевизору» (тут это устроено поцивилизованнее, чем было на «пятерке» в 2007 г. – можно сесть, и ты один там сидишь, в этой клетке, а не целая толпа) – и быстренько отказали, естественно, несмотря на все доводы адвоката и мои. Едва привели в камеру – погнали в баню (они еще не ходили, оказывается, а я-то надеялся!..). Думал, уж больше ничего не будет в этот день – но едва только, с мокрой головой и ногами, пришел из бани, – заказывают «по сезону». Наверное, я бы сошел с ума от всех этих неожиданностей и сюрпризов, но хорошо, что мать, узнавшая от Бородина, накануне вечером успела предупредить по телефону.

«По сезону» повезли к мрази Абоеву, в «следственный комитет». Там было

только знакомство с экспертизами – огромной по всем моим текстам, уже выполненной, и постановлениями о назначении новых – по примерно десятку последних текстов (написанных уже после того, как все прежние были отправлены на экспертизу), всего самиздата, что у меня выгребли на обыске (в том числе и того, что оставляла Маня, хотя я настоятельно советовал ей этого не делать), ну и – амбулаторной психиатрической, наконец-то!..

В пятницу состоялась наконец-то свиданка с матерью, по поводу которой я так нервничал и психовал, только о ней узнав, еще в понедельник. Оказывается, тут всего три кабинки для свиданий, так что родственников записывают на много дней вперед (с понедельника на пятницу – это еще повезло!), на определенное время (мать записали на 11 утра). Выглядят эти кабинки и само помещение, где они находятся, тоже малость поцивилизованнее, чем было в СИЗО-5, по крайней мере, двери не стальные, как в камерах, а застекленные, и стекло между эком и родственником только одно, нет целого коридора и двух зарешеченных стекол, как было там.

Только на свиданке удалось наконец договориться, что мать даст хотя бы половину от семи тысяч, которые дурак – этот плешивый злобный хорек – требует за телефон, который он, как он уверяет, совершенно бескорыстно и лишь из одной жалости ко мне :))) взял у какого-то своего блатного дружка этажом ниже. Сперва была речь, что и сам он попытается найти какие-то деньги за эту «трубу», а если нужная сумма собрана не будет – просто отдаст телефон назад. Но теперь уже он выворачивает так, что, мол, его дружок нас благодетельствовал – дал нам «трубу» вместо того, чтобы дать кому-то другому, а кому-то должен купить за наши деньги, – как-то так, я точно не понял. Во всяком случае, ясно, что это бред и банальная разводка, – но хорек теперь повесил на меня эти недостающие 3,5 тыс. уже как мой ДОЛГ и требует любой ценой их тоже найти. Искать, естественно, негде, спрашивать не у кого, а если и надумаю, у кого спросить, – нет нужных телефонов...

А еще бо́льшая часть этой недели прошла у меня под знаком тихой внутренней истерики (тихой, но очень тяжелой), – вдруг возникло подозрение, что сейчас перекинут в большую камеру! Во вторник, 19-го, засранец, придя с прогулки, вдруг сказал единственному тут теперь парню, с которым он общается (переведенному вместо наркоши из 406-й), что какого-то из общего знакомого из 406-й же, которого засранец давно хотел затянуть сюда, в 408-ю, сегодня сюда переводят! Я, мол, видел его карточку, – сегодня точно переведут.

Если его сюда, где все места заняты, то, значит, кого-то и отсюда туда, верно? Кого же? Ясно кого – того, кого засранец ненавидит тут сильнее всего. И я забил тревогу. Сперва с телефона дурака (счастье, что был телефон!) пытался послать про будущий перевод СМС матери, – бесполезно, она не умеет их читать. Телефон Миши Агафонова, как назло, отключен. Пришлось позвонить Мане (и таким образом возобновить с ней общение, к ее огромной радости), попросить прочесть мо. СМС-ку матери, а потом она сама перезвонила и рассказала последние новости. Попозже прозвонилась мать, и вот тогда-то рассказала про завтрашние поездки, психэкспертизу, и пр., так что я даже сначала подумал, что меня уже забирают на 21 день на «Серпы».

Весь вечер сидел как на иголках, сам не свой, внутренне мертвый, в панике, готовясь, если «закажут» и поведут в 406-ю, бросить в коридоре вещи, отказаться туда идти, устроить скандал, потребовать вызвать кого-то из оперов, или ДПНСИ, или любое наличное в этот момент начальство, посадить меня на сборку до утра, и т.д. Хуже всего то, что весь этот «кипеж» слышно было бы в камерах, в том числе и в 408-й, и в 407-й, у «положенца». Сидел, ждал, сходил с ума весь вечер, до 11-ти, – не «заказали»! Обошлось?.. С очень тяжелым чувством шел я в камеру со сборки и на следующий день, приехав от Абоева. Придешь вот так – а тут уже матрас твой свернут и лежат чужие вещи... Но обошлось и в среду. В четверг я ждал уже не так трагически, не столько сжигая нервных клеток. А в субботу утром тот парень у нас из 406-й, поскольку ночью он стоит на «дороге» и читает «курсовые», сказал засранцу, что еще в пятницу вечером того их общего друга из 406-й перевели куда-то еще, – не к нам! Так что вроде можно хоть чуть-чуть, хоть ненадолго расслабиться (хотя опасно, конечно). И вот теперь не пойму, – может быть, засранец с самого начала имел в виду, что того переведут куда-то еще, а я не так понял и сходил с ума понапрасну?..

Настроение ужасное, конечно. Несмотря на всю поддержку друзей, на все усилия Корба, – с моим арестом и будущим сроком все уже смирились, как и в прошлый раз, и я это чувствую. Мать тоже не находит никакой более утешительной перспективы, чем «отсидишь и уедешь» – как будто это так легко, отсидеть минимум семь, а то и десять лет ни за что...

Завтра с утра должен прийти адвокат. Надеюсь, хоть этот раз обойдется мне без нервов...

3.3.13. (воскресенье), утро

Как же это могло так получиться? Как так вышло? Я всё размышляю на эту тему, всё рефлексирую, но ответа найти не могу. Не в аресте даже дело, и не в предстоящем сроке, а – как это могло так получиться, что вот уже под 40 возраст, вот уже, считай, и жизнь прошла (не в смысле биологического существования, а в смысле возможности еще совершить что-то существенное, чего-то добиться, кем-то стать...) – а итоги ее практически нулевые? Еще на воле я думал об этом – и тоже не находил ответа: всё это стало понятно еще тогда, к концу этих 20 месяцев между двумя арестами... Время подводить итоги, а итогов – нет; самое существенное (да пожалуй что и единственное), что останется от меня в итоге – это статьи в Википедии аж на трех языках, да с десятков пунктов в «федеральном списке экстремистских материалов», будь он неладен... Больше ничего. Даже книжку ни одну так и не удалось издать, – и теперь уже не удастся, это ясно...

Как ни странно, но, м.б., именно это полное отсутствие результатов делает чуть-чуть легче для меня бремя тюрьмы, перспективу долгих лет в лагере. Повезло, можно сказать: я не оставил на воле никаких незаконченных дел, начатых проектов, никаких невыясненных до конца отношений с другими людьми, вообще – ничего, о чем мог бы сейчас жалеть. Здесь я – политзаключенный, пользующийся все-таки определенным общественным вниманием. Там я был – никто, и звать никак, – именно потому, что за 38 лет жизни не сумел ничего достичь в глазах более или менее заметного количества людей. Я помню, как мне было всего 25, и этот бурный 1999-й год, когда всё только начиналось, и свой искренний юношеский задор, и эти, как тогда казалось, бескрайние, сияющие перспективы впереди. Создать организацию, собрать вместе лучших людей, озвучивать свои идеи, переплюнуть всех, кто что-то пытался делать на этой ниве до нас... Тогда всё это казалось вполне возможным, – а почему нет?.. И вот эти последние 20 месяцев на воле, после первого срока, всё окончательно расставили по своим местам. Старые активисты, кто еще хотел что-то делать со мной в 99-м, в 2000-м, – разбежались, попрятались или сникли; новые же – пришли такие, что (вместе со старыми, бывшими и 10 лет назад) итогом моей попытки участвовать в выборах «КС оппозиции» стало... ладно, лучше не будем. Большой подъем, невесть сколько ожидаемый всплеск общественной активности зимой 2011-12, с его требованиями «честных выборов» от

чекистского режима, с его торжеством коммунистов и русских нацистов, воссевших во всех «оргкомитетах» наряду с «либералами» и официально признанных ими, – ясно доказал, что Россия совершенно безнадежна, полностью мертва внутри, что даже лучшие люди ее заражены тем же имперским шовинизмом, что и коммунисты с нацистами, а следовательно – обращаться тут не к кому и спасти некого. Это ответ на все мои наивные юношеские надежды 1999 года...

Интересно, сколько поколений таких, как я, прошли этот путь, от энтузиазма до разочарования, за последние пару столетий мало-мальски цивилизованной уже истории России?.. Но на мои личные вопросы, увы, эта историческая закономерность ответа не дает, – тем паче, что я-то остался не просто у разбитого корыта, а еще и в тюрьме. Как вышло, что жизнь прошла впустую? Правда, когда мое письмо с упоминанием этой темы опубликовал в интернете Корб, – пошли комментарии читателей (часть их он мне процитировал), что, мол, Стомахин жил и живет на свете не зря. Спасибо на добром слове, друзья, но сам я считаю иначе. Увы, похвастаться мне нечем, и есть всего несколько человек, по пальцам сосчитать, которые искренне считают меня своим другом (впрочем, насколько искренне – я не знаю). Часть их за границей, я никогда не видел их живьем. А здесь, на воле – у меня не осталось ничего и никого, кроме только матери, но это, так сказать, не моя заслуга, это не я сам затеял...

Так ли я жил, как надо было, или надо было жить как-то иначе, – вот неплохая тема для рефлексии на вынужденном тюремном досуге. Времени, чтобы поразмыслить об этом, здесь достаточно; к счастью, оказалось, что мне не в чем себя упрекнуть. Я уже говорил как-то об этом Бородину, адвокату: перебирая всю свою жизнь, год за годом, месяц за месяцем, день за днем – я нигде не нашел никакой пропущенной мной развилки, на которую можно было бы свернуть – и жить по-другому, заниматься чем-то другим, прожить совсем другую жизнь – и достичь к сорока годам каких-то заметных результатов, не как сейчас... Ни одной такой возможности, ни одной развилки в своем прошлом я не нашел; я всегда занимался лишь тем, что было мне действительно интересно и важно, всегда шел прямым путем (и вот пришел... :). Я нигде себя не предал, не покривил душой – и ни о чем не жалею. Мне не о чем жалеть. Пал жертвой чудовищной русской истории, как и без счета многие до меня, – ну так что же?.. Не в том месте и не в то время родился, как пишет Нестеренко, – только и всего?.. Моей вины тут нет, – виновата эта проклятая страна, убивающая и калечащая судьбы своих лучших людей веками, а не я. Мне просто не повезло...

И тем мучительнее будет теперь это оставшееся мне биологическое существование, чем яснее я понимаю, что жизнью оно, увы, не является, что смысла в нем нет никакого. Отказаться от него, – поразительно, насколько это было практически нереально в лагере, и как легко это здесь – только вот никто не хочет помочь...

день

Открывание окна, вытирание крошек под всем тем, что постоянно стоит на столе (мои две пачки с рафинадом, в частности), расправление тряпки на полу дальняка и вытирание с самого дальняка брызг воды, – дурак продолжает вдалбливать мне все эти ритуальные эковские премудрости, когда засранец уходит на прогулку. Теперь он аргументирует так: когда его (дурака) в камере уже не будет (якобы он скоро уезжает) – неизвестно, кто сюда заедет, м.б., блатные, спортсмены, как засранец, и т.д., и за несоблюдение всех этих бытовых ритуалов мне тут могут разбить лицо. Да и поскольку с засранцем он теперь не общается, – то ссылается и на него: мол, тот высказывает недовольство нерасправленной тряпкой и т.п. мелочами (хотя с тех пор, как тот перестал разговаривать со мной и дураком – я ни разу не слышал от засранца чего-то подобного)... Бред, демагогия, психиатрия, нелепые ритуалы бессмысленных существ, тем с большей гордостью именующих себя «людьми», чем они бессмысленнее и чем меньше похожи на людей в реальности...

день

...На что же все-таки ушла жизнь?..

5.3.13., вечер, после 20 ч.

Вчера идиот (дурак) решил отправить «мою» «трубу» наркоше, в 406-ю. С этой тварью он с тех пор, как она была тут, дружит, переписывается, перезванивается и по телефону глумливо передает от меня приветы и «шутит» обо мне по-всякому, нимало не стесняясь моего присутствия. Мои протесты по поводу отправки телефона приняты во внимание не были, – мол, «я уже обещал». Подается это (обсуждали сегодня днем) под тем соусом, что, во-первых, дурак якобы вот-вот, якобы на этой неделе прямо уезжает в лагерь (а еще на днях он клялся, что вот-вот уедет на больничку на «Матросскую тишину») – а я, мол, смогу наркоше отправлять телефон, чтобы не забрали, или когда буду уезжать на «Серпы», и вообще, мол, – наркоша мне еще «пригодится». Возражения, что к этой мрази я не буду обращаться никогда, ни с чем и ни при каких обстоятельствах, – эта тварь тоже пропускала мимо ушей столько раз, сколько я это произносил.

«Дорога» теперь (последние дни) появляется только в девятом часу вместо семи вечера. Вот уже и «дорога» есть, – телефона нет, хотя дурак

обещал вчера, что наркоша, якобы, вечером пришлет сам, как появится «дорога». Спрашивать у него, как я понимаю, бесполезно...

Харя же, переведенная оттуда сюда вместо наркоши, только вначале казалась мне более-менее «нормальной». Сегодня под утро – я уже не спал, но лежал накрытый, лицом к стене – эта тварь, традиционно ходя по камере туда-сюда (она «ночная», видите ли, караулит ночью «дорогу»), стала вдруг тыкать меня в плечо раз за разом. Порядка десяти тычков, насколько я понял. Зачем? Типа, я «храплю», и она (тварь) меня не то что совсем будит, а этак слегка толкает, чтобы не храпел. Так же (только еще грубее) делала и та очкастая мразь, которую при мне первой забрали отсюда. Но дело-то в том, что я не спал, так что храпеть априори не мог, и даже если в таком состоянии вдруг всхрапнул бы – сам не мог бы этого не услышать. И тем не менее... Ей-богу, всех их, всю эту падаль и мразь – камеру, тюрьму, страну – я перестрелял бы собственными руками или засунул бы живьем в крематорскую печь...

7.3.13., 1-25

«Трубу» вчера эта мразь наркоша из 406-й прислал, хотя ждать пришлось долго. Но дурак повадился теперь отправлять ее ему каждый вечер, – вроде как от возможного шмона, но при этом не скрывая, что хочет, чтобы тот подонок тоже «решал свои дела». Мои протесты на эту плешивую мразь не действуют, – она только посмеивается и «шутит» в ответ...

8.3.13. День

Поразительно, но дурака все же заказали вчера вечером на этап и сегодня в семь утра увезли – в лагерь, в Смоленск, как ему удалось заранее выяснить. [Примечание 2020 г.: на самом деле в Тверь.] Сразу всплыли в моей голове все страхи, которыми он накачивал меня последние дни: что к засранцу сюда заедут такие же спортсмены, как он сам; что он постарается выкинуть меня из «хаты» через своих друзей-оперов; что он расскажет «мусорам» о моей «трубе» и ее специально придут забирать. Под утро, когда уже ушел дурак, пробил вдруг еще дикий страх, что он вот сейчас, как встанет, заставит меня перелечь на бывшее место дурака, тоже нижнее, – сейчас-то я сплю прямо под ним, а ему может захотеться, чтобы я был от него подальше. Это было бы для меня большой проблемой, т.к. на нынешнем своем месте я ем в основном на маленьком железном столике, приделанном между большим столом и моей шконкой. Там же – такого столика нет, и ночные ужины (яйцами, колбасой и пр.) были бы для меня очень затруднительны, приходилось бы садиться опять за большой стол. Но мысль о переселении, слава богу, не пришла этому уроду в голову.

Узнав, что утром дурак уезжает, я вчера вечером наотрез отказался дать

дураку отправить мой телефон наркоше в 406-ю, как он делал предыдущие два или три дня. Даже сам дурак после этого, следующим вечером, как установится «дорога» (в восемь вместо прежних семи), должен был каждый раз писать наркоше малявы, дабы выцарапать «трубу» обратно. Мне же ни писать ему, ни вообще иметь какие-либо дела с этой тварью было и есть категорически неприемлемо, – и я отказал, не дал «трубу», несмотря на все ворчание и ругань старого дурака. Чуть раньше, к счастью, он успел написать маляву своему блатному дружку внизу, в 306-й, и поручить меня, в том числе и в вопросе зарядки телефона, его заботам. (Это тот самый блатной, который и продал нам за семь тысяч телефон.) Так что сегодня вечером, с помощью того самого переведенного из 406-й «дорожника», эта волнительная процедура – отправка собственного телефона по «дороге» незнакомому блатному – предстоит мне в первый раз.

Мучают дурные предчувствия, смутные страхи о моем здесь будущем, – смогу ли я завтра (в ближайшие дни, точнее) не то что позвонить матери, но и с минимальным хотя бы комфортом, с сознанием моего права на это, просто перекусить, пообедать, выпить кружку чая... Унизительнее этих вот чисто местных, чисто бытовых тревог – о переводе в другие камеры и бараки в основном – нет в тюрьме и на зоне ничего, это я знаю еще с того срока. Дополнительное изощренное мучение, – вдобавок к пяти или семи годам неволи как таковой...

А до этого, пока еще не заказали вчера вечером дурака, – дозвонился наконец в лагерь Василевичу, моему буреполомскому «сигаретчику». Как я и думал, он за эти месяцы и звонил мне, и просил кого-то на воле поискать меня в интернете (где все мои аккаунты в русских соцсетях оказались заблокированы), недоумевал, куда же я делся, – и был, конечно, поражен тем известием, что я опять в тюрьме...

День, после 15-00

Тоска, невыносимая тоска... Опять, как и тогда, тем сроком... Всё то же самое, только еще тяжелее... Никакой собственный телефон (ненадолго, впрочем) тут уже не будет радовать, когда голову сверлит неотступно только одна эта мысль: как я опять так влип?! За что?! Как это могло случиться?.. Ответа, увы, нет, и от этих вопросов, от ясного сознания полной безнадежности ситуации хочется выть... Жертва чудовищной русской истории, и другого объяснения тут нет, как и другого гордого звания, кроме «диссидент». Обычное, типичное диссидентское дело... Но мне оно, увы, не оставляет выбора: «нет, не всякая жизнь лучше смерти» (Буковский). Мать, что она будет делать без меня? Я должен поддерживать ее в будущем (на воле) за то, что она так активно поддерживает меня сейчас, – считает Миша

Агафонов. Это его основной довод против моих суицидных планов. Увы, он просто не представляет, через ЧТО мне предстоит опять пройти, – да, собственно, и уже прохожу, и все эти гадкие, липкие утренние страхи, – что выкинут из камеры, переселят куда-то, не пустят за стол, загонят под шконку, в «петушатник», и т.д.и т.п. – всё это абсолютно несовместимо с человеческим достоинством, а значит – для уважающего себя и сознающего своё достоинство человека – и с жизнью...

9.3.2013., утро, после 12 ч.

Как ни странно, но первый опыт прошел вчера удачно: с помощью этого «дорожника» из 406-й удалось беспрепятственно отправить «трубу» вниз, тому блатному, которому обо мне писал дурак, и получить ее назад заряженной. Мне этой ее зарядки должно хватить надолго, но всё время почему-то кажется, что она у меня только до конца выходных (сегодня суббота), что как только начнутся будни – ее сразу же заберут. Дурак, да и мать, могли быть правы, подозревая, что засранец может просто настучать «мусорам», что у меня есть телефон и где я его прячу, – так просто, из одной подлости. Сегодня с утра, после проверки, эта злобная тварь орала на меня за то, что я, видите ли, не вынес на проверку и не выбросил буханку вчерашнего хлеба, – она лежала на высоком «слонике» «дальняка», слева от выхода, а я, выходя, нагнулся, чтобы справа поднять с пола пустую бутылку, так что налево вообще не смотрел и буханки этой не видел. Он, по всей видимости, не заметил ее и сам, почему и решил сорвать злость за свой промах на мне. А хлеб тюремный эти двое решили теперь вообще не брать, так что если бы у меня не было сандвичного хлеба из ларька, то бутерброды с колбасой и паштетом было бы просто не с чем есть. Четвертого же, вместо уехавшего дурака, пока еще не привели (но, думаю, приведут уже в понедельник к вечеру), – и, как подсказывает предчувствие, ничего хорошего мне приход этого четвертого не сулит...

Тоска, страшная тоска, смертная, невыносимая, еще хуже, чем в тот раз. Нет ни перспективы, ни надежды. А потом, в лагере, не будет и единственной возможности разом покончить со всем этим, разорвать этот замкнутый круг судьбы. Сейчас эта возможность есть, но помочь – принести мне сюда яду – никто не хочет. Отговаривают, уговаривают, приводят аргументы... Но что аргументы, любые слова и доводы – в сравнении вот с этим состоянием постоянного внутреннего напряжения, вечно натянутых нервов – натянутых потому, что 24 часа в сутки находишься среди существ, откровенно или скрыто враждебных тебе, а у тебя вызывающих омерзение одним своим видом...

Да, решился наконец-то вчера вечером поискать этого Олесинова,

политзаключенного антифашиста, о котором слышал еще на воле, а потом Каретникова сказала, что он сидит где-то здесь. «Дорожник» написал «поисковую» на этом их уголовно-блатном жаргоне, которым я не владею, – а обычным русским языком тут писать, видимо, нельзя. И что же? Быстро пришел ответ, что он еще в феврале уехал на Бутырку. Еще одна смутная надежда на возможность хоть как-то позвонить, дать о себе весточку на волю, если опять припрет, – рухнула...

10.3.13., 15-35

Третий день сидим втроем, и каждое утро начинается для меня с мучительного, почти истерического какого-то предчувствия беды, – то ли шмона, то ли перевода в большую камеру, и т.д. Всё пока тихо, но это лишь пока не кончились выходные (сегодня воскресенье).

Весна, с утра солнце вовсю бьет в окна, а впереди – лето... Живо вспоминается тот срок, 2006-й год, лето, 509-я камера и солнечные блики и зайчики по ее стенам. Тогда, в то лето, глядя на это солнце, на небо и вид за окном, – мне порой казалось, что всё как-то обойдется, что я выберусь и всё будет хорошо... Сейчас иллюзий уже нет совершенно никаких, сейчас еще тяжелее, и от солнца в том числе. Летом, и вообще когда солнце, хорошая погода, – неволя чувствуется острее и мучительнее, это я уже знаю. Тем более, когда совершенно не ощущаешь за собой никакой вины, и искренне – несмотря на то, что всё давно знаешь: Россия, диссидентство, тоталитаризм, сталинизм, казни за критику властей, и пр. и пр. – не можешь понять, за что сидишь, за что же тебе такая участь... Никаким вот этим, о чем всё время долдонит мать: ты сам виноват, знал, на что шёл, и т.д. – здесь даже не пахнет. Да, я знал, в какой стране живу, какие здесь от веку порядки, знал уже на собственном опыте, отсидев пять лет за слова. Но я никак не ждал, что они решат докопаться до текстов, висящих на недоступном им зарубежном сервере, специально для этого сделанном. Да и вообще, разум нормального (не русского и не советского) человека не может это вместить: тюрьма за слова и мысли, за статьи, интернет и самиздат, – так что мучительное чувство недоумения – за что же я все-таки сижу? – не отпускает меня, а с ярким солнцем делается еще острее...

11.3.13., 14-45

Этот ублюдок засранец избил-таки меня сегодня, часов в 11 утра, когда ему и мне принесли ларек. Сперва прицепился, почему я не заказываю в ларьке средство для мытья посуды и полов, – я спросил, как называется. Он напоследок успел еще спросить, давно ли я держал в руках веник – и пошел месить. Четыре удара по голове со всей силы, над правым глазом – красный след. Завтра он едет на «суд», ко мне обещал прийти адвокат, – придется

наконец «ломиться» с этой «хаты» и требовать спрятать меня в одиночке где-нибудь.

13.3.2013, утро

Перевели вчера в 525-ю, на первый этаж нового корпуса. Так закончилась история с избившим меня подонком засранцем и вообще почти три с половиной месяца пребывания в 408-й.

Ублюдок этот уехал вчера с утра на «суд», четвертого к нам так и не закинули, мы сидели вдвоем с «дорожником» из 406-й. На проверке я тихонько сказал «мусору», что мне срочно надо поговорить с опером, и через некоторое время опер действительно меня «выдернул».

Я рассказал ему, в ответ на его вопрос, об избииении накануне. Но оказалось, что он уже и так знал: то ли из ОНК с утра позвонили в тюрьму то ли они сами где-то в интернете вычитали, – я точно не понял. Но ведь действительно, – первую СМС я послал Мане сразу же, как после избииения этот ублюдок ушел на прогулку, с просьбой закинуть информацию в рассылку, а уж оттуда это разошлось. Санникова, звонившая мне вечером, сказала, что эта новость уже обошла весь интернет, поставлено сообщение на «Гранях», и т.д. Так что не удивительно, что до «мусоров» на следующее утро эта информация тоже дошла.

Опер оказался отъявленным подонком: про мою просьбу об одиночной камере сразу заявил, что у них это не предусмотрено и он ответственность на себя не возьмет; после этого начал расспрашивать меня, за что я сижу, чем занимался на воле, чем вызван конфликт с засранцем Горшениным, и т.д. В то же самое время в 408-ю он послал, оказывается, человека (или двух? но не больше) со шмоном – искать телефон, с которого я, как они поняли, накануне передал информацию на волю. При этом, что возмутило меня больше всего, эта мразь стала вдруг уверять меня, что никто меня не бил, это все мне, видимо, почудилось, а на лбу у меня, якобы, никаких следов нет (на самом деле красный след вчера еще был), – типа, я сам там натер, расчесал, и т.д., а от четырех ударов этого здорового качка по голове я якобы просто рассыпался бы. Мразь – она мразь и есть, что те, что другие, и это я знаю давно...

Повел меня заодно и к местному врачу (какой-то таджик, но прилично говорящий по-русски) – осмотреть телесные повреждения, но тот, конечно, их не обнаружил, о чем и написал бумажку (справку?). Идя из кабинета врача обратно в кабинет начальства на этаже, я прошел мимо 408-й – дверь была открыта и внутри, кажется, стояла стремянка, а на ней – шмонщик, и «дорожник» внизу, единственный оставшийся в камере и на шмоне экз. Потом опер и этот шмонщик пришли в кабинет (придя от врача, я

некоторое время сидел там один) – и заявили мне, что нашли телефон!

Предлагал мне опер следующее: маломестная камера на новом корпусе и никакой одиночки. Я настаивал. В конце концов все же договорились, что, пока мой вопрос решает начальник тюрьмы, я пойду в камеру собирать и забирать свои вещи (мой план, что я туда уже не войду, а вещи потом принесет хозотряд, с треском провалился, – после шмона надо было идти собирать все расшвырянное и раскуроченное). «Дорожника» вывели в «локалку» в конце коридора, где 410-я и 411-я, и я пошел (а он стоял там и видел, как я входил и выходил из камеры). Собрал всё и вынес в зарешеченный закуток – тоже «локалку» – как раз напротив 408-й. По ходу собирания вещей быстро сунул руку в матрас – мой телефон цел! Быстро полез в тот конверт, где лежала «симка» – цела! :))) Плохо же вы шмонаете, ребята! :))) Таким образом засранец за избииение меня оказался наказан потерей телефона (забрали как раз его «трубу», хранившуюся в дыре на потолке) – и поделом!..

Только собрал все вещи в «локалку», завели «дорожника», я сел на свой свернутый матрас, – приходит какой-то «мусор» вести к начальнику. Оказалось, тот был «у оперов» – коридор как раз за тем, в котором комнаты для адвокатов, за железной дверью в дальнем его (коридора) конце, на «следственном корпусе». Начальник оказался неожиданно молодым и, как мне говорила еще мать после похода к нему, производил более-менее положительнее впечатление, – по крайней мере, не хамил открыто. Тем не менее, один из нескольких бывших с ним в комнате (оперов?) тоже стал меня уверять, что, мол, никто меня не бил, а я, типа, всё это сам выдумал. Для чего же? – спросил я. – А чтобы в одиночке сидеть. Подонки...

Тем временем начальник тоже заявил мне, что одного посадить не может, – но не потому, что боится, а потому, что нет мест, одиночных же камер не предусмотрено. Посадит, мол, на новый корпус, а главное, подберет специально сокамерников: немолодых, спокойных, не блатных, не живущих «воровской жизнью» (это не его цитата, а мой пересказ), которые не будут «держатъ дорогу» и по ней получать со старого корпуса какие-то инструкции по расправе со мной. Волей-неволей мне пришлось согласиться, хотя требовал одиночки я долго и настойчиво, сдался отнюдь не сразу. Спросил, нельзя ли тогда уж посадить с Ковязиным – политзаключенным по «болотному делу», журналистом из Кирова, с которым из 408-й, еще в лучшие мои там времена, где-то в начале, один раз говорил по телефону, – он сидел, оказывается, вместе с подельником засранца. Нет, и с ним нельзя, – он первоход, а я уже ранее судимый. Плюс – эта тварь Хорев, начальник, услышав, что я хочу написать на засранца

заявление в прокуратуру об избиении, фактически вынудил меня написать заявление о переводе в другую камеру, а в нем указать, что ни к администрации СИЗО, ни к бывшему сокамернику претензий я не имею. Казалось бы, что ему мои претензии к избившему меня подонку? – ан нет, это может, оказывается, отразиться и на их «учреждении», – ну да, допустили такое...

Затем отвели обратно, в закуток напротив 408-й, где лежали вещи, и там я просидел на своем скрученном матрасе до самого вечера, пока «решался вопрос». Наконец, привели двух пацанов с хозотряда – тащить мои многочисленные вещи – и, захватив по дороге остальных двух сокамерников, мы двинулись в путь.

Сокатерники не понравились мне с первого взгляда. Эти твари «мусора» и их Хорев, конечно же, просто обманули меня: взяли никаких не тихих-спокойных-пожилых-не блатных зэков, бизнесменов каких-нибудь,, как думал я, помня «пятерку» и 2006-й год, – а попросту взяли двоих «красных» из «красных» «хат», оба мои ровесники, 1974 г. – и посадили их со мной. Это выяснилось из их разговоров тотчас же, как только мы пришли на место, в 545-ю. К тому же, у одного из них от срока в семь месяцев осталось сто дней, и он рвется в лагерь, то бишь, скоро уедет; второй тоже намыливается куда-то ехать, хотя сроку у него 4,5 года по 228; это значит, что нынешних, подобранных, сокамерников скоро не будет, а кто заселится вместо них – хрен знает. При этом наркоманами со стажем оказались оба, – и тот, что по 228, и тот, что с семью месяцами по 158-й ч.1.

Насчет «дорог» тоже всё оказалось враньем. Едва зашли – какой-то голос с акцентом уже стал нас звать сверху, через дыру в потолке; а потом несчастному наркоману по 228 пришлось стоять больше часа на батарее у открытого окна, откуда несло морозом, и «удочкой», тоже спущенной сверху через ту же дыру, ловить за окном их же, верхних соседей, «парашют» (полиэтиленовый пакет на нитке, носимый ветром; а «удочкой» был кусок жесткой проволоки, загнутой на конце, а другим концом примотанной к деревянной рукоятке). «Парашют» постоянно сносило вправо – видимо, у верхних соседей форточка в правой стороне окна, тогда как у нас в левой), поймать его за столь долгое время так и не удалось, после чего «удочку» забрали и попытки прекратились. Второй сокамерник – с семью месяцами, но с пятью судимостями и 15-ю отсиженными годами в прошлом – при этом демонстрировал здоровый подход к проблеме: ну их на фиг, закрой окно, а то холодно, сил нет!.. (тоже не цитата, а смягченный пересказ).

Самым неприятным сюрпризом тут оказалась видеокamera в углу, над

дверью, а самым приятным – что на ночь, с 22 до 6 утра, тут гасят свет и включают ночник. От последнего я был просто в восторге! С окна, под которым стоят шконки и головой к которому приходится спать (наконец-то подушка, облокоченная об тумбочку в изголовье, никуда не съезжает!), страшно дует, хотя с виду оно закрыто вполне герметично и все стекла, конечно, на месте. Что же до видеокamеры – когда этот новоявленный «дорожник» час с лишним висел на окне и шарил в нем «удочкой», никто из «мусоров» не прибежал и даже не подошел, хотя «межкамерная связь» – серьезное нарушение режима. Так что непонятно, работает ли она вообще, следят ли за ее картинкой на мониторе постоянно – и если да, то на всё ли сразу реагируют, или вообще ни на что. От этого зависит возможность пользования здесь счастливо спасенным телефоном, к которому, однако же, нет зарядника, что делает пользование это очень проблематичным.

Уже час, наверное, сижу пишу всё это, – ни проверки, ничего. К 11-ти должна прийти на свиданку мать, и я уже начинаю нервничать, где же она. Телевизора тут нет, спать без него, конечно, гораздо лучше, – но время, увы, тут узнать негде, ориентироваться можно только по включению света в шесть утра и выключению в десять вечера.

А так – камера вполне приемлемая, не такая узенькая, как 408-я, есть где походить. Неудобно, правда, что рукомойник стоит не внутри «дальняка», как обычно, а снаружи, да и сама раковина очень маленькая, хлипкая и неудобная, – чтобы стирать, видимо, около нее специально стоит вделанная в пол табуретка. Но жить вроде можно.

14.3.13., утро

Вчера прямо с проверки повели на свиданку с матерью, а оставшихся двоих – в баню, т.к. накануне был банный день (вторник), но мы заехали только к вечеру и баню пропустили. Мать сообщила «приятную» новость: завтра (т.е. уже сегодня, 14-го) меня опять повезут к суке Абоеву, следователю, на какой-то «дополнительный допрос», или что-то такое, точно мать, конечно же, не запомнила. Остается сидеть и ждать, когда начнется это путешествие на весь день.

После обеда вдруг заглянул какой-то «мусор» и сказал, что сейчас, мол, к нам зайдет начальник. Потом, позже, пришли вдруг еще какие-то начальственные хари в мундирах и повели меня куда-то, не объясняя, куда. Но мои смутные предположения подтвердились: пришла-таки ОНК в лице Каретниковой и какой-то бабульки с ней, уже виденной мною раньше, и им таки хватило ума сперва вызвать меня побеседовать отдельно (под бдительным присмотром трех «мусоров», следивших за нами точно с таким выражением харь, как вороны на дубу) – а не идти сразу в камеру. Я

рассказал им весь инцидент с избиением, а также про то, как меня маленько обманула администрация, посадив фактически в «красную хату». Потом они зашли и в камеру, посмотрели лично условия содержания, тоже вместе с «мусорами», и ушли. Мне еще в коридоре, во время личной беседы, Каретникова сказала, что Зоя Светова собирается ответить на моё письмо, всё-таки ею полученное, и даже оформить мне подписку на «The New Times». Ну что ж, значит, моя шальная идея написать ей оказалась не совсем уж бесполезной.

На завтрак сегодня дали гречку, которую, слегка подсолив, вполне можно было есть. Тут получается так, что я и ужинаю раньше, из-за отсутствия часов (вчера, как раз когда готовил себе ужин, тушенку с лапшой б/п, из перекрикивания соседних камер выяснилось, что время без десяти минут 12, – как раз то, что надо, тогда как в 408-й я только начинал ужинать в полпервого ночи), и встаю раньше, успевая к завтраку, а после него, когда соседи в ожидании проверки опять ложатся спать, успеваю еще вести вот эти записи в дневнике.

Но одна вчерашняя новость таки вывела меня из равновесия: оказалось, что после прощального шмона в 408-й пропал мой блокнот! Там были все телефоны (хотя пока что от них и мало проку), адреса, отслеживание получения и отправки писем, всякого рода личные записи, и т.д и т.п. Похоже, что его просто украли.

15.3.13., утро

Ну вот и съездили вчера... Мразь Абоев навесила-таки мне давно обещанную 280-ю статью, вменив еще несколько моих текстов, самых лучших, написанных в этот промежуток на воле, в 2011 еще году, – «Вторая Гражданская», «К топору» и «Время героев». Еще, значит, плюс пять лет к сроку; всего получается 12, и даже путем любого частичного сложения – это будет 10, не меньше...

Что делать, совершенно непонятно. Надо, конечно, бороться, поднимать на ноги всех, разворачивать кампанию в защиту... Но при этом и я, и все остальные прекрасно понимают: никакая кампания всё равно не поможет. Это государство просто вернулось опять к своему исконному, традиционному состоянию: тоталитарный монолит, не прошибаемый ничем (кроме, м.б., только пластида); и никакие еще Совком подписанные договора и пакты о правах человека этому состоянию не мешают, как не мешали и в совковые времена. Ничего сделать нельзя, это ясно. Но согласиться сидеть «десятку», тем паче после уже отсиженной «пятерки», тем паче – просто за слова, за свой образ мыслей, – тоже невозможно, это совершенно неприемлемо и унижительно для человеческого достоинства.

Что же остается? По-видимому, только одно: сознательно пожертвовать собой, принести себя в жертву этому Молоху. Закрывать лавочку, как сказал я матери на последней свиданке...

P.S.Разумеется, оформить доверенности на Эделева и Корба эта мразь тоже не разрешила.

16.3.13., утро

Зашел вчера все-таки адвокат, – после обеда, когда я уже и ждать перестал. Времени поговорить нам с ним было дано чуть больше 20 минут, после чего подонки стали натурально выгонять всех из комнат, чуть не силой: у «мусоров», видите ли, пятница – короткий день...

Написал вчера дурацкое письмо Мане, – зачем? сам не знаю. Просить о помощи, попав в эту беду, – но она мне не поможет, чем она может помочь? Помогать политзэку в такое время, как сейчас, тем паче ездить к нему, – нужны и здоровье, и деньги, а у нее ни того, ни другого...

Вот когда проняло так проняло!.. Ложился вчера спать – еще вроде ничего, еще мог даже чему-то улыбаться. А проснулся сегодня утром, – лучше бы не просыпался, ей-богу!.. «Башню рвёт», как говорят зэки, – тоска невыносимая, отчаянная, запредельная... Восемь лет впереди, это в лучшем случае, если не все десять... Весь мой разум, вся плоть, каждая ее клеточка отторгают эту чудовищную перспективу, всё во мне, каждая клеточка, криком истошным кричит от отчаяния при одной мысли о такой перспективе, – да только снаружи не слышно... Отчаяние на грани сумасшествия, и я не знаю, какой еще должна быть защитная реакция организма, поставленного в такие условия, перед такой перспективой... Сойти с ума, потерять чувствительность к окружающему, перестать понимать, кто ты, где, и что с тобой, – мне кажется, единственный выход (не считая суицида, конечно, но это все же сознательный, осмысленный акт). Навалилась такая громада горя и отчаяния, такая огромная, невместимая разумом беда, что сам я, мое сознание просто не в силах ее вынести. Да, единственным разумным выходом остается суицид, и, м.б., именно для того, чтобы я не корил себя всю оставшуюся жизнь за тот первый раз, когда так позорно не смог решиться, уже назначив сам себе даже дату, – судьба и дает мне еще один шанс, еще одну невыносимую эту потребность, когда другого выхода просто нет...

Адвокат «порадовал», кстати, что на амбулаторную экспертизу повезут на Бутырку; а сосед по камере – что туда «заказывают» с вечера и выводят из камеры в шесть утра, сидеть несколько часов на сборке. Еще одно путешествие на весь день в наручниках, как было только позавчера...

Смерть представляется мне единственным разумным выходом из

создавшейся ситуации, – в этой дикой стране, где в принципе нет правосудия...

17.3.2013, утро, после проверки

Моя жизнь кончена, и сегодня с утра я нашел наконец способ расстаться с ней окончательно и бесповоротно, вопреки всему и всем – матери, адвокату, «друзьям»... Но я даже здесь не буду писать, что это за способ, что именно я придумал, – дабы не помешали, не воспрепятствовали, да и – позору меньше, если опять сорвется, опять не получится, не хватит духу... Но теперь вроде должно хватить, я на это крепко надеюсь. Это и будет тот аутотренинг, которым мне советует заниматься Деревянкин, – в письме, присланном Майсуряном. Тренировать себя, чтобы не струсить еще раз, чтобы всё получилось... Вопрос только, стоит ли ждать до приговора, или прямо сейчас, – совет того же Деревянкина назначить себе отдаленную дату и идти к ней постепенно в 2008 году уже сыграл со мной злую шутку...

Но всё же без цианида, который никто не хочет мне доставать, тоже можно обойтись, оказывается (хоть это и труднее). Настроение, вчера совершенно чудовищное, до взрыва мозга от боли, отчаяния и смертной тоски, от этой находки сразу улучшилось. Выход есть! – как есть и шанс, что лагерь все-таки не получит меня ни на десять лет, ни на девять, ни на восемь... Не получит мою душу, чтобы поганить ее, как в тот раз... Нет, теперь я убедился, что всё, случившееся со мной, имеет, имеет-таки смысл: этот шанс, еще один, дан мне, чтобы я не жил до конца своих дней с сознанием того, что я полное ничтожество, тряпка, не вспоминал всё время, как свой позор, ту несбывшуюся дату: 19-е мая 2008 года, не отсчитывал, сколько я уже лишнего, незаконного времени прожил на этой земле!.. И нет ничего смешнее этих рассуждений Деревянкина в том же письме Майсуряна, что, мол, даже если я освобожусь через десять лет, то у меня все равно впереди еще большое будущее. Увы, как раз будущего-то и нет, и не только через десять лет, но даже и сейчас, – уж в 39 лет-то это можно понять со всей очевидностью: что если не сложилось ничего до сих пор, то, значит, и дальше уже ничего не будет. И именно поэтому я отдаю свою пустую, никчемную, несостоявшуюся жизнь без всякого сожаления...

А до приговора, мне всё же кажется, ждать не стоит...

18.3.13., утро

Принести себя в жертву, – а что тут еще остается?.. Да, надо будет отдать свою жизнь, это совсем не больно, и не страшно, и не жалко, наоборот – это совершенно необходимо, и какой будет страшный позор, какой ужас, если я опять не решусь этого сделать – и окажусь в лагере, где-нибудь за тридевять земель, с приговором на девять, на десять лет, и тогда уже поздно будет, там

уже не будет возможно ничего... Надо успеть сейчас, пока это легко, пока в камере всего два соседа, любители поспать до проверки, и я достаю, оказывается, аж до 13-й перекладки, а не до 12-й, как думал вчера... Вот это и есть, наверное, тот аутотренинг, которым советовал мне заняться Деревянкин... Да, надо отдать свою жизнь, другого выбора нет, и я сделаю это с радостью, чтобы избавиться от гораздо худших мучений, от унижений, – лишь бы это получилось чисто технически... За те тексты, которые мне инкриминируют, – а это шикарные тексты, очень хорошо написанные, я горжусь ими, особенно последними, 2011 года, по 282-й, и каждое слово в них – правда, – за них мне совсем не жалко и умереть, если только так можно доказать, что они – настоящие, что это была не игра, что в них я действительно вложил свою душу и писал именно так, как думал... Что ж, всё настоящее, подлинное в жизни – оплачивается кровью, или еще чем-то таким, дорогим, и вот я своей пусть и бескровной смертью, – заплачу истинную, честную цену за то право, которым пользовался при жизни: право говорить всю правду в лицо... Я сказал ее достаточно, и пришла пора платить по счетам, – и я сделаю это с радостью, повторяю, лишь бы всё удалось технически, лишь бы не помешали проснувшиеся соседи... Всё равно терять мне нечего, жизнь моя кончена, в роли пророка в своем отечестве я не был востребован – в точности по пословице, – а в чужом, если доживу, не буду и подавно. Нет, жалеть не о чем, я хочу, именно ХОЧУ умереть, и именно здесь, в этой камере, не попасть в лагерь, не быть там битым, – вот только способы мне «друзья», отказавшие в помощи, оставили самые тяжелые, мучительные и ненадежные, – будьте вы прокляты, дорогие «друзья», за это...

Вчера, в воскресенье, после обеда, совершенно неожиданно, зашел Бабушкин. Поинтересовался, что с моим делом, пообещал поговорить с Трепашкиным и Гефтером, посоветовал, куда обратиться по поводу бесплатных экспертиз в мою защиту (Независимый экспертно-правовой совет Мары Федоровны Поляковой, о которой и на воле я много слышал), – и вроде слегка развеял мою смертную тоску и апатию на какое-то время. Но не насовсем, конечно, – увы, я понимаю, что даже соединенными усилиями всех правозащитников мира, не то что России, вытащить меня, увы, нельзя, судьба моя уже определена, я полностью в когтистых лапах этого государства – и по дешевке, ценой меньшей, чем жизнь, от него откупиться не получится...

Отправил вчера это дурацкое письмо Мане (лишний повод упомянуть ее здесь, она это так любит). Посчитал – получит она его не раньше первого апреля, учитывая, что отправляют отсюда письма, оказывается, в течение

трех рабочих дней. Но ничего, вопросы в нем будут актуальны и тогда, и еще долго... А завтра, значит, предстоит веселенькая поездка в наручниках (или нет?) на Бутырку, на экспертизу...

21.3.2013, утро

Годовщина первого ареста и первого освобождения. Два года назад уже ехал домой – и это был самый счастливый день в жизни... А вчера исполнилось четыре месяца, как сижу опять...

19-го возили-таки на эту психэкспертизу. Из камеры вывели в седьмом часу утра, из коридора на лестницы – ровно в семь, а в ментовскую машину посадили только во втором часу дня. Всё это время мы сидели на маленькой сборке (бывший карцер) с художником, сидящим за убийство (что-то связанное с попытками отобрать у него квартиру, в которой он живет один), 47 лет, тоже едущим на экспертизу, но уже на «Серпы», т.к. с вещами. Позже посадили еще какого-то молодого парня, который, видимо, тоже ехал по этой же части, ибо был явно невменяем – всё время разговаривал вслух сам с собой, махал руками, нёс какой-то бред, обращаясь к проходившим мимо «мусорам» и т.д., хотя с художником под конец этого времени говорил вполне нормально. М.б., косил?..

Наручники в этот раз, видя, что я с палкой, вообще не надевали, даже в машине. Конвой попался не бибиревский, а ростокинский (бибиревский бы надел обязательно, как бывает каждый раз). Начальник конвоя сказал, что узнал обо мне только полдвенадцатого, – а тюрьма знала уже накануне и «заказала» на шесть утра, суки!.. Укачало меня в этой машине даже сильнее, чем в прошлые разы, так что в какой-то момент (ехали уже обратно с Бутырки) я даже испугался, что начнет рвать, – хорошо хоть, что ничего не ел в этот день.

Начальник конвоя волновался, названивал Абоеву, – в бумагах было написано, что я должен быть доставлен на «экспертизу до трех часов дня, не позже, а то врачи уйдут; а на въезде на Бутырку стояла такая очередь машин, что могли не успеть. Но все же звонки Абоева бутырскому начальству подействовали, – нас запустили чуть быстрее; врачи же были уже предупреждены и ждали меня.

Мне оказалось гораздо интереснее посмотреть – впервые в жизни – внутренности Бутырки, ее старинные сводчатые залы и галереи, чем с ними разговаривать. «Экспертиза» больше походила на допрос по моему политическому делу, чем на медицинское действие. Старая бабка – видимо, главная у них – и врачиха помоложе, у которой на халате было вышито, что она из больницы им. Алексеева (бывшей Кащенко) всё допытывались у меня, почему это я, мол, отсидев уже пять лет, никак не унимаюсь,

продолжаю писать такие «агрессивные» статьи с «призывами», да что я намерен делать после освобождения (через десять лет, ага!..); да к какому политическому направлению я принадлежу, какова моя, так сказать, политическая программа, методы ее реализации (когда в ответ я начал говорить про выборы – ЕСЛИ бы они были нормальными, хотя бы как в 90-е гг., а не как сейчас, про нормальную регистрацию партий и т.д. – врачиха помоложе выразила что-то вроде разочарования и недовольства, что я в статьях пишу про взрывы и убийства ментов, а ей говорю про выборы, – так, видимо, им труднее представить меня невменяемым психом. :) Спросили даже про мой взгляд на революцию 1917 года и «смену строя» в 1991-92 гг., и ответы записали. Ну, конечно, кроме того – но гораздо меньше, чем в 2006 г., например – спрашивали про детство, про школу, про отношения с окружающими тогда и сейчас, сослались даже на какую-то древнюю характеристику, данную мне в школе (не знаю даже, в какой из). По всем их данным выходило – и они мне меня же так и пытались представить – что я человек «необщительный», этакий угрюмый бука, замкнутый в себе. Они мне пытались навязать этот образ и у меня как бы искали ему подтверждения, – ну а я их, разумеется, разубеждал, уверяя, что, наоборот, я человек вполне себе общительный, ну прямо душа нараспашку. :) Много еще всякой такой чепухи они спрашивали, всю ее я уже и не помню. Очень их пекло, что я не прекращал писать свои крамольные статьи даже в лагере (как это следует из подписей к написанным там текстам), и они всё докапывались, как это мне удавалось их оттуда передавать, был ли у меня там компьютер, и т.д. :) Я всё вспоминал и не мог вспомнить, как называется это философское течение (позитивизм, кажется), на котором базируется их позиция: типа, если есть уголовные статьи 280, 282, 205.2 и пр. – то они априори правильны, разумны и их существование не подвергается ни малейшему сомнению; я же, нарушающий их и уже второй раз за это попадающий в тюрьму, вроде как сознательно ломающий себе этим жизнь, – ясное дело, кандидат в психи. Что сами статьи могут быть неправильными, преступными, не имеющими права на существование, а действия людей, их нарушающих, могут быть духовным подвигом, хотя и в ущерб собственному здоровью, благополучию, и комфорту, – сторонникам такого «позитивизма» даже в голову не приходит, и я не стал ими это объяснять, чтобы не усугублять ситуацию еще больше. Врачиха из Кащенко и так была недовольна, что я всё время уклоняюсь от ответов на ее каверзные вопросы (на самом деле они были очень общими, необъятными, и я каждый раз просил конкретизировать). Но, надеюсь, хотя бы мое «уклонение» вместо того, чтобы бухнуть сразу всё, что я думаю про них, про

свое дело и про это государство, – убедит их всё же в том, что психически я здоров и вменяем. Вердикт своей «экспертизы» они мне, разумеется, сообщить отказались, заявив, что я узнаю его у следователя, – но меня гложет предчувствие, почти уверенность, что они не дадут окончательного вердикта – и придется ехать еще и на «Серпы», как было и в 2006 г. Пусть это будет и не настолько мучительный этап, как тогда, – но и сейчас я не могу таскать никаких тяжестей, да и сам еле хожу, в машинах укачивает, и т.д., так что горя еще придется хлебнуть немало...

Уезжая с Бутырки, захватили с собой какого-то здоровенного мужика – и повезли его «судить» в бибиревский мировой «суд», на ул. Пришвина, т.е. в пяти минутах ходьбы от моего дома! Выезжали с Бутырки – было полпятого вечера. Парня этого в Бибиреве «судили» часа, наверное, три, не меньше, а я все это время ждал в машине, в полном одиночестве. Хотя время от времени там и включали печку, но всё же под конец этого сидения я сильно замерз и в таком состоянии начал не только философствовать про себя и грезить, как обычно, но уже почти галлюцинировать. Однако в целом я чувствовал себя неплохо, ни есть, ни пить не хотелось, и было совершенно безразлично, сколько я еще просижу в этом железном гробу на колесах и что будет со мной дальше, – вообще, в глобальном смысле. Наконец закончили, поехали в «Медведково». Меня посадили, как я теперь обычно прошу, на отдельную маленькую сборку (а «мусора» считают, что я «красный» и мои просьбы объясняются эти, но обычно не отказывают), и мне стало казаться, что они могут меня там и забыть на всю ночь, так что пришлось несколько раз стучать и спрашивать их, когда, мол, пойдём, – просто чтобы напомнить о себе. Я просидел там явно больше часа, скорее ближе к двум; потом еще до камеры добирались страшно долго, с промежуточным запираем части народа с нижних этажей корпуса в «локалку», так что в камеру к себе я вернулся только в 20 минут первого ночи.

Наутро, только я успел съесть курицу гриль, заказанную матерью в ларьке и ждавшую меня с вечера (я боялся, что она испортится), – приятный сюрприз: открывается дверь, и «мусор» спрашивает: кто вчера не был в бане? Пойдешь? Видимо, сокамерники сказали ему накануне, когда я из-за этой поездки на целый день пропустил уже второй раз баню. Взял вещи, пошел. Баня у них тут вполне приемлемая, комфортная, даже воду горячую и холодную не надо долго регулировать, как на старом корпусе; два отсека по четыре отдельных душевых кабинки – чтобы можно было сразу помыться восьмиместную камеру, а больше, чем восьмиместные, на этом корпусе нет.

Ближе к обеду – еще один приятный сюрприз: вызывают на следственный корпус, – значит, пришел адвокат. Я и не ждал его так скоро,

так что радость была неожиданной и оттого особенно приятной. Правда, ничего важного он мне не сообщил, наоборот, сам расспрашивал про (поза)вчерашнюю экспертизу, решения которой, конечно, тоже еще не знал. Принес мне свежую прессу и блокнот, как я и просил, – толстый, здоровенный (не во всякий карман влезет), но, к сожалению, китайский, а не итальянский, как у меня был тем сроком (мать привозила на зону).

Все эти события двух последних дней так заняли голову, что вроде как на время развеяли мои мрачные мысли о будущем. Но это лишь иллюзия, конечно. Да, будущего нет, срок определен, всё известно заранее, – и по-прежнему остается только один путь, не запланированный Системой заранее, один-единственный выход, который может сломать их заранее ясную игру, спутать им карты – и спасти мою душу, что для меня гораздо важнее. «Принести себя в жертву – а что тут еще остается?»

Будущего, увы, нет, жизнь кончена, – есть только, так сказать, загробное будущее, уже априори посмертное: этап из тюрьмы в лагерь, например. Или отправка на 21 день на «Серпы». Или «суд», на котором, правда, из своего небытия, из этого затемненного стеклянного аквариума, какие сейчас стоят вместо решетчатых клеток в Мосгор«суде», можно на время увидеть живых и даже помахать им рукой...

22.3.13., утро

Да, тут и впрямь можно сойти с ума, – и умереть стоит уже хотя бы затем, чтобы этого (гораздо худшего) не случилось. Без связи, в полной изоляции, не зная, что там происходит, на воле (и происходит ли вообще что-нибудь, – по поводу моей защиты, похоже, нет), в жуткой этой компании уголовников (хотя нынешние еще ничего)... Жуткая эта весна, мучительная... Впрочем, уже была одна такая, – в 2007 году. Кошмар... Жизненный тупик, полный, стопроцентный, и выхода нет... И должного мужества нет, чтобы воспользоваться тем единственным выходом, который еще предоставляет судьба... или природа. О-о, для этого нужно немалое мужество, и все, кто думает, что это, мол, так легко, – попробуйте!..

Жизнь не задалась, не сложилась с самого начала, я это хорошо помню, – и вот пришла к своему закономерному финалу. По-другому и быть не могло. Никакой идеальной гармонии и красоты, о которой твердят церковники, в мире нет, а есть только мрачный, нелепый и зловещий хаос, – в котором, м.б., тоже есть свои законы. И по этим законам нелепости и хаоса, – еще в июле 2003 уголовное дело по поводу меня закрыли, а уже в ноябре – не закрыли, хотя всего-то четыре месяца прошло. Что изменилось, что сдвинулось за эти четыре месяца? Арестовали Ходорковского, – вот разве что... И так во всем.

Умереть, умереть, умереть... Отдать свою жизнь ни за понюх табака, – как всегда отдавали в России жизнь лучшие ее люди. «Не предавайтесь особой унылости...» Аутотренинг по Деревянкину. :)) Что ж, возможность есть, и всё теперь зависит от меня самого, – а я не уверен, что смогу, хотя знаю, что НАДО, и не уверен, надо ли ждать не то что приговора, как хотел я еще недавно, а даже предъявления мне полного обвинения. Если момент будет упущен – меня ждут все круги ада, которые невозможно даже вообразить, – гораздо хуже, чем в прошлый раз, и я исключительно сам буду виноват в своем попадании в них...

Умереть, уснуть... Жизнь кончилась не 20 ноября прошлого года, как говорит мать, а гораздо раньше.

А ларек, заказанный матерью еще в понедельник, 18-го, эти суки вчера так и не принесли, хотя как раз вчера истекали их «три рабочих дня», в течение которых, как сказал местный «мусор» в день прихода Бабушкина, они должны приносить заказ. Только вот горячее на следующий день – пиццу, курицу-гриль, пирожки и яйца, – это да, было, пока я ездил на Бутырку. Сегодня пятница, и если и сегодня к вечеру не принесут – продержаться до свиданки 27-го и следующего заказа станет не так-то просто...

Не хочу жить и сидеть в тюрьме, в лагере, в неволе. Не хочу! Не хочу!! Не хочу!!!...

23.3.13., раннее утро

Еще даже не включили свет, но на улице уже совсем светло. Весна... Эту ночь почти не спал, – так, час или два от силы; остальное время просто лежал без сна. Вроде и свет тут гасят, и никто особо не мешает, – но вот поди ж ты, не могу заснуть. Видимо, это от предчувствия страшного будущего, от чего еще...

Вчера наконец-то вызвал к себе опер – тот самый, что хотел «познакомиться» со мной еще 14-го, вскоре после моего переезда на этот корпус. [Примечание 2020 г.: опера зовут Силивонец Владимир Николаевич, родился 22.4.1986 года в городе Гомель на Беларуси.] Спрашивал про здоровье, какие есть жалобы, почему ко мне обязательно заходит ОНК (Каретникова, в частности) при каждом визите, и т.д. Сказал, что ему уже пришла какая-то бумага – от следователя, видимо, от кого ж еще – что я тут пользуюсь сотовой связью, и если придет еще одна, то он будет со мной «воевать». Я жалел потом, что не сообразил попросить его показать мне эту бумагу; впрочем, едва ли он показал бы. Я так понял, что бумага эта – насчет как раз того случая с избиванием меня в 408-й, ибо всё прочее моё общение отсюда по телефону в прессу не попадало, только этот случай. Увы, но на

мой вопрос об условиях отъезда на «Серпы» и возвращения оттуда – сказал, что вещи какие-либо можно будет оставить на их вещевом складе, а вот матрас – нет: его надо будет сдавать. Очень печально; что ж, придется попробовать оставить его кому-нибудь в камере, хоть это и тоже рискованно.

Приведя меня обратно, опер тотчас выдернул к себе и одного из сокамерников – наиболее ушлого, наглого, прожженного, сидящего седьмой раз и бывшего в лагере под Ржевом, по его словам, пять лет нарядчиком жилзоны. Тот, как сам рассказал, вернувшись, играет активно в карты, на том корпусе обыграл каких-то двоих, потом их вроде бы побили, – в общем, с картами оказались связаны какие-то инциденты, и опер ему строго сказал: «Не играй!».

Вернулся этот тип от опера быстро, но не с пустыми руками, а с телевизором – мечтой обоих. И началось!.. Начался долгий процесс настройки, перетаскивания с места на место, мучительных попыток заставить работать это старое и полностью раздолбанное «чудо техники». После долгих мытарств его поставили на верхний пустой ярус моей шконки, в ногах, ближе к столу, и от присоединенного к нему моего кипятильника (с первого же дня в этой камере отданного в общее пользование и висящего над столом) он кое-как, без цвета, мутно, с шипением, но начал что-то показывать. Оба наркомана – мои сокамерники – тут же уселись его смотреть и были счастливы; впрочем, надолго их не хватило, вскоре оба вернулись к чтению библиотечных книжек Донцовой, а эта бандура работала весь день неизвестно для кого. Счастье еще, что когда им, а потом и мне кипятильник вечером понадобился по прямому назначению – кипятить чай – его всё же выключили и легли спать, решив сегодня выпросить у «мусоров» специально под антенну еще один, – типа, наш сгорел.

Но самым большим разочарованием для меня было, когда вскоре после приноса телевизора этот бывший нарядчик сказал мне, что через него не получится заряжать телефон, как он же сам уверял раньше (что, мол, любой телевизор для этого подойдет). Оказывается, нам нечем и отвинтить крышку, и тем более – припаять внутри проводки к плате. Обидно, увы, но сидение с телефоном, но при этом без связи продолжается...

Пока писал всё это – уже развозят завтрак и «заказывают» гулять, но свет почему-то так и не включили. Забыли, или сломалось что-то? Ночник, однако, горит, то бишь – электричество есть. Уже часов семь точно, восьмой час...

В среду предстоит свиданка с матерью, – час, который пролетает

момента, не успев начаться. Всё, что забудешь или не успеешь там сказать, – уже только через несколько дней, через адвоката, в письме... Заказ вчера так и не принесли, письма тоже, – от матери, опущенное здесь же, в магазине, еще в понедельник, от Корба, от Мани (если они написали, конечно), от Маглеванной...

Тоска страшная, невыносимая, нечеловеческая. Верными оказались мои предчувствия еще 2006-2007 годов, еще в той тюрьме, – что прежней жизни уже не будет, она сломана навеки, разрушена первым моим арестом – и уже никогда не вернется, даже если сам я физически и вернусь однажды домой. Так и вышло – эти 20 месяцев были не жизнью, а мытарством, полным отсутствием прежней жизни, ее бледной тенью. А теперь, если честно, я и совсем уже не могу представить, чтобы я когда-нибудь еще, даже выжив и освободившись, снова стал жить в нашей прежней, родной для меня московской квартире; сама мысль об этом стала мне вдруг противна до отвращения...

Вот уже и свет включили, и завтрак принесли, – несъедобные макароны...

Если я выживу... Это не факт, даже вряд ли, – ведь единственным способом спасти душу свою от лагерных проверок, уборок и бесконечного глумления подонков является – пожертвовать телом, отдать свою жизнь... Но пусть эти мои записки останутся и после меня – даст бог, их кто-нибудь наберет и повесит – свидетельством того, ЧТО довелось пережить, как это всё чувствовалось изнутри, в моей душе, как ощущалось, что думалось, что мучило и жгло... Живая иллюстрация к вечной судьбе российских диссидентов, отдававших столетиями свободу и жизнь за право вольно мыслить и говорить, – вот как оно реально ощущалось, это существование в тюрьме, эта миссия, эта судьба...

Я хочу умереть! Я хочу умереть!! Я хочу умереть!!! – ибо другого выхода, другого избавления от страданий, увы, судьба мне не оставила. Аутотренинг по Деревянкину :) Огромное желание прямо сейчас – пока оба соседа спят – вынуть из пола доски и полезть с веревкой на окно, не дожидаясь не обвинения, ни приговора, вообще ничего...

24.3.13., утро

Воскресенье. Я чувствую, что уже буквально с ума схожу от этого сидения без связи, без писем, в полной неизвестности. Жду, как манна небесной, этой свиданки в среду, зная, что она опять пролетит, как одно мгновение, и ничего не успеешь ни спросить, ни сказать, а половину просто забудешь... Письмо, кинутое матерью в ящик тут же, в тюремном магазине, в прошлый понедельник, не принесли до сих пор, – в лучшем случае его принесут только завтра, в понедельник следующий, и получится, что

непосредственно тут, на тюрьме, оно валялось неделю, а то и больше. Обед стало невозможно жрать из-за соевого мяса, а ларек не несут уже тоже целую неделю, а вовсе не «три рабочих дня», как сказал мне «мусор» в последний приход Бабушкина. Плюс – грядущее удовольствие тащиться со всеми вещами на «Серпы», а потом обратно, и отвоевывать себе нижнее место в камере, да еще чтобы то самое, где я сплю сейчас, а не другое... Нервы мои уже на пределе на исходе, я больше так не могу, – главным образом угнетает, конечно, отсутствие связи, что при наличии телефона и дико, и грустно, и смешно...

Вчера вечером сообщили по ТВ, что в Лондоне умер Березовский. Причина смерти непонятна, – кто говорит инфаркт, кто – самоубийство. 99,99% уверенности, что умер он не сам, конечно, – вот и до этого своего врага Лубянка добралась и, видимо, отравила чем-то, как Литвиненко в свое время... Не зря же только недавно тут про него по всем каналам крутили какой-то похабный фильм, где обвиняли его во всех грехах, , во всём, что сделала или пыталась сделать Лубянка – включая убийство Юшенкова и взрыв штаба Ющенко в Киеве в 2004 году – путем интервью с какими-то мутными личностями, сидящими к камере спиной или с нарочно затемненными лицами. Еще одно из тех преступлений Лубянки, которые не забываются – и приближают ее конец. Троцкий, Коновалец, Бандера, Яндарбиев, Литвиненко, Качиньский, теперь вот – Березовский...

Да, всякий смысл потеряла эта жизнь – моя, имею я в виду – здесь, в заключении, с гигантским сроком впереди и без всяких других перспектив. Всё кончено, увы, – осталось только ненужное мучение, от которого никак не избавиться. Вспомнились сегодня с утра почему-то мемуары Буковского, – как сидел он под следствием во Владимире, в одиночном карцере, еще не зная ничего о том, чем всё кончится, – его пребывание в СССР; ныне-то этот финал всем известен. Что его поддерживало тогда, как он смог выдержать всё это? Откуда брались силы? М.б., имело значение и то, что он был тогда еще молодой, его отсюда выдворили всего-то в 33 года, а этот эпизод был еще раньше... Мне такое прощание с родиной, такой финал, увы, не светит, за счет интернета страна стала куда более открытой, прежний железный занавес уже невозможен – и нет надобности защищать идеологическую чистоту режима и страны, выгоняя диссидентов на Запад, – достаточно стало просто держать их в тюрьмах и лагерях. Тем более таких, как я, за которых Запад не особенно-то и заступает...

Не могу! Не могу!! Не могу больше!!! Нет больше сил – надо наконец решаться, срезать эту чертову веревку, делать из нее петлю, привязывать к решетке, пока соседи спят, – но и на это нет душевных сил, достаточной

решимости. Чего я боюсь? Ясно чего: того, что эта попытка сорвется, не получится, а следующей уже не будет, не дадут, – по крайней мере, в обозримом будущем. Эх, если бы только было надежное, верное, стопроцентное средство, я бы тотчас... Но проклятые «друзья», которые только притворяются друзьями, не хотят искать и передавать мне сюда цианид, всё надеются на что-то, не хотят избавить меня от страданий... Да и мать тоже... Все они там, на воле, в комфорте и тепле, подбадривают меня и думают, что я как-то опять перенесу все эти годы мучений и унижений, – не задумываясь даже, надо ли мне это вообще, и для чего... О матери нечего и говорить, – она готова спасти исключительно мое тело, духовной составляющей для нее не существует вовсе, это я понял еще тем сроком... Будь прокляты такие друзья и спасители, которые отказывают страдающему в настоящем спасении и избавлении и с жаром стараются как можно дольше продлить его муки, думая при этом, что «помогают» ему...

25.3.2013, утро, до завтрака

Понедельник. Тоска дикая, невыносимая, мучительная, несовместимая с жизнью. С нее начинается каждое утро, и так же было в тот раз. Теперь каждое утро, просыпаясь еще затемно, я думаю: чего же я, черт побери, жду, почему не срезаю эту чертову веревку и не лезу с ней на окно, пока соседи спят? То ли обвинительного заключения жду, чтобы узнать, какие у них точно «доказательства», то ли еще чего, то ли боюсь, что попытка эта сорвется – и другой у меня уже не будет, не дадут, будут следить и днем, и ночью... А в душе, конечно, понимаю, что всё это – липа, туфта, отговорки, призванные замаскировать мой животный страх, ужас расставаться с жизнью. Страшно, да, очень страшно, но – надо! Судьба дала мне шанс реабилитироваться за тот позор, за этот несбывшийся май 2008 года, – и надо использовать этот шанс, чтобы потом не жить всю жизнь, презирая самого себя. Я уже это испытал в полной мере – жизнь с презрением к себе в душе – и больше не хочу. Да, в конце концов, минута-другая мучений, удушья в петле, – не хуже же это, черт возьми, чем десять лет в лагере, с его проверками, уборками, выносом баулов в каптерку, среди сотен глумливой мрази и биомассы... Надо просто потерпеть один раз – и всего этого уже никогда не будет. Мне кажется, если бы я сейчас узнал, что не будет этой дурацкой поездки на «Серпы» (еще одна отмазка, – не хочется бесплодных попыток перед экспертизой, а то там за это уцепятся...), я бы решился быстрее и бесстрашнее, наплевав на всё...

Сегодня, по идее, все-таки должны принести ларек от 18-го, еще прошлого понедельника (!), и письмо матери, опущенное прямо здесь тогда же. Но – уверенности нет. Это всё дополнительно сводит с ума и отравляет

существование, – этот быт, заботы о жратве... Будь она проклята, вся эта жизнь, на веки вечные!..

Написал вчера утром одним махом, как осенило, это открытое письмо в «КС оппозиции». Передать его можно только через адвоката, значит – еще несколько дней ждать. По совести – я не знаю, нужно ли это письмо вообще, хорошо ли оно получилось, а главное – не уверен, что дорогие мои «друзья» в рассылке вообще захотят его распространять, как я прошу, не решат, что это мне во вред и т.д., как они решали это в тот раз с моими статьями. Писем, кстати, я жду и от них тоже, не только от матери; как минимум – от Мани и Корба, которые по-разному и по разным причинам, но проявляли этой зимой наибольшую активность и желание со мной переписываться через это самое «ФСИН-письмо». Однако же, как я понял, желание это у них быстро заглохло и активность сошла на нет. Единственные, кто пишет более-менее регулярно (тоже жду) – Майсурян, шлющий пачками распечатки, и Миша Агафонов.

26.3.13., утро, до завтрака

Разговорился вчера утром с этим сокамерником, бывшим нарядчиком. Он сказал, что десять лет мне, конечно, не дадут, больший срок у меня поглощает меньший, и т.д. Полез в УК – искать статью про частичное сложение, поглощение и т.д. Нашел. Действительно, если все «преступления» небольшой и средней тяжести, то при частичном сложении общий срок не должен более чем в полтора раза превышать самый большой из имеющихся сроков по отдельным статьям. То бишь, пять лет по 205.2 ч.1 + еще половина от этих пяти лет. Выходит семь с половиной – все-таки не десять и не девять. Хотя, по совести, в такое снижение не очень-то верится, – чтобы по всем трем самым «экстремистским» статьям можно было отделаться всего-то семью с половиной годами – да еще по смягчающему обстоятельству (инвалидность матери) побороться за то, чтобы скинули и эти полгода. Однако же некоторая – не скрою – радость, испытанная мной при первом чтении этой статьи УК оказалась все же далеко не столь значительной, чтобы я решил отказаться от моих планов... тоже почти несбыточных, увы. Семь лет – это тоже очень много, особенно вдали от дома, где-нибудь в уральской глуши, и без материальной поддержки из дома, которую, я предчувствую, на этот раз оказывать будет просто некому...

Дошли вчера, наконец-то, письма – от Мани (электронное, от 21-го числа), от Майсуряна (№6) и от матери, опущенное в ящик здесь же, в тюремном магазине, еще в прошлый понедельник, 25-го. Если хоть что-то и может на меня заметно повлиять – то это такие вещи, как приписка Павла Люзакова

к письму Майсурына. Кратенько он мне написал, что желает мне спокойствия, выдержки и мужества. Знал бы он о моих планах!.. Ничего, скоро узнает... но пока еще не в связи с их осуществлением, увы.

Принесли наконец-то и ларек, тоже от 18-го, прошлого понедельника. На мой вопрос ларечница недовольно ответила, что она работает одна и не может всё приносить в тот же день, – так что, видимо, следующего ларька, который мать закажет завтра после свиданки, тоже надо будет ждать не меньше недели, до следующей среды. К тому же, мать и в тот раз заказала далеко не всё и не в тех количествах, как надо было бы. Чаю и сахара, в частности, не взяла вообще, а они-то как раз у моих дорогих сокамерничков уходят со свистом, – в частности, исчерпав весь найденный в камере чай (оставленный предшественниками), один из них, конченный наркоман и тупое, бессмысленное быдло, – словом, животное – не нашел ничего лучше, как начать варить чифир из моих чайных пакетиков, беря сразу по 5-6 штук и высыпая из них чай. Мои бульонные кубики, выставленные сразу всей упаковкой на стол, он тоже употребляет без всякого стеснения – сразу целый кубик на тарелку с всего-то одним черпаком баланды, тогда как я никогда не клал за один раз больше полкубика. Второй – бывший нарядчик – надо признать, держится гораздо скромнее. В общем, кончится еще одна, последняя, не начатая пока пачка сахара – и будем сидеть дней десять или больше только на пайковом, которого небольшое количество баландер насыпает в завтрак – и наркоман густо посыпает им каждый раз утреннюю кашу...

Завтра наконец-то свиданка, новости, события... Не удивлюсь, если вердикт бутырской «пятиминутки» я не узнаю еще и завтра. Тем не менее, отвратительное предчувствие неизбежного этапа туда, с неподъёмными вещами в одной руке и с палкой в другой, не оставляет меня. Жизнь кажется безнадежной и бессмысленной... да, в сущности, такой и является, несмотря на ритуальные заверения матери (во вчерашнем письме, например), что будущее у меня еще есть, есть, непременно есть, как же без него... Она просто верит в то, во что хочется верить, во что верить легче всего, упрямо закрывая глаза на факты и пряча голову в песок, как страус. На самом же деле – увы, всё действительно безнадежно, и даже семь лет сроку вместо десяти – совсем не та перспектива, с которой я могу безропотно смириться...

28.3.13., утро

Ну что ж, приходила вчера мать на свиданку. При мне, прямо из свиданочной кабинки, звонила адвокату Бородину, – благо, не отдала при входе сумку и телефон, как там требуют, а я помнил цифры Бородина наизусть. Он позвонил суке Абоеву, потом перезвонил матери и сказал, что

результаты моей «пятиминутки» Абоев еще не получил (что меня волновало в первую очередь), а на «продлёнку» (продление ареста «судом») меня повезут на этот раз не первого апреля, а почему-то четвертого. Впрочем, с этой твари станется и обмануть нарочно...

В общем, всё прошло сумбурно и не так, как хотелось бы, да и время там всегда пролетает мгновенно, и обсуждение, что именно заказать в ларьке, отнимает слишком много времени. Несмотря на годы моих проблем, годы рассказов, уже отсиженный срок и т.д. – мать только на этой свиданке с удивлением узнала от меня, что на «Серпы» на экспертизу кладут на 21 день, а не на один и вечером обратно, как она думала...

Березовский уже мертв, а лидер «Ашрам Шамбала» Константин Руднев из Новосибирска уже сидит – получил в феврале аж 11 лет строгого режима. Тем не менее, и мертвых, и сидящих своих врагов (реальных или мнимых) это сусловско-геббельсовское телевидение продолжает упорно поливать грязью. Вчера выпустили зачем-то на экран целое «ток-шоу» (заранее инсценированное, конечно) против Руднева, с целью доказать, какой он монстр, насильник и т.д. А его организация – «тоталитарная секта», где детей (совершеннолетних!!) побуждали отказываться от родителей, «рвать социальные связи» и т.п. Что тому де самому учит и библия («и враги человеку домашние его»), никто почему-то не вспомнил. На редких сторонников Руднева (его адвокат на процессе и какая-то девушка, его ученица) набрасывалась вся толпа присутствующих на этой паскудной программе, причем особо подчеркивалось, что «секта», мол, хоть и «обезглавленная», но продолжает действовать, последователи Руднева, мол, не сдаются. Что это, если не ясный призыв к арестам и этих «последователей», трудно даже представить. О происходившем внутри «секты» рассказывали разные ужасы люди, якобы там побывавшие, а о свободе совести, как и о тотальной зачистке всех конкурентов РПЦ в России – никто даже не вспомнил. Я лично горжусь, что, будучи еще на воле, как мог, своими скромными силами защищал этого Руднева, – узнав о нем, сразу же внес его в список политзаключенных, а когда еще делал «РП» (в сентябре 2011 – он тогда уже был в тюрьме и под «судом» – как раз тот номер, что сейчас признал «экстремистским» «суд» в Омске) – внес и его скандальное дело о подавлении свободы совести в России («Война против свободы совести»).

Что еще? Тошно и тоскливо на душе, как обычно, и нечем помочь, и не вырваться никак из этого капкана... Будет ли эта веревка еще на своем месте, когда я приеду с «Серпов»?.. Сплю очень плохо, всё время просыпаюсь, а этот быдлак, бывший нарядчик, сказал мне сейчас, проснувшись, что, мол,

ночью я якобы сильно храплю и он теперь будет меня будить. Скотина...

Будет веревка или нет? Цианида, во всяком случае, явно не будет. Больно, мучительно, унижительно так, это далеко не лучший способ – но куда же деваться? Спасать надо душу, а не тело, пока это еще возможно. И всё время вспоминаются почему-то фотографии с этого озера Нарочь, куда мы с матерью так и не съездили...

29.3.13., утро, до завтрака

Приперлись вчера, после обеда, двое со шмоном, стали тщательно рыться под полами (несколько досок тут поднимаются), потом прозванивать металлоискателем матрасы, нашли и забрали мой телефон. Страшно горько и обидно было, хотя ничего не поделаешь. Месяц и девять дней всего лишь пробыл он у меня, часть из этого времени – у того дурака из 408-й, что всё убеждал меня: мол, через заштрихованную карандашом бумагу металлоискатель его не прозвонит. Прозвонил, да еще как, – я мог лично, своими глазами и ушами в этом убедиться. И хотя не было зарядника, и из-за этого я звонил с него тут, на новом корпусе, всего один раз, – всё равно, теперь еще глуше стала тут изоляция от внешнего мира, от матери, друзей, от бывшей когда-то жизни, которая, увы, прошла, без возврата прошла. Остались, увы, только эти стены, решетки на окне – да еще спасительная веревка, спасибо судьбе и за это, вот только хватило бы у меня наконец духу... Горько и тоскливо на душе.

Да плюс – к ночи вчера разболелась ужасно распухшая десна, – слева, сверху, над тем зубом (зубами?), что болел у меня в начале прошлой осени. Снизу, где зуб уже давно разрушен, опухало и раньше довольно часто, и в тюрьме уже в том числе, но так сильно никогда не болело. Даже есть вечером, перед сном, было невыносимо больно, хотя жую я, естественно, на другую сторону. Огромных усилий стоило, уже лежа в постели, как-то унять эту боль, чтобы заснуть, – а таблетки мне пить не хотелось, дабы не привыкать к ним уже сейчас, пока боль еще хоть как-то можно терпеть. Но опухоль за ночь не спала, как спадала опухоль на нижней челюсти с той же стороны, а как бы еще и не увеличилась, и сейчас, пока пишу все это, я опять чувствую там боль. А ведь мне как раз предстоит сейчас есть (вчерашнюю курицу-гриль), так что и на весь сегодняшний день, я чувствую, мне хватит этих неожиданных и нелепых мучений...

30.3.13., утро, до завтрака

Прибежал вчера утром на проверку местный опер, мы уже успели зайти в камеру, он вошел вслед за нами – и сразу же стал спрашивать у меня, как же это я, мол, «впорол косяка» (или как-то так), у меня, мол, нашли телефон, и т.д. Пообещал посадить меня в карцер и ушел. Я не понял, сейчас ли

прямо, за этот телефон он меня посадит, или постарается найти другой предлог (а на посадку в карцер есть очередь, хотя там, говорят, и целых 50 одиночных камер). Но после некоторого размышления решил, что как только услышу решение о посадке меня в карцер – сразу же объявляю сухую голодовку, причем с требованием освобождения не из карцера, а вообще из СИЗО, как мне давно, еще в январе, приходило в голову. И пусть как хотят. Спросил у бывшего нарядчика, сидящего со мной, какие могут быть ответные действия с ИХ стороны. Он сказал, что бить и кормить насильно (самое неприятное) вроде не должны, а будут, мол, с тобой «разговаривать». Ну что ж, пускай приходят, поговорим. На всякий случай я кратко, без указания причины, описал эту ситуацию в ответе Виктору Корбу, письмо которого наконец-то вчера получил, – но ответ этот можно будет отдать «мусору» только завтра вечером, в воскресенье. А утром в понедельник, когда он, дай бог, отдаст его в цензуру, – уже могут с утра и посадит в карцер...

Сокамернички мои вчера часов до 12-ти ночи, если не позже, смотрели по своему убогому телевизору концерт в честь 65-летия Винокура. Я уж думал, что придется ложиться спать под это пение, – но, слава богу, пока я ужинал и пил чай, концерт таки кончился, и телевизор они выключили.

Между прочим, я заметил, что бывший нарядчик, хоть он и гораздо адекватнее наркомана (но при этом его можно отнести к широко распространенной категории злобных, слыша, как он общается с наркоманом), – общается в основном с наркоманом. Постоянно третирует его, насмехается, порой открыто глумится – ну да, ему, как и всем таким, нужна жертва для постоянного вымещения на ней своей злобности, – но разговаривает в 90% случаев с ним, а не со мной. Про наркомана же и говорить нечего, – тот тоже общается в основном с этим своим мучителем. Со мной, очевидно, им общаться неинтересно и не о чем: невооруженным глазом они видят глобальную разницу между мной и ими – и инстинктивно, должно быть, предпочитают общаться в своем кругу, с особями собственного интеллектуального уровня, не выше. Ни малейшего желания узнать от меня что-то принципиально новое, набраться чего-то полезного, узнать хоть что-то о моей жизни – у них не возникает, судя по тому, что вопросов они мне практически не задают (вот разве что наркоман просил узнать у моего адвоката, куда ему еще писать жалобы на свой приговор). Притом, что нас в камере всего трое, – они умудрились замкнуться от меня, вдвоем в своем уголовном мирке, обсуждать лагерь, где был нарядчик, или общих знакомых по этой тюрьме, и т.д. Это – к вопросу о «просвещении народа», «мессианской деятельности» среди

быдла, «народ должен сделать западный выбор, потребовать продолжения гайдаровских реформ», и т.д...

31.3.13., утро, до завтрака

Вот и прошла уже четверть года... Скорее бы... Время, вперед!..

Каждую ночь теперь приходится ждать, пока эти уроды сокамернички насмотрятся телевизора, досмотрят до конца очередную передачу или фильм, которые, как выясняется, меньше двух часов сейчас не идут, и хотя бы один из них – бывший нарядчик – решит, что пора спать. Идея выключения телевизора принадлежит в эти дни (вечера) ему, наркоман же готов смотреть всё подряд до утра – а спать, естественно, днем, он и так днем спит очень даже неплохо. Вчера, например, они смотрели некий слезливый фильм о не сложившемся за 15 лет и наконец (к концу фильма) сложившемся чьем-то семейном счастье. Начался он, не было, кажись, и девяти вечера, а закончился – по моим ощущениям, было уже часов 12 ночи. С ужином своим ежевечерним я теперь тоже вынужден ждать, выключат они телек или нет (как в 408-й ждал, пока к двум часам ночи кончится проклятый футбол, – дико вспомнить...) – после еду этой надо ложиться спать, иначе через некоторое время опять проголодаешься; спать же под телевизор, да еще даже с неубавленной громкостью, я не могу, и просить их убавить ее тоже не хочу, это унизительно, – приходится невыносимо долго ждать, лежа на шконке и изнывая... Эти-то оба относительно скоро уедут – но страшно подумать, ЧТО тут будет при сокамерничках новых, которые застанут здесь этот телевизор с самого начала...

Тюрьма, тюрьма, будь ты проклята, как же тоскливо просыпаться в тебе!.. Сегодня (по вышеназванной, видимо, причине) проснулся позже обычного, – свет уже горел. Как же тут по-прежнему невыносимо, когда впереди – еще минимум семь лет и никакой надежды... В отличие от того раза, – там была хоть какая-то, пусть очень смутная, но надежда, и в камере регулярно оставляли одного (остальные шли гулять), а вот веревок там никаких не было. Здесь надежды нет, а веревка есть, и больше всего меня мучает вопрос, почему и до каких пор я откладываю и буду откладывать то, что задумал как искупление за тот раз, за несостоявшийся май 2008 г. На этот раз нельзя опять проявить такую же слабость, – но я всё тяну и тяну, моё сознание занимает то посадка в карцер, то поездка на «Серпы», то грядущее окончательное обвинение – и так далее, без конца. Надо, надо кончать с этим затянувшимся недоразумением, закрывать, наконец, лавочку, – но я боюсь и оттягиваю, причем боюсь вполне обоснованно, – что первая же попытка, сорвавшись, тем самым станет и последней, а больше не будет ни веревки, ни этих сонных утренних часов, ничего... А впереди еще минимум

семь лет, и позволить себя снова закатать на них, так ничего и не противопоставив этому их подлomu, до автоматизма отработанному сценарию – нельзя никак. Жизнь кончена, будущего нет, жалеть мне не о чем, терять тоже нечего, – но вот беда, физически разделаться с этой опостылевшей жизнью я никак не могу, и никакие аутотренинги пока что не помогают...

Связи так и нет, как не было даже до шмона и пропажи «трубы», а без нее жизнь (?) тут совсем невыносима. Хотя... кто знает, ЧТО хуже: не иметь связи совсем – или звонить регулярно и узнавать, что у них там, на воле, по моему делу ровно ничего не происходит и никаких новостей нет...

АПРЕЛЬ 2013

1.4.13., утро, до завтрака

Понедельник. Если не сегодня, то в четверг должны везти в «суд» на «продлёнку». Пока лежал, еще не включали свет, пришла опять эта мысль: а чего я, собственно, жду? Своят – и что, если попробовать прямо в пятницу, на следующее же утро? Притащить доску из пола, встать на нее, повыше привязать к решетке веревку – и вперед!.. Чего еще ждать, каких обвинений, приговоров и т.д.? Дождусь только того, что пропадет эта веревка, так удачно подвернувшаяся, легально висящая, – а другую взять будет негде...

Сокамернички продолжают общаться исключительно между собой, причем бывший нарядчик всё более агрессивен к наркоману (спасибо, что не ко мне), а тот уже совершенно не стесняясь просит у меня (вчера) сразу и кетчуп, и майонез, когда баланду дают такую, что они хороши к ней. По ночам они продолжают минимум до полдвенадцатого смотреть всякие сентиментальные фильмы про любовь, а наркоман не прочь смотреть что-нибудь и после 12-ти.

Запасы же жратвы возобновятся теперь неведомо когда. Ларька от 27-го еще нет (м.б., принесут сегодня).

Пока писал, привезли гречку – единственный здесь съедобный завтрак, так что хоть поел...

Так вот, ларек от 27-го будет то ли сегодня, то ли в среду 3-го апреля, то ли неведомо когда... А вот дальше... Мать узнала, видите ли, что Корб перевел собранные им в интернете шесть тысяч Мише Агафонову – и, естественно, тут же решила, что пусть он и заказывает мне ларьки в интернете, а ей, мол, самой сюда ездить заказывать тяжело. Тяжело, конечно, кто бы спорил; но, во-первых, ни яиц, ни пирожков, ни вообще всего, что приносят горячим (теплым), в интернете нет, только здесь; во-вторых же – интернетовские заказы несут еще дольше, чем обычные. Хотя – теперь уже и так не имеет смысла то, что я хотел на том корпусе: заказ как весточка от нее – что вчера приезжала и, значит, всё в порядке. Это там носили на следующий день, а тут – я увижу число, в которое она приезжала, в лучшем случае дней через пять...

Надо, надо отдать эту жизнь, опостылевшую, никчемную, пустую, всю уже известную наперед. Надо наконец решиться это сделать – раз уж «друзья» так упорно не хотят помочь с цианидом, с легким вариантом. Пара-тройка минут мучений – и всё, и не надо уже семь лет сидеть, терпеть унижения, битые, насмешки!.. Только бы не оборвалась веревка, – вот чего я боюсь больше всего, вот из-за чего откладываю этот манящий, желанный

акт всё дальше и дальше... Да, немного аутотренинга по Деревянкину :) : надо отдать эту постылую жизнь, чтобы освободиться уже от всех тюрем навсегда! Надо!.. Надо!.. Надо!.. Всё равно это не жизнь... Пусть меня освободят, наконец: вывезут в морг 20-й больницы, поблизости, и это будет вполне достойный итог моей неудавшейся жизни; больше я абсолютно ничего не хочу...

2.4.13., утро, до завтрака

Вторник. Пустота, бессмыслица, одиночество, отчаянье... Закончить бы поскорее эту жизнь, нелепую, неудавшуюся, никчемную, опостылевшую... Так нет – закончить-то мне ее как раз и не удастся никак: не хватает то ли духу, то ли удачи, чтобы веревка непременно выдержала, не оборвалась, потому что другой веревки и другого случая, второй попытки, у меня уже не будет...

Жратву (ларек) вчера так и не принесли. Теперь вряд ли раньше среды, а остается ее у меня уже не так много. Зато сгорел вчера и второй мой ларьковский кипятильник, полученный только с последним ларьком и отданный в общее пользование (кипятить чифир чуть не каждый час). Но если первый кипятильник, как переехали в эту камеру, проработал две недели то этот всего неделю. Т.к. больше не было ничего, а без чифира они, видишь ли, не могут, – бывший нарядчик сделал из двух «моек» (лезвий от бритв) «бульбулятор», и им худо-бедно я тоже вскипятил себе после своего ужина чай.

Завтра должен прийти адвокат, но никаких гарантий, естественно, нет. Послезавтра – очередная поездка в «суд», продлевать арест, – вчера, 1-го, вопреки моим сомнениям, так и не повезли. Еду ли я на «Серпы», точно так и неизвестно (еду, конечно, какие могут быть сомнения!..). Но, честно говоря, мне это уже все равно, как и вообще всё вокруг, и моя собственная жизнь. Овладевает человеком в тюрьме тупое глухое безразличие ко всему, всё становится пофигу, и любая возможность побыстрее приблизиться к смерти – избиение ли, или сухая голодовка в карцере – только радуют: скорее бы сдохнуть, чтобы здесь не сидеть!.. Так было у меня и тем сроком, в лагере, а сейчас вот уже в тюрьме, на пятом месяце всего лишь, – и кроме веревки, решетки и морга 20-й больницы, ни о чем думать я не хочу... Впрочем, вчера под вечер, от нечего делать, стал высчитывать: когда же я теперь точно освобождаюсь, если срок мой уже известен – семь с половиной лет. Получилось, что 18-го мая 2020 года, – 19-е суббота, так что не на один, а на два дня раньше, какое счастье... :)))

5.4.13., утро, до завтрака

В камере теперь играет радио («Максимум»), от него известно, что уже

где-то полвосьмого, не меньше, – но свет еще не включили (забывают так же, как вечером забывают гасить)...

Вопреки моим ожиданиям, на вчерашнем «продлении» в Бутырском «суде» всё оказалось не так, как в прежние разы. Выдернули меня из камеры в шесть утра, долго мариновали на сборке – сперва с «красными», потом одного. Поездка была мучительной, меня укачивало, трясло, хотелось спать, да еще с утра болела голова, а таблетку принять я не успел. Но – действительно доставили меня в этот «суд» к 12-ти дня, как просил мой адвокат (после этого у него был еще «суд» в Красногорске) – и Абоев, сука, согласился и взял организацию доставки на себя. Могут же, твари, когда хотят!..

М.б., именно сменой времени объяснялась также смена «судьи» и зала, уж не знаю, – «судил» на этот раз огромный, толстый мужик, зал был большой, не как в те разы – крохотный. Но главное – на этот раз в зал пустили всех пришедших! Не делали, как тогда, вид, что, мол, по 205.2 «суд» может быть только закрытым. А пришли – Е.С., Строганов (не ожидал я его увидеть так скоро), Полина Кузьмина и корреспондент «Граней.ру» с видеокамерой. По этой причине заседание началось с «недоразумения» (явно искусственного): парень этот утверждал, что его редакция еще накануне послала в этот «суд» заявку именно на видеосъемку, указав в ней даже модель камеры; «судья» же этот, вопреки очевидному, утверждал, что у него есть только заявка на фотосъемку, так что снимать процесс на видео он запретил в итоге.

Самым фантастическим событием был, конечно, допуск Е.С. в качестве моего защитника в это заседание! Ходатайство от моего имени они на сей раз написали сами, мне дали только подписать перед началом (дал Бородин; он же и писал, видимо). Я был целиком «за», но в полной уверенности, что это без толку, как и в тот раз. После некоторых боданий с адвокатом на тему, что просить ввести Е.С. в сам будущий «суд» надо мной сейчас явно рано (что правда, но они почему-то второй раз уже просили именно так) прокурор – молодой парень в мундире с тремя звездочками, еще, м.б., не до конца испорченный Системой и своей работой, сказал, что назначение Е.С. в этот конкретный процесс по «продлению ареста» он оставляет на усмотрение «судьи», – уже нетипичная ситуация!.. После этого «судья» Е.С. и допустил своим решением.

Она говорила хорошо, ярко, совестливо (любимое слово подонков в духе «Льва Щаранского»...), а под конец, как обычно, призвала «судью» к милосердию, – это ее конек. Дискуссия была настолько оживленной, что после речи Е.С. в мою защиту вылез с «репликой» Абоев, с выступления

которого обсуждение и началось; а потом адвокат и Е.С. на эту «реплику» еще отвечали (вот тогда призыв к милосердию и прозвучал). На вердикт «судьи», правда, всё это никак не повлияло, но уже само по себе такое обсуждение, а особенно допуск правозащитницы в процесс, было необычно до изумления в этой-то тоталитарной системе.

Апофеозом моего удовольствия был, конечно, перерыв, пока «судья» печатал свое решение. Зашла в зал мать, – к моему удивлению, она сидела за дверью, дабы не слышать всего, что обо мне говорится. Парень с «Граней» (Зыков, что ли, его фамилия? Не помню, но вроде так или как-то на «з») пытался взять у меня на видеокамеру интервью, я уже успел что-то сказать, но тут один из конвойных «мусоров» вмешался и заставил его камеру выключить. Пообщался я со Строгановым, с Е.С., послушал кое-какие новости о происходящем на воле, передал приветы общим знакомым, а Е.С. (сразу, как только увидел ее еще в коридоре) – письмо, ответ на ее, переданное накануне через адвоката.

7-53 в Москве, говорит сейчас радио.

В общем, ничего не изменилось, но я получил огромное удовольствие просто от самого факта, что эти люди пришли, не говоря уж – от общения с ними. В машину мусорскую возвращался почти счастливый...

А в тюрьме преподнесла мне жизнь еще один неожиданный сюрприз. Завели сразу на ту же сборку, где сидел утром, пробыл там больше часа, потом отперли, вывели и с еще человеками семью повели наверх. НЕ ШМОНАЛИ! Не заводили в шмонную комнату, где заставляют раздеваться до трусов и всю одежду и обувь пихать в специальную их машину. Забыли? Знать бы – мог бы привезти телефон или что угодно еще...

утро, после завтрака

Поразительно, но после вчерашнего общения с друзьями у меня до сих пор еще, до нынешнего утра – хорошее настроение! Что совершенно мне не свойственно вообще, а в этот раз – особенно. (В тот раз такое бывало после приездов Глеба и Ромы Качанова в последний период срока.) И хочется найти и прочесть книги авторов, о значении которых я много слышал, но не читал (Дюрренматт и Ханна Арендт, в частности), и даже не хочется думать о смерти! :))) Которая, тем не менее, есть – я хорошо понимаю это умом – единственное спасение от того, чтобы лет шесть из моих нынешних семи с половиной провести в лагере, среди тамошних проверок, уборок, шмонов и прочих глубоко унижительных мероприятий и контактов с быдлом...

вечер

Увы, от хорошего настроения быстро не осталось и следа. Пока я вчера ездил, эти мои сокамернички, а конкретно это тупорылое бессмысленное

быдло – наркоман – таки сумели как-то заставить лучше работать телевизор. Теперь у них уже два канала – «Россия» и НТВ. Сейчас эта мразь сладко спит, а ночью будет тарашиться в телек – смотреть очередную серию очередного дурацкого сериала. Второй не спит – и с интересом пялится тоже весь день в экран. От целого дня только слушания всего этого бреда, особенно же – множества художественных фильмов, где любовь перемешана с детективом, у меня уже пухнет голова. Слава богу, сейчас хотя бы сделали чуть потише, а полдня с утра это всё орало на полную громкость. Телевизор буквально задолбал меня за то время, что стоит в этой камере, но эти тупые быдлашки души в нем не чают, начинают просмотр сразу как встают (то бишь после проверки) – и до ночи, до полдвенадцатого, до 12-ти...

Еще один прикол – сегодня не дали обед! Сейчас уже часов пять вечера, не меньше, но обеда так и не было! Вроде бы его в положенное время везли, тележка гремела, у нас даже, как часто тут делают, приоткрыли «кормушку», – но потом всё стихло, никакого обеда так и не привезли. В открытую «кормушку» нарядчик даже спросил у проходившего мимо «мусора», где же обед. «Сейчас накормим», – ответил тот, закрыл «кормушку» и ушел. Вот уже начались «Вести», сейчас действительно пять часов вечера, – про обед никто и не вспоминает, хотя часа через два уже должен быть ужин...

Бородин вроде бы отправил позавчера вечером мое открытое письмо к «КС оппозиции» Мише Агафонову, которого я просил его набить и кинуть в рассылку. Но вчера в «суде», когда я спросил Строганова, было ли в рассылке вчера что-нибудь интересное, – он ответил: «Нет». То бишь, позавчера, в тот вечер, когда получил по электронной почте, Миша не набил и не закинул; правда, мать сказала, что он в этот вечер был у нее. Нет никаких оснований сомневаться, что он всё сделает, что я просил, набьет и кинет. Но, тем не менее, неизвестность и неопределенность именно в этом вопросе буквально сводят меня с ума. Телефона нет, просто позвонить и узнать ничего нельзя; самое раннее, когда будет можно – это в следующую среду, 10-го, когда вроде бы обещал прийти адвокат. Мать сегодня поехала записываться на очередную свиданку, – едва ли ее запишут раньше чем на 15-е, через понедельник. Еще, как ни странно, мать сказала, что вроде бы ей звонила Каретникова (сама! звонила, если я правильно понял) и сказала, что будет здесь на той неделе. Тоже едва ли прямо в понедельник, если вообще придет, не обманет; и не факт, что она будет в курсе, появилось ли это мое письмо хоть где-нибудь, где она могла бы его увидеть.

Всё это – телевизор, обед и письмо, особенно два последних – бесит до

такой степени, что меня аж трясет от ненависти!..

6.4.13., утро, до завтрака

Эта мразь, тупое быдло, говорящий кусок дерьма – наркоман в камере – вчера таки оставил телевизор работать и после полдвенадцатого ночи, когда закончился какой-то их концерт – и я думал, что они все же выключат телевизор, как бывало до сих пор. Ничего подобного – эта мразь уже нацелилась смотреть еще и фильм после концерта (еще минимум два часа). Нарядчик спросил его – мол, спать? – я поддержал, что, мол, спать надо, а не фильмы смотреть, а то оно дрыхнет днем, а я и ночью не могу уснуть из-за их телевизора. И тут эта наглая мразь, это наркоманское чмо мне ответило – что, мол, захочешь – заснешь...

Всё ясно. Всё как было тогда, тем сроком, в зоне, да и везде. Нарядчика, который с ней обращается грубо, хамски, издевается над ней постоянно, – эта наркоманская нечисть боится и так ответить не посмела бы никогда. Тот требовал в предыдущие дни – и она покорно выключала, никакие фильмы не смотрела. Меня же – она не только не боится, но и не уважает, и вчерашний ответ ясно это показал. Видит, что не уважает нарядчик, да и вообще – что я не их уголовного поля ягода, что я совершенно другой, – вот и не ставит в грош. Захочешь – заснешь, мол... И так будет все эти семь лет, мне оставшиеся, и вот почему я так не хочу туда...

Ну что ж, видя такое, я не стал больше разговаривать с этой мразью. Зачем?.. Неудачно, что сегодня суббота, – два дня выпадают, выходные здесь абсолютно мертвые дни. Но вечером воскресенья я напишу и отдам заявление, чтобы в понедельник меня вызвал опер – и буду требовать у него, чтобы он забрал телевизор из камеры и обеспечил мне положенные восемь часов ночного сна, а иначе будут жалобы в управление. Надеюсь, хотя бы этот вариант сработает...

А про обед вчера нарядчик спросил у «мусора», когда привезли ужин. Тот стал извиняться, – оказывается, про нас просто забыли, проехали, типа, с обедом мимо нашей камеры. Ну да, раздавали-то уже совсем рядом с нами, почему у нас и оказалась приоткрыта «кормушка». Но когда по ходу раздачи у баландера кончается баланда в бачке – он едет за другим. Вот, видимо, взяв другой и вернувшись, он и забыл про нас и начал с какой-то другой камеры. Во всяком случае, ситуация настолько возмутительная и нарушающая мои права заключенного, что дай бог не забыть сказать о ней Каретниковой, когда та, даст бог, зайдет опять...

...Надо, надо вешаться наконец, давно уже пора, но я всё не могу начать, всё боюсь и ищу какие-то отговорки, какие-то недоделанные дела... Как глубоко я ненавижу и презираю себя за эту слабость и трусость, – о, этого

никому не дано понять...

7.4.13., утро, до завтрака

Это тупое скотское свинобыдло и вчера продолжило смотреть свои фильмы до середины ночи. Они вдвоем смотрели какой-то бредовый фильм про несколько альтернатив замужества у героини, начавшийся то ли в 21-30, то ли даже в 20-45, и я надеялся, что досмотрят – и всё-таки выключат, разум возобладает. Мне, даже не видя экран (его с моей шконки, слава богу, не видно), а только слыша текст, эти фильмы за два часа выносят весь мозг и страшно утомляют. И вдруг, после очередной рекламы, я слышу, что имена героинь – матери и дочери, а также предполагаемого нового мужа матери стали другими. Что за черт?! А это, оказывается, без всякого перерыва и предупреждения начался уже другой фильм, прямо подряд за первым. И хотя нарядчик пытался убедить это животное выключить – мол, курим и спать! – но животное уперлось: досмотрим. Нарядчик лег, как и накануне, спать под орущий телевизор, хотя это ему явно не в кайф, но все равно местами поворачивался лицом к экрану и тоже смотрел. Я, видя такое дело, поужинал, выпил чаю, как обычно, и лег спать, хотя было ясно, что уснуть под ЭТО невозможно. Естественно, я так и не спал еще больше часа, пока этот телебред не кончился, да и после того – заснул как-то с большим трудом, спал эту ночь очень мало, какими-то урывками.

Что ж, эта тупая, насквозь проколота мразь сама решила вчера свою судьбу. Сегодня после обеда я напишу заявление оперу – и если завтра он меня вызовет, буду требовать, чтобы телевизор из камеры был убран и, пока я здесь, никогда, ни по чьей просьбе (этих ли сокамерничков, или следующих) в эту камеру больше не вносился. Всё равно, их «новости» по всем каналам – это не новости, а лживая пропаганда (вчера, например, там долго смаковали лживые ответы Путина немецким журналистам, что, мол, в России 600 с чем-то НКО занимаются политикой (!) на иностранные деньги), а все их концерты, фильмы, игры и танцы мне вообще уже неинтересны.

9.4.13., 7-10 (до завтрака)

Время сообщает радио, играющее теперь в камере (радио «Максимум»), но свет пока еще не включили, слава богу. Короче, позавчера в ужин отдал заявление для этого подонка опера; вчера на проверке увидел его самого, сказал – и он тотчас пометил в ежедневнике, который был у него в руках: вызвать меня (причем про заявление вроде как не знал, – не упомянул). И – не вызвал, сука; весь день я ждал, до обеда (их), после обеда, – нет, ни хрена!.. В ужин отдал еще одно заявление ему – №2, сразу стал нумеровать их, как рассказал про случай с какими-то своими заявлениями бывший нарядчик.

По радио рассказывают сейчас, что «каникулы», будь они прокляты, в мае будут аж до 12-го числа! Конечно, ларьков никаких не хватит, мать ведь всегда старается заказывать с экономией, – и я сдохну тут с голоду... Вчера принесли ларек, заказанный ею 5-го, когда она приезжала записываться на свиданку: 25 пачек лапши, 1 нарезка сыру, одна баночка паштета и 2 пачки хлеба. Всё! Я сперва был в полном шоке, но потом подумал, что, м.б., это опять принесли только часть заказа, как было на том корпусе (и еще удивительно, что принесли так быстро, а не через неделю), остальное, м.б., донесут завтра. Что ж, жду с замиранием сердца. Телефона нет, узнать ничего нельзя. Но я знаю уже, что объяснить ей что-либо и убедить в следующие два раза, последние перед «праздниками», заказать жратвы побольше, в расчете на две недели без ларька, то бишь удвоить заказы, – не удастся, она скорее удавится, чем потратит на этот заказ вдвое больше обычного...

Мразотный быдлоид-наркоман в камере тем временем вчера поймал на этом полудохлом телевизоре еще один канал – свой любимый ТНТ, об отсутствии которого уже сожалел раньше, и вчера вечером оба быдла уже с упоением смотрели какую-то «ТНТ-комедию». Кончилась – переключили на «Россию», где в это время уже шел традиционный «Склифосовский». Я готовился к худшему, но когда это дерьмо кончилось (где-то в 23-30 или около 12-ти, не знаю) – наркоманское чмо меня, сидевшего за столом и как раз кончавшего ужинать, попросило выключить (чтобы ему не слезать со шконки). Таким образом, вчера ночь прошла относительно нормально, удалось поспать. Но все равно, от их телевизора у меня и днем пухнет голова, он выносит мне за день весь мозг, так что убрать его из камеры остается для меня насущнейшей задачей. Тем паче, что сделать это надо сейчас, до «праздников», во время которых опера, скорее всего, на работе не будет.

Сумасшедшая усталость, тоска, отчаяние... Психически я уже там, за гранью. Вспомнилось почему-то сейчас, как в августе 2011-го ездил к Мане в Питер, как вечером шел с сумкой к метро... Это была свобода, хоть и относительная, как мне тогда казалось, свобода мыши, которую еще не схватила кошка...

Единственный выход из сложившейся ситуации – это, увы, умереть. Хоть и страшно, и жутко, и не хочется, и веревка может оборваться... Страшно, но надо...

вечер, около 20 часов

То ничего, а то вдруг всё сразу... Утром, перед проверкой, вызвал-таки этот козел опер. Володя его зовут, оказывается. Про телевизор сказал, что не

может его так просто, без всякого повода, забрать, они же (соседи мои) за него расписывались. Последняя моя надежда рухнула, и придется мне теперь сходить с ума ежедневно с 11 утра до двух часов ночи, слушая бред их любимых фильмов. По остальным вопросам (отдача вещей на волю, дата свиданки, возможность получать книги и т.д.) был недоволен, что я его грузу вопросами не по его теме. Зато (еще в начале разговора) с интересом расспрашивал меня о моих статьях УК (в карточке моей ему вместо 205.2 привиделась какая-то 203-я), о газете, за которую я сидел в тот раз (когда я о ней ему обмолвился), и т.д., а также высказал крайне оригинальную версию, что это, наверное, кто-то в российских (!!) спецслужбах «нанял» меня бороться с российским государством, и, пока я сижу, на мои счета, типа, каплют деньги (уже не помню названную им сумму, но была она немаленькая). Вот до чего способен додуматься, видя что-то незнакомое и непонятное, средний (не самый тупой, не алкаш, не крестьянин) (пост)совок, ака идиот.

После проверки прошло вроде бы совсем немного времени – открывается дверь, меня зовут. Куда? – На свиданку! Вот это номер!.. Я-то думал, не раньше понедельника (15-го).

Вывели – было около 12 дня, а свиданка оказалась на 2 часа дня, так что час с лишним пришлось сидеть в отстойнике следственного корпуса, слушая разговоры быдла. На свиданке попросил мать позвонить прямо там Мане, потом Майсуряну, – оба они даже не слышали про мое открытое письмо к «КС оппозиции», которое по моей просьбе Бородин вечером 3-го апреля отсканировал и отправил на e-mail Мише Агафонову. То бишь, Миша, скотина этакая, даже не подумал набить его и закинуть в рассылку, как я просил, – в лучшем случае закинул картинку, как получил от Бородина, но и в вилле картинки никто в рассылке его не видел, – значит...

В общем, попросил мать хорошенько начистить Мише холку и к завтрашнему визиту Бородина (а я-то думал, что, раз пришла мать, то он только на той неделе теперь) чтобы он написал мне через его e-mail письмо. Ни на кого нельзя положиться, короче...

Пришел со свиданки – меня ждут письма! Два письма от Майсуряна, №8 и №9, а внутри еще понапихано!.. Письмо от матери, письмо от Маглеванной, – оно, таки да, опять шло ровно полтора месяца до Москвы и неделю всего лежало в тюрьме! И – электронное письмо из Грузии, от той самой Орлеаны Орлицы, которую я не так давно несколько раз вспоминал и просил ребят передать привет. Обалдеть! – она не просто мне написала, не поленилась, но еще и освоила этот сервис «ФСИН-письмо», который Маглеванная освоить никак не может, – говорит, из-за границы его

оплачивать у нее никак не получается.

«Я и мой муж восхищаемся вашей стойкостью. Гордимся, что у нас есть такой соотечественник», – написала мне эта самая Орлеана.

В баню водили уже после ужина эти бедолаги в камере, оголтелые фанаты бани (о, как это знакомо!.. Примитивные существа, быдло, живущее только эмоциями и внешними ощущениями) ждали и маялись целый день.

Меняли книги из библиотеки. Принесли из всего того, что я спрашивал в тот раз, только том Василя Быкова – точно такой же, как у нас дома, я читал эти повести Быкова в 2000 году, собираясь первый раз ехать в Беларусь и узнав, что Быков – их литературный классик. Что ж, чем сходить с ума, слушая весь день их дебильные фильмы, – лучше уж перечитать Быкова...

Обновил в бане мочалку, переданную матерью еще в первой передаче, в ноябре того года. Шикарно! Чего я не брал ее раньше? Тем паче, что, в отличие от длинных быдляцких мочалок (из собственно мочала), которые потом надо вешать стекать, – эту, поролоновую, можно просто как следует выжать, уходя из бани, и она практически сухая...

Что ж, слова поддержки все-таки слегка меня ободряют. Настоящий ужас не здесь, – настоящий ужас начнется в лагере, если не удастся там как-либо (за деньги) [на этом запись оборвана].

11.4.2013, утро, до завтрака

Тошно, тоскливо, невыносимо. Как в клетке тут, в этой камере, без малейших перспектив. Попался – навсегда. Будущего нет, увы...

Вчера был тяжелый денек. Пришел-таки адвокат Бородин, вывели к нему – и в этом отстойнике, куда здесь сажают перед и после свидания с адвокатом, я ждал необычно долго – полчаса, наверное – пока пустят к нему, да еще стоя на ногах (не в самом отстойнике, где есть скамейки, а в коридорчике рядом с ним, на проходе: запертый за решетку, в отстойник, вместе с быдлом, я чувствую себя совсем уж неуютно, лучше постоять...

Бородин сказал, что народу сегодня еще больше, чем всегда, потому так долго пришлось ждать. Естественно, сажают в ту комнату, которая свободна, как только она освобождается. Отвели в какую-то дальнюю, и я там стал объяснять ему, какой телефон мне нужен (или моя «раскладушка» Nokia из дома, или он сам найдет какую-то другую Nokia, или же тот тонкий Samsung, что был у телефониста в Буреполоме). Он вроде преодолел уже некий психологический барьер, принесся мне в тот раз непригодившийся зарядник, и не особенно возражал против подобного поручения.

Поговорили, я написал письмо матери, отдал ему все бумаги – и мы вышли в коридор, он собрался уходить. И вдруг из какой-то из соседних комнат выходит... Голубев, мой адвокат по прошлому делу! Изумились этой

встрече и он, и я, т.к. года с 2008, если не 2007, мы не виделись, и так стояли, разговаривая, минуту или чуть больше в том коридоре, ближе к выходу на волю. Я познакомил его с Бородиным, спросил, как там Кантор (он не знал, не общается вовсе, видимо), – как вдруг открывается железная дверь в конце коридора, ведущая к операм, выскакивает злобная, как мегера, девица в форме, заведующая всем этим «следственным корпусом» - и напускается на Голубева: почему это, мол, он стоит и со мной тут разговаривает, не будучи моим адвокатом?! Он ей объясняет, что он мой адвокат по прошлому делу; я, не поняв вообще причину ее гнева, спокойно спрашиваю: а почему бы и нет? (почему нам не поговорить, в смысле?), – в ответ эта мымра приказывает мне пойти обратно в комнату, уже пустую, где мы только что сидели с Бородиным. Я захожу, но и из нее, с порога, продолжаю всё равно говорить с Голубевым, – впрочем, они с Бородиным почти сразу же уходят. Девица тоже исчезает, – она увидела нас через видеокамеру, это ясно, других вариантов нет. Я стою в этом коридорчике, у выхода в тюрьму, с другой стороны, еще довольно долго; наконец меня выпускают туда, в коридорчик у отстойника, стою там. И вдруг какой-то «мусор» говорит мне пойти обратно, туда, где кабинеты, пойти в кабинет (тот самый, кажись, где мы сидели только что) – а там уже целая толпа «мусоров», один с металлоискателем, другой с этим их видеорегистратором на груди, – и старший их, немолодой уже здоровяк, говорит мне, что они мол, «отдел режима», сейчас они меня будут «досматривать» (шмонать), и есть ли у меня, мол, «запрещенные предметы»? Я в ответ говорю, что не воспринимаю вообще (не признаю) их запреты и отказываюсь с ними дальше разговаривать. Они меня не раздевают, но тщательно со всех сторон прозванивают металлоискателем, заставляют сесть, снять ботинки (а я-то надеялся!..), осматривают их, потом спереди и сзади прозванивают еще раз, требуют раздвинуть ноги (тоже повторно), прозванивают еще раз там – и, наконец, ничего не найдя, уходят. Меня почти сразу же уводят с остальными на новый корпус.

Как хорошо, что Бородин ничего не принес в этот раз! А я еще жалел об этом, когда инструктировал его на следующий... Сиди теперь и думай, ломай голову: этот шмон потому, что они подслушали нашу беседу с Бородиным – или же потому, что эта сучка видела, как я говорил с Голубевым? По зрелом размышлении я склоняюсь к последнему варианту. Едва ли она всерьез думала, что Голубев, неожиданно встреченный, мог мне что-то передать, – но шмоны ведь в таких местах обычно бывают в наказание, чтобы потрепать нервы, а не затем, чтобы что-то найти. Так или иначе, но для проверки – как теперь меня будут выводить оттуда в

будущем, временное это было явление или постоянное, – теперь придется пропустить два или три раза, так что все планы, связанные с Бородиным, откладываются на неопределенное будущее.

Принесли вчера наконец весь ларьковский заказ от 5-го числа – и начало заказа от 9-го: пачку соли, рулет и пакет сока. На следующий же день принесли, – прогресс, однако!.. А вот в камере дела зато всё хуже и хуже: у этих подонков появляется всё больше каналов в их убогом, вроде бы полумертвом телевизоре. Вчера весь вечер смотрели сперва ТНТ, а потом как раз свежепоявившийся «Домашний», которого еще накануне не было. Потом – уже погасили свет – бывший нарядчик хотел было посмотреть футбол, о котором говорил еще за несколько дней, – не знаю уж, по какому каналу, но что-то у него там не вышло (канал плохо показывал, как я понял). Тогда, будучи в большом раздражении от этого, весьма авторитарно, как бывало в первые дни после получения телевизора, настоял на том, чтобы не смотреть (как всегда рвется наркоман) всякую хрень, разные идиотские фильмы, а лечь спать, – и сам выключил телевизор. Наркоман на этот раз не спорил. Было примерно часов 11 или полдвенадцатого. Еще раз повезло, еще одна моя ночь оказалась спасена! Я быстро поужинал и лег спать. Но – футбол будет и сегодня ночью, и этот урод, бывший нарядчик, пообещал, выключая вчера телевизор, что сегодня они займутся его настройкой... :((

вечер

День двух шмонов, блин... После обеда два раза являлись шмонать ублюдки в форме – сотрудишки, блин, СИЗО... Сперва двое с металлоискателем прозвонили только мой матрас, увидев, что он «неположенного образца» (двойной, если не тройной, – достался мне в наследство от дурака еще в 408-й, а тому – от отраденского ублюдка наркоши, который сейчас в 406-й) – хотели вообще забрать, чтобы потом мне принесли обычный, тонкий; но в итоге – просто разорвали верхнюю обшивку, вытащили оттуда целый тонкий матраса чехол с мелко крошеной ватой от второго выкинули за дверь. Где-то через час – вваливается целая толпа, потом приходили еще, – всего человек до десятка этих мразей. Вроде бы они на этот раз были без металлоискателей, но бывший нарядчик говорит, что один все же у кого-то был. Меня ощупывали на сей раз руками, руками же прощупывали уже этот новый, тоненький матрас, шмонали сумки – мою и наркомана, нашли и забрали у меня иголки – слава богу, не все – и нитки, к сожалению, все; теперь нечем будет зашить носки или футболку, если понадобится... Суки, мрази, ублюдки...

Что тут делать, что говорить? Всё давно сказано и написано, еще тем сроком, и висит в интернете. Я не считаю их за людей, я плюю на их запреты

(о чем на сей раз прямо в открытую им и сказал). У меня не дрогнула бы рука лично перестрелять их всех, да не то что перестрелять – живьем порубить на части топором, если бы только представилась возможность. Я уже не мальчик, не зеленый юнец, сижу тоже не впервые – и я знаю, что говорю: ни один мускул бы не дрогнул разделить их поганые туши. Но – увы, нет возможности, хотя кто-то еще тем сроком в тюрьме и говорил: если человек чего-нибудь очень хочет, то ему начинают предоставляться возможности... Увы, пока возможностей нет. Одному из них, высказавшему свежую, оригинальную мысль: мол, если не нравится государство, то надо уезжать, – я ответил, что хотел уехать, да не выпускают. Но не сказал главного, слишком длинно было бы объяснять: да, можно уехать, но нельзя оставить это государство жить дальше, продолжать следовать своим привычным тоталитарным курсом. Если и уезжать – то только для того, чтобы помочь цивилизованному миру наконец-то набраться мужества для уничтожения этого чудовищного монстра – русского медведя-людоеда... Смерть России!!!

12.4.2013, около 7 ч. утра (до завтрака)

Тоска, тоска, невыносимая тоска и отчаяние. Тюрьма, потом лагерь, – по накатанной колее, и не вырваться из этих железных челюстей, не соскочить никак... Дешевле, чем жизнь, для меня платы за свободу в этой стране нет, – но мне всё никак не хватает духе... Будь проклята и эта страна, и моя дурацкая, нелепая жизнь!.. Увы, как ни ободряют меня время от времени друзья, как ни желают держаться, – всё равно, видимо, придется умереть здесь, в этой камере... Во время всех вчерашних шмонов веревку, которую я себе присмотрел и облюбывал, они не тронули, – что ж, это одно только и радует...

13.4.2013, утро (до завтрака)

Закинули вчера вечером в камеру какого-то транзитника – прилетел самолетом из Кенигсберга и едет дальше в Питер, на поселок, – строгий режим ему на поселок заменили, видите ли. «Красный», разумеется, – других сюда не сажают. Разговоров было – за полночь, уже и телевизор выключили, я поел и лег, а они всё не могли успокоиться. Нарядчик всё консультировался у него, могут ли ему на предстоящем 19-го апелляционном «суде» отменить приговор, дать больше, чем есть сейчас (семь месяцев), и т.д. Тот рассказывал еще и про свой кенигсбергский лагерь, кем он там работал, как вообще там обстоят дела (точно так же, как и в Буреполоме, – блатные рулят полностью в интересах администрации), и т.д.

А я весь этот день, с самого утра, провел, прощаясь с жизнью окончательно. Дозрел наконец!.. Письма тут, как выяснилось, носят по вторникам и пятницам, но вчера, в пятницу, так и не пришло письма ни от

Миши Агафонова, ни от Мани. Один три недели уже не отвечает, другая – больше двух, хотя обоим я умолял писать мне почаще, без задержек, а Мане, кроме того, написал еще и большое письмо в конверте. Т вари вы, ребята! Ненавижу вас! Суки, именно вы последние – и сильнее всего – обломали мою жизнь!.. Короче, нечего ждать – никаких обвинений, «судов» и т.п. Ничего всё равно уже не будет, впереди – одно дерьмо. Такое же, как тогда, когда после длительных свиданок с матерью, радости общения фонтана информации и т.д. – приходилось всё равно возвращаться в барак, к подонкам... И сейчас будет так же, сколько бы радостных писем ни написали мне «друзья» и даже если они опять будут пикетировать «суд» (что, впрочем, вряд ли)... Всё, жизнь кончена, и нечего больше рыпаться, нечего отрицать очевидное. Пора закрывать эту лавочку. Теперь вся проблема сводится только к тому, чтобы задуманное удалось технически...

14.4.13., утро (до завтрака, начало восьмого утра)

Утро воскресенья. Тошно, тоскливо, невыносимо... Всё хочу повеситься поскорее, свести наконец счеты с жизнью, – и всё время кто-то мешает. Хотя это всё отговорки, самооправдания, конечно. Теперь особенно мешает вот этот казахстанско-кенигсбергский быдлак, закинутый сюда транзитом. Боже, с кем приходится сидеть!.. С имевшимся уже здесь быдлом они быстро нашли друг друга: под чутким руководством новенького нарядчик вчера уже написал в Бабушкинский «суд» отказ от своей апелляционной жалобы (обнаружив такую возможность в УПК, на днях только принесенном мной от адвоката), и они весь день, до глубокой ночи, тарасились все вместе в телевизор, смотря и обсуждая все фильмы, игры, передачи, концерты, «большие танцы» и прочий бред. Обсуждения, комментарии вот эти их к увиденному – особенно невыносимы, меня буквально выворачивает их слушать. Например, когда еще утром крутили безумный тоталитарно-фашистский бред о «раскрытии тайной организации педофилов» (вся «вина» которых, как выяснилось, состояла лишь в том, что некоторые из них производили, а другие покупали или обменивались роликами с так называемой «детской порнографией» да общались на своем закрытом форуме в интернете, то бишь – никому абсолютно не нанесли никакого реального вреда), – это сверхбыдло, бывший нарядчик, ходя по камере, громко негодовало: почему, мол, им так мало дают, этим проклятым педофилам!.. (Все фигуранты этой гнусной пропагандистско-«разоблачительной» стряпни, несмотря на полное отсутствие физического или материального вреда кому бы то ни было, в этой фашистской стране уже сидят в лагерях или тюрьмах, – ЗА ЧТО?!!)... Закончили они день каким-то бесконечным двухсерийным фильмом, и я,

видя, что конца ему не предвидится, во время второй серии пошел уже ужинать и пить чай, хотя обычно начинаю это делать только после выключения их проклятого телевизора. И не зря пошел! – после конца второй серии это чмо – наркоман – тут же нашло еще какой-то другой фильм по другому каналу и уселось смотреть его!.. Я уже лег (хотя под их фильмы какой сон!..), а они тут, наоборот, вдруг все вскочили со шконок и уселись пить чай; и только после многократных попыток нарядчика убедить наркомана, что фильм дерьмовый и надо ложиться спать, тот, пошарив еще на всякий случай по другим каналам и ничего не найдя, выключил-таки телевизор. Таким образом, эту ночь мне все-таки удалось хоть сколько-то поспать, хотя проснулся я задолго до включения света (который сегодня включили явно вовремя, в шесть утра, без опозданий). Только хотел уже взяться за веревку – вдруг спящий сейчас надо мной казахстанский быдлак слезает со шконки!.. А вот сейчас, пока пишу, вроде все они опять уснули, но – полной уверенности нет, да и момент уже упущен, в любой момент могут прийти с прогулкой (на которую они с появлением в камере четвертого стали рваться – но не судьба им встать вовремя :), с завтраком и т.п. Момент уже упущен, – для этого ведь надо особое настроение...

Когда я перечитываю письма друзей (?), их пожелания держаться и не унывать, – вроде становится на время чуть полегче, расступается этот окружающий мрак, начинает смутно казаться: а вдруг и правда не стоит спешить, вдруг я и правда всё это выдержу? Но это иллюзия, конечно, и мрак скоро окружает меня опять. Мрак кромешный... Будущего нет, впереди – одно сплошное дерьмо, ни малейшего просвета. Вспомнить только трехлетнюю войну тем сроком за право держать вещи под шконкой, то есть – не дать разворовать в каптерке всё, приобретенное с таким трудом, всё, от чего зависит там элементарное выживание... А ведь сейчас возможностей что-то приобрести (через свиданку, в основном) будет намного меньше, чем тогда, а сроку – в полтора раза больше... Нет, надо, надо кончать с такой перспективой!.. Иного выбора нет...

Написал вчера письмо этой сучке Мане на бланке, оставшемся от ее новогоднего письма, – хорошо, хоть такой вариант нашел, всё же быстрее, чем в конверте. Собственно, именно отсутствием их с Мишей писем и был, если честно, вызван у меня тот последний пароксизм отчаяния, в пятницу и субботу (вчера и позавчера). Им некогда, у них работа, дети, они не пишут мне из-за этого (Маня так и объяснила в прошлом письме свое долгое молчание). Твари! Своими руками поубивал бы!.. Никакие ваши проблемы, никакая работа – не сравнятся с тем изуверским мучением, какое

представляет собой сидение тут, взаперти, без связи, в полной неизвестности о творящемся там, на воле...

Собственно, будь я не 100% уверен, что веревка выдержит, не оборвется, – я бы уже давно, приготовить всё это и залезть можно за пять минут. Увы, я уверен, наоборот, в том, что она тотчас оборвется, и это станет позором, раскрытием моих замыслов – и поводом для усиления контроля, увы... Но и в зону, под тамошние проверки-уборки, мне попадать больше никак нельзя, я просто не выдержу всего этого второй раз. Так что ситуация совершенно безвыходная, и что делать – я не знаю... :(((

Итак, график исступленной, последней, мучительной надежды на следующую неделю: в понедельник – ждем ларька (остатки от заказа 9-го числа, после свиданки), во вторник – писем, в среду – адвоката...

15.4.2013, около 8 утра (до завтрака)

Понедельник. Писать особо не о чем, но находиться здесь по-прежнему невыносимо. Не тем невыносимо, что здесь плохие условия, нет, а – предстоящими ужасами лагеря: подъемы, зарядки, проверки, уборки, комиссии... Всё то же, что в тот раз, только хуже и тяжелее, по общему правилу, с которым я уже столкнулся в тюрьме. Семь лет жизни, по 16 часов, день за днем, провести среди подонков, идиотов и быдла, потерять ни за понюх, – вот в чем ужас... А дальше – 46 лет вроде еще и не так много, но никакого будущего нет, это уже понятно. Только одиночество, болезни и нищета...

Написал вчера большое, на четыре листа, еще одно письмо Майсuryану обо всех своих проблемах разом. Отправил и Мане это воззвание к ее совести и прочим чувствам. Не знаю, не уверен совсем в ее реакции. М.б., сегодня-завтра и придет что-нибудь от нее, от Миши, но все равно – это подцензурная переписка, в которой ни мне спросить, ни им рассказать всё, что мне надо, нереально...

Смерть по-прежнему остается единственным гарантированным избавлением от этого жуткого будущего, единственным спасением, но – мне по-прежнему не хватает на нее духу, как и в тот раз. Теперь вот – промучавшись два полных дня (пятница и суббота), уже морально подготовившись, – решил отложить до тех пор, пока не заберут от нас этого этапника, не останемся опять втроем; решил, прекрасно понимая, что это тоже всего лишь уловка, отговорка: до этого мы целый месяц сидели тут втроем – и что же? Ничего... Безнадега...

16.4.2013, 7-56 (до завтрака)

Проклятая простуда накрыла с головой еще вчера – насморк, из носа течет, чуть позже – он заложен полностью, к вечеру начался и кашель. А

перед самой проверкой вчера поднялась, похоже, и температура, – но таблетку аспирина у врачихи на проверке еле выпросил, не хотела давать, сука!.. Сейчас температуры нет, но проснулся совершенно больной. Особенно донимает кашель, и при нем ощущается уже боль в глотке или в груди. А сегодня еще и баня...

Тупые быдлаки в камере, все трое, до глубокой ночи смотрели вчера какой-то новый детектив, которого нарядчик, по его словам, долго и с нетерпением ждал. Началось в 21-30 – и я думал, что, как обычно, через два часа кончится, я поужинаю – и спать. И вдруг этот уродец нарядчик говорит, этак между прочим: мол, «сегодня четыре серии»! Я был в глубоком шоке: как четыре серии?! До утра, что ли? – если каждая по два часа. И когда же спать? Тем более, что из них никто даже под одеяло не ложится, все с огромным интересом смотрят этот очередной быдлофильм – и только ругаются, что каждые несколько минут в нем реклама.

Короче, прождав дольше обычного, когда уже давным-давно должна закончиться одна двухчасовая серия, – пошел я ужинать, пить чай, потом лег и накрылся одеялом. Эти твари не подумали даже сделать потише – а я, как обычно, у быдла ничего не прошу. Но и уснуть под этот звук не могу, конечно. Проходит минут 20-30, я всё лежу, почти смирившись уже в душе с тем, что ночь пропала... И вдруг, с началом очередной рекламы, они начинают переключать каналы! Неужели всё-таки кончилось?! Да, не найдя больше ничего, им интересного, они через пару минут всё же выключили и улеглись!.. Счастье-то какое!.. Так что эту ночь всё же удалось поспать, – заснул я, по-видимому, довольно быстро и до начала седьмого утра ни разу не просыпался. Счастье – иметь возможность ночью спать, и я уже не знаю, как наконец убрать из камеры этот проклятый телевизор...

Да, а вчера с самого утра принесли-таки электронное письмо от Мани – и еще от этой моей френдессы из Грузии, реальная фамилия которой Ольга Исаева, а я знал ее как Орлеану Орлицу в ФБ и на тифаретнике. Вот радости-то было! Фактически мы с Маней написали друг другу почти одновременно – я это SOS-письмо на старом бланке, уже устав ждать, и она мне – очередное, даже не поставив на нем дату...

20-30

Болезнь разошлась не на шутку, не только жуткий кашель, но и температура. Написал начальнику заявление о выдаче лекарств, а сам, слава богу, нашел в сумке четыре таблетки бромгексина, данные еще в 408-й дураком. Нажрался сейчас на ужин кильки с картошкой, – ужинать в 12 курицей, которую вчера заказала мать (приезжала-таки, а то я уже стал волноваться), боюсь, не придется. А завтракать ею завтра утром, при свете, –

не так прикольно. :)

Нет, эта хрень по ТВ все же не была вчера сразу четыре серии, – сегодня в анонсе говорили, что четыре серии там «с понедельника по четверг». Что на меня вчера нашло, когда этот идиот сказал, сам не пойму...

Какое же все-таки невероятно тупое, бессмысленное, хамское быдло они все!.. Этот нарядчик, примитивный быдлак, чуть ли не прыгать начинающий при упоминании о бане (сегодня ходили перед обедом), истерический, как ребенок, фанат бани, – самый примитивный и грубый эковский вариант, видал я таких тем сроком... И такой же примитивно-безумный он фанат улицы и свежего воздуха, – неважно, что в лагере, в неволе, главное, что уже весна, тепло, снег сошел, «погода – бомба!»... 39 лет, как и мне, – но четкое ощущение, что отставание в развитии, сознание 15-летнего пацана...

В заказах 9-го и вчера мать почти не заказала самого нужного, – хлеба, колбасы, воды... А скоро 12 дней «праздников», ларек не будет работать... Когда следующая свиданка, придет ли завтра адвокат, – вот что меня занимает. И еще – опубликовалось ли мое письмо к КС и стихи.

17.4.2013, день, до обеда

Мрази смотрят фильмы. Кажется, сегодня будет четыре фильма за день, если не больше. Сейчас уже идет второй, еще два – сериалы вечером. Голова пухнет невыносимо...

18.4.2013, 8-й час утра (до завтрака)

Вчера, слава богу, де-факто главный здесь быдлак (нарядчик) выключил телевизор практически сразу после конца последнего запланированного ими к просмотру фильма, где-то около 12-ти ночи. Но – боже мой, какие тупые, примитивные, бессмысленные, бодро-веселые (верный признак недоумия), омерзительные быдлаки! Ничуть не лучше тех, бывших вокруг меня тем сроком. И как истерически, фанатически преданы они телевизору и фильмам! Про политику, как бы убого она ни освещалась на современном русском ТВ, смотреть избегают; а вот фильмы – тарашатся целый день, прямо вперившись в экран, обсуждают увиденное между собой, комментируют реплики героев (грубо и по-быдлацки комментируют, разумеется), пересказывают тем, кто не видел (наркоман и временный этапник-транзитчик, отъезда которого я жду не дождусь, вчера после обеда завалились часа на два спать, – неудивительно, что по ночам им не спится, скучно и хочется смотреть еще фильмы...).

Адвокат вчера так и не пришел. Принесли зато остаток заказа от 15-го числа, и там, наконец-то, оказались те пять батончиков колбасы, о которых мы с матерью говорили еще на свиданке 9-го. Но не оказалось хлеба, – мне его,

я прикинул, хватит до конца «праздников» в обрез, если вообще хватит. А в лагере теперь, если всё же там окажусь, будет мне тоже заметно более голодно, чем в тот раз: передач положено всего шесть за год, а на расход в ларьке ограничение – две, кажись, тысячи в месяц...

Надо, надо умереть, чтобы туда не попасть опять, в этот лагерный ад, но так и нет сил, так и нет мужества... Да еще письма от Мани (особенно) и других внушают каждый раз какую-то надежду, какие-то ложные иллюзии, что, вроде, не все еще потеряно, раз они пишут мне, не забывают, призывают держаться... Мучительные и пустые иллюзии, в самой страшной, тяжелой форме испытанные мною в тот раз при окончании длительных свиданок с матерью...

В субботу, видимо, опять будет ужас – бесконечное изобилие фильмов по всем каналам, которые эти ублюдки будут смотреть до двух ночи и позже, не давая мне спать...

19.4.2013, 9-й час утра (до завтрака)

Невероятно, но факт: их увезли сегодня одновременно! Этапника наконец-то забрали на этап, а нарядчика таки повезли в Бабушкинский «суд», куда он так не хотел ехать, что даже написал ради этого отказ от своей апелляционной жалобы. Он, к сожалению, вернется даже не вечером, а скорее после обеда, часа в три-четыре дня. Но пока что – я сижу в камере с одним только наркоманом (который уже опять завалился дрыхнуть), и телевизор выключен после вчерашнего просмотра опять до глубокой ночи, – блин, как же хорошо!..

7-49 в Москве, сообщает радио. Блин, когда же свиданка? М.б., сегодня? Какое-то смутное предчувствие...

20.4.13., 8-й час утра (до завтрака)

Какой безумный был вчера день!.. Я до сих пор не могу успокоиться, нервничаю, психую, – и есть от чего...

Вместо ожидаемой мной свиданки – в 12 вдруг постучали в дверь: «По сезону!». И повезли опять к проклятому Абоеву в следственный комитет. Сперва у меня возникло мрачное предчувствие, что сейчас он мне назначит психэкспертизу на «Серпах». Но конвойный «мусор» в машине успокоил, что это, как он понял, «217-я» (статья УПК) – закрытие дела. Уже лучше!.. Поехали мы втроем, двое эков – на продление ареста в Бутырский «суд», и пока стояли ждали их у «суда», с этим «мусором», уже немного знакомым мне по прошлым поездкам(и он тоже запомнил меня и что я связан с журналистикой) мы долго дискутировали в машине о свободе слова, о том, лучше будет или хуже, если убрать милицию совсем, и т.д. Он оказался деревенским, приедем из Орловской области, и свое участие в такой

структуре, как МВД, оправдывал в основном тем, что там можно зарабатывать деньги и иметь всякие льготы.

Потом довели-таки меня до места назначения. Первое, что я увидел там в руках моего адвоката Бородина, – наконец-то пришедшее заключение психэкспертизы о том, что я здоров. Ну слава богу! Хотя ожидаемая с ужасом поездка на «Серпы» отменяется...

Сука Абоев предъявил мне сперва заключение экспертизы на пару десятков моих последних текстов, где-то с лета 2012 и до ареста, – они все, конечно же, оказались с «призывами», «разжиганием» и т.п. Потом – бумажку о том, что предварительное расследование по делу закончено. Потом – еще одно постановление о привлечении в качестве обвиняемого – туда он напихал еще кучу новых текстов: «Зачистку» (один из лучших), «Мразь Россия», по итогам «суда» над Pussy Riot, и т.д. и т.п., так что их теперь стало не четыре и не семь, как было до сих пор, а несколько десятков. Вызвал зам. начальника их СК и долго советовался с ним, как «процессуально» оформить изъятие из обвинения статьи про Иран и Холокост, – они таки просекли наконец, что срок давности по ней вышел, но вместо 2005 г., когда она реально была написана, – указали, что она размещена не позднее какой-то даты в 2007 году (когда я сидел ага!..).

Дал еще ознакомиться почему-то только с первыми пятью листами первого тома дела. Всего томов на сей раз оказалось семь, в тот раз было пять.

Самое же трагическое началось, когда адвокат, уже получив от мрази Абоева разрешение для матери на очередную свиданку (а я-то думал, что уже давно!..), решил вдруг спросить у него для меня разрешения позвонить матери на пару минут с телефона его, адвоката. Я не просил об этом, но отказываться, конечно, не стал. Мразь Абоев сказал, что, мол, если разрешит конвой, – и сидевший за нашими спинами толстый, усатый, добродушный конвойный мент, тоже возящий меня уже не первый раз и уже хорошо знающий, нехотя пробурчал, что он не против.

Кроме обычных расспросов про здоровье и пр. – я сказал матери позвонить Мане, напомнить ей, чтобы писала мне скорее. И тут мать начала, как всегда, орать! – что Мане звонить она ни за что не будет, потому что там дня три назад звонила ей сама, спрашивала, по какому телефону можно со мной связаться (ни по какому), сказала, что я ее «подвожу под статью» и что – самое главное – она не будет больше вешать мои тексты на тифаретник, отказывается. Вроде бы и Майсуряну она говорила то же самое, – по крайней мере, на него мать тоже ссылалась. И при этом с ней якобы Маня разговаривала грубо, из-за чего мать и отказалась наотрез ей звонить.

Было от чего начать психовать! Не слушая запреты и протесты Бородина и Абоева, я, недослушав даже крики и ругань матери, тут же набрал Мане. Я успел только спросить ее: «Что у тебя случилось?» – и она ответила удивленно: «А что случилось?» – и жирный усатый «мусор» по приказу суки Абоева отобрал у меня телефон. Бородин тоже был страшно недоволен, – испугался, что его телефон сломают в этой борьбе. Но мне было уже все равно...

Всю дорогу в тюрьму, и в камере, ужиная, и даже полночи, когда проснулся затемно и уже не мог уснуть, – я думал об этом, чуть не сошел с ума. Ее никуда не вызывали, как тут же решила мать, и ничем не грозили, это ясно. А просто – вспомнив свое последнее письмо к ней, через ФСИН-овский сервис, я понял, что, конечно, написал там кое-что лишнее: чтобы она трясла с Майсурия мои последние два текста для блога, хотя, конечно, ни тексты, ни блог, ни фамилию Майсурия не называл открыто. И что она мой секретарь, тоже не стоило писать...

Но чтобы она впредь отказалась помогать, вешать тексты, – это невыносимо! Это добьет меня здесь больше, чем семилетний срок. Это будет предательством еще похуже того, прошлогоднего... Что ж, как придет Бородин (сказал ждать его с понедельника по среду на той неделе, а сегодня суббота) – надо будет через него отправить ей пламенное письмо по e-mail, уговорить как-то не отказываться, не бояться, а я уж впредь, конечно, буду осторожнее. И вот это-то письмо я и сочинял, и прокручивал полночи в голове, так что с вечера долго не мог уснуть, а проснулся уже с головной болью. Да, Маня, видно, крепко связаны мы с тобой невидимой ниточкой, и не в моих силах ее порвать, как бы мне порой этого ни хотелось, – а ты, я надеюсь, не захочешь этого больше никогда. И жизнь у тебя в Питере – не прошлым летом, а вообще, если бы она оказалась возможна в будущем, – представляется мне отсюда, из тюрьмы, раем, сладкой сказкой, совершенно недостижимой мечтой...

Одна только радость (кроме психического заключения из Бутырки), – мой фокус с телевизором удался! :))) Я всё успел сделать, пока был в камере вдвоем с наркоманом [примечание 2020 г.: через отверстие в задней стенке корпуса отломать какие-то три мелких детальки, припаянных на внутренние платы, и выкинуть их], – тот после проверки опять завалился спать. Я думал что ничего не получится, но – прихожу вечером, а телевизор не работает! Стал показывать какие-то полосы на экране вместо каналов! – нарядчик специально включил и показал мне. Ну что ж, хоть спокойные ночи на какое-то время, надеюсь, мне обеспечены. Только вот не сподобились бы они как-нибудь затянуть новый телевизор, – или не они, а

уже другие сокамернички, ибо эти скоро уезжают. Наркоман, оказывается, вчера уже получил «законку» – не получив еще даже ответа на свою апелляционную жалобу; нарядчику же вчера рассмотрение в Бабушкинском «суде» отложили на понедельник, его даже не повезли туда, а вернули в камеру, мы с ним разминулись чуть-чуть.

Вот такие вот мрачные дела. Не знаю, что делать теперь с этой несчастной Маней, как ее уговорить, а главное – как заставить мне сюда хоть что-нибудь написать. На любые мои пламенные письма она может просто не отвечать, занятая своими делами. Как ее заставить писать мне чаще – ума не приложу; вот ситуация, когда просто позарез нужен телефон – но его нет и не предвидится, разве что в лагере первое время, – потом-то опять перестанут давать, как было и в тот раз. Надо, конечно, будет покупать свой, – но где и как его заряжать, если надо держать его наличие в тайне от окружающих стукачей...

21.4.13., 7-й (?) час утра, до завтрака

Бредовые какие-то события происходят... Вчера в обед заказали вдруг на этап наркомана, – к семи часам вечера с вещами! Ничего себе, думаю, – только накануне получил «законку», и уже поехал... Не церемонятся в этой тюрьме...

Остались мы с нарядчиком вдвоем, поговорили немного о лагерях, о том о сем, спать легли рано, – телевизор-то не работает, хотя днем он от отчаяния и пытался его починить. :) Спал я, видимо, крепко, всю ночь не просыпаясь, – ничего не слышал. Проснулся сейчас, перед самым включением света, – смотрю, на шконке наркомана уже кто-то спит. Встал, пригляделся, – а это он и есть! Вернули назад! Охренеть...

Обычно этапы в какое-то одно место бывают раз в неделю – судя хотя бы по тому, как самого меня в 2007 на нижегородском центре вот так же вернули в камеру с этапа, после целого дня на сборке, – и просидел я там еще целую неделю, этапы в Буреполом отправлялись только по четвергам. И с этим, наверное, будет так же. Поразительно другое, – как это я не слышал, как с лязгом и грохотом отпиралась дверь, как он зашел, как наверняка разговаривал тут с нарядчиком, прежде чем лечь... Вот как умотался я, сплю как убитый...

А проснулся вот сейчас, утром, – и вдруг так пробило меня, с такой невыносимой ясностью вдруг охватило опять это чувство ужаса, отчаяния, невыносимой смертной тоски, – блин, опять я в тюрьме, вот уже шестой месяц пошел, как посадили, и конца-краю не видно, и не вырваться мне никак из этих клещей, и еще семь лет впереди... Какой же это невыносимый кошмар – опять я попал в этот ад, в это подземелье, где своя, особая жизнь,

и нет никакой надежной связи ни с матерью, ни с ребятами, я отдельно от них, от своей привычной среды... И даже покончить с собой не могу – не выдержит веревка, боюсь, да и ребята вот нет-нет, да пишут, запрещают мне, стыдят (последним было письмо от Миши Агафонова, которое мне прямо в кабинете суки Абоева дал прочесть адвокат, я лишь бегло успел его там пробежать). Это не смертельно, но как же это невыносимо тоскливо, мучительно, неуместимо разумом – быть оторванным от всего своего и насильно запертым в абсолютно, мучительно для тебя чужое и ненужное, в котором ты не находишь и никогда не найдешь себе никакого применения... Точно такое же чувство ужаса было у меня, хорошо помню, и в тот раз, когда я просыпался в буреполомском бараке, особенно в самом начале – 2007, 2008... Острое чувство невыносимой утренней тоски в неволе... С ума можно сойти от нее, от этого жуткого ощущения потерянности, оторванности от своих, от того, что заперт в этом чужом – и выхода нет... А в этот раз тем более, и с бытом, с едой, с одеждой – будут более тяжелые проблемы, чем в тот раз... Невыносимая тоска и отчаяние давят, не отпускают душу, выворачивают ее всю наизнанку...

22.4.13., около 7 утра (до завтрака)

Понедельник. Боже, до чего же невыносимо, невыносимо тоскливо в тюрьме по утрам!.. Я хочу умереть, но не могу, – нет надежного способа, боюсь, что оборвется веревка. Впрочем, это всё только отговорки. Боюсь, боюсь, никак не могу решиться, – но как и жить потом с этим? Напоминаю себе каждый раз одно и то же, доводы разума, так сказать, – что на воле я был никто и звать никак, а здесь я все-таки – политзаключенный, о котором пишет пресса какая-никакая («Грани» в основном»), за которого подписываются люди (у Корба) и оставляют комментарии в поддержку. Что если мне так тошно от разлуки и невозможности общаться с друзьями (а есть ли они?..) – то и на воле было бы ненамного лучше, особенно в смысле личного общения, т.к. из страны все равно пришлось бы уехать, – разве что интернет-общение было бы доступно, и то отвечают не всегда... Напоминаю себе все это каждое утро, стараюсь убедить, – но всё равно от разлуки, изоляции, неизвестности, а главное – от знания уже, какие ждут унижения в лагере, как невыносимо унижительна сама тамошняя жизнь, среди быдла и отребья, всё время норовящего тобой командовать, – у меня сжимается сердце и еще больше охватывает смертная тоска...

Понедельник. Делать нечего, – по части переписывания старого (украинское письмо) и даже писания нового я славно поработал вчера, почти весь день заняло. Остается только тупо ждать, – в первые три дня недели обещал прийти адвокат, и надо будет через него писать и

отправлять наконец письмо Мане, умолять ее, уговаривать, успокаивать, чтобы она не боялась ничего и продолжала мне помогать с блогом и вообще в интернете. Ведь без возможности хотя бы иногда что-то важное написать и передать на волю, чтобы гарантированно повесили хотя бы в мой блог, – всё это вообще теряет всякий смысл, все эти годы унижения и ужаса среди быдла, вся эта непонятно для чего сохраняемая и проживаемая жизнь... В общем, если Маня все-таки откажется, это будет такой удар в спину, что просто трудно вообразить... В моем здешнем положении, что тогда, что сейчас, такие удары особенно непереносимы...

Правозащитники предали меня, да, правильно пишет Сергей Крюков. Предали, не хотят защищать, кроме разве что одной Е.С. Ну что ж, пусть они будут следующими, пусть после моего отъезда заселят вот эту мою. Камеру в Медведкове ими – и мне не будет их жалко, ей-богу. Поделом... Да и Е.С. тоже что-то не проявляет особой активности на сей раз, и даже упорно не пишет мне, хотя в последней записке твердо обещала на все письма отвечать. Последнее большое письмо я передал ей прямо в руки 4-го числа в «суде» – и вот уже 22-е, и до сих пор тишина. От Световой тоже никакого ответа... Глупо, тошно, бессмысленно всё...

Одно только счастье – телевизор не работает. :)) Вчера весь день я спокойно думал и писал, голова не была забита бредовыми разговорами их бесчисленных за день «кино», все мысли были на месте. Ночью лег достаточно рано, вот уже вторую ночь вроде получается более-менее неплохо выспаться. В то же время животные-сокамернички так тоскуют и изнывают по телевизору, так злятся и бесятся, что он вдруг неожиданно сломался :))) – если бы им тут оставалось бы сидеть подольше, а не уезжать уже вот-вот, – я боюсь, что они так или иначе выклянчили бы себе у начальства другой, работающий. И очень боюсь, что такая беда – появление другого – еще ждет меня с отъездом этих сокамерничков и заездом сюда следующих... Не дай бог, конечно.

23.4.2013, утро (до завтрака)

Невыносимо, невыносимо, невыносимо!!!!... Истерика... За что я опять в тюрьме?!?!?!?!?! Каждое утро теперь, как и прежде, тем сроком, я схожу с ума от этих мыслей, от этой безнадеги... Нет, нет, вешаться всё же придется, – несмотря на все письма ребят, на все просьбы, отговоры, аргументы. Не знаю, когда... позже, но все равно придется, это единственное спасение... Потому что... не терпеть жен ЭТО всё безропотно столько лет. Вчера от нечего делать стал считать дни – сколько осталось, если и впрямь дадут семь с половиной лет. Получилось 2582 дня. Ужас, ужас, неуместимый сознанием... Я не выдержу столько, – да и зачем?.. Адвокат вчера так и не

пришел, приходила ли записываться на свиданку мать – я не знаю, писем не было... Ждем это всё сегодня. Хотя сегодня баня, сегодня, м.б., придется мокрому, только из бани, скорей-скорей топтать к адвокату... А еще – стал я теперь бояться посещений Каретниковой и Бабушкина, которых раньше так ждал (Каретникова с 13 марта не была, чтоб ей провалиться, и Бабушкин – чуть позже). Они ведь не одни ходят, а с тюремным начальством, и как только зайдут и спросят, у кого какие жалобы, – проклятые уродцы соседи тут же заявят, что у них сломался телевизор и они просят новый. И им дадут новый, как же, правозащитнички «позаботятся» о них и обо мне – и прощай опять, тишина и покой, особенно по ночам!.. И как сказать здесь же, при сокамерничках, , как намекнуть, как шепнуть и им, и «мусорам», что никакой телевизор не нужен, чтобы ни в коем случае не несли его, я не знаю... Опять сходить с ума весь день от бредовых фильмов, опять ложиться спать, зная, что не уснешь, пока они не выключат...

Я не знаю, чем мне держаться на этот раз, чтобы не сойти с ума... Представлять себе все время май 20-го, освобождение, как тогда – март 11-го... Жить письмами от друзей – но они почти что не пишут, как нарочно... Думать, что вот так же сидит еще множество достойных людей, и срока у них еще больше моего, и как-то они держатся... А я вот не могу... В лагере, есть слабенькая надежда, хоть будет телефон, связь с домом, с ребятами... но я уже знаю эту лагерную связь, какова она, особенно когда мне ее запрещают давать «положенец» по приказу из штаба... И всё равно, от срока можно с ума сойти... Написал еще одно безнадежное и, видимо, последнее письмо Санниковой, которая теперь не отвечает на мои письма: тогда, 4-го, в «суде», отдал прямо в руки – и до сих пор тишина... Сойти с ума, сойти с ума от безнадеги и отчаяния – сидеть такой срок, 2581 день еще... или же повеситься, пока еще тут, пока еще есть возможность. Другого выбора нет, увы...

25.4.13., около 7 утра (до завтрака)

Ну что ж, вот и всё... Теперь выжить точно не получится, да и незачем... Крышка гроба захлопнулась окончательно... Вчера, как раз после свиданки с матерью, повезли опять к суке следователю. И тот предъявил мне новое «обвинение» - на этот раз по 205.2. и по 280-й там были уже не первые части, а вторые. Типа, «призывы» с использованием СМИ. И одновременно – постановление какой-то из начальницы по фамилии Костина о том, что следствие, уже было оконченное, возобновляется – с целью выяснить, является ли сайт «Сопrotивление» и мой блог с ЖЖ, который они тоже подверстали к обвинению, СМИ.

То бишь – уже не семь с половиной, а десять с половиной лет, методом

«частичного сложения» по 69-й ст. УК. Семь – максимальное теперь из имеющихся наказаний – плюс половинка от этих же семи. 10,5 лет как с куста... Нет, столько я точно не выдержу, да и зачем?.. И несмотря на то, что у них нет никаких доказательств, что они в глаза не видели логи серверов marsho и Livejournal, и пишут, что это я 6.2.2011 завел себе блог в ЖЖ – в то время как я еще сидел!! – «суд» ничего этого, никаких наших доводов и опровержения слушать не будет, а просто проштампует полученное от «следственного комитета» обвинение, переписав его в приговор... Суки... И ничего, ничегошеньки нельзя сделать...

Адвокат Бородин, тоже сука, мразь и ничтожество, еще и не хотел, видите ли, даже ехать ко мне в тюрьму после этого, – настолько он, видите ли, занят. С трудом пообещал, что, м.б., в пятницу, завтра с утра, все-таки постарается приехать. От Трепашкина – мать на свиданке со слов Миши Агафонова передала очередное обещание в ближайшие дни зайти ко мне ,а также и точно выступить в «суде». Рома Качанов тоже обещает быть в Москве в мае – и наконец-то ко мне зайти...

Как на грех, ночью, после всего этого, еще и зуб слева, сверху, разболелся так дико – пришлось-таки принять пенталгин, как я ни старался терпеть и не подсаживаться на таблетки, не привыкать к ним. А представить, что я где-нибудь в пермской глуши, году этак в 17-18-м, буду вот так же мучиться с зубами?! – сроку-то теперь аж до мая 2023 года!.. :)

В общем, беда, и нет выхода. Вернулся – лежит наконец-то электронное письмо от Миши, наконец-то он соизволил написать... А когда вернулись уже в тюрьму – конвойные «мусора» из бибиревского отдела, уже хорошо меня знающие, т.к. с ними я с самого начала срока и езжу везде, сказали мне, что на продление ареста в Бутырский «суд» повезут меня или в понедельник, или во вторник – 29-го или 30-го, т.е. в последние дни перед «праздничками»...

вечер (до ужина)

Вечер тоскливого дня... Тоскливого и бесконечного... Весь день болел зуб, и сейчас тоже продолжает болеть. А только что приходил шмон – на этот раз не только к нам, с обеда где-то они шмонали весь этаж. Забрали пустые пакеты из-под сока и молока, в которых сокамернички заваривали себе чифир – и посрезали все веревки со шконок! Та веревка, которая оставалась моей последней надеждой не сидеть ни семь, ни десять лет, – теперь ее нет, увы!.. И я уже не узнаю, выдержала ли бы она меня, или нет (хотя вряд ли, конечно). Было тошно, а стало еще тошнее... Дни я уже не считаю, – знаю только, что их осталось мне теперь 3650 с чем-то, чуть больше десяти лет, – до мая 2023-го года...

27.4.13., около 7 утра (до завтрака)

Все-таки приходил вчера Бородин (адвокат). Самое омерзительное, – ублюдок «мусор», водивший меня сначала к нему, а потом обратно, при самом уже входе в камеру нашел и отобрал у меня целых (на этот раз) три номера «The New Times», которые специально принес Бородин. Пока сидел в отстойнике, ждал отправки на корпус – успел лишь посмотреть во всех трех номерах «Хронику текущих событий», с которой теперь начинаю этот журнал читать, – и там было сообщение, что политзаключенного по «болотному делу» Николая Кавказского – Трибунуса, единственного из всех «болотных» пзк, кого я знаю лично – этапировали с Бутырки на больницу в «Матросскую Тишину», т.к. у него, оказывается, куча болезней. И была приложена даже его фотография – где-то в коридоре «суда» видимо.

А всё остальное, что там было, – я прочесть не успел. Пусть сдохнет страшной смертью, в корчах, этот ублюдок, который забрал у меня журналы! И пусть весь покроется гниющими язвами еще при жизни!..

Отдать, правда, Бородину я отдал всё, что хотел, прежде всего письмо к украинцам, и написал там же, при нем, письма матери и Мане. Этот урод уже окончательно обнаглел, – звонить ребятам по моим просьбам он не хочет, соглашается этак нехотя, сквозь зубы, с большим трудом, и то не всем; вообще – не желает заморачиваться моими проблемами (кому из ребят что передать на словах, допустим), а зато долго рассказывал мне, как ему тяжело живется, как не хватает денег на семью, на детишек, и что он, мол, поэтому из чистой благотворительности работать не может, надо, мол, искать деньги на его оплату. Я сказал ему в ответ, что понимаю его проблемы, но всё же – они ничто по сравнению с моими, и я с удовольствием поменялся бы с ним. Ей-богу, если бы это не был помощник Трепашкина, подразумевающий некую связь с ним самим, – я бы давно отказался от услуг такого адвоката, ибо подобного дерьма, не желающего ничего делать, не видел еще никогда – ни среди своих адвокатов (уж на что Голубев был тоже не подарок...), ни среди других по чужим политделам....

Настроение сегодня с утра, как ни удивительно, не такое чудовищное и невыносимое, как бывает обычно. Даже сам удивляюсь, – с чего бы это, когда теперь уже конкретная, неиллюзорная «десятка» вырисовывается... Да, положение очень мрачное, а Миша в переданном наконец-то вчера Бородиным письме всё убеждает меня не радоваться своей смертью врагов, не сдаваться, продолжать борьбу, и т.д. Его бы в лагерь, хотя бы годика на 2-3, чтобы он хлебнул тамошней жизни во всей ее красе, тогда бы говорил... Да-да, не бросать борьбу из-за бытовых неурядиц... которые выражаются, например, в том, что тебе на протяжении целых лет (весь срок) фактически

ни одну ночь не дают нормально спать, от силы ты спишь часа 2-3, а днем не можешь заснуть совсем. Интересно, через сколько суток такой жизни Миша начисто забыл бы и перестал бы думать о любой борьбе...

Эти дни совсем замучила зубная боль – вот там, слева в верхней челюсти, отчего болит и выше, включая скулу, глаз и временами даже бровь. Но спал я эту ночь более-менее нормально, проснулся – особо и не болело, но вот сейчас понемногу боль расходится опять...

В понедельник или вторник опять ехать в «суд» не продление ареста, по словам бибиревского конвойного «мусора» (жирный, усатый и очень колоритный, работает последний год, в 40 лет у них уже пенсия) – но Бородин вчера об этом еще ничего не знал...

28.4.13., утро (до завтрака)

Наркомана вчера таки забрали из камеры на этап, и больше он уже не вернулся, уехал. Заказали вечером, сказали – «через полчаса», но, разумеется, как обычно, он ждал больше часа, пока за ним придут...

Настроение отвратительное, как обычно. Вот так же через несколько месяцев поеду и я, – зимой, скорее всего, под Новый год, а самые морозы... И буду пережидать проклятые «праздники» где-нибудь на пересылке или в карантине. Ждать, пока мать сможет ко мне приехать, хот что-то привезти пожрать...

Мозг сопротивляется, как может, этой незатейливой мысли – что я попал на целых десять лет, сейчас мне их наматывают в «суде» легко и просто, не смущаясь никакой недоказанностью, – происходит, видимо, вытеснение по Фрейдю. Лезут в голову какие-то смутные надежды на чудо, на то, что такого ужаса просто не может случиться, – должно, типа, вмешаться какое-то везение, какая-то счастливая случайность... Хотя – какие бывают в этой стране для политзэков счастливые случайности, я уже вполне убедился тем сроком, тоже всё мечтал как-то выбраться с зоны пораньше; да и сейчас это вполне ясно не только по моему случаю, но и по другим, – по тому же «болотному» делу, допустим. Хотя – я не удивлюсь, если их-то правозащитники и вся «общественность» в итоге таки вытащат, ну хотя бы поспособствуют заметному снижению сроков. Не зря же и New Times, и «Новая» только о них и пишут, делают индивидуальные портреты, всячески облизывают; та же Светова, в частности, только ими, считай, и занимается, – а обо мне известнее Корба и Санниковой никто не написал ни строчки... ах да, Подрабинек еще, в самом начале... Не заслужил я... Служил-служил, да вот – ничего не выслужил... 20 с лишним лет, вся сознательная жизнь – и ничего. Кроме второго срока, разумеется. За какого-нибудь, прости господи, Полиховича – они глотку порвут, хотя до ареста по

«Болотному делу» его абсолютно никто не знал. А этот Стомахин – да пропади он пропадом, он же сумасшедший!..

В общем, тоска. Открытое письмо «КС оппозиции», открытое письмо украинцам (ВО «Свобода»)… Кому еще написать? Пока есть возможность? Широпаеву? :))) Кому и что еще можно сказать такого, что привлекло бы чье-то внимание? Широчайшая свобода слова в тюрьме :))) – а сказать-то некому и нечего… Хорошо еще, в самом деле, что я не оставил на воле ничего – никаких незаконченных проектов, невыполненных обещаний, сулящих хоть что-то хорошее отношений… Арест явился как бы вполне логичным завершающим аккордом к этим 20 месяцам, в которые я так и не нашел себя в этой новой политической обстановке, к году размышлений о том, как так получилось, что я оказался совершенно не востребован, что на оппозиционных трибунах – навалыны и яшины, рулят сотысячными массами и спускают пар в свисток, и что, собственно, жизнь прошла, и мое время уже никогда не наступит… Это было так тошно и горько, так невыносимо, что, пожалуй, лучше уж сидеть в тюрьме, чем на такой воле… Только не десять лет, конечно; года четыре, пять – я бы взял сейчас, наверное, легко, благо опыт уже есть…

вечер (после ужина)

Глупо, но принимать участие в политической жизни России я, видимо, могу только как политзаключенный. Которого кто-то защищает, а кто-то (большинство) категорически отказывается защищать, – и вокруг этого публично ломаются копыя, пока я сижу себе без всяких надежд на освобождение или хотя бы снисхождение. (Сейчас вот они ломаются в основном благодаря Корбу, спасибо ему.) Как объект, короче. А вот будучи на воле, как активная боевая единица – субъект – я участвовать в российской политике не могу, как это ни грустно. И 20 месяцев на воле между двумя отсидками это хорошо показали. Не могу, хотя отдал этому делу всю жизнь, и стаж мой поболее, чем у многих нынешних «оппозиционеров», – а всё потому, что ни цели мои, ни методы категорически не совпадают с таковыми у 90% российской «оппозиции», во что бы то ни стало желающей сохранить Россию, избежать (совершенно необходимого и неизбежного) крушения этого преступного государства, а всё, как дети малые, надеются его как-то реформировать, привести в нормальное, цивилизованное состояние, довести до европейских стандартов (при этом как-то совмещая их с пресловутыми «традиционными ценностями», против которых избегают даже открыто высказываться). Мне в этом бесконечном таскании воды решетом места нет, меня они не пускают – именно за то, что я вижу дальше и глубже их, понимаю всю совершенно очевидную бесплодность их

надежд и тщетность усилий – и предлагаю свои методы, куда более действенные и близкие к реальности. Именно за это самое вот эта вот сволочная кодла – «оппозиция», «правозащитники» и т.д. – не хочет меня сейчас даже защищать…

29.4.13., утро (до 7 ч.)

Понедельник. Утро. С вечера – еще так-сяк, чуть-чуть отпускает. Но с утра – это совершенно невыносимо, непредставимо, чудовищно, неместимо сознанием, – что это будут полные десять лет, что никакого чуда не будет, никакого спасенья, никакой надежды, что всё оставшееся мне теперь будущее – это лагерные проверки, столовки и шмоны… Всё никак, до сих пор, не могу в это поверить, не говоря уж – смириться… И другие сидят, и сидели всегда за свободное слово в России, не я первый, не я последний, но – не могу, не могу…

Вчера утром так дико разболелась вдруг голова, я думал – сейчас будет инсульт. Пришлось жрать таблетки, но и они не сразу помогли, после двух цитрамонов пришлось еще один нурофен, только тогда прошло. Хорошо еще, что нурофен пока есть. Зато вроде прошел зуб, вчера он о себе почти уже не напоминал, только едва-едва заметным покалыванием иногда. И сейчас, тьфу-тьфу-тьфу, не болит. Именно это позволяет мне думать о том, что со мной случилось, а не о больном зубе, как три дня назад.

Повезут ли сегодня в «суд» на «продлёнку»? Закинут ли кого-нибудь новенького в камеру, пока я буду ездить? Не хотелось бы ни того, ни другого. Наркомана таки увезли окончательно, и вчерашний день мы провели вдвоем с нарядчиком, изредка разговаривая о том о сем. Когда нет телевизора, не так заметно, какое это быдло, :) можно и поговорить. По крайней мере, ко мне он относится с известным уважением, в том числе и к моей инвалидности, и не говорит мне, как та мразь в «людской хате»: мол, болен – иди на больницу, сиди там!..

Совершенно невозможная, неместимая разумом эта ситуация с десятью годами за статьи в интернете… Паша Люзаков говорил мне тогда, в ночь ареста, когда я звонил ему от следака, что, мол, больше семи лет мне не дадут. Интересно, что он думает об этом теперь… Какое-то горестное оцепенение охватывает при этих мыслях, и нет сил ни говорить, ни писать, ни думать… Отчаяние такое, как будто действительно закопали в землю живьем. И винить некого, виноватых нет… кроме этой проклятой страны, ее жуткой истории, ее тоталитарных традиций… По крайней мере, себя винить в том, что «писал», высказывал свои мысли и оценки вслух, не молчал в тряпочку – я точно не собираюсь…

30.4.13., 8-й час утра (до завтрака)

Нет, вчера так и не повезли никуда. Предстоит сегодня?.. Зато вчера еще до обеда пришли долгожданные письма – от Миши Агафонова, от Корба, от матери, да еще – с почты вернули мое письмо в США Павленкову от 20-го числа, которое я вложил в им же присланный и надписанный американский конверт с американскими же марками. Как я и думал, для российской почты эти марки не покатили, их там перечеркнули и вернули мне письмо с надписью: «Оплатить 21 руб.» с копейками. Что ж делать, я сделал об этом приписку к письму, переложил его в российский конверт с 25-рублевой маркой... и всё. А по поводу остальных писем – сперва очень боялся, что сейчас придут и повезут меня, так что я не успею на них ответить – и тогда отдать их можно будет только вечером 5-го мая, накануне ближайшего рабочего дня – 6-го мая.

Но нет, успел даже написать матери, которой, узнав 24-го о новых тяжких обвинениях, хотел написать большое откровенное письмо с рефлексией по этому поводу и по поводу всей своей неудавшейся жизни. Конечно, за столько дней мысли порядком разбежались, так что написал я не совсем то, что хотел, – но да что ж поделывать... Много хороших слов написал мне Корб – о моем мужестве и героизме, о моей роли в борьбе за свободу в этой стране. Спасибо, Виктор! Пишет, что его огорчают «депрессивные мотивы» в моих письмах, – что ж поделывать, меня еще больше огорчает громадность предстоящего мне срока, да еще если это будет особый режим...

Потом, после обеда, пока еще не дописал письма, пришла вдруг на этаж библиотечарша – менять книги. А я-то как раз вчера, кажись, только расстраивался, что на все «праздники» остались мы без новых книг, нечего даже почитать... На мой вопрос про каталог она ответила что-то невразумительное, – что, мол, книг здесь так мало и они так разрозненны (скажем, Достоевского – один том на всю библиотеку, а Гоголя – нет совсем), что по этой причине нет, якобы, смысла составлять каталог. Я не понял эту логику, – почему бы все равно не переписать все книги, что есть, даже если там Достоевского один том, а Донцовой – 101. По-моему, им просто лень, не хотят возиться – ни сама библиотечарша, ни ее помощники из хозотряда. Но повезло: среди принесенных ею на сей раз книг оказалась одна совершенно чудесная – «Медея и ее дети» Людмилы Улицкой. Вообще, Улицкую, из которой я читал только один роман – тем сроком в лагере – я давно хотел почитать еще, – и тут такая удача! Я прихватился к этому роману сразу же, как только закончил писать письма, – и не бросал часов до девяти вечера, пока уже не почувствовал усталость.

А тем временем – сказала, видимо, поза, в которой я несколько часов сидел на шконке и писал эти письма: начала дико, невыносимо болеть

поясница. Да, таких болей не было у меня давно – ни этим сроком, ни, пожалуй, на воле. Сидя, лежа, но ногах – болело дико, я никак не мог найти приемлемую позу, и боль отдавалась даже в верхней части левой ноги – такого у меня вообще не было с 2006 года, когда я только-только упал с окна и в тюрьме, с переломанным позвоночником, по глупости попытался как-то раз встать со шконки...

И сейчас еще поясница побаливает, но уже не так зверски, конечно; за ночь, которую я вроде неплохо проспал, стало полегче. Но тем не менее, в мусорской машине, конечно, если повезут сегодня в «суд», мне будет тяжело от тамошней тряски.

А Корб, забыл написать, теперь выше крыши поглощен «судебными» делами: он там у себя в Омске таки смог добиться отмены «судебного» решения, которым весь номер «РП» за сентябрь 2011, в том числе и его заметочка, были признаны «экстремистскими материалами» и внесены в список. Сама по себе отмена такого решения – это неслыханно, это очень громкий прецедент, – а он добился отмены и отправки на новое рассмотрение. Тем не менее, мне с моим подходом все равно непонятно, на кой это ему надо – судиться с этими мразями по их законам, ведь ясно, что конечный результат все равно будет в их пользу, – и я задал ему в письме этот вопрос в ответ на его, тоже меня поразивший своей нелепостью: мол, буду ли я участвовать в этом новом их рассмотрении в Омске, как свидетель, редактор «РП» или в каком-либо еще качестве. Не буду, разумеется, к разочарованию честного законника Корба, который каким-то странным образом сочетает в себе либертарианство и вроде бы тотальное неприятие Системы, как у меня, – с рудиментами вот этого вот древнего советско-правозащитного «законничества» и любовью к обращениям в «суды» Системы, несмотря на совершенно очевидно бутафорский и марионеточный характер этих учреждений.

МАЙ 2013

1.5.2013, 8-й час утра (до завтрака)

Слава богу, никуда вчера так и не возили. Начались майские «праздники», будь они неладны!.. Так и сидим вдвоем, никого к нам (тьфу-тьфу-тьфу!) не закидывают, да никто и не нужен. Хоть до конца «праздников», хоть числа до 6-го (первый рабочий понедельник), я надеюсь, досидим так.

Тоска по-прежнему страшная, невыносимая, от мысли о том, ЧТО предстоит, сколько лет еще мучиться и маяться в этом ужасе, вдали от дома...

8-й час уже, но свет, к счастью, не приходят, не зажигают. Вполне светло и так.

Вчера произошло большое (для меня) событие: принесли неожиданно большое рукописное письмо от Мани, и я весь вечер, после бани и чая, с перерывом на ужин и почти до ночного выключения света на него отвечал. Кажется, сказал всё, что хотел сказать, ничего не упустил, – но до самого вечера 5-го мая у меня есть еще время на дописки и постскриптумы. А чудо состоит еще и в том, как быстро оно дошло – 18-го отправлено, 29-го было уже в Москве, судя по штемпелю, а 30-го, вчера, его уже принесли мне! Невероятная для здешних «мусоров» оперативность, объяснимая только одним: нежеланием оставлять у себя нерозданную почту на «праздники»...

А так – тоска, сплошная тоска... Прочел вчера (за два дня) роман Улицкой «Медея и ее дети», принесенный библиотекарей и безумно мне понравившийся. Как хорошо, тихо, умиротворенно, прожив долгую жизнь, можно жить в этом райском месте – в Крыму, в котором я всю жизнь мечтал пожить подольше, поездить, посмотреть – а реально был всего чуть-чуть, краешком, пару раз в Севастополе да на экскурсии в Бахчисарае... Теперь, увы, эти мечты если и сбудутся, то нескоро, а скорее – никогда; хотя в Украину-то, в Крым, теоретически можно ездить не только из России...

Да, пропала жизнь, пропала окончательно и бесповоротно; я еще тем сроком это понял, почувствовал и писал в дневнике. Потом было освобождение и иллюзия «воли», 20 месяцев. Но на самом деле тот срок и этот, вместе с этим коротким перерывом, в который я и понял, что жизнь, в сущности, кончена, – составляют единое целое. А если вспоминать еще раньше, – то «дело», по которому я сел в тот раз, завели еще в ноябре 2003 года, меня вызывали тогда писать «объяснение»; и значит – жизнь кончилась еще десять лет назад... Кончилась окончательно и бесповоротно, и больше никакой никуда дороги нет, и ничегошеньки хорошего мне не

светит, впереди – только одно дерьмо, только унижения, потери, прозябание и смертная тоска... И я молю бога (в которого не верю) только об одном: чтобы он дал мне поскорее умереть...

Со спиной сегодня с утра вроде полегче, а вчера весь день опять были дикие боли. Но как будет сегодня днем – неизвестно; скорее всего – опять так же.

2.5.13., утро (до завтрака)

Ничего не происходит. Так и сидим вдвоем. Делать, кроме чтения книжек, нечего, вчера целый день разговаривали. Он – рассказывал о своих прежних арестах и «делах» (угоны, наркотики), я – в основном вспоминал всякие темы и истории из диссидентских мемуаров...

Прошла уже треть 13-го года. Письмо Мане так и лежит неотправленное, до вечера 5-го я еще успею много постскриптумов к нему сделать...

Нарядчик, кстати, вчера правильно сформулировал: прямых улик против меня нет, есть только косвенные (вот те самые файлы в формате Word, обнаруженные у меня в компьютере). Однако совершенно очевидно, что нашему «суду» вполне хватит и этого, чтобы меня «осудить» на любой срок, на какой ему прикажут...

Тоска по-прежнему совершенно невыносимая, стоит только представить себя в лагере, без самого необходимого, без жратвы, без одежды – и без возможности это получить, т.к. свиданку если и дадут, то она раз в четыре месяца...

3.5.13., утро (до завтрака)

«Предвкушение большой удачи слаще иногда самой удачи», – писал кто-то из восточных поэтов. В «Истинах» есть эта цитата. Так и меня «предвкушение» ужаса ситуации – оказаться на много лет в зоне, но теперь уже без всякой или хотя бы достаточной материальной поддержки – и потому, что ездить некому, и потому, что на строгом (тем паче – особом) режиме гораздо меньше свиданок и передач, – не отпускает ни на секунду, ни днем, ни ночью. Чем дожить до того, чтобы жить там, как жили при мне многие, не получавшие вообще никаких передач, грызшие перед сном черствую пайку кислого столовского хлеба, запивая ее кипятком, – ей-богу, лучше уж умереть.. Тем паче, если сроку будет не три года, как было у них, а десять лет, да даже если и семь...

Написал вчера по просьбе Виктора Корба (в его последнем электронном письме) обращение ко всем, кто подписал его воззвание за мое освобождение. Да, сильная общественная кампания в защиту освободить бы меня не освободила, но срок могла бы помочь снизить – хотя бы с десяти лет до тех же семи... Но сильной общественной кампании не будет, это я

уже знаю точно – ибо ей неоткуда взяться; так что все мои слова и призывы направлены в пустоту...

5.5.13., утро (до завтрака)

Утро. Тюрьма. Тошно, тоскливо, невыносимо совершенно. Хочется выть... Хочется умереть, или сойти с ума, чтобы не видеть всего этого, не понимать, не осознавать всей безысходности своего положения... Страшно не это, что сейчас вокруг, – страшны годы впереди; даже 2-3 года – и то было бы тяжело, а уж десять... А меньше эти суки не дадут, нечего даже мечтать, тешить себя несбыточными надеждами...

Между обедом и ужином вчера приходили два таджика-«мусора», устроили небольшой шмон. Даже доску в полу у дальняка не подняли, только у окна; сумку мою не открывали, только пошарил один из них в боковом кармашке. Но всё равно, смотреть на них, косоглазых тварей, шарящих по матрасам, шконкам, тумбочкам – было невыносимо противно. Твари, будьте вы прокляты и сдохните в страшных муках!..

Бывший нарядчик, последний оставшийся сокамерник, с которым мы так и сидим вдвоем, – задолбал, если честно, теперь открыванием окна. Телевизора нет – так теперь источником моих проблем стало окно, я так и предвидел. То он курит туда, стоя на батарее, то открывает просто так – «проветрить» (чего там проветривать-то!..). Правда, видя, что мне холодно, – спрашивает, и закрывает его. Но через некоторое время – открывает снова!.. Будь ты неладен, козел!.. А на улице эти дни – дожди, и довольно прохладно, с окна чувствительно несет холодом...

Сегодня отдадим, наконец, «мусорам» в ужин письмо к Мане, пятые сутки уже лежащее в ящичке, обросшее множеством приписок. Послезавтра, 7-го, надеюсь, оно уже уйдет на почту. Ну, или 8-го, в крайнем случае. Главное – чтобы дошло поскорее.

Я не хочу жить. Я не хочу жить. Я не хочу жить. Не хочу сидеть, это не жизнь...

7.5.13., 8-й час утра (до завтрака)

Вчера опять никуда так и не повезли, ни на какую «продлёнку». Странно. Ждем сегодня. Если и сегодня не повезут, то завтра-то (последний рабочий день перед новыми «праздниками», будь они прокляты) уж вряд ли. Тогда скорее уж 13-го, в понедельник.

Зато пришла вчера опять почта, хотя я и не ждал так быстро. Главное – пришло электронное письмо от Мани, без возможности ответа, т.к., она пишет, на карточке у нее осталось всего 50 рублей, после «праздников» она собирается заказать новую. И приводит главную новость, очень мрачную: 29-го апреля в Краснодаре арестован Новожилов! Точнее, принудительно

помещен на психэкспертизу в местную психбольницу, где уже лежал 12 лет назад, и против него, как поняла Маня из сообщения «следственного комитета» в интернете (хотя его имя там и не называлось), есть дело по 282 ч.1 как минимум, а возможно, и что-то еще.

Что он вообще делал-то? Кроме этого своего блога в инете, где в основном были перепечатки с КЦ и других мест, а сам он писал очень редко и мало, – вроде бы ничего. По крайней мере, за тот период, что я был на воле и интересовался им, – не припоминаю ничего другого. Да и что там, в этом Краснодаре, на этом совсем уж фашистском юге, можно еще делать? Листовки, например, там клеить бессмысленно...

Конечно, будь я сейчас дома, я впрягся бы всеми силами, на все 100%, в его защиту, м.б., даже поехал бы сам в Краснодар – узнать что-то, там ведь у него никого и нет, кроме престарелых родителей, которые не в курсе дела. После ареста не имеют уже значения никакие разногласия, никакие мои мнения о нем, – в частности, то, что я считал его редкостным идиотом, сознательно отказавшимся от уже полученного убежища в Польше, написавшим массу всякого бреда про то, как ему не нравятся поляки (в основном не в политическом смысле, а в личном, – не так одеваются, не так ведут себя, разговаривают, не ту музыку слушают, и т.д. и т.п. бред; да и вообще слово «дискотека» было для Новожилова сугубо ругательным) – и сознательно вернувшимся в Россию. Два года, насколько я понимаю, прожил он здесь, проходил по лезвию бритвы, вел этот свой блог, – и вот... Грустно, очень грустно; и защищать его, как я понимаю, будет так же некому, как и меня, – кому он нужен, «экстремист» этот, тоже постоянно очень нелестно отзывавшийся о правозащитниках... Какой-то он, типа, модернизированный мусульманин (по словам Мани, души в нем не чающей, он общался с аллахом, слушая тяжелый рок, очень им любимый, что, конечно, по классическим исламским канонам совершенно немыслимо), гомофоб, любящий как-то совершенно по-идиотски лезть именно в частную жизнь людей и поносить их за то, что она у них какая-то неправильная и недостаточно пуританская (это меня в нем всегда и бесило больше всего), – но для правозащитной официозной тусовки – не говоря уж: для государства – мы с ним проходим по одной категории «экстремистов» и т.п. Я полностью солидарен с ним в его новом заключении и не знаю только, к сожалению, как выразить эту солидарность публично, под чем поставить подпись, – надо ждать новых вестей от Мани. Судя по такому началу, как принудительный увоз в психбольницу на экспертизу, как и по его прошлому попаданию туда в 2001-2002, – похоже, его опять хотят пустить по «психиатрическому варианту», объявить психически больным и начать

«лечить». Вариант более быстрый, чем у меня (тем паче, если там только одна 282 ч.1), но потенциально гораздо более тяжелый.

А меня, увы, ждут полновесные десять лет лагерей, как ни дико это представить. Эта ужасная мысль присутствует фоном во всем, что я здесь делаю, думаю, каждую минуту и секунду моего пребывания в этой проклятой тюрьме. Ситуация настолько чудовищная, что не вмещается в сознание, но – тем не менее...

От Мани стали всё же приходиться письма, а вот от матери нет ничего уже давно, – бумажные письма идут долго, а электронные писать она не умеет. Я начинаю уже волноваться, как она там, – можно представить, ЧТО будет в лагере, особенно первое время, пока я не найду возможность звонить ей хоть с какой-то регулярностью, да и потом тоже, – благо, опыт Буреполома на этот счет уже есть... Надеюсь, вчера она хотя бы, как мы договаривались на последней свиданке, приезжала сюда делать заказ в ларьке, так что после обеда, если его хотя бы частично принесут, – это можно будет считать весточкой, что всё нормально...

8.5.13., 7-11

И опять вчера никуда не возили. Сегодня? – или уже только 13-го, после «праздников»? Ехать никуда не хочется страшно, – опять эта тряска, тошнота, укачивание, наручники... А вчера была баня, был ларек – мать все-таки приходила в понедельник, слава богу! – но принесли почему-то только пирожки, яйца и курицу гриль, а всё остальное, что она тут заказывала, – то ли сегодня, то ли тоже после «праздников». К счастью, еда в камере еще есть.

И была, конечно, та же дикая тоска, что и всегда. Как я попал, боже! Как я опять влип... Да, это надо быть круглым дураком, совершенно феерическим неудачником, чтобы так влипнуть... Жаль... Особенно жаль, что это уже всё, – билет в один конец... Едва ли я выйду из лагеря живым после десяти лет срока, правильно мне пишет (через Агафонова) Антоша... К вечеру я, видимо, просто устаю уже думать все эти грустные думы, немножко отпускает эта тоска, я успокаиваюсь, больше думаю уже об ужине, о том, когда выключат свет; так же точно было и тем сроком, что в тюрьме, что на зоне. Просто защитная реакция организма, видимо, чтобы совсем не сойти с ума от этой безысходности. А с утра тоска и отчаяние наваливаются вновь, со свежими силами... И так – день за днем, месяц за месяцем, год за годом... Пусть я далеко не первый, и не последний, конечно (вон, – Новожилов!..), но всё же – жизнь-то одна, другой не будет, и жалко потратить ее всю, без остатка, так ничего и не добившись, попусту, умереть таким же полным нулем, как начинал жить... Я хочу умереть, ибо другого разумного выхода из этой ситуации, другого спасения от диких унижений лагерной жизни нет,

– но теперь и умереть нельзя, веревку-то забрали на шмоне...

А так – две свиданки с матерью, два прихода Бородина, появление наконец-то Ромы Качанова и даже, м.б., Трепашкина, – вот всё, что, по идее, ждет меня во второй половине мая. На улице уже всё расцвело и зазеленело, настоящее лето, – и мой оставшийся сокамерничек, тот самый бывший нарядчик, которому во второй половине июня домой, буквально сходит с ума, залезая на батарею и глядя в окно. Я, которому еще десять лет сидеть, гулять все эти вёсны в лагере по раскисшей грязи, к зеленому великолетию за окном остаюсь практически равнодушным.

9.5.13., утро (до завтрака)

«Праздничек», будь он проклят, – основной, на котором держится режим, главная их идеологическая подпорка...

И вчера так никуда и не возили меня, – даже странно, что ж за задержка такая. Теперь, значит, 13-го, в понедельник, не раньше. Пришли зато опять два письма – от Е.С., ответ на мое от 3.4., отданное ей прямо в руки в «суде» 4.4., на том «продлении». Пишет она коротко, что не знает, что мне ответить (в это верю охотно), разговор, мол, очень длинный и беспредметный. Нечего ей сказать, короче... Но куда больше взбудоражило меня письмо от Майсуряна, – №12 уже, а номер 11 где же?? его не было, это точно, – то ли на почте пропало, то ли здесь цензура не отдала. Последнее было бы особенно обидно, но – нет связи, нельзя ничего узнать, ничего сообщить, увы... Только строить догадки да ждать чьего-нибудь электронного письма, чтобы передать Майсуряну эту грустную весть. М.б., он там собрал отзывы на мое открытое письмо к «КС оппозиции», потому и не пропустили? Да нет, вряд ли; а, кстати, додумается ли он, интересно, такие отзывы для меня собрать, или всё будет играть в конспирацию? Не говоря уж, что мне дико интересно, как там прошло мое открытое письмо украинцам, было ли оно где-либо опубликовано (особенно в украинских СМИ), была ли на него заметная реакция, и т.д. Но – кто же мне вот так просто соберет и сюда пришлет отзывы? Они все там боятся мне повредить, как и в тот раз, – и держат меня в мучительном, душу выматывающем неведении...

Написал вчера зато, по совету Корба, отдельное обращение ко всем сторонникам свободы в России (интересно, сколько их тут). Любопытно также, опубликует ли он его, как обещал, не слишком ли «за гранью» оно ему покажется, не слишком ли уж несовместимым ни с какой легальностью, которую он всё же хочет тут сохранить...

Проснулся сегодня уже с головной болью – слева, как обычно. Отлежал, видимо, опять голову. Пока еще цитрамон на такие случаи есть, но – я с ужасом думаю: когда он все же закончится, – там, в Мордовии, или Перми,

или Кирове, – где его тогда брать? Без него я фактически жить не смогу, когда болит – это всё, вилы; а если до ближайшего приезда матери будет не месяц самое большее, как было тем сроком, а три, четыре месяца, да еще сможет ли она ездить – ГДЕ брать лекарства тогда? Клянчить в санчасти – две таблетки от силы – отстояв безумную очередь? И так каждый раз? Да еще будут ли там давать, в санчасти-то, будет ли у них вообще этот цитрамон... Или так и загибаться без него, ждать, пока эта ломота в башке закончится инсультом?.. Впрочем, я не против, если только – сразу насмерть, а не лежать потом с парализованной половиной тела, левой или правой... Вот в чем он, самый ужас этого нового, грядущего срока, – в отсутствии на сей раз, скорее всего, самого необходимого, которое с уменьшением количества свиданок, передачек и сил матери, чтобы ездить ко мне, будет просто негде там взять...

А 12-е письмо Майсурия содержало распечатки в основном про эту мразь Носикова – стукача, по доносу которого и завели нынешнее уголовное дело. И кучу комментариев всякой мрази на его сообщение в своем ЖЖ, что, мол, он был у следователя и что меня сажают именно по его доносу (якобы раньше он этого не знал). Мразь обсуждает меня, бурно радуется, что я опять сижу, – увы, читая такие письма, становится еще грустнее, тоскливее, т.к. ничего почти что я не могу отсюда сделать, не могу крикнуть так громко, как хотелось бы, напомнить им о себе, дать понять, что я еще жив, и не изменил своих взглядов, и готов по-прежнему воевать со всей этой мразью, называемой Россия...

10.5.13., утро (до завтрака)

О боже, как же тошно, как невыносимо, как мучительно – хоть криком кричи и бейся головой об стену – здесь по утрам!.. Не от условий здесь, сейчас, и даже не от последнего оставшегося соседа-быдляка, он не достает особо, хотя и быдляк несомненный, конечно, – нет, от мысли о том, СКОЛЬКО еще предстоит всего этого, как много лет такой бессмыслицы еще впереди... О-о-о, эта мысль совершенно невыносима!..

Вчера под вечер, до ужина еще, начал вдруг опять болеть зуб, всё там же – слева сверху где-то, и причем сразу сильно, почти нестерпимо. Вот оно – то, что ждет: такие вот безысходные мучения весь срок, все годы, а лекарства просто элементарно некому будет привезти... Сейчас они еще есть, но я стараюсь не привыкать к ним, пить как можно реже. Весь вечер он то проходил, то опять расходился, но пока я ужинал и пил чай перед сном – вдруг прошел совсем, так что ночь я, слава богу, спал спокойно. И вот сейчас, как начал писать о нем, – боль начала постепенно усиливаться снова...

С матерью, стал сейчас вспоминать, мы не общались ведь с самого 24 апреля, с последней свиданки. Когда следующая – неизвестно, разве что она

придет в «суд» 13-го, или когда меня там повезут на очередное «продление». Но там толком не поговоришь, – а я уже тоскую по общению с ней, по тому, чтобы узнать, как у нее там дела, – только и знаю, что 6-го она приезжала делать ларек, то бишь – до 6-го всё было нормально...

Да, фантастическое событие! – вчера, когда открыли «кормушку», чтобы раздать нам обед, «мусорша» вдруг протянула в нее быдляку-соседу... то самое пропавшее письмо от Майсурия № 11! Вот так – даже в «праздничный» день, выходит, я умудряюсь получать здесь почту!.. Надо честно сказать, это событие в тот момент сильно подняло мое настроение, очень кислое и тогда, и вообще постоянно. А потом... когда читаешь рассуждения всех этих подонков обо мне в комментариях ЖЖ, девятый год подряд мусолящих одну и ту же цитату из некролога Масхадову, – ненависть подступает к горлу такая лютая, что, ей-богу, лично сбросил бы на эту страну, на эту проклятую Москву, ядерную бомбу, своими бы руками, а лучше – и не одну...

11.5.2013, утро (до завтрака)

Дико, чудовищно разболелся вчера после обеда проклятый зуб. С утра проснулся – он не болел вообще, потом боль постепенно стала нарастать, и вот после обеда – наступил апофеоз. Было совершенно невыносимо, до темноты в глазах. Пришлось принять сразу две таблетки кеторола, и после еще некоторого времени активного хождения по камере туда-сюда, – прошло, причем совсем, и не болит до сих пор. Ночь спал спокойно, хотя и не очень хорошо, – просыпался всё время и подолгу не мог опять заснуть. Сейчас не болит, но что будет дальше, хотя бы к сегодняшнему обеду, – я не знаю. Кеторола еще 16 таблеток осталось, но срок годности – до сентября 2014. А ЧТО будет потом, кто и когда сможет привезти мне новый, и как часто он будет мне нужен, и где я сам окажусь в сентябре 14-го, – бог весть... Вот это-то, эта вот неизвестность – и есть для меня самое страшное во всем, что со мной на этот раз случилось и что еще ожидает...

12.5.13., утро (до завтрака)

Чудовищно, невыносимо, непостижимо!.. ЗА ЧТО Я ЗДЕСЬ????!! Каждое утро начинается с этой тихой истерики глубоко внутри, в душе... Невыносимо, хоть бейся головой об стенку. Невыносима мысль, что еще десять лет вот так вот, где-то затерянным, без всякого смысла, без матери, без друзей... И никуда не деться, не сорваться, и чуда никакого не произойдет, – увы, это полные десять ближайших лет моей жизни... бессмысленной и никчемной уже по одному этому, ввиду такой вот перспективы. Нет, как ни крути, что бы там ни писал мне Миша и остальные, – суицид остается единственным мыслимым выходом из такой

вот ситуации. Хочется, не хочется, легко ли умирать, или страшно, – но другого выхода нет. Нельзя, ни за что нельзя позволить загнать себя на столько лет в это тотально, безгранично унижительное состояние, когда у тебя не будет там ничего своего, ни запасной пары носков, ни туалетной бумаги (только казенная), не говоря уже о лекарствах получше анальгина или еде получше кислой пайки столовской «черняги» на ночь, без всего, ибо положить на эту пайку тебе нечего, и взять негде, и некому уже давно приехать, привезти тебе что-то, а длительную свиданку, даже если мать и осилит двое суток дороги в один конец, могут элементарно не дать – типа, «нет свободных комнат», и всё... Нет, нельзя, нельзя позволить загнать себя в такую ситуацию, ни за что нельзя, и пусть там за мою смерть кто хочет пьет шампанское (из последних ЖЖ-шных распечаток Майсуряна) – мне глубоко наплевать. Такая жизнь мне совершенно не нужна, – да еще ведь и телефон будут, непременно будут запрещать мне давать, как это было в проклятом Буреполоме, – не расскажешь даже никому, какие у тебя там проблемы, не продиктуешь, что нужно привезти...

Конечно, когда находишь себе какие-то занятия, пусть даже бредовые, то время летит быстрее. Вчера до обеда оно пролетело у меня быстро: взялся наконец писать какой-то бред, типа мемуаров, о которых давно уже подумывал, но как-то не очень всерьез. И только исписав три тетрадных листа, понял, что это вздор, никому не нужный; ; да и я не потяну столь грандиозный труд писать, редактировать, переписывать набело чисто руками, без компьютера, без своих архивов, без интернета, где можно быстро уточнить любую информацию... Потом, после обеда, переписал еще раз обращение ко всем сторонникам свободы в стране, написанное по совету Корба (и не сразу я нашел, что вообще в нем написать), вечером, после ужина – стихи. И – всё: пожалуйста, я готов уже завтра, 13-го, как только закончатся праздники, ехать на «продленку» в Бутырский «суд», чтобы там отдать всё это или Бородину, или кто уж там будет из ребят, кто смог бы всё это закинуть в рассылку...

Будь она проклята, будь она проклята, будь проклята навеки такая жизнь!.. Когда же я, наконец, сдохну, чтобы не видеть всего этого вокруг, не думать о будущем, не искать оправданий своему пребыванию здесь, в тюрьме... Господи, боже, когда же я сдохну, и как мне ускорить этот процесс???!...!

Очень скучаю по матери, от нее по-прежнему нет никаких известий. Увидеться бы на «суде»... Сижу вот уже скоро полгода – и с каждым днем сидеть становится всё невыносимее...

14.5.13., утро (до завтрака)

Дикие новости... Вчера в 10 утра была свиданка с матерью. Сообщили о ней еще поздно вечером накануне – «заказали» на 8 утра. То-то радости было!.. Но – вместо полдевятого, как в прошлый раз, когда я уже психовал, что пропущу свиданку, – на этот раз вывели в самом начале 8-го утра, вытащив прямо из постели... На свиданке оказалось – после недолгих расспросов я понял – что адвокат Бородин, эта мразь, давно уже ничего не хотевшая делать по моим просьбам, – просто скинул матери всё, что я его в последнюю встречу, 26-го апреля, просил разослать ребятам: мое открытое письмо украинцам, стихи, и даже письмо Мане, на которое я в следующий приход Бородина уже ждал ответ. Всё это, оказывается, валяется у матери, – и она, конечно же, всё прочла (правда, письмо украинцам вроде не видела, но я логически предположил, что оно тоже у нее, всем недовольна и за всё мне выговаривает... Кроме того, рассказала она, что Майсурян, тварь, заходивший наконец-то к ней на «праздниках» забрать мои старые уже тексты (март-апрель), – не взял почти ничего, кроме маленького текстика про «Латвию в роли Ирана», который, значит, тоже не был ему послан Бородиным. Про остальное же сказал – мол, сейчас очень опасно публиковать, следователи лютуют, очень были злы от появления первой статьи (он-то откуда знает?!), и т.д., и даже, во избежание прослушки, всё это не говорил матери вслух, а писал на листочке! Сука какая трусливая! Он же мне только недавно в письме писал, что всегда будет мои письма передавать по назначению, независимо от их содержания. И вот – сам же и нарушил собственные слова...

В какой я был ярости, в каком исступлении, – этого не передать словами. Мать, идиотка, как всегда, тоже активно убеждала меня, что, мол, больше печатать ничего не нужно, раз я и так уже за это сижу. Какие же они все-таки все трусливые дураки, идиоты!.. Бородина же я, ей-богу, просто палкой своей по башке огрел бы, попадись он мне в ту минуту... Потом, уже в камере, я стал думать, что, м.б., он всё же сперва послал по электронной почте мои материалы, а уж потом отдал оригиналы матери? Но в том-то и дело, что один из трех – Майсурян, которому мать по моей просьбе там же, при мне, набрала, – сказал, что о письме украинцам впервые слышит, – а оно должно было к нему прийти по электронной почте еще в апреле!.. Как бы то ни было, психологический барьер я вчера наконец-то преодолел: при первом же визите Бородина сюда я спрошу у него, послал ли он мои бумаги в апреле, возьмет ли послать следующую порцию, и если нет, если опять он попробует мне что-то вякнуть, что он не будет ничего посылать и т.д. – я тотчас откажусь от его услуг! Лучше вообще без адвоката, чем с таким! Мать, упрямая идиотка, наотрез отказалась звонить Голубеву, моему адвокату по

прошлomu делу, и мне пришлось написать Мише Агафонову обычное письмо (идти будет недели две!..) с его телефоном и просьбой позвонить, предварительно договориться...

Пока ждали свиданку в отстойнике на «следственном», – достал меня тупой косоглазый узбек, оказавшийся как раз из камеры над нами (637). Узнав, что я из 525, он стал докапываться – как я туда попал, почему там сижу, кто, что, где и с кем сидел тем сроком (они-то в 637, как и вообще на этом корпусе – все первоходы), а главное – хочу ли я сидеть «с людьми», а не в «шерсти», как они (идиоты!) именуют «красные» камеры (наша у них считается «красной»). Долго пытало меня это узбекское чмо, само-то набравшееся этих «понятий» только здесь, в тюрьме, по приезде из своего Узбекистана или откуда там, – и, наконец, поняв по отсутствию у меня энтузиазма, что переезжать я никуда не хочу, отстало от меня со словами: «Это его выбор», вместе с еще одним парнем, тоже приедем откуда-то, ждавшим с ними свиданку и тоже завалившим меня глупыми вопросами. Альтернатива же предлагалась такая: мол, если я хочу «сидеть с людьми», то «люди за меня поговорят» с «мусорами» (узбеки и таджики поговорят, ага!..) – и меня, мол, переведут. Эти идиоты не знали, что перевел меня в эту камеру специально начальник тюрьмы, что соседей опера тоже подбирали специально, – и не косоглазым «людям» пересилить это решение администрации...

Пил чай после обеда – и вдруг дико заболел опять зуб! Всё, действие кеторола, длившееся еще с вечера 10-го числа, – закончилось!.. Весь день, до вечера, я мучился с этой зубной болью, она то затихала, то опять усиливалась. Однако к ночи, слава богу, прошла, ночь я проспал спокойно, даже не просыпался вроде бы, – и вот сейчас, утром, еще не болит, или только чуть-чуть начинает чувствоваться. Тем не менее, я не сомневаюсь, что зуб будет мне теперь надолго еще одним, дополнительным «подарком» судьбы, наряду со сроком, и намучаюсь я с ним в ближайшие месяцы и годы предостаточно – собственно, сейчас уже уровень этих мучений почти такой же, как был тогда, в 2007, на первой сборке пятого централа, когда другой зуб, не переставая, дико болел неделю. Сказал матери и написал в письме Мише, что надо передать мне еще кеторол, но – когда это еще будет...

А срок, да, продолжает тем временем висеть надо мной, еще пока не оформленный приговором. Десять лет – и жизни нет... И ничего, ровно ничего, нельзя сделать...

15.5.13., вечер (после ужина)

О, перед какой бурей оказалось это затишье на «праздники»!.. Весь почти день сегодня отвечал на письма – Мане, Мише, Ольге Исаевой из Грузии, –

не мог раньше записать...

Возили-таки вчера в «суд», продлили арест аж до 10 июля. Была там только Е.С., никто из ребят, увы, не пришел, ни тот корреспондент с «Граней», ни даже мать – плохо себя чувствовала после свиданки накануне. Там же, до начала заседания, выяснил-таки я отношения с Бородиным. Он сказал, что, оказывается, стихи мои и письмо Мане он отправил Мане и Мише (кроме письма, конечно), но не Майсуряну, как я просил. А остальное – он посмотрел, мол, и решил, что не стоит это отправлять, не понравились ему мои материалы... Задохнувшись от такой наглости, я сказал ему, что не будет он мне диктовать условия, не позволю я этого, а если что – просто откажусь от его услуг, и всё. Он, разумеется, сказал: «Пожалуйста, отказывайтесь, хоть прямо сейчас», – и обещал прийти с утра в четверг, то бишь завтра.

Оттуда, как уже заранее он мне сказал (а еще раньше – конвой), повезли меня опять к ублюдку Абоеву. Оказывается, они там опять переиграли, предъявив мне уже четвертый (!) вариант обвинения. Вторые части 280-й и 205.2 отпали, как и попытки объявить мой блог в ЖЖ и «Сопrotивление» СМИ. Опять первые части. Но зато – они включили-таки в дело «РП», изъятую у меня на шмоне перед арестом! Провели экспертизу, согласно которой все тексты мои в «РП» аналогичны текстам на сайте, в связи с чем не требуют дополнительной экспертизы. НО: один номер, 1-й за 2012 год (к тому шестивью 4.2.12. сделанный...) они включили в обвинение (а точнее – мою новогоднюю 2011/12 статью «В следующем году – без России!», которая тоже есть на сайте) – и на этом основании назначила мне эта мразь еще одну амбулаторную психиатрическую экспертизу! Через два месяца после той, первой, признавшей меня здоровым... А на «РП», лежавшую у меня под диваном, навесили ст.205.2 через ст.30 – попытка совершения преступления, не доведенная до конца по не зависящим от меня обстоятельствам.

Положения моего это уже не ухудшило, – те же десять лет по той же 205.2 ч.2. Но насколько плотно взялись, насколько обложили кольцом со всех сторон, это просто охренеть!.. М-да, сильно вырос их карательный уровень и пыл с 2004 года!.. Оставалось только смеяться про себя, предвкушая опять шесть часов сидения на сборке, опять поездку в ту же Бутырку и встречу с теми же психиатрами... Легкий шок был у меня, короче. В нормальном суде нормальным адвокатам легко было бы именно 205.2 ч.2 через «попытку» отбить, опровергнуть, – и уже, по крайней мере, «потолок» снизился бы с 10,5 до 7,5. Но не в этом «суде», конечно, – Мосгор«суде»...

Уезжал – просидел часа два на сборке, приехал – еще час с лишним. Подняли в камеру только без 20 минут 12 ночи. Сокамерника (того самого

нарядчика, мы с ним так вдвоем и сидим, ему осталось чуть больше месяца), оказывается, без меня тоже не водили в баню, вчера же был банный день. В полночь, конечно, уже не повели, но сегодня утром вывели около семи, этот день начался с бани.

Главное – хоть и уже сильно усохшая, но всплыла опять угроза, что после амбулаторной экспертизы таки придется ехать на «Серпы» на 21 день, тащиться со всем барахлом. Всё же я очень надеюсь, что НЕ придется. А так... «суд» опять отодвигается, и если вспомнить, что со дня назначения той экспертизы до получения результатов прошло два месяца, а потом еще знакомство с делом и т.д. – то «суд» отодвигается как бы вообще не на сентябрь. Чему я очень рад, т.к. уехать из Москвы в лагерную глушь совсем не спешу. Сижу теперь, жду этой экспертизы, а вот сегодня из собственноручно вчера утром распущенной трикотажной тряпки попытался впервые в жизни сплести себе веревку, взамен той, что отобрали на шмоне еще в апреле, – но, увы, пока неудачно... :(((

17.5.13, 7-й час утра (до завтрака)

В ночь с позавчера на вчера, уже свет погасили, я заканчивал ужин и собирался ложиться, – вдруг открывается дверь, включается свет – и заходит с матрасом некто. Всё, привели-таки третьего, кончилась наша 18-дневная идиллия вдвоем (а я, честно говоря, думал, что она продлится до самых последних дней срока нарядчика). Новенький – 1966 г., почти 20 лет отсидено за убийства и пр. на родной Владимирщине; по виду, разговору и всем прочим показателям – быдло быдлом, сиволапейшее и тупое. Но – тем критериям, о которых тогда, в марте, при переезде в эту камеру, мне говорил начальник тюрьмы, идеально соответствует: в возрасте, спокойный, уравновешенный, ни во что не лезущий, общаться с соседними камерам и налаживать «дороги» совершенно не стремящийся. Слава богу, что телевизор так и не работает :) уже месяц: этот тип сообщил, между прочим, что в 310-й камере, откуда переведен с того корпуса, он вел ночной образ жизни: всю ночь смотрел телевизор, а днем спал. К счастью, здесь (пока?) телевизора нет, так что на ночь он заваливается спать. Назначена ему, с его 158 ч.л, но как ранее судимому за убийство, тоже амбулаторная психэкспертиза, так что весьма возможно, что повезут нас на нее вместе. Ну что ж, пусть везут. Нарядчик через месяц и три дня уходит домой, а мы с этим тупорылым товарищем остаемся здесь.

Бородин таки пришел вчера, хотя я уж думал, что опять обманул: выдернули меня к нему только около пяти вечера, когда я уже и ждать давно перестал, думал, что всё... Оказалось, что он просидел там в очереди, как я понял, с самого утра, но народу было столько, что привели меня к нему

только под вечер. Принес он мне бумагу и гелевые ручки, спасибо. Ругаться с ним я на этот раз не стал: отдать нужно было только матери очередные листочки из дневника, а из легального – письма-подборки Майсурия, очередной вариант «обвинения» и постановление «суда». Это он не взять не мог, как я и предвидел, так что формального повода для ругани просто не возникло на сей раз (но всё еще впереди...). Зато он сказал мне, что, поскольку у мрази Абоева сроки поджимают до 10 июля, годовщины возбуждения этого дела, надо его закрыть, – то на экспертизу, возможно, меня повезут уже в ближайший понедельник-вторник (а сегодня пятница), а не через месяц, как я думал по опыту того раза. Думаю, в связи с этими же сроками поездка на 21 день на «Серпы» мне всё же не грозит...

Маня так через него и не написала мне ответ, а когда он, говорит, даже звонил ей, – не брала трубку. Ну, Маня, погоди!.. :)) Кстати, очень странно, что в недавнем (последнем) ФСИН-письме, от 13.5.13., она ни слова не написала мне про Новожилова, как он там, есть ли какие новости...

Увы, даже маленькая победа сегодняшнего утра (а то я уж думал, будет у меня теперь еще одна серьезная проблема) не может скрасить горечь от предстоящего срока и от безвыходности всей ситуации... А на улице – уже вовсю бушует лето...

18.5.13., утро (до завтрака)

Суббота. Вчера после обеда заходила наконец Каретникова – через 2 месяца и 4 дня после прошлого ее визита. Сперва мне показалось, что она как-то явно меньше ко мне расположена, чем прежде (хотя, впрочем, не плевать ли, как она там расположена...); во всяком случае, мои слова о том, что мне грозит десять лет сроку, какого-то особого сочувствия у нее не вызвали... Сказала, что они (ОНК и она сама, в частности) замотались по всем семи центрам Москвы, что в основном сейчас бывают на «Матроске», там у них кто-то умер, и вообще положение тяжелое, потому, мол, долго не могли зайти ко мне. Удивило меня, когда она сказала, что еще накануне говорила с моей матерью и даже адвокатом (!), – что уж ее разобрало?.. Мать еще могла ей позвонить сама, но уж адвокат сам точно не стал бы. А вот Е.С., которую как раз я об этом просил (в «суде») – не говорила с ней, про это я спросил сразу, как они вошли (думал, их визит – заслуга Е.С. Теперь очень сомневаюсь, передала ли она и бумаги мои Мише А.)... Самое обидное – что я опять забыл сказать Каретниковой про доверенности для Эделева и Корба, которые местная администрация еще в декабре того года отказалась оформлять без разрешения следователя, что, по словам Глеба, совершенно незаконно.

Боже, как раздражает, как бесит эта владимирская тупая харя,

заброшенная сюда на днях! Послал бог сокамерничка... Всё время хватает мою кружку из шкафчика – чтобы накрыть свою, пока у нее там заваривается чифир, или чай, не знаю уж, что она там пьет. Потом путает кружки – и пьет из моей, и так каждый день, уже не один раз это было. Дрыхнет полдня, и потом, естественно, не спит по ночам – по полночи тупо сидит за столом. Вчера вечером я едва дождался, пока она уляжется, чтобы спокойно поужинать, – было сразу ясно, что если во время еды напротив меня будет сидеть эта будка, рожа шириной в метр и бритая башка, то я не только никакого удовольствия от еды не получу (а это для меня важно), но и вообще кусок в горло не полезет. Но, как только я закончил, она опять слезла со шконаря, отломала кусок хлеба, попросила у меня майонезу (начинается!..), допила чай из моей кружки – и сидела там за столом еще полночи, я успел заснуть, потом проснуться...

Главный вопрос дня – принесет ли сегодня мать вещевую передачу, то бишь – сможет ли прийти помочь ей тащить Миша, без которого она не поедет. Каретникову я тоже просил напомнить ей об этом по телефону. А так, вообще, – всё по-прежнему, и мысль о будущем, ждущем меня, совершенно невыносима, и ничего нельзя с ним поделаться... :(((Увы, десять лет как с куста ждут меня где-то в августе, или в сентябре, и ничего, ровно ничего, с этим сделать нельзя, и никакой мало-мальски заметной кампании в мою защиту так и нет, хотя Е.С. говорила мне в последнюю встречу в «суде», что, мол, обо мне пишут больше, чем о многих других (но гораздо меньше, чем о «болотниках»). Увы, из этого капкана не вырваться...

Одно только радует, – вчера, или позавчера вечером, точнее, сплел-таки мне бывший нарядчик веревку, – шнурок, который я его просил сплести мне вместо ремня, для подвязывания джинсов. Я его спрятал, надеюсь, достаточно хорошо, чтобы эти твари не нашли и не забрали при очередном шмоне. Так что – ура! – теперь мне опять есть на чем повеситься – и не сидеть десять лет, обломать всю эту сажающую меня сейчас сволочь...

19.5.13., утро (до завтрака)

Воскресенье. Совсем уж пустой и тоскливый здесь, в тюрьме, день. Вчера таки принесли мне вещевую передачу, – квитанция была заполнена Мишей Агафоновым, так что, возможно, он и приезжал, а мать, м.б., и не ездила. И что же? Обещанные летние спортивные штаны отсутствовали (не нашла моего размера? А в чем мне тут ходить в жару?), мокасины мои не пропустили (вот суки!.. А я так на них надеялся... Остались у меня из обуви зимние кроссовки, уже рвущиеся, и те старые, с огромным трудом надевающиеся кожаные ботинки, в которых я был арестован и в которых ездил на «суд» еще в 2006 году...); бритву, купленную Мишей для лагеря,

вместе с пеной для бритья и помазком, они тоже задумали зачем-то передать мне сюда сейчас – и у них, конечно, не приняли: многоразовые бритвенные станки тут почему-то запрещены, разрешены только одноразовые. Пена в баллоне, конечно же, тоже запрещена. Кто-то из них – мать, видимо – додумался еще иголки и нитки положить официально, – вычеркнули, конечно. Зато футболки на этот раз прошли, видимо, спокойно, не пришлось из-за них идти к начальнику, как тогда, в ноябре. И – сложено всё это барахло было в тряпочную спортивную сумку, с которой я в 2011 освобождался из Буреполома, а там меня почти заставили ее выменять на санниковский камуфляжный рюкзак, – уж не думает ли мать, что эта сумка мне пойдет вместо той большой, что я просил найти к осени?!. На самом деле, она еще меньше той, что есть у меня сейчас (и оказалась теперь, разумеется, настолько забита вещами, что банный пакет уже никак не влезает, – дай бог, чтобы до самого этапа мне не предстояло здесь, в самой тюрьме, никаких переездов по камерам, этажам, корпусам и т.д.) – и я отдал ее вот тому, недавно заехавшему сюда владимирскому быдляку, – у него не было вообще никакой, и он у меня ее фактически выпросил; отдал без всякого сожаления, т.к. вещь очень низкого качества (пока довели ее из Буреполома в Москву, уже где-то внутри рваться начала) и мне была совершенно ни к чему. Теперь – дай бог, чтобы к осени они там всё же нашли нормальную спортивную сумку нужного размера и качества...

Чуть-чуть притупилась последнее время эта дикая тоска и отчаяние по утрам, уже нет таких страшных внутренних истерик, такой мучительной, невыносимой боли в душе. Только тупая боль по-прежнему, да непроходящее, хроническое недоумение: за что же я здесь все-таки, ЗА ЧТО????! И как я сюда попал???... Сколько миллионов человек, должно быть, в свое время испытывали это чувство, и в еще более сильной форме, попав в лагерь по разнарядкам борьбы с «врагами народа»... Проклятая, трижды проклятая страна, где такое происходит веками и считается в порядке вещей, и никто почти не протестует, все привыкли, а таким своим кровавым прошлым рабы еще и гордятся... Будь она трижды, четырежды, бесчисленно проклята, эта страна со всем, что в ней есть!.. За одно только то, что я сижу тут уже второй раз по сугубо политическому делу, за слова, – одного этого достаточно, чтобы на эту проклятую страну, на каждый ее город, сбросить по десять хиросимских ядерных бомб!...

20.5.2013, 7-й час утра (до завтрака)

Понедельник. Сегодня ровно полгода, как арестовали. Первые полгода... Жизнь рухнула окончательно в тот самый момент, когда они ввалились всей толпой в квартиру, с черножопым Абоевым во главе... Не стало сразу ни

родного дома, ни страны, ни хоть какого-то будущего в ней... Ядерными бомбами, в тысячу хиросим каждая, я разнес бы сейчас, не задумываясь, никого не жалея, эту проклятую страну – только вот за это, что она делает со мной уже второй раз!.. Вы, суки, меня не жалели -и я вас не пожалею, дайте только срок...

А срок они дадут, это да... Десять лет, десять с половиной, в самом наиптимальнейшем случае (путем поглощения) – семь. Но это едва ли, на то, что они ограничатся семью, нет никакой надежды. Хотя этот Дильмухаметов, башкирский журналист, которому в 2011 по 280 и 282 дали шесть лет поселка, – вряд ли об оккупации русскими (и колонизации, конечно, тоже) Башкортостана, или всего Идель-Урала он писал мягче, чем я. Но за него, видимо, там, у себя дома, было кому заступаться, отстаивать его, – и вот, он давно уже дома, а я – здесь... Навешивают специально, любыми путями, эту часть 2 по 205.2, – чтобы было «тяжкое», чтобы не меньше десятки «путем частичного сложения», – а другим путем, путем поглощения, они не пойдут... Раздумываю сейчас над тем, чтобы потребовать рассмотрения «дела» присяжными, и склоняюсь к этой мысли, хотя Бородин, очевидно, против, я спрашивал его в последнюю встречу... «Чекистскими присяжными», как написал бы КЦ, – и это правильно, других присяжных, независимых, в этой стране не бывает. Такая же гниль, падаль и мразь, как и ВСЁ в этой стране, как и сама эта страна... ни на какое их (присяжных) снисхождение, разумеется, рассчитывать не приходится, так чисто радо большего общественного резонанса «суда» потребовать их, – уж больше-то, чем максимум по 69-й ст. УК, чем десять с половиной лет, они мне не впаяют, так что я ничего не теряю...

Забавно, но новоприбывший владимирский быдляк, кажется, уже понял, что не надо сидеть за столом и мешать мне, когда я ужинаю после отбоя. :))) Вчера он сам предложил мне (хотя ужинать было еще рано): садись, мол, располагайся, а я (закручивал в этот момент курево) переберусь куда-нибудь туда (на тумбочку?). Кстати, курили они оба вчера весь день чай, закрученный в газетку, ибо табака у них нет. :)

22.5.2013, 7-й час утра (до завтрака)

Возили-таки вчера на психэкспертизу еще раз, – Бородин, значит, мне правильно сказал, что могут вывезти уже в понедельник-вторник, т.к. торопятся закрыть дело. «Заказали» еще с ночи, и я было думал, что это, м.б., злая шутка, т.к. утром предыдущего дня на проверке слегка закусился с опером, только что вышедшим из отпуска. «Мусорша» после отбоя сперва заглянула в «глазок» и, убедившись, что это я (стоял как раз около двери), пожелала мне зачем-то «спокойной ночи» - практика тут у них совершенно

нетипичная. Затем, пока я ужинал, заглядывала еще раз, а уже когда лег – слышу, она через дверь называет владимирскому быдляку мою фамилию, тот говорит, что я сплю, а она сообщает, что, мол, передайте ему (мне), у него завтра «суд» в 7 утра. Так что похоже было с виду на какую-то провокацию; ночь эту я почти и не спал. Но в 7 утра реально забрали, и, пока ждали на «шестерках» и «семерках», встретил там этого «болотника» Ковязина, с которым всё думал, как тут «словиться». Но оказалось, что думал я напрасно, да и вообще – слишком хорошего мнения всё еще бываю о незнакомых людях, судя только по их формальным данным (интеллигент, политический...). Сперва он мне подтвердил, что Каретникова ему привет от меня действительно передала, когда заходила на днях. Но потом, когда я сказал, что сижу в «красной хате» без «дорог», хотя в потолке и есть дырка с 637, что над нами, и спросил, не может ли он мне сам написать, – он не проявил никакого энтузиазма, фактически отказался, сославшись на вот эти вот кастовые предрассудки уголовников. Не помню точно, как он это сказал, но было ясно, что не хочет, – видимо, боится сокамерников, что не поймут его, если он будет отправлять малявы в «шерстяную», как они тут говорят, «хату». А может, и сам пропитался уже этой их кастовой «моралью», черт его знает. Но когда под конец разговора (он-то шел на свиданку, так что пришлось разойтись) он мне сообщил, что я, мол, своими статьями создал себе такую плохую репутацию, что меня даже не хотят подписывать на журнал «The New Times», – я понял, что сильно переоценил благородство Каретниковой, ибо больше сообщить ему такие «сведения» было просто некому. На мой прямой вопрос о ней он ответил – мол, «слухом земля полнится», но было уже ясно. И еще таким осуждающим тоном произнесло мне этот приговор данное кировское провинциальное ничтожество, ни разу в жизни меня не читавшее, до моего звонка зимой из 408-й обо мне даже не слышавшее, а арестованное за двиганье биотуалетных кабин по Болотной площади!.. Интересно, кем оно у них станет, если эта публика все же захватит здесь власть (что едва ли, конечно). Но этот пример еще раз наглядно показывает, какое дерьмо здесь ВСЁ – и власть, и оппозиция, растущие из одного корня и живущие одинаковыми ценностями. Нет, нет, из этой проклятой страны надо сваливать, валить без оглядки... если только я доживу.

Повезли на этот раз рано – в 9-30 уже отъехали, в машине было радио. Редкой мразотности попался на сей раз конвой – из Алтуфьевского ОВД – ни говоря ни слова, надели мне на обе руки наручники, прекрасно видя, что я с палкой, – как хочешь иди, как хочешь влезай по лестнице в их машину, и когда вылезал, сняли – только на время, пока лез на землю, и тотчас одели

опять – только после небольшого скандала, когда я в наручниках вылезать просто отказался. Злобные, бессмысленные мрази, куски биомассы в форме, людьми эту нечисть назвать невозможно. Два с половиной часа, по сплошным пробкам, ехали по третьему кольцу в Кащенко и от тряски и болтанки в их проклятой машине я был совершенно никакой, полумертвый. Зато повторная эта экспертиза длилась и впрямь не больше пяти минут – «пятиминутка», как ее называют эки. Те же две врачихи, что были тогда, два месяца назад, на Бутырке, встретили меня и здесь, старшая – седая бабка, что вела тогда весь допрос – спросила только, как, мол, это я, отсидев пять лет, стал продолжать и опять попал, – и завязалась кратенькая беседа, в которой она спрашивала еще, изменится ли что-то реально от того, что я выскажу вслух свои мысли (нет, конечно) и надо ли думать о последствиях (а я и думал, недаром сервер еще в 20056 г. создали чисто иностранный), – и всё. На мой вопрос, не будет ли неприятных сюрпризов с их стороны, она опять сказала, что результаты экспертиз они сообщают только следователю, но напомнила, что ведь институт Сербского признал меня в 2006 здоровым, – я понял это как намек, что сюрпризов ждать не стоит. Да, и в самом начале разговора на мое недоумение – зачем понадобилась еще одна экспертиза – объяснила, что это потому, что мне утяжелили обвинение, – ну да, в марте оно еще тянуло на 7,5 лет, а сейчас уже на 10,5. Но все равно неясно, почему данных одной экспертизы им мало...

После этого, все по той же жуткой тряске, поехали не в тюрьму, как я думал, а в Лосиноостровский ИВС, забрали там двоих – узбека с 318-й статьей и русского со 111 ч.4. повезли их арестовываться в Бутырский «суд», где стояли довольно долго. Слава богу еще, у их посадки у ИВС с меня сняли наручники и надели на них, – видимо, было всего две пары у этих ментов; мне хоть маленько стало полегче. Потом узбека повезли еще в травмпункт (но не на Шокальского, а в какой-то другой), потом русского – в бибиревское ОВД на нашей улице, ненадолго, и, наконец, привезли в тюрьму.

На сборке просидел где-то час, часов в девять «подняли» в камеру – и сразу всех троих повели в баню, хотя их уже днем водили и без меня. На шконке лежал заказ, сделанный, оказывается, Мишей Агафоновым в субботу, когда он приезжал с вещевой передачей (странно, что заказ тут можно делать в субботу). Ни яиц, ни пирожков, ни курицы-гриль, которой я думал ужинать, естественно, не было; а главное – неизвестно теперь, ЧТО со свиданкой. Если бы мать приезжала в понедельник записываться, – уж курицу-то и пр. она бы заказала, вчера бы принесли, – думал я. Значит, не приезжала? М.б., Миша и ее в субботу тоже записал? Нет, вряд ли в выходной

это можно. На сегодня (среда уже) на свиданку с ночи не «заказали», хотя, конечно, могут вывести и попозже, – как-то раз свиданка у нас была в два часа дня. Но всё равно, всё это очень странно и подозрительно, и, чувствую, этого повода нервничать мне хватит теперь надолго. Если что – Бородин обещал прийти только в следующий вторник, т.е. целую неделю я не буду знать НИЧЕГО...

23.5.13., день (после обеда)

Сегодня, на день позже, чем я предполагал, состоялась-таки свиданка с матерью. «Заказали» еще с вечера, вывели в начале девятого. Поговорили более-менее нормально, хоть и невесело. Главное – Миша Агафонов, слава богу, еще в тот же самый день, 14-го, забрал мои бумаги у Санниковой, отсканировал всё и отправил Корбу, который, мать говорит, на него наехал за задержки и проволочки. В рассылку, жаль, не закинул. А Майсурян по поводу моих текстов больше даже не звонил, трусливая скотина...

Пришел в камеру – сокамернички дрыхнут, но сквозь сон (сперва один, потом уточнил и у другого) огорошивают меня: заходил опер, у него твои письма (то есть, ко мне, а не от меня, я так понял), попозже он тебя вызовет и отдаст.

Как обухом по башке!.. Как они оказались у него? Что-то показалось цензуре «опасным», подозрительным? Самое там для них «подозрительное» – это, я думаю, распечатки Майсуряна, ну и еще письма из-за границы, но это в меньшей степени, они же вполне безобидны. Первая мысль была – «зарубит» мне теперь майсуряновские распечатки, а они для меня страшно важны, я каждое его такое письмо перечитываю по десять раз. Потом – что теперь, видимо, вся моя почта будет идти через оперчасть, а не (только) через цензуру, как это было у меня и в Буреполоме тем сроком. Не дай бог! – это, в общем-то, не намного страшнее обычной их цензуры, но это проволочки с отдачей писем мне! Поди-ка получи их из этих лап!.. А впрочем, и не отдать могут всё, что вдруг покажется им подозрительным...

И вот – уже прошел обед не только у «мусоров», но и у эков, – не вызывает! Ему хватает дел и без меня; утром он один раз заходил, не застал – и теперь благополучно забудет как минимум до завтра! А завтра в ужин (пятница) ответы на письма уже не отдашь, – значит, до понедельника. А м.б., он и сам забудет до понедельника (уж в понедельник-то, я дум [на этом запись обрывается]).

вечер (после ужина)

Короче, опер приперся сам, пока я как раз писал после обеда предыдущее, прервал меня. Радостно сообщил моим сокамерникам, что «там телевизор сделали» (!) – и на мой вопрос о письмах – вспомнив (я так и знал, что он

забудет!..), повел к себе. По дороге сказал, что это просто цензор заболел, а не всё то, что я уже стал думать, – и письма раздали операм, так что это вроде бы временно. Спрашивал у себя в кабинете о деле, о моем сайте, и т.д. Письма оказались от Ольги Исаевой (Орлеаны Орлицы) из Грузии и от какой-то незнакомой мне женщины с кавказской фамилией, электронные.

Пришел, стал читать – и эта Орлеана убила меня новостью, что, оказывается, еще 12 апреля прошлого (12-го) года сорвалась с их 12-го этажа и погибла их кошка Маша, фотки которой я видел в ее (Орлеаны) фейсбуке и о которой, наконец-то вспомнив, спросил в последнем письме. Я потому и не мог от нее глаз отвести в фейсбуке, и много раз еще возвращался посмотреть, что она была точь в точь, вылитая копия моей Маньки, жившей у меня в Буреполоме, – такая же большая, темно-серая, длинношерстная, зеленоглазая... Прямо реинкарнация моей – я так и подумал, увидев фотки в первый раз, – и вот ее тоже нет... Для меня это горе не меньшее, чем для ее хозяев, я Орлеане в ответном письме так и написал.

Совершенно убила меня также новость о телевизоре. Будь всё проклято!.. Прощай, спокойная жизнь в камере, возможность думать, читать, писать... Суки!.. Это владимирский новопереведенный сюда быдлак так сразу и сказал, что там, на старом корпусе, он все ночи напролет смотрел телевизор, а ложился спать в семь утра, – и ясно было, что он не против так же устроиться и здесь, если бы только телевизор работал... Говорить ему что-то, взывать к совести, объяснять, что ночью мне надо спать, – бесполезно: по части своих развлечений и веселого времяпрепровождения всё это быдло совершенно непреклонно, я это знаю еще по тому сроку. Ответит мне, как та наркоманская мразь, что была здесь до него: мол, захочешь спать – и под телевизор заснешь, – и всё тут. По дороге до его кабинета я просил опера не давать этим свиньям телевизор, объяснял, что они смотрят его ночами, не давая мне спать, – он отговаривался тем, что, мол, он им строго прикажет ночами не смотреть (так они и послушались, ага!..), что нельзя же совсем не знать, что делается в мире, и т.д. Боюсь, что переубедить его мне не удалось. :(((Приведя меня назад в камеру, сокамерничкам – он сказал, что придет завтра, – так что, боюсь, сегодняшний вечер – последний относительно спокойный, когда у меня не пухнет голова от их бесконечного круглосуточного «кино», за весь месяц с лишним, с 19 апреля, когда этот гроб с музыкой перестал работать... :(((И так, светит десять лет, и ничего нельзя сделать, и все уже смирились... Больше всего мне сейчас почему-то хочется (вспомнив утреннюю свиданку), чтобы мое письмо к Тягнибоку, Ирине Фарион и пр. («к украинцам») было бы опубликовано в Украине – и получило бы более-менее заметный отклик, резонанс. А т.к. там я

специально в конце дал свой тюремный адрес, – то чтобы пришло сюда сколько-нибудь писем от прочитавших его.

А между тем – веревка уже опять есть, и теперь только мучительная собственная трусость мешает мне просто взять – и повеситься на окне. Только трусость заставляет выдумывать любые предлоги для отсрочки, – типа, дождаться приговора, посмотреть, сколько все-таки дадут... Как будто не известно и так, сколько...

25.5.13., утро (до завтрака)

Суббота. Одна только хорошая новость за вчера. Один подонок другому – опер бывшему нарядчику – таки отдал после проверки выпрошенный тем назад «сделанный» телевизор. Однако оказалось, что тот не только показывает по-прежнему исключительно полоски на зеленом фоне, но и звука теперь не слышно, хотя раньше звук был. :)) Нарядчик, впрочем, говорит, что когда он включал этот гроб где-то там, в начальственных кабинетах, прежде чем принести сюда, – и звук вроде бы был, и даже вроде бы он что-то показывал (хотя этого не может быть). Или это баландеры из хозотряда, один из которых его и «чинил», говорили, что где-то там у них, сразу после починки, этот телевизор что-то показывал, – явное вранье, конечно. Качественно сломан, внутри отломаны целых три детальки :) – и не этим «специалистам» в тюрьме починить его. Слава богу... Я всё же заметно повеселел, когда увидел, что он не работает, а то накануне уже оплакивал свой хотя бы относительный покой здесь, последний тихий вечер, без постоянной бубнёжки бредовых фильмов... Обошлось пока, на какое-то время, а там – посмотрим...

А там – м.б., не будет вообще ничего... Отвратительное настроение было вчера весь день, особенно с утра. Лежал – и принимал уже сколько раз принятое решение. Опять всё по новой... Сколько же можно, черт возьми?!.. Теперь, правда, мне значительно проще: веревка есть, она спрятана, ее не заберут так просто (о ней попросту никто не знает) – и у меня почему-то нет сомнений, что она меня выдержит. Я видел, как нарядчик плел ее, и она заметно толще предыдущей, той, что забрали в апреле. Если и оборвется, то не сразу. На это я крепко надеюсь. А что же мне мешает? Страх. Да, увы, банальный страх смерти, заставляющий искать всякие предлоги и отговорки, чтобы только отложить, только не сегодня... Ну, и еще – конечно же, мешают соседи, – вот же бессонные эки попались, черт их возьми, даже утром они оба, крепко, да еще хорошо бы мордой в стену – нет, не спят, нарядчик все время ворочается, не спит вообще, похоже; ну, а владимирский быдлак этот ночной дятел, – он пока спит и похрапывает, но к завтраку непременно просыпается, встает, завтракает – и садится за стол

читать библиотечную книжку... Даже после отбоя, полежав с час, он – уже после моего ужина обычно – слезает со шконки и полночи еще просто сидит за столом или бродит по камере, что меня ужасно бесит...

Подгадать, чтобы они оба спали мордами в стену, трудно, но можно, – вот этим-то я в ближайшее время и займусь, благо, веревка наготове. Надо приучить, заставить себя с радостью отдать эту проклятую жизнь, – потому что это единственный вариант избавиться от предстоящих мучений, я уже достаточно подробно знаю, от каких. Нельзя позволить опять загнать себя в эту лагерную жуткую жизнь, в эти генеральные уборки, проверки по карточкам, обязательное посещение столовки, да еще, м.б., там будут на этот раз заставлять работать... Нет, нет!.. Ни за что!!! Все, кто советует мне «бороться», «держаться», «не падать духом» – боритесь, ребята, сами, пока вы на воле, для вас это еще возможно. А я свое отборолся, – я знаю, что такое толпа орущей на тебя и угрожающей нечисти, отстаивающей «по понятиям» интересы начальства, – и с ней там в одиночку никак не поборешься... Жалко, очень жалко, – мать ведь говорила на последней свиданке, что хочет меня дождаться; жаль, если и вправду ждет, как обещала, Маня, – как их вот так вот взять и обломать, что с ними будет?.. Но это если верить, что они вообще, хотя бы теоретически, могут меня дождаться, мать – физически, а Маня – что ее хватит на столько лет... Слишком много предположений, которым явно не суждено сбыться, – за десять лет очень много воды утечет, да даже и за семь, хотя семь не дадут... И сам я не подохну ли там, доживу ли, хоть и в плохом состоянии, – неизвестно (хотя вот Губкин дожил со сроком 17, не вылезая из ПКТ и СУС-ов, два года всего осталось, пишут...) Жаль их, Маню и мать, жаль всех, для кого это станет потерей (Маглеванная та же) – но что поделаться... (Да еще станет ли, не все равно ли им окажется, когда узнают...) Жаль, но деваться некуда, – отдать свою душу опять на глумление, затеряться в галдящей толпе подонков, лагерных бессмысленных насекомых, потерять там себя, – будет намного жалче, и тогда исправлять эту беду будет уже поздно... Так что – вперед и с песней, как когда-то староверы, раскольники в огонь – с энтузиазмом и с пением молитв. Спасись от грядущих вскоре мучений – у меня, я очень надеюсь, смелости хватит, и теперь, значит, каждое утро может тут для меня стать последним. Господи скорей бы!.. Теперь всё дело, вся загвоздка только в соседях...

26.5.13., утро (до завтрака)

Будь они прокляты, эти суки!.. Со всей отчаянной решимостью, которая сопровождает долгое мучительное принятие решений такого рода, – вчера вечером, ложась спать, я твердо решил уже, что сегодня с утра залезу на окно

с веревкой, что бы там ни было, наплевать!.. Потому что давно уже пора воплощать в жизнь принятое решение... Но вот – эти суки опять, как и всегда, не спят должным образом. Точнее, владимирский-то быдлак спит и похрапывает, но вот бывший нарядчик, я знаю, не спит, временами шевелится под одеялом, да и лежит он мордой сюда, в камеру, не к стенке, т.е. – увидит, стоит только на шум (какие-нибудь ведь звуки да будут) ему приоткрыть глаза... И вот – никак не могу решиться потратить свой единственный шанс зря... Хотя – с другой стороны, я прекрасно понимаю, что это отговорки, что это просто обычный страх, страх смерти, обещание, которое дал сам себе, а выполнить-то не можешь... Больше, чем после прошлого такого раза, в 2008 году, – презирать себя, кажется, уже некуда, пять лет я жил с этим... И вот – опять... Еще одно подтверждение собственного ничтожества... Полдня вчера я буквально сходил с ума, лежа, не разговаривая с ними ни о чем, думая только об этом, неотступно: как же мне умереть, когда же, наконец, я решусь, когда же будут, наконец, подходящие условия, – заснут ли они оба, или их куда-нибудь выведут из камеры... И что ждет меня, если я опять не сделаю этого, и чего стоят все советы от друзей – «не падать духом», «бороться», «продолжать борьбу»... Увы, ребята, в лагере вы – поодиночке – не сможете бороться даже за то, чтобы соседи по проходняку перестали наконец по ночам колобродить и дали вам возможность спать, – а с постоянным недосыпом какая уж там борьба за свободу в России!..

Надо искренне хотеть этого, хотеть умереть, как староверы, раскольники когда-то сами, искренне хотели в огонь, – и я хочу этого, видит бог, но нет условий. Эх, если бы только эти твари как следует заснули, отвернувшись оба к стене... Лежал вчера и мучительно думал: а если не выйдет с веревкой – у меня еще остается возможность порезать себе «мойкой» шею, – нарядчик говорил, что справа вроде бы сонная артерия, и, разрезав ее, умираешь через пять минут, никто ничего сделать не успеет... Вот это было бы круто... Более того, это можно сделать, даже если они и не спят, а просто валяются, закрыв глаза, – пойти на дальняк, несколько секунд займет всё дело, а уж потом... Пока они только достучатся в дверь, чтобы пришел дежурный «мусор», – всё уже будет кончено. И слава богу... Вопрос только, почему я не хочу СРАЗУ начать с этого способа, почему мне обязательно надо лезть с веревкой на окно... Страх, – других объяснений тут нет. Я боюсь крови, и прежде мне идея где-либо вообще резаться «мойкой» казалась совершенно невыполнимой, но теперь придется приучать себя постепенно и к этой мысли. Черт его знает, когда я дозрею, и дозрею ли вообще. Одно только я знаю твердо: нельзя позволить ИМ снова загнать меня ТУДА, где я

уже был, где все порядки правила я уже знаю даже слишком хорошо. И никакой борьбы, ради которой советует «сохранять себя» Миша Агафонов, и никакой надежды, о которой мне пишет Майсурян, никакого такого освобождения, как было в 1987 году – не будет, надеяться на это глупо, нынешний режим – это, увы, надолго, а надеждами на его скорый крах и новую перестройку – можно жить весь срок, все десять лет, и каждый день все эти десять лет позволять себя топтать там ногами... Как мне умереть – я не знаю, но как-то надо, надо победить этот проклятый страх...

=====

Попробовал только что. Они оба отвернулись, как по заказу, кажется, спят. Да, веревка вполне привязывается и одной рукой, я правильно рассчитал. Однако дальше... Весь день вчера я долбил себе, что это ЕДИНСТВЕННЫЙ способ не дать себя опять загнать туда, в лагерь, в эту безысходность, на десять лет, но вот... Духу не хватает, увы. Слез и убрал опять веревку... :(((А проклинал их вчера весь почти день за то, что при них, прямо вот сейчас, сей момент, днем – нельзя этого сделать, залезть и попробовать... Как всё это ужасно, омерзительно и безвыходно, господи!.. Что же мне делать?.. Я не должен, не могу и не должен позволить себя опять загнать туда, «осудить» и отправить по этапу... Будь всё проклято!..

27.5.13., 7-й час утра (до завтрака)

Понедельник. Утро. Будь проклято всё, – и эта страна, и вся моя нелепая, неудавшаяся жизнь!.. И жизни нет, и умереть я не в состоянии, не берет меня смерть... Почему бы не попробовать вот прямо сейчас? Они оба спят (один, как минимум, точно), отвернувшись к стене... Страшно, не получается, нет душевных сил... Страшно, но надо... По крайней мере, теперь я знаю, что физически это несложно, что я могу сделать это в любое утро, когда сокамернички спят... а может, и не только утром, если повезет. Нельзя, нельзя позволить себя опять загнать вот в это... в проверки и уборки, в столовки и зарядки, в беспрекословное командование «козлов» или блатных... Там о них избавиться будет на много порядков сложнее, надо сейчас!.. У меня еще есть, по моим прикидкам, пять или шесть месяцев здесь, в этой камере, пока еще можно успеть... Но когда долго думаешь об этом, то начинает лезть в голову какая-то чепуха, даже пересказать не могу. Что-то о ребятах, и даже не то, «как же, мол, они без меня» (обойдутся прекрасно!..), а что-то из вот этих их увещаний о борьбе, продолжающейся даже здесь, из их подбадриваний; плюс – воспоминания о 70-х годах, о том, как гребли и сажали тогда, и не только в России, а,

скажем, как сажали украинцев, они все сидели в пермских лагерях, но как-то сидели, умереть не стремились, как я – не знаю уж, ЧТО их там поддерживало...

Короче, если я все же не умру здесь, то, как это ни странно, обязан этим буду ребятам, друзьям, – тому же Майсуряну, той же Лене Маглевой, Мане... Их подбадривания, их доводы, оказалось, крепко засели у меня в голове... Хотя умом я понимаю, что это всё ерунда, что какая уж может быть дальнейшая борьба после столь тотального проигрыша, как арест... Так что сроком в десять лет и дальнейшими мучениями на зоне я тоже, выходит, обязан буду им, друзьям этим... да, вот и Мише Агафонову еще.

Началась неделя. Читаю вот уже вторую книжку Донцовой, – бред, конечно, но других здесь нет, и заняться нечем, так что вынужденно... Завтра, во вторник, обещал прийти адвокат. Жду писем, – неизвестно, будут ли они сегодня и у кого, не у опера ли опять... Да еще очень напрягает, что рано или поздно придется идти «на телевизор» – Мосгорсуд» должен же когда-нибудь рассмотреть эту жалобу Санниковой, еще 8 апреля поданную, – для меня это означает целый день, с самого утра, сидеть на сборке в ожидании ее рассмотрения. По утрам уже нет таких жутких истерик, как были еще недавно, – привык... :(

Опер, кстати, был вчера на проверке, несмотря на воскресенье. Я всё пытался с усмешкой представить, какой бы был переполох у сокамерничков, какой сюрприз для него, если бы утром оказалось, что я вишу на решетке мертвый... Надо, надо решиться, непременно надо. Хоть уговорить себя, хоть заставить, хоть взять за шиворот и повесить. Надо преодолеть страх смерти, потому что жизни всё равно уже не будет...

вечер (после ужина)

Пришла после обеда куча почты, – от Агафонова сразу два письма, электронное и обычное, от Маглевой в первый раз электронное (ура!!), пара писем с распечатками от Майсуряна (№№ 14 и 15), в том числе и с адресом Людыв Евстифеевой, надо будет написать ей. И – дурацкое письмо от Мани, сразу меня выбившее из колеи. Как холодный душ, блин!.. Зачем я вообще связался с ней, как это всё получилось? И откуда вдруг вынесло этого Новожилова, будь он неладен?.. Бывают такие люди, – легко внушаемые, на них каждый может повлиять, надавить, и она, видимо, из таких, – только вот почему же у меня-то повлиять не получается?.. Одно расстройство за другим, каждый день... Господи, когда же я схожну?!! Почему же я не могу просто повеситься, когда уже и не мешает никто, не смотрит, и веревка надежная есть?.. Эта дура теперь, вслед за Свинтусоидом, стала говорить о себе в среднем роде, черт ее побери. Окончательно влилась в ЛГБТ, так же,

как когда-то в мусульманки записывалась, под чужим влиянием, а тут выдумала себе какие-то якобы давние проблемы с гендерной самоидентификацией, в которые я совершенно не верю, просто не могу поверить...

В общем, было плохо, а стало еще хуже, уж совсем никуда... Я написал ответы ей, Лене и Мише, отдам, завтра-послезавтра получат. Но эту дуру ни в чем не переубедишь, я знаю. Остается одно – просто не общаться, как тогда, в первые месяцы, но, увы, боюсь, я уже не смогу...

Тоска такая, что просто невозможно описать. За что, ЗА ЧТО, черт возьми, я сижу?! И почему так рано, и так безрезультатно, закончилась моя жизнь?..

29.5.13., 8-й час утра (до завтрака)

Эта мразота адвокат так и не пришел вчера, хотя сам же назначал мне этот день, вторник, еще на позапрошлой неделе, в свой последний приход. Для хоть какой-то связи с волей остаются только письма, – не чаще раза в неделю приходящие (хорошо хоть Маглеванная освоила ФСИН-письмо...). Зато принесли извещение: 5-го июня, через среду – «телевизор», то бишь рассмотрение апелляции Санниковой и его, Бородин, на продление мне ареста еще аж от 4 апреля, давно уже после этого продленного еще раз. Хорошо еще, что хоть в 10-м часу утра назначено, а не в два и не в три, – м.б., мне хоть не придется весь день сидеть на сборке, ждать, пока вызовут. Результат, увы, известен заранее... А бывшему нарядчику наконец-то принесли давно ожидаемую «законку», и он, хотя ему 21-го июня уже домой, начал готовиться к скорому этапу – долго тут никого не держат, могут на днях увезти.

Тошно, жутко, невыносимо, совершенно беспросветно... А тут еще Маня со своим этим проклятым письмом, со своим Новожиловым... Будь ты проклята, сука!.. Тошнее просто не бывает. Вот как я попал... :(((Боже, что же мне теперь делать? Хуже всего – что не хватает духу умереть, о чем я давно мечтал, к чему так стремился... И вот – мечта сбылась, и веревка теперь надежная, а я не могу, боюсь... :(((Написал вчера письмо Люде Евстифеевой, небольшое, описал в нем еще раз всю свою ситуацию, – и не смог удержаться от слез!.. Ехать в лагерь... Нет!!! Чем ехать в лагерь, терпеть всё, чем станет для меня этап, потом все мучения в карантине и всю эту лагерную жизнь, все эти ужасы – нет, лучше умереть!.. Время еще есть, и потому сколько бы мне ни лезла в голову всякая чепуха, что я принадлежу к диссидентской тусовке, поэтому мне нельзя, и ЧТО, мол, скажут друзья и враги, – наплевать, кто что скажет, но я сделаю-таки это за оставшееся мне время! Клянусь!.. Пусть говорят, что хотят... Тем паче, что – я знаю – никто, кроме матери, особенно не расстроится, даже Маня...

30.5.13., 8-й час утра (до завтрака)

Наконец-то вчера он все-таки явился, этот подонок, так называемый «адвокат» Бородин. И – тотчас же взялся за свое: начал озабоченно спрашивать, кому там и что адресовано, как только я попытался вручить ему письмо для ребят в рассылку, большое и формально адресованное Мише Агафонову в ответ на его еще апрельское. Я тут же высказал ему всё, что приготовил еще 13-го мая, только узнав на свиданке о его художествах, так, что он не только опять предложил мне писать заявление с отказом от его услуг, но и сам пообещал написать заявление с отказом от меня (на что, насколько я знаю, он права не имеет). А потом вроде маленько успокоился, хотя еще долго твердил оправдания вроде «я на это не подписывался», мразь такая. Я понял, наконец, чего именно он боится: чтобы с его e-mail'a уходили кому-то мои тексты, – ну да, боится, что и его за жопу возьмут, хотя он адвокат в деле, его защищает закон, ни обыскать, ни допросить его просто так нельзя... и тем не менее, трусит и трясется как осиновый лист. В результате он отменил самим же им придуманное удобное новшество – сканировать и по электронной почте слать мои письма и всё прочее адресатам, чтобы не встречаться с ними лично, не тратить время. Сказал, что, как выйдет, позвонит все тому же Мише Агафонову, встретится – и отдаст всё ему. Я написал здесь же, при Бородине, еще короткое письмо Мане на листке, где уже заранее были написаны последние стихи; а так как Миша успел прислать Бородину письмо по электронной почте в ответ на мое последнее «ФСИН-письмо», то я здесь же коротко написал ему ответ, перечислил в нем отдаваемую почту для Мани и в рассылку, и отдал всё вместе. Надеюсь, дойдет, хотя дай бог Миша хоть отсканирует, а уж чтобы он стал набивать – нельзя даже надеяться. :(Единственное – Бородин сообщил, что они таки зарегистрировали новое адвокатское бюро, «Трепашкин и партнеры», что ли, – во всяком случае, имя Трепашкина фигурирует в названии, и офис их теперь на Маяковке; если Миша работает в основном офисе «Мемориала», что от Маяковки в двух шагах, то встречаться им там должно быть удобно.

Вот и всё. Поговорили, обсудили то-сё (про Мосгор«суд» 5-го июня он еще не знал, узнал только от меня) и разошлись. Следующий раз обещал только числа 11-го, но весьма неточно, опять придется ждать...

С утра, я заметил, сейчас не бывает уже у меня такого дикого, беспросветного отчаяния, как бывало еще недавно. Привык, что ли? Тоска всё равно, конечно... За что я сижу????!! Черт побери, за что??? Но, видимо, – всё время вспоминается Буреполом, 13-й барак, тамошние утра, тогдашнее невыносимое, запредельное отчаяние, хотя всего-то три, потом два года

мне тогда оставалось... Видимо, влияет и то, что сейчас у меня всего-то два сокамерника, причем относительно спокойных, не буйных, не агрессивных, – а там, едва открыв глаза, я видел вокруг себя эту толпу какой-то совершенно запредельной, невероятной нечисти и мрази – и тогдашнее дикое отчаяние вызывалось перспективой провести еще годы именно в их окружении, а не просто в неволе и вдали от дома...

Почитал журнальчик «The New Times», два номера которого принес Бородин. В одном приводится даже фото: первая страница обвинительного заключения в 2500 (!) страниц по «болотному делу», которое замгенпрокурора Гринь, фигурант «списка Магнитского», на днях подписал и вручил 12-ти обвиняемым, в том числе Кавказскому, знакомому мне по воле, и Ковязину, знакомому теперь по тюрьме. Я уже слышал от него о том, что процесс будет коллективный, а то бы не поверил. Нет, какие подонки!.. Вернулся не просто совок, – это в чистом виде сталинщина, апофеоз совка. Судить группой 12 человек, на митинге бывших порознь, друг с другом тогда вообще не знакомых, никакого единого «преступного» умысла заведомо не имевших... Это откровенно демонстративный, показательный процесс для запугивания всех, кто имеет мысль вообще выйти на площадь (с голыми руками, увы) протестовать против власти. Гораздо умнее, дабы не раздуть скандал, было бы – «судить» их поодиночке в «судах» по месту жительства; тогда и сторонникам их труднее было бы устраивать демонстрации поддержки у всех «судов» сразу. Так нет! – это остервенелое от безнаказанности государство прет напролом, действуя, как и всегда, не по уму, а согласно своим диким инстинктам, оно демонстративно устраивает показательное коллективное судилище – в основном не над реальными «оппозиционерами» даже (там таких всего двое – Кавказский и Баронова), а над случайными людьми, пришедшими на митинг. Абсолютно уверены в своей силе и не стесняются ничего, прежде всего – реакции Запада. Увы, всё вернулось назад, чистейший совок, только вид сбоку. И – это еще раз доказывает мою правоту: все эти безоружные шествия и митинги совершенно бесполезны, бороться с этим государством можно и нужно исключительно путем насилия и террора; лучшее средство правозащиты в таких условиях – шестизарядный гранатомет...

Получается, кстати, что вся надежда, пока не увезли из Москвы, теперь на Мишу Агафонова, – видимо, все мои тексты, песни, стихи и пр. Бородин будет теперь просто отдавать ему. Но Миша во вчерашнем этом письме написал много ерунды – зачем, мол, я так рвусь и из тюрьмы писать статьи «в промышленных масштабах», да что КЦ, мол, никто не читает, он никому не интересен, рассчитывать, мол, если что, надо на российского обывателя,

у него искать сочувствия (какой бред!..), и т.д. Писать меньше, да лучше, и т.д. То бишь – с такой его позицией нельзя быть уверенным, что мои тексты и письма (открытые) он будет и впрямь набивать, слать Мане, вообще – давать им какой-то ход, как я прошу, а не класть под сукно...(((

В общем-то, нет никаких разумных объяснений того, почему я не могу покончить с собой, повеситься здесь, в камере, имея веревку и все необходимые условия, пока соседи дрыхнут. Что же мне все-таки мешает? Никаких рациональных объяснений, только эмоциональные...

31.5.13., 7-й час утра (до завтрака)

Новая-старая беда опять... Вчера на проверке эта белобрысая мразотина, ублюдок опер нашего этажа велел вынести дохлый телевизор, раз не работает, – и тут же пообещал моим сокамерничкам новый! Как раз то, чего я боялся... «Вот сюда дадим новый телик, в эту камеру», – говорил какому-то другому «мусору», и потом – этим: мол, будет у вас новый телек, сегодня, до вечера... Эти твари тупые, конечно, ждали с нетерпением, нарядчик бывший аж подпрыгивал от нетерпения, когда же опер вызовет и даст новый телек; будем, мол, кино смотреть!.. (Весь день напролет, одно за другим, и еще полночи, если не всю, ага!..) Суки... Но опер так и не вызвал, хотя они даже у «мусора», сопровождающего баландера с обедом, пытались спрашивать: мол, а где там опер, не видно его?..

И вот – новый день, новая проверка... Если он появится – уж сегодня-то они его достанут, добьют, вытрясут из него обещанное, я не сомневаюсь. И буду я опять сходить с ума, опять будет весь день пухнуть голова от этих бесчисленных, бесконечных бредовых фильмов про женские судьбы да про неудачное замужество... Суки! Мразь! Тупое, бессмысленное быдло, нечисть, насекомые хуже тараканов! Будьте вы прокляты!.. Господи, за что же я все-таки сижу?! И если нельзя уж освободить меня из этой темницы – то дай мне сил и мужества просто повеситься в ней...

утро/день (после проверки)

Мразотина эта белобрысая таки пришла и сегодня на проверку (я сомневался), но телевизор не дала – отшутилась: мол, на следующей неделе. Зато увидев, что я отказался расписаться за «дежурство» – сказала «мусору», что держал журнал: мол, пиши на него рапорт, будем сажать в карцер. :)) Вероятность того, что посадят, конечно, не 100%, но – 50 на 50, это вполне может быть и не шуткой. Ну что ж, сухая голодовка – с первой же минуты, как посадят, а если не будут слишком сильно шмонать вещи... что ж, у меня там как раз будет та шикарная возможность, которой мне так не достает здесь, в камере... Дай бог мне все-таки когда-нибудь и где-нибудь, хоть в карцере, – набраться необходимого для этого мужества!..

ИЮНЬ 2013

1.6.13., утро (до завтрака)

Лето... Как же тошно, господи!.. Как невыносимо, непередаваемо тошно тут просыпаться... За что же я сижу?!.. Только за то, что родился в этой проклятой стране. «Неудачно и место, и время рожденья избрав...» И как же все-таки мне прервать эти мучения, умереть, самоубиться, чтобы не видеть больше никогда этой тюрьмы и того жуткого будущего, которое она мне готовит?.. Веревка под рукой, хоть сейчас – пожалуйста, но что-то держит, не дает... Дурацкие мысли о том, что вот ведь сидели же люди и до меня, и сейчас сидят, хоть тех же «болотных» узников взять (окруженных вниманием и заботой, не то что я!..), и есть же люди, которые и меня поддерживают, как же это я, мол, их кину, не оправдаю их надежд, тех слов поддержки, которые они мне пишут... Дурацкие мысли, что я не совсем ведь еще один, поэтому умирать нельзя... да, но и жить так невозможно!.. Написала опять эта Карина Магомадова, мне совершенно неизвестная, вчера получил; ей всего 21 год, оказывается, учится в университете, следит за всеми делами политэков и за моими – с момента ареста. Подбадривает и просит не поддаваться соблазну... А я бы так хотел поддаться – вот и соседи сейчас спят, они ничего и не услышат, то-то удивятся потом... Господи, куда же я все-таки иду?!.. Зачем всё это?! И как я буду вот так же просыпаться – год за годом! – в лагере?.. Опять – в лагере, а кажется что только вчера освободился из Буреполома, еле-еле дождался – и не было в жизни дня счастливее!.. А завтра – опять лагерь, опять бараки, зарядки, столовки, проверки, уборки – и толпы быдла вокруг!..

Да еще карцер этот вчера обещанный, не выходит из головы. Лечь на пол и голодать, не есть, не пить, не выходить оттуда ни на какие проверки, – а что еще остается? И уж сколько там мне дадут, – трое суток, как дают всем обычно, или пять, или все 15, – никто не знает, тут уж как повезет. Жаль, умереть они, конечно, не дадут, 15 суток для этого хватило бы с лихвой. Но – не дадут, утащат в свою «больницу», как вон Машу Алехину, – «Новая газета» написала, что она на зоне, в Березниках своих, тоже голодает с требованием вывезти ее в Пермь на заседание обл«суда», рассматривающего апелляцию на отказ ей в УДО. Как будто это что-то изменит, – но девка она боевая, упорная, молодец, да еще под руководством Подрабинека, своего официального защитника... Правда, вдвоем они наверняка еще верят во все эти юридические, формальные штучки, в «закон» и возможность чего-то от Системы добиться по ее же законам, выиграть у нее на ее же поле и по ее же правилам... Не знаю... Сам-то я давно ни во что не верю, кроме гранатомета

и тротилового эквивалента...

Но самое мучительное, самое угнетающее, конечно, – зачем всё это? Полная бессмысленность, полное отсутствие перспектив. Если бы это и впрямь было «восхождение», как называется глава в «Архипелаге» у Солженицына, если б была надежда этим страшным, тернистым путем выйти хоть под конец жизни к чему-то светлому, если б знать, что все эти мучения не зря (как написал мне не столь давно Корб)... Но увы, я-то как раз знаю, что они зря, что и потом, за ними, не будет ничего: или смерть на зоне, в процессе, так сказать, – или ничтожное, никчемное существование потом на воле, инвалидность, одиночество, нищета, прозябание... Дом престарелых, одиноких стариков где-нибудь в Европе, живущих на полном обеспечении и под присмотром, – вот что оказывается на этом пути венцом, кульминацией, наилучшим в конце концов вариантом. И ради этого – вся борьба, вся моя нелепо, криво, по-дурацки сложившаяся жизнь? Нет, я не хочу ни этой жизни, ни этого скучного финала!..

Проклятая сука, приносящая тут письма, вчера вместе с письмами ко мне притащила назад и мое последнее письмо к Мише Агафонову, – мол, доплатите! Оно было в конверте, одном из тех пяти, что прислал недавно Майсурян, – на каждом наклеены марки на 15 рублей. Так не с почты вернули, а эта тварь, сотрудница СИЗО, озаботилась: доплатите, мол, по Москве уже давно 17 рублей, а не 15! Тебе-то что, тварь ты мундирная?.. Другие письма на днях в таких же конвертах отправлял – ничего, спокойно ушли, и почта их не вернула, а тут... Это мое письмо Мише вчера, в пятницу, могло бы быть уже сдано на почту, а теперь его снова заберут из камеры только завтра вечером, в воскресенье... :((А самое грустное и гнусное будет – если меня и впрямь в понедельник засунут в карцер, промурыжат там сколько-то дней (туда ведь надо и все вещи тащить, на склад их там сдавать, вот будет проблема!..) – а когда вернусь, тут, в камере, уже будет стоять эта проклятая говорилка под названием «новый телевизор», недвусмысленно им (соседям) обещанная... :(

В общем, я не знаю, что делать дальше, просто не знаю!.. Жизнь зашла в полный тупик, никакого выхода нет. Принять вот так просто, что дадут десять лет лагерей, смириться с этим и с теми мучениями, которые придется там перенести, – нет, невозможно, нет душевных сил!.. Но и избежать этого никак невозможно, – о, эти челюсти, раз кого-то схватив, уже не разжимаются... Единственный способ «соскочить» – это умереть, купить себе посмертную свободу ценой жизни. Но и на это у меня, увы, не хватает мужества. Что делать, я не знаю, положение отчаянное и совершенно безвыходное, хоть бейся головой об стену, – выхода нет...

Полный тупик, в который зашла моя жизнь...

2.6.13., утро (до завтрака)

Итак, меня ждут две беды – карцер и телевизор... Какая из них страшнее? Увы, телевизор; и она же вероятнее. Тот белобрысый ублюдок, конечно, мог и не шутить, и завтра до проверки это выяснится, – в карцер обычно сажают с утра. Но, увы, в карцере я просижу дня три, ну пять, ну от силы 15 (хотя вроде бы даже на этом корпусе, где одни первоходы и большинство из них – узбеки и таджики, за отказ от росписи за дежурство в карцер не сажают. Эта публика, демонстративно живущая «по понятиям», впервые их тут набравшись, тогда просто не вылезала бы из карцера...). А телевизор, если его таки притащат новый, – это надолго, на месяцы, до самого конца моего пребывания здесь... И вряд ли у него, как у того, прежнего, задняя крышка будет с такими дырами, чтобы можно было залезть внутрь и что-то там отломать... Это, увы, будет надолго, дни и ночи сольются в сплошной кошмар... А это владимирское (точнее, гусь-хрустальненское) скучающее быдло – о, оно прямо-таки вожделеет этого телевизора!.. Вчера дочитало все библиотечные книги, что дали в последний раз, а мои журналы прочло еще до этого (кроме «Лехаима», правда), – сегодня ему будет уже совсем нечего делать, а опер теперь когда бы ни появился на проверке – сегодня, хотя воскресенье (в прошлое воскресенье он был), или завтра (вот в понедельник прошлый его как раз не было), – владимирское это чмо уж накинется на него, за горло возьмет, не отпустит, – пока тот не обеспечит ему новый телик... Так что наиболее грустная вероятность – что я вернусь из карцера, а тут уже стоит эта проклятая говорилка... Не дай бог...

Почему же, ну почему все-таки я не могу просто повеситься, закончить, прервать эту нелепую, никчемную, постылую жизнь? «Но недоумеваю: что меня держит здесь?» (Марина Кудимова). Что же, ЧТО??? Ведь я знаю, что потом, когда-нибудь, да, м.б., уже через год, следующим летом, на зоне – я буду плакать горячими слезами и проклинать себя за то, что не воспользовался этой возможностью еще в тюрьме, – возможностью избежать ужасов зоны, не попасть в то, во что попаду непременно, если сейчас не сделаю этого решительного шага – а уж там он будет невозможен, увы. Останется лишь плакать, каяться и рвать волосы на голове – если, конечно, там мне дадут их носить, не будут постоянно и насильно стричь наголо...

Три письма уже ждут отправки сегодня вечером: Мише Агафонову (то, которое позавчера, в пятницу, вернули из-за конверта), Майсуряну и Жене Фрумкину. Последнее написал я, не сильно надеясь на его ответ, а просто – пока это всё пишешь, хоть и по 20-му разу, в очередном письме, пока

несколько раз перечитываешь, дописываешь, исправляешь, – начал после проверки, а закончил – глядишь, уже обед; так полдня, считай, и прошло за писанием письма. М.б., вот так же сегодня или на днях, если все-таки не закатают в карцер, напишу еще Глебу Эделеву, – пусть он сейчас и за границей, но письмо, я надеюсь, дождетя его в абонентском ящике на почте. Как раз с ним-то мне есть о чем поговорить, больше, чем с Фрумкиным, по крайней мере. Но, увы, с его безумной занятостью в России на ответ тоже рассчитывать особо не приходится. А хуже всего – что я так с самого декабря и не смог оформить доверенность на его имя, которую он просил сделать...

И мерзко, и стыдно, и отвращение душит к самому себе, но увы: всё, чем я занимаюсь последние дни – это поиск для себя оправданий и самооправданий насчет того, почему же все-таки я не могу просто залезть на батарею, привязать к решетке свободный конец веревки, а потом разжать руки – и тем закончить, наконец, свою дурацкую, постылую, нелепую, так позорно неудавшуюся жизнь... :(((((((

Самое обидное будет, если меня законопатят в понедельник в карцер – а сюда, в камеру, принесут письма, и я их не получу. Дай бог еще, если их отдадут и они долежат здесь до моего возвращения, а не пропадут куда-нибудь...

3.6.13., 7-й час утра (до завтрака)

Понедельник. Ну что ж, ждем-с... Карцер и телевизор... Второе – почти наверняка... :(((Оба сокамерничка вчера как раз вспоминали, как на том корпусе они вели ночной образ жизни, а дрыхли днем. А в карцер, кстати, можно попасть и не сегодня; во-первых, там очередь, кандидатов больше, чем мест (как обычно и бывает), а во-вторых – сегодня же опять моя очередь «расписываться», я снова, естественно, откажусь на глазах у этой белобрысой мрази, – и она вполне может воплотить свою угрозу в жизнь в любой день... Хотя всё-таки, насколько я слышал, за отказ от росписи здесь в карцер не сажают, даже на этом новом корпусе, – наоборот, тут тоже «мусора» этак привычно спрашивают: расписываетесь или нет?..

Так за что же я все-таки сижу? – задаю я себе вопрос каждое утро, проснувшись опять здесь, в тюрьме. И отвечаю: за статьи. Всего лишь за статьи в интернете. Не нанесшие, между прочим, никому никакого реального вреда (а жаль). Но – тем не менее – и сроку за них дадут десять лет, едва ли меньше (ну даже пусть семь, хотя едва ли, – а семь, это что, мало, что ли?!), и сделать ничего нельзя... Ничего... Вчера перечитывал присланные Корбом подписи за меня на его сайте, в марте их было двести с чем-то, сейчас уже за триста. Ну и что? Неужели меня держат на этом свете, не дают

уйти, избавиться от страданий, вот эти подписи, вот эти триста с чем-то человек (капля в море!), поддержавшие меня, открыто поставившие свою подпись? Из них часть людей довольно известных... Ну и что? Как ж они все не понимают, что все эти их «держись!», «борись!», «ты победишь!», и т.д. – это же просто пожелания (или требования?), чтобы я безропотно, без сопротивления, дал издеваться над собой, позволил этому государству и его подручным уголовникам творить со мной всё, что только они захотят, все эти десять лет. Без сопротивления – потому что какое же там возможно сопротивление, в таком месте и в таком формате? Разве что – писание жалоб в прокуратуры и тому подобные места, которые (жалобы) заведомо будут признаны не подтвердившимися, не соответствующими действительности...

Будь всё проклято – и этот мир, и моя нелепая, бессмысленная, с самого начала неудавшаяся жизнь!.. Я проклинаяю тот день, в который я родился...

Одно утешение: хоть письма вчера отдал. Шесть писем зараз...

4.6.13., 7-13

Нет, вчера всё обошлось, даже про телевизор речь уже не заходила. Ну что ж, ждем сегодня, да и в любой другой день. Стоявшая, как обычно, на проверке белобрылая оперская мразь, правда, как только я отказался расписываться (без слов даже, – просто головой отрицательно покачал), тут же спросила у стоявшего рядом одного из «мусоров»: а какие рапорта вы сегодня написали, дайте сюда? – и тот дал ей два заполненных бланка А-4, – оказывается, вот как у них тут пишут «рапорта», на бланках, всё чин чинком... Тот взял, развернул, посмотрел, но – писать «рапорт» на меня вроде бы им уже не сказал. Можно было бы подумать, что всё обойдется, и хоть немного расслабиться, – но, увы, расслабляться в таких местах нельзя ни на минуту, как и в лагере, – в «Буреполомском дневнике» я тоже про это писал, помнится: любая пакость возможна в любой день и в любой момент...

М-да, вот к чему свелся этот мой нынешний тюремный дневник, – к наблюдению за опером «пятерок», ничтожнейшей вошью, нечистью, говорящим куском дерьма... :(Увы, жизнь уперлась в такой тупик, что о хорошем не напишешь – его просто нет здесь, а зато вот от этой белобрысой гниды тоже в чем-то зависит теперь мое здесь существование, она может мне его порядком отравить, если захочет... Очень ждал вчера писем, последнее время приносимых как раз по понедельникам, но – увы – не дождался. Что ж, ждем сегодня, и шансы повышаются с каждым днем. От Мани, от Миши Агафонова, от Лены Маглеванной, если она таки освоила этот электронный сервис, от матери, от Герасимова, от Майсурына (хотя от него-то еще могло не дойти)... Мать вроде обещала вчера, в понедельник,

быть здесь, заказывать магазин; если за предыдущие дни она получила мое письмо, то свой ответ могла бросить в ящик прямо там, в магазине. Без писем существование тут становится совсем уж бессмысленным и беспросветным...

Сегодня баня, – праздник для бывшего нарядчика, фаната бани. А окна на лето на этом корпусе всё никак не снимут, – и он негодует, бесится, ему душно (хотя на самом деле настоящей духоты еще нет, а по утрам так и вообще холодно). 21-го июня ему домой, а мне еще сидеть десять лет или около того...

Черт знает, что делать, как так сложилась жизнь, что нет уже фактически ее, жизни... Черт догадал меня тут нажать уже политическую биографию, какую-то известность, триста с лишним человек, за меня подписавшихся, – всё то, что жалко бросить, чтобы просто умереть, не дать им опять загнать себя в этот ад, в проверки, уборки, ремонты лагерные... Дать теперь опять над собой глумиться десять лет, ну пусть даже семь, терпеть всё это – во имя чего? Чтобы дожить до одиночества, пустоты и всеобщего забвения, которые наступят потом?..

6.6.13., 7-й час утра (до завтрака)

Вот и начались опять мытарства, точнее – они продолжают. Позавчера днем – повезли вдруг совершенно неожиданно в «следственный комитет» к мрази Абоеву. Приезжаю – Бородин, конечно, уже там. В общем-то, всё как я и думал: пришло очередное заключение психэкспертизы (от 21 мая), – слава богу, я здоров. И тут же мразь Абоев предъявляет мне... заключение «экспертизы» по всем номерам «РП» за эти 20 месяцев на воле и... ну правильно, пятый уже (!) вариант обвинения, куда все вот эти номера с чужими, не моими уже, материалами по 205.2 тоже включены! Ах, как я ржал про себя, читая «экспертизу» маниного материала от марта 2011 об «оправдании террористов, убивших Александра II, о фотографии «балкона», :)))))) на котором вывешен транспарант «1881-2011 Ваш подвиг не забыт!» – эта фраза, мол, коррелирует с традиционным в таких случаях отношением русского быдла к «подвигу» их «героев» в WW2 и потому, мол, как бы учит положительно относиться и к «терроризму»; а самый шедевр – это упоминание «благих вестей» в каждом номере, – мол, словосочетание «благие вести» в сочетании с упоминанием «терактов» и гибели в них ментов – это тоже демонстрация положительного отношения к «терроризму», как-то так. Короче, чтение этого бреда, ей-богу, преисполнило меня еще раз гордости за то небольшое, что я успел за эти 20 месяцев сделать.

И что же дальше? Ублюдок Абоев, оказывается, хотел, чтобы за позавчера

и вчера (4-е и 5-е) мы с Бородиным если и не ознакомились реально со всеми девятью томами состряпанного им «дела», то подписались бы, что ознакомились, – а дальше, мол, перефотографируете себе – и спокойно знакомьтесь (но ни жалобу подать на недопустимые доказательства, например, ни ходатайство какое-либо – будет уже нельзя, т.к. «дело» будет официально считаться уже закрытым). Он мол – разъяснил – должен по УПК отправить «дело» в прокуратуру и «суд» за 34 дня до окончания срока «стражи», то бишь – сегодня, 6-го июня. Если бы я согласился, то «судить» бы меня начали уже в июле, вероятнее всего, – но мы с Бородиным решительно отказались что-либо подписывать и потребовали времени на нормальное знакомство с «делом».

Мразь Абоев в ответ заявил, что он найдет еще какую-нибудь статью (особо тяжкую теперь, видимо) и навесит мне, чтобы было формальное основание для продления, свозит еще раз меня в «суд» за этим, а также – что его «руководство» перестанет давать матери свиданки, раз я не подписываю ему «217-ю». Бородин прямо там же, сидя в его кабинете, позвонил матери моей, узнал, что на свиданку она записалась на 6-е – сегодня – на 11 утра. Так что жду, что придут за мной часу в 10-м – но это, видимо, будет и впрямь последняя свиданка на достаточно долгое время, – по крайней мере, пока «дело» не будет уже в «суде»...

Договорились они с Бородиным, что привезут меня совместно с ним читать «дело» сегодня после обеда, – надеюсь, хоть свиданка не сорвется из-за этого. Бородин всё сморкался там и жаловался, что заболел и насколько ему плохо, мог бы, мол, и справку о болезни взять, – но сегодня обещал быть, а завтра, 5-го, ему предстоял еще Мосгор«суд» с апелляцией моего ареста (продления) 4-го апреля, – обещал тоже быть.

От Абоева конвой поехал еще в ОВД «Бибирево», – я просил, чтобы позвонили матери и она бы подошла, благо это ОВД почти что у моего дома, – но мусорская мразь, естественно, отказала: «не положено!». Потом поехали отвозить каких-то троих новоарестованных оттуда в ИВС, и уж только потом на тюрьму. Посидели еще на сборке (да и сдать нас тюрьме сопровождающая тетка-«мусорша» не могла минут 20, наверное, – просто не было никого в окошке у входа, где принимают и записывают привезенных), – короче, в камеру меня «подняли» только в час ночи. Причем дежурный «мусор» сказал, что завтра я уже «заказан» на шесть утра – в «Мосгор«суд». Я ему сказал, что мне надо на «телевизор» (видеоконференция с «судом») – а это в восемь, говорит он, но мне (ему, то есть) про «телевизор» никто ничего не говорил, сказали только, что в шесть, и всё.

Он и правда приперся за мной в начале седьмого, – хорошо еще, несколько часов я все же успел поспать, но из камеры все равно вышел полусонный, почти ничего не соображая. Посадили с «судовыми» на сборку – и каково же было мое изумление, когда назвали мою фамилию, я вышел – и конвойный мент сказал мне, что и вправду меня везут в Мосгор«суд»!.. Я просто не мог поверить, что, имея постоянный «телевизор», по такому пустячному поводу, как обжалование продления ареста, они повезут к себе...

Что ж, поехали, впервые я залез в большой автозак, в котором не ездил с 2007 года, с этапа. Хотя и без наручников – но трясло и мотало там тоже страшно, мне опять, как всегда, стало плохо (а особенно – на обратном уже пути). Я сидел, весь покрытый холодным потом, и вспоминал чью-то фразу из комментариев в инете, присланных Майсуряном (почти, но не совсем дословно): Стомахина наша судебная система адекватно осудить не в состоянии, она его ЗАМУЧАЕТ. Вот именно, замучают всеми этими катаниями, этапами, наручниками, тряской, казенным, наплевательским отношением и этим вечным «не положено!»... Нет уж, лучше умереть, сразу быстро и решительно, чем вот такая вот медленная, мучительная смерть в течение долгих десяти лет...

Насмотрелся на слышанный уже мною жесткий режим в этом проклятом Мосгор«суде». Тотальный шмон с полным раздеванием сразу по прибытии, проводимый кучей «мусоров», требующих беспрекословного подчинения. Целые коридоры боксиков для эков, – весь день я сидел в еще более-менее просторном, целых три шага по диагонали, можно было даже походить, – а перед самым отъездом посадили в другом коридоре в совсем крохотный, как были в 2006 г. в старом Бутырском «суде». Заставили снять перед посадкой туда резинку, которой были подпоясаны штаны, бутылку с пепси-колой, пластмассовую (!) расческу и даже новую визитку Бородина, полученную от него накануне. Короче, было ощущение полной фантазмагии и тотального абсурда...

Подняли сразу в зал – но оказалось, что «защитники» – Бородин и Санникова – опаздывают: сегодня случился пожар в метро! (На станции «Охотный ряд», как потом мне рассказала Санникова.) При мне секретарша «суда» звонила ей, она сказала, что уже на «Семеновской» и вот-вот будет, минут через 20. Времени было около 11-ти. Тем не менее, меня опять спустили вниз, в боксы, и я просидел там еще добрых три часа, – когда подняли опять, было уже около двух часов дня.

Она привезла заявление от Бородина, что он болен и не может участвовать. Вместо него тут же назначили казенного адвоката, который на

все вопросы только кивал и соглашался со всем, что говорила и требовала Санникова. Всё действие заняло не более получаса. Она успела кратенько поговорить со мной, сказать, что звонила Манову, – решения Евросуда по первому моему делу еще нет. В ее просьбе изменить мне «меру пресечения» отказали, естественно. После этого, в два часа, спустили опять вниз – и я сидел там весь остаток дня, часов до семи, когда повезли обратно. В камеру подняли пораньше, чем вчера, – где-то в 12-м часу ночи.

И тут ждали меня приятные сюрпризы, – прежде всего сразу пять электронных писем! – от Антоши (наконец-то!), Корба, Маглеванной, Агафонова и Ольги Исаевой из Грузии. Н а них теперь надо бы побыстрее ответить – но сегодня, если повезут, я уже не успею, а завтра уже не будут брать, до понедельника (вечера воскресенья, точнее). И еще один сюрприз: смотрю, а вместе с последним заказом от матери лежат у меня на шконке вещи совершенно неожиданные, которые в жизни мать не брала, – в частности, кофе и пакет молока! Хватаю бумаги, – оказалось, кучу всего, что надо и не надо, мне заказала в инете вот эта самая Карина Магомадова, недавно только начавшая мне писать и в которой я, честно говоря, сомневался: не виртуал ли это, не провокация ли какая... Но – раз потратила больше двух тысяч на этот заказ, то уж, очевидно, не виртуал. Я был просто поражен и тронут до глубины души.

7.6.13., 8-й час утра (до завтрака)

Как ни странно, к Абоеву, мрази, меня вчера так и не повезли. Пришел со свиданки с матерью (последней?), успел написать еще письма – ответы на последние два из полученных накануне пяти, жду – не «заказывают». Часов до четырех ждал, уже и обед прошел (задержавшийся, как обычно) – тогда только стало ясно, что уже не повезут и можно расслабиться. Какой это кайф – расслабиться, поняв, что не будет хоть сегодня этой дикой тряски, испарины, холодного пота, наручников, тошноты и отчаяния... Что ж, видимо, повезут сегодня. Хотя, между прочим, прямо со свиданки мать звонила вчера Бородину – он сказал, что мы с ним сегодня (т.е. вчера уже) увидимся у мрази Абоева, там, мол, он мне скажет, когда он ко мне придет. Не увиделись... Но – долго тянуть он не станет, надо же угождать Абоеву...

Написал-таки наконец вчера заявление на прием к врачу, – но я-то думал, что поеду до ночи вчера, а сегодня буду «дома» весь день; а если выйдет наоборот, – и захоти он меня сегодня вызвать, а меня нет. Зато – пришло очередное «извещение» (с пропущенной первой «е») – о том, что 19 июня в Мосгор«суде» будет рассматриваться жалоба Бородина на продление мне ареста уже 14-го мая. По всему похоже, что меня опять повезут туда... Будь оно всё проклято!..

Немного взбодрило меня вчера и позавчера (как прочел, уже ночью) письмо Антоши Ручкина, первое, написанное им сюда через интернет, и одно из тех пяти, пришедших позавчера, пока я сидел в боксике Мосгор«суда». Антоша в своей резкой манере, выговаривает мне, как их всех – либертарианцев, моих единомышленников – дискредитирует моя смерть в случае суицида, как это повлияет на общее дело, на борьбу и т.д. Он прав, конечно; отвечает он, кстати, на мое недавнее большое письмо в рассылку, ребятам, переданное через Мишу; смех в том, что полностью и подробно я сам его не помню. Но, увы, о том, что будет со мной там, в лагере, и как мне выдержать десять лет постоянных унижений и глумлений – Антоша не пишет и, видимо, даже не задумывается... :(((

8.6.13., утро (до завтрака)

Суббота. Вчера тоже так и не возили никуда, дали отдохнуть после двух подряд дней этих мучительных катаний. То ли Бородин таки заболел до понедельника, как обещал, то ли... Пришло в голову простейшее: мразь Абоев теперь, видимо, сперва повезет меня опять в «суд», как и обещал – продлевать срок ареста, потом, наверное, к себе – предъявлять шестой вариант обвинения с новонавешенной особо тяжкой статьей, а уж только после этого будет катать на «знакомство с делом». Интереснее всего – ЧТО же именно он еще навесит и сколько всего в результате окажется сроку...

Абсурд какой-то, короче, театр абсурда... Мысль о невыносимости бытия и моего будущего, столь легко игнорируемая «друзьями» (типа Антоши), озабоченными лишь политическим успехом нашего общего направления, но не моей судьбой, не отпускает меня. Жизнь кончена, увы... Прозябание в лагере, хоть шесть, хоть семь, не говоря уже о десяти годах, – это не жизнь. Да и дальше все уже ясно, – пустота... :(((И ничего, ровно ничего, нельзя теперь сделать, чтобы изменить это вдруг открывшееся во всей ясности будущее...

Посмотрим, что написал мне Паша, – мать на свиданке со слов Майсуряна сообщила, что он таки написал мне письмо; это хорошо, а я уже сам собирался ему писать и пересылать через Майсуряна. Но, увы, вчера писем не было, – вот те пять электронных пришли разом в среду, и всё, за всю эту неделю только пять штук. Антоша тоже пишет, что отправил мне бумажное письмо, но его, естественно, еще нет. Вряд ли письмо Паши будет по смыслу сильно отличаться от недавнего антошиного, – разве что тон будет наверняка помягче. Еще мать, кстати, сообщила, что ей вроде бы сам, по своей инициативе, звонил Григорьянц, но зачем – я так и не понял, т.к. денег и какой-то реальной помощи он не предложил, а зато сообщил, что реально болен раком и что в Париже ему делали операцию...

«Болотная» эта волна 2011-12 годов, видимо, окончательно сошла на нет, и теперь крупнейшее событие – начавшийся «суд» по «болотному делу», побоищу 6 мая прошлого года (о «суде» этом, впрочем, пока у меня тоже нет никакой информации) Всё глухо и, очевидно, бессмысленно, сколько бы ни бодрились искусственно «друзья», сколько бы Майсурян ни ссылался на законы истории... Я сижу второй срок за свои убеждения – и не могу даже по своей воле умереть, чтобы отказаться от этой чести – торжественно мотать десять лет срока в качестве узника совести...

9.6.13., утро (до завтрака)

Как же невыносимо, чудовищно долго тянулась вчера эта проклятая суббота!.. Я уже писал обо всем этом еще в том дневнике, буреполомском, и вот – опять... :(((Казалось, что обед не наступит никогда ... что вот уже три часа, четыре, пять (часов-то нет, и даже проклятое это радио «Максимум» по выходным играет одну лишь музыку), а обеда все нет и уже не будет... После обеда это проклятое время тут тянется чуть побыстрее, но – всё равно... Соседи к вечеру уже прочли окончательно (владимирский быдлык – почти окончательно, добьет уже сегодня) не только все библиотечные книги, но и все мои старые журналы, и приуныли тоже, хотя главное счастье, смысл их убогой жизнишки тут, в тюрьме – курево, сигареты! – у них сейчас есть (выпросили ни у кого иного, как у меня же, чтобы мать после свиданки заказала им в ларьке блок).

Невыносимо, непереносимо, полный и абсолютный тупик, отсутствие всякой жизненной перспективы. Капкан... Сейчас, месяца через три, наматывают срок – и всё!.. И поехал мучиться в этот быдлытник, топтать по семь, по восемь раз в день на строго обязательные зарядки/проверки/столовки... :(((И ничего, ничегошеньки нельзя с этим сделать... Ничего, кроме... Кроме того, от чего меня пытается удерживать это трепло Антоша своими проповедями. «А о НАС ты подумал?», «Каково будет сторонникам НАШЕЙ точки зрения», и т.п. Как будто НАША точка зрения – либертарианство, да, он правильно пишет – представлена в России хоть чем-то мало-мальски заметным, хоть одной, хоть относительно крупной всероссийской партией, или хоть «федеральным» СМИ... Нет, увы, – «мы», к которым принадлежим мы с Антошей (хотя, кстати, он-то уже не в России, какое уж ему теперь дело...) – это всего лишь очень жалкая и ничтожная кучка, всего лишь несколько десятков, не более пяти, интернет-комментаторов, и то не в СМИ, а в своих личных блогах, в ЖЖ и ФБ, и за пределами этих сервисов, даже в инете, не говоря уж – на улице поспрашивать – «мы» совершенно никому в этой стране не известны и ни малейшего влияния на ее политику, да и вообще ни на что, оказать не в

состоянии. Так что – если этот лагерь потеряет меня за моим суицидом, то едва ли это вообще заметит и хоть упомянет кто-нибудь, за исключением сотни-другой враждебных «НАМ», но столь же виртуальных интернет-троллей, виртуальных имперцев и СССР-овцев 2.0. Реальный из них всех, м.б., один Вассерман, но он-то как раз едва ли будет это комментировать, – подумаешь, событие! – даже если и узнает...

М-да, слова, слова, слова... «Борьба» и с моей стороны была чисто виртуальной (ну, плюс еще «РП», впоследствии сдохшая, но ее распространение, особенно под конец, было столь мизерно, что можно не брать в расчет), а вот срок за нее будет вполне реальным, во вполне реальном, всамделишном лагере, с настоящими, и весьма злобными, «козлами», блатными и т.д., сидящими за наркоту, грабежи, разбой и кражи. Каким боком ко всему этому я, какое я могу вообще иметь отношение к их делам, ко всей вообще жизни этих существ, особенно лагерной «жизни», постоянно ими мне навязываемой (идет начальник с обходом!! – срочно убрать всё, и мои вещи в том числе, дабы сделать начальнику тот вид в бараке, который он хочет видеть...) – я и тем сроком никак не мог понять, хоть убей, и так же точно будет и в этот раз

Существование мое окончательно потеряло всякий смысл. Долгий, неспешный подъем (здесь, а в тюрьме), проверка, возвращение в камеру – и мучительное сидение/лежание без всякого дела в ожидании обеда. Альтернатива – поездка в полумертвом, укачанном до тошноты и рвоты состоянии, к Абоеву, ублюдку, за все новыми и новыми «обвинениями», или в Бутырский «суд» за «продлением ареста», или же – с шести утра, посидев часика три на сборке – в Мосгор«суд» за сроком (за слова)... Зачем мне все это надо? Почему нельзя отказаться, просто отказаться, я никак не пойму? Какая ценность в такой вот «жизни», с такими вот перспективами (десять лет уголовного лагеря в окружении подонков), чтобы за нее так уж цепляться, как мне все советуют?..

Всё вокруг полностью, совершенно потеряло всякий смысл...

10.6.13., 8-й час утра (до завтрака)

Понедельник. Будь всё проклято... Прежнее острое, невыносимое отчаяние по утрам сменилось последнее время какой-то глухой, неизбывной тоской, – и еще неизвестно, что хуже... Всё бессмысленно, вся эта дурацкая жизнь, а уж моя – и подавно. Десять лет как с куста... И никакой надежды, о которой пишет Майсурян, а без нее – он прав – это не жизнь, а ад... Боже, за что я сижу??? Как так вышло? И что же теперь делать????!! А вот сделать-то теперь – и в этом-то весь и фокус – нельзя абсолютно ничего...

Вчерашний день, воскресенье, пролетел быстро, не как суббота. С утра

вспомнил, что так и лежит у меня непереписанный черновик заметочки про самозванцев (Альбац и др., мрази!..) – и ее переписывание в двух экземплярах прекрасно заняло мое время до самого обеда, а заканчивал я уже после. Закончив, попил чаю, походил туда-сюда по камере... а там уже вскоре и ужин. Так что было полегче, чем в субботу. Мразь опер, белобрысая нечисть, сказал мне на утренней проверке, видя, что я опять отказываюсь расписываться за «дежурство»: мол, смотри, выговоров у тебя уже много. То бишь, за это они в карцер не сажают, а записывают «выговора», как и на том корпусе. Примерно так я и подозревал, и нечего было переживать о такой ерунде...

Сегодня я не жду ничего, кроме писем, их должно быть много, от девяти человек, включая мать, – специально подсчитывал вчера. Но – ЧТО мне, в конце концов, эти письма? Как ни приятно их получать, они – только иллюзия общения, и уж точно никто из их авторов не в состоянии понять моих чувств, моей тоски и отчаяния, не чувствуя там, на воле, того, что чувствую я здесь. А кроме того – могут, конечно, в любой день, хоть сегодня, повезти опять на продление ареста в «суд», и никак нельзя об этом узнать заранее, и никого опять не будет там наверняка – ни матери, ни ребят...

Жизнь кончена, ее уже нет, но и умереть я не могу, не берет меня смерть. Вот такая печальная ситуация сложилась, и выхода из нее – нет...

11.6.13., 7-й час утра (до завтрака)

Ну вот, вчера меня наконец-то опять поволокли... К мрази Абоеву только, о «суде» по продлению мне ареста пока речи не было. «Праздник» :)) состоял в том, что на этот раз тот же самый бибиревский конвой во главе с жирным рыжеусым «мусором» Серегой Пинчуком, моим ровесником, возил только одного меня и только на Яблочкова (к мрази Абоеву, то бишь) – и потому, видимо, не одел мне наручники! Камер и соглядатаев, которых они боятся возле «судов» и прочих мест, там нигде нет, – потому и обошлось, видимо. Держался в этой их трясуцей машине обеими руками изо всех сил – и поэтому, видимо, укачало все же немножко поменьше, чем обычно.

Адвоката ждали долго, почти час, – я прочел уже весь первый том, перелистал его несколько раз, а тот все еще ехал. Приехал, перефотографировал весь первый том, а от второго, который мразь Абоев тут же хотел подсунуть сперва мне (пока ждали), потом ему, мы дружно отказались. Скандал разразился под конец, когда эта мразота вдруг подсунула нам с адвокатом Бородиным... две подписки (на отдельных листах) о «неразглашении данных предварительного расследования»!.. Ну, обо мне и говорить нечего, как выглядит мой автограф, мразь Абоев вообще еще не знает за почти семь месяцев личного знакомства со мной. :)) Но и

Бородин тут неожиданно проявил твердость, наотрез отказался подписать, а на листах с этой «подпиской», внизу и на обороте, написал два заявления с обоснованием отказа, – на моем покороче, а на его листе оно заняло почти всю оборотную сторону. Мне он объяснил перед этим, что, кроме ответственности по 310-й ст. УК в случае подписания (я посмотрел сейчас эту 310-ю, – ерунда, до двух лет исправработ или до трех месяцев ареста), в случае неподписания следователь может его отстранить от дела, а мне каждый раз (при дальнейшем знакомстве с делом, видимо) назначать казенного адвоката. Сам Абоев тут же заявил, что, мол, никто вас отстранять не собирается, но я (он), мол, не хочу, чтобы материалы дела висели на всех сайтах в интернете, как, мол, уже висят все решения «судов» о продлении мне ареста. Бородин пообещал написать жалобу в прокуратуру, и вообще-то было видно, что это наглое предложение «неразглашения» сильно (наконец-то!) его, всегда такого смиренного, возмутило...

Следующая неделя будет жуткой: мразота эта назначила нам с Бородиным приезжать к нему 17-го и 18-го (понедельник и вторник), 21-го (пятница), а 19-го, скорее всего, опять повезут меня и в Мосгор«суд», на обжалование очередного продления ареста. Я просил тут же Бородина, и он взялся поговорить с секретарем «суда» о том, чтобы меня не возили, а отвели бы на «телемост» с «судом» – но неизвестно, получится ли у него этого добиться. Сегодня он тоже обещал прийти, скорее уже где-то после обеда, а сегодня и день короткий, т.к. завтра «праздник», и еще и баня у нас, – будет морока, если он как раз под самый вечер, когда уже поведут в баню, и явится. Но – есть и кое-что хорошее от вчерашнего визита. На вопрос Бородина Абоев, мразь, сказал, что он «вышел с отсрочкой» (на свое начальство, то бишь), и вопрос о навешивании мне ради отсрочки еще одной статьи, видимо, пока не поднимался, хотя, конечно, от этих подонков можно ждать всего и в любую минуту. А уж самое бесспорно хорошее – дал все-таки очередную свиданку матери, принес при мне бумажку Бородину. Правда, перед тем послал его говорить со своим начальством – и я офигел, услышав, КТО у них там зам. (кажись) начальника: Мартин (кажись; имя точно не помню) Тельманович Гдлян! Сын того самого следователя Гдляна, который вместе со своим коллегой Ивановым так прославился в перестройку, расследуя легендарное узбекское «хлопковое дело» и т.п. вещи. Семейная профессия, блин!..

Что ж, вот такие результаты за вчера. Хуже пока не стало – и это главное, хотя и лучше, увы, тоже. Бородин сказал мне, что, если его отстранят и оперативно пришлют бумажку об этом сюда, в СИЗО, – то его при очередном визите могут уже не пустить ко мне, а я и знать об этом не буду.

:((А жирный «мусор» Пинчук сообщил, что у них «не получилось» приехать за мной в пятницу, 7-го июня, – они, оказывается, весь день провели в 6-м (женском) изоляторе. И – значит, я ошибся в своем вчерашнем предположении, что мразь Абоев сначала продлит мне арест, а уж потом начнет таскать опять на знакомство с «делом».

Самые интересные документы, что были в первом томе этого «дела» – донос на меня этого ублюдка Носикова (Доносикова, как его прозвал Майсурян), написанный в электронную приемную прокуратуры еще аж 25-го января 2012, – больше всего его, как я понял по обилию цитат, взбесила моя статья «Латвия-2012 в роли Чечни-1999», да еще там была цитата из статьи «Всё, что угодно, лишь бы не нравиться вам». И – из материалов «проверки» по его доносу я понял, как всё это получилось: донос был на мой ЖЖ, а уж исследуя его, подонки-«антиэкстремисты» заметили указанный там среди моих данных сайт «Спротивление», полезли его читать, нашли там полный список моих текстов, – и вот так возникло это дело, и вот почему оно сперва было не по тем статьям, на которые доносил Доносиков, а по совсем другим – древней (2005) про Иран и Холокост, «Памяти шахидов» и какой-то еще 2011 года, не помню сейчас. Трагическая случайность – но она будет стоять мне десять лет, а м.б., и всей жизни... Ну и – донос какого-то участкового (кажись) «мусора», что администрирование «Спротивления» ведется именно из нашей квартиры, по данному адресу, – из бумажки остается совершенно непонятно, КАК именно он этот адрес установил. Можно, конечно, попробовать вызвать его в «суд» и допросить там, но... на результат это, увы, не повлияет.

Хорошо еще, что до отъезда успел получить письма, хотя уж думал, что в этот день их не будет. Письмо матери, брошенное здесь же, в магазине СИЗО, в ящик 6-го принесли только вчера, 10-го. Ну и электронные: от Мани (наконец-то что-то более-менее человеческое она написала), от Маглеванной и от Ольги Исаевой (Орлеаны) из Грузии. Сегодня вечером – т.к. завтра выходной – ответы уже не возьмут, а вчера я успел их только прочесть, так что на ответы есть два дня. Но вообще – это письма только от четырех человек из тех девяти, которые, по моим подсчетам, мне уже должны были написать и отправить за последнее время.

Маня, кстати, в письме сообщила, что этот ее дружок, идиот Новожилов, арестованный и засунутый в психушку еще 29-го апреля, оказывается, запретил ей обнародовать какую-либо информацию о своем деле и аресте. Идиот, иначе не скажешь, – впрочем, это я знал давно...

12.6.13., 8-й час утра (до завтрака)

Вот и «праздничек»... Вчера под вечер приходил адвокат, как и обещал.

Завели меня к нему в кабинет только в четыре часа дня, а в полпятого начали уже активно выгонять. Принес он мне наконец-то распечатки с моего блога на «тиффаретнике». Я посмотрел – и ахнул: и в последнем стихотворении, и в других, и в документах в прозе – масса ошибок, опечаток, слова где пропущены, где перепутаны, заменены другими, а уж про знаки препинания – типа точек, отсутствующих там, где должны быть, но зато стоящих там, где не надо, – и говорить нечего! Кошмар, короче... Поразмыслив, я понял, что, скорее всего, это набивал Миша Агафонов, со своей характерной небрежностью и торопливостью. Ей-богу, если бы он был здесь – я его просто убил бы за это, такая ярость возникла у меня после просмотра этих распечаток!.. Но главное – непонятно, как теперь это исправлять, ведь просто в открытом письме, идущем через цензуру, это не напишешь... То ли ему письмо через Бородина опять писать, то ли сразу Мане, но и когда опять придет Бородин – заранее неизвестно, он мурыжит с этой датой своего прихода по многу дней, да и то может обмануть...

В понедельник я увижу его у мрази Абоева, и во вторник, и в пятницу... Кошмарная неделя предстоит, и дай бог, чтоб хотя бы в среду, 19-го, в Мосгор«суд» всё-таки не повезли, чтобы тот же Бородин сумел как-то отговорить их от этого...

А тем временем начался уже процесс 12-ти человек, арестованных по «болотному делу». В их числе – Коля Кавказский (Трибунус), единственный кого из всех арестованных я знал до ареста лично, и сидящий тут, на этом корпусе, Ковязин из Кирова, не захотевший в итоге со мной общаться (ну и хрен с ним, козлом!..). В предыдущем номере «The New Times», принесенном вчера Бородиным, – интервью со всеми адвокатами подсудимых, и все в один голос говорят, что процесс продлится минимум полгода, а то и год... Так что меня «судить» все равно будут на фоне их процесса – и это еще уменьшит общественный интерес к моему процессу, и так почти отсутствующий...

Что ж, вот и всё. Действительно, жизнь прошла, что бы там ни писала мне Лена Маглеванная, что, мол, будущее точно не известно никому... Увы, моё будущее – мне известно, и нет в нем ничего привлекательного – только мрак и пустота. Конец срока в 50 почти лет, до которого, ей-богу, я не хотел бы дожить, уже полным инвалидом, чтобы освободиться в пустоту, без денег, никому не нужным... Впрочем, и в лагерь, на проверки по карточкам и «генеральные уборки», я ни за что не хотел бы попасть. Владимирский быдлак в камере, который сегодня поднялся ни свет ни заря, рассказывал, как проходили «генеральные уборки» у них, на особом, кажется, режиме. Я-то в Буреполоме еще попал не на самый тяжелый вариант, выходит, а там –

просто раз в неделю все тумбочки и матрасы вытаскивали во двор, так что в секции оставались одни голые шконки, – и торчали во дворе весь день! Хорошо, говорит, если к отбою эта «уборка» заканчивалась, а то и позже... Я не хочу под это попасть, торчать весь день во дворе в любую погоду, ходить строем в столовую, стоять на двухчасовых проверках по карточкам (у меня просто нет сил стоять), и т.д. Не хочу, не хочу, не хочу!... Но... никто не спрашивает моего желания, тут это не принято. Значит – надо воспользоваться тем единственным выходом, который еще есть, потому что потом уже может не быть и его...

Бред, пустота и бессмыслица... Вот во что превратилась моя жизнь, и, право же, не стоило жить 39 почти что лет, ходить в школу и в институт, мечтать и надеяться на что-то десятилетиями – чтобы прийти под конец к вот такому вот результату... Да, жизнь кончена, я это неоспоримо понял еще на воле, и ничего с этим теперь уже сделать нельзя. И – это понимание полностью лишает меня всяких стимулов стремиться к освобождению, строить какие-то планы на будущее, дорожить хоть сколько-то этой постылой жизнью. Ничего, бывший нарядчик, сплетший мне толстую, надежную и надежно спрятанную веревку, 21-го уходит домой, а владимирский быдляк, если нас с ним тоже оставят на какое-то время вдвоем в камере, – он спит крепко, и днем тоже любит поспать, и я, может быть, тогда, как он заснет...

13.6.13., 8-й час утра (до завтрака)

Заходил вчера неожиданно вечером, перед ужином, Бабушкин, – это было единственное событие за весь вчерашний «праздник». Сказал, что книги сюда можно передать или через передачу – с разрешения начальника, – или же: заказать, чтобы прислали сюда почтой, привезти сюда же квитанцию об оплате (правда, кому отдавать – непонятно), а я должен буду, со своей стороны, написать тут заявление, чтобы мне их выдали (т.е., как минимум, человек, их заказавший, должен будет мне срочно, электронным письмом, сообщить, какие именно книги он заказал). Черт его знает, сработает ли такая схема – и кто будет сюда ездить с квитанциями, будет ли, например, у Миши время. В остальном же – на тюрьму жалоб у меня было мало, а по поводу моего «дела» он сказал только: пусть, мол, мне пришлют твое обвинительное заключение. А ЧТО ты сделаешь, родной, когда тебе его пришлют-то?.. Ничего, – я это прекрасно знаю и так, заранее. Попытался я с ним еще решить вопрос о доверенностях Глебу и Корбу, – он записал ФИО суки Абоева, узнав, что тот отказал в разрешении на ее оформление, – посмотрим, решит ли он хоть эту проблему (не решит, конечно).

Вот, собственно, и все события за вчера. Уже четверг, постепенно

приближается следующая, чудовищная неделя, полная мотаний на трясущихся мусорских машинах. Полная безнадега... За что я сижу?.. По нормальным человеческим правилам – ни за что. По русским «понятиям» – за «страшное преступление»: призывал убивать ментов, прокуроров, чекистов и пр. (ни один убит не был, к сожалению). Будь проклята эта страна со всем, что в ней есть!.. Я проклинаю ее каждый день, утром, только проснувшись, и на сон грядущий, но – она всё стоит, а я всё сижу, и никакой надежды нет, что что-то здесь изменится, как пишет мне Лена Маглеванная, – нет, и это тоже уже было, сколько было надежд тем сроком, в 2008-2009, на «медведевскую оттепель»... Десять лет, как с куста, – вот и всё, что меня ждет, и – нищета и одиночество потом, если доживу. Вот и весь итог прожитой жизни, – да еще то, что защищать сейчас уже никто не хочет. Будь всё проклято... Зачем я вообще родился?.. Будь всё проклято на веки вечные!.. Прошла жизнь...

14.6.13., 8-й час утра (до завтрака)

Только что, в шесть утра, в новостях «Русского радио» передали: бывший мэр Махачкалы, посаженный недавно в «Лефортово» за якобы организацию убийства какого-то следователя; инвалид-колясочник, о котором как раз недавно был материал в «The New Times» – к нему туда ходила Светова от ОНК и написала потом, – так вот, он еще накануне вечером вскрыл себе вены и доставлен в 20-ю больницу (ну да, куда же еще!..). Живой, видимо. Порезал себе правое предплечье, левое запястье и еще что-то, не помню.

Что ж – вот мне и еще один пример. Надо, надо решаться, зажился я что-то в этой тюрьме. Он абсолютно правильно сделал – чем в его возрасте и состоянии сидеть много лет в лагере, совершенно независимо от того, делал он то, в чем его обвиняют, или нет, – лучше не сидеть... Лучше просто не даваться им, уйти, оторваться от преследования... Я-то чего жду, никак не могу понять? Приговора? Типа, посмотреть, сколько все-таки дадут? Десять лет, не сомневайся! Или я жду, когда 21 июня освободится бывший нарядчик – и мы останемся с владимирским быдляком вдвоем, а он спит гораздо крепче? Но неизвестно, сколько это «вдвоем» продлится, – м.б., один день? К тому же – надо, надо и обломать, и отчасти даже наказать (насколько это будет ощущаться как наказание, как горе) Маню, которая пишет, что ждет меня – но ждет она хреново, унижительно, уравнивая меня с этим Новожиловым и не желая отступать от своего...

Новости отвратительные, и настроение тоже. Вчера пришли в обед письма – электронное от этой новоявленной Карины, а от Майсурия – бумажное, №17. Он разъяснил мне наконец-то эту загадку с непубликацией до сих пор моих текстов про новый 1941-й и про революционное

либертарианство. Оказывается, это мать, старая сука, просто нагло обманула меня тогда, на свиданке 13-го мая, сказав, что, мол, он – Майсурян – заходил, но не взял эти тексты – мол, опасно, Абоев был, мол, в ярости от публикации предыдущего, и т.п. Ах, старая, тупая, трусливая тварь!.. Оказывается, я не зря сперва инстинктивно не поверил ей: она ему заранее сказала, что, мол, если я буду чем-то недоволен, то она съедет на него – соврет мне, что, мол, это он испугался и не взял, а на самом деле – панически боится она, тварь, старая дура, вот и не отдала ему мои тексты, которые уже полтора месяца назад могли бы быть набиты, повешены и разосланы – а они валяются где-то у нее до сих пор... Тварь, хорошо, что тебя здесь не было, – убил бы, палкой своей забил бы тебя насмерть, если б попалась мне под горячую руку, когда я прочел майсуряновское письмо!.. На ближайшей свиданке, конечно, выскажу всё, но, увы – через стекло там не достать, а то забил бы прямо на месте палкой, ей-богу!.. Старая, тупая, ничтожная, трусливая мразь, выжившая из ума падаль, что ж ты творишь!.. Убил бы... Спасать от опасности она меня вздумала, видишь ли, ложь во спасение мне тут толкать, пользуясь тем, что я сижу в полной изоляции и не могу ничего узнать и проверить... Тварь!! Майсурян, конечно, страшно обиделся, что я поверил такому глупому поклепу на него – что он мог вот так вдруг изменить своим принципам, о которых неоднократно мне говорил, из-за которых ругался в тот раз с Санниковой и т.п. Эта старая мразь со своими паническими страхами выходит, просто-напросто оклеветала его передо мной, оболгала, а я, идиот, поверил... Никому нельзя доверять, даже родной матери, – да стоит ли и вправду такая жизнь того, чтобы за нее цепляться? Зачем?.. Хотя, конечно, и вина Майсуряна во всем этом тоже есть: он же согласился с такой ситуацией; зная, что я прислал ему две статьи с просьбой набить и отправить Мане – не взял их, не набил, не отправил, а оставил у матери. То бишь, и вправду нарушил-таки де-факто свое слово, решил в поддавки сыграть... Тоже идиот и скотина. Без этих слов, но о его тоже имеющейся вине в случившемся я ему тут же написал. Теперь – неясно, где вообще эти тексты мои, когда он всё-таки их заберет, набьет и т.д. После получения моего письма от 14 мая, которое его так возмутило (где я его упрекал за нарушение его слова и принципов) – он, тем не менее, все равно к матери не сходил еще раз и не забрал, так всю ситуацию и оставил, как была. У меня нет слов, какие твари и подлые подонки меня окружают...

Ночью не давали спать все эти мрази в соседних камерах – и по этому этажу, и выше, – долбились полночи в двери, переговаривались между собой... Оказывается. «мусора» отключают временами у них в камерах розетки – вот почему они и начинают барабанить в двери, а вовсе не потому,

что кому-то якобы плохо. Последнее время я вроде бы хоть спать стал более-менее нормально, засыпать довольно быстро, как ложился, а тут – не могу заснуть, и все тут, а эти твари долбят и долбят в двери. Думал, что не засну вообще, так и пройдет ночь впустую, – но все же как-то заснул, хоть, м.б., часа 2-3 удалось поспать...

Пятница. Писем сегодня уже не будет, скорее всего. Делать абсолютно нечего, читать нечего, библиотечных книг, хотя бы самых идиотских, так и не несут с конца мая. Дальше – два выходных, тоже абсолютно пустых. Потом – начинается жуткая неделя, неделя сплошных разъездов в наручниках на трясучих машинах. Потом – видимо, еще одна такая же, а потом, уже вскоре, – «суд». Здесь, в тюрьме, эти стуки в двери, или два тупых быдлососеда в камере, – это всё ерунда, настоящая веселуха начнется в лагере, где соседей будет на два, а 150 или 200, и жизнь они будут вести исключительно ночную... Зачем мне все это? Что меня здесь держит? Ничего, кроме собственной трусости, увы. Надо, надо решаться, а то потом, на зоне, будет уже поздно... Не хочется, м.б. и страшно, и жалко – бросать всё нажитое, весь тот «моральный капитал», о котором я столько говорил матери еще в Буреполоме (а его, по сути, всё равно не оказалось, – всё равно все только плюются и старую цитатку из некролога Масхадову мусолят) – но надо, надо, не мучиться же десять лет из-за этих несбывшихся иллюзий...

15.6.13., утро (до завтрака)

Два события за вчерашний день. Первое – идиот-«мусор», на проверке спросивший, кто, мол, «грузится» (едет в ШИЗО) за дыру в потолке, которую он только что заметил – и решил, что накануне ее не было, тогда как она была еще в марте, когда мы заехали в эту камеру. Второе – приход Каретниковой после обеда.

Не могу себе простить, что, когда она спросила: тут будем разговаривать, или выйдем? – я подумал, что тогда придется стоять в коридоре, как 13-го марта, – и не вышел. В результате, под конец разговора уже, она таки спросила про телевизор. Ей сказали, что сломался, обещали дать новый, когда? – в понедельник, сказал нарядчик, и, кажется, она поняла его юмор. Все ответы, по обыкновению, записывала. Сказала, что от нас пойдет смотреть карцера, – я очень надеюсь, что в результате этого разговора не припрут действительно в понедельник новый телевизор, это стало бы для меня окончательной катастрофой, и так ночью сон что-то становится всё короче и короче...

А так, – на мои слова, что, мол, если всё вот так, и защищать никто не хочет, и десять лет грозит, – так не последовать ли мне за этим вот самым Саидом Амировым (она не знала, кт это такой и о чем речь, но зато сразу

отозвалась сопровождающая Каретникову бабулька, – видимо, Светову в «Лефортово» на днях тоже сопровождала она. Впрочем, про вскрытие вен и попадание в больницу она еще тоже не знала.) - эта тварь заявила мне, что, мол, не надо было писать человеконенавистнические статьи. Мразь, – ну что тут еще сказать? За статьи они готовы принести человека в жертву, – и чем они тогда отличаются от мрази Абоева и его начальства? И потом, по ходу разговора, она пыталась на память, в перевернутом виде, привести мне ту знаменитую уже цитату из некролога Масхадову, которую они все мусолят вот уже девятый год. И была сильно, видимо, удивлена, когда я сказал ей, что писал я все правильно и жизнь подтвердила все мои выводы. Упомянул я пост знаменитой теперь нацистской «правозащитницы» Холмогоровой в ее ЖЖ обо мне в конце мая (распечатку накануне как раз прислал Майсурян) – Каретникова не читала, но, думаю, была бы полностью согласна, если бы прочла, это как раз их общий уровень...

В общем, итог беседы – ноль, ничего от нее не прибавилось и не изменилось (кроме разве что чуть-чуть сброшенного мной на тот момент психологического напряжения); а зато нарядчик, присутствовавший при беседе, м.б., не столько слушавший, сколько смотревший, – потом сказал мне, что, по его наблюдениям, «она (Каретникова) не очень-то тебя поддерживает». В самую точку, как говорится!.. Как была ничтожной, ограниченной мразью с куриными мозгами, так и осталась, хотя сейчас по своей должности в ОНК хоть что-то делает, хоть приходит... Представляю, ЧТО она напишет на этот раз об этом вчерашнем разговоре в своем ЖЖ! – хотя пусть ее... Пусть пишет, что хочет, – всё равно это лучше, чем полное молчание. Рассказал я ей по ходу разговора и о том, что сейчас у меня «знакомство с делом» и что адвоката нормального так и нет, Трепашкин не появляется, хотя обещал, и т.д. Хотя (уже не для нее, для себя) мне, в общем-то, уже все равно. Результат известен заранее, и вопрос стоит не о «суде», а о том, как остаться одному в этой камере хотя бы на полчаса, на 20 минут – и как заставить себя все же, преодолев страх, воспользоваться этой возможностью, если она вдруг представится. Потому что, как ни крути, выезд (да еще которого, скорее всего, все равно не будет) – это слишком слабенький стимул, чтобы ради него терпеть все унижения и мытарства лагерной «жизни» среди уголовников, будь то десять лет или хотя бы семь...

Замучают, замучают они меня, как кто-то правильно написал в интернете. Надо уходить...

Пол-июня уже прошло. Еще две недели – и полгода... Через пять дней – семь месяцев от срока уже будет отсужено.

16.6.13., утро (до завтрака)

Воскресенье. Нет опять ничего... Ничего не получается... Я всё смотрю на них, спящих, отвернувшихся к стенке – и жду, что вот один из них сейчас точно повернется, шевельнется, подскочит... Глупая, гнилая отмазка... Хотел бы я посмотреть на себя в карцере, где – целая ночь в твоём распоряжении, и вокруг – никого... Страх, страх проклятый, это он не дает. С утра, только проснувшись, я отчетливо понимаю, что нельзя, НЕЛЬЗЯ снова туда попасть, нельзя дать покорно себя загнать туда, в лагерь, и там много лет каждое утро вот так же просыпаться – и про себя, молча, выть от отчаяния и тоски, как было в тот раз, от безысходности, пока – вот сейчас – выход еще есть... Нельзя покорно пойти туда, где вся жизнь, каждый ее миг, – сплошные унижения и насилия, нельзя дать себя топтать там ногами, – и это ясное понимание перевешивает все остальные – все соблазны еще, м.б. (а вдруг!..), какого-то будущего, все мысли о матери, о Мане, о собственной биографии, о продолжении того, чему отдана жизнь, чтобы не зря все-таки... Перевешивает одно, простое: нельзя дать окончательно загнать себя в этот капкан, где не будет уже вообще никакого спасения!.. Но – время уходит, я смотрю на них, они вертятся то и дело, и тут же засыпают вновь (но ведь могут увидеть!..), а время уходит, вот уже сейчас придут зажигать свет, потом – звать на прогулку, потом – завтрак, и если кто-то в «глазок» увидит меня в веревкой, а я не успею, – эта попытка станет последней надолго, если не до самого этапа... Не умея, не имея практики, только одну теорию – трудно так, чтобы сразу наверняка. Вот если бы яду, или хотя бы таблеток горсть... Отмазки, отмазки... Я просто боюсь – и не знаю, как с этим жить дальше, и зачем, и куда мне деваться... :((((Выхода нет... Жизни нет, и смерть не берет... Тупик...

Завтра начнется жуткая неделя разъездов, тряски, качки, сидения в боксиках и на сборке. Меня ждет кошмар... А вчера вечером – какую дикую ярость вызвало опять воспоминание об этом паскудстве матери, о ее подлом обмане со ссылкой на Майсуряна... Ей-богу, мог бы только дотянуться – убил бы, такая ярость в душе, такое отчаяние, что даже на самых близких нельзя положиться... Впрочем, где она, эта близость? Ее нет уже с начала 90-х годов, как я писал не столь давно Мише, если не с конца 80-х...

Будь оно всё проклято, вся эта моя идиотская, никчемная жизнь!..

18.6.13., 8-й час вечера (после ужина)

Возили-таки вчера (понедельник) к мрази Абоеву, читать второй том «дела». Что там было интересного? Ну разве что – протоколы опроса соседей. Смешно звучало уже само поручение бибиревским ментам: определить круг посетителей сайта «Спротивление», дабы допросить их, и мое

окружение (соседей) в доме, дабы выяснить, не собирался ли у меня народ, не ходили ли ко мне какие-либо люди, и т.д.

Из 188-й и 192-й квартиры какие-то мужики, по фамилиям их не знаю, сказали, что видели меня на улице очень редко и всегда одного, а о моем образе жизни и взглядах ничего сказать не могут. А зато откликнулись соседи снизу, семейство мразей, с которыми, сколько я себя помню, у нас всегда были плохие отношения, – а живут они там, как и мы, с самого начала, как построен дом. Старый хрыч – глава семьи – 1945 года, его жена – 1953-го, кажись, и дочка 1977-го. И вот они все трое одними и теми же словами, в один голос утверждали: они знают, что я еще в 90-х гг. участвую в политической тусовке – и они меня очень часто (!) видели по ТВ среди митингующих, с плакатами в руках!.. :))) Сам себя я почему-то больше, чем 1-2 раза за всю жизнь, по ТВ не видел; но это еще не всё. Оказывается, они все читали мои статьи в интернете (!!) – и обнаружили в них и угрозу свержения власти, и призывы, и разжигание, и ненависть к русскому народу и т.д. и т.п. (не дословно, увы, дословно весь этот бред я не запомнил). И – более того – прочитав всё это, они почувствовали угрозу лично себе, не говоря уж об обиде за русский народ. :))) В общем-то непонятно, зачем ИМ понадобилось фабриковать еще и эту пачкотню, ведь фактов, имеющих отношение к нынешнему «делу», соседи эти никаких не сообщили. Разве что так, для пропагандистской поддержки своих действий со стороны, типа, «простых людей», что ли, для чего еще? Бред, короче.

Второй пассажир мусорской машины, татарин 30-ти лет из Мордовии, «дёргавший» у старух на нашей улице сумки и везомый после меня в ОВД «Бибирево», сидел, пристегнутый к мусорше в черной форме, на диване в кабинете суки Абоева, т.к. мусорская машина уехала на какой-то ремонт. Мы потом еще подождали ее во дворе, оба пристегнутые к «мусорам», – стоять, пока они трепались с конвоем в другой машине, мне было довольно трудно, так что под конец все четверо мы отошли в сторону и меня усадили на трубу-ограждение газона у соседнего дома. Приехали в Бибирево – и эта же мусорша, постоянно с нами едущая довольно грубая баба лет сорока, вдруг стала и меня, вслед за этим татаринцом, сняв наручник, выводить из машины. «А меня куда?» – удивился я. – «Будете сидеть со мной в комнате, а не в этой духоте в машине», – ответила она. Ну что ж, неплохо. Хотя я ни минуты не сомневаюсь, что пожалела она не меня, а себя: ей-то тоже надо было бы со мной там сидеть, одного задержанного в машине оставлять «не положено»....

Привела меня в свой мусориат, пристегнула наручниками за левую руку к столу в комнате, где стояли шкафы с формой и гражданской одеждой

мусоров, – типа раздевалки. Я сидел, смотрел в большое окно на родную улицу, как едут по ней машины, как входят и выходят из мусориата люди... Вот оно, прошлое, которое уже никогда не станет будущим. Я теперь ненавижу этот район, – как, впрочем, и весь этот город, чистенько вылизанный, прибранный, выложенный плиткой или хорошим асфальтом, зеленый, подкрашенный, с аккуратными бордюрами тротуаров и оградами газонов; как и всю эту страну. Я отчетливо помню, что лет 20 назад, когда заборчиков на газонах не было – их все разломали – и был плохой, битый асфальт, и заросшие бурьяном пустыри, и никакого благоустройства, почти разруха на улицах, – так вот, в то время свободы в этой стране было гораздо больше!.. Была свобода, – пусть неполная, куцая, урезанная с самого начала, но была! А сейчас – только позолоченные ошейник и цепь, – не золотая, стальная, не сорвешься, и очень-очень короткая, но зато – красивая с виду...

Я сидел, смотрел в окно, а мусорша эта на айпаде играла в какую-то игру, временами выходя на чей-то зов. К ней заходили еще мусора, смотрели, сгрудившись, как она играет, вместе пытались разгадать какой-то пароль в игре... Я смотрел на них, не обращающих на меня никакого внимания, – и со спокойной, несокрушимой уверенностью, выстраданной, железобетонной – думал: нет, убивать их, только убивать! Плевать, что лично мне, кроме этой тетки, надевавшей наручники, ни один из них ничего плохого не сделал; плевать, что они ведь действительно ловят и возят настоящих преступников, грабителей, бандитов, которые иначе вообще бы проходу не давали никому на улицах. Плевать на всё это!.. Мой случай – только один пример, хотя очень показательный и лучше других мне известный. Это государство, растоптавшее все мои (наши) права, сажающее за слова, убивающее диссидентов и президентов по всему миру, от Троцкого до Березовского, от Дудаева до Качиньского, – оно не имеет никакого права на существование, и единственный способ его расшатать и повалить – убивать без всякой жалости тех, кто ему служит, кто носит форму, кто составляет так называемые «правоохранительные органы», «силовые ведомства», и даже вот этих простых бибиревских ментов и конвойных в том числе. Мочить, без всякой пощады, вместе с семьями, с малыми детьми, живыми пихать в печи крематориев, давить машинами, взрывать и поджигать их мусориаты, и т.д. и т.п., при малейшей возможности!.. (Не зря, кстати, даже в этой их раздевалке, помимо внешней решетки, окно еще изнутри, оказалось, закрывается этакой толстой железной шторкой, складывающейся при открывании по вертикали, – сквозь такую уже бутылку с «коктейлем Молотова» не закинешь...) И не зря, конечно, при въезде на территорию

мусориата лежат два здоровенных бетонных блока, исключаяющие прямой таран ворот автомобилем. Короче – убивать, убивать, убивать! Их кровь и кровь их детей – за наше бесправие, за это вечное тюремное «не положено!», за мои ежеутренние мечты о суициде...

Подняли в камеру вчера достаточно рано, в самом начале 11-го. Бородин еще там, у мрази Абоева, позвонил матери и узнал, что на свиданку она записалась на сегодня, на 18-е, а ездила записываться только вчера, – я-то думал, что еще в пятницу. И вот сегодня с утра, в девять, была наконец свиданка. Высказал я ей всё, что хотел, в связи с этим ее гнусным обманом насчет Майсуряна и моих текстов. Впрочем, большого скандала не получилось, как я опасался, – всё обошлось. Мать клялась и божилась, что эти мои тексты действительно отдала Мише Агафонову, – что ж, стала звонить ему, а он не берет трубку. Когда он теперь набьет, и набьет ли вообще – неизвестно.

Пришло сегодня от него и письмо электронное – вместе с письмами от Мани и Ольги Исаевой (Грузия). Пишет он, кроме прочего, что Горбаневская полностью поддержала мою позицию по поводу самозванцев из «The New Times», использующих бренд «ХТС», что отозвался наконец Айвар Гарда из НФЛ – написал Корбу; не зря, значит, я писал ту заметку с прямым обращением к нему и НФЛ; но – пишет, что как помочь мне, он не знает; ну что ж, набросал я в ответ для него Мише, который вроде уже с ним переписывается, несколько нехитрых рецептов. Ну и – что Антоша отдал «какие-то материалы» МФФ и – особенно просил это подчеркнуть – Олегу Леусенко, редактору какого-то украинского сайта, известному блогеру, и скоро, надеется, там должны «что-то» опубликовать. Если я правильно понял эти намеки (в тотальном непонимании намеков меня как раз упрекал в последнем письме Майсурян), то речь идет о моем открытом письме Тягнибоку и др., т.к., не обнаружив его в распечатках со своего «тифаретника», я, естественно, в состоянии полного возмущения задал Мише в письме через Бородина, когда тот последний раз приходил, 11-го, вопрос про это письмо. Надеюсь, ответ я понял правильно – и состоит он, между прочим, в том, что письмо это, отданное Мише через Санникову еще 14-го мая, 14-го июня, когда Миша писал мне свое письмо, не было еще нигде опубликовано...

И вот – недавно, вскоре после ужина, меня «заказали» на завтра на «видео», на 8 часов утра. Ур-р-ра, хоть не ехать в этот проклятый Мосгор«суд», всё-таки легче! Но – «суд» завтра назначен у меня на 13 часов; то бишь – минимум пять часов придется сидеть на сборке, а т.к. точно эти «суды» никогда не начинаются – то еще дольше...

Дурацкий эпизод произошел и сразу после ужина. Бывший нарядчик, всегда неукоснительно отдававший «мусорам» мои письма из ящичка, на сей раз почему-то забыл это сделать. Но – быстро спохватился: «мусор» с баландером еще не могли уйти с «продола». Нарядчик, владимирский быдлак, а потом, когда они отошли, то и я стали нажимать кнопку от сигнальной лампочки в коридоре, специально поставленной над дверью каждой камеры, чтобы ею привлекать внимание «мусоров». Но – толку никакого. И вдруг слышу – хлопают «кормушки» совсем близко от нас. Для привлечения внимания я решил постучать рукой в дверь, стукнул один-два раза в «кормушку» – и вдруг она вылетела, открылась!..

А «мусор», дежурящий сегодня и стоявший там с баландером – известный уже здесь феерический идиот, отметившийся, в частности, тем, что на днях, утром, в шесть утра, в подъем, отпер нашу дверь и сказал: давайте сюда раскладушку! В камере четыре места, одно свободное, нас трое. Посмотрел в камеру, потом в какую-то бумажку (список раскладушечных камер?), что держал в руке, – и молча удалился. А утром сегодня, когда я уже пришел со свиданки, он вдруг отпер камеру, посмотрел на нас, пробормотал что-то типа: а это же не вас!.. – и закрыл.

Зато уж, увидев выбитую мной «кормушку», он разошелся вовсю в своем начальственном раже и «административном восторге» по Достоевскому: строго выговорил мне, почти накричал, ; заявил, что, мол, это ваша проблема, что вы забыли отдать письма (как будто я утверждал, что проблема его); и под конец – пообещал написать на меня за эту «кормушку» рапорт. Да пиши ты, мразь, собака мусорская, нечисть, одного лишь тебе желаю – сдохнуть поскорее!.. Надеюсь, за эту мелочь они меня тут в карцер еще не закатают. Хотя... если закатают, это может помочь разом решить все мои проблемы с предстоящим сроком...

20.6.13., утро (до завтрака)

Водили вчера на проклятый «телевизор», в еще более проклятый Мосгор«суд» все-таки не повезли, слава богу. И то – просидел на сборке почти весь день, – назначено заседание было в час дня, а повели туда только где-то в четыре часа дня. Да еще некоторое время продержали и после.

Возвращаюсь в камеру – а тут события. Сбылись мечты идиотов: поменяли наконец книги (принесли такое же дерьмо, как и было), а главное – таки сняли часть окна! После того, как бывшему нарядчику сперва говорили, что снимут полностью (вся информация от него), как на старом корпусе; потом – что не будут снимать вообще, т.к. на этом корпусе евростандарт и, типа, особой духоты быть не должно, – теперь сняли только две маленькие форточки слева, как раз над моей шконкой, да большую

(огромную) створку, вроде бы забитую гвоздями, как-то открыли. Вот уж поистине – тезис, антитезис, синтез!.. Но – пока 30-градусной жары на улице нет, из снятого окна откровенно дует. Стало не то что не душно, – стало холодно! Хуже, чем зимой, когда просто дуло из щелей этого закрытого окна. Уже вчера вечером я замерз, одеяло пришлось сразу же натягивать до головы, тогда как до этого некоторые ночи я спал, вообще не накрываясь. А вот сейчас, утром, оттуда дует настолько, что мне приходится одевать теплую кофту, которую я носил зимой, чтобы просто лечь под этим окном на шконку. Вот что устроили, сволочи!..

Завтра или послезавтра, в субботу (точно не понятно до сих пор) уходит наконец домой бывший нарядчик. Я уже не могу дождаться этого момента, так он задолбал. Даже и без телевизора (который на днях опер им опять твердо обещал – и я не знаю, что делать, как это предотвратить они колобродят полночи, не давая мне спать. Когда третьим здесь был наркоман – такого не было, уж легли спать – так легли, всё, до утра. Но последнее время нарядчика одолела бессонница, засыпает он только к утру. То бишь – вроде вот, легли, наконец, спать, владимирский быдляк даже захрапел уже. Но – через полчаса, ну от силы час – сперва один, потом второй, или же оба сразу – вдруг вскочили, сели за стол закручивать из газеты сигарку и курить ее. Покурили – легли, еще через полчаса – опять встали, сели пить чай, потом опять курить. Опять легли. И так – полночи, да еще с дурацкими шуточками, типа: вставай, сколько можно спать, уже утро; а я последнюю неделю не спал; не притворяйся (спящим), и т.д. Когда тут был наркоман, мне еще удавалось, как правило, поесть и лечь последним, когда они уже спали. Теперь они прыгают полночи, причем «вставай, хватит спать» обычно говорит нарядчик быдляку. Так что – его ухода я жду с нетерпением, хотя – кого сюда кинут вместо него, конечно, неизвестно, – м.б., будет еще хуже...

Главный вопрос – повезут ли сегодня к мрази Абоеву опять знакомиться с делом. Если да, то Бородин, как он сказал, может подъехать только к 16-30, не раньше. То бишь, повезут только после обеда, видимо. А том этот обещает быть самым интересным: мразь Абоев сказал, что в нем – мои письма из вскрытого этими ублюдками тогда, в ночь после ареста, моего почтового ящика на gmail.com...

22.6.13., 7-04

Праздничек сегодня... :) Праздничек того, как 72 года назад советская власть драпала в панике на Восток, теряя по дороге бумаги из своих архивов...

Вот и остались мы с быдляком вдвоем. Бывший нарядчик освобожден

вчера утром. Обещал написать мне сюда письмо, чуть не клялся, – аж зайти и бросить в ящик в тюремном ларьке, чтоб быстрее; но, скорее всего, уже нажрался в первый же день, как все они (русские, да тем паче еще и уголовники), так что не письмо, а он сам, скорее всего, вскоре опять окажется здесь... [Примечание 2020 г.: Угадал! Через четыре примерно месяца, еще до конца 2013 года, этот тип опять оказался в этой же тюрьме, что стало известно от опера этого этажа, т.к. посадили его опять на этот же этаж.] А быдляк, оказывается, еще до освобождения нарядчика, на днях, будучи вызван опером, просил у него, чтобы к нам двоим, когда третий освободится, подольше никого не подсеяли, – очень разумная просьба, полностью поддерживаю. :) А опер, оказывается – вчера только он рассказал наконец – спрашивал его обо мне: очень, как выяснилось, их напугала моя последняя беседа с Каретниковой, когда при «мусорах» (хоть и понимая в душе, что при них не стоит, – но наедине нам говорить они все равно бы не дали) говорил ей, что, м.б., последовать мне свежему (на тот день) примеру Амирова, вскрывшего себе вены, раз я никому не нужен, и защищать никто не хочет, и вообще смысла я не вижу барахтаться, попав в этот капкан, из которого все равно уже не выбраться... Оперу тут же донесли, хотя сам он при разговоре не присутствовал. А я – что ж, я действительно не вижу смысла. Условия сейчас совершенно идеальные, – до самого конца срока не будет больше таких, я чувствую это. Быдляк дрыхнет всю ночь, улегшись еще до моего ужина, еще 11-ти часов не было, – и вот до сих пор, не как все последние ночи они каждые полчаса вскакивали то курить, то чаевничать. Никто его не будит – вот он и дрыхнет. Заложить бумажкой «глазок» в двери и залезть с веревкой на окно, привязать ее к решетке – дело двух минут от силы; это можно было сделать и вчера вечером, когда он заснул, и среди ночи, когда я просыпался, и вот сейчас...

Можно, но я всё не могу решиться. :(((Боюсь, если называть вещи своими именами. Умом я прекрасно понимаю, что это ЕДИНСТВЕННЫЙ выход, что иначе никак не сорваться, не соскочить, что нельзя, ни за что нельзя позволить опять загнать себя туда, в лагерный ад, в зарядки, проверки, уборки, столовки, в БУРЫ и ШИЗО, очень возможные в этот раз, под полную власть насекомых-уголовников, как было и в тот раз... Нельзя, нельзя туда опять попасть, ни за что!.. Это будет конец всему, деградация и духовная гибель при сохранении мучительного и бессмысленного физического существования, – и всё же я, даже прекрасно понимая всё это рассудком, никак не могу решиться... :(((Сидят в голове все эти глупые доводы, все попытки отговорить, что предпринимали в письмах за этот срок Антоша (что все мои идеи и размышления будут скомпрометированы), Лена

Маглеванная, Миша Агафонов, Майсурян (цитаты из всякой виртуальной мрази о том, как она будет с шампанским праздновать известие о моей смерти), Маня, Ольга Исаева (Орлеана Орлица), которая сказала лучше всех, пожалуй, сдержанно, с уважением ко мне, и ее слова запечатлелись в моей памяти сильнее всего, – я ее знаю очень мало, она говорит как бы со стороны, не как самые близкие мне люди, отстраненно и от этого, думаю, более объективно. И Карина эта, недавно появившаяся, тоже отговаривала, – кстати, гораздо более эмоционально, хотя еще меньше меня знает...

Не могу, короче, никак не могу решиться, хотя уже есть все условия, и нет отмазок в виде бессонных соседей, и умом я прекрасно понимаю, какой ужас меня ждет, и какая пустота – за ним... Веревка лежит, ждет своего часа, – толстая, надежная, должна меня выдержать, я думаю. Ждет ужас... Я ничего так не хочу, как – закончить свое брэнное существование, сорваться, вырваться из этого страшного капкана, раз уж по-другому нельзя... Хочу, но боюсь – и буду однозначно, на 100%, виноват сам во всех грядущих ужасах, когда уже не будет ни веревки, ни места, куда ее привязать, ни нужного одиночества, а только орды подонков вокруг 24 часа в сутки... Я очень хочу – разумом хочу – умереть, ни никак не могу решиться, в основном из-за глупых надежд и утешений, вбитых мне в голову друзьями (кто просил их вообще говорить?..), да еще из-за банального, животного, инстинктивного собственного страха... :(((

А с быдляком, как ушел нарядчик, вчера почти весь день протрепались – в основном об его лагерных воспоминаниях, от коллективной их голодовки в декабре 1991 до жившего у него последним сроком кота Тихона, – так что день прошел быстро и незаметно. До 10-го июля, ему уже пообещал следователь, его осудят, но он хочет написать апелляцию, так что будет здесь сидеть еще и в августе, а возможно, и в сентябре. Сам он, как рассказал он как-то мимоходом, тоже хотел когда-то, каким-то из своих сроков, повеситься, – но не сделал этого, понадеявшись на возможные перемены к лучшему, и теперь считает, как и большинство, суицид проявлением слабости...

23.6.13., ночь (после 23-00)

Да, такого случая у меня потом не будет уже никогда, за весь срок... Сосед спит и днем, и ночью, за веревкой лезть совсем не далеко... Я отчетливо понимаю, что нельзя, ни в коем случае нельзя дать опять загнать себя туда – в лагерь, в этот ужас, в эту бессмысленную загробную жизнь. Но – вместо того, чтобы тихо залезть на батарею, привязать свободный конец веревки к решетке, а затем просто разжать левую руку, всего лишь!.. – я перечитываю письма друзей (не бросят ли они меня потом?), их советы мне держаться,

бороться, их слова, что я сильнее противоположной стороны, что тем подонкам сложно испоганить мою душу, что тогда им не понадобится ни ледоруб, ни полоний... Я еще горько и не раз пожалею там о своей слабости и трусости. Я категорически презираю себя за трусость. Как мне жить с этим чувством дальше?..

26.6.13., день (1-й час дня, до обеда)

Свет в камере не включили с утра, а на проверке «мусор» – неслыханная любезность! – проверив, работает ли, вдруг предложил: не хотим ли мы, мол, посидеть без света? (Благо, из окна света более чем достаточно.) И вот – уже день, но электрический свет в камере не горит; без него отдыхают глаза – и какое-то совсем другое ощущение, какая-то вот эта дурацкая... романтика, что ли, – не знаю, короче, как назвать. Все время такое ощущение, что это всё не здесь и сейчас происходит, а – то ли воспоминание о давно прошедшем, то ли предчувствие будущего, представление, как когда-нибудь, много лет спустя, я буду всё это вспоминать – эту камеру, это лето, яркое солнце, громадный тополь за окном в середине тюремного двора... Не могу, короче, найти слова, чтобы адекватно это чувство выразить.

Да, лето 2013-го... Еще одна веха в жизни, которая запомнится, м.б., навсегда. Хотя – сколько будет этого «всегда», сколько я еще проживу? М.б., всё же решусь? – и тогда прощай все воспоминания... Разве что дневник этот сохранится...+

Лето, жара и поездки... Всю неделю – за 30 градусов жары. С окна ночью уже практически не дует, хотя оно и снято наполовину. В понедельник, позавчера, возили опять к мрази Абоеву, читать дело, а до этого – сперва в Бутырский «суд», стояли там, ждали, но продление не состоялось – его следак что-то неверно оформил в бумагах; потом – в бибиревский мусориат, на нашу (бывшую теперь уже) Мурановскую, – этого, которому не продлили арест, водили туда закрывать дело, а еще двоих – привезли туда же, но оказалось, что уже ненужно, там всё решили (закрыли дело?) и без них. Т.е. – они проехали по этой дикой жаре вообще зря. Я прибыл к мрази Абоеву уже под самый конец поездки, быстро пролистал еще один том, где были уже виденные мной «экспертизы», и уехал. На этот раз зато повезло – на сборке не сидели и десяти минут, наверное, сразу подняли наверх, в камеру.

Еще одним событием этой поездки было следующее: стою в шмоналке, уже раздеваюсь на шмон после поездки – и вдруг туда входят двое, из которых один с очень знакомой мордой, радостно узнаёт меня и начинает спрашивать, как, мол, дела, да в какой я сейчас камере, да как «суд» и т.д. Все они со своими бритыми башками похожи, и я сперва подумал, что это один

из тех, с кем я сидел в Буреполоме. Но вдруг вспомнил: да это же та мразь, отрядненский наркоша, который зимой, в январе-феврале, в 408-й камере, хотел загнать меня под шконку, не пускал за стол, заставлял мыть дальняк, и т.д., а потом его опять перевели в 406-ю.

Эта мразь, как я понял, приехала с «суда» вместе со вторым, незнакомым. Я, не испытывая ни малейшего удовольствия от общения с этим поддонком, хотел побыстрее одеться и выйти. И вдруг смотрю – этих двоих, ушедших в коридор раньше меня, тоже сажают на ту же сборку, куда теперь постоянно сажают и меня, – это «красная» сборка, и на нее же сажают таких, как я – не «красных», но у кого в карточке прописана изоляция от остальных эков. Мне-то ее прописали после перевода на новый корпус, когда я сказал, что не хотел бы встретиться где-то на сборке при поездках с избившим меня в 408-й волгоградским ублюдком-засранцем. Но наркоша-то был зимой блатным из блатных, и после его перевода в 406-ю засранец даже говорил, что он там наверняка будет претендовать на должность «смотрящего». И вот – его теперь тоже сажают на «красную» сборку!.. Что же должно было с ним для этого случиться, интересно?! Так или иначе, но подонок, видимо, получил своё, хотя, м.б., еще не полностью. Редкий случай – «мусор», который нас в тот вечер шмонал, куда-то торопился настолько, что даже не дал мне одеться после шмона – я надел только брюки и ботинки, а майку и джинсовую куртку он приказал взять в охапку и в таком виде идти на сборку. Так что кончал одеваться я уже там, и эта мразь тем временем продолжала попытки выяснить у меня, в какой я сейчас «хате». Из осторожности я не стал этого говорить – просто ответил, что, мол, какая разница, в какой «хате» – и, честно говоря, не ожидал, что это чмо после такого ответа отвяжется от меня. Однако оно отвязалось, и почти сразу же всех нас вывели со всех сборок и повели сразу на оба корпуса (!).

Вчера, уже после обеда и бани, приходил адвокат. Еще накануне, в коридоре у мрази Абоева, в уголке, когда уже оба мы собирались уходить, я тихонько спросил у него опять насчет телефона, не может ли он мне его принести. Он на этот раз отказался наотрез, категорически; а вчера, уже здесь, в тюрьме, так же решительно отказался хотя бы послать скан моего бумажного письма по электронной почте, хотя раньше он же сам и придумал этот вариант со сканером. Теперь это чмо действует по старинке: встретиться в метро и отдать все мои письма Мише Агафонову, а уж тот пусть сканирует и рассылает. «Я не хочу, чтобы ко мне пришел следователь», – яснее ясного обосновал он свой отказ. Трусливое ничтожество...

А мразь Абоев сообщил в понедельник следующее: в пятницу, 28-го, или, м.б., 27-го, утром, но это маловероятно (раньше обеда коновою меня из

тюрьмы не получить), будет очередной «суд» по продлению моего ареста, и 28-го же мразь Абоев работает последний день – и уходит в отпуск! Я чрезвычайно обрадовался последней новости – но так и не понял: передаст ли он ознакомление с остальными томами «дела» кому-то другому, или же придется ждать его возвращения из отпуска. Последнее маловероятно, конечно, хотя я бы ничуть не возражал: спешить мне некуда, в дальний лагерь я ехать не хочу, а тут, в Москве, я хотя бы дома; тут есть неплохой ларек, электронные письма от ребят, регулярные визиты адвоката, приносящего свежие журналы, и регулярные же свиданки с матерью...

То бишь, завтра ждать до обеда – и если никуда не «закажут» и не повезут, то, значит, в пятницу. Будет страшно жалко и обидно, если на этот «суд» опять никто из ребят не придет. Вчера написал ответ Карине, сообщил число и телефон адвоката, – вроде бы она обещала быть...

27.6.13., день (после обеда)

Всё нелепо, бессмысленно, омерзительно. Давно надо было удавиться, но я, идиот, всё никак не решаюсь. А сидим по-прежнему вдвоем, и соседка-быдляк имеет привычку спать и днем, – вот сейчас дрыхнет. Потом не будет такой возможности...

С утра, на проверке, поцапался опять с местным опером – из-за того, что я не расписываюсь за дежурство, как обычно. Он опять велел написать на меня «рапорт», опять стал пугать сперва карцером, потом – что я поеду на самый дальний этап (как будто это от него зависит!). Плевать я хотел на тебя, ублюдок! Он, разумеется, под конец помянул и ОНК, – его прямо гложет, что они заходят ко мне, и ясно, что он из-за этого побаивается меня трогать; ну, а я не забыл помянуть про сухую голодовку с первой же минутью, как я окажусь в карцере...

Бессмысленное, ненужное это существование... События дня: неожиданно открывается дверь и какой-то «мусор» – тот же, что и в тот раз – зовет меня прямо по имени: пойдём, мол, пришел раввин! Иду; но это оказывается не Гуревич, как в тот раз, а какой-то другой, молодой хасид в шляпе и с длинной рыжей бородой. И сразу, с места в карьер начинает весь этот бред; «возлагает» на меня тфилин и говорит повторять за ним слова молитв. Вот уж не думал, что буду когда-нибудь заниматься такой ерундой, тем паче в тюрьме. Да и зачем? Только ради их мифической поддержки и опеки? Даст ли она что-нибудь? Особенно в лагере, в какой-нибудь глухомани, куда они уж точно не поедут...

Потом он еще спросил вкратце, как здоровье, а на мои слова, что, мол, сейчас десять лет намотают – и всё, какую, – посоветовал «думать хорошо», то бишь, как я не сразу понял, – надеяться на лучшее. Советчик, блин;

посмотрел бы я на тебя, если бы ты сам тут сидел и «десятка» грозила бы тебе...

Вернулся, прочел данную им свежую газетку, – вскоре принесли письмо от матери. Одно! Хорошо, что после понедельника еще и в четверг несут, но плохо, что больше ни от кого нет; видимо, и в понедельник не будет, не написали мне еще... Мать, как всегда, недоумевает, что мне дало высказывание моих взглядов вслух и как можно платить за взгляды такую высокую цену (как будто цену назначал я!..), плюс – высказывает уже не первый раз бредовую идею отменить походы сюда Бородина, чтобы не платить ему!.. Тупая тварь, выжившая из ума, с нее станет ликвидировать мой единственный канал отсюда на волю ради своей экономии!..

Хочу, очень хочу, все время об этом думаю – и никак не могу решиться, всё время что-то останавливает, какие-то ложные надежды. Будь всё проклято!..

Одно только хорошо: вчера днем опер, животное, вызвал моего соседа – владимирского быдляка – и среди всех нелепых вопросов: есть ли телефон, кто осуществляет межкамерную связь, почему я не расписываюсь за дежурство – сказал, на очередной вопрос быдляка, что телевизоры, недавно закупленные, уже закончились, где-то на «шестерках», так что нам, слава богу, хотя бы круглосуточный телегалдеж пока не грозит (мне, точнее, – быдляк-то как раз о нем мечтает...).

28.6.13., 8-й час утра (до завтрака)

Мрази!.. Ненавижу!.. Проснулся с утра – в душе такая ярость, ненависть и боль, – всех этих мусоров, прокуроров, все «суды», «следственные комитеты», всю эту нечисть я бы перестрелял своими руками, уничтожил бы, сжег бы напалмом, истребил с лица земли!.. Такую ненависть вызывает в душе всё это государство, особенно когда ты в его лапах... Но увы, истребить я не могу с этого света даже себя, боюсь, никак не могу решиться, – и от этого так тошно на душе, так невыносимо, что не могу описать словами...

Дикая жара, за 30 градусов, стоит эти дни на улице (что-то еще будет в июле!..) – а меня сегодня уже точно должны везти на «продление ареста», в «суд», по этой дикой жаре. , в раскаленной, как душегубка, ментовской машине, по сути – просто железном ящике; даже таблетку от укачивания сегодня придется глотать, не запивая – бутылку с пепси-колой я ношу в кармане джинсовой куртки, но сегодня ее одевать не придется, чтобы не свариться там окончательно, в такую-то жару, а в руках – тоже не потащишь... Потом, как всегда, еще заезды в 3-5 мест, в мусориат «Бибирево», скорее всего, в ИВС, еще куда-нибудь, – и в камеру поднимут

после часа-двух сидения на сборке, часов в 12 ночи, не раньше...

Ненавижу!!! Ненавижу!!!! Мрази!.. Ублюдки!.. Ненавижу вас!.. Будь всё проклято!..

29.6.13., 8-й (?) час утра (до завтрака)

Повезли, да, но – неожиданно вернули с полдороги – с «семерок», где я стоял в коридоре, рядом с клеткой-отстойником (куда меня не сажают из-за «изоляции»). Пришел тот же «мусор», что выводил меня из камеры, и сказал: позвонили, мол, и отменили насчет тебя. Ну да, «родной» бибиревский конвой сегодня где-то дежурит, это они еще в понедельник у мрази Абоева говорили, а другой какой-то – видимо, хотел взять, да оказался перегружен, другого объяснения я не вижу.

Мало когда в этой жизни я ненавидел и презирал себя так, как вот сейчас – за прошедшую ночь. Еще целых, считай, две попытки было, точнее, могло быть этой ночью – и оба раза облом: страшно, не могу никак решиться!.. Просыпался дважды – один раз радио сказало, что сейчас два часа ночи, второй – наверное, часа четыре. Сосед-быдляк дрых и храпел, – правда, по прошествии нескольких минут каждый раз начинал шевелиться, ворочаться, но не просыпался. Казалось бы – вот он, долгожданный случай, и как раз утром прошедшего дня, перед поездкой, в очередной, 101-й, раз я принял решение, что ждать нечего, надо кончать с этой затянувшейся канителью!.. Ну так что же ты, казалось бы?! Бери веревку – и вперед!.. Боже, какая только чушь не приходила в эти отчаянные ночные минуты мне в голову!.. Чем только я ни пытался оправдать собственную трусость, – и тем, что напишут ведь в СМИ (в каких?! На «Гранях» да на «Эхе» – вот и всё, а кто их читает...), позор, мол; и тем, ЧТО скажут ребята, сочтут, мол, слабостью (как будто не слабость – покорно сидеть в клетке, в которую тебя заперли, и не рыпаться!..), и что будет с матерью, и что свиданка с ней ведь уже назначена – на понедельник, наверное (вчера в обед вдруг принесли курицу-гриль и две котлеты по-киевски, заказанные ею накануне, 27-го, – значит, в среду, 26-го, они виделись с Бородиным, она взяла бумажку на свиданку – и 27-го приезжала записываться. А я-то думал, что она только в понедельник, 1-го июля, поедет); и как будет Маня без меня, что она скажет, быстро ли утешится и забудет (хотя вот ее-то как раз следовало бы наказать), и что еще может со мной быть, если я останусь жить, какие еще, м.б., приятные неожиданности, типа маленькой вчерашней; и даже такая анекдотическая мысль, что оставшуюся котлету по-киевски и две слойки с вишней ведь надо съесть, жалко, если пропадут, – словом, мозг мой искал самооправдание любое, и, м.б., именно последняя мысль пригодилась ему в таком качестве больше всего, как ни смешно и ни горько.

Сказать, что я морально раздавлен, уничтожен – значит ничего не сказать. Это полный позор, смерть всяких остатков самоуважения, еще гораздо хуже, чем было в тот раз, в 2008. Будь она проклята, такая жизнь!.. Еще десять лет, или сколько там, предстоит жить, презирая и ненавидя себя... Максимум, на что меня хватило – наполовину достать веревку и просто так, не делая даже петли, приложить к горлу, чтобы почувствовать, как она будет душить, за два раза просто так, без веревки, залезть на окно. Дело, кстати, верное: очень большим напряжением обеих рук удастся мне удерживаться там, на батарее; если руки отпустить, то тело немедленно повалится с батареи, спиной на пол, и если в это время веревка привязана к решетке – она меня удушит со страшной силой, всё как я и хотел. Дело верное, но проклятая трусость не дает умереть!.. Хотя нельзя, нельзя соглашаться жить в клетке, куда тебя посадили, нельзя покорно принимать навязанное! – я вчера сам же писал об этом в письме паша Люзакову, в ответ на его, пересланное по электронной почте через Майсуряна, – а бумажного, как я вначале думал, он не посылал, видимо, как я понял.

В общем, я ничтожество и трус, я это знал и раньше, и вот – очередной подтверждение. :(((Чем еще остается утешать себя? Тем, что это не поздно сделать и потом, можно подождать «суда», посмотреть, сколько дадут... что и владимирский быдлак уедет, осудившись, где-то в сентябре, а вместо него я тут буду некоторое время жить вдвоем с кем-то другим, и можно и тогда... В общем, полное фиаско – даже умереть не могу, хотя только об этом и думаю, и мечтаю, и жизни нет... Ненавижу!!! Ненавижу весь этот мир, будь он проклят!!!!!!... Будь проклята такая жизнь!.. Ситуация совершенно безвыходная. А быдлак-то спит до сих пор, не поздно еще и сейчас... :((((

30.6.13., 7-й (?) час утра (до завтрака)

Боже, за что мне это?.. Кошмар... Хочу умереть и не могу... Сосед-быдлак дрыхнет (действительно, редкое быдло, – спорил тут вчера со мной...). А ведь согласиться жить в моем нынешнем положении – это значит не только десять лет терпеть командование, унижения и глумление от «мусоров» и всякой уголовной сволочи, но и – наблюдать, как медленно, но неотвратимо разрушается, гробится здоровье. Сейчас вот, еще ночью, часа четыре было, – вдруг опять дико заболел живот, опять стало его пучить, как было не раз тем сроком. Принял опять таблетку эспумизана, как делал уже при подобных болях не так давно, – стало полегче, но до конца не прошло, и я не знаю, что делать, – принимать еще одну? Слава богу, их есть некоторый запас, 48 штук еще, так что если не пройдет к проверке, допустим, то придется еще одну. С ужасом думаю: а что, если такие вот, или еще какие-то, проблемы с желудком начнутся у меня и завтра, когда надо будет ехать в «суд», кататься

в мусорской машине с полудня – и почти до полуночи, м.б.? Что тогда? Что мне там делать с этими болями и пр.? И зачем она нужна, такая жизнь? Чтобы быть в старости духовным образцом, кумиром какой-то горсточки молодежи – такой же, каким был я сам лет в 20, в 25, – превратившись тем временем в полную развалину?..

Написал вчера еще одно совершенно дурацкое письмо Мане – а кому еще? – но отправить хочу Герасимову, чтобы он передал ей, чтобы с гарантией дошло, а заодно и опробовать этот способ, – пригодится. Вместе с письмом Люзакову через Майсуряна они лежат в ящичке у двери, – главное, не забыть сегодня в ужин их отдать. А завтра с утра уже может быть свиданка с матерью...

Будь проклята эта дурацкая, никчемная, неудавшаяся моя жизнь!..

Сегодня, кстати, праздник – день оглашения премьером Стецько Акта о восстановлении независимой Украинской державы в 1941-м году.

ИЮЛЬ 2013

1.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Понедельник. Вот и половине 13-го года прошла. Осталось мне без полутора месяцев десять лет...

На свиданку вчера так и не заказали. Когда же она – в 11? в 12? в час?.. Или завтра? Сегодня повезут в «суд», без всякого сомнения, – но интуиция подсказывает мне, что матери там, конечно же, не будет, и не потому, что она в это время поедет в тюрьму на свиданку. Потом, конечно, скажет, что ей было плохо из-за жары и она не могла приехать... Дай бог, чтобы урод Бородин там же позвонил ей и сказал мне, когда же свиданка... Эта свиданка в субботу была одной из причин, помешавших мне повеситься... :(((

М-да, нелепо всё вышло, и смысла нет ни в чем, абсолютно ни в чем, как я написал в отправленном вчера письме Люзакову. Какой смысл десять лет мучиться, вдали от привычной жизни, от близких людей, будучи засунутым насильно в чужую жизнь, нелепую и ненужную мне?.. Сейчас вот я просыпаюсь тут, в камере, по утрам, и вспоминаю, обдумываю, рефлексирю над произошедшим со мной, над своим прошлым и будущим. Это, должно быть, потому, что рядом – только быдляк, а до него был нарядчик; оба – хоть и ужасное быдло, конечно, но все же не агрессивное, спокойное, да и – один-два человека – это не полная секция злобной мрази на 75 человек, с раннего утра уже носящейся туда-сюда с чайниками, кружками, кипятильниками и зубными щетками...

Как так вышло, что жизнь ушла в подобную вот бессмыслицу – годы в бараке, на зоне, среди быдла и нечисти? Ничего ведь не делал... Ладно бы – действительно какое-то осознанное, намеренное преступление, явное нарушение закона, типа убийства или грабежа... Но – тут жизнь поломали мне чисто за образ мыслей, за мнения об актуальных вопросах, просто за мое внутреннее, духовное состояние. Извините, – а у нас такие «законы»!.. Ловушка, короче... Сделать так, чтобы сажать за сказанное слово, сказанное просто так, как разговаривают люди между собой... Это, оказывается, «призывы» («в форме риторического вопроса»...), «оправдание терроризма» и т.д. Да, суки, я не то что «оправдываю» – они в оправданиях не нуждаются – а считаю абсолютными героями всех, кто тут взрывал ваше метро, поезда, захватывал театры, школы, больницы!.. И правильно взрывали, и еще мало, вас, ублюдков, в вашем метро надо каждый день взрывать – за всё то зло, которое вы творите на Кавказе и во всем мире, за то, что вы сделали за 200 лет с Украиной и не желаете каяться, и норовите захватить ее опять!.. Мочить вас, мразей, без всякой жалости и без всякого разбора, просто по факту

гражданства РФ, как организаторов геноцида!.. Мрази! Ненавижу вас!..

В общем, попал... Да, достаточно просто ненавидеть эту мразь и высказать свое отношение вслух, чтобы они тебя посадили... Суки... За одно это ваша проклятая страна должна быть выжжена с неба, божественным огнем или ядерным, всё равно... Тоталитарный подход в чистом виде, – наказание за мыслепреступление, за отношение к ним... Просто за отношение, без всяких активных действий, просто за слова. Жизнь моя пошла под откос, пропала ни за понюх, и даже умереть я не могу, хотя такая жизнь мне совершенно не нужна. Что же мне делать, где взять силы всё это перенести? Написал вчера Мане очередное письмо, на сей раз через Герасимова, но что толку? Она не поможет ничем, да, скорее всего, и не ответит... Надо будет написать еще одно письмо Мише. Эта рефлексия, которую я выражаю в большом, неторопливо пишущемся бумажном письме, худо-бедно заполняет время от проверки до обеда, – пока подумаешь, что писать дальше, пока испишешь три-четыре листа, пока перечитаешь и выправишь несколько раз... Миша, конечно, тоже не поможет ничем, но он хотя бы реагирует, хотя бы старается что-то осмысленное ответить, что-то посоветовать... А жизнь – пропала, да, как ни горько это признать. Вот так вот просыпаешься с утра – и вспоминаешь, что жизнь твоя пропала, ее нет и никогда больше не будет, и ты в неволе, в тюрьме, в клетке, и не властен распоряжаться своей собственной жизнью, но и отказаться продолжать это совершенно бессмысленное существование ты не можешь. Ни туда, ни сюда. Тупик... :(((

Что же мне делать, куда деваться? Как прожить десять лет, если жизни нет? .. Ответа нет...

2.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Нет, вчера опять никуда не возили!.. Уж я-то ждал... тишина! Ни продления, ни свиданки, ни писем, – день прошел глухо, как в танке. Ларьков тоже никаких не приносили. Я терялся в догадках, но тем не менее... Ждем всё то же самое сегодня. Кстати, сегодня и баня, – событие, всё осложняющее, если, допустим, прямо из бани, мокрого, – повезут...

Сосед по камере, тупой быдляк, между тем, достает всё больше и больше, я уже не могу его видеть спокойно. В основном достает он своими бесконечными рассказами про владимирские тюрьмы и зоны, где просидел 20 лет, – ему, похоже, абсолютно всё равно, хочу ли я это слушать, интересно ли мне, и т.д. – да еще, временами, своими абсолютно тупыми, идиотскими быдляцкими суждениями о вещах, в которых ничего не понимает, – вчера понёс о работе СМИ, например, равняя с советскими «СМИ» – видимо, газетой «Правда»... Вообще, вчера выдрыхся днем, перед ужином, часа два дрых, пока я писал очередное письмо Мише Агафонову, – и потом полночи

травил свои зоновские байки, не давал мне спокойно поужинать и заткнулся только тогда, когда я явно и очевидно улегся спать...

...Я хочу умереть, но не могу...

8-й час вечера (после ужина)

Нет, и сегодня – ни вывоза, ин свиданки, ни писем!!! В ступоре провел почти весь день, особенно первую половину. Что же это всё значит?!. После обеда принесли заказ, сделанный матерью вчера, 1-го июля – то бишь, она вчера приезжала. М.б., 27-го заказ делала не она, а какая-то ее знакомая в ларьке? Вряд ли, конечно... Идея была моя – оставлять ей деньги, чтобы она среди недели могла что-то заказать из готовых блюд, которых нет в интернете, только заказ на месте, в тюрьме. И я же, дурак, сказал, что пусть, мол, от имени матери заказывает, а то тут спросят, как ее зовут, а я не знаю. Если в четверг это была она, то многое объясняется: мать, видимо, приезжала вчера, в понедельник, и записалась, как обычно, на среду или четверг, остается ждать. Письма – м.б., как сегодня сказал владимирский быдляр, мог опять заболеть или уйти в отпуск цензор; да, сезон отпусков, но тут что, один всего цензор, что ли? И писем не будет, пока он из отпуска не придет?.. Нет, так не годится...

А в новостях вчера сообщили, что пресловутый бывший зам прокурора Подмосковья Игнатенко, выдачи которого из Польши так долго добивалась Русня, вчера же выпущен из «Лефортово» по истечению срока ареста. Ничего себе!.. Как они это допустили?.. Невероятно... и у меня, конечно, сегодня уже начала разыгрываться фантазия, – как было бы здорово, если бы мне тоже сейчас так и не продлили арест до 10-го июля, и 11-го, через девять дней, я торжественно вышел бы утром из этой тюрьги – и пошел бы, конечно, отнюдь не домой... Размечтался, как говорится. :)))

5.7.13., 7-й час утра (до завтрака)

Ну что ж, вот всё и разъяснилось, и состоялось. Позавчера возили в «суд» на продление, а вчера в 9 утра была свиданка. Всё, кроме писем.

В «суд» явились и Строганов, и Миша Агафонов (семь месяцев, как я видел его после ареста единственный раз, в ноябре еще); с некоторым опозданием пришла Е.С., так что на сей раз ходатайствовать о допуске ее в качестве защитника не пришлось; ну и мать пришла, и на сей раз сидела в зале, а не в коридоре; от нее же я узнал и про свиданку на следующий день, и про то, что заказ жратвы мне 27-го делала не она, а вот эта ее знакомая здесь, в магазине. Словом, получил большое удовольствие от лицезрения ребят и общения с ними; правда, оказалось, что мой текст про новый 1941-й, отданный ему матерью (вместо Майсуряна), Миша потерял где-то у себя дома и клялся мне найти. Черт бы его побрал, этого разгильдяя – и вчера, в

дикой жаре и духоте, мне пришлось переписывать ему этот текст с черновика (еще слава богу, что я сохранил черновики, не поддавшись за эти месяцы несколько раз возникавшему искушению разорвать их и выбросить).

До начала «суда» на пятом этаже, у еще какого-то нового «судьи» (Логинов, кажется), сидели с конвойными «мусорами» на третьем, прямо в коридоре, и я «знакомился» с пятым томом «дела». И туда же, на третий, продолжать это «знакомство», меня увели и после окончания спектакля на пятом. Продлили, кстати, аж на три (!) месяца, до 10-го октября, и «судья», изображая этакую строгость и справедливость, поначалу спрашивал мразь Абоева, зачем это ему продление аж на три месяца, если знакомиться осталось всего с четырьмя томами? – но затем, сам помоги ему состряпать какое-то словесное объяснение, сам же этим объяснением удовлетворился и на три месяца безропотно продлил. Там же, на третьем этаже, перед уходом уже, я стал свидетелем разговора Бородина с мразью Абоевым о будущем продолжении «ознакомления». Мразь Абоев, на которого, по словам Бородина, давит его начальство, хотел всё закончить уже на следующей неделе, и идея, что мы будем по-прежнему читать по одному тому за встречу, его никак не устраивала. Из-за проблем же с конвоем, не могущим ежедневно возить меня к нему, мрази Абоеву было велено через неделю уже начинать ездить ко мне в тюрьгу самому каждый день и возить сюда «дело». :))) Ему, естественно, этого не хотелось с самого начала, и он начал опять давить на Бородина, чтобы мы скорее заканчивали; но в мои, да и его (Бородина) планы совершенно не входит «судиться» уже в августе, – крайне желательно было бы оттянуть хотя бы до сентября, так что придется теперь как-то затягивать ознакомление, но как – не очень понятно. В частности, Бородин по их «закону» (УПК) может четыре раза подряд не явиться, т.к. на пятый раз мразь Абоев уже «имеет право» назначить мне для «ознакомления» казенного адвоката. М.б., придется и возвращаться к уже изученным томам, выписывать из них что-то, и т.д.

Поговорили в перерыве, через решетку, и с Мишей Агафоновым. Кроме истории с потерей моего текста, он сказал еще и следующее: мол, определись с тактикой на «суде», чтобы мы знали, как проводить кампанию; вообще, напомнил он мне о возможности устроить большой, громкий политический процесс (насколько, конечно, мне там физически дадут это сделать), а не просто молчать, как я хотел всё это время. Действительно, после того, как они даже без всякой «автороведческой экспертизы» просто нашли мои письма к издателям в почте, где я говорю, что это мои тексты на rko.marsho.net, – никакого смысла отрицать мое

авторство, или молчать о нем, уже нет, тогда как признание авторства текстов уже (надеюсь) позволит говорить вслух о наличии/отсутствии там «призывов», «разжигания» и пр. и вообще о правдивости всего там изложенного. Так что, действительно, надо будет, не говоря ни слова об администрировании сайта и издании газеты, поговорить о содержании текстов. На «приговор» это не повлияет, разумеется, но хотя бы, как и в тот раз, принесет мне хоть моральное удовлетворение, хотя бы отчасти. Как только придут письма, и в том числе о Миши (он сказал, что написал мне его еще накануне «суда»), надо будет в ответе написать ему об этом моем решении.

А Маглеванная, оказывается, получила уже на e-mail подтверждение, что ее письмо якобы мне уже вручено – и спрашивала мать по телефону, почему же я ей не отвечаю. Подонки и наглые фальсификаторы, как обычно... Но ЧТО тут можно сделать, у кого узнать насчет пропавшей почты? Разве что у опера, если он сегодня будет на проверке, – но и он может отговориться, что это не по его части и он ничего не знает...

А книги у Миши тогда же, 20-го, что ли, когда он хотел их «по наводке Каретниковой» нести сюда, оказывается, приняли! И – тоже глухо, вот уже две недели их нет. Он спрашивал у Каретниковой – она сказала, что не знает, когда будет здесь, но как будет – типа, разберется.

А мразь Абоев – не только мразь, но и идиот, в пятый том «дела», читанный мною в «суде», как и в два последующих, он включил... только мои тексты, причем отнюдь не за 201-12, которые навесил мне в «обвинение», а в основном старые, за 2004-05 гг., по которым уже давно прошел срок давности. Зачем? Непонятно. Приятно, конечно, было перечитать себя, свои лучшие тексты за лучшие годы, когда еще были силы и жизнь не казалась такой безнадежно конченной, как сейчас... :) Но какое всё это имеет отношение к нынешнему делу? В конце последнего тома, по его словам в «суде», еще какая-то «экспертиза», а собирать в отдельный том все предыдущие «дела», закрытые, как это сделали в 2006 году, он, видимо, не стал.

И, наконец, важнейшая новость из внешнего мира! Доку Умаров, амир Имарата Кавказ, , как я наконец понял вчера из новостей «Русского радио», играющего теперь в камере, опубликовал на КЦ («на одном из экстремистских сайтов», как там сказали :) видеообращение, где призвал моджахедов сорвать путинскую «олимпиаду» в Сочи в 2014 году – и, самое главное, объявил о снятии моратория на боевые операции против Русни на ее территории, введенного им же в самом конце 2011, кажись, в связи с тогдашними «болотными» массовыми выступлениями против Путина. Что

ж, давно пора взрывать эту русскую мразь дальше, и я буду страшно рад, если моджахеды ИК (куда входят и Сочи, кстати) таки сорвут это путинское спецмероприятие, хоть и сомневаюсь в этом. Как только стало ясно, что именно произошло и о чем речь – я сел и написал короткое, но энергичное заявление в поддержку отмены моратория и срыва «олимпиады». Как только придет на той неделе Бородин (обещал во вторник-среду, но в понедельник-вторник намечается еще один выезд к мрази Абоеву, там уточним) – надо будет отдать ему это вместе со статьей, потерянной Мишей, и получится очень удачно, если Маня или кто-то еще таки закинут это на КЦ и там оно будет опубликовано, – хоть и с вынужденной задержкой, как это было в августе-сентябре 2008 с моим заявлением по агрессии против Грузии.

6.7.13., 8-й (?) час утра (до завтрака)

Хотел уже было вчера устраивать белобрысому оперу скандал на тему неполучения всю неделю почты, – но его не было на проверке. А зато – еще до проверки открылась «кормушка» – и какой-то незнакомый «мусор» в форме стал класть на нее, откинутую, долгожданные письма!..

На вопрос, почему так долго не несли и почему тут не все – не знал ответа, зато сказал, что он опер «восьмерок». Вот оно что!.. Значит, прав был владимирский быдляк – опять у них, видимо, нет на месте цензора, вот и раздают через оперов. Что ж, хоть что-то: там были письмо от Мани – одинаковое, но сразу в двух экземплярах, под разными номерами, и фотка, где она стоит на недавнем их – разогнанном – ЛГБТ-прайде на Марсовом поле с плакатом с цитатой из меня и портретом-профилем, еще с того срока; эту же фотку приложил к своему письму и Миша Агафонов; и было еще письмо от Ольги Исаевой (Орлеаны Орлицы) из Грузии. Не было зато ничего от Маглеванной (хотя ей уже пришло подтверждение, что мне вручено ее письмо) и от Майсуряна, хотя письмо от 19-го (следующее после 12-го мной уже полученного, он их шлет строго раз в неделю), по моим прикидкам, уже должно тут быть. Но спрашивать бесполезно, – опер «восьмерок» ничего не знает, а больше и спросить было не у кого.

Я написал им вчера уже ответы. Лучше всех, в смысле моральной поддержки, пишет эта вот Орлеана, – коротко, но по делу. Что выезд из этого Мордора, подлинное Освобождение, – разве это не достойная цель, чтобы стараться выжить и всё перенести? Да, достойная, только ей-то легко говорить, она уже там, на воле, а не в русской тюрьме... Ответы можно будет отдать только завтра, в воскресенье, уйдут же они не раньше понедельника. Как всегда, расстроило письмо от Мани, – но что уж поделаешь, не судьба... А бланк ответа на второй экземпляр этого же самого ее письма я оставил про

запас – если вдруг понадобится срочно написать ей что-то.

А в остальном... Странно, но, вопреки твердому обыкновению, то горячее питание, что мать обещала заказать после свиданки позавчера, вчера так и не принесли, – курицу-гриль, котлеты по-киевски, слойки и т.д. Ждал после «обеда» – несъедобный борщ из гнилой свеклы и пшенка – хотел пообедать котлеткой, – хрен! Что ж такое, они же эти заказы строго на другой день приносят!.. В результате почти ничего не ел весь день, до 12-го часа вечера. Сидел, читал весь день дурацкие «иронические детективы» Донцовой, принесенные библиотекаршей в последнюю (на днях только) смену книг, – просто чтобы чем-то занять себя, не думать о том, почему я здесь, не разговаривать с соседом-быдляком, который время от времени затевал какие-то разговоры – в основном сводившиеся опять же к его тюремно-лагерным воспоминаниям, – но я отвечал не очень охотно. Кроме всего прочего, он прикармливает хлебом на снятой части окна голубей – и развлекается, глядя, как они влезают прямо сюда, в камеру, к самой внутренней решетке, и дерутся за хлеб...

Тоска, тоска, тоска... Невыносимая, тянущая, мучительная. За что, за что?!! Ничего ведь не делал... Предстоит такой ужас, что и сказать нельзя, – и почему-то мне стало казаться, что на этот раз загонят в такой лагерь, где и связи не будет... :(((Что же делать? Терпеть всё это долгие годы, чтобы только потом, когда-нибудь, постараться всё же вырваться из этого Мордора? Или – завязать петлю на припасенной веревке, залезть на окно, привязать ее к решетке – и вперед?! Второе надежнее, конечно, но я никак, к сожалению, не могу на это решиться, – хотя никто и ничто меня вроде бы здесь не держит... Поэтому пока что я, как глупый покорный теленок, позволяю этим подонкам (государству) проделывать со мной всё, что им заблагорассудится... :((((Как я ненавижу в душе это проклятое государство, этих палачей, это быдло, покорное им, населяющее 1/7 часть суши, – это нельзя описать никакими словами...

7.7.13., 4-й час дня (после обеда)

Сечка, перловка, кислая «черняга»; занятые места в столовке; шмоны без вещей и с вещами, вытряхнутые на пол баулы, выдвинутые на середину шконки и тумбочки; выгоны на улицу за полчаса до проверки; уборки генеральные и обычные; вытряхивания на улице одеял, вынос туда же шконок и тумбочек (единственное, что я знаю только с чужих слов); проверки два-три раза в день, по карточкам и так, в мороз и в зной, плановые и внеплановые, днем и среди ночи; зарядка в шесть утра, которую еще и заставляют делать, махать руками-ногами; невозможность зайти в секцию, или вообще в барак, из-за уборки там и просто так;

принудительные походы в вонючую столовку, к гнусной баланде, по три раза в день; необходимость натягивать «лепень» или «теллагу», как только к бараку приближается отрядник или кто-то еще из начальства; невозможность ничего держать в тумбочке или под шконкой под угрозой, что твои вещи оттуда просто выкинут; наконец, глумления блатных и шнырей, за отказ им что-то дать или просто так, без всякой причины; регулярные собрания в «культяшке» с накручиванием, что надо соблюдать режим, с питьем чифира и поборами на всё – от ремонта до нового телевизора; да, и ежегодные же ремонты м переездами и житьем в тесноте еще, забыл!..

Что из всего этого ужаса прошлого раза (видимо, всё!..) и что нового, в тот раз не испытанного на себе, мне предстоит испытать в этот раз?..

8.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Понедельник. Всё одно и то же, одно и то же... Как же мучительно, невыносимо, чудовищно тоскливо просыпаться здесь по утрам!.. С чем это можно сравнить, с каким ужасом из вольной жизни? Не знаю... Каждое утро, и не сразу, не один час – мне приходится заново вспоминать, осознавать, заново убеждать себя в этих истинах – тех же самых, что и накануне, – что, м.б, все-таки еще есть какое-то будущее, ПОСЛЕ этого срока; что ради того, чтобы пережить всё это и уехать, освободиться не только с малой зоны, но и с большой, м.б., все же стоит остаться в живых, не дарить им так легко свою жизнь (о, если бы это было легко!..); что, м.б., стоит остаться, подождать – чем всё кончится, вдруг какая-то неожиданность, какой-то приятный сюрприз (хотя его можно ждать до конца срока!..), что идет все-таки за меня какая-то борьба, Антоша и, м.б., MFF пытаются там, в свободном мире, что-то сделать, апеллировать к международным правозащитникам... С огромным трудом, по частям, не сразу, за много часов утра – мне худо-бедно удается убедить себя в чем-то подобном, а назавтра – всё надо заново... Ощущение – чувство, не мысль – с которым я просыпаюсь каждое утро здесь, – это какой-то животный ужас и мучительная, смертельная тоска – предчувствие тех унижений, которые, я уже знаю, непременно придется еще пережить в этой неволе...

Вечером вчера, когда уже погасили свет, сцепился опять с соседом-быдляком спорить о «политике». Он помянул Медведева, я – Горби, который, в отличие от Медведева, не обманул надежд на глобальные перемены, он честно признался, что Горби всегда ненавидел. Привел и одну из «причин» - «предательство» Горбачевым «союзника» - Саддама Хусейна в 1991 г.; я сказал, что Хусейн был диктатор и его режим надо было уничтожить еще в 1991, а не ждать до 2003, – и понеслось... Ельцина, до

которого дошла речь чуть позже, быдлак тоже, естественно, ненавидит; и вообще – он типичнейший образчик вот этой вот биомассы, которой и населена страна, этого скотского русского быдла (днем с упоением и без тени стыда рассказывал мне, как месяцы подряд воровал в «Ашанах», за что сейчас и сидит по 158 ч.1). Но – как и они все, он остро, тонко чувствует это мое отношение, – пусть и не к нему лично, но по каким-то моим косвенным намекам, прямо я не говорил, он уже давно почувствовал, что я это население, все 140 миллионов, считаю быдлом, тупым и непроходимым, и обижается, типа, за них. Спрашивал меня вчера с совершенно первобытным наивным недоумением: как это, мол, ты хочешь, чтобы миллионы людей, которые живут своей частной жизнью, дом, работа, дети и пр. (я не цитирую, просто пересказываю) – ударились все в политику, пошли свергать власть, и т.д.?! О том, что власть в демократиях (коей объявила себя Россия еще в 1917 году) формируется именно гражданами, что граждане должны контролировать свою власть, не позволять ей совершать преступления от их имени, должны давать укорот кандидатам в диктаторы, и т.д. – он слышал от меня явно впервые в жизни, ему явно ничего подобного никогда не приходило в голову. Очень был возмущен, когда я как правильный, положительный пример привел Египет, где как раз недавно армия убрала от власти не столь давно избранного Мурси: как, ты хочешь, чтобы и у нас так было?!?! Одного президента свергли, другого, завтра не понравится третий – и третьего!.. Ему такая «нестабильность» кажется чем-то страшным и жутким; то, что это и есть нормальное состояние, когда народ не дает власти нагнать и диктаторствовать, нормальная, живая, бурлящая политическая жизнь – тоже не приходит в пустую голову...

Повезут сегодня или не повезут? Скорее всего – да. Принесут, наверное, курицу-гриль и прочее, что мать заказывала еще в четверг, но не принесли почему-то в пятницу, – а меня не будет, я не смогу сразу же съесть свежую котлетку на обед... Письма, конечно, не принесут, – ни от Маглеванной, ни распечатки от Майсурия, остро мне необходимые... Зато сейчас белобрысая мразь опер опять будет на проверке глумиться и что-то вякать про карцер и пр. за мой отказ расписываться за «дежурство», – этот мой отказ служит для него единственной, но зато постоянной зацепкой, чтобы докапываться до меня...

Невыносимая, мучительная тоска. Зачем я живу до сих пор в неволе? Ради того, чтобы пережить всё и уехать, как пишет мне Орлеана (спасибо ей!)? Но ведь после срока паспорт мне уж точно не дадут, как не дали и до срока, а без паспорта – как и куда ехать?.. Будь всё проклято!..

10-й час вечера

Опера на проверке не было, а вот возить – сегодня действительно возили. Только что вернулся в камеру, просидев на сборке, видимо, больше двух часов, успел даже прочесть там свежий The New Times. Возил бибиревский конвой, только одного меня, только туда и обратно (к мрази Абоеву на ул. Яблочкова) – и, тем не менее, надевал оба раза наручники. Прочел я только 80 страниц (чуть меньше половины) шестого тома, сплошь состоящего из моих старых текстов, с самого еще 1998г. начиная. Тексты хорошие, читать их мне было приятно, и всё подспудно думалось: вот бы издать их все-таки книгой... Не судьба, видимо.

Но действительно подустал я их читать, ожидая вечно опаздывающего Бородин. Остальное дочитаю уже завтра, когда – договаривались при мне – с двух до трех дня мразь Абоев должен приехать сюда, в тюрьму, вместе с Бородиным, естественно. После чтения и отъезда мрази Абоева Бородин должен будет еще остаться для разговора со мной (и писания писем, естественно). Что ж, поговорим. Вручил он мне и копию ответа на запрос в Буреполом о моих медицинских документах, подписанную Макаревичем. :) Краткая выжимка из карты на пол-листочка, и совершенно ясно, что ни российскому «суду», ни даже Европейскому (как надеялся Антоша) она не послужит ни малейшим основанием ни для какого смягчения «приговора» или ускорения рассмотрения....

Тошно, тоскливо, невыносимо... Только там, у мрази Абоева в кабинете, за чтением себя :), я, как обычно, немного забылся, увлекшись и отвлекшись чтением от тоскливых мыслей, одолевавших весь день, с утра. Вот сейчас закатают лет на десять, до 2023 года, ну до 2022, – и привет!.. Как пережить этот ужас, уже знакомый ясный, заранее понятный и предвидимый?.. Этот раз будет еще хуже и тяжелее, чем тот... Ни малейшего просвета не вижу я в своей судьбе... Если останусь жив – там добьют окончательно здоровье, истрепят все нервы, замотают, замучают, загоняют... Всё это мне уже ясно заранее. Из вчерашнего перечисления всех «прелестей» зоны выпали у меня еще – забыл, хотя как такое можно забыть?.. – еще постоянные, одна за другой, комиссии, в Буреполоме бывшие главной сутью всего тамошнего бытия, и любимый девиз быдла, полушутливый-полусерьезный, в связи с этими комиссиями: «Прячьте всё и прячьтесь сами!»...

9.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Не было печали... Вчера, уже в отбой (и как раз погасили свет), закинули в эту камеру... двух таджиков! Я, если честно, сперва не поверил глазам, увидев, что заходят сразу двое, – был же тогда, в марте, разговор с Хоревым, начальником тюрьмы, и он четко обещал, что сидеть мы будем втроем, а не вчетвером. Впрочем, всё разъяснилось достаточно быстро: таджики

объяснили, что они с «девяток», из одной «хаты» оба – в этой «хате», мол, сидит 131-я и 132-я статья (насильщики), причем, видимо, все азиаты (в 709, например, по этой же статье сидят русские) – и оказалась она переполнена, шесть человек в четырехместке. Так что кто-то из тамошнего, видимо, мелкого начальства не нашел ничего лучше, как кинуть их сюда, в эту нашу «красную хату». Особенно интересно, что оба они первоходы – с нами, ранее судимыми, их держать точно не должны, тут это деление строго соблюдается, – ведь тогда, в марте, «болотника» Ковязина Хорев потому и отказался посадить со мной, что, мол, он – первоход, а я – уже судимый.

Что ж, остается надеяться, что всё это ненадолго. Один ждет апелляционного рассмотрения, а второй – уже «законку». По идее, их должны убрать отсюда раньше, чем он ее получит, но если не уберут, – кому жаловаться и кого просить их убрать, неизвестно. То ли местному оперу (но это что может и не захотеть, из вредности), то ли мать просить пойти к начальнику на прием после ближайшей свиданки (на той неделе, видимо, – вчера мразь Абоев выписал очередное «разрешение»).

Чем они мне мешают? Так-то они не агрессивные, с таджиками вообще не бывает здесь особых проблем, мне так кажется. Чаевничать и «цифирить» они вчера по прибытии сюда не стали, вымыли оба ноги в нашем старом зеленом ведре (о да, азиаты – чистюли!), один сразу завалился спать (надо мной; пришлось убрать занавешивающую сверху мою шконку простыню – и теперь всю ночь в глаза светит проклятый ночник), а второй еще расстелил коврик и довольно долго молился, пока я ужинал, потом он тоже сразу лег. А раздражают – лично меня – видимо, тем, что их двое, земляков, говорящих между собой по-своему, да еще пришедших из одной камеры, – они как бы вместе, да еще могут через двери, окна и стены искать контактов и общаться с другими таджиками; то бишь – у них, как всегда, землячество; если бы хоть закинули таджика ОДНОГО – он бы не так раздражал, будучи в меньшинстве против нас с быдляком и вынужденный говорить в камере только по-русски. Хотя, конечно, так-то мне все равно, общаться с ними я вовсе не рвусь, – оба молодые, и ЧТО уж они знают из окружающей жизни, кроме ислама, трудно даже представить. Видимо, на уровне животных оба по интеллектуальному развитию и эрудиции; проверить еще не было случая, так что я это только предполагаю, но предполагаю уверенно, по опыту и исходя из общей тенденции, – какое уж там просвещение у таджикских мигрантов-гастарбайтеров в России...

В общем, надо будет всеми силами пытаться убрать их отсюда в ближайшее время, если начальство не сообразит само. А на улице всю ночь,

и сейчас, утром – сильнейший ливень, временами даже гром, – гроза. Потоки воды льют с небес; свет в камере не включили – и довольно темно, хотя писать мне света из окна хватает. Не только таджики на верхних шконках, но даже и рано встающий владимирский быдляк дрыхнут до сих пор, под дождичек-то, так что брать им всем завтрак, видимо, опять придется мне...

10.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Сижу один в камере, пишу – и, видимо, просижу один до самого вечера. Быдляка владимирского увезли наконец «судить», – мировым «судом», но забрали на сборку в шесть утра, как в районные «суды».Таджиков уже нет, – всё повернулось самым неожиданным образом; день вчера был бурный, не забыть бы чего... Но главное – в ближайшие лет десять я, видимо, не раз еще вспомню день сегодняшний и пожалею об этой неповторимой упущенной возможности. Сегодня могла бы закончиться моя дурацкая, непутевая жизнь, – шанс уникальный: веревка есть, в камере никого больше нет, мне самому никуда ехать не надо. Но – я боюсь, жалею, никак не могу решиться. «Друзья» таки повлияли на меня своими уговорами и отговорами... Я знаю, что в следующем уже году меня ждет зона – ад, небытие, потустороннее существование, и я пожалею там не раз о том, что выжил и попал туда, – но уже некуда будет деваться... Второй уже раз – после того срока 2008 года – я не смог, не решился, позорно не использовал даваемый мне судьбой шанс избежать мучений, плюнуть в лицо преследователям, сломать их планы в отношении меня... Горько, мучительно, невыносимо, – теперь уже всегда, до самого конца, придется жить с сознанием того, что я абсолютное ничтожество, трус, живущий на свете только потому, что не хватило храбрости покончить с собой, и где?? – в неволе, где оставаться в живых, соглашаться жить, принимать эту навязанную тебе жизнь, эту клетку, это рабство, – нельзя, нельзя!..

Вот уже и восемь часов, говорит радио...

А вчера... Один из таджиков оказался-таки узбеком, – тот, что молился и читал книги (из тюремной библиотеки, – я взял у него одну посмотреть) про ислам. В основном он говорил мало, больше лежал на шконке, частью спал; сроку ему дали три года и ждет он «законку». Зато второй – 23-хлетний таджик – со сроком аж 11 лет, ждущий апелляции в Мосгор«суде», – всё ходил, болтал, расспрашивал о зоне, о «судах» и пр. быдляка, а частью и меня. И уже к обеду – я даже не думал, что так быстро – вопрос уже дошел до их любимого. Быдляка он стал спрашивать и предлагать решить, «как будем чистить хату», – так этот идиот сформулировал. Уборка, ясное дело, чистюль-таджиков всегда волнует уборка... Быдляк сказал ему, что

абсолютно всё равно, – хоть по очереди, хоть как, и что таких вопросов тут вообще возникать не должно. Таджики вроде согласился, но, пока я мил после обеда кофе со сгущенкой, подсел ко мне за стол, спросил, согласен ли я, и – тут же стал разрабатывать планы: давай, мол, сейчас допьешь – и начнем убираться, ты (я, то бишь) подметешь, я помою...

Я чуть не поперхнулся. Спасло только то, что таджикская чума слышала: с двух до трех дня я жду вызова на «следственный» (корпус): должны прийти адвокат и следак – сука Абоев – продолжать читать дело уже здесь, в тюрьме. Накануне, в «следственном комитете», они при мне договаривались, мразь Абоев звонил, видимо, в тюрьму – и сказал, что с двух до трех кабинет будет нас ждать. Правда, пока я пил кофе, как раз пробило уже три – и ни хрена!.. Я в полном недоумении допил, походил, посидел немного, – стучат наконец в дверь и «заказывают»! Одед ботинки, куртку, жду, – открывается «кормушка» и местный «мусор»-кавказец, крохотного росточка (просто смех...) протягивает мне... письмо! Одно!! От Зои Световой!!!

Я, естественно, начинаю тут же спрашивать его, где остальные письма, и объяснять, что их там еще должна быть целая куча. Он говорит, что ничего не знает, обещает, типа, узнать, спросить у опера. А того не было и вчера на проверке, – когда нужна эта тварь, так не дождешься, а вот когда не нужна... Я тут же спрашиваю, здесь ли опер? Да, здесь, говорит, но очень занят. Я прошу этого кавказца передать, чтобы тот меня вызвал (поговорить о таджиках, чтобы он их убрал, а заодно и про пропавшие письма). Через пару минут открывается дверь и меня уводят.

С адвокатом и сукой Абоевым сидели в самом дальнем, последнем кабинете на «следственном» - это оказался, как сказал мне адвокат, кабинет, типа, специально для следователей; к моему изумлению, на столе там стоял огромный допотопный компьютерный монитор, а рядом, на маленьком столике или тумбочке – такой же древний небольшой ксерокс. Поговорили мы с Бородиным очень коротко перед началом «знакомства» с делом, а не после, как я думал, – он объяснил, что из этого следовательского кабинета нас, когда мразь Абоев уйдет, могут просто выгнать. Успел лишь отдать ему всё, что принёс, написать короткие записки матери и Мише Агафонову, да очень коротко объяснить Бородину новую концепцию защиты: я подтверждаю авторство свих текстов и пытаюсь выйти на идеологический спор с «судьёй». Очень озадачен он был моей идеей про присяжных, – опыта участия в таких процессах у него нет.

Шестой том «дела», недочитанный мною в тот раз и привезенный мразью Абоевым, мне хватило бы читать еще раза на три. :) Читать себя

было и приятно, и интересно, особенно старые тексты, начала 2000-х и еще аж конца 90-х. Но – время уже шло к пяти, когда начинают просто-напросто выгонять из этих самых кабинетов, – и Бородин, к моему удивлению, сам предложил мрази Абоеву записать в «графике», что, якобы, я прочел шестой том до конца. Записали. В следующий раз вроде бы договорились, что в четверг (завтра) меня опять повезут на Яблочкова, к мрази Абоеву. Больше, чем половину седьмого тома, я там не прочту. :)

Возвращаюсь в камеру – а быдляк сидит один, верхние шконки пустые, таджиков нет! Я глазам не поверил сначала. Быдляк рассказал, что таки сцепился в мое отсутствие с таджиком, – тот уже его хотел припахать убираться. Быдляка, отсидевшего без малого 20 лет, многое повидавшего, аж взорвало, когда этот глупый 23-хлетний первоход сказал ему, что, мол, я сколько «хат» проехал, а такой грязной не видел, – сколько ты проехал-то их?! Две, три, четыре на этой тюрьме, и всё? Быдляк сказал, что хотел его подвести в споре на эту тему к тому, что, мол, с такой статьёй – ты и будешь по жизни убираться, это как раз твоё будет постоянно, – но как-то не дошел, видимо, до этого разговор. Короче, таджик тщательно вымыл в камере пол, а на «дальняке» – даже и стены, и когда уже заканчивал, буквально клал тряпку у входной двери, – открылась «кормушка» и их обоих «заказали» с вещами!.. :))))

Быдляк сказал, что, уходя, таджик высказал уверенность, что это я организовал их перевод отсюда (слышал, как я говорил, что хочу поговорить с опером), а самому быдляку советовал съезжать отсюда, с этой грязной «хаты»... :)))

11.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Безумные опять новости... Этой ночью проснулся вдруг – и дикая боль в зубе, но не слева где обычно (последний раз – в мае), а справа, ощущения совершенно непривычные. Спросонья было такое ощущение, что лежал этой щекой на подушке, слишком сильно надавил – и вот, сильная боль. Потом вспомнил, что ведь и правда с этой стороны есть тоже больной зуб, – когда ногтем что-то достаешь из зубов с этой стороны, которой я постоянно ем, – часто ощущаю там боль. Короче, пришлось лезть среди ночи в сумку за лекарствами, – на первый раз обошлось темпалгином. И то прошло не сразу, но потом я все же заснул – до утра.

А владимирский быдляк вчера так и не осудился, – привели его в камеру где-то в начале восьмого вечера и прямо тут же повели в баню, весь этаж уже сводили за день (в среду вместо вторника, т.к. во вторник почему-то весь день не было горячей воды). Спрашиваю по дороге: сколько дали-то? – а он в ответ говорит, что никуда не ездил, весь день просидел на сборке! Я

малость охренел, услышав такое. Видимо, опять не было свободного конвоя, – не возили никуда, в шесть повели обратно в камеру, да еще и по дороге – простоял где-то на «шестерках» полчаса...

Сегодня – опять ехать к мрази Абоеву, – вот бы у меня конвоя свободного не оказалось!.. Но это вряд ли, конечно. Дико не хочется опять кататься в наручниках, подсакивать на сиденье и биться об него задом при проклятой тряске... Будь оно всё неладно... Проклятая, непутевая моя жизнь!.. А быдляка, между прочим, повезут теперь опять, еще раз, хотя точно и неизвестно, когда, – еще один шанс для меня...

За что, черт возьми, я сижу???...

Надо будет выписать куда-нибудь из вчерашнего (с утра на проверке «мусор» вручил от него и от Орлеаны) письма Корба то место, где он описывает мои заслуги в борьбе за свободу, как он их понимает...

12.7.13., 4-й час дня (после обеда)

Как же выжгло-то сегодня нервные клетки, как опалило огнем!.. Жуткая нервная встряска, какой не было вот уже четыре месяца (как раз сегодня – четыре месяца, как сижу в этой камере).

Утром, до проверки еще, «заглядывает в «кормушку» «мусор» и говорит мне: мол, соберись с вещами через час пойдешь к начальнику.

Я, естественно, решил, что переводят – обратно на старый корпус, а куда тут еще? – через разговор с начальником, так же, как в марте переводили сюда. И меня затрясло. Вот он, основной смысл «наказания» – жуткая, нечеловеческая трепка нервов, как было и в тот раз. Некоторое время не соображал вообще ничего, только ходил взад-вперед по камере на бешеной скорости. Сосед-быдляк недоумевал: а почему ж его-то не «заказывают», одного же его тут не оставят. Но вещи я собирать заранее не стал, – думаю, м.б., всё же договорюсь как-нибудь. И опер – появился наконец на проверке! – ни слова, только опять вякнул «мусору» с журналом дежурств, чтобы писал на меня рапорт за отказ расписываться.

Наконец, уже в 12-м часу, после проверки, – приходит. Притом не тот, что в «кормушку» заглядывал. Выхожу за дверь, спрашиваю у него, что случилось, почему сказали «с вещами» – он отвечает: потому, мол, что в карцер выводят с вещами.

Уф-ф-ф!!! У меня отлегло от сердца. Значит, не перевод, не на тот корпус, ну и слава богу!.. А в карцер – я был уверен – меня тут не посадят: ко мне и ОНК ходит, и раввин, и в интернете пишут обо мне, тогда, в марте, могло начальство ознакомиться...

Однако, за что же в карцер-то? Оказалось, мне этот случай уже приходил в голову, пока ждал, но как-то странно – подумалось – чтобы из-за этого – и

в другую камеру переводили, а про карцер как-то не пришло в голову. Вчера вечером, когда привезли меня очередной раз от мрази Абоева (107 страниц от толстого седьмого тома – зафиксировали, что прочел), повели на шмон, – «мусор», долговязый, худой, белобрысый и с таким несколько лошадиным лицом, вдруг стал кому-то – а потом и мне – приказывать: мол, открой рот, подними язык, – и заглядывать аж в рот, чего до сих пор за почти восемь месяцев я тут еще не видел. Да еще ему и не понравилось, как именно я открыл и высунул, он мне еще замечания делать стал. «В жопу еще загляни!» – в сердцах сказал я ему и, одеваясь, добавил, что, мол, ни один нормальный человек на такую собачью работу не пойдет. Он был сильно удивлен, и потом еще, когда вел после шмона на другую сборку, всё спрашивал, что, мол, это я, что у меня случилось и т.д. Но – мне не сказал ничего, а сам тут же, еще вчера, накатал донос («рапорт») начальству, что я, якобы, нецензурно выражался.

Что ж, повели всех, кто в карцер, все уже с вещами и матрасами, кроме меня, – куда-то, как я понял, на следственный корпус, или еще один, вплотную к следственному (точно тут не поймешь), где сидел я ночь, когда только привезли в эту тюрьму, где большая общая баня, и т.д. Закрыли всех на сборку, а меня первого – в соседний кабинет, к начальнику.

Сидело их там, этой нечисти в погонах, много, человек восемь, вокруг какого-то маленького столика, что ли, я даже не понял толком. Говорил в основном один, совершенно незнакомый (первый раз его вообще вижу). Начальник сам прочел сперва рапорт того ублюдка (а сам ублюдок и сегодня был здесь, его я первого и увидел, когда по лестнице спустились на этот этаж). Я сказал, что это неправда, нецензурно я не выражался, и сказал: позовите его. Тот ублюдок вошел, я спросил его, зачем он врёт, а он начал выкручиваться, что, мол, я якобы сказал: на эту работу никто, кроме идиотов, не идет (что тоже правда, конечно, но не является уж точно нецензурщиной; впрочем, на воре и шапка горит). Потом он ушел, тот незнакомый, с краю ближе ко мне, стал довольно мягким тоном читать мне нотацию про то, что здесь учреждение, и с этим ублюдком, мол, надо на «вы» (но при этом, по его же словам, чтобы сотрудники со мной разговаривали на «вы» – это в их правилах, оказывается, не прописано), и т.д. Хорев же, начальник, – вдруг заявил, что этими словами, что нормальный человек сюда работать не пойдет, – я, оказывается, задел и его достоинство.

Ах ты мразь, гнида ты мундирная, падаль, отброс человечества, да какое ж у тебя может быть достоинство?! Охренеть просто!.. Нечисть, мразь, недочеловеки, говорящие куски дерьма – вот вы кто, ребята, – все, кто

работает тут, в этой тюрьме, и в других, кто только и способен шмонать эков, их камеры, мордовать их по-всякому (хотя эки тоже хороши, разумеется), – выродки, генетически неполноценная шваль, мусорское отродье с явными садистскими комплексами. Мало-мальски нормальный человек, не из племени всех этих хоревых, на такую собачью работу, естественно, никогда не пойдет. И как же я жалею, мрази в погонах, что пока не могу просто выстроить всех вас в вашем же коридоре вдоль стеночки, со скованными сзади руками и черными пакетами на головах – и просто перестрелять всех, выкосить одной длинной автоматной очередью!.. Воздух бы точно в Москве стал чище...

Увы, всё это я не сказал в лицо этой компании унтерменшей в камуфляже во главе с обер-недочеловеком медведковской тюрьмы Хоревым. Не сказал, с каким наслаждением я бы и лично его, эту мундирную гниду, размазал бы по стенке. Если бы случай был более несомненный, если бы карцер был уже на 100% неизбежен, – то я, конечно, не удержался бы. (Хотя – ну если бы даже и сказал, ЧТО бы это изменило? Ничего, ровным счетом; нет, эта страна совершенно безнадежна, ее надо просто напалмом выжечь с воздуха – всю, дотла, до золы, а объяснять в ней что-то кому-то, тратить слова, – совершенно бесполезно.) Но тут – я был уверен, что не посадят они меня, и спросил, чего же они в конце концов хотят, как урегулировать вопрос.

Точно! – Хорев, чмо, предложил мне написать «объяснение», или как оно у них называется, – что, мол, беседа со мной проведена, я режим содержания не нарушал и впредь обязуюсь не нарушать. Я согласился, быстро в соседнем помещении (шмоналке, где шмонали меня в ночь заезда) написал им несколько строк – и меня, предупредив о недопустимости «нервов» и о том, что в следующий раз, мол, не пощадят, отпустили. С час еще где-то сидел там же на сборке, один (изоляция) ждал, пока «окрестят» остальных, – и всё, пошли обратно, сюда, на «пятерки».

Так что – на этот раз без потерь (моральные я не считаю, мне на этих ублюдков плевать, для меня они просто не люди, какие бы бумажки я им ни писал), если только не считать нервов, – перенервничал, конечно, утром просто чудовищно. Кстати, когда рассказывал всё это быдляку, вернувшись назад, и помянул свой план объявить сухую голодовку, если все же засунут в карцер, – быдляк, в отличие от прежнего нарядчика, сказал, что, скорее всего, насильственное кормление здесь тоже применяется, как и в лагерях. Будет ли у меня случай проверить это?..

А вчера – да, ездили опять к мрази Абоеву; сидели, правда, на этот раз не в его кабинете, а в другом. Начали седьмой том. Бородин, ленивое ничтожество, жаловался мне, как его задолбало туда ездить – и высказал

намерение, если таки придется мотаться вместе с Абоевым каждый день в СИЗО, заявить ходатайство о отдельном знакомстве с делом. Вот уж редкое дерьмо!.. А на мои слова – как уж МНЕ надоело ездить читать эти тома – заявил, что, мол, каждый сам выбирает свой путь; как-то так, дословно не помню. Мразота тупорылая, а разве ты не сам, не добровольно принимал решение – и в адвокаты пойти, и за мое дело взяться?..

В следующий раз они договорились вроде бы во вторник (а м.б., и в понедельник, мразь Абоев упоминал) тут, в тюрьме. Бородин, правда, высказал еще и намерение, ознакомившись со всеми томами до конца, вернуться еще раз к первым. Мразь же Абоев уже на той неделе (сегодня пятница) высказал намерение «выйти в суд» с тем, чтобы «суд» нам официально ограничил время знакомства с делом, – такая норма действительно есть в их бредовом УПК, в той же статье, где сказано, что время знакомства с делом обвиняемому и защите ограничено быть не может. Так что – исход схватки их пока что не ясен, но все же появилась надежда, что хотя бы до конца июля это ознакомление затянуть все-таки удастся...

P.S. Еще одно унижение, короче. То, из чего и состоит тут вся жизнь, – и в тюрьмах, и на малой зоне, да и на большой тоже. То, что сегодня я выслушивал от этих мразей, не имея возможности им в лицо высказать всё, что я думаю про них, – конечно, гораздо более унижительно, чем то, что вчера я высказал на шмоне этому долговязому ублюдку. Эх, об одном жалею – что пока не могу еще убивать вас своими руками, твари!..

13.7.13., 6-й час вечера (до ужина)

Совершенно неожиданно приходили сейчас из ОНК – Сергей Сорокин, старый, с начала 2000-х лично знакомый мне, активист – в основном – антимилитаристской тусовки, член храмовской Антимилитаристской радикальной ассоциации, всех их съездов, митингов, пикетов, всех собраний и тусовок в музее Сахарова, – я встречал его там и в 2011-12 гг., в те 20 месяцев. Я, надо сказать, понятия не имел, что он тоже состоит в ОНК, и был поначалу приятно удивлен – но только поначалу... С ним была женщина, уже заходившая ко мне зимой, еще на старый корпус, вместе с Каретниковой, – она сказала мне, что Каретникова их и прислала, спросила, что там с книгами (переданными Мишей Агафоновым уже почти месяц назад, но до меня так и не дошедшими) – и, когда я называл книги, про упомянутых Аксенова и Гроссмана сказала, что читала их еще в самиздате. Т.е., в правозащитной тусовке она давно, наверняка и фамилия ее мне знакома – но спрашивать было неудобно. [Примечание 2020 г.: это была

Людмила Альперн.]

Книги записывал в блокнот тот самый «мусор» в фуражке, что больше всех читал мне нотации вчера у начальника, мразота. Записал и, типа, обещал разобраться, – что ж, ждем-с! Спросили они (ОНК) про письма, – я сказал, что и письма не доходят (от Лены Маглеванной так и нет ничего уже месяц, от Майсурияна его писем с распечатками – тоже, без них я особенно страдаю). Также записал – а что толку? Наконец, спросил я и по поводу доверенностей Глебу Эделеву и Корбу, – и это же чмо в фуражке заявило (скорее даже Сорокину, чем мне), что, мол, по какой-то там статье УПК (или чего там?) на оформление гражданско-правовой доверенности, даже для не материального характера действий (без права получения денег, как там в самой же доверенности написано) нужно разрешение следователя или «судьи». И мне: мол, оформите, когда приговор вступит в законную силу. Ах ты, мразь иезуитская! – я тогда могу просто не успеть, ибо после получения «законки» увезти могут уже на следующий день, а без «законки» вы можете и не поверить, что он вступил в «законную силу». Короче, и здесь, как везде, эти мрази в погонах выстроили тоже непробиваемую стену – и во всем ссылаются на свои «законы», а «законы» они пишут для себя сами и трактуют так, как им выгодно, и ничего нельзя сделать, ничего от них добиться, ничем эту стену пробить... Кроме АКМ и гранатомета, разумеется. Ах, мрази в погонах, ублюдки, недочеловеки, русские мундирные свиньи, с каким остервенелым наслаждением я мочил бы вас, связанных, скованных, взятых в плен, расстреливал бы из автомата очередями, резал бы ножом, кромсал бы вашу плоть, заливая весь пол вашей дымящейся теплой кровью, перерезал бы вам горло... Вот уже второй срок я мечтаю об этом всякий раз, как вижу вас вблизи, но – увы – пока что исполнения этой главной мечты моей жизни не просматривается на горизонте...

А «правозащитнички» тоже оказались дерьмом еще тем. Сорокин спросил вначале, в какой стадии у меня дело, какие статьи, к чему я «призывал» – и его спутница записала номера статей и грозный срок. Потом пошел разговор о быте, о книгах, о доверенности, а когда они уже собирались уходить – спросил я опять, что всё-таки они думают о моем деле и могут ли именно в этом смысле помочь. И что же? – она, кажись, сказала мне, что вот, мол, Ходорковский уже десять лет сидит, а Сорокин – что вот, мол, когда начнется «суд», то мои друзья, журналисты и пр. будут приходить туда, давать информацию и меня защищать. Как-то так по смыслу, не помню дословно. О том, что журналистов надо информировать и тормозить уже сейчас, и что реально этим сейчас просто некому заниматься, – они как будто бы не в курсе, или не понимают этого. Но это,

конечно, просто банальное лицемерие: всё они прекрасно понимают, только делать для меня ничего не хотят. Как ОНК – да, еще что-то делают, приходят, спрашивают; но за пределами функций ОНК, на воле, от себя самих как правозащитников – не хотят. Вроде и ахают, когда я про десять лет говорю, – а защищать, бороться за меня – не хотят...

Что ж, это страна мрази, нечисти, дерьма, как я уже давно понял – и с каждым днем убеждаюсь в этом всё больше и больше. Все, все вокруг, от соседей по дому до известных правозащитников, – кругом, сплошь, одна мразь. Лицемеры, трусы, лжецы, стукачи, подонки... Нет, отсюда надо будет уезжать, жить здесь я больше и не смогу, и не хочу, среди этой нечисти, – если только я переживу этот срок. Дурак, что не уехал еще в 11-м году, не слушал Антошу, когда он меня уговаривал, спорил с ним... Впрочем, паспорта у меня не было и тогда. Что ж, вот и определился вектор, направление на весь конец жизни...

14.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Ужасно, невыносимо, страшно... Под вечер, видимо, я просто устаю – и этот ужас как-то притупляется, а с утра – опять... Как же мне тошно... Некому сказать об этом, да и кто поймет? Никто, даже мать... :(Конец срока – май 23-го года, видимо, не раньше. На раньше не стоит надеяться. Уже не десять лет, уже девять и десять месяцев осталось... Десять лет ужаса, всякой мрази вокруг, бессонных, коротких, мигом пролетающих ночей (сегодня вот проснулся – не было еще четырех утра, и не мог больше заснуть), лютых уральских (дай бог, не сибирских!..) зим, болезней, простуд, кашля, риска остаться без вещей или и правда оставания без них, за десять-то лет много придется потерять и нажить заново... В общем, увы, но жизнь кончена, и вправду кончена, хотя еще нет даже 39-ти, а вот это, то, что сейчас, то, что вокруг, – это не жизнь... Зарядки в шесть утра, зимой, на лютом морозе, – нет, нет, это не жизнь! Это то, от чего не жалко уйти и на тот свет, только бы не жить в таком вот ежедневном ужасе и унижении, – да только вот не получается никак умереть, не берет меня смерть... :(((В общем, полный тупик. Уехать? – да, только этой мечтой и остается жить эти десять лет ада, – уехать вырваться, хоть когда-нибудь, хоть за 50 уже, хоть остаток жизни – прожить в нормальных, человеческих условиях, которых на родине, будь она проклята, не было никогда... Десять лет болезней, разлуки с близкими, недоходящих фатально писем, запрещенных телефонов (есть и такие зоны, где их реально нет, – бояться тянуть...), десять лет одиночества и неизвестности... Во имя чего все это? Зачем? За что? Да ни за что, и ни во имя чего-то, – просто само собой как-то так получилось, – и ничего нельзя сделать... Просто это государство карает за мыслепреступления, за сам образ

мыслей, если хоть где-то ты имел неосторожность высказать его вслух. Так здесь было всегда, и при Сталине, в 30-е, тоже давали десять лет, – всё повторяется... Дождется ли мать? Останется ли кто-то из друзей, к кому хоть за чем-то можно будет обратиться, если я доживу до конца срока, до 23-го года, да и раньше тоже; сможет ли хоть кто-то приезжать хоть иногда? Увы, лучше не надеяться ни на кого, – дабы не обманываться; а всё, что там есть – это сечка, перловка да таблетка анальгина от всех болезней, – если еще сможешь за этой таблеткой попасть, пробиться в санчасть... Какого же черта?! Какого черта, почему я не могу умереть? Вот прямо сейчас, пока сосед дрыхнет, достать веревку, сделать петлю – и повеситься? Что меня держит? Зачем я обречен терпеть все эти страдания еще столько лет? За что мне это? Я не могу понять, и не могу ничего сделать, – могу только проклинать, в очередной, бессчетный уже раз и эту страну, где выпало несчастье родиться, и эту жизнь, и этот мир, и себя, и всё человечество, и тот проклятый, несчастный день, когда я родился. Будь всё проклято!!! Будь всё проклято!!!... Будь проклято!!!....

16.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Вторник. Середина лета. Утро. Дикая тоска. Невыносимо, совершенно невыносимо... Конец срока – 2023-й год... Десять лет – за что??!! Без друзей, без информации, без связи (её там не будет, я уверен), – мытарства, мытарства души... Без еды, без лекарств, вечером, перед сном – пустой кипятилок и пайка кислой «черняги», как тот дятел в Буреполоме, на восьмом бараке, уже в 2011-м году (если еще позволят хоть пайку брать с собой из столовки...). Хоть бы сдохнуть там, и поскорее, – повеситься еще здесь, в камере, что было бы самым лучшим выходом, я, как выяснилось, не могу, а там – уже не на чем будет, да и – толпы быдла вокруг...

Ужасно, короче. Вот и кончилась жизнь... Да, и в 50 лет, м.б., что-то еще не поздно, еще можно жить – если ты кому-то нужен, если тебя кто-то поддерживает, приглашает куда-то, интересуется тобой, помогает... Но у меня-то этого не будет, я буду один, – ну, в лучшем случае, если уеду, там будет сосед по комнате, пока буду ждать убежища. А если здесь – то совсем никого и ничего. Пустота. Одиночество. Доживание. И – покупать их, такой вот пустой конец жизни, надо сейчас – ценой десяти лет лишений и унижений... Куда же деваться, черт возьми?.. Не берет смерть, а просыпаться здесь, в тюрьме, не говоря уже о лагерном бараке, столько лет, – невыносимо, невыносимо!.. Увы, это я уже проходил, знаю по опыту. Каждый день, еще глаз не разлепив, утро начиналось с того, сколько дней еще осталось, – очень много, хотя и на один меньше, чем вчера. И так же будет на этот раз, только дней будет гораздо больше, – конца им совсем не

видно...

Вторник, но – ни книг, ни писем, хотя эта фуражечная мразь в субботу и записывала всё про них в блокнотик. Тишина... Сегодня вроде бы должна приехать сюда мразь Абоев с очередным томом «дела», – дай бог, чтобы именно сюда, а не меня туда везти, к нему. Мать должна была вчера приехать записаться на свиданку, – но когда она будет, опять неизвестно. Если принесут сегодня жратву, – значит, приезжала, иначе это никак не узнать. Эх, был бы телефон!.. – но его нет с марта, и взять негде... :(((

Бессмыслица, пустота, тоска. «Звездное лето», «звездное лето» – долбят по «Русскому радио» между песнями, – как будто нарочно дразнят. Пол-лета уже прошло, – всё его я проведу в тюрьме, а следующее – на зоне, и еще много, много лет... Господи, хоть бы не дожить!.. Сдохнуть во сне, безболезненно и тихо, раз не могу я сам... Никаких перспектив нет, жить дальше мне совершенно незачем, впереди – одно сплошное дерьмо...

8-й час вечера (после ужина)

Мрази опера не было сегодня на проверке (как раз я «дежурный» :), зато он приперся вскоре после нее и выдернул к себе быдляка. Расспрашивал его там обо мне, о том, есть ли телефон, «дорога», общаемся ли с другими «хатами», есть ли какие-нибудь «запреты», и т.д. Сообщил потрясающую новость: скоро к нам в «хату» заедет... бывший нарядчик, тот самый идиот, что освобождался отсюда только 21-го июня! По словам опера, сейчас он тут, на тюрьме, в лазарете (неизвестно, с чем), – прогулял на воле всего неделю или полторы, украл велосипед, сейчас у него опять 158 ч.1 – и вот он опять здесь...

Так-то не жалко, пусть опять заезжает, – но вдвоем с быдляком они начнут с удвоенной силой требовать себе у опера и всего прочего начальства телевизор. Я хорошо помню, как за считанные дни до освобождения нарядчик говорил быдляку: мол, останься я тут подольше – я бы пробил телевизор обязательно. Мне это неприемлемо (а быдляк, по его собственным словам, просил и сегодня), – я об этом и хотел сказать оперу, когда он привел быдляка назад, попросить, чтобы вызвал и меня. Но он, стоя в открытой двери, сразу сказал мне: я знаю, что ты письма не получаешь (быдляк ему и это сказал), у меня скопились (!) твои письма, я тебя вызову вечером, а то они сейчас не у меня в кабинете (а где же тогда они «скопипились»?..).

Нервничал я всё оставшееся время, аж трясло, – и не зря. А тут еще – хотел кофе (пакетики 3 в 1, заказанные этой знакомой матери в магазине) попить, – чайник не работает! Оказалось – выбило по всей нашей стороне коридора розетки, это сообщила вскоре сестра-хозяйка, раздавая белье. Проверили

моим новым кипятивником, – да, холодный тоже, так что не в чайнике дело. Но нервов это мне добавило всё равно. Одно только оказалось хорошо – второй день уже на этой неделе не появляется мразь Абоев со своим «делом». Жаль, что, значит, и Бородин нет, ни узнать я ничего не могу, ни записки передать Мише Агафонову, – но, тем не менее, как ни странно, жду, что вызовут в три часа, после обеда, на следственный (корпус) – не вызвали.

Уже часа в четыре где-то, когда повели в баню, открыли дверь, – тут-то залетает опер! С пачкой писем в руке. Дает мне два электронных письма (от Орлеаны – и от Лены Маглеванной, то самое, датированное 16-м июня, – ровно месяц держали, суки!..) – и я вижу в его пачке знакомый большой конверт от Майсуряна.

И тут-то эта тварь мне говорит: мол, вызову тебя (на «ты»!!) завтра, поговорим поподробнее, это письмо завтра отдам (или он не сказал «отдам»? Не помню..), начальник вообще говорит тебе его не отдавать, – в нем, мол, «лозунги»!..

Ах ты, ё... !... Суки какие, совсем они сбрендили, что ли? Я успел, когда опер уже вышел, взять из его рук, достать само письмо и посмотреть номер, – №20. Не поручусь, что там не было еще одного такого же конверта, но эта тварь сказала, что остальные письма в другие камеры. В общем, то, чего я боялся еще в мае, кажется, таки случилось: не только цензор, как все эти месяцы, но опера и начальство увидели вдруг эти распечатки – и, конечно же, не хотят их пропускать, перестраховываются, боятся «крамолы», сами не знают чего, но – боятся. Твари!.. Я, можно сказать, жил тут этими распечатками...

Короче, фиг его знает, вызовет завтра эта тварь или нет, и во сколько. Бороться как-то с грядущим телевизором – и выцарапывать майсуряновское письмо, – вот основные задачи на этот грядущий разговор. Мне почему-то кажется, что раз уж показал – то и отдаст, но тешить себя надеждой, конечно, не стоит. В общем, подумал я и решил: если упрется и не отдаст – прямо там же, у него в кабинете, пишу ему (начальнику, точнее) заявление о начале сухой голодовки с требованием отдать это письмо, – и пусть как хотят. Требование вполне выполнимое, так что пусть думают. Лене Маглеванной написал обо всей этой ситуации и попросил закинуть в рассылку, чтобы Майсурян знал. «Лозунги», мать их!..

Мать действительно приехала вчера, – принесли после обеда от нее заказ, курицу-гриль и пр. Свиданка, значит, должна быть на этой неделе, но когда – неизвестно...

17.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Быдьяка вчера вечером «заказали» и сейчас, в седьмом часу утра, увели, –

опять поедет в «суд». Сижу один до вечера. Хочу повеситься, очень хочу умереть, но не могу. Почему? Как отвратительно чувствовать себя трусливым ничтожеством... Тошно до безумия... И жизни нет, и смерть не берет...

Задача на сегодня – не то что даже выцарапать майсуряновское письмо у мрази опера, а – попасть к этой мрази на прием! Это, я думаю, задача куда труднее, чем что-то получить от него. К тому же – опять нависает надо мной призрак телевизора, этого галдежа целый день и еще по ночам, – как же, фильмы, «кино», эти идиоты недоразвитые млеют от одного слова «кино»!.. Никогда не забуду, как нарядчик, идиот, тарасился на экран, буквально рот раскрыв, когда тот, прежний их телевизор еще работал, а потом (не после, а по ходу фильмов) обсуждал увиденное с наркоманом, – меня выворачивало от их глупых быдляцких «оценок» и разговоров. Не дай бог всё это снова...

Будь всё проклято!.. Как же я хочу умереть!!!...

2-й час дня (до обеда)

Вызвал. Отдал-таки, тварь. Пугал карцером за то, что я не расписываюсь за «дежурство» (хотя, мне кажется, моя угроза сухой голодовкой его несколько напугала; да и не эта мразь решает, кого в карцер, а начальник). В письме же, в распечатках – кроме поста Горбаневской с моей подачи, ничего интересного не оказалось, а само письмо Майсуряна, с его вечным ехидством и передергиванием, тоже особого удовольствия не доставило. Что ж, завершилось всё так, как я и думал. Расписываться я не буду всё равно, – он же сам сказал, что за каждый отказ – рапорт и замечание, а для карцера этого мало.

9-й час вечера (после ужина)

Приходил после обеда мразь Абоев, приволок мне дочитывать седьмой том «дела», и сидели мы с ним как раз на «семерках», в тамошнем «следственном помещении», или как оно называется. А тварь Бородин – не пришел!» Зато – охренеть! – через мразь Абоева передал мне, что мать придет на свиданку завтра в девять утра, – и, когда уже шел в камеру, местный дежурный «мусор» сказал, что завтра выведут в восемь утра.

Кстати, а что оказалось «призывами» в письме Майсуряна, знаете? Это просто хохот... Я спрашивал у него как-то о том, где и как именно участвовала Е.Г. Боннэр в моей защите прошлым сроком, как написал Майсурян в Википедии. И он в ответ в этом 20-м письме приводит – в самом своем письме – довольно длинный документ 2007 года, обращенный к главам западных государств и подписанный ВСЕМИ правозащитниками, Боннэр в том числе. Так вот, ближе к концу документа есть абзац, начинающийся словами: «Мы призываем добиваться освобождения

политзаключенных...», в числе коих упомянута и моя фамилия, – именно эта фраза 2007 года испугала тюремное начальство и была сочтена «призывами»!.. :))))))))) Идиоты, тупые, трусливые, безмозглые идиоты и перестраховщики!..

Вечером, после ужина, открыл «кормушку» тот мразоид-«мусор», что написал на меня недавно, в прошлый четверг, донос, из-за которого меня «заказывали» с вещами, и сообщив, что за утренний отказ расписаться за «дежурство» на меня опять составлен очередной «рапорт», спросил, буду ли я писать объяснение. Я отказался. А ублюдок-опер, кстати, приведя меня обратно с «беседы» утром и сам зайдя в камеру, пошарившись по ней с минутой, вдруг этак задумчиво сказал: мол, не перевести ли тебя в другую камеру?.. Я категорически отказался, конечно, но – тревожно уже то, что нездоровая эта мысль вдруг пришла в его тупую башку. Я-то как раз радовался, что хоть не нервничаю здесь, как на проклятом том корпусе зимой, не жду постоянного перекидывания, сбора и перетаскивания всего бесчисленного барахла...

19.7.13., 7-й час утра (до завтрака)

Бурный был вчера день... С утра, в девять – свиданка. Много приятных эмоций доставило фото, показанное мне матерью сразу, как она пришла (а ей врученное Майсуряном): 14-го июля был какой-то митинг, видимо, в Питере, перед Казанским собором – и на фоне толпы кто-то держит здоровенный длинный черный транспарант с надписью белыми буквами: «Свободу Борису Стомахину!». Все-таки не совсем еще забыли меня там, на воле, не всем еще наплевать, – и, м.б. – приходит мысль – не все еще так плохо?..

Зато – что-то непонятное сообщил Майсурян насчет Низовкиной и Стецуры. Только накануне в этом его 20-м письме, с трудом выцарапанном мною у опера, Майсурян писал, что от них нет абсолютно никаких вестей с марта, когда они из Крымска через Москву уехали к себе в Улан-Удэ, и когда в июне, в среду, с собрания на Онежской ребята пытались им дозвониться на мобильники – «этот вид связи недоступен для абонента». А вчера – мать пересказала продиктованное им сообщение, что, оказывается, 6-го мая, когда на Болотной был митинг по поводу годовщины прошлогоднего побоища, на Манежной тоже кто-то что-то пытался провести – несанкционированно, вестимо – и за это собираются арестовать сколько-то участников, в том числе Низовкину и Стецуру, когда найдут, видимо!.. То бишь, они в это время были в Москве неведомо ни для кого из своих друзей, что ли? А кроме того – кто же это заранее предупреждает об арестах, интересно? Или это утечка информации?..

После обеда вызвали к мрази Абоеву, читать дело, – опять повели в следственные кабинеты на «семерках» и опять он был там один, без Бородина! Сказал, что Бородин якобы опять не смог приехать, занят где-то в «суде», – типа, на той неделе, в понедельник или вторник приедут. Сперва я пришел в ярость, конечно, – второй раз уже притаскиваю туда письмо Мише Агафонову со стихами и не могу отдать, – но потом подумал, что, м.б., он специально это делает, чтобы затянуть время, типа – он не ознакомился еще до сих пор с несколькими томами, не перефотографировал их, да еще после конца ознакомления и к первым томам хотел вернуться, – не всё же это за один день! То бишь, сегодня уже пятница, – и следующая неделя, видимо, всё равно вся будет занята – если не моим ознакомлением с материалами дела, так его! Ну что ж, пускай... Мразь Абоев тем временем поразил меня сообщением, что он намерен явиться в тюрьму и в субботу! Правда, я сразу, как услышал, усомнился, что это у него получится, что его сюда пустят в выходной, – но посмотрим.

Дал он мне восьмой том «дела» - и я обалдел от изумления! Он, идиот, включил туда все материалы, что висели на странице с моими текстами внизу – не мои, а просто важные материалы, которые я специально повесил. Статья Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (с главой о российской истории со времен монгольского ига), брошюра Якунина, которую я сам набивал с бумаги в 2002 году, отрывки из книг Буковского и Айдара Халима, аудиозапись фильма о взрывах домов в Москве в 1999 г., «Прощайте» Герцена, «Беларуска-расейская вайна» Зянона Пазьняка, и чего только там еще нет, – всё я уже и сам не помню. «Мусор» пришел, сказал мрази Абоеву, что, мол, ориентируйтесь на пять часов (вечера), в пять мы их (зэков) разводим, а что накануне просидели до полшестого – так за это получили п...лей от начальника. А выдернули меня из камеры – быдлык успел сказать, пока я собирался – полчетвертого где-то. Так что я сидел спокойненько – и очень углубленно и внимательно читал статью Маркса, не перечитываемую с тех самых пор, как, много лет назад, я ее туда повесил, – и просидел за этим увлекательным чтением до шести, когда пришел уже другой «мусор», сперва предупредил, что уже без четверти шесть – и мы с мразью Абоевым остались в этих кабинетах одни, все остальные следователи и зэки уже разошлись – а потом пришел еще раз и увел меня. Я читал очень внимательно – и, хотя несколько страниц все же пропустил как совсем уж малоинтересные – но все равно к шести вечера дочитал только до 63-й страницы (что мразь Абоев и зафиксировал в своем графике, конечно) – а их в томе больше 240-ка! Я просто получал удовольствие, перечитывая для себя важнейшие – для понимания русской

истории и современности – материалы, которые в ближайшие десять лет едва ли смогу еще раз прочитать, – и этого внимательного чтения мне хватит и на субботу, если мразь Абоев всё же придет, и на следующую неделю, так что до конца июля дело едва ли будет закрыто. :) К тому же, обещавший в мой последний приезд к нему на Яблочкова, что, мол, на следующей (то есть как раз на нынешней) неделе он «выйдет в суд» на тему ограничения нам времени знакомства с делом, – все эти свои приезды сюда, в тюрьму, мразь Абоев об этом не сказал ни слова. Из чего я заключаю, что, видимо, он этого не сделал. Всё равно, увы, осталось уже недолго, в сентябре, видимо, меня уже закатает на десять лет их мразотный, ублюдочный лже-«суд», и деваться мне будет некуда, – но впереди у меня еще отдых целый месяц, полностью свободный август в ожидании присылки «обвинения» и начала «суда»...

Ну и, конечно, главное событие вчерашнего дня – приговор Навальному в Кирове к пяти годам реального заключения. Признаться, я не ожидал, – думал, что ему дадут условно, не посмеют закрыть. И сразу же – еще до вечера даже – уже в Москве несанкционированные митинги на Манежной, «народные сходы», разгоны, аресты, все площади центра Москвы, оцепленные ОМОН-ом, митинги и разгоны по другим городам... Прокуратура (!), опротестовывающая арест Навального в зале «суда» на том основании, что приговор, дескать, еще не вступил в законную силу, – а как же они не обжалуют это всякий раз, когда простых эков, уголовников, вот точно так же с подписки берут под арест в зале «суда», хотя их приговоры тоже еще только через десять дней вступят в силу, а то и вообще будут обжалованы?! В общем-то, ясна и очевидна прямая связь: как только при известии об аресте поднялась волна возмущения, пошли несанкционированные митинги, разгоны, уличная эта активность, координируемая интернетом, – так тотчас же выступила и прокуратура! А по поводу моего ареста была и есть глухая тишина! – и вот я сижу, и мне скоро впаяют десять лет, и ничего нельзя сделать... Прямая, очевидная зависимость! – и обиднее всего то, что за Навального, которого Боровой прямо, недвусмысленно и вполне заслуженно именует «нацист Навальный», да который, к тому же, еще и стукач, – за эту вот мразь на улицу пошли сотни людей, если не тысячи. Интересно, конечно, кто что думает по этому поводу из знаковых фигур и сайтов (КЦ и MFF, например), – но, в принципе, всё и так ясно, и обидно донельзя. За меня – КТО пойдет? – а вот за этого нацистского стукача пошла ведь масса приличных, интеллигентных людей. Достаточно вспомнить, как его интервьюировал Акунин – и предупреждал потом, что, мол, арест Навального станет

переходом некой роковой черты, на что ему кто-то возражал (в майсуряновских распечатках), что, мол, Стомахин-то уже давно сидит; как его облизывала стареющая Альбац в своей программе на «Эхе Газпрома» (как его правильно именует КЦ), как перед ним лебезила Новодворская... Один только Боровой не поддался обаянию этого стукача, надо отдать ему должное. И вот теперь – очередной виток пиара: Навальный – политзаключенный (хорошо еще, что хоть не узник совести!), – без этой необходимой детали биографии ему было бы гораздо труднее претендовать на звание «вождя оппозиции» и на власть в этой стране вместо Путина. Хотя его нынешний срок, пять лет, – это мой прошлый, уже отсиженный, и на меня все плевали после этого, никто знать не хотел, – а Навальный, я уверен, просидит от этих пяти лет совсем немного, для строчки в биографии только, – и выйдет триумфатором, со званием – теперь уже – бывшего политзаключенного, еще больше повышающим градус его поддержки среди глупенькой и наивной либеральной интеллигенции...

20.7.13., 10-й час вечера (до отбоя)

Мразь Абоев, конечно же, сегодня не пришел, – да я и не ждал особо, не веря в это с самого начала. Пустые, никчемные дни. Прочел библиотечную «Повесть о настоящем человеке» Полевого, памятную еще по школьным хрестоматиям первой половины 80-х. Гнусная, неправдоподобная в куче деталей пропагандистская писанина, если читать ее сегодняшним, свежим взглядом. Для меня, кстати, оказалось неожиданностью, что она написана еще в 1946-м, – я думал, позже. Но, очень вероятно, после 1956 г. переделывалась, подчищалась в связи с новой «генеральной линией».

Восемь месяцев я уже в тюрьме. Девять лет и десять месяцев осталось?

21.7.13., 3-й час дня (после обеда)

Холодные, сырые, дождливые дни. С утра лило, сейчас перестало. С окна, где отсутствуют две форточки, несет холодом. Пустота, скука, тоска, бессмыслица... Быдлык начал сегодня, наконец-то, писать апелляцию на свой приговор – год и пять месяцев. Мне бы такой...

Как же это всё-таки так всё вышло? Я всё время об этом думаю, я в полной растерянности, в недоумении, – но понять не могу. Ясно только, что жизнь кончена, сломана окончательно, и если даже я выживу в лагере, – это будет стоить таких унижений, столько мучений и нервов, что эта жизнь совершенно теряет свою ценность. Но и прервать ее я не могу – элементарно не хватает мужества... :(Тупик. Стена. Жить десять лагерных лет (или сколько там? – всё равно слишком много...) только одной целью, одной мечтой: дожить и уехать, освободиться не только с малой зоны, но и с

большой? Заманчиво, конечно; спасибо Ольге Исаевой (Орлеане Орлице), да и Лене Маглеванной, зажегшим и поддерживающим во мне эту искорку надежды. Только вот – удастся ли уехать-то, не только с новой судимостью, но и с надзором? Кто мне паспорт-то даст? Или опять – пешком по шпалам в Украину? Кой черт принес меня тогда оттуда, в 2004 году?..

В общем, тупик, стена. Жизни нет. Тюрьма, потом этап, потом зона. Уголовники – и «мусора», по речам и повадкам неотличимые от уголовников... Карантин, проверки, столовки, обеды, ужины, зарядки, шмоны, тоска, скука, убожество быта, мерзкие эти «дальняки» вместо унитазов... Суки!.. Будьте вы прокляты! – и те, кто опять загнал во всё это, и те, кто уже ждет там, в бараке, чтобы начать глумиться и вымогать!.. Как же нелепо всё это вышло, господи... За что? За что??? Нет ответа...

25.7.13., 9-й час вечера (после ужина)

Прошло немногим больше суток – и вот всё это уже кажется каким-то незначительным эпизодом. А ведь сколько я потратил на это нервов, к чему только ни готовился, – к переезду обратно на старый корпус, к тасканию в двух руках вещей, к лежанию на полу в карцере, чуть ли не к смерти...

Два дня подряд – 22-го и 23-го – опер приносил пустые письма от Майсурына. Точнее, в конвертах были сами письма – №22 и 23, – а вот а вот распечатки из интернета, по 19 листов оба раза, специально упомянутые и перечисленные в самом тексте письма – отсутствовали. Ну да, опер же мне уже сказал, когда отдавал письмо №20 у себя в кабинете, что, мол, решено больше распечатки мне не пропускать...

Получил пустое 22-е – и сразу же хотел в ответ объявить сухую голодовку, чтобы отдали. Сосед-быдлак посоветовал сперва написать заявление о вызове к начальнику на беседу, и уже там, если он упрется и не захочет отдать, – вручить ему заранее заготовленное заявление о голодовке. Я так и сделал, заранее написал в заявлении про пустое письмо №23 и чтобы отдали остальные, – но не вызвали! Напрасно ждал всё утро, но потом, когда днем вместе с мразью Абоевым (приходящим теперь ежедневно) появился и Бородин, я успел черкнуть о предполагаемой голодовке пару строчек Мише Агафонову и матери. Бородин обещал прийти и на завтра – и я хотел через него сообщить об уже начавшейся голодовке как о факте, чтобы попало в СМИ (на «Грани.ру» хотя бы, уже неплохо).

Короче, 23-го не вызвали к начальнику, как я ждал, а вместо этого принесли еще одно пустое письмо – №22. Увидев это, я отбросил все пустые надежды на пустые разговоры с начальством и тут же написал заявление о голодовке, начинаемой с 24-го числа, чтобы отдать вечером 23-го. И вот именно про это 23-го же сказал Бородину и написал Мише.

Короче, 24-го, сразу после проверки (ранней на сей раз, – не было еще и десяти часов утра) открывается дверь и незнакомый молодой «мусор» говорит: пойдём, мол. Я спрашиваю, куда, и он, со второго раза, нехотя, но подтверждает мое предположение, что идем к начальнику.

Эти мрази заставили меня прождать на ногах в коридорчике, ведущем из следственных помещений вглубь здания, где я разговаривал с Хоревым (нач. тюрьмы) первый раз, в марте, больше двух часов! Почти сразу, как я пришел – оттуда стали выходить опера, видимо, после утреннего совещания с начальством, и среди них «наш», который тут же стал мне громко пенять, что, мол, еще за дурацкая голодовка!.. – из чего я заключил, что мое заявление о голодовке до них дошло и что я вызван именно по этому поводу.

После двух часов ожидания – наконец дверь открылась и меня пригласил внутрь тот самый хмырь, что больше всех песочил меня, сидя со всеми замами и Хоревым 12-го, когда на меня написали лживый донос, что я «нецензурно выражался», а потом он же приходил 13-го вместе с ОНК (Сорокиным). Он представился наконец-то, – оказалось, что он зам начальника по оперативной работе, а вовсе не по воспитательной, как я было предполагал.

Не две, а все три пачки распечаток (т.е. и из 21-го письма, которое само я так и не видел) я сразу же заметил лежащими у него на столе. Он тут же мягким, почти отеческим :) тоном начал со мной беседу. Сперва сказал, что это кто-то из сотрудников перестарался, проявил излишнюю бдительность, не отдав мне распечатки, и сразу обозначил, видимо, главную их болевую точку: чтобы эта история не вышла за пределы тюрьмы. Но голодовка политзаключенного – повод все-таки серьезный, и я честно сказал ему, что если я сейчас скажу адвокату, когда он придет, то вечером эта новость уже будет широко растиражирована в интернете, – и если он мне не отдаст распечатки, я это сделаю. Он отложил их в сторону и стал задавать мне вопросы. Сперва – сколько я уже сижу и как намерен строить отношения с руководством СИЗО (глупейший вопрос, – как будто это от меня зависит!..), потом – какие еще у меня есть претензии по быту. Я сказал ему и про так и не отданные мне книги, про которые он записывал, еще будучи у меня вместе с ОНК 11 дней назад, и про так и не отданные с 18-го числа (и до сих пор, до вечера 25-го!!!) лекарства, и про странную угрозу нашего опера – мимоходом – что, мол, меня могут закинуть обратно на старый корпус, – но по последней теме он ничего не знал.

Короче, он отдал мне распечатки и согласился, чтобы впредь их отдавали беспрепятственно. То бишь, я остался в рамках своей голодовки без завтрака

(и то – мог бы поесть сыру, за мной ведь никто не следил, но просто не лезло ничего, настолько мне было тошно и настолько я нервничал от ожидания мрачных перспектив), но к обеду вопрос уже разрешился. :) А тварь Бородин в этот день не пришел, – продолжай я голодовку, так не смог бы никак сообщить о ней на волю, попросить поддержки. Не знаю уж, насколько всерьез восприняла мое намерение мать, но, во всяком случае, как я тут и ЧТО со мной, ей пока что тоже не у кого, – представляю, как она нервничает, если успела узнать об этом моем намерении... Но, признаюсь честно, столь легкой победы в важном для меня вопросе я не ожидал, – и приятное ощущение, этакий триумф победителя в душе, не покидал меня не только весь день вчера, но даже и сегодня днем...

А так... всё по-прежнему. Та же камера, тот же сосед, те же деревья за окном. Та же мразь Абоев приходит теперь каждый будний день, приносит тома «дела». Сегодня он приволок уже последний том, девятый, начинающийся опять с моих текстов 2012 г., которые фигурируют в «обвинении». С каким наслаждением я перечитывал их – уже со спокойной душой, без позавчерашнего страха и нервов! – до самых пяти часов, когда «мусор» пришел и увел меня. Дальше – пролистал – там идут всякие справки, протоколы, справки из паспортных столов, из ПНД, мой старый приговор 2006 г., характеристика с места жительства и т.д. – куча подобных же вздорных бумаг. Думаю, чтение далеко не закончится и завтра, а займет еще как минимум понедельник-вторник следующей недели, последние дни июля, – особенно с учетом того, что мразь Абоев приходит далеко не с утра, приводят меня к нему еще позже, полчетвертого где-то, а завтра у «мусоров» тут вообще короткий день... :) И надо будет еще же поговорить с Бородиным, – он, сука, и не подумал прийти и сегодня, но, по словам мрази Абоева, обещал всё же прийти завтра...

«Суд», видимо, начнется в сентябре, и – думает сосед-быдлак – м.б., не раньше второй половины сентября.

27.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Вот и опять утро. Суббота. Никуда сегодня не вызовут, не повезут, слава богу. Опять на душе тоска, опять я почти не сплю ночью, – часа два-три, и всё, задолго до шести утра уже не могу заснуть. Не осталось уже никакого этого радостного подъема от этой моей недавней «победы», опять дикая тоска, особенно по утрам. Вели вчера к мрази Абоеву, на «следственный» (на самом деле административный) корпус – встретил нашего опера, вышедшего из своего кабинета. Тот – на мой вопрос – сказал, что новые электронные письма мне, конечно же, есть, но они, мол, сегодня «регистраются», так что он их мне принесет только в понедельник.

Надеюсь, ответить на них до ужина понедельника я успею, но все равно – я бы их перечитывал все выходные. Наверняка – там письма от Маглеванной и от Ольги Исаевой (Орлеаны) из Грузии, которые пишут мне регулярно; а вот от Мани и от Миши Агафонова – едва ли, хотя от них я жду уже давно и гораздо сильнее. ЧТО там может мне опять написать Маня про свой новоявленный средний род, и не на даче ли она вообще, как обычно в это время года и лета? Честно говоря, думаю о ней – и иногда мне опять, как зимой, хочется убить ее, эту тварь...

Тоска, тоска, тоска... Никому не нужен, кроме матери... Е.С. так и не пишет мне этим сроком, всего два, кажись, письма за восемь месяцев было от нее, и то одно – короткая записка, переданная через Бородина. Всё бессмысленно и пусто; какие-либо усилия в мою защиту предпринимать, очевидно, настолько бессмысленно и бесполезно, что никто их и не предпринимает. А из всех впечатлений 20-ти месяцев на воле, и из всех поездок за это время – к Мане в Питер, больше я ведь никуда и не ездил – вспоминается почему-то чаще всего поездка в конце августа, в сентябре 2011 года, как хмурым, тихим, безлюдным воскресным питерским утром я тащился к ней, уже по ее тогдашнему району (Лахте), изнемогая под тяжестью сумки с газетами (которые мне теперь и вменяют)... Тоскливо это теперь вспоминать, но это хотя бы было; а вот на озеро Нарочь, в белорусский санаторий, как хотела мать, мы с ней так и не поехали – ни летом 12-го, когда я искал эти санатории в интернете, ни летом 13-го... И теперь я уже вряд ли когда-нибудь туда попаду...

Да, кончена жизнь. Кончена, как я ни пытаюсь себя убеждать (под влиянием Орлеаны и Маглеванной как раз), что и в 50 лет может быть еще какая-то жизнь, и даже не такая плохая, если удастся уехать и получить убежище; и что уехать из этого Мордора хоть когда-нибудь, хоть и через десять лет – это вполне себе цель, ради которой можно жить в лагерном аду эти десять лет и терпеть там всё – шмоны, зарядки, проверки, глумление уголовников... Убеждаю себя, но получается это, увы, плохо, поверить в эту радужную перспективу отъезд – я никак не могу, – слишком уж нескоро это будет, если будет вообще, и слишком нереально это выглядит даже тогда – кто мне даст паспорт? Кто пропустит через границу?..

Да, вот чем всё кончилось, увы... В 20 лет я предполагал, что кончится жизнь плохо, но не ожидал, что ТАК, – лучше бы уж умереть, пусть и страшной смертью, чем сидеть в таких условиях столько лет. А близкие, мой круг, мое сообщество – без которого, по словам Майсурия, человек не может жить, и это правда, – где оно? Частью уже там, за кордоном, а из тех, кто остался здесь – единицы, те, кто в рассылке, относятся как к своему, к

другу, а остальные... Шехтман тот же, например... Да и Нестеренко... Мразь...

Прошла жизнь, прошла, увы... Только мучения, глумления, унижения впереди, долгие, бесконечные, – то ли десять лет, то ли восемь, но на мой век хватит. Плачет душа... Лучше бы я сдох тогда, упав с окна, в 2006-м, раз, как выяснилось, даже покончить с собой, даже имея для этого все условия, я не способен... Тоска. Отчаяние. Будь я проклят...

28.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Опять утро, опять тюрьма. Воскресенье... Дикая, невыносимая тоска – просыпаться здесь, в тюрьме, каждое утро... 3582 дня осталось – да, я опять начал считать дни – до 19 мая 2023 года, исходя из десяти с половиной лет срока. Надеюсь, в реальности дадут хоть немного поменьше. Доживу ли я когда-нибудь до того, чтобы вот так же просыпаться – в шесть, семь, восемь утра, в эти же первые осмысленные часы будущего дня – уже не в тюрьме, а на воле? Пусть в самых плохих условиях, пусть всё у меня там будет ужасно, но – один, на воле, чтобы мог делать, что хочу и идти, куда хочу? Доживу ли я?.. Да, жить только будущим, как пишет мне Ольга Исаева (Орлеана), как и сама жила она здесь... Выжить, чтобы уехать, – вот и всё, на что мне тут остаётся надеяться, о чем мечтать... Пропускать мимо, не замечая, все издевательства солагерников и начальства, не видеть и не слышать ничего, плевать на их угрозы, стараться только, по возможности, сохранить хоть остатки здоровья, ну и саму жизнь, конечно, – и дожить, и свалить отсюда!.. Будь она проклята, эта страна ублюдков!.. Может быть, суждено мне еще дожить хоть остаток жизни в комфортных, человеческих условиях, – как компенсация, как воздаяние за всё пережитое, и даже найти там еще какой-то смысл жизни, заняться опять любимым делом – войной против этой проклятой империи... Может быть... Просыпаешься здесь – и такая тоска, и полная безнадега; только радио долбит и долбит: «всё будет хорошо», «звёздное лето» и т.д. Как будто нарочно, чтобы подразнить, чтобы нагнать посильнее тоску... И каждое утро, проснувшись, полежав, встав, я напоминаю себе всё вот это: дожить, чтобы уехать, – вот цель, вот твоя перспектива. Тем сроком у меня такого, настолько ясной и четкой цели не было, – я лишь вспоминал, сколько дней осталось, и с тоской думал, что должно же это всё когда-нибудь кончиться... Теперь есть более четкая, осмысленная цель, есть уже приличный опыт жизни здесь, в этой стране, – и я понимаю, почему старик Дрюбин, видимо, так ненавидел ее в душе, никому это не высказывая. Долгий опыт жизни в России приводит только к лютой, не выразимой словами ненависти к этой стране ублюдков, мрази и быдла, стране, в которой жизнь приличного человека во все времена – это в самом лучшем случае мучения и унижения, а в худшем – вот как у меня.

Быдло счастливо, довольно, пьяно и «любит Россию»; приличный человек к середине жизни уже не может ее не ненавидеть, эту страну мрази и унижений, и – порой, увы, поздно, как я – осознаёт, что из нее надо уезжать, что жалко тратить свою единственную жизнь на выживание, на борьбу за всё то, что в нормальных странах не вызывает ни малейших затруднений...

30.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

Всё ужасно, всё отвратительно. 3580 дней осталось, если исходить из максимального срока – десять с половиной лет... Ублюдок опер так и не принес вчера письма, обещанные еще в пятницу (вчера был уже понедельник). Зато – пришел адвокат Бородин, пробыл не больше получаса (даже меньше, наверное), под самый конец, когда уже часа полтора я сидел и читал «дело», девятый том, в последнем, как всегда, кабинете «следственного»; принес письмо от Миши Агафонова. Миша написал, что Маня, оказывается, тоже получала на какие-то свои электронные письма (когда и сколько – он не написал, к сожалению) отчеты, что письмо мне доставлено, – а потом, из моих писем другим, видимо, понимала, что письмо до меня не дошло.

Как бы к Мане ни относиться – но это стало для меня ударом, причем весьма чувствительным. И, главное, совершенно непонятно, что же делать, как с этим явлением бороться, кому жаловаться, у кого требовать. Паша Люзаков тоже передал в этом мишином письме (тот прямо его процитировал), что его письмо до меня не дошло, – значит, видимо, он посылал сам, не знаю только, электронное или бумажное, – и совершенно непонятно, дошел ли до него мой ответ, пересланный через Онежскую, чтобы Майсурян отсканировал и отправил ему по электронной почте. Непонятно, что делать, как с этим бороться, – даже голодовку можно объявить, если ты точно знаешь, что что-то пришло и тебе официально отказались отдавать. А тут – я знаю всё только со слов Миши, официальная же тюремная мразь в камуфляже – хранит на этот счет глухое молчание. Если опер или кто-то другой не принесут хотя бы от Маглеванной и Ольги Исаевой электронные письма – придется начать опять писать ему с сегодняшнего вечера заявления о вызове...

Миша, правда, написал еще, что мое заявление в поддержку отмены Докой Умаровым моратория на атаки на территории Русни и срыва сочинской олимпиады на КЦ так было опубликовано, – уже хорошо! Но – как-то странно опубликовано: хотя по моей просьбе им скидывался полный текст, они опубликовали только часть со ссылкой на мой блог на LJR, – мол, полный текст можно прочитать там. Боятся подстав и провокаций, что ли? Не доверяют людям, которые им это скидывают? Конечно, со ссылкой, что,

мол, это выложено в сеть, опубликовать легче, ответственности меньше. Тем паче, что им в 2012 г. уже тыкали в лицо, что, мол, я с моим атеизмом, либертарианством и поддержкой ЛГБТ стал фактическим идеологом КЦ. :))) Ну что ж, хоть так, – но тогда на все будущие годы, получается, в своих публикациях там я завишу от попадания материалов сперва в мой блог, от Мани, от ребят...

Пришел с чтения «дела» – а тут, оказалось, таки поменяли наконец библиотечные книги! Событие, черт возьми, – эти суки меняют их фактически не чаще раза в месяц, хотя официально считается, что раз в две недели. И – о чудо! – попались мне в этой новой партии «Поющие в терновнике», которых давно хотел прочесть, да никак не мог добраться. 600 страниц, – надеюсь, что на ближайшие дни занятие на весь день и спасение от тоски и грустных мыслей обеспечено.

Хреново еще, что постоянно болит зуб – уже с другой стороны, справа сверху, как раз один из тех, которыми я постоянно ем. Особенно расхочется к вечеру, как обычно. Вчера не болел с утра, но потом начал; даже читая «дело», я чувствовал его временами; вечером, за книгами и новостями о КЦ и пр. – совсем не болел, но вот сегодня, будто наверстывая упущенное, заныл практически с первых же минут, как я проснулся. Я всё жду, оттягиваю, чтобы принять две таблетки кеторола только тогда, когда боль станет уж совсем невыносимой. Надеюсь, что две таблетки кеторола убьют эту боль сразу и надолго, как было в мае. А уж если нет, если боль разыграется всерьез и надолго – я просто не знаю, что делать...

Что ж, «знакомство с делом» подходит к концу. Сегодня, по всей вероятности, я дочитаю, последний, девятый том, мразь Абоев должен опять принести его после обеда. В четверг, 1-го августа – опять ехать к нему (надеюсь, что уж точно последний раз), смотреть «вещдоки» и подписывать «217-ю» (статью УПК). Всё, дело будет закрыто, отправлено прокурорам, а потом – в «суд». Почти два месяца, с четвертого июня, когда эта мразота настаивала, чтобы мы всё подписали, а потом бы уже знакомились, удалось протянуть. Август, очень надеюсь, пройдет спокойно, а потом, в сентябре, начнется «суд». Закатают если и не на десять лет, то наверняка на восемь, не меньше; на семь я уже не надеюсь, а считать дни предпочитаю, исходя из максимума – десять с половиной...

Вчера, оказалось, был последний понедельник месяца, когда закрыт тюремный ларек. Так что мать не вчера, как я думал, а сегодня (по словам Бородина) поедет записываться на свиданку. Что ж, это даже и лучше: на следующий день в два-три часа дня, когда принесут всё «горячее», готовящееся прямо здесь, – я буду на месте, не надо будет бежать к мрази

Абоеву, как вчера и сегодня, так что хоть удастся спокойно и со вкусом поесть...

9-й час вечера (после ужина)

Ну что ж... Утром, на проверке, приперся-таки ублюдок опер, отдал мне письма – от Майсурия №21 С РАСПЕЧАТКАМИ!!! (а что же тогда мне отдали в третьей пачке распечаток без письма, 24-го июля?!); письма электронные – от Лены Маглеванной, написанное всего лишь 28-го, в воскресенье, и от Ольги Исаевой, где она извиняется за поздний ответ. Видимо, в пятницу не было здесь еще этих писем, было что-то другое, когда опер мне сказал, что письма есть, – видимо, вот это прошлое 21-е письмо от Майсурия. Хотя нет, на его штемпеле местной почты стоит: 10.07.13.

Ну да ладно. Мразь Абоев приперся – еще и двух не было, меня выдернули еще до обеда (а сосед сказал потом, что ши, которые он мне, с моего разрешения, брать не стал, были вполне съедобны). Дочитал я его девятый том, теперь только съездить к нему на Яблочкова в четверг, первого августа, в последний раз – и всё, «дело» закрыто, остаётся ждать «суда»...

Пришел оттуда – был всего лишь пятый час вечера, как потом оказалось, – и тут вдруг открывается дверь и входит... Каретникова с «мусорами»! Я, честно говоря, раньше середины августа ее не ждал, вроде и обрадовался – хорошо, что не забывает, заходит, это обеспечено мне моим статусом политзэка, – но в то же время, а что толку-то с нее? Защищать по сути моего дела она меня не желает, а по условиям содержания в СИЗО, – для меня это не главное. Напомнила она мне наконец-то (давно хотела, знаю по майсурияновским распечаткам из ее ЖЖ), как я в интернете, в своем ЖЖ, отзывался нехорошо про нее саму и ее щенка-дружка Гуковского (юную мразь), – это когда они, особенно Гуковский, в твиттере писали, что я псих и что они требуют снять меня с выборов в «КС оппозиции», а потом радостно присоединялись к решению о снятии. И совсем уж она изменилась в лице, когда я сказал, что хотел бы сказать и всем ее коллегам и единомышленникам, носящимся, как дурак с писаной торбой, с той цитатой из некролога Масхадову 2005 года: что, думал, они умнее, а ума-то им, видимо, не хватает (а м.б., и совести, но, увы, этого я ей не сказал); и вообще, у меня довольно много написано и после 2005 г., а сейчас инкриминируются только тексты 2011-12 гг., почитали хотя бы их, что ли. Сказала в ответ, что много меня читала... но и всё, так эта тема про мое публицистическое наследие и осталась нераскрытой. Еще, правда, на мое упоминание о Корбе сказала она, что, мол, Корб считает, что за слова вообще сажать нельзя, потому и взялся меня так активно защищать, а она, Каретникова, мол, считает, что за слова сажать можно... Дерьмо, короче; и я

жалею, что так расхвалил ее весной в открытом письме в их КС. Самое же главное – я высказал ей то, что хотел сказать еще в прошлый ее приход, 14-го июня, да не дошла речь: фактически, они – их «оппозиция» и «правозащита» – принесли меня в жертву. И видел, как она нервно дернулась, услышав это...

Каретникова, Холмогорова, Шехтман, Нестеренко... Спасибо Майсуряну за мою осведомленность здесь, в узилище, об их интернет-дискуссиях по поводу меня (хотя Майсурян и сам не ангел, конечно, как явствует из его 21-го письма). Была не раз у меня мысль – написать им всем, всей их кожде, вечно цитирующим одну и ту же цитату из некролога Масхадову, как-то обратиться к ним ко всем сразу, посоветовать, опять же, быть поумнее, полюбопытнее, почитать у меня еще хоть что-нибудь... Нестеренко, конечно, несмотря на сходство его мнения обо мне с каретниковыми и шехтманами, для меня стоит совершенно отдельно от них всех, от этой имперской «оппозиции». Но, поразмыслив, твердо решил я не писать никому и ничего. Не стоит унижаться перед дерьмом, метать бисер перед свиньями. Мне не в чем оправдываться перед этими тварями, генетическими холопами (прежде всего – холопами своих предрассудков и всей своей рабской наследственности), мечтающими отправить Путина «в отставку» (а не в могилу) и устроить тут, в империи, «демократию», причем, конечно же, только для себя, ибо привычную тут борьбу с «терроризмом», «экстремизмом» и «сепаратизмом» они отменять вовсе не собираются. В чем, собственно, их разногласия с Путиным, понять очень трудно, кроме одного: им просто очень хочется занять его место. Эти ублюдки останутся навеки тут, по сю сторону черты, которую я перешел уже давным-давно, лет 15 назад, и о таких «правозащитниках», сохраняющих глухое молчание по поводу дел типа моего, еще в первые дни после моего ареста точнее всех написал на своих «Контурах» Николай Храмов: это не правозащитники, а «мелкие гошефтмахеры околополитического свойства». Точнее и не скажешь. Много чести, чтобы я, один из самых последовательных врагов этой империи, каялся или в чем-то оправдывался перед ее фактическими холоуями.

Еще из вопросов Каретниковой выяснилось, что, увы, Зоя Светова не получила мой ответ на ее июньское письмо, который я так усердно и с таким чувством писал тут 10-го июля, сидя один, когда быдлык ездил первый раз на «суд» и в результате весь день просидел на сборке. Так старался, подбирал выражения, обдумывал каждую фразу... :(Но, по крайней мере, Светова хоть узнает, что я ей отвечал, – хотя, естественно, ни в какую ее помощь и участие в моем деле, о чем и просил я ее в конце этого

пропавшего ответа, я не верю ни на грамм, независимо от того, доходят письма или нет...

Что ж, судьба моя решена и подписана, выхода и выбора нет никакого. Закатают сейчас на десять лет, ну на восемь... По словам Буковского, читавшего кучу документов ЦК КПСС, судьбы всех известных диссидентов всегда решало политбюро на своих заседаниях, – т.е., уровень принятия решений был самый наивысший в стране. А тут... Мою судьбу решили на уровне СВАО, – сперва центр «Э», окружной, на улице Вешних Вод, там же, где и УВД СВАО; а потом (и до сих пор) – «Бутырский МРСО», чтоб он сгорел!.. В этой вот ничтожности, заурядности, низости уровня принятия решений – залог моего проигрыша, мистическое, если хотите, объяснение всего этого казуса, происшедшего со мной. Еще можно как-то сорваться, если твою судьбу решают высшие в государстве силы; да и, черт возьми, это просто почетнее и гораздо более лестно, чем когда тебя отправляет на долгие годы в лагерь какая-то мелкая сошка, типа мрази Абоева, которой чужды любые материи из области высокой политики, а знает она лишь только то, на что ее натаскивали: хватать, тащить и не пущать, – да еще «законы», от сих до сих, как их наприимала эта советско-фашистская дума за 13 последних лет, и по которым просто высказать вслух свое мнение, да еще об их государстве, да еще сугубо отрицательное, – это страшнейшее преступление... Так что – увы, деваться некуда, и на ближайшие лет десять всё существование (жизнью это не назвать) сведется, видимо, лишь к одной неотступной мысли: выжить, пережить этот кошмар – и уехать, вырваться хоть когда-нибудь из этого ада, с этой большой зоны...

31.7.13., 8-й час утра (до завтрака)

И еще одна мелочь, которую забыл вчера. Пока я говорил с Каретниковой, это чмо Горбачев, зам. начальника тюрьмы, опять припершийся вместе с ОНК, подошел с какими-то разговорами к владимирскому быдляку, моему до сих пор единственному сокамерничку. И, как тот потом рассказал мне, он задал Горбачеву вопрос и насчет моих книг, так до сих пор мне и не принесенных, уже второй месяц, после того, как их передал Миша Агафонов. И Горбачев сказал ему то, чего почему-то упорно не говорил мне: оказывается, эти книги «по ошибке» отдали куда-то в другую камеру. Но – якобы – они, начальство тюрьмы, мне собираются не то вернуть, не то как-то «компенсировать» эти книги, – неясно, правда, как. Разве что сами, за свой счет, купят такие же...

И вот – опять утро, опять тюрьма, опять дикая тоска... Свет пока не горит, слава богу. Закатали меня на десять лет... 3579 дней осталось... за что? За что?!... Я понимаю, что не меня одного, что в этой проклятой стране просто

восстановилось в полном объеме то, что всегда здесь было, что опять тут «срок не укор, а доблесть», как написала мне Орлеана из Грузии... Но всё равно тошно, невыносимо тошно. Пропала жизнь, и никуда не деться, и теперь на много лет только одно дерьмо впереди, никакого просвета...

Господи, дай мне сдохнуть – тут, в этой тюрьме, просто заснуть – и не проснуться...

АВГУСТ 2013

1.8.13., 8-й час утра (до завтрака)

Август... Будь всё проклято!.. Будь всё проклято!.. Будь всё проклято!.. И эта страна, и эта нелепая жизнь, и я сам – жалкий, несчастный неудачник... Нет слов описать, как тошно просыпаться в тюрьме с мыслью о том, что скоро – уже зимой, ну в самом крайнем случае весной – предстоит просыпаться в лагере, среди идиотов и подонков, недочеловеков-уголовников – и, дрожа от мороза, выползая на зарядку и в столовку... И так – десять лет, ну, может, восемь, – не слишком-то большая скидка... 3578 дней осталось...

Как же это всё вышло, как вот так вот нелепо, ни за понюх пропала моя жизнь, на что я потратил ее и почему нельзя уже ровным счетом ничего исправить в нынешней жуткой ситуации?.. Одни и те же, одни и те же мучительные, жгущие душу вопросы каждое утро, еще в постели, – и нет на них ответа... Кто так испоганил, испакостил, безнадежно сломал мою жизнь?.. И тем сроком, помню, я писал об этом в дневнике, тоже пытался это понять, – и так и не понял, а жизнь-то лучше не стала, она сломана, бессмысленна, она ничего не дала мне, никаких результатов, ничего я не нажил к исходу четвертого десятка лет, – и вот теперь впереди одно дерьмо, одно сплошное дерьмо!.. :(((Шмоны, ходьба строем, подъемы, зарядки, проверки, столовки, каптерки, блатные и «козлы», устанавливающие мне правила и норовящие мной командовать... Больше всего я хотел бы умереть, но – увы! – мне не дано и это, я неспособен по своему ничтожеству даже на суицид... А мантра «выжить, пережить всё это – и уехать» – увы, мало помогает: уж слишком долго, слишком мучительно придется всё это переживать...

Событие вчерашнего дня – опер, что принес письмо (электронное) от Миши Рахманова, с которым сидели мы в Буреполоме, а до того – познакомились – на «пятерке». Письмо короткое, он подбадривает, советует крепиться, «бороться до самого последнего» :) – и говорит мне, как и Корб, чтобы я занимался творчеством и что я могу, мол, не одну книгу написать, пока сижу (по крайней мере, я так понял, что пока сижу). О чем, интересно?.. :) Не говоря уж о том, чтобы всё-таки издать те, что уже есть – публицистика, дневник и стихи. При этом мразь опер, прежде чем отдать письмо, в своей идиотской клоунской манере долго возмущался, почему, мол, я «жалуюсь» на них, на тюрьму, – оказалось, мой разговор накануне с ОНК возымел-таки действие. Сказал еще, что у них лежит и очередное письмо от Майсурияна – 24-е, видимо, но оно «регистрируется», так что принесет он его только завтра (т.е. сегодня). Что ж, ждем-с...

А сегодня, еще до обеда, повезут, скорее всего, опять к мрази Абоеву – надеюсь, уже последний раз в моей жизни – смотреть «вещдоки» и «подписывать 217-ю». Будь ты проклята, страна уродов и мрази, уничтожившая, в дерьмо втоптавшая мою жизнь!.. Страна, где за слова, за высказанное мнение мне грозят теперь годы заключения в дерьме... Я сжег бы всю эту страну напалмом, со всем этим быдлом, которое тут живет и терпит всё это, и предано своим кровавым вождям, и одобряет, и поддерживает такие порядки, – сжег бы, будь у меня малейшая возможность... Сегодня опять до вечера, если не до ночи, придется сидеть на сборке... Нелепо, тупо, безумно, бессмысленно, – и никакого выхода нет, ровно ничего сделать нельзя, никак вырваться из этих клещей: до 10,5 лет лагерей по трем (!) статьям их «уголовного кодекса» за СЛОВА! За взгляды, мысли и мнения, высказанные вслух!.. Мрази, ублюдки, убийцы в мундирах и мантиях, растоптавшие мою жизнь, – будьте вы прокляты!!!...

2.8.13., 8-й час утра (до завтрака)

Что ж, ездили вчера, как я и ждал, почти весь день ушел на это, но – «дело» так и не закрыли, вопреки ожиданию. Сперва одного уголовного хмыря возили в бибиревский мусориат, потом другого – в мировой «суд» там же, на Пришвина, а уж только потом поехали на Яблочкова, – и всё равно адвоката пришлось еще ждать, хотя вроде они договаривались в последнюю встречу здесь, в тюрьме, на два часа дня. Адвокат посмотрел всю «Радикальную политику» за все прежние годы, за 2011-12 отксерил себе (ту, что мне инкриминируется), потом мразь Абоев достал ему из запечатанной коробки мой комп – и стал показывать там папки с «РП», со статьями и т.д. Заняло всё это довольно много времени, а до подписания «217-й» еще дело не дошло, и конвойные «мусора» уже нервничали – скоро ли, мол, поедем, у нас, мол, там (в машине) еще два человека сидят, без обеда и без ужина. Заботливые какие, надо же!.. Бородин же, в ответ на предложение мрази Абоева – пусть, мол, меня увозят, а он останется и сам подпишет эту «217-ю», т.к. я-то всё равно ничего не подписываю, – замахал руками: мол, он будет что-либо подписывать только в моем присутствии и консультируясь со мной, но это займет еще час-два. Так что решили – они с мразью Абоевым во вторник, 6-го августа, сами приедут ко мне в тюрьму и уж тогда всё подпишут. Таким образом, 34 дня будут отсчитываться даже не с 1-го августа, как я думал, а с 6-го и я очень надеюсь, что раньше 10-го числа «суд» надо мной точно не начнется, а хотелось бы и не раньше 15-го, по крайней мере. В понедельник же, 5-го, в девять утра, как сообщил Бородин, предстоит свиданка с матерью.

После проверки вчера, еще до моего отъезда, опер принес уже 25-е письмо

от Майсурияна, и я, прочтя его, хватился – а где же 24-е?! Приезжаю вечером, где-то пол-одиннадцатого поднимают в «хату» – и на шконке лежат письма! Беру – вот оно, 24-е письмо, но без распечаток, опять пустое!! Возмущению моему не было предела, – неужели опять голодовку придется объявлять?! – но потом я вдруг сообразил. 52 страницы приложений, указанные в письме – это же и есть та третья пачка распечаток, врученная мне Горбачевым 24-го июля, вместо двух, которые я ждал. Там и было – две по 19 листов, как указано в 23-м и 22-м письмах, а одна – в 26 листов – непонятно откуда, и я подумал, что из 21-го письма, тоже на тот момент мне не врученного. А оказалось, что из 24-го, и что 24-е письмо у них было уже тогда, 24-го или 23-го даже июля, – но мне его принесли почему-то только 1-го августа!..

Маня же, кроме всего прочего, написала, что Герасимов не получал никакого моего письма для передачи ей. Так окончательно подтвердился мой вывод, что мои собственные письма с конца июня и весь июль, видимо, не уходили отсюда вообще, а просто где-то тут, в тюрьме, валяются до сих пор. Матери, Световой, теперь вот Герасимову... Майсуриян, кстати, тоже написал, что 17-го июля моего письма к Люзакову на Онежской еще нет, – не помню, когда точно оно отправлено, надо будет посмотреть – и, видимо, писать заявление начальнику с требованием ознакомить меня с их журналом входящей и исходящей почты. Бабушкин в своем последнем справочнике для эков, читанном мною еще зимой на старом корпусе, писал, что такое право у з/к есть, только вот, к сожалению, не помню, на какие их «законы» он при этом ссылался.

Что ж, значит – передышка, числа до 10-го сентября. И то хорошо, конечно, – сидеть спокойно в камере, никуда уже не ездить, ждать «суда».. А потом, увы, десять лет намотают мне эти «присяжные», тут и к гадалке не надо ходить. 3577 дней остается мне до мая 23-го, до конца максимального срока. Сколько-то останется после «суда»?.. Между прочим, поразили меня вчера две новости. Первая – в 25-м письме Майсурияна между всем прочим упоминалось, что Верховный «суд» по апелляции Квачкова снизил ему срок с 13 лет до 8 – аж на целых пять (!) лет. А пока ездили вчера, в новостях «Дорожного радио» в машине я услышал, что Илью Фарбера тверской «суд» (в Твери, то бишь) «осудил» опять – и вместо прежних восьми лет впаил семь и один месяц. Тоже ни за что, разумеется, без всякой вины, – но два случая – это ведь уже тенденция, однако...

3.8.13., утро (до завтрака)

Днем вчера, после обеда (а не к ночи, как тут это обычно бывает) закинули всё же к нам в камеру какого-то хмыря. Сказал он, что только что с карантина, свеженький, поймали его 28 или 29 июля за квартирные кражи,

пытались, кроме его собственных краж, навесить еще и чужие, и т.п., так что он всем этим сильно удручен и почти ни о чем другом не мог вчера говорить. К тому же – видимо, наркоман, глушенный какой-то, двигается и говорит в явно замедленном темпе, речь настолько неразборчивая, что приходится по несколько раз переспрашивать, чтобы понять, ЧТО он там бормочет. Короче, будь ты неладен! – так хорошо, так спокойно было вдвоем, и вот... :(Одна надежда: увидев, что тут нет ни телевизора, ни телефона, он сильно огорчился, – мол, и скучно, с ума сойду, и позвонить надо обязательно подельнику, отпущенному под подписку, узнать, какие он дал показания, и т.д. – и, по совету хитрого владимирского быдляка, он, хотя и был уже вечер пятницы, стал через домофон просить дежурного на этаже «мусора», чтобы тот отвел его к оперу, либо вызвал того сюда, – на предмет перевода в «красную хату» на старый корпус. Два раза обращался через домофон, в ужин пытался отдать заявление, но «мусор» не взял, сказав, что оперу и так уже звонили и сообщили. Опер, однако же, как и следовало ожидать, не появился и едва ли появится до понедельника, так что с этой новоявленной чумой придется тут жить минимум все выходные, если не дольше... Ни малейшей симпатии не вызывает этот новый постоялец, – вот уже почти 41 год ему, жил на Мурановской, как и я, только на другой, четной, стороне, сидел до этого один раз – и не в зоне, а в хозотряде на пятом центре, в 2009-10, что ли, годах, когда меня там уже не было...

С самого вчерашнего утра – еще одна напасть: радио в камере, единственный источник времени (самое главное!) и новостей, почему-то включили так тихо, что его практически перестало быть слышно. И так-то за шумом воды в соседских «дальняках» его слышно не было, только в полной тишине, – а тут и в тишине уже, даже стоя прямо под ним, ничего не разобрать, еле-еле слышный звук. По нему я и вставал, и вообще – привык уже ориентироваться во времени, а теперь вот даже не могу, как когда-то зимой, написать в начале этой записи точнее: 8-й ли час утра, или уже 9-й...

Опять утро, опять тоска, бессмыслица, тюрьма... Господи, зачем я родился?!. И как мне теперь пережить всё это, эти долгие, нескончаемые 3576 дней еще в неволе?..

4.8.13., 8-й (?) час утра (до завтрака)

Воскресенье. Опять утро, опять тюрьма... Боже, за что, за что?!... Тошно, невыносимо, нестерпимо тошно...

Пара небольших событий за вчерашний день. Перед обедом вдруг погнали на «флюшку» – собрали целую толпу почти со всех камер «пятерок», меня вывели к ним последнего – и всех повели на

административный корпус, – туда, где проходили медосмотр, только приехав в тюрьму. А вечером, после ужина, зашел разговор о сроках поселка, ну и УДО тоже, для этого вот дятла, накануне к нам закинутого; владимирский быдляк попросил у меня УК, полез в него смотреть, я за ним – и вдруг в 79-й статье обнаружил совершенно чудное: по ст. 205, 205.1, 205.2 (т.е. по моей) и 210, как и по статьям о «посягательстве на половую неприкосновенность несовершеннолетних» (номера не указаны) УДО – по ? срока! Ну и подонки, я аж удивился – хотя меня трудно уже в этой стране удивить. «Закон» у них тут всегда был «что дышло», и ссылались они на закон только в тех случаях, когда им это выгодно (а последнее время только такие «законы» они и штампуют), но при этом еще и такие лакуны своеобразные в их «законе», места, где он как бы вообще не действует, – и 205-я статья, видите ли, просто волевым решением изъята из подсудности присяжных, да еще по ней, вместе с сопутствующими, УДО только по 3/4, хотя вообще-то по 205.2, как по просто, даже не особо «тяжкой», оно должно быть по половине срока. То бишь, Санникова и Рома Качанов этим моим сроком будут избавлены от необходимости заниматься моим УДО, и даже в последнюю четверть срока, естественно, я не надеюсь, что кто-то отпустит меня по УДО, – опыта прошлого срока мне вполне достаточно...

Дятел же этот, заселенный сюда позавчера, раздражает меня всё больше, прямо бесит одним своим видом, своими дурацкими невнятными разговорами (постоянно приходится переспрашивать) и т.д. Целый день он валяется на шконке, но не спит, только лазит вниз курить то и дело. Писал вчера письмо домой – мне пришлось дать ему сперва двойной тетрадный лист, потом еще и конверт (хорошо, хоть ручку ему дал быдляк). Очень интересуется ассортиментом ларька, нашел вчера прайс и долго изучал его, говоря, что всю баланду можно есть с майонезом, а вот каши – со сгущенкой... Вчера утром дрых до завтрака, сейчас вот – вскочил почти следом за мной, но, слава богу, опять улегся. По ночам, зараза, долго не засыпает, вчера слез со шконки, когда я ужинал, вперся за стол, начал сворачивать себе самокрутку, курить, бродить по камере, жрать яблоко... «Очарованный» – назвал его вчера быдляк, это ходовое у эков обозначение тех, кто не в себе. Для этого хмыря оно как раз очень подходит. В общем, жду не дождусь, хоть бы в понедельник он дозволялся-таки опера и тот его перевел отсюда. И так тошно, даже вдвоем с быдляком было тошно от мыслей о сроке, но когда еще и быт здесь нарушается такими вот типами, то становится тошно втрое... :(((

5.8.13., день (после обеда)

Четвертый день уже практически не работает в камере радио, – так тихо,

что его совершенно не слышно, так что даже это раз в час сообщаемое вместе с новостями время теперь неизвестно, можно только догадываться. Была сегодня утром свиданка, на которую еще вчера днем меня «заказали» на СЕМЬ (!) утра, хотя обычно «заказывают» на восемь. В итоге лишний час пришлось целиком просидеть в кабинке для свиданок, запертым, ожидая, когда же начнется. Мать, как всегда, ничего толком не знала (Майсурян ей сказал по телефону, что про меня появилась статья на «Чеченпресс», но чья – разумеется, ей даже в голову не пришло его спросить), так что особого удовольствия она (свиданка) мне не доставила, да и закончилась очень уж быстро; разве что про ларек поговорили – чего и сколько заказать. Но совершенно испорчено настроение было уже после свиданки. Мало того, что почти два часа, как всегда, просидел в отстойнике наверху, там, где водят к адвокатам, в первой кабинке от входа, в которую всегда сажусь. Туда, как обычно, после 11 утра стали приводить тех, к кому пришли адвокаты, и я услышал, как кто-то из них, только войдя в первую дверь, еще вне решетки самого отстойника, громко назвал мое имя. Понятно, что ничего хорошего ждать не приходилось; у меня мелькнула мысль, что, м.б., это тот отрядненский наркоша, что сидит сейчас в 410-й. Но нет, оказалось хуже: это был тот волгоградский ублюдок, засранец, который избил меня тогда, 11 марта, в 408-й и из-за которого я и оказался на новом корпусе. Честно говоря, я не раз вспоминал о нем тут – и думал, что уж сейчас-то его точно здесь нет, увезли уже в зону, – он ведь говорил зимой, что к началу апреля его должны осудить, ну еще пару месяцев на кассацию, а уже все-таки август. Но нет – эта мразь оказалась здесь, не только без прежней бороды, но и с наголо бритой башкой, так что не обратись он – я бы и не узнал. Я думал в первую секунду – он опять кинется на меня, как тогда. М.б., он и хотел кинуться, но в отстойнике было еще несколько человек, которые могли при виде избиения не промолчать так, как промолчал тогда в 408-й тот ублюдок, остававшийся третьим... Так что это чмо просто стало спрашивать меня, где я сейчас сижу, в какой камере (я сказал, что на новом корпусе, но камеру называть отказался), а потом – что это, мол, ты про меня пишешь?!. Я, честно говоря, никак не ожидал, что опубликование мной тогда же, в день избиения, его фамилии станет известно ему самому. Интересно, откуда? Вариантов несколько: от жены (после того, как он обзавелся новым телефоном вместо изъятого в тот день на шмоне в 408-й), от подельника (или тоже по телефону, или когда вместе ездили на «суд»; но – подельнику-то откуда знать?), от друзей на воле (тоже когда появился телефон), от адвоката (но зачем ему рыться в инете в поисках упоминаний о человеке, никогда за 40 лет жизни нигде не упоминавшегося?), или же – от тюремного

начальства, в первые же дни после избиения. Последний вариант мне кажется самым вероятным – но спрашивать ни о чем эту мразь я, разумеется, не стал, общаться с ней у меня не было ни малейшего желания. Мразь, кстати, только увидев меня, самым первым задала совершенно идиотский вопрос: ну что, тебя не отпустили? Непонятно, с какой стати он думал, что меня должны отпустить. Под конец он еще спросил, как бы размышляя : вот, мол, и не отпускают тебя, и «судить» не начали... Чмошник-«мусор» (или это была баба?), ведший нас со свиданки в этот отстойник и посадивший меня за эту решетку, вместе со всеми уголовниками, конечно же, не имел при себе моей (тюремной) карточки и не знал, что в ней прописана «изоляция» - как раз от этого вот подонка, так что кончиться всё это могло для меня плачевно...

Пришел в камеру – всё спокойно; не спрашивая даже, я понял по каким-то недомолвкам соседей, что этого новоявленного дятла, домушника, 2-го августа закинутого к нам и столь активно рвавшегося к оперу, опер еще не вызывал. Этот урод, надо сказать, колобродил всю ночь, – практически не спал, лазил то и дело на шконку и обратно, ворочался, то обматывал башку мокрым полотенцем – типа, голова болит, – то вешал его сушиться, то опять мочил; он не спал сам и своими метаниями и мотаниями по камере не давал спать мне, весьма чувствительному к таким помехам; а если еще учесть, что по радио теперь время не определишь даже ночью, в тишине (разве что сам факт его включения, – значит, полшестого утра уже есть; а в шесть включили свет), и что я старался не пропустить семь утра, – ночь, короче, выдалась очень веселая, я не мог уже дожидаться, когда же меня уведут...

Дятла этого домушного (сразу, как написал это, вспомнился мне тот тоскливый дятел в Буреполоме, на восьмом бараке, в последнюю зиму перед освобождением. Этот, кстати, не только наркоманом стал в 40 лет, но, как сам рассказал, до этого когда-то еще и пил запоями) опер таки вызвал только после обеда. Я уж надеялся, что он не вернется, – просто откажется наотрез сюда возвращаться, как советовал ему на днях владимирский быдляр; но нет, вернулся, и очень быстро. :(Оказалось, он «попал»: одна из ограбленных им тут же, в Бибиреве, на улице Коненкова квартир была прокурорской (чьей конкретно, опер ему вроде бы не назвал), из-за чего у него теперь и могут быть проблемы даже на тюрьме (типа, к нам засунули, чтобы жизнь медом не казалась, что ли? :). Кроме этого, дятел мимоходом сообщил и самое главное: вроде бы опер обещал его опять вызвать в среду и перевести. Почему не прямо сегодня – черт его знает, и я сильно сомневаюсь, что он выполнит это свое обещание.

Потом ему принесли еще и ларек! Этого уж никак я не ожидал!.. Одну нарезку сыра, пару колбас, две пачки чая – россыпью и пакетного, такого же, как мать брала мне, по 100 пакетов; пару пачек сгущенки, м.б., еще какую-то мелочь – и резиновые тапки, как тут у всех. Эта нечисть, по ее же собственным словам, всё из дома продавая, чтобы покупать наркоту, будет, оказывается, хорошо питаться в тюрьме, вы подумайте!.. :) Собственно, уже понятно, что этот небольшой заказ она схавает очень быстро, интересно другое: насколько часто ей их будут делать. Не думаю, что каждую неделю, как мне. Такие твари должныдохнуть,дохнуть идохнуть, хотя бы и с голоду. Самое же смешное другое: ему не заказали в ларьке курить!!! :)))))) А как раз вчера к вечеру у них с быдляком окончательно и непоправимо кончилось курево!.. :))))

Что ж, завтра в два должны прийти мразь Абоев и Бородин (который сегодня это подтвердил матери по телефону, как и обещал) – закрывать «дело», подписывать «217-ю» и т.д. Потом – 34 дня ожидания, и – всё... Собственно, и сейчас я уже в загробном мире, без всякой надежды вырваться из него, и больше, чем оставшиеся мне на сегодня 3574 дня, никакой их «суд» уже не сможет мне намотать...

Письмо мое от конца июня до матери так и не дошло, и сегодня она кинула мне письмецо прямо в ящик в тюремном магазине, как делала уже не раз. Ответ на него будет своеобразным тестом: доходят ли до адресатов мои письма из этой тюрьмы СЕЙЧАС, в августе 2013-го...

Дятел-домушник этот, надо сказать, мешает мне в камере довольно сильно, особенно, так сказать, психологически. Постоянно сокрушаясь – то вслух, то про себя – о своем будущем сроке (не больше шести лет по ст.158 ч.3), он не спит ни ночью, ни днем, и даже отвернувшись к стенке практически не лежит, – если вдруг и отвернется, то на считанные секунды какие-то, и тотчас поворачивается обратно, в мою сторону. Если даже он и не тарашится на меня в упор, как мне поначалу казалось, то всё равно его вечная развёрнутость мордой в эту сторону мне достаточно неприятна...

6.8.13., вечер (после ужина)

Ну что ж, вот и всё. Приходили Бородин и мразь Абоев, писали довольно долго в девятом томе «дела», куда уже подшита «217-я», Бородин особенно долго, – вписывал, как всегда, длинное заявление от руки о том, что мы с ним не согласны с предъявленным обвинением, со ссылками на конституцию. Мразь Абоев был заметно – и неприятно, разумеется – удивлен, когда услышал, что Бородин, уточнив еще раз у меня, вписывает в «217-ю» требование «суда» присяжных. Он-то всё подсовывал мне идею про «особый порядок», по которому срок – меньше пяти лет (правда, сейчас то и

дело слышу, что и в особом порядке дают больше, чем оговоренный по нему в УК максимум в 2/3 от максимального срока по статье). Хотя, конечно, не имеет это всё никакого значения, все эти юридические формальности, – результат любого «суда» в этой стране, особенно по таким статьям и над таким, как я, – известен заранее...

Объяснил мне еще Бородин, что из тех 34-х дней, о которых толковал еще раньше мразь Абоев, прокуроры – районный и городской – могут и не использовать полностью по десять суток, отведенных им на утверждение обвинительного заключения, а сделать это и в один день. Так что не факт, что я досижу аж до 10-го сентября так спокойно, как мне хотелось бы (хотя вообще-то – хотелось бы мне быть на воле, а не в тюрьме), хоть бы до 1-го сентября не начали бы уже «судить»...

Что ж, будущее на ближайшие годы совершенно ясно и определено. Этап с баулом в одной руке и палкой в другой; опять издевательства уголовников, команды и приказы блатных (если, конечно, не в совсем уж какой-нибудь «красный» лагерь привезут), попытки вписать меня в их образ мысли (есть ли у них мысль?..) и представления о жизни, натянуть меня и мою жизнь на их «понятия», измерить привычной им меркой... Из нового – скорее всего, карцера (ШИЗО) за всякую ерунду от начальства, а м.б., и битьё... И для чего, ради чего всё это? Чтобы только выжить, пережить весь этот кошмар (как написала мне Орлеана из Грузии) – и уехать? Покинуть эту проклятую «большую зону». А почему, почему же мне придется еще столько лет всё это переживать? Да только лишь потому, что я не смог умереть, побоялся, не воспользовался шансом, когда он был, – хотя веревка лежит и сейчас еще под рукой наготове...

7.8.13., вечер (после ужина)

Ну что ж... Вот... Будь всё проклято, в самом деле!.. Ненавижу... как же я всех вас ненавижу, о-о-о!.. Сегодня, утром еще, отбрил, наконец, окончательно эту шелудивую сучку Маню, тварь, ублюдину этакую, написавшую мне опять письмо о своем Женечке и с упреками в мой адрес. Мразь, будь ты проклята, сука!.. Видите ли, последнее (пятничное, то бишь, а сегодня уже среда) мое письмо, оказывается, ее так расстроило, еще больше прежних (хотя там ничего такого не было, ей, видите ли, показалось, что я как-то пренебрежительно говорю о ее идиотском «переходе» в средний род и об Олеге Васильеве – Сером Фиолетовом), что она решила ответить сразу же, получив его, – а кто же тебе, мразь, мешал так делать раньше, когда ты не настолько расстраивалась, заставляя меня ждать ответа по месяцу!.. В общем, я написал ей в конце письма, вместо прощания и добрых пожеланий: «Ненавижу тебя! Будь ты проклята навеки!..» – и,

видит бог, хотел бы, чтобы так и было, хотя я и в тюрьме, и нет у меня никого близких; но и эта шелудивая мразь, предавшая меня, поставившая не то что на одну доску, а ниже своего Женечки (и опять внушавшая мне в этом письме, что, мол, ему сейчас гораздо хуже, чем мне, хоть он и на воле) – она мне не помощница, не близкий человек, она мне НИКТО. Жаль, но уж, видимо, не доведется проверить обещание этой твари, что она якобы будет ездить ко мне на зону, а уж тем паче ОДНА ездить, – да не стала бы она, я знаю! Всё в прошлом, и ее поездки в Буреполом в том числе. Тогда у нее, правда, был Илюша уже, но еще не было Женечки, к которому она рванула, раз сам он, сидя под подпиской, не смог приехать к ней, как они договорились еще прошлой осенью, еще при мне... Мразь, короче, конченная. Единственное – глупо выйдет, если она не станет теперь сама вешать всё моё на «тиффаретник», как делала всё это время. Зимой, правда, еще до того, как сам я первый раз позвонил ей из 408-й, она повесила один мой текст – единственный, который без помех и дошел, и был повешен; и всё это время, что мы общались с нею, вешала все заметки, стихи и пр. (и в очередном, сегодня тоже пришедшем 26-м письме Майсуряна, в его распечатках, я с наслаждением читал возмущенные реакции каких-то ЖЖ-шников на последнее стихотвореньице о том, как надо убивать мусоров :)))). Пароль от «тиффаретника» она так и не отдала Мише, сколько я ни просил, – явно хочет, чтобы я хоть в этом зависел от нее, чтобы не мог «полностью вычеркнуть из жизни», как она мне однажды написала. Тварь, шлюха дешевая, с каким наслаждением убил бы тебя, задушил бы собственными руками, как мне тогда, в декабре 2012, этого хотелось!.. Можно попросить Мишу Вербицкого, раз уж, тем более, он такой мой сторонник, самого сменить там пароль и отдать его Мише Агафонову, и чтобы тот никому не давал, предупредить. М.б., я так и сделаю, но – ведь Миша Агафонов ни набить – быстро и без ошибок – ни повесить оперативно, ни хрена не сможет, я его прекрасно знаю уже; а КЦ, идиоты, хотя им и шлют мои материалы и напрямую, и через Дуброва, – но тот же Дубров, похоже, их и вешает теперь только в «отдел мониторинга», как найденные где-то в сети, со ссылкой на источник, – и вот июльское заявление об олимпиаде-2014 повесили, процитировав не полностью и со ссылкой на мой блог. Идиоты, короче, – ну да, я понимаю, они-то страхуются, мало ли что и от кого им придет... Жаль, если из-за сучки Мани и захваченного ею моего блога пропадет такой источник и возможность что-то сказать, как КЦ. И не зря говорят, что самый страшный враг – это бывший друг. До какой степени я ее ненавижу сейчас, эту суку – не выразить словами... Будь я на воле – конечно, я давно избавился бы от нее, от этой предавшей меня мрази, – ведь тот

самый день ареста, 20 ноября 2012, был то ли четвертым, то ли уже пятым, не помню, днем, когда она была у меня заблокирована и в телефоне, и в почте, не могла ни дозвониться, ни написать, и я уж думал – всё, слава богу, кончено с ней!.. – и позвонил ей сам, только когда пришли эти ублюдки со шмоном... Думал – будь ты проклята, сучка, мразь, больше никогда тебя не увижу, и знать не хочу, целуйся со своим Женечкой, скажи ему, что я тебя выгнал, – а оно вон как вышло... Оттаял душой, дурак, расслабился, когда она начала писать мне в тюрьму жалостливые письма в феврале, в марте, думал – а вдруг еще что-то получится с ней, вдруг в тюрьме опять я ей стал дороже, чем тот... Хрена лысого, как же!.. Особенно остро, отчетливо помню, как она звонила какой-то раз на воле, когда я блокировал ее в почте и чате, – кажется, это было до Женечки еще, это была какая-то ссора, когда она вдруг взбесилась на какие-то мои слова, стала меня материть в чате, а я, помню, пожал плечами и заблокировал ее... И вот, помню, она звонила, рыдала, умоляла о прощении – а мне остро, невыносимо хотелось заставить ее, если и вправду я ей так нужен, ползать передо мной на коленях, жрать землю и биться головой о фонарный столб, – здесь же, у меня, перед подъездом, специально приехав для этого. И я пнув пару раз ногой в лицо, ее охотно простил бы... Но, увы, она знала, чем меня взять, как заговорить зубы, и я и без этого ползания на коленях всё равно продолжал с ней общаться. Что ж, посмотрим, ответит ли она теперь на мое проклятие и просьбу больше не писать хоть что-нибудь, и если нет – будет ли что новое появляться на «тиффаретнике». Если нет – придется за оставшееся мне тут, в Москве, время проворачивать эту громоздкую, сложную операцию – через Агафонову просить Вербицкого о смене пароля... Будь ты проклята, гадина, змея подколотная, предавшая меня уже целых два раза: один – на воле, а второй, еще более тяжелый – в тюрьме!..

А ублюдок-опер «пятерок», пока я писал это ей утром, вызвал-таки, но не этого долговязого дятла-домушника, а быдляка. И сказал ему, что не переведет дятла отсюда на общий корпус до тех пор, пока тот по своему уголовному делу не признает ограбление какой-то прокурорской квартиры в Бибиреве, на ул. Коненкова. То бишь, он посажен к нам как бы на мучения, в наказание за несговорчивость на следствии. :))) Что ж – увы, придется мучиться мне и дальше с этой тупой мразью, которая не только не спит целыми ночами, но и не лежит даже практически лицом к стенке, а – такое ощущение – всё время таращится на меня... :(((

9.8.13., утро (после проверки)

Август... Конец лета... Самое романтическое время (ну, или одно из самых). Я бы мог сидеть сейчас где-нибудь на берегу озера Нарочь, смотреть

вдаль, слушать, как плещутся волны, как шумят камыши... Хотели ведь мы с матерью хоть летом 13-го поехать в один из этих белорусских санаториев, которые я нарыл по ее совету в интернете, раз уж не получилось летом 12-го... Увы, не судьба, – и на озеро Нарочь вряд ли я теперь когда-нибудь до конца жизни уже попаду... Вместо этого я сижу в московской тюрьме «Медведково», жду срока в десять лет – и слушаю по играющему за окном радио песни, навевающие лишь грусть и тоску о несбывшемся...

О сучке Мане думалось еще опять с утра, но уже меньше, и как-то отстраненно, как о действительно чужой. И впрямь, кто она мне теперь? – никто, чужая, пустое место. М.б., конечно, я и отвечу, если она опять напишет, – в глубине души мне всё же не хотелось бы рвать с ней отношения совсем, до конца. Но – умом я понимаю, что всё это – только длящееся мучение, бесконечная трёпка нервов, бег по кругу – от того момента, когда она опять сумеет подольститься ко мне со своими ласковыми словами – и до того, когда меня опять прорвет от ее бесконечных рассказов о Женечке (тем паче – еще и от поездок к нему, как сейчас). Так что самое лучшее было бы – если бы она и вправду наконец обиделась сама – и перестала писать, оставила бы меня навсегда в покое. Пришлось бы, конечно, как-то решать проблему с «тифаретником», но, думаю, не настолько уж это неразрешимая проблема, – да еще, может быть, из лагеря, если там будет телефон, мне удастся скорее ее решить, чем отсюда, из тюрьмы.

Даже к дятлу-домушнику в камере я уже как-то притерпелся, привык, хотя он и раздражает меня всё равно. Эту ночь – неслыханное дело – он почти с самого отбоя спал! Ну, или, по крайней мере, лежал, а не шлялся полночи по камере, как обычно. Очень был раздосадован, что опер обманул – не вызв

Вот так прикол – пока писал об опере, он как раз открыл дверь и этого дятла вызвал. Я даже слово не успел дописать!.. :))

Так вот, а вчера это чмо опер зато прямо после проверки вызвал меня – еще на проверке показывал какую-то бумагу, пришедшую из Омска, причем сказал, что на руки она не выдается, а с моей распиской об ознакомлении подшивается в дело – это вот, местное, тюремное дело; а на кой уж там, в деле, нужна бумага омской прокуратуры о признании номера «РП» за 2011 год «экстремистским» (то самое дело, по которому с ними там до сих пор судится Корб) – этого мне понять не дано. Иск о признании «экстремистским» от 2012 года – и решение от 10.7.2013 о включении в дело как заинтересованных сторон (точную формулировку не помню) меня, Лены Маглеванной и Антоши Ручкина. Повезло, не зря сходил: в этом

последнем решении Лена и Антоша упоминались с адресами, так что отсутствовавший у меня до сих пор польский адрес Антоши я быстренько переписал и, вернувшись, тут же написал ему письмо, – тем паче, что его бумажное, еще майское, видимо, до меня так и не дошло, а электронное он написал всего одно, от 1-го июня, и с тех пор необъяснимо заглох...

вечер (после ужина)

А между прочим, этот мразоид domuшный, которого сюда уже неделю как посадили, оказался не так прост, как я думал. Беру сегодня после обеда начатую вчера пачку сгущенки, которую каждый день добавляю себе в послеобеденный кофе, – что-то пачка подозрительно легкая. Лью – ну точно, практически пустая, хотя я отчетливо помню, что вчера там еще оставалась половина; сейчас же – оставлено совсем чуть-чуть, для виду. Выкидываю ее, лезу в шкаф за другой – и на глаза мне попадает еще одна пачка сгущенки, которую уж точно я не начинал, – беру ее в руки, а в ней только половина!..

Когда же этот ублюдок успел?! Сомнений, что это он, нет ни малейших: быдлык сгущенку практически не ест, а этот – и в чай, и в кашу, и с хлебом, и сгущенку, и сахар, – словом, сожрал всё сладкое, что тут было, в том числе полпакета сахара быдлыка, хранимые им на дне его (!) передачи, больше месяца уже. Сейчас же – вдвоем с domuшным этим дятлом они быстренько, за пару дней, съели весь зашедший дятлу ларек – пачку сыра-нарезки, батон колбасного сыра, батон колбасы, два пакета сгущенки – и сейчас добивают единственное, что еще осталось: пачку со 100 пакетиками чая. (Ах нет, пардон, еще осталась пачка индийского рассыпного чая, еще не начатая.) А дятел этот вечно голоден, готов жрать днем и ночью; с сыром и колбаской хлеб уже не поешь – и потому он целыми днями уминает просто черный хлеб (поэтому быдлык опять стал брать утром хлеба по две буханки, хотя еще со времен сидения здесь бывшего нарядчика они всегда брали одну). Конечно, черныга со сгущенкой вкуснее, чем черныга просто так, но – вместо того, чтобы у меня попросить, эта мразь избрала самый простой путь – взять без спроса. Ложился я вчера – это чмо уже спало, проснулся сегодня – оно еще спало; когда же, черт возьми, оно успело целых два пакета оприходовать? Видимо, вставало и жрало среди ночи, когда я спал, – другого объяснения я не нахожу...

Опер, кстати, вчера пообещал им обоим, что договорится, чтобы их вдвоем водили гулять, оставляя меня одного в камере, – первым о желании гулять стал ныть, конечно, этот же дятел. Тем не менее, их не пустили, «мусор»-разводящий безапелляционно заявил им, что ему никто ничего не говорил. Сегодня же, когда он приходил за дятлом, быдлык уже успел ему

(оперу) пожаловаться, – что ж, посмотрим, что будет завтра...

А зуб так и болит, то сильнее, то ноет тихонько. Вчера, уже после отбоя, но еще до своего ужина, принял я наконец две таблетки кеторола, которые месяц уже, наверное, хотел принять – да всё откладывал, чтобы «убить» совсем боль в этом проклятом зубе с правой стороны, начавшем болеть где-то в июле, как я наглухо «убил» им же, кеторолом, 10-го мая зуб с левой стороны. Но – увы, то, на что сильнее всего надеешься, то тебя и обманывает. Не то что не помогло совсем, но – уже через час где-то начало болеть опять, хотя и не сильно. Сегодня тоже боль не безумная, но всё равно неприятная, ноющая, и самое неприятное – теперь нет, видимо, варианта окончательно, или хотя бы надолго, подавить эту боль... :(((

Что ж, 3570 дней осталось мне еще по самому большому счету – не больше, а хотелось бы поменьше. Лето проходит, а я сижу в тюрьме... Тоска, пустота, бессмыслица... Кончена, кончена жизнь, и нечего рыпаться, нечего спорить; впереди – пустота, хорошего не будет в этой жизни уже ничего. Пережить этот кошмар и уехать, – как советует мне Орлеана; и жить там на пособие, на которое, по словам Лены Маглеванной, оказывается, вполне можно прожить (но я что-то все равно не уверен). Но – увы – пустота будет и там, если даже я доживу и уеду; пустота и эти жуткие воспоминания о прожитой здесь жизни... Лучше всего, конечно же, было бы умереть прямо сейчас, здесь, в этом августе, в этой тюрьме, пока еще даже не начали меня «судить». Самое горькое и грустное – то, что даже умереть по собственному желанию я, оказывается, не могу. Тем не менее, эта мысль, после некоторого перерыва, начинает все чаще приходиться мне в голову снова.

А Маня, кстати, не первая из самых близких людей и коллег, кто меня предает, – подумалось сегодня. До Мани ведь уже был Кантор. Не в том даже смысле, что он взял у матери эти деньги, – а в том, что он бросил всё, ушел из тусовки, полностью прервал все контакты со мной, – а потом, как оказалось, через некоторое время всплыл уже у «бригадников». Да и поведение Фрумкина, десять лет назад еще моего ближайшего друга, потом – уже через силу – ездившего ко мне в Буреполом, а ныне даже не пожелавшего ответить на письмо – дружеским уж никак не назовешь...

11.8.13., день (после обеда)

Полдня вчера, с трех или четырех где-то и до полдевятого, все втроем, всей камерой, просидели в карантинной камере – 521, последней в карантине, крайней и ближайшей к нашему отсеку коридора, пока в 525 шел «ремонт». Неведомо с чего, но тюремное начальство вдруг решило во всех камерах (только ли этого корпуса, или обоих, – уж не знаю) нарастить пластиковыми листами стенки «дальняков» в камерах – «слоники»,

которые и так, кстати, тут повыше, чем я видел тем сроком в других тюрьмах. Начали почему-то не с карантина, а сразу с этого, жилого отсека – 523 и 524 позавчера и вчера полдня, а потом приперлись и к нам. Сперва «мусор», занятый этим «ремонт», сказал, что, мол, часа два посидите в карантине. Но по прошествии более чем двух часов – на вопросы, когда удалось достучаться в дверь 521-й и он подошел, – выяснилось, что ждать надо еще часа два. Ужинать пришлось там же, – быдляк сходил в 525 за тарелками и ложками, – а уж воду пить прямо из-под крана, т.к. кружек он не принес. Под самый же конец тот же «мусор» сказал, что, мол, погодите, там очень воняет краской, посидите еще часик, – чему мы с быдляком дружно воспротивились, и он отвел нас назад в 525.

Но оказалось, что работа еще далеко не закончена – работяги-гастарбайтеры (их видел за работой быдляк, когда приходил брать тарелки, и от него-то я узнал, что, вопреки обычаю, работает не хозотряд) приделали только в верхнему торцу «слоника» и к потолку горизонтальные металлические рейки, на которые наварили несколько вертикальных и – зачем-то – еще несколько горизонтальных между этими вертикальными. Что же до прикрепления к этому остову самих листов непрозрачного пластика, то «мусор» этот сказал, что в понедельник нас опять выведут, а работяги будут доделывать свою работу. Приятная новость, ничего не скажешь...

Отвратительное настроение с самого утра, как проснулся. 3568 дней осталось. Мучительно думаю о том, как же и почему так нелепо сложилась жизнь, почему всё так вышло что я сижу здесь, и так долго еще сидеть, и что же теперь делать... Ответа нет, сделать ничего нельзя, только умереть, – но и этого теперь нельзя, когда этот проклятый дятел не спит, кажется, круглые сутки и только тарашится то в мою сторону, лежа на боку, то в потолок (на спине). Эх, упустил свой шанс, упустил!.. И об этой сучке лезут против воли мысли, с того ее письма, – видит бог, я не хотел полностью рвать с ней все контакты, но иного пути у меня не было; она, скорее всего, теперь и не будет писать мне больше, как я сам же ей написал в последнем этом письме. Ну и черт с ней, пусть проваливает, я жалеть не буду, пусть хоть сдохнет!.. Не нужна ты мне, сука такая, после него, да еще когда вся твоя голова постоянно забита им!.. А сегодня, между прочим – с утра вдруг вспомнил: у нее ведь праздник – у Илюши юбилей, первый в жизни. Пять лет ему исполняется. Их обоим я еще успел поздравить в предпоследнем письме, не ожидая на него так скоро ответа, – а она, тварь, в последнем письме озабочена была собой и своим Женечкой настолько, что даже не поблагодарила...

Сокамернички изнывают с утра без курева, оно у них опять кончилось, они просили уже и у «мусоров», и у верхних соседей, но без толку. Курят чай, за неимением ничего другого, и, по признанию быдляка, о чем бы он ни думал, все мысли постоянно возвращаются к куреву...

12.8.13., вечер (после ужина)

Ну что ж. Сделали нам сегодня окончательно эту надстройку над «дальняком». Вывели в 520-ю (а не в 21-ю, как в тот раз, – быдляк попросился именно туда в тайной надежде найти еще окурки на окне) еще до проверки, но вернулись мы оттуда гораздо раньше обеда, до которого я был уверен, что мы досидим в 520-й. Оказалось это сооружение полной туфтой – просто оргстекло, не очень даже толстое, российского производства, прозрачное, а сверху к нему приклеена пленка – белая, но с зелеными узорами и рекламой фирмы-производителя. В одном месте кусок пленки уже оказался оторван, на его месте зияла дыра (просто прозрачное стекло), а учитывая буйный нрав уголовничков-первоходов, – есть все основания думать, что в других камерах эта пленка на стекле проживет очень недолго. В общем, мы с быдляком сошлись во мнении, что это обычная расейская халтура и показуха, дешевая имитация, как всегда и во всем. Конечно, проще наварить рейки и привинтить к ним оргстекло, чем стенки-«слоники» нарастить кирпичом до полтоллка и сделать в получившемся отдельном туалете отдельные же свет, вентиляцию и нормальную дверь. Излишне говорить, что здесь дверца осталась та же, высотой еще ниже прежнего «слоника», а над ней из стальных реек сделали высокую нишу, чтобы и высокий зэк смог войти, не нагибаясь, – так что никакой (задуманной или якобы задуманной) полной изоляции туалета не получилось...

На проверку приперся ублюдок-опер, «проверялись» мы в карантине. Как всегда, он, увидев меня, клоунски завопил: «Бориска!..» – и понес какую-то свою обычную ахинею, выделяясь перед присутствующими коллегами. В кабинете у себя, где мы вдвоем, он разговаривает не так нарочито-фамильярно, а от этой клоунады на проверках я всё думаю, как бы его отучить, – скорее всего, если не забуду, надо будет при очередном визите ОНК просто сказать и им, и его начальству. Так вот, при моем традиционном уже вопросе про почту он стал выделяться еще пуще, вопя, что я, мол, его задолбал этими письмами (не дословно, но как-то так) – но все же тотчас вручил мне два электронных письма: от Мани и от Орлеаны (Ольги Исаевой) из Грузии.

Хитрая тварь Маня оказалась еще более хитрой, чем я ожидал. Да-а, умеют они (не одна же она такая) обволакивать и обезоруживать... Пишет,

что любит меня, какими бы эпитетами я ее ни называл; что ей очень понравилось мое столь оригинальное поздравление на ураза-байрам (не забыла, надо же!..); что именно за то и любит, что я «НАСТОЯЩИЙ» – искренний и не лицемер; что якобы у нее там с «Женечкой» ничего не было, и вообще они оба якобы «асексуалы», что в отношении него явная ложь, по ее же прошлогодним упоминаниям. В общем, понимая, что не надо ей отвечать, что по совести надо было бы и впрямь порвать с ней все отношения навеки, – я не только не сделал этого и не мог сделать, но и, честно говоря, был очень рад, несмотря на то, что она ответила, несмотря на мою просьбу не писать мне больше, и что я все-таки могу продолжать общение с ней, тем паче – без явных унижений, без новой «потери лица». У нее свой мир, сильно отличный от моего, и в этом ее мире есть «асексуалы», «агендеры» и пр., которых и близко нет в моем. Поэтому она отвечает мне совсем не о том, в чем я ее упрекаю, а как бы объясняет мне, неразумному, то, чего я не знаю или не понимаю, и за счет этого – переводит разговор в другое русло и в другую тональность, гасит остроту конфликта. Надо отдать ей должное: это гораздо умнее и тоньше, чем если бы она стала отвечать мне в той же тональности, что я писал ей в тот раз, – это только разожгло бы страсти и впрямь отношения и всякое вообще общение могли бы прерваться надолго, если не навсегда. Думаю, она все же не хочет меня совсем потерять, как и я ее; и если она просто, естественно, не обдумывая специально, не хитря, написала мне это последнее письмо от 10-го августа, – то и путем тонкого, хитрого обдумывания она не могла бы сочинить его лучше. Короче, она меня обхитрила и я опять не устоял, увя. :((Хотя, конечно, и куда заманчивее изображать оскорбленное достоинство и прервать все контакты, – но у меня не хватает на это духу, да и что это даст? Особенно в моем нынешнем положении. Все равно эта ненависть будет не взаимной, – и я окажусь в положении упряма, «назло кондуктору пойду пешком». Не хватает у меня на это сил, а если верить ее рассказам – то вроде как и не обидно для меня вовсе, и не унижительно получается общаться с нею и при наличии «Женечки», – но верить ее рассказам и теориям до конца у меня тоже не хватает сил, да и не настолько я наивен и легковверен. Получается, что я, зная правду, унижаю сам себя общением с ней, предательницей, после этого, но и порвать совсем – тоже выше моих сил (хотя если бы она не ответила, то и я не планировал в обозримом будущем писать ей)...

14.8.13., 8-й час утра (до завтрака)

Будь всё проклято... Десять лет сроку – это тёмный, тоскливый ужас каждого моего утра здесь. Жить не хочется, но и смерть не берет... :(3565

дней в аду мне осталось...

Вчера был бурный день. Всё сразу: и баня, и ларёк, и обмен книг, и адвокат, и ОНК... К адвокату, которого я ждал с утра, меня – после обеда только – вытащили прямо из бани; хорошо, что успел уже вымыться, но одеться еще не успел полностью. Завели на пару минут в камеру, я оделся, вытер голову, захватил всё необходимое – и пошли. И туда же, на «следственный», уже под конец рабочего дня, зашла ко мне Каретникова. Впрочем, пробыла она недолго, принесла только две сильно меня поразившие новости: во-первых, «болотника» Николая Кавказского, единственного из всех них мне знакомого по воле, «суд» после года тюрьмы таки выпустил под домашний арест – непонятно, с чего вдруг такая снисходительность – и он шлет мне большой привет; а во-вторых, сама Каретникова, оказывается, просила Корба, чтобы он ее подписал на рассылку обо мне, – учитывая ее всегдашнее ко мне отношение, это совершенно неожиданно с ее стороны, а тем паче – учитывая ее нынешнюю нагрузку: семь изоляторов только по линии ОНК, как она постоянно подчеркивает, да еще много всего и помимо ОНК, видимо (тот же «КС оппозиции», которого она член), и т.д. Я сказал, что поддерживаю ее желание подписаться на рассылку и прошу это передать Корбу, – она же вообще упомянула об этой просьбе в связи с тем, что Корб как бы не ответил и по поводу ее подписки на рассылку стоит полная тишина, подписывать ее пока вроде как никто и не думает...

Бородин принес новый номер «The New Times», в котором, как я и подозревал, опять появилась рубрика «Хроника текущих событий», – ни стыда ни совести у Альбац и ее редакции нет настолько, что даже мнение Горбаневской, основателя «Хроники», им не указ. И там же – статья Лерочки Новодворской, старой суки, о том, что, мол, мы теперь опять должны вспомнить старые правозащитные принципы (против которых она же в 1993 г. яростно выступала) и защищать всех – и нациста Навального (впрочем, в отличие от Борового, Лерочка-то его нацистом не называет, говорит только о «националистическом уклоне»), и ленинца Удальцова, и левых «болотников», – в обоснование она ссылается на доперестроечный опыт, на Владимира Осипова, на Григоренко с его первоначальным ленинизмом, – но о том, что надо защищать Стомахина, как обычно, в статье нет ни слова...

Но главные новости, которые принес Бородин, – это, во-первых, то, что, оказывается, 3-го августа вступили в силу поправки к УПК, согласно которым ст.205.2 теперь подсудна в Москве районным «судам», а не Мосгор«суду», а кроме того – неподсудна присяжным!!! :)))))) Что ж, вот и

рухнули все мои смутные надежды, которых, конечно, по сути и не было... Никаких присяжных, никакого «заслуживает снисхождения», – опять тот же унылый Бутырский «суд», что и в прошлый раз (только в другом здании), опять хитрая, циничная мразь в мантии, делающая вид, что хочет якобы разобраться и понять, – и те же, неминуемые минимум десять лет сроку, абсолютно неизбежные, фатальные, роковые... Ни на какое, даже малейшее, снисхождение этой профессиональной мрази в мантии рассчитывать не приходится...

Ну и – большое письмо от Миши Агафонова, с которым вчера утром Бородин специально встречался, чтобы его забрать. Пишет он, что Корб 7-го августа все-таки создал Международный (!) общественный комитет моей защиты, в который вошли Буковский, Горбаневская, Антоша, Маглеванная, MFF, сам Корб, Даниил Коцюбинский, Данила Александров (но не сама Маня почему-то), Миша Агафонов и – не помню, еще кто-то; а, этот вот профессор из Лондона Ян Федоров, мне совершенно неизвестный. И – тут же разразился скандал: MFF написал членам комитета открытое письмо, где в совершенно правильных выражениях упоминает сегодняшнее российское население – потомков стукачей и вертухаев – и не очень-то почтительно – самих членов комитета. Предлагает же он следующее: предложить войти в комитет моей защиты Мадонне, Стингу, папе римскому, далай-ламе, а также Ландсбергису, Саакашвили, Алле Дудаевой, Закаеву, Тарамову, Казбичу Чеченскому, Удугову, Новодворской, и т.д. – и предлагает поручить ему лично обратиться к каждому из них с этим предложением (о вхождении в комитет), одновременно сделав из самого факта этих обращений «мини-набат», т.е. сильный информационный повод, видимо. И – Миша пишет, что после этого письма Буковский, Горбаневская и Коцюбинский – идиоты! – потребовали исключения MFF из комитета, и теперь комитет, по словам Миши, который не очень-то за этим всем следит, и без MFF, и без Коцюбинского. Да уж, идиоты конченные, и прав MFF, когда в этом же письме пишет, что русские не могут не переругаться и не перегрызться. Да и я просто из сообщения о его создании уже понимаю, что этот «международный» комитет, который и собраться в реале не может, и вообще – состоит из людей, которые только имена свои громкие дали для него (Буковский и Горбаневская), а реально ничего по поводу персонально меня делать не будут, у них и своих дел хватает, – это туфта и профанация, реально это только инфоповод еще раз сказать обо мне вслух, а комитет как таковой – все равно существовать не будет, это фикция. Не включили в него почему-то Санникову, которая реально немало делала по поводу меня в тот раз, да и в этот – кое-что; правда, идея MFF о включении в комитет папы

римского и др. тоже с практической точки зрения не очень-то плодотворна, – но, в любом случае, я понимаю, что от срока, и немаленького, никакие комитеты меня уже не спасут.

А еще неприятнее – в этот же комитет поначалу вошел и Паша Люзаков, но вышел, оказывается, после публикации моей заметки «Реплика», про которую я, честно сказать, и забыл уже, т.к. не придавал ей особого значения. Но Паша стал критиковать, – что это, мол, «откровенная глупость», писать «ТАКОЕ» якобы просто неприлично, и т.д. И Миша поддакивает ему. Кстати, и Рома Качанов, адвокат, обещавший приехать из Екб меня защищать, но все равно не смогший бы защитить, – по словам Миши, тоже именно после этой заметочки фактически ехать отказался, – не впрямую, но очень уклончиво, ссылаясь на то, что не знает, когда именно будет «суд» и насколько он в это время будет загружен другими делами. Не то что отказался окончательно – но в том, что он не приедет, я уже не сомневаюсь.

Что ж, надо честно признать, – дерьмом вы оказались, ребята, которых я считал своими друзьями и близкими мне людьми, особенно Пашу! Не говоря уж – чем он из своего Торжка может содействовать моей защите, без особого имени и известности (на КЦ он давно не печатается, а больше и вообще ничем особо не знаменит). Но, видишь ли, побрезговал, вышел из комитета, дерьмо такое, становящееся на глазах все более умеренным и осторожным. Да, в заметке у меня речь шла о том, что в ответ на закон о запрете «гомопропаганды», как и на все прочие их законы, где они запреты и цензуру оправдывают «защитой интересов детей», самое правильное – это взрывать школы и детские сады, дабы публично показать, что детей вся эта мразь своей «защитой» только подставляет. Ну, или брать в заложники, как школу в Беслане в 2004 г. – и пусть «антитеррористы»-«освободители» сами своих же детишек расстреливают и сжигают из огнеметов, как тогда. Да, я действительно так считаю, хотя там же написал главное – что делать это в сегодняшней России совершенно некому, так что это лишь мое благое пожелание, не более того. Но Паше, чтобы показать себя в очередной раз ничтожеством и чистоплюем, хватило и этого. Не знаю, м.б., он простил этой стране, государству и населению отсидевшие им 15 лет сроку, м.б., они ему легко дались. Я же лично никому ничего прощать не намерен, и за те свои пять лет, уже отсидевшие, как и за грядущие десять, – считаю себя в полном праве заколбасить в кровавый фарш всю эту страну, со всем ее населением, ни детей не пожалел бы, ни женщин, ни стариков; всю эту мразь я легко, со спокойной душой, напалмом бы выжег, ядерные бомбы сбросил бы на все их города, не то что детские садики их взрывать... Плюю

я, Паша, тебе в физиономию за твою трусость и умеренность, и зря я тебя так расхваливал, распинался еще недавно, что ты один из самых уважаемых мной людей, и т.п. Ныне всё это уже в прошлом, а ты стал таким же ничтожеством, как и вся прочая эта ваша тусовка...

Между прочим, только что произошло великое и знаменательное событие: этих двух моих ублюдков-сокамерничков только что наконец-то – впервые – повели на прогулку, оставив меня в камере одного. Эх, повеситься бы сейчас!.. Вчера утром приходил мразь опер, спрашивал, водят их или нет, – мол, сегодня он (почему-то) должен об этом докладывать начальнику. Ну, вот и организовал, что я остаюсь в камере один, – что ж, это отлично, теперь у меня снова есть шанс послать все их «суды» и срока к черту. Вот только – смогу ли я этим шансом воспользоваться?..

15.8.13., день (после обеда)

Весь день происходят идиотские события. С утра, сразу после проверки, позвали на свиданку. Оказывается, мать, не записавшаяся на свиданку в понедельник, когда приезжала заказывать мне еду в магазине (12-го августа), специально приезжала еще раз вчера – записываться (и тоже кое-что заказала), и ее записали на сегодня. Три раза на этой неделе пришлось ей съездить сюда – а всё потому, что 12-го она не знала (и Миша Агафонов на другой день спрашивал у меня в письме через Бородина), как я хочу: чтобы она пришла на свиданку поскорее, или же ближе к 24-му (субботе) – моему дню рождения, будь он проклят!.. Я через Мишу же передал, что надо как можно скорее, – и она поехала лишний раз записываться.

Муторное, горькое впечатление остается от этих свиданок, – еще хуже, чем было от коротких в Буреполоме; уж больно они коротки, всего час. Мать, как обычно, пыталась мне что-то передать с чужих слов (Миши, Майсуряна и пр.), но толком ничего не знала и, как всегда, записывая сообщаемую ей информацию, не пыталась – ей даже в голову не приходило! – задавать уточняющие вопросы и узнавать подробности. Например, какого именно числа Майсурян отправил мне последнее на сегодня (28-е) письмо. Но, по крайней мере, я узнал, что сам он мое письмо от 25 июля на Онежской так и не получил до сих пор. Вот, значит, как, – опять куда-то таинственно исчезают и не доходят до адресатов мои письма отсюда. Для меня это настоящая катастрофа, особенно в отсутствие телефона.

А мразь опер, кстати, таки отдал мне на днях то, возвращенное с почты, письмо. Это оказалось совсем не то, что я думал, – вовсе не доплата в Польшу Антоше, а возвращенное из Екатеринбурга мое письмо Глебу Эделеву от начала июня! С надписью на конверте, что, мол, абонент давно не абонирует ящик (а/я). Я-то думал, что он ящик свой, уезжая на полгода в США, оплатил,

допустим, на год, – и вся почта его там спокойно дожидается. А он, видимо, не оплатил... :(На квартиру ему, как он мне много раз говорил, писать бесполезно, – там все почтовые ящики просто сломаны. Так что – ладно письмо это, в нем ничего важного не было; но если даже вдруг после «суда» мне здесь и оформят доверенность на Глеба – то непонятно, куда же ее ему посылать-то...

Пришел со свиданки – быдляр говорит, что приходили какие-то «мусора» выяснять, жаловался ли я в последнее посещение Каретниковой ей насчет... библиотеки. Не моих книг, два месяца уже как пропавших (мать сказала сегодня, что ей звонила вчера Каретникова и сообщила, что мои книги отдали в библиотеку!..), а именно библиотеки. А я и про свои-то книги, не помню, в этот последний короткий разговор с Каретниковой, кажись, не успел поговорить, – не то лишь ответил ей, что так и не отдали. Но – после обеда вдруг открывается «кормушка», называют мою фамилию, я подхожу – и какой-то «мусор» кладет мне две книги... Акунина! «Турецкий гамбит» и «Пелагия и белый бульдог» (которую я читал в Буреполоме). Типа, вот. Я сразу сказал, что это не то, спрашиваю: кто вам их дал? – Замначальника. Ясно, тот самый Горбачев. И не сразу я понял, что это и впрямь путаница: по поводу библиотеки говорил, с библиотекаршей в последний ее приход ругался (что мало книг дает, просил еще) и Акунина себе еще в позапрошлый раз заказывал – владимирский быдляр! То бишь, не мою проблему и не по моей жалобе решил этот Горбачев, но принести Акунина велел почему-то для меня...

Потом – еще веселее. Принесли не донесенные с 12-го числа остатки магазинного заказа за 12-е, как обычно. Оказалось – коробку как-то так сплющило в дороге, что не пострадали только батон колбасы в вакуумной упаковке и две бутылки лимонада, а всё остальное – всмятку. Колбаса и бутылки, в частности, были густо облеплены мясом из макарон по-флотски, пришлось мыть под краном с Fairy. Маразм и идиотизм полный, короче, – а я-то еще как раз просил мать этих макарон заказывать побольше, они хорошие, вкусные. Заказала, – не то две, не то три штуки... :(И – самое главное – на мой вопрос, когда же мне этот ущерб возместят, ларечница радостно ответила, что – в течение месяца!..

А сидеть остается еще девять и девять, 3564 дня. И от этого на душе – дикая тоска...

Мать, кстати, со слов Майсуряна передала мне, что у Агафонова неверные сведения: вроде бы Люзаков не мог выйти из созданного Корбом комитета моей защиты – потому что его изначально никто туда не включал и даже не предлагал войти. Зато – опять же по информации Майсуряна, и это уже

гораздо неприятнее – из комитета вышла Горбаневская. Проверить все эти слухи и отсюда разобраться во всех их дрызгах, увы, не представляется возможным, а Корб не пишет.

17.8.13., утро (до завтрака)

Раннее утро. На душе тоскливо, отвратительно, непереносимо. За что я сижу? За что мне еще 3562 дня сидеть?.. Писать особо не о чем. Утром вчера, на проверке, мразь опер, видя, что я не расписываюсь (как всегда) за «дежурство», решил попугать меня тем, что вот, мол, скоро у тебя накопится много выговоров – и поедешь в карцер. Я знаю, что он блефует, эта мразь, что в карцер за такую ерунду тут не сажают, а меня тем более вряд ли посадят, иначе посадили бы уже давно, – но всё равно это неприятно. До этого уродцы-сокамернички ходили опять вдвоем на прогулку – и опять их сперва вдвоем не хотели пускать, оставляя меня одного в камере, но потом все-таки пустили. Надо сказать, что они раздражают меня всё больше с каждым днем, особенно этот дятел-домушник, уже две недели как заселенный сюда и так отсюда и не переведенный га старый корпус, как он мечтал вначале. Он всё «гонит» о своём деле, о своих статьях (УК) и будущем сроке, и, охваченный ужасом, спит разве что вот сейчас, ранним утром, перед подъемом и сразу после него, да и то как-то некрепко, одним глазом; остальное время суток он не спит и тарашится то в мою сторону, то в потолок.

Еще на той же проверке вчера мразоид опер отдал мне (сам, уже без моих вопросов) письма – №27 от Майсуряна, электронное от Корба и от Орлеаны. Корб описывает этот созданный им комитет моей защиты, – на 10-е число, пишет он, от 12-ти его членов осталось только восемь; то бишь, ушли (или были убраны) MFF и Коцюбинский, о которых писал мне и Миша Агафонов, а вот кто еще двое – я пока не знаю. Письмо MFF, приведенное полностью Мишей, было, оказывается, опубликовано на КЦ (круто!) – и Корбу, как он пишет, пришлось улаживать «острейший конфликт», вызванный этим письмом. Пишет он также, что 24-го они решили провести World Stomakhin Day, :) о чем уже сообщили – как и о самом создании комитета, это тоже отлично! – «Грани.ру» и «Каспаров.ру». А Майсурян в письме №27, написанном на неделю раньше корбовского – 7-го августа – пишет мне, что Корб создал комитет с каким-то пока секретным составом, из никому не известных личностей, найденных, видимо, в интернете :) ; целью же его, как Майсурян предупреждал уже не раз, является создать орган, где он бы единолично командовал, отшив всех, кто реально до сих пор занимался моей защитой, а потом – и это уже новый уровень предсказаний Майсуряна – подчинить через этот комитет своей воле меня – так же, как в тот раз это

хотела сделать Санникова (недаром у них, пишет Майсурян, и взгляды очень похожи, – но это, конечно, не так; для Майсуряна определяющим, видимо, служит тот факт, что у них обоих действительно весьма схожи взгляды на любимый Майсуряном СССР). Правда, Майсурян предвидит, что Корбу это не удастся так же, как не удалось Санниковой, но – предвидит он – Корб будет в этом случае шантажировать меня и мать перекрытием денежной помощи, которую он сейчас собирает в интернете. Я, надо сказать, не считаю такое развитие событий абсолютно невозможным, но – маловероятным.

А вот от Мани электронного письма вчера уже не было, – всё, кончилось это недолгое время, когда она отвечала на мои письма сразу же после их получения; теперь – опять ждать месяц, не меньше. Более того, на свиданке с матерью позавчера выяснилось, что последние два листа дневника, где я как раз описывал свои чувства и впечатления от последних ее писем, Бородин не только не отдал матери, как я просил – они с матерью на тот момент еще не виделись после визита Бородина ко мне, – а как бы еще он не отдал их, вместе с майсуряновскими письмами, Мише Агафонову, что было бы совершенно некстати. Увы, телефона здесь нет, так что узнать напрямую я ничего не могу, – только спросить у Бородина, который обещал быть на следующей неделе в среду или четверг...

18.8.13., день (после обеда)

Воскресенье. Тоска... Писать не о чем. Сколько сроку мне намотают и как я буду в лагере, – вот единственное, о чем я всё время думаю. На прогулку сегодня «заказывали» почему-то не до завтрака, как обычно, а уже в 12-м часу дня, долго спустя после проверки (она сегодня была рано). Сокамернички мои рванулись идти; я – от тоски, скуки, мучительной бессмыслицы этого тоскливого сидения в камере, и немножко из любопытства – посмотреть, как выглядят местные прогулочный дворики – решил тоже сходить с ними вместе. Быдляк сделал заглянувшему в глазок «мусору» знак и сказал словами, что мы пойдем; я надел куртку, ботинки, положил на шконарь свою палку и стал ждать. Однако же – нас не повели! «Мусор», видимо, не так понял быдляка, или вообще не понял; но вскоре я снял куртку, стало ясно, что ждать без толку. Больше я вряд ли надумаю туда идти, особенно ранними утрами, после подъема.

Тоска, скука, бессмыслица... Конец августа, самый туристический, отпускной сезон... На лавочке во дворе пансионата на озере Нарочь мне не сидеть уже никогда, увы. Что упущено, то упущено навсегда. World Stomakhin Day... WSD... :) Интересно, за этот срок (последний, надеюсь) – это максимум, что придумано в мою защиту, или будет еще что-нибудь,

покруче? Да нет, видимо, – что еще можно круче придумать...

Знать будущее иной раз и скучно, и тоскливо, но всё же, – где то «большое будущее», которое ждет меня, по словам Деревянкина? Да и Корб другими словами, но примерно то же мне писал. Нынешний срок, который когда-нибудь, когда это будущее наступит, станет лишь строчкой в героической биографии... Только вот – наступит ли? Как бессмысленно кажется отсюда сейчас всё прошлое, и как безнадежно – будущее... Знать бы, есть ли смысл мучиться, ждать чего-то, жить, страдая... Мне, как всегда, кажется, что нет, – благодарю покорно, опыта 2011-12 гг., отношения «коллег по цеху», всеобщего признания «фриком» и «сумасшедшим» мне хватило с лихвой, и вряд ли это когда-нибудь при моей жизни изменится. Так что ничего тут не светит, никаких перспектив нет, никакого «большого будущего». А там, вонне, за границей, – там я уж, естественно, вообще никому не нужен, там хватает своих. Там надо быть не столько и не обязательно бывшим политзаключенным, сколько – ну, академиком, например, как Сахаров, и желательно в той же области науки, чтобы представлять для кого-то какой-то интерес, надо уже чего-то добиться в жизни, а не ехать только-только начинать ТАМ добиваться в 50 лет...

Тоска, невыносимая тоска и пустота. 3561 день остался. Дай бог, это уже предел, больше десяти с половиной мне всё ж таки не дадут, а м.б. – и поменьше. Годы, полностью вычеркнутые из жизни... Пережить весь этот кошмар и уехать, как пишет мне Орлеана...

вечер (после ужина)

Тупая эта, наглая, бессмысленная мразь, – владимирский быдляк, который повадился со своей вонючей рыбой на ужин жрать мой майонез. Правда, сам он не берет, спрашивает разрешения, но... Каждый раз, как у него эта рыба на ужин, я всё надеюсь, что у него проснется совесть (ха-ха!...) и он на сей раз не будет просить, обойдется так, без «майонезика», видя, что сам я не беру ни его, ни эту отвратительную, вонючую, костлявую рыбу. Но нет – каждый раз эта тварь нагло берет, просит, – и я... Почему я не отказываю ему, прямо, просто и ясно? Потому что дурак, почему же еще!.. Типа, «не хочу портить отношения», мы же тут всего втроем сидим, а полтора месяца вообще просидели с ним вдвоем. Дурацкое интеллигентское воспитание... тогда как эта уголовная мразь, 20 лет просидевшая, ничего не стесняется и везде «клюет по зернышку»: у меня берет «майонезик», а у домашнего дятла вообще очень активно и без стеснения хакает каждый день – до сих пор еще – теперь уже остатки его передачи. Сыр они вместе съели, как и вольный хлеб, теперь вместе доедают копченую колбасу. Берет без стеснения, как будто так и надо,

мразота наглая, – а дятел, видя, очевидно, что я питаюсь неплохо и на постоянной основе, а не как он – изредка, – сразу как-то «взял в долю» по поводу своей передачи быдляка, они жрут ее уже несколько дней, вместе сидя за столом, но предложить хоть что-нибудь из нее мне дятел даже и не подумал...

А у меня по-прежнему тут два врага, в этой проклятой тюрьме, – карцер и телевизор. В карцер всё грозит меня посадить эта мразотина опер, а про телевизор вчера вечером опять с вожделием говорил тот же самый быдляк: что тюрьма опять закупила «плазму» (это слово произносилось чуть ли не с придыханием), ее поставили во всех камерах верхних этажей этого корпуса; и – как я и подозревал – когда 30-го июля Каретникова заходила сюда с этим Горбачевым, зам. начальника, и, пока я говорил с Каретниковой, быдляк тихонько шушукался с Горбачевым, – ну конечно же, кроме всего прочего, он клянчил и телевизор сюда, в камеру, и Горбачев, как вчера только сообщил быдляк, обещал дать. Только этого мне и не хватало для полного счастья, – я уж было стал забывать про эту возможную напасть после последнего большого разговора с опером в его кабинете. Какое счастье – уже четыре месяца завтра, как эта поганая балаболка не балаболит в камере с утра до ночи, благодаря моим скромным усилиям, не выворачивает меня от бреда бесконечных художественных фильмов и грязных мозгопромойных пропагандистских передач. Боже, боже, избави до конца моего тут, в этом проклятом СИЗО, сидения хотя бы от этой напасти – от телевизора, который тупые ублюдки (и нынешние, и любые другие) в камере будут смотреть круглосуточно...

19.8.13., утро (после проверки)

Мразь, мразь, мразь!!! Как же я всё это и всех, что вокруг, в чём приходится годами жить, ненавижу! Яростно, люто, бешено ненавижу эту страну мрази, и всё, что в ней, и всех!.. Будьте прокляты, будьте прокляты, будьте прокляты, мрази, ублюдки, твари!!! НЕ-НА-ВИ-ЖУ!!!!...

Сейчас, только что, на проверке, ублюдок опер совсем развеселился, разглумился и, отдавая мне письмо от матери (поздравительная открытка к д/р, – совсем не то, что я ждал), – радостно-издевательски этак сообщил мне, что у меня за вчерашний отказ расписываться за «дежурство» – опять выговор, и что, мол, вот сейчас накопится пять выговоров – и в карцер. На что другой «мусор», выйдя из нашей камеры, сказал: мол, почему пять? Уже после второго, мол, по-моему. :) Т.е., не срабатывает их пугалка, не введусь я, и сами же они и раскрывают себя, свой идиотизм, – если не вспоминать, как на том корпусе не расписывался вообще никто, у дурака в 408-й было, по его словам, 38 выговоров – и никто его при мне за это в карцер не сажал; а тут –

я еще на том, опять же, корпусе слышал – у первоходов на новом корпусе за отказ от росписи забирают телевизоры, но в карцер – ни разу не слышал, чтобы сажали. Еще один прикол этого утра, – соседусшек моих по камере опять не пустили гулять одних. «Заказали» в девятом часу, как обычно, но, видя, что я остаюсь, не пустили, – не всем сменам еще успел этот ублюдок опер сказать, чтобы пускали. Вообще, надо сказать, раздражают они меня, эти уголовнички-соседи, всё больше и больше. Быдляк, как и следовало ожидать, подружился уже с дятлом-домушником, хотя сперва тот его и раздражал, и теперь общается куда больше с дятлом, нежели со мной. Естественно – друг другу-то они свои, одной породы, в отличие от меня. Подружились они, надо сказать, в основном на почве совместного курения, общих забот о добывании курева и вообще этих курительных ритуалов, которые тут весьма сложны. Для курева у каждого из них своя баночка (взяли мои баночки из-под чипсов Pringles, – картонные, круглые и с пластиковыми прозрачными крышками), в которой лежат нарезанные – каждая на три части, «мойкой» – сигареты, заранее нарванные ровненькие прямоугольные клочки бумаги для самокруток – «тарочки», как их зовет быдляк; и туда же из выкуренных самокруток они сыпают остатки табака, – безотходная технология, ничего не пропадает. Сигареты режут на три части каждую из экономии – из каждой части получается маленькая самокруточка, – и из экономии же спички, оставляя только обрубочки по 2-3 см с серной головкой, режут потом «мойкой» вдоль напополам. Из каждой спички выходит две, таким образом. Конечно, эти соседи получше, попроще, побезобиднее, чем были засранец и дурак там, в 408-й, но всё равно – долгая жизнь вместе с тупым русским быдлом в одном помещении приводит к тому, что начинаешь ненавидеть любых конкретных представителей этого быдла. Пока пишу это, кстати, быдляка опять уже выдернул [запись оборвана]

утро/день (после проверки)

Удивительно оно наглое, это расейское быдло... Прихожу – сидят с дятлом за столом: только завтракали – опять чаевничают и жрут. Дятел достает сыр из своей передачи, – думают, чем бы его нарезать. Вдруг у быдляка в руках оказывается какая-то ложка, и он начинает ее черенком, как и я обычно делаю, резать сыр. У меня мелькает смутное подозрение, я мимоходом заглядываю в шкаф, – ну точно, моей ложки в миске нет. Т.е., это что, вместо того, чтобы заточить свою ложку, когда ему надо, просто без спроса хватает мою, слегка заточенную ее прежним владельцем-нарядчиком.

А пришел я тоже от опера. Пока дописывал предыдущий кусок, он как раз привел быдляка – и совершенно неожиданно вызвал меня, тетрадь

пришлось убирать в баул уже при нем. Недоумевая, иду. Оказалось – до него дошло, что я в последний приход Каретниковой, тогда, на «следственном», жаловался ей на него, просил привести в чувство. Я-то думал, что раз говорили не в присутствии начальства, то ничего не будет, но нет – подействовало! Я был просто в восторге. :)) Он стал спрашивать, в чем дело – с такими же усмешечками, как обычно разговаривает на проверках, при своих коллегах, хотя мы были наедине. Я прямо ему сказал, что, по моим наблюдениям, он ко мне равнодушен. Он, смеясь еще больше – я попал в точку! – ответил, что, мол, у него первый раз сидит такой человек, который никого не убил, не ограбил... в общем, я понял, что как политзаключенный я ему интересен и, так сказать, в диковинку. Пришлось объяснять ему опять всё заново – и насчет неизбежной сухой голодовки в случае попадания в карцер; и как их замначальника Горбачев тогда, 24 июля, сразу стал просить, чтобы только информация не вышла вовне, – а им точно будут звонить корреспонденты, и российские, и западные, и спрашивать, что у них там со Стомахиным (мне показалось, это на него подействовало, хотя – кто уж там будет звонить...); и про то, что не надо разговаривать со мной в такой панибратской манере, тем более на людях; и т.д. и т.п. И вообще – что меня не надо трогать, я же их не трогаю (только что за «дежурства» эти не расписываюсь, – но ничего, это уж перетерпят как-нибудь), и что отряднику на зоне (Палычу на 11-м в Буреполоме), помню, я тоже так ответил – что меня можно просто не замечать – на его вопрос в 2009, как же ему со мной быть; и что никаких телевизоров мне не надо – а он, сука, как раз сказал, что скоро нам его поставят, так что опасался я не зря; не знаю уж, насколько подействовала на него угроза, что я этот телевизор просто разобью, – хотелось бы верить, что подействовала. (А то тут как раз быдлык эти дни – вчера и сегодня – начал что-то особенно страдать без телевизора.) Заодно спросил, почему со 2-го августа нет электронных писем от Маглеванной, всегда писавшей аккуратно и регулярно, – но он уверял, что действительно нет, он, мол, мне всё приносит, а эта женщина, которая носила до 1-го июля, после отпуска до сих пор всё ещё на больничном.

В общем, поговорили вроде неплохо, – что ж, подождем, на какой день после этой беседы он опять начнет называть меня «Бориска» и страшить карцером. Заодно узнал я самое смешное. На его слова, что, мол, не надо портить ему жалобами начало карьеры и что он не хочет упоминаться где-то в интернете, я спросил: «А это что, начало?» – и он сказал, что опером (как я понял) работает пять лет, а вообще – с 2003 г.; и тут мне пришло в голову спросить, какого он года рождения. Оказалось – 1986! :))) Лет на пять-шесть моложе, чем я думал. И это хамло позволяет себе говорить со мной на «ты»

и называть «Бориска», мразь такая!..

Привел он меня обратно, стал открывать камеру – в замке вдруг сломался ключ, он вытащил обломанный стержень без бородки. Пришлось идти, звать продольного, еще какого-то «мусора», я стоял у окна, ждал. Они открутили скобу, в которую входит язычок замка, открыли дверь и впустили меня. Несколько раз еще подходили к двери снаружи, возились там, гремели железом. Я попробовал изнутри толкнуть – дверь заперта.

А мразота эта – опер – уже не знает, чем мне еще пригрозить, чем напугать. Видя, что про карцер не помогает – уже второй раз (в прошлый разговор тоже) говорит, что, мол, я уже заработал себе самый плохой этап. :) Как будто я и без него не знаю, что таких, как я, негласно велено засылать как можно дальше, и как будто тюрьма может как-то на это повлиять...

20.8.13., 7-й час вечера (после ужина)

Будь всё проклято! Тошно, тоскливо, омерзительно, невыносимо!.. Ненавижу, не-на-ви-жу весь этот мир, эту тюрьму, всю эту мразь вокруг, всех тупых идиотов на воле, эту гнусную, мерзкую страну, всё это быдло, укравшее и сломавшее мою жизнь!!! Мрази, твари, ублюдки, на вас не одну, на вас 100 ядерных бомб я бы сбросил, если бы только мог...

Зуб продолжает болеть, хотя и меньше, чем до принятия двух таблеток кеторола 8-го августа. Эти дни болеть начинает обычно под вечер, если не вообще после отбоя, – не очень сильно, не очень долго, но всё равно неприятно. Сейчас вот, недавно, принял еще две таблетки кеторола, но – в ужин, через меньше чем час, заболело снова. Не убивает этот зуб проклятый кеторол, как было с тем, в мае... Сейчас опять прошло, – до ночи или до завтра?.. Если разболится всерьез и надолго – я реально не знаю, что делать, это будет настоящая беда...

Получил утром очередное письмо от Мани, еще более дурацкое, чем раньше. Всё объясняет мне упоенно про свой «переход», про «гендерквир», про то, что она теперь «агендер», и т.д. Упрекает меня в «квирофобии», «трансфобии» и т.д., а также в неуважении к ней и к ее выбору и «переходу». Еще одно письмо написал ей в ответ в тщетной попытке разъяснить, что ее ПРАВО считать себя хоть средним родом, хоть кем угодно, я признаю, уважаю и готов защищать, но по сути с ее фантазиями о себе соглашаться не обязан и не собираюсь, – так же, как, скажем, я поддерживаю кавказских моджахедов – но отрицательно отношусь к исламу, которым они вдохновляются; или же как меня самого та же Е.С. защищает вот уже второй срок, категорически не разделяя моих убеждений. Но – очевидно уже, что всё это без толку, и Маню придется просто тихо списать, вычеркнуть из друзей и близких людей, потому что переубедить ее не удастся, а в таком

виде общаться с ней невозможно... Что ж, было да сплыло; умерло – так умерло, и нечего плакать. Будет писать, помогать, м.б., даже приезжать, – что ж, хорошо, пусть; нет – и черт с ней. Если освобожусь, доживу, – не вспомню даже, не то что общаться, звонить, СМС-ки слать, как в прошлый раз. Уеду – и забуду, пусть своему Женечке на шею вешается...

Уродец дятел-домушник, сегодня таки получил большой магазин от вчера, от своей мамы, видать. Теперь у него и сгущенка опять, и майонез, и полкило кофе, и десять «бизнес-меню», точно таких, как я ел в 2006-07 на «пятерке», и пепси-кола, и даже две пачки хлеба «Харрис» (куда тебе, быдло сиволапое, господский-то, хороший хлеб!..), и еще много чего. Будут жрать и наслаждаться вместе с быдлом. Да, четыре блока сигарет им зашло, – наконец-то; основная проблема их бытия временно разрешена, и они даже теперь – на время – перестанут крутить самокрутки и насыпать в них табак из баночек, сидя за столом... А мне – то ли опять не всё сразу несут, то ли... Ну не могла же мать настолько сойти с ума, чтобы заказать мне только пакет конфет, бананы и пакет сока?!. Ни паштета, про который я напоминал на свиданке, ни макарон по-флотски, ни колбасы, ни хлеба, ни майонеза, – словом, ничего пожрать сегодня не принесли. Счастье еще, если Бородин придет завтра или послезавтра, как он обещал, и можно будет написать ей еще и к следующему понедельнику сообщить, ЧТО надо заказать; а если нет?..

Дико, до ярости, бесят все эти трусы, которые она мне сюда накупила и передала. Сегодня в бане одел одну пару новых, которую вчера специально достал из баула. Омерзительные, – тонкие, тряпочные, почти ситцевые, болтающиеся до колен, нелепо длинные и тонкие, – тот самый отвратительный, деревенский фасон, который я инстинктивно, всем нутром ненавижу с тех самых пор, как увидел впервые в жизни!.. теперь вот принужден носить его сам, – потому что, видите ли, эта старая идиотка, как она уверяет, нигде, ну прямо абсолютно нигде, никак не может найти такие, как надо, – трикотажные, эластичные, со штанинами коротенькими, какие носит всё это быдло; не говоря уж о том фасоне, который я носил всю жизнь, и весь тот срок, до 38 лет, а теперь она, видите ли, его тоже фатально, безнадежно, навечно не может найти в магазинах, – трусы пляжного типа, вообще без всяких штанин.

Единственной приятной неожиданностью за весь день стало письмо Андрея Осина, – электронное, полученное вместе с маниным. Короткое, всего три-четыре строчки; поздравление с д/р, пожелание, а также фраза, что мои друзья не забыли обо мне и разворачивают кампанию за мое освобождение. Я, естественно, ответил ему и попросил рассказать про эту

кампанию подробнее. Но – едва ли получу ответ; все эти «друзья» так обычно и делают – напишут одно письмо, и на этом считают свой долг исполненным. Злотников (хотя его-то к друзьям я никогда и не относил), считавший меня, оказывается, провокатором «конторы», был первым из таких; затем – Антоша, Миша Рахманов; что ж, посмотрим на Оссена...

«Друзья»... Тупые мрази, быдло, населяющее эту проклятую страну!.. Ненавижу, ненавижу лютой, смертельной ненавистью вас ВСЕХ!!!...

Быдлык сегодня на ужин, к своей рыбе, брал «майонезик» уже у дятла, – как же, без майонеза он рыбу эту уже и есть не может, избаловался, быстро привык к хорошему. Но – если меня он хотя бы спрашивал, можно ли взять, хоть для виду, то у дятла берет, не спрашивая вообще!.. :))))

21.8.13., день/вечер (до ужина)

Ублюдки соседки плетут интриги и роют подкопы на тему получения-таки в «хату» телевизора. Мрази, выродки тупые, видеть их не могу, с каждым днем они бесят меня всё больше. Подскакивают, суки, ни свет ни заря, раньше меня (точнее, дятел-домушник-то вообще практически не спит круглые сутки, тварь!..). Еще только семь утра где-то сегодня было, – они оба уже за столом, первое чаепитие за день, и потом их еще будет до десяти. На прогулку их сегодня таки пустили без меня, хотя сперва не хотели, – а проверка была необычно рано, почти сразу после завтрака, их еще не привели. Мрази опера на проверке не было, и они, придя и узнав всё это, слышу, шушукались тихонько, что, мол, когда он, опер, придет – принесет мне письма, а то насчет прогулки спросит, как всё время теперь, то они, мол, у него узнают и про телевизор. Суки, бессмысленные, тупые суки, жаждущие только дешевых развлечений да бухла/кайфа/балдежа вместо того, чтобы каяться и думать о душе, тупые безмозглые русские суки, как же я вас всех ненавижу!..

Ублюдку домушнику после обеда притащили еще и пакет с вареными яйцами, – большой, не 20 штук, как мне приносят, а не меньше 30-ти, наверное. Собезьянничал с меня, конечно, вряд ли его быдлацкая мамаша догадалась бы сама, а не из его письма узнала. Будет теперь, сучня, жрать еще и яйца, как уже жрет хороший сандвичный хлеб, сгущенку, плавленый сыр «Дружба», майонез, хлебает кофе то и дело... Хотя по заслугам, по ее реальному достоинству и реальной сущности – эту тварь как раз надо было бы держать на одной лишь вонючей капусте и сечке, которые эта тварь не жрет, а сечку, брезгливо поковыряв чуть-чуть ложкой, выкидывает в унитаз. А сейчас эта мразь, ублюдок, квартирный вор, алкаш и наркоман, бессмысленная инфузория – начала уже питаться тут с магазина не хуже меня, а там, глядишь, и лучше будет, перегонит. И – забавно смотреть, как

ко всей ее жратве и вообще всему, вплоть до стирального порошка, тут же пристроился, как к своему, тупой владимирский быдляк, ничего своего вообще не имеющий, но со мной все же такой наглости себе не позволявший. За это он как бы взял над дятлом шефство, – в частности, напоминает ему писать письма домой, помогает правильно указать все индексы (тот такой феноменальный идиот, что сам не может), и т.д.

Последнее по времени идиотское событие – принесли опять повестку в Омск, в затеянный там Корбом гражданский «суд», на 23-е, в качестве «заинтересованного лица»... А эти суки придумали свеженькое: писать матери домушника, чтобы она купила и привезла им телевизор!.. Очень надеюсь, что не примут и что эту тварь вскоре всё же из камеры уберут.

22.8.13., вечер (после ужина)

Дико болит зуб – но не справа, как теперь все время, а слева, торчащий одиноко, клык сверху, рядом с тем, что вылетел тогда, осенью 2006, в тюрьме, – болит и болит, но опухоли на морде вроде пока нет. Именно от этого клыка была не так давно опухоль, – но тогда не было такой сильной боли. Таблетка темпалгина, по крайней мере, очевидно не помогла; помогут ли две таблетки кеторола, последнее средство?..

Приходил сегодня адвокат Бородин, – пришел с утра, но меня к нему привели только в обед, после часа дня. Принес мне свежий «The New Times», но, как только мы вышли с ним из кабинета в коридор и стали прощаться, – из той двери, за которой дальше кабинет Горбачева и пр., вышла какая-то мразь в форменной рубашке, рожа совершенно незнакомая, раньше никогда мною тут не виданная, – Бородину сказала стоять в коридоре, а меня завела опять в тот же кабинет и стала шмонать. Не с раздеванием, а так, наощупь, – по карманам, потом пощупала штаны между ног, донизу, затем приказала снять ботинки и ощупала ступни, и в сами ботинки тоже заглянула. Ничего не нашла, кроме этого свежего номера журнала, который вернула Бородину вместе с угрозой – что, мол, «встретимся с вами в суде», бред какой-то, – т.к. он, якобы, ничего, кроме документов по делу, мне приносить не имеет права. И даже не отреагировала эта мразь на мои слова, что я этот журнал взял из камеры, хотя доказать обратное никак бы не могла. Жаль, что не довелось разбить ручкой моей палки всю харю этому тупому мусорскому ублюдку в форменной рубашке, чтобы зубы посыпались, – ну да кто знает, вдруг еще когда-нибудь доведется?..

Надеюсь, эти ублюдки хотя бы не стали шмонать Бородина и не отобрали у него мои письма, – матери, Мише – одно, написанное еще позавчера в камере, второе – в ответ на его, принесенное Бородиным, – и письмо Паше Люзакову. Надеюсь, что нет, но узнать это точно можно будет только через

неделю – в следующий четверг, 29-го, когда он обещал прийти опять. Надеюсь, не отобрали, но, если честно, потеря будет не такая большая. Из новостей Миша написал всего три – что Люда Евстифеева решила принять участие в World Stomakhin Day 24-го; что Корб, оказывается, не получил мой ответ на его последнее электронное письмо, который я отдал еще в воскресенье – и думал, что в понедельник он уже должен получить; ну и – что сам он ездил в Питер и видел там Маню. Пишет, что, да, она какая-то странная – требует, чтобы ее называли в среднем роде; но, тем не менее, отставлять ее от «тиффаретника» не рекомендует, т.к. она, типа, сильнее всех, с кем он обо мне говорил, меня уважает, сильнее всего предана, больше всех делает для меня в интернете, и т.д. – точных его выражений я не помню.

Бородин же, на мой вопрос, что он все-таки думает говорить в мою защиту на «суде», – вдруг, к моему изумлению, заявил, что насчет «суда» он еще в раздумьях, или не уверен, как-то так. Понять это можно было только одним образом – он думает, братья меня защищать в «суде», или нет; да и сам он сказал, что, мол, не хочет меня бросать, чтобы потом не было к нему претензий. Потом, позже, я вспомнил, как в тот раз, неделю назад, в принесенном им же письме мать мне писала, что он за участие в «суде» потребовал с нее по 30 тысяч в месяц, которые ему до сих пор не платили, но которые вроде бы в договоре все же прописаны. Видимо, колебания его чисто финансового свойства, – ждет, заплатят ему или нет. Хотя... даже если он и не будет участвовать, «защищать» меня, – потеря небольшая, т.к. исход этого «суда» известен заранее, менее десяти лет я получить не рассчитываю, и даже все адвокаты в мире не могли бы на это повлиять. На сегодня осталось мне, кстати, 3557 дней, если исходить из максимума, из десяти с половиной лет...

Сказал он еще, что мразь Абоев, оказывается, отправил мое «дело» прокурору вроде бы только 16-го, через десять дней после закрытия. Что ж, еще чуть-чуть отсрочки, – значит, всё-таки можно надеяться, что и в первую неделю сентября этот «суд» еще не начнется...

Сокамернички уже второй вечер подряд играют за столом в домино, – коротают время в ожидании телевизора, в получении которого уверены твердо. Вчера домушник, это одноклеточное простейшее, примитивнейшее существо, жаждущее лишь развлечений, – инфузория, как я еще стал его звать про себя, – весь вечер охал, ныл, страдал, – словом, изнывал от скуки, тяжелых мыслей и отсутствия развлечений. (Книги он тут все же вынужденно читает, но с трудом, часто прерываясь, и вообще видно, что читать он не мастер.) Наконец, придумал сыграть с быдляком в домино, – и оно откуда-то тут оказалось целое, хотя в начале, еще при нарядчике и

наркомане, я помню, было неполное, чего-то там не хватало, – нарядчик говорил про это, кажись, наркоману, так же вот изнывавшему от скуки. Что ж, традиция заложена – и теперь, уже ясно, они будут резаться каждый вечер, как и вообще – изнывание от скуки усиливается у таких вот примитивных инфузорий именно к вечеру, к ночи; а по телику к ночи как раз большинство пошлых развлекух для быдла и показывают, так что – появившись только у них телевизор, – борьба со скукой и тяжелыми мыслями будет продолжаться минимум часов до двух ночи, если вообще не до утра...

Сколько времени пишу, – вроде и отвлекаюсь, и голова занята, – а зуб всё не проходит, всё болит, хоть и не смертельной болью, но всё же довольно чувствительно и неприятно, и я реально не знаю, что с ним делать...

23.8.13., 9-й час утра (до завтрака)

Мрази – соседушки по камере – умотали «гулять». Слава богу, хоть час отдохнуть от их рыл. Вчера их «кинули с прогулкой» – вообще никого на этаже не «заказывали» и не водили. Это тупое, бессмысленное насекомое – владимирский быдляк – как только подсел на продукты домушника, стал жрать вместе с ним, – тут же забыл свое прежнее предупреждение, что, мол, КАЖДЫЙ день он ходить «гулять» не будет, только иногда, – и теперь рвется в бой, как миленький ходит именно что каждый день, «да, да, идем!!!» – кричит «заказывающему» «мусору» через дверь. Встают эти ублюдки с каждым днем всё раньше, что меня невыносимо бесит, – сегодня, по-моему, когда включили свет, быдляк уже сидел за столом, а чуть позже к нему присоединился и дятел-домушник, и под их тихое шушуканье о чем-то состоялось первое за этот начавшийся длинный день чае/кофепитие и первое «по яичку» (жрут, суки, вареные яйца, прямо как благородные, как я прямо, – вместо положенной по их быдляцкому статусу сечки...).

Дико болел ночью зуб, – от этой боли я и проснулся, наверное. С вечера, после таблеток, поужинал – боль сильная, т.к. растягиваешь рот при жевании и давишь на опухоль, – но потом, когда пил чай, всё вроде прошло. И вот ночью – опять дико болит эта опухоль, даже не сам зуб. Да так, что аж лежать не могу, не то что спать. Вот беда-то очередная... Встал, посидел, походил. Пришлось жрать опять таблетки, выбора не было, – две кеторола и две темпалгина разом, увы. Если так пойдет, они быстро кончатся, еще до этапа. Стало немного полегче, лёг. Пульс, как молоточками, стучит в этой опухоли, на морде опять заметный желвак. Потом, видимо, прошло, – уснул, не помню. Проснулся утром – боли нет, если не трогать.

Привезли сейчас завтрак, – сечка...

М-да, вот и попал ты опять в переплет, браток, да опять в тот же самый, только теперь – вдвое дольше по времени. Хорошо, что вот были лекарства,

а если бы их не было? Если бы это случилось на зоне, далеко от Москвы, как тогда, в октябре 2009-го, и уже давно кончились бы лекарства, и некому было бы их привезти (да еще пустят ли...)? Как бы ты тогда? Всю ночь без сна? А наутро? На санчасть местную нечего рассчитывать, да и – кто туда пустит ночью, кто выпустит из барака и проведет сквозь все «локалки» на пути?..

М-да, тупик, конец жизни, явный тупик... 3556 дней осталось... Почему я не могу повеситься вот прямо сейчас, пока они «гуляют», завтрак уже роздан, в камере и в коридоре никого нет? Почему??? Всё еще верю во что-то хорошее, в какие-то сказочные берега, которых, м.б., достигну там, за сроком, переживя весь этот ужас? Всё ещё надеюсь на что-то хорошее, хоть под конец жизни? Но ведь умом я прекрасно понимаю, что ничего хорошего не будет уже никогда, и под конец тоже, и что гораздо лучше, разумнее, покончить со всем этим разом, прямо сейчас, чем мучиться еще столько лет, – от болезней, от глумления уголовной мрази, от того, что не дают спать... Почему же я не могу? Орлеана эта, что ли, меня сбивает с толку? Кстати, и от нее тоже уже неделю нет письма, – значит, видимо, и ей мой ответ 19-го, в понедельник, тоже не отправили... :(((

Но, по крайней мере, хорошо одно. Раз их стали водить «гулять» одних, а меня оставляют, – значит, на самый крайний случай у меня всё же есть шанс...

P.S. Между прочим, когда последние два дня владимирский быдляк читал тут библиотечный «Понедельник...» Стругацких, – у меня было такое чувство, что он лезет своими грязными лапами прямо мне в душу, незаконно выведывает самые потаенные мои чувства, надежды, ощущения, тончайшую, эфемерную, трепещущую память моего детства, топчется по самым потайным уголкам моей души своими грязными быдляцкими сапогами... Одно дело – Майсурян, интеллектуал и знаток Стругацких, хоть и «красный», а совсем другое – вот эта мразь, быдло, родители – на заводе работали, сам – всю жизнь по лагерям... Нет, нет, нельзя, да и ни к чему, давать быдлу образование, просвещать его, давать ему читать наши священные книжки, на которых мы выросли, которые сформировали нашу душу (мою, по крайней мере). Это тайное знание – не для профанов, не для быдла. Прочтя такую книгу, содержащую частицу моей души, просто для убийства времени в тюрьме, быдло лучше, тоньше, добрее и просвещеннее не станет ничуть, а вот я – я потом еще много лет, видимо, беря эту книжку в руки, буду брезгливо содрогаться, чувствуя, что она опоганена прикосновениями быдла...

24.8.13., 9-й час утра (до завтрака)

Животные эти, соседушки, опять умотали «гулять», так что можно хоть писать без помех.

День рождения, будь он неладен... 39 лет прожил, а счастья так и не было, вспомнить – хорошего – из жизни практически нечего, так – пару-тройку отдельных моментов, когда казалось, что счастлив, но – быстро это счастье кончалось, за считанные дни буквально...

Всю ночь, с вечера, лил проливной дождь, сейчас за окном хмуро, пасмурно, сыро. Хоть бы уж не лило больше, а то, чего доброго, одиночные пикеты в Москве в рамках World Stomakhin Day придется отменить из-за дождя.

Весь день вчера, хоть такой сильной боли, как той ночью, уже и не было, но весь день было мне плохо из-за этой опухоли во рту и на морде. Поднялась после обеда даже температура – ясно, что из-за этого, воспалительный процесс ведь в организме, – не очень высоко, но держалась долго, до самой ночи, и даже таблетка аспирина сбить ее не помогла. В обед почти не мог есть – жевать еще ничего, но глотать – опухоль эта во рту придавливается, и больно ужасно. К ночи – на одних бананах после обеда – жрать хотелось уже ощутимо, но я боялся братья. Однако, вопреки ожиданиям, после курицы-гриль и чая стало мне получше, и жевать уже больно не было, и глотать, и после чая горячего даже температура прошла – выступил пот на лбу.

Опер, мразота, был вчера на проверке, сказал, что у него сегодня (вчера) короткий день и он сейчас уходит – но всё же сперва владимирский быдлак, а потом и я напросились к нему на прием. Вызывал он на этот раз не в кабинет – в дальнем конце коридора, – а – для скорости – просто подводил к ближайшему окну в коридоре, в нише. Быдлак пошел первым – и, выходя, когда он вернулся, я успел услышать, как лежащему на шконке дятлудомушнику он сказал: «Отбой». Ну и слава богу! И опер мне тут же подтвердил, что да, от частных лиц телевизоры в тюрьму не принимаются. Обломались-таки опять наши скучающие любители развлечений и прожигания жизни!.. :))) Сказать честно, я был этим их обломом доволен, наверное, куда сильнее, чем они им же удручены. Итак, слава богу, ночной галдеж всяческих «кино» опять откладывается.

Писем никаких, к моему удивлению, опер мне не дал, но зато – их принесли после обеда! Какие-то неизвестные мне «мусора» в форме – мужик и баба, по-моему, но не та, что носила раньше, а какая-то другая, молодая. Электронное письмо от Люды Евстифеевой (все-таки решила мне ответить!..), от Сергея Крюкова из Ульяновска, от какого-то неизвестного

Иванова (без бланка ответа), и – письмо №28 от Майсурияна, в котором он, как я и ожидал, описывает ситуацию после создания Корбом Комитета моей защиты как явный и очевидный раскол в группе поддержки, сложившейся за эти месяцы, что я сижу. Оказывается, всё зашло так далеко, что, создав для своего Комитета отдельную рассылку, Корб перестал писать в ту, что была до сих пор по мне основной – pzk_bst. А я-то, наивный, еще просил его в последнем письме (неизвестно, дошедшем ли) передать туда информацию про вернувшееся мне из эделевского ящика в Екб письмо!.. Оказывается, еще незадолго до провозглашения Комитета Корб о чем-то поругался с Эделевым и хотел вообще отписаться от этой рассылки, но Майсуриян, как второй модератор, уговорил его этого не делать – и Корб теперь перешел там в режим read only.

Сказать, что вся эта информация меня расстроила, или даже взбесила, – значит, ничего не сказать, притом, что Майсурияну, говорящему всё как есть и называющему вещи своими именами, я доверяю куда больше, чем Корбу, хитрому любителю обходных дипломатических формулировок и всяческого увиливания от прямых вопросов. Да еще это последнее мое письмо к нему не дошло, черт возьми!.. Короче, вдруг мне пришла идея – тоже безнадежная, если вдуматься и припомнить характеры действующих лиц, но хоть что-то, – и я, несмотря на паршивое самочувствие, сел после обеда и кофе писать открытое письмо как членам Комитета, так и параллельной к нему группе Люзакова-Эделева-Майсурияна и вообще всем участникам кампании в мою защиту. Получилось оно короче, чем я думал, но работы над ним предстоит еще много, для такой публики уж и не знаешь, как отточить формулировки, чтобы они все и во внимание приняли, и не придирались попусту. Сперва, после завтрака – моего одного и трех завтраков этих козлов, не меньше! – хочу я сделать наиболее легкую часть работы, ответить Люде Евстифеевой и Крюкову, ну а там уж – сегодня ли, или нет, но до четверга, когда обещал прийти Бородин, это письмо должно быть не только полностью готово, но и переписано в двух экземплярах (один я традиционно, на всякий случай, оставляю себе).

25.8.13., 9-00 (?) утра

Демоны эти только что ушли на «прогулку», можно писать спокойно. Но о чем?.. Вот и прошел он, день рождения... Весь день вчера лило, с перерывами, правда, но до самого вечера, так что не знаю уж, как там прошли пикеты и были ли они вообще. Опухоль на морде у меня почти сошла, болеть так, как накануне ночью, уже не болело, – только зуб с правой стороны болел, как все эти последние месяцы. Написал вчера электронное письмо Люде Евстифеевой и Сергею Крюкову, сегодня в ужин не забыть бы

их отдать. Исправил и переделал частично проект своего открытого письма комитету моей защиты, – но что-то до сих пор всё не уверен, колеблюсь, стоит ли вообще публиковать какое-то письмо к ним, или же – пусть всё идёт так, как идёт, тем паче, что никакими открытыми письмами отсюда я всё равно ни на что повлиять не смогу, кто уж там меня послушает...

Новая беда, давно ожидаемая: с окна несет холодом, форточки-то сняты. Спать можно, только закутавшись, подоткнув со всех сторон одеяло. Сейчас, днем, без одеяла, – я уже надел и свою шерстяную кофту, в которой проходил тут всю зиму, но – стали мерзнуть ноги в джинсах. А поддевать что-то в конце августа вроде бы еще рано. Элементарным выходом было бы, конечно, навесить обратно форточки и закрыть их, но – вот этого-то, пожалуй, ждать здесь придется долго и просить не один раз, м.б., даже через ОНК. В 408 засранец и дурак, помню, не раз говорили мне, что, когда они в нее заехали 8-го сентября 2012 года, окон там еще не было, и вообще не на следующий день, как можно было понять, их поставили...

Дикая, невыносимая мучительная тоска, как и всегда. 3554 дня осталось... За что, за что мне это?! За что я сижу здесь??? Как бы там ни было, но жизнь действительно кончена, и даже перспектива пережить весь этот кошмар и уехать представляется мне сейчас весьма смутной и едва ли реальной. Попал, так уж попал!.. :(

26.8.13., вечер (после ужина)

Ну что ж, наблюдение за различными образчиками русского быдла продолжается...

С утра их сегодня опять «обломали с прогулкой» – «заказали», но не пришли и не повели. :) Очень возмущались, особенно дятел-домушник, инфузория сраная, хотя сперва идти не очень-то и хотел, после своих утренних жалоб на то, что всю ночь не спал, и на постоянные «гонки» (по вертикали? :). Чаевничали-кофейничали опять, как всегда, весь день, и еще, видимо, успеют до отбоя, но – увы и ах – жратва вся уже кончилась: и сыр (обычный с передачи и плавленый с ларька), и колбаса, и хороший хлеб, и яйца, и даже баранки, печенье и, по-моему, сгущенка. :) Остались, по-моему, только майонез, лапша «Бизнес-меню», ну и кофе, сахар, что еще?.. не помню, ну да и бог с ним. Передача следующая будет не скоро, это дятел понимает и сам, но мне интересно другое: как часто ему будут делать тут ларьки? Сегодня с утра взял прейскурант магазина, ручку, бумагу – и написал очередное письмо домой, со списком, чего ему тут заказать: майонез, сгущенку (я видел краешком глаза, проходя мимо), еще что-то. Надеюсь, что все же не пиццу за 900 рублей и не котлеты по-киевски, и что эта тварь все же не будет питаться здесь лучше меня, – мне это было бы

весьма обидно. Потом это чмо вызвали в санчасть – а другое, оставшись со мной наедине, рассказало, зачем эта инфузория хотела идти на прием к начальнику: самое главное – говорить о переводе на старый корпус (хрен!), потом – еще что-то, не могу сейчас вспомнить; ну и – конечно же, просить телевизор! Не знаю точно, как именно просить, а уточнять не стал: передать от его мамы с воли, конечно, не разрешили бы, но вот надобность здесь, в тюрьме, раз их сюда закупают новые – могли бы. Еще раз порадовался, что вчера так удачно ликвидировал его заявление, и сошло, никто ничего не заметил, – так после обеда эта мразота, ни слова не говоря, села – и написала новое! В ужин быдлак отдал его вместе с письмом – и прямо тут же, пока еще баландер не закрыл «кормушку», дятлу принесли журнал – расписаться за это заявление. А вчера, за заявление к врачу, не приносили.

Вчера и сегодня до- и переработал частично – и сегодня после обеда переписал набело открытое письмо к Комитету моей защиты и остальным защитникам. Если всё будет нормально, 29-го, в четверг, отдам его – и, боюсь, оно сделает Корба из хитрого друга моим открытым врагом еще быстрее, чем Майсурян предполагает, что Корб попытается подчинить меня своей воле.

Невыносимая, жуткая, давящая громада десятилетнего срока, нависшего над головой. Тоска и отчаянье, полный жизненный тупик. Ожидание мерзкого ночного галдежа телевизора, не дающего уснуть... Днем сегодня немного распогодилось, стало потеплее, но сейчас вот, к вечеру, опять уже несет из окна леденящим холодом, от которого за сегодняшнюю ночь я чуть не околел, весь подоткнувшись со всех сторон своим узким и тонким полушерстяным одеялом... Жить в одном помещении с быдлом – это значит постоянно (кроме летней жары) мерзнуть и не спать.

Почты сегодня я ожидал много – как минимум электронные письма от Крюкова и от Миши Агафонова, – но опера на проверке не было, после он тоже за весь день не появлялся, и другой никто тоже, как в пятницу, почту не приносил. Облом-с...

28.8.13., вечер (после ужина)

Ну что ж, вот и пришла сегодня почта. Утром на проверке опер – без обычного балагурства и шуточек – отдал три письма, потом, почти сразу после проверки, засунул в «кормушку», потребовал показать, какие письма только что отдал, – и вручил еще два. От Миши Агафонова (наконец-то), от Корба, от Орлеаны – и два поздравления от незнакомых людей, без бланка ответа. Так что, как я и предполагал, отправлять завтра через Бородина свое открытое письмо, уже написанное, доработанное, переделанное, переписанное набело, – мне не придется. Решил все же не

выносить сразу на общее обсуждение, а написал всё это Корбу в ответе на его письмо, – про раскол в основном, конечно. Не знаю, когда уж оно дойдет, когда он ответит... Написал зато по его совету после (как он говорит) обсуждения с Верзиловым небольшое обращение к Наде и Маше («Pussy Riot»), – что ж, пусть переправят им, посмотрим, ответят ли они мне (едва ли, впрочем), а заодно – пусть и опубликует в интернете, всё польза... Рассказал про этот WSD, – увы, мало городов, мало, слабенько... Ковач в Челябинске не изволил, значит. В Риге тоже никого, хотя – могли бы, дорогие друзья из «DDD». Много, много кого еще можно было бы на это подписать теоретически, и я спросил Корба, планируются ли еще такие WSDни. Но больше всего поразил меня Агафонов: он обнаружил в интернете, что, оказывается, на Лубянке с плакатом обо мне стоял... Кантор!.. Миша был поражен и одну фотку с канторовского ЖЖ прислал мне, а уж я-то как был поражен!.. Вот бы встретиться, поговорить как-нибудь... И совсем не то, что он спер тогда у матери эти деньги, а то, что бросил всё, просто ушёл, лёг на дно, – и не как Миша Агафонов, который тоже бросил чисто политические дела, но меня-то защищать не бросил, ездил ко мне в Буреполом сколько раз...

Потеплее стало в камере, – то ли за счет потепления и на улице, а еще и потому, что быдлососедушки вчера утром, после того, как я, окоченев с ночи, спросил на проверке у «мусоров», когда будут закрывать окна (на что один глумливо ответил мне: «По зиме!», – а второй стал объяснять, что сперва вроде бы ставят окна на старом корпусе, – ну да, сняли-то там тоже раньше), взяли и, кое-как подтащив, поставили в нишу большую, нижнюю форточку и подперли деревянной палочкой для окна, которая здесь принадлежность камеры. Стало, надо сказать, потеплее почти сразу. Правда, сегодня, когда на проверке «мусор», как обычно, колотил киянкой по решетке окна, палочка выпала, а потом, когда стали ее вставлять, – и рама тоже, всё пришлось делать заново; но – пока вроде всё нормально, холод несколько отступил...

Зуб справа, тот, что всё последнее время, с июля, – болел вчера вечером, а сегодня – почти весь день, с самого утра, и сильно, собака!.. Беда с этим зубом, совершенно не знаю, как быть с ним дальше.

Дятла-домушника так и не вызвали к начальнику, как я и думал, и больше он уже заявлений не пишет. :) Написал сегодня в санчасть. Так что, слава богу, телевизор нам пока не грозит. Сегодня, когда опер заглянул утром в «кормушку» с письмами, – домушник пытался опять просить его о переводе (на тот корпус, видимо), но тот цыкнул на него, чтобы отстал, и опять пообещал, что ежели что («сломится», типа) – посадит его в

«обиженку». До этого тот же опер, мразота, обещал это же и быдляку; естественно, это блеф, сделать этого он не может и не посмеет, но – такого, как дятел-домушник, напугать нетрудно...

Тоскливо, конечно, хотя – день сегодня прошел быстро: до обеда я писал ответы на письма, потом – из-за зубной боли не мог ни о чем думать (да и сейчас еще побаливает), тут еще влез с чего-то, сам не знаю, с чего и зачем, в разговоры этих быдлососедушек об их (дятла) делах, и т.д. Скоро «суд», срок, этап... Будь проклята эта страна, сажающая за слова, и вся эта моя непутевая жизнь... Попал, как идиот...

30.8.13., 5-й час вечера (после обеда)

Бородин так и не пришел – ни вчера, в четверг, как он обещал мне неделю назад, ни сегодня. Похоже, его неожиданное согласие ходить раз в неделю вместо прежнего раза в две, с самого начала было обманом. Печально, но если б даже я и хотел передать через него вчера письмо к Комитету, то не смог бы этого сделать.

Главное, и наиболее печальное, событие этих двух дней – вчера вечером принесли-таки мне «обвинительное заключение», подписанное мразью Абоевым 15-го августа, а каким-то бутырским зам. прокурора – уже 23-го. Весь этот же бред, что был и в «деле», переписан там со ссылками на «заключения экспертов». Сразу стало так тоскливо, что вот уже, по сути, целые сутки я не могу прийти в себя. Принесли эту мерзость – значит, увы, скоро уже «суд», где-то после «выборов» 8-го сентября, как написал мне Миша Агафонов; потом – этап (жуткий и мучительный, как и в тот раз), и – зона. И – до 23-го года там сидеть... :(((Ничего сделать нельзя, всё уже решено и подписано, нельзя ничего изменить, приостановить, даже просто затормозить... Тоска от этих мыслей, от этой предопределенности совершенно дикая, и смерть не берет, и просто так вот принять, смириться с этим унижением я не могу... Пережить весь этот кошмар и уехать, – вот единственное, что я с утра до ночи повторяю сейчас про себя, чем себя хоть как-то подбадриваю. Но легко сказать – пережить... Как их пережить, эти десять лет, эти 3549 дней, еще остающихся? Как?!! Ясно, что ужаса еще будет очень, очень много за эти годы сам воздух этих тюрем и зон пропитан ужасом, унижением, тоской... Вот свеженький пример, чтобы далеко не ходить: только что, после обеда и кофе, владимирский быдляк вдруг ни с того ни с сего взбеленился, что, мол, ему надоело одному убирать здесь туалет, давайте, мол, убирать его раз в неделю по очереди, – и с этим предложением злобно набросился сперва на дятла-домушника, а потом и на меня, – что, мол, мне все равно, что ли, в хлеву жить или нет, и что я, мол, ни разу не только за тряпку, но и за веник тут не взялся. Злобный debil, ну

конечно же, мне абсолютно все равно, и я теперь еще сильнее жду не дождусь, когда же ты уедешь на этап, тварь! Но – грустно, что и здесь, с неизбежностью маятника, даже после 5,5 месяцев моего и 3,5 месяцев пребывания этого владимирского дебила в этой «хате» – всё равно, опять повторяется то же, что было и в 408-й зимой. Та же уборка, те же скандалы и возмущение из-за нее, то же стремление заставить, опустить того, кто выше их, припахать его к тряпке и венику, та же истерика на бытовые темы... И так будет, пока я тут, в тюрьме, в камере, и после отъезда быдляка неизвестно еще, кого сюда посадят на его место, – м.б., и еще худшего и еще больше озабоченного уборкой урода...

Гулять их вчера водили перед самым обедом, так что обед получал я. Сегодня они тоже думали, что раз не «заказывают» утром, то, значит, поведут в 12 или в обед, но – хрен! Сегодня не повели вовсе; а я поймал себя на том, что уже жду как манны небесной их ухода, в точности как было и тем сроком на «пятерке», на спецу, в 509-й, – хоть час отдохнуть от этих тупых морд, хоть часик побыть одному, наедине с собой. Жаль, что тогда я еще не вел дневник, не догадался, а то бы как раз можно было бы в это время и делать записи.

Какой-то косоглазый «мусор»-узбек или таджик, черт их разберет, – пока они гуляли вчера, опять приходил канючить здесь в «кормушку», чтобы я написал отказ от участия в их «выборах 8-го сентября на бланке, который заполняют для внесения их в СИЗО-шный список «избирателей». Сказал, что опять идти ко мне и кланчить ему велел «замполит». Понимая, что так просто все эти мрази не отстанут, я взял бланк и написал: «Отказываюсь участвовать в лживом фарсе «выборы мэра г. Москвы»». С тем он и удалился, очень довольный.

Было вчера и немало хорошего, – принесли письма. Сперва – опер после проверки, а последнее письмо от матери (второе за один день) после обеда принесла какая-то тетка в форме, или кто там теперь их носит, я точно не разглядел, – но не та пожилая цензорша, что носила до июля. А еще до опера – неожиданно принесли в пакетике... библию, пришедшую, как следовало из накладной, по почте от Владимира Гудзенко из Луховиц, – давний мой знакомый, еще до того ареста, но видел живьем я его только один раз, летом 2012 в Сахаровском центре, на каком-то собрании, устроенном моим бывшим одноклассником Браиловским, как всегда, по теме учредительного собрания; и при той короткой встрече Гудзенко мне успел сказать, что блогер walter_kim в ЖЖ, на которого стоит ссылка даже на сайте MFF, – это он, Гудзенко, чему я был несказанно удивлен, а ник корейский потому, что он, оказывается, изучает корейский язык! И вот – в письме, вложенном в

библию, он вспоминал эту встречу, напоминал о себе, писал, что он, оказывается, еще и верующий, жалел, что я в «РП» так резко выступал против религии (почитал бы он Нестеренко!.. :), советовал мне на досуге, которого в тюрьме с избытком, читать библию – и поздравлял с днем рождения.

Я быстро написал ему ответ и вчера же отправил. Ответил сразу же и Герасимову в Питер, – когда прошло первое изумление от его письма. Сперва я подумал, что он получил-таки мое письмо для Мани, но потом пригляделся – вверху письма стоит дата: 21.5.2013! И московский штемпель на конверте: 8.7.2013. С тех пор, полтора месяца, оно валялось где-то здесь, на тюрьме, а я даже не подозревал о существовании этого письма! Но – похоже, нарыв наконец прорвало! В 290м письме от Майсуряна, тоже вчера полученном, в приписке от руки говорится, что 21-го августа на Онежской были получены сразу два моих письма: Люзакову, еще от конца июня, которое я считал уже бесследно пропавшим, и самому Майсуряну, – от 25.7.13, видимо, потому что следующее я только написал 22.8. А в письме матери от 20.8. говорилось, что 16-го она получила тоже сразу два моих письма: от 27.6. (которое она ошибочно датирует 27.7., но в июле я ей писем не писал) и от 7.8.13. Это первое, июньское письмо ведь тоже считали мы с ней безвозвратно исчезнувшим, – и вдруг дошло! Не могу не связать это с тем, что вот эта вот молодая сотрудница стала вдруг после обеда в будни разносить письма. Видимо, ее поставили ими заниматься, и она, или кто уж там, разгребла летние завалы, еще с июня, нашла мои неотправленные пять писем – и отправила их. И вот – три уже дошли, два на Онежскую, одно матери. Остается надеяться, что и Зое Световой письмо от 10.7. тоже пришло, как и Герасимову в Питер – для Мани, тоже от конца июня (хотя теперь в нем и нет уже никакого смысла, т.к. окончательно и бесповоротно не стало прежней Мани...).

Написал и ответ Майсуряну. По поводу учреждения Корбом Комитета, куда всю их группу не включили, он привел мне из рассылки ДС свой диалог с Люзаковым, прямо-таки пропитанный лютой злобой и ненавистью к Корбу, с презрительными насмешками над остальными членами комитета. Честно говоря, я был в легком шоке, прочитав это, – такого накала ненависти, такой готовности враждовать и поливать грязью – не идейного врага все-таки, а коллегу и единомышленника, пусть и действовавшего не совсем корректно, пусть и создавшего раскол – я никак не ожидал от уважаемых мною людей, о чем и написал Майсуряну, – что их остервенение тут неуместно, как и выражения типа «рейдеры», «интриговать», «захват власти», сравнения с уничтожением Сталиным

старых большевиков, и т.д. Не сомневаюсь, что ответ Майсуряна будет в еще более резком духе и что теперь все помои он выльет уже лично на меня. Повторяется прошлый раз, его лютая, затяжная вражда с Санниковой, но теперь всё это в более расширенном и углубленном варианте, враждуют уже целые группы, «стенка на стенку»...

Сообщил он еще в своем письме, что с Фрумкиным приключилась «беда»: он заболел какой-то тяжелой болезнью и теперь едва ли сможет ездить ко мне на зону, да и из дому-то выходит теперь только к врачам. Помня о его язве, я уж решил, что у него что-нибудь вроде рака желудка, или еще чего-либо; но тут принесли второе письмо от матери, там она писала, что 25-го Майсурян звонил ей, поздравлял с моим д/р, а заодно сообщил, что у Фрумкина – туберкулез! Откуда, черт возьми?! Но от сердца все-таки отлегло: если уж эсков, у которых находят туберкулез, увозят в ЛИУ и там, как правило, вылечивают, то уж Фрумкина-то на воле вылечат несомненно, смерть от чахотки ему не грозит. И он даже за мой большой срок вполне может успеть съездить ко мне, другое дело – захочет ли...

Зуб всё так же продолжает болеть, особенно по вечерам. Вчера он болел и ночью, т.к. не удалось попить чая с конфетами, которыми при необходимости заглушается (как ни странно) начисто эта боль – и ночью можно спать спокойно. А вчера не зря соседи, пока я ужинал, колотили в дверь: розетки не работали, как оказалось, не только у них, но и у нас. На их стуки подходил дежурный «мусор» и громко объяснял им, что он не может даже включить «автомат», его тут же выбивает снова, т.к. в какой-то из камер - 525, 526, 527 или 528 – что-то такое включено, то ли неисправный кипятильник (бульбулятор, наверное, самодельный), то ли чайник, то ли зарядное устройство, – и он придет через полчаса, чтобы убрали всё из розеток, – и он попробует включить опять. Ждать полчаса (а м.б., и час будет он ходить!) я не стал, лег спать, – но минут через десять зуб, сперва вообще не болевший, разболелся довольно сильно. Потом я вроде заснул на какое-то время, потом проснулся – опять болит!.. Пришлось встать, взять конфету – и кусать, жевать ее этим больным зубом, чтобы он почувствовал сладкое. Помогло с первого же кусочка, всю конфету я даже не съел, и скоро опять уснул. Сейчас вот, к вечеру, уже чувствую, он разбалчивается снова.

Одно счастье – к начальнику дятла так и не вызвали, телевизор пока вроде ниоткуда нести не собираются.

31.8.13., 9-й час утра (до завтрака)

Вот и прошло оно, лето... Демонов этих – сокамерничков – наконец-то вывели с утра на прогулку, хоть маленько отдохнуть от них... О чем писать? Тоска страшная, нечеловеческая, по моей погибшей, загубленной жизни, по

воле, которой уже никогда, никогда мне не видать... Из 39-ти лет 50 – это «никогда», нечто несбыточное, невероятное, где-то там, за туманными горизонтами... А здесь, сейчас... Вот пройдут эти выходные (сегодня суббота), пройдет первая неделя сентября, пройдут «выборы» мэра Москвы 8-го числа, в следующее воскресенье, – и наверняка уже на следующей за ними неделе, с 9-го по 13-е, будет назначено предварительное заседание «суда». А до 10-го октября, до которого у меня продлен «арест», «суд» наверняка уже и закончится. А что? – ведь сейчас не надо, как в тот раз, допрашивать десятков свидетелей, только экспертов – из всего «человека» три, по-моему. И – всё. «Апелляция» еще месяц-полтора, ну от силы два, – и этап! Куда-нибудь в Челябинск, ну или в Мордовию, – это ближе географически, но в смысле режима ничуть не слаще...

Кончена, безвозвратно потеряна, загублена жизнь... Ничего нельзя сделать. Единственное только – веревка-то по-прежнему так и лежит на своем месте с мая, а они теперь уходят иногда по утрам гулять, и в моем распоряжении час, – ну полчаса, если дожждаться, когда привезут завтрак. Очень хочется, очень большой соблазн, но что-то мешает, не дает. И обрекает мучиться в лагере, терпеть командование и помыкание всякой мрази, заставляет мучительно зависеть о чужого телефона, от звонка матери, – если вообще там будут еще телефоны...

Почти до девяти вечера писал вчера, сразу после дневника, большое письмо матери.

СЕНТЯБРЬ 2013

1.9.13., утро (до завтрака)

Вот и осень уже. За окном со вчерашнего вечера льет и льет дождь. Демоны опять гуляют. Тоска страшная, невыносимая, запредельная, иссушающая душу... Вот уже всего неделя, видимо, осталась, потом – «суд», бредовое судилище ни за что, за слова. За «косвенные побуждения», ага (про которые вычитал я вчера в «обвинении»). Потом «осудят» - и в лагерь... Что ты будешь там делать, дружище? Топтаться целыми днями во дворе во время всяких «уборок», да и просто так? Или сидеть весь день на табуреточке возле заправленной шконки? Во всяком случае, оставшиеся тебе еще 3547 дней тюремно-лагерной жизни не предвещают тебе абсолютно ничего хорошего...

Мать жива, это я знаю из ее писем и из приносимых по вторникам ее заказов. (И то – письма появились только недавно, почти два месяца, после пропажи моего июньского письма, переписки у нас с ней не было.) Вот всё, что я о ней знаю. Как выглядит сотовый телефон, за почти полгода в этой камере я уже, считай, и забыл. Если на зоне будут хотя бы телефоны – это уже хорошо, хоть какая-то польза, но – если не прямо сразу, мне все равно, по указанию начальства, рано или поздно запретят их давать, как это было и в тот раз...

2.9.13., утро (после завтрака)

Понедельник. Утро. Сентябрь. Мрази опять «гуляют» - на сей раз «прогулка» так задержалась, что они успели даже позавтракать. Быдляр, наглая сука, при этом довольно бесцеремонно отставил от завтрака меня – мол, давай сперва мы поедим, нам же сейчас «гулять» идти, а ты, мол, потом. Пришлось эту гречку жрать уже тёплой, полуостывшей. Ух, как же я ненавижу этих тварей, особенно по утрам, – как, впрочем, всех и всегда в таких местах и в такой ситуации. Быдло, быдло, кругом одно быдло!.. Будьте вы прокляты, твари!.. Не дождусь уже, когда же это владимирское чмо наконец уедет отсюда на этап...

А так, вообще, – тоска, дикая тоска... Больше всего интересно, придет ли Бородин – на этой неделе или хоть вообще когда-нибудь теперь. Первый раз, по-моему, за все девять месяцев он так обманул – назвал конкретный день, даже не два, как обычно, а один, – и за всю неделю, в которой был этот день, вообще не появился! Бывало, в другой день приходил, но чтобы вообще не прийти!.. Остается ждать его постоянно, все пять рабочих дней на неделе, – и на этой, и на следующей, – сидеть, как дурак, постоянно в полной готовности, таскать всё с собой (не дай бог шмон!..). Сука!.. Небось

ждет, когда ему денежки заплатят, а без этого – не хочет идти. Интересно, увижу ли я его хоть на «суде»? С тем, что не будет ни Трепашкина, ни Ромы Качанова, я уже смирился, – да и черт бы с ними, всё равно от них ничего не зависит. Но вполне возможно и то, что теперь не будет вообще никого, – только, м.б., свиданки с матерью уже после «суда»...

...Загонят в какой-нибудь жуткий «красный» лагерь, на Урале где-нибудь, на десять лет, под власть быдла...

А по ночам, и утром, опять сильный холод с окна, да и днем вчера я уже не мог сидеть под ним на шконке в одной майке. Но – ставить на место форточку никто не собирается...

вечер (после ужина)

Зуб опять болит почти невыносимо. Мразь опер после проверки принес сразу шесть электронных писем – от Мани, Лены Маглеванной, Орлеаны, Сергея Крюкова, Корба и Миши Рахманова. Корб пишет в ответ на мои упреки, что никакого раскола нет и что это ему, якобы, только что подтвердил в рассылке (в какой?) Паша Люзаков. А Миша Рахманов пишет, что звонил моей матери (вчера, видимо, в воскресенье) и что, как он слышал, «суд» надо мной начинается уже 4-го сентября, т.е. послезавтра! Вот это новость!.. Целый день я был под ее впечатлением, пока писал ответы. Я еще не знаю, а на воле уже знают, офигеть!.. Мать ли ему сказала, или кто-то из ребят (Агафонов?) – в любом случае информация может исходить только от Бородина, больше «суд» дату никому не сообщает. Понятно, почему Бородин не пришел и сегодня, и едва ли уже явится завтра, – всё равно же через еще день мы увидимся с ним в «суде»... А что в «суде» я не смогу ничего ему передать, – о, на это ему плевать!..

Что ж, значит – начался отсчет последних дней. Сколько – два месяца? Три? Вряд ли дольше... Всё, что было со мной на этот раз в тюрьме – просто цветочки по сравнению с лагерем и с тем, что будет там... А срок будет в этот раз намного больше. Друзья в письмах подбадривают меня, но я, ей-богу же, совершенно не знаю, что теперь делать и как вообще жить дальше. Если б мог, я решительно бы предпочел не жить вовсе...

3.9.13., вечер (после ужина)

Всё – один к одному, всё сразу, как нарочно!.. Суки, мрази, твари!!! Ненавижу, ненавижу, НЕНАВИЖУ вас всех!!! Целый день – не то что нервы вовсю, а почти что до истерики. На проверке с утра – мразь опер ласково поговорив со мной о вчерашних письмах, тут же, оказывается, пообещал моим мразьям-соседкам, что им уже на этой (!) неделе (сегодня вторник) принесут-таки и поставят телевизор! Сука!!! Только – предупредил, чтобы не было жалоб ни от кого из камеры, – быдляр объяснил мне потом, что

мразь опер, оказывается, боится жалоб от МЕНЯ по поводу этого телевизора, – сработали-таки мои угрозы и предостережения? На мой вопрос оба дебила заверили, что всю ночь смотреть его не собираются (ой!..), но – при этом добавил быдляк – ты же все равно ложишься не раньше часа ночи. Откуда ты знаешь-то, падла, ведь у тебя часов нет, а радио в будни на ночь выключают?! Я и полпервого могу уже лечь, а вы-то раньше двух все равно ведь не выключите, если вообще выключите до утра!.. Или, м.б., мразь опер просто блефует, обещает им, как уже обещал не раз, нести же не собирается? Хорошо бы, если так, а то последние мои месяцы здесь, на тюрьме, будут круглосуточно отравлены этой телеблевоотиной...

После обеда – новый прикол: магазин, который мать заказывает по понедельникам, принесли, но – только, так сказать, сухую жратву, в упаковках. Горячую, которую готовят где-то здесь же и носит отдельная тетка в белом халате – яйца варенные, курицу-гриль, котлеты по-киевски, картофель фри и слойки, всё, что обычно, – не принесли! Охренеть!.. Я ждал, как выяснилось, аж до пяти часов вечера, всё не мог поверить. Забыла она, что ли, эта старая дура?! Или деньги так экономит? Или там не было этого ничего, даже яиц? Нет, этого уж точно не может быть... Или не она заказ делала? Миша Рахманов во вчерашнем письме как раз с ее слов перечислял это всё (плюс еще колбасу, макароны и пр. из «сухого») и спрашивал, это ли мне надо, или что-то другое. Но он, во-первых, писал, что закажет, как будут у него «лишние» (?) деньги; а во-вторых, он и написал бы на заказе свою фамилию, если б заказывал в инете. Но нет – фамилия была матери. Или, м.б., какая-то непредвиденная задержка, завтра принесут?.. Во всяком случае, сегодняшней ужин будет огорчительно скуден (хлеб, колбаса, плавленый сыр) и полностью похож на вчерашний... :(

«Заказывать» на завтра на «суд» пока не «заказывают», но – куда ж денутся-то?.. Еще есть время. А мразь Бородин и сегодня так и не пришел!.. Сука... Непонятно, будет ли он хотя бы в «суде», и когда будет этот «суд», завтра ли, и дадут ли там с ним хоть пару минут поговорить, узнать, что и как, когда он всё-таки придёт, и пр. М.б., ему так и не нашли эти деньги, 30 тысяч, и он решил всё-таки отказаться?.. Масса предположений, версий, теорий, а проверить, узнать точно, ничего нельзя: не приходит никто – и телефона нет! Суки, будьте вы до 15-го колена прокляты, те, кто засадил меня сюда!..

Утром пришли из хозотряда – приварили зачем-то к тумбочке (напротив меня) дверцу, которой не было с тех пор, как я в марте заехал в эту камеру. Быдляк слышал, как (на проверке же) мразь опер на чей-то вопрос подтвердил, что у нас подключили видеокамеру в камере, до сих пор не

работавшую. (Правда, установлена она за своим стеклом в верхнем углу над дверью так криво, что видит уж точно не всю камеру, а только часть.) И действительно, идя сегодня в баню, мельком глянул через стекло в их помещение, где стоят все мониторы от этих видеокамер, – двух черных квадратов на одном из них, наша и еще чья-то неработавшие камеры, – теперь нет, все работают...

4.9.13., вечер (после ужина)

Никуда не повезли сегодня. Адвокат так и не появился. Жратву принесли после четырех часов дня, когда я уже и ждать перестал (кроме курицы-гриль, которую обещали завтра). Телевизор, слава богу, тоже пока не несут. Всё спокойно, читал книги – Солженицына, потом Веллера, из последнего – вчера – приноса библиотеки весь день. Не «закажут» ли все-таки в «суд» на завтра? Хотя бы уж на той неделе, не раньше... На душе по-прежнему ужасная тоска от предстоящего огромного срока и лагеря...

6.9.13., утро (до завтрака)

Пятница. Демоны опять «гуляют» - наконец-то, после нескольких дней перерыва. На улице вот уже третий, кажись, день – ветрище, дождь, погода совершенно октябрьская, промозглая и сырая. Лежать под окном без форточки почти невозможно; дятел-домушник тоже мерзнет, ноет, – быдляк сегодня утром обещал, что сегодня же они форточку повесят. Адвокат так и не появляется, две полных недели уже, с 22-го августа. Что же это все-таки значит? Отказался из-за неуплаты ему денег? Иди, м.б., заболел? Ничего и узнать-то нельзя, свиданок тоже нет, естественно. Спросил бы у кого-нибудь из ребят, но писем тоже нет с понедельника, со 2-го числа, ни электронных, ни обычных. Опер, мразь, эти дни на проверках не появлялся, телевизор так и не принес, быдляк очень недоволен. :)

Зато вчера на проверке зашел в камеру «мусор» – и стал вдруг с этого пластикового навершия, сделанного в августе над туалетом, обдирать пленку. Сказал одному из эков зайти – и я, стоя как раз крайним к дверям, зашел. Он говорит: мол, надо всю пленку ободрать (а под ней – просто прозрачное оргстекло). Я: а зачем же тогда всё это вообще делали? – Чтобы, мол, запаха не было. Ага, расскажи это кому другому, ищи дурачков, кто поверит!.. :))) Ясно же, я и сам уже думал, что с этим оргстеклом с пленкой угол камеры, где «дальняк», вдруг стал непрозрачным для видеонаблюдения (не только у нас, естественно, а во всех камерах). Интересы соблюдения личного достоинства эков пришли в противоречие с интересами, так сказать, круглосуточного полицейского шпионажа за ними, – ну и, естественно, излишне даже объяснять, ЧТО было выбрано этой Системой как наиболее важное...

Я не мог сдержать горький смех, видя, как сокамернички, едва войдя с проверки, бросились вдвоем обрывать пленку до самого верха, до потолка. Рабы позорные, мразь!.. Сказали им – они кидаются исполнять, спорить им даже в голову не придет, нет бы ответить «мусору»: мол, тебе надо – ты и обдирай! Кинулись выполнять... С чего-то у нас с быдлом зашел сразу после этого спор о лагерях, потом – с его подачи – в какой тюрьме лучше сидеть: в такой, как здесь, или как в Америке (виденные в тамошних фильмах тюрьмы), с решетчатой дверью, или даже всей стеной, открытой в коридор. Я сказал: мол, кому что нравится, еще неизвестно, что лучше. И тут вдруг это тупое владимирское животное взорвалось – и стало орать на меня: ты, мол, настолько ненавидишь всё наше (и вообще Россию, кажется, – не поручусь, уже точно не помню) и любишь всё западное, – почему бы тебе было не уехать давно, еще в 1991 г.? (В ответ на мое напоминание об истории 2012 г. с загранпаспортом, неоднократно ему рассказанной.) И сразу за этим – ни к селу ни к городу вспомнил, как наиболее его поразившее (из всего, о чем я имел глупость с этим тупым животным говорить, пока сидели тут летом вдвоем): мой рассказ о дикой панике в Москве 16 октября 1941 г., широко известной в истории, и о том, что вообще летом-осенью 1941, когда коммунисты драпали в панике, русские позорно упустили еще один большой исторический шанс создать нормальное русское государство (и в пример я тогда приводил ему республику в Локте, о которой он, конечно, отродясь не слышал и потом переспрашивал, уточнял). Но это тупое быдло, воспитанное еще со школы, а пуще – сейчас на телепропаганде о «великой победе над фашизмом», конечно же, поняло мои слова так, что шанс был – сдать немцам, и всё, в рамках этой советско-школьной еще дихотомии: или советы – или немцы, третьего не дано... И эта невежественная мразь некоторое время визжала вчера на меня за это, вспомнив вдруг летние дискуссии... В общем, было очень смешно. :)

А так, вообще – совсем не смешно, а совершенно невыносимо сидеть тут без связи и ждать жуткого срока в десять лет лагерей. Лучше бы я сдох тогда, в 2006-м, или еще раньше, в детстве...

7.9.13., вечер (после ужина)

Страшные, поистине чудовищные эти два дня, вчера и сегодня. Чудовищная зубная боль началась постепенно вчера еще до обеда – вот в том самом зубе, сверху справа, что начал болеть у меня здесь еще в июле, но до сих пор болел не сильно. И вот вчера и сегодня правила игры поменялись, началась боль уже совершенно невыносимая – прямо как тогда, на «пятерке», в мае 2007; но тогда это продолжалось неделю, а сколько продлится на этот раз?.. Периодами такими болит: поболит несколько

минут очень сильно – ослабнет – на несколько минут пройдет совсем – усиливается – опять на полную катушку – и т.д. Вчера я терпел весь день, кеторол еще не принимал, хотя достал перед последним (своим, не казенным) ужином и чаем. Чай и конфеты все-таки как-то мне помогли, лег спать – не болело, и ночь тоже прошла спокойно. Утром сперва тоже не болело, потом начало чуть-чуть, и ближе к обеду – разошлось опять вволю. Пожалуй, слегка послабее все-таки, чем вчера, но у меня уже не было сил терпеть, – после обеда, ближе к казенному ужину, принял-таки вчерашние две таблетки кеторола. И что же? Хватило ненадолго, где-то на час, потом стало побаливать опять – от ужина, чертовой этой горячей картошки.

В общем, есть теперь на эту сторону (по крайней мере, горячее), пить чай и т.п. я не могу – только сильнее начинает болеть, тогда как раньше от еды проходило. Да и вообще, попал в ту самую западную, в тот капкан, которого так панически боялся и тем сроком, и раньше еще: в тюрьме, в заключении сильно начинает болеть зуб – и что делать? Всё, выхода нет! Только умирать... Лечить здесь зубы не лечат, а только выдирают, но если б и лечили – что мне с того, когда я и минуты не могу просидеть с открытым ртом, да и сознание тотчас потеряю, как только мне туда всунут что-то железное... В общем, действительно, положение создалось ужасное, я совершенно не знаю, что делать, кроме как быстро сожрать весь кеторол, помогающий едва на час, – и что же дальше? Тем паче, в связи с грядущими событиями.

А события действительно грядут. Вчера наконец-то пришел адвокат, полных две недели я его ждал. Оказывается, на следующий день после нашей с ним последней встречи попал он на «скорой» в больницу, что-то с поджелудочной железой, кажись, у него было, и вот только что вышел. Главная принесенная им новость: 12-го сентября начинается «суд» надо мной! Предварительное пока что заседание, в 11 утра. «судья» – Логинов, та старая мразь, что продлевала мне последний раз, 3-го июля, сразу на три месяца арест. Хитрый, старый лис, пройдоха, артист, который – и тогда, и, я легко предвижу, на основном моем процессе – будет, конечно, корчить из себя этакое «строгое, но справедливое судью», делать вид, что хочет во всё как следует вникнуть, разобраться, даже, м.б., будет изображать, что «понимает» и «сочувствует» мне... Но лет десять, ну восемь, ну – на крайний-то случай – никак не меньше семи он мне, конечно же, потом впаяет, легко и непринужденно. Старая мразь!.. Ну почему же вас, тварей, действительно никто не выслеживает и не стреляет, как должно было бы быть?!!! Только потому, что за вас, мразей, за каждого бандита «федерального судью» положен срок вплоть до п/ж? Или же все-таки

потому, что этот народ – народ рабов и быдла, а еще точнее – не народ вовсе, а тупой, пьяный, трусливый, бессмысленный сброд и биомасса?..

Написал письмецо Мише Агафонову – ответ на его, принесенное Бородиным. А до этого, еще до прихода Бородина, появилась наконец-то там самая тетка-цензорша, которой из-за отпуска и больничного не было аж два месяца, и принесла письма – от Майсурия №30, электронные от Антоши (наконец-то!) и Орлеаны, открытку от Агафонова с вложенным в нее тем сборничком моих стихов, что он раздавал на улицах 24-го, в WSD (из пяти стихотворений некоторые я бы не взял для такого сборничка никогда), и – самый большой сюрприз – письмо от Василевича! Вот уж от кого я не ожидал, думал – недосуг ему мне отвечать, или бухает и веселится, или опять сидит. Нет! – пишет, что пьет мало, «взялся за ум», работает, женился, ребенком обзавелся (жену взял уже с ребенком, что ли? Сам-то всего чуть больше месяца, как вышел.) Спрашивает адрес и телефон матери моей, чтобы не терять со мной контакт, и в конце пишет о себе, что он мой друг и сделанное добро помнит. Очень, надо сказать, порадовало меня его письмо, подняло настроение. Можно ли его словам верить? – я точно не знаю, ко всему надо относиться с осторожностью, но всё же то, что он на письмо ответил, когда уже он на воле, а я в тюрьме, и ничем я ему больше помочь не могу, как раньше, – это уже хороший знак.

Сегодня событие было только одно, но крупное, – между завтраком и обедом соседюшки, владимирский быдлак и дятел-домушник, повесили-таки, ценой невероятных усилий, недостающую форточку на окно. Я не верил, что им удастся насадить ее на петли. Орудовали они вот той коротенькой, но толстой деревянной палочкой, которая тут является официальной принадлежностью камеры и на ней выжжена цифра 525, ну и – моей палкой (инвалидной тростью), причем опять-таки не спрашивая разрешения, конечно, – просто взяли, и всё. Бились долго, упорно, мучительно, влезли сперва на мою тумбочку ногами, а потом и на верхнюю шконку надо мной; нижнюю часть моей палки ободрали о решетку намного сильнее, чем ее за три месяца ободрали в 408-й, с тамошней «дорогой». Быдлак выпустил деревянную палочку из рук, она упала за окно, на внешний подоконник; он привязал к моей палке веревочку (подшитый край простыни), сделал на ней петлю – и как удочкой, за железную пластинку, прибитую на одном конце, вылавливал эту палочку через решетку, – и таки выловил! Изрядно помучившись, они все же надели форточку на обе петли, и теперь я могу спокойно сидеть под окном в одной рубашке, как было летом. Слава богу, большая половинка окна, теперь не прижимаемая снизу снятой форточкой, тоже не раскрылась, как было

летом, между ней и рамой сейчас всего лишь узкая щель. А после обеда – они вроде бы узнали по звуку шуруповерт – в соседних «хатах» вроде бы уже начали «официально», силами хозотряда, вешать форточки и заворачивать шурупы, которыми они – кроме одной, верхней, маленькой – везде были наглухо закрыты зимой.

А Антоша пишет, что они с МФФ, оказывается, решили найти страну, которая согласилась бы предоставить мне не только убежище, но сразу и гражданство, чтобы я мог отказаться от российского гражданства, и, по международным правовым нормам, Антоша надеется, что меня могут просто выслать из России. Наивный!.. :) Максимум – просто отправят в ту знаменитую зону в Мордовии для иностранных граждан, только и всего. А чтобы решили выслать совсем из страны, выпустив из тюрьмы/с зоны, – для этого, пардон, нужна кампания в защиту во много раз более бурная, громкая и активная, чем нынешняя...

9.9.13., 9-й час утра (после завтрака)

Утро. Понедельник. Демоны опять «гуляют». Жажнут увидеть мразь опера и спросить, где же телевизор, – и сегодня на проверке, скорее всего, увидят (не дай бог, этот быдлоящик и впрямь им принесут!..). До «суда» мне осталось всего два дня. Провал в черноту, – в пустоту, в преисподнюю...

Вчера с самого утра, до проверки еще задолго, начали ходить по коридору толпами и орать, – водили на «выборы» мэра Москвы, от которых я заранее отказался. Дятла-домушника тоже повели, хотя никаких заявлений он не писал и бланков не заполнял. Вернулся – сказал, что вся церемония проходит в медкабинете, – сидят три тетки («избирательная комиссия», видимо) и стоят даже две кабинки!..

Зуб сейчас, к великому счастью, не болит, если только не задевать его нижними зубами и не нажимать языком при жевании/глотании. Вчера он болел уже существенно меньше и слабее, чем предшествующие два дня, но всё же весьма ощутимо. Так же, периодами, – несколько минут болит, несколько минут не болит. Самое же печальное – что в свой ужин, перед сном, я почти не мог есть: эта проклятая «Московская» колбаса неожиданно оказалась слишком жесткой (колбаса-то в точности такая, как всегда, дело в моих зубах, конечно). На эту сторону, где болит, жевать нечего было и думать, – боль адская, и не сразу успокаивается после того, как заденешь. Пришлось кое-как перестраиваться, жевать остатками зубов с другой стороны, с левой, которой – сегодня, да и вчера вечером, во время самого процесса, пытался вспомнить – не жевал я не то что десять лет, а как бы и не все 20 (точно просто не помню). Ощупал сейчас, после завтрака, – даже корни этого зуба уже немного опухли, чего с ним раньше никогда не

бывало. Ну да, оттого и боль такая сатанинская, вчера даже последнюю конфету «Маска», которой раньше, наоборот, лечил не очень сильную боль в этом самом зубе, я не мог им укунить, до того было больно. И боль – вот уже четвертый день – совсем другая, чем раньше, не тоненькая и острая, которая от конфетки проходила, а тупая, ломящая, отдающаяся в других зубах – и нижних, и верхних, чего раньше тоже не было. Что ж, остается надеяться, что это обострение, воспаление – не может же держаться постоянно, что оно уже ослабеваает, раз вчера не так уж сильно болело, и вскоре пройдет совсем. Хорошо бы, прошло оно до утра 12-го, чтобы хоть мог я сосредоточиться и всё сказать, что надо, в этом проклятом «суде» – и чтобы не выть от боли, сидя там весь день в боксике...

Короче, меня ждет черная бездна, небытие, пребывание маленьким, незаметным, бесправным и безгласным элементом в лагерной толпе бессмысленного быдла, мрази и отребья, под угрозой физической расправы навязывающего мне свои законы. Стать опять безымянным, бесправным муравьем в этом муравейнике... Я предпочел бы умереть, но – не берет меня смерть... :(((Впрочем, то, что демонов-соседушек стали вдвоем водить гулять, а меня оставлять одного, – это хорошо. Если такой порядок сохранится после отъезда быдла, когда меня уже «осудят», – м.б., я решусь попробовать еще раз, уже зная точно, сколько же мне отмерено небытия в этом адском муравейнике...

позднее утро (до обеда)

Конечно же, мрази демоны на проверке опять начали клянчить у мрази опера телевизор. Конечно же, он пообещал им опять на этой неделе, а потом еще, как всегда, радостно, с этакой глумливой улыбочкой, отдельно пообещал и мне: мол, скоро у вас будет телик, и вы будете смотреть его до утра! – когда нас вывели в коридор, почти сразу после проверки придя заделывать окна. Ух, мразь, удавил бы своими руками!!!... Да, пришли закрывать наконец окна – быдлак сразу проявил активность, начал объяснять им про форточку, из которой выпадает петля, так что нельзя открыть, – и его, а не меня (как я рассчитывал) «мусор» оставил в камере на время работ, а мы с дятлом стояли в коридоре. Когда же зашли, выяснилось: верхнюю форточку привинтили, но взамен, именно по просьбе быдла, оставили непривинченной нижнюю, которая вообще не имеет петель, а просто вставлена в проем и поддерживается деревянной палочкой «525», другим концом привязанной к решетке. Как же! – этой суке, видите ли, может понадобиться «проветрить», а после ее (надеюсь, уже скорого) отъезда это еще сильнее может понадобиться кому-нибудь другому, заселенному вместо нее – зимой! Среди этих насекомых 90% обожают

«проветривать» зимой, в мороз, когда я околеваю уже через пару минут после открытия форточки. Смутно обещал руководивший работами «мусор», что, мол, они еще раз придут – типа, проверят все окна – через месяц. Надеюсь, быдла тут уже не будет в это время – но и тогда добиться, чтобы завинтили все окна, оставив камеру без «проветривания», боюсь, будет непросто. Против будут, как всегда, и те, и другие...

Ненавижу эту страну, ненавижу!!! Мразь, сука, будь ты проклята навеки со всем своим тупым быдлом!.. Ненавижу вас всех, мрази, быдло, русские свиньи, тупые, бессмысленные скоты!!!!... Мразь Россия, сгни до ядерного пепла и будь проклята во веки веков!.. За всё, за всё, что тут было со мной – и за все ужасы, что меня еще ждут в этой проклятой стране!..

10.9.13., вечер (после ужина)

Вторник. Опять тот же идиотизм, что и неделю назад, даже хуже!.. Опять с курицей, яйцами, котлетами по-киевски и пр. никто даже не появился. Опять им не привезли, что ли? Что же до остального «магазина», в упаковках, – принесли такую ерунду и так мало, что фактически мне теперь всю неделю нечего жрать. Мать взяла два пакета конфет вместо одного, как я и просил в последнем письме через Бородина, – это доказывает, что письмо она получила вовремя. Поэтому я никак не могу поверить, чтобы она могла СОВСЕМ не заказать колбасу (которой у меня, как я на днях с изумлением обнаружил, от майско-июньского изобилия не осталось почти совсем) и сгущенку, которую себе к кофе я специально написал ей взять десять пачек (каждой хватает на два раза), а не две, как она взяла в прошлый раз. Успокаиваю себя тем, что ни колбасы, ни сгущенки могло сегодня не быть (хотя это совершенно невероятно), принесут завтра. Успокаиваю – и сам себе не верю. Яйца, курицу и пр. – еще может быть: не могла же она не заказать и это!.. В общем, на ужин сегодня после отбоя – крохотный паштетик, который она на этот раз взяла вместо нормальной упаковки паштета «Нежный», пара бутербродов с «Виолой» да кусок этого колбасного сыра, который она зато опять мне взяла, – лежит начатый и три неначатых, а плесенью они покрываются буквально за считанные дни. И чай с конфетами. И если завтра так ничего и не принесут – то в четверг, уже в «суде», надо будет как-то ухитриться, успеть написать ей записку и передать через Бородина, если только она не надумает прийти сама (но это вряд ли, т.к. она уже знает, что на предварительное заседание никого не пускают). Вот о чем еще приходится тут думать, тревожиться, волноваться, переживать, – как будто мне мало дум и переживаний о грозящем десятилетнем сроке и о начинающемся уже послезавтра процессе!.. Да будь же оно всё проклято, весь этот мир и вся моя дурацкая, нелепая, никчемная

жизнь!..

А зато больше не болит зуб! Это единственная радость во всем этом мраке, но зато крупная, важная и значительная. Вчера уже он практически не болел, а сегодня я уже и не вспоминаю о нем, вот так!.. :) Правда, есть на эту сторону что-то минимально жесткое я еще не могу – больно (надо будет попробовать вечером укусить им конфету). Я склонен думать, что воспаление, повлекшее 7-го и 8-го такие дикие боли, и впрямь было вызвано холодом и сыростью в камере из-за отсутствующей форточки и постоянно ливших дождей. Я не уверен, конечно, в этом на 100%, но все же – совпадение? – когда форточки закрыли, а дожди прекратились, перестал болеть и зуб. Более того, всё настолько хорошо, что теперь нет даже той относительно несильной, терпимой ноющей боли, которая была, особенно по вечерам, почти каждый вечер, начиная где-то с июля...

11.9.13., утро (после завтрака)

Дятла-домушника вчера почти на весь день возили – сразу и продлевать арест, и закрывать дело. Вернулся уже после отбоя, в 11 где-то, и до сих пор в ужасе, чуть не плачет, – ему навесили, кроме 158-й, еще 161-ю (тоже попытка квартирной кражи), и он в шоке от того, сколько ему за всё это вместе могут дать, а быдлак еще и всячески поддразнивает и пугает его, посмеиваясь в усы. Мне плевать на дятла и его горести, у меня полно своих, и гложут они меня гораздо невыносимее, – ведь во мне есть смысл, в отличие от всех этих домушников и пр. Невыносимо, тоскливо до отчаяния, до безумия – просыпаться здесь каждое утро и думать, что еще гораздо хуже и страшнее будет потом, ждет еще впереди. И вот эти идиотские заминки с магазином, унижительное ожидание по три часа, до самого ужина – принесут все-таки или нет, – и тревожные мысли о том, чем же сегодня поужинать, – это, видимо, первые, смутные, слабые еще звоночки будущего голода там, на зоне, – да-да, элементарного, самого банального голода, от которого, года через три-четыре, я там буду погибаться, всеми забытый, и некому будет привезти хоть что-нибудь поесть, ни теплых вещей, ни лекарств, и не у кого будет даже попросить денег на счет, да и – или же – в ларек доступ мне будет закрыт...

Будь всё проклято, будь всё проклято, будь всё проклято, проклято, проклято!.. За что мне такая судьба?!... Завтра, уже завтра, с самого утра, прямо с шести часов, мне предстоит ехать в «суд», где в ближайшие недели я получу срок – «путевку» в этот многолетний голод, унижение и прозябание...

позднее утро (до обеда)

На проверке быдлак начал опять докапываться до так некстати

подошедшего опера насчет телевизора. Тот в ответ довольно резко отчитал его: «вам сказано ждать – ждите!». «я не сам их вожу из «Эльдорадо» за свой счет!», и т.д. После проверки, минут через 35 – открыл дверь и вызвал вдруг быдляка уже к себе в кабинет. Тот пришел и рассказал: опер там начал допытываться до него насчет... телефона, который я (я!..) якобы «затянул» через адвоката. По поводу же телевизора добавил очень понравившуюся мне фразу: мол, разозлите меня (опера, то бишь) – вообще ничего не получите!.. Но радовался я рано.

Когда быдлак всё это рассказал, у меня сразу мелькнула мысль, что теперь, по логике, надо ждать шмона, – не может же этот дурачок опер «знать» про телефон – и не попытаться его найти и забрать. И точно! Прошел где-то час – открывается дверь, заходят двое, что ли, с металлоискателем какой-то новейшей суперконструкции – и опер с ними! Я остался на шмон, соседи вышли. Сам по себе шмон был не страшный, – немного (не до конца) порылись в моей сумке, опер полазил в шкафу с провизией, один из «мусоров» прозвонил металлоискателем пол, не вынимая даже оторванные доски, другой разобрал и собрал чайник... Но на мой немедленный вопрос – эта белобрысая мразота (опер) тут же заявила мне, что, это на все камеры закупаются телевизоры, и на нашу, мол, уже выписан, так что – понял я по его тону – избежать появления этого быдловизора никак не удастся. А как же «разозлите меня – вообще ничего не получите!»? – увы, спросить про это в тот же момент я не сообразил. И – понимая, что обольщаться не стоит, что наиболее реален наиболее худший вариант, – я в то же время в глубине души все-таки еще чуть-чуть надеюсь, что, блефуя с этими демонами, мразоид опер всё же может блефовать и со мной, – специально обещать мне то, чего я сильнее всего не хочу, чтобы я нервничал, мучился дурными предчувствиями, не находил себе места. 27 лет, вроде молодой еще, но подонства этого в нем хватит, я уверен, – пугал же он меня несколько месяцев регулярно карцером, прекрасно зная, что в карцер тут за отказ от «дежурства» не сажают, да и не в его власти посадить меня туда, решает это Хорев (начальник). Просто уж такой стиль работы, видимо: глумиться, пугать – и наслаждаться испугом, растерянностью своих жертв, их беззащитностью, их просительным тоном... Садистские наклонности, короче, – а про такие места, как ментовки и тюрьмы, ведь издавна известно в России, что идут туда работать именно люди (?) с садистскими наклонностями, дабы отрывать там на беззащитных жертвах, тешить свой комплекс неполноценности... Я сказал ему, конечно, что буду жаловаться, – он в начале разговора повторил сказанное еще в ту неделю, что, мол, если будут какие-то жалобы, то телевизор могут забрать; а на

повторное – в конце разговора уже – мое обещание жаловаться сказал, как обычно, что это не поможет. Ну, это мы еще посмотрим!..

То бишь – даже эта, самая дурацкая, самая примитивная проблема у меня не решается, куда уж там другим. (Нет, самая примитивная, пожалуй, – это: принесут ли мне все-таки сегодня после обеда яйца, курицу и т.п., но она пока не решается тоже.) Надеяться или отчаяться?.. «Всё будет нормально», – опять вспоминается мне лейтмотив бесед с Пашей Люзаковым в 2009 году, из Буреполома. Как меня поддерживали тогда, как просветляли и успокаивали душу эти его слова... Стало ли наконец хоть что-то нормально? Я освободился, как положено, в срок, и через 20 месяцев сел опять, – так нормально всё у меня тогда вышло или нет? Глядя из 2009-го, из Буреполома – наверное, да, а вот глядя из сегодняшнего дня... :(Поискал еще вокруг себя, поближе, – вот пример, что всё ещё может быть хорошо: зуб прошёл! Страшная, адская боль, мучившая меня три дня, совершенно прекратилась! Вот он, happy end?.. Но всё дело в том, что и это еще не конец, – не конец жизни. И зуб, прошедший на этих днях, может опять так же адски заболеть еще через месяц, – так что, увы, особо надеяться на хорошее не стоит, всё зависит от, так сказать, дальности прицела, или срока ожидания. Во всяком случае, в перспективе ближайших 7-10 лет ничего хорошего мне ждать точно не стоит

13.9.13., утро (после завтрака)

Чайник таки сдох, – вот чем встретили меня в камере вчера. Уже, считай, ночью, после 11-ти, когда, наконец, «подняли» со сборки после «суда». Ну да, правильно, разбирали его эти мрази на позавчерашнем шмоне, и чуть больше чем через сутки – сдох. Что теперь делать, непонятно, передать, чтобы Миша Агафонов заказал новый, можно будет только в четверг, 19-го, когда обещал прийти Бородин. Быдляр, правда, хочет развинтить чем-то этот чайник и попробовать починить, но – едва ли починит...

А сама поездка вчерашняя... О, как мучительны, как за пределами унижительны эти поездки в переполненных, душных автозаках, где тебе постоянно мешают колени сидящих напротив – проходик между двумя скамейками слишком узенький, – где всегда тряска и болтанка, а держаться не за что, упереться рукой в противоположную стенку – всё, что можно, и то страшно неудобно, а при резких заносах и поворотах машины все эски просто валяются друг на друга... Живо, ярко вспомнились мне поездки осени 2006 года, в тот раз. А мучительнее всего было сидение на сборке – по три часа до и после, в этих бывших карцерах старого корпуса, где недавно срезали наконец опускающиеся шконки и приварили скамейки вдоль стен, вплотную к стенам и до того узкие – не то что лечь, но и сидеть долго на них

почти невыносимо. А лечь мне вечером хотелось ужасно, в сон клонило мучительно, я буквально засыпал на ходу, – ну да, предыдущую ночь-то спал мало, полночи всё прислушивался, не включили ли радио, то бишь – не к шести ли уже время...

Мразь «судья» Логинов, как я и думал, разыгрывал свою пошлую комедию, – всю улыбался, частил, сыпал словами и примерами, споря с Трепашкиным (наконец-то появившимся), – типа, чисто теоретический спор двух юристов. Но, несмотря на все улыбки и на всю показную доброжелательность, – доводы Трепашкина он учесть отказался наотрез – спор шел о продлении мне ареста, – и продлил сразу на полгода, до 28 февраля 2014 г. Трепашкин же, оказавшийся еще и кандидатом юридических наук, взялся за дело весьма активно – не то что вялый, бесцветный и беспомощный Бородин – и, хотя знакомился впервые с «обвинительным заключением» прямо тут же, в «суде», но тотчас нашел какую-то статью в общей части УК, по которой ст.30 – приготовление к преступлению, которую мне и навесили вместе с 205.2 ч.2, – наказывается всего лишь половиной максимального срока по вменяемой статье особенной части; то бишь, таким образом у меня эта 205.2 ч.2 выходит не до семи лет, а только до трех с половиной, а весь расклад – опять до 7,5 максимум, путем частичного сложения. Мне он (Трепашкин) вообще пообещал срок не больше пяти лет, – мол, он не думает, что решатся дать «потолок», семь с половиной. Но я, в свою очередь, не верю, что «судья» Логинов учтет его абсолютно правильные доводы и согласится считать эту вторую часть 205.2 до 3,5 лет, а не до семи. Просто возьмет – да и вынесет «приговор», исходя из семи лет, а уж на вторую инстанцию – Мосгор«суд» – вообще нечего рассчитывать, что она что-то исправит. Да, разумеется, Логинов отклонил мой отвод ему, с которого я начал заседание, – правда, в решении почему-то написал, что якобы он имел отношение к моему «осуждению» в этом «суде» в 2006 г., хотя и близко не имел, а только продлял мне арест в июле 2013-го. После же зачтения своего решения о продлении мне ареста до февраля 2014 – и одновременно об отказе в «суде» присяжных – эта хитрая мразь совершенно неожиданно вдруг закрыла заседание, так что ни я не успел заявить ходатайство о допуске Е.С. в качестве защитника, ни адвокаты – о возврате дела прокурору и о чем они там еще собирались ходатайствовать. Пришли на «суд», были тотчас выгнаны Логиновым из кабинета и сидели в коридоре мать, Е.С.и Миша Агафонов, передавший мне привет от Гены Строганова.

Так что – теперь больше недели отдыха перед новым заседанием. И омерзительного ожидания каждый будний день, что вот сегодня

приволокут телевизор – и жизнь (точнее, существование, конечно) окончательно превратится в кошмар. И – теперь, когда есть и кофе, и сгущенка (а одну пачку позавчера, при получении, ублюдок домушник таки украл у меня, она таинственно исчезла со стола, пока я расписывался за всё полученное, и вместо десяти пачек, о которых я просил мать, осталось девять), так вдох чайник, и теперь приходится мучительно греть воду кипятильником в пакете из-под сока и с трудом, кое-как, наливать в кружку, ошпаривая руки... :(((

позднее утро (после проверки)

Дятлу-домушнику неожиданно принесли передачу из дому. Сыр, колбаса, масло, хлеб, кофе, чай, сахар... Оба демона счастливы. Наглое владимирское чмо опять, как и в тот раз, не спрашивая разрешения, хватает мою ложку и начинает ею резать колбасу и сыр (не понимая, идиот такой, что нарезанные эти куски через пару дней уже противно будет есть, – сыр растает, оплывёт, засохнет, в колбасе прогоркнет жир... Опять будут пиры по пять, по семь раз в день (сейчас уже начали, – у них «второй завтрак», хотя только перед самой прогулкой был первый), пока они не выжрут, как минимум, всю колбасу, сыр, хлеб и масло. Плюс – теперь они ждут еще и магазин, который, по идее, должна была им заказать мамаша домушника (или кто ему там заказывает), раз уж приехала сюда. И – скорее всего, в понедельник таки дождутся – и будут блаженствовать, будут счастливы своим быдляцким счастьем...

А почты, между тем, нет уже целую неделю, с прошлой пятницы (и сегодня тоже пятница)...

день (после обеда)

Перед обедом, около 12 ч., я лег полежать – и как-то незаметно вдруг уснул, так что даже не слышал, как они этот обед получали, как хлопала «кормушка». Очнулся – обед уже на столе, и обед «царский» - гороховый суп и рис (практически без мяса). Успел как раз вовремя. Чтобы меня не опередил и не занял мое место дятел-домушник.

После обеда они взялись вдвоем (дятел – как вспомогательное) чинить чайник – и таки сделали его! Оказалось, не в том положении застрял контакт в подставке, которую «мусора» на шмоне даже не разбирали. «Ур-р-ра, заработала!..» :) Тем временем еще и заказ принесли – от этой Валентины, знакомой матери в здешнем ларьке, – сперва колбасу, чипсы и еще какую-то мелочь (а, пакет сока яблочного!), а потом и горячее – курицу, слойки и пр., кроме яиц. Я сел наконец-то попить кофе со сгущенкой, раз чайник работает, владимирский быдляк лег дрыхнуть, как обычно после обеда, и вдруг дятел-домушник, залезший еще раньше на свою шконку,

вякает мне оттуда (я как раз протираю стол): «Боря, сегодня твоя очередь мыть дальняк»!

Я, честно сказать, слегка опешил и только нашелся спросить: а он, что, сильно загрязнился? На что это же чмо мне отвечает: мол, договорились же мыть по очереди раз в неделю. Да, быдляк как-то раз предлагал такое, в ярости, что моет, типа, он один, и вопил еще тогда на меня (я это упоминал в дневнике, кажись) – но я, убей бог, не помню, чтобы я на это предложение соглашался или чтобы в явном виде заключалась какая-то договоренность.

Что ж... Если бы тут не было тупого, злобного идиота быдляка, я бы послал эту мразь (домушника) – но тогда домушник и сам не предлагал бы мне такого, вопрос вообще бы не возник, я уверен. Я взял тряпку, налил воды в старый, грязный, поломанный пластмассовый таз, бывший в туалете еще до меня, в марте, и тряпкой протер там быстро пол и унитаз.

Итак, пробыв в камере месяц и десять дней, эта мразь, гнида, ничтожество, говорящий кусок дерьма, бессмысленный сгусток слизи (биомассы) – домушник – уже заставляет меня мыть дальняк! А обеспечивает его в этом требовании ко мне другой debil – постарше и куда более злобный. Повторяется всё то же, что было и в 408-й, в прошлую зиму. Быдло заставляет меня мыть унитазы!.. «А в этой стране умом моим – свиней кормить!..» (Или «здесь», а не в «этой стране»? Не помню уже точно.) [Примечание 2020г: точная цитата из «Петра Первого» Алексея Толстого – «В другом бы государстве меня возвеличили... А здесь умом моим – свиней кормить!..»] Факт остается фактом – быдло всегда господствует, всегда берет здесь верх над интеллигентами, над подлинной духовной и интеллектуальной элитой этой проклятой страны, – и вот я, радикальный поэт и публицист (как аттестует меня Корб), мою этому быдлу в тюрьме унитазы!.. Не-е-ет, надо сваливать из этой свинобыдлостраны, из этого вонючего ядерного Быдлостана, и я страшно жалею, что не сделал этого раньше, – ведь еще в 2007 г., в первые месяцы Буреполома, эта мысль уже приходила мне в голову. Бессмысленная биомасса пусть остается и моет свои дальняки сама, гипертрофированные эти чистюли, которым любовь к чистоте заменяет напрочь отсутствующие мозги, пропитые и проколотые, – а мне тут делать нечего, как и всем приличным людям. Гнусная Свинобыдландия, сраная Рашка, катись поскорее в сраное говно (как говорит Миша Вербицкий) и будь проклята навеки!.. P.S. «Всё будет хорошо»? :)))) На «Серпы» не повезли; зуб, поболеев три дня, прошел; чайник быстро починили; Трепашкин обещал мне вчера всего пять лет срока, вместо ожидаемых мной десяти... Пять лет за высказанное вслух мнение, – это хорошо??. :))))))

14.9.13., утро (до завтрака)

Демоны только что опять свалили «гулять». А вчера, наряду с мечтами о телевизоре и уборкой (пока только) дальняка, очень ярко проявилась еще одна традиционная тут чума. После ужина владимирский быдлак вдруг заявил мне: мол, давай ты оденешь кофту, или посидишь у меня (на его шконке, которая дальше от окна) – и немножко проветрим, откроем минут на 15!..

Я так и знал, что не зря это чмо не дало тогда, 9-го, забить все форточки наглухо. Распаренное после очередного чая со свежепринесенными хлебом-маслом-колбасой – и вот ему жарко, оно рвется «проветрить»!.. Можно себе представить, ЧТО тут будет зимой, когда посадят другого вот такого же идиота – а окно не будет закрыто наглухо!.. Убрал деревянную палку, держащую эту форточку, она откинулась – совсем как в пластиковых окнах – на улице вечерело, холодно не было, и я услышал шум дождя. Хорошо, пока еще только сентябрь, не холодно. Грустная тюремная романтика – закат, шум дождя, желтый огромный тополь в середине тюремного двора, уже понемногу облетающий (впрочем, их там, видимо, растет два вместе, и второй еще почти весь зеленый)... Потом он никак не мог приладить эту палку обратно, а форточку тем временем поддерживал моей палкой (тростью) – и говорил, что вчера, когда придерживал ее веником, закрыл окно с первого раза, а сегодня вот – никак. То бишь, они, эти два тупых животных, повадились уже открывать и «проветривать» каждый день, и это не сулит мне, с моим УЖЕ кашлем, насморком и простудой, абсолютно ничего хорошего

15.9.13., утро (после завтрака)

Мрази эти опять ушли «гулять». Тоскливое какое-то оцепенение с утра, невыносимая, давящая тоска... Вот чем всё кончилось... Не выбраться уже... 3533 дня осталось, если из 10,5 исходить, хотя Трепашкин и заронил мне в душу какую-то смутную надежду. Но я боюсь надеяться, – вдруг не оправдается! Тоска без общения с ребятами, – писем не было с той, прошлой пятницы, и я мучительно жду их завтра, в понедельник, – а вдруг вместо писем приволокут с утра телевизор!.. Не дай бог!!!...

Постоянно вспоминаю, перебираю свою жизнь. Да, есть что вспомнить, много было всего. Но – дожив почти до 40 лет, никогда не был я счастлив, как ни странно, – а теперь уж, понятно, и не буду. Разве что два-три ярких, счастливых дня вспоминаются, за всю-то жизнь – дни, ну на неделю, м.б., хватало, и то едва ли. Даже день освобождения, 21.3.11, не запомнился каким-то уж особенно счастливым, – должно быть, уже тогда я понимал, куда еду и на что... Кто же так изломал, исковеркал с самого начала мою жизнь, кто

лишил меня самого обычного, простого человеческого счастья? Вот уже второй срок я ищу, мучительно ищу ответ на этот вопрос – и не могу найти... Из этой проклятой страны, конечно, нужно уезжать при первой же возможности, но – когда она будет, эта возможность? Впереди лишь сплошная чернота, непроглядный мрак, что в тюрьме, что на воле, до самого конца жизни...

17.9.13., вечер (после ужина)

Очередной «плановый» шмон, второй уже за неделю, – вот свежайшая новость последних часов. Первый был в ту среду, 11-го, как раз накануне моего первого «суда». А сегодня после обеда – уже я попил кофе со сгущенкой, уже и магазин весь вчера заказанный принесли (в том числе и яйца вареные, как обычно, – и из них пара штук просто в лепешку, в кашу раздавленных!..) – как вдруг открывается дверь, появляется дежурный по этажу, что водил нас перед обедом в баню (молодой, длинный, – и по морде видно, что просто тупое, бессмысленное животное, заученно знающее только инструкции начальства и вечное «не положено»; кусок биомассы, короче) и говорит: у вас плановый обыск, выходим!

Оставил он в камере только дятла-домушника, хотя я и просил оставить меня, – дятел на сегодня записан дежурным; как же, строжайшее следование инструкции! Когда уже мы с быдлаком выходили – прибежал мразь опер и тоже влез в камеру; а больше – никого! Я-то думал, что на «плановый» шмон придет толпа их, с металлоискателями, – а тут дежурный по этажу, да опер (мразь), и всё!..

Отвели в конец коридора, заперли в «локалку» у окна. Опер минут через пять уже ушел, вернулся только под самый конец. Но второй, сука, шмонал долго!.. Сперва начали из двери камеры вылетать в коридор картонные коробки от «магазинов», стоявшие несколько месяцев у меня под шконкой; потом – еще что-то, но издали уже было не разобрать.

Пришли – полный погром, как я и думал!.. Бумаги и письма мои, всю огромную, толстенную их пачку, вопреки обыкновению, тоже достали из того кармана сумки, где они лежали, и потом небрежно – ничего не влезло, естественно, и так, полусасунутое, и бросили, – запихнули обратно. Читали ли (опер, конечно, второму-то зачем, а эта мразь любопытная) эту вот тетрадь с дневником – я толком не понял, но скорее да, т.к. обычно оставляемая внутри ручка отсутствовала. Вообще, очень повезло еще, что, когда вытаскивали из кармана сумки бумаги – лежавшие там же, сбоку, «неположенные» гелевые ручки сразу же всей кучей упали на дно – и эта мразь их не заметила и не унесла, а то мне нечем было бы сейчас писать. Зато – дятел и сказал потом, что «почитывали» у меня – в лежавшей на

шконке толстенной пачке чистых листов А-4 нашли, изучали, читали – и демонстративно грубо, вперемешку, запихнули назад черновики двух моих последних статей, – тех самых, что Майсурян, Агафонов и пр. «друзья» на воле никак - с марта-апреля еще – не набьют и не опубликуют: «За новый 1941-й!» и «Революционное либертарианство».

Я только посмеялся потом про себя, убрав весь этот погром: в советское время нахождение опером у ээка такого рода текстов – это еще одно уголовное (политическое, по 58-й или 70-й) дело или, как минимум, крупные неприятности, карцер, м.б. Этот же дурачок опер, молокосос, привыкший бороться разве что с наркотой или телефонами у подведомственных ему ээков, – почитал, полистал, да и засунул обратно! Непорядок! Совсем, понимаешь, бдительность потеряли!.. :))))))

Разгромили они и мою сумку в основном отсеке, где лежит тряпье, половину его повытаскивав; разгромили мою шконку, так что пришлось всё снова застилать, опять сворачивать телогрейку под голову; порылись в столе, выкинув часть негодного домино; выбросили стоявшие на шкафу красные пластиковые миски от «бизнес-меню», заходивших домушнику в августе, и стоявшие в шкафу пустые пластиковые же посудины от моих «киевских» котлет и картофеля-фри (но от него две круглых тары еще оставались в столе, – не заметили и не выбросили!.. :) ; слава богу, совсем не рылись в моих продуктах в шкафу и в моей тумбочке. Когда я вытащил опять все свои бумаги, чтобы заново их сложить и убрать, – заметил, что пропали лежавшие под ними черные нитки, намотанные на газету, – увы, это важная потеря. Белые, которые почти не бывают нужны, при этом остались. Зато, разбирая эти же бумаги, наткнулся я вдруг на черновик моего письма к Маше Алехиной и Наде Толокно, написанного в конце августа по просьбе Корба, – он обещал и им переслать, и обнародовать, чтобы, как я понял, связать в публичном пространстве мое дело с их супергромким (и до сих пор еще) делом в интересах моей защиты. Нет худа без добра! :) – нашел и с удовольствием перечитал. В общем – кроме ниток, потерь нет, но, как обычно, погром и на целый час уборки.

Вчера же наконец-то принесли перед обедом почту. Два письма от Майсуряна, одно от Маглеванной (электронное), от матери и от Воробьевского (неожиданно!) – коротенькое письмецо и новая «Крамола», совершенно ужасная и по содержанию, и по полиграфии, нелепая, безумная и нечитаемая. Майсурян же продолжает мне писать всё то же: что Корб только потому развил такую бурную деятельность по мне, что, якобы, он «лично мотивирован»: хочет, видите ли, «раскрутиться» на защите меня до того, чтобы стать «федеральным политиком». Преследует, типа, свои

чисто личные интересы, а потом наши интересы с ним могут разойтись, он попытается подчинить меня себе, навязывать мне что-то, редактировать мои старые тексты (речь у нас с Корбом шла о моей идее издать книгу; но едва ли у Корба до этого дойдет); а также – что Комитет, оказывается, уже был, аж с 2006 г., с моего первого ареста, – оказывается, все, кто входил в рассылку rzk_bst, – это и есть Комитет защиты Стомахина, и никакой другой (созданный в августе Корбом) совершенно не нужен!..

Я аж опешил малость, читая это. То-то же этот «комитет» в рассылке, включающий чистых троллей-provokatorov вроде Пурика-Лациса, ровно ничего не делал именно как комитет, никому (особенно СМИ) себя в таком качестве не рекомендовал, и т.д. Отдельные люди ездили ко мне, давали деньги, еще что-то делали, но о том, что вот эта вечно грызущаяся между собой публика в рассылке, оказывается, была КОМИТЕТОМ моей защиты, – стало для меня полнейшим откровением и неожиданностью! Как и идея, что, оказывается, НА МНЕ можно раскрутиться до того, чтобы стать «федеральным политиком» – тогда, получается, сам я уже изначально, до ареста еще, УЖЕ должен был быть таковым?! :)))) Но как объяснить бредовость всех этих теорий и писаний Майсуряна ему самому, когда он ничего не слушает, продолжает упорно переть свое, как тетерев на току, и пророчить, как Мерлин, будущие ужасы со стороны Корба в мой адрес?.. Телефона – поговорить – нет, а письма, к тому же, идут слишком долго, он еще и августовские, мои, похоже, не получил. Что ж, делать нечего, я написал все свои контрдоводы в письме доброй и покладистой Лене Маглеванной, с просьбой, чтобы она все это Майсуряну просто процитировала...

* * *

вечер (после ужина)

Кстати, еще небольшой прикол. На вопрос быдляка после шмона домушник сказал, что, конечно же, задавал оперу во время шмона «насущенный вопрос» (о телевизоре). На что тот, по словам домушника, начал отговариваться, что, мол, там бухгалтерия что-то «на...вертила» (выражение домушника), и вообще – мол, вы уже столько ждали, так подождите еще недельку-другую!.. :))))

Я, конечно, не верю ни во что хорошее и боюсь загадывать – но всё-таки, по-моему, это весьма похоже именно на отмазки, свидетельствующие о нежелании давать телевизор вообще! И это очень хорошо!!! :))) И дай бог, чтобы его и не дали сюда до самого моего отъезда!..

18.9.13., день (после обеда)

Вчера вечером – по «домофону» – совершенно неожиданно «заказали» на свиданку на сегодня! Я аж ушам не поверил, – смотри-ка, какой «добряк» этот «судья» Логинов, аж свиданки дает!.. Не ожидал я никак, – ну да, стелет-то он мягко... «Заказали» на семь утра, – я, как дурак, встал еще затемно, полшестого, как только включили радио, в темноте съел вчерашние слойки с чаем. Семь утра, уже восьмой... Не идут!.. Кого-то выводят, хлопают дверями, а за мной – ни хрена! Обратился в «домофон», говорят: попозже. Уже восемь... Пришли. Не могут отпереть дверь! Туда-сюда крутят замок, а она не открывается... :)) Возились долго, потом пошли за слесарем-зэком из хозотряда, а какой-то идиот-«мусор» через «глазок» в двери – на мой вопрос – заявил мне, что он, оказывается, НЕ ИМЕЕТ ПРАВА сказать мне, во сколько точно свиданка, но уверял, что я не опоздаю. Слава богу, она оказалась только в десять, а меня привели в отстойник без чего-то девять, – успел!

И – не совсем понятный инцидент был на свиданке: сидевшего в соседней кабинке узбека – по виду – вдруг пришли выгонять. Молодой, а пришли к нему сразу и мать, и отец. Пришла выгонять сперва девка-свиданщица, но он не уходил, тогда она вызвала «мусора», и тот его вывел насильно. Я сперва подумал – он курил в кабинке, но вроде нет. И потом, из каких-то недомолвок, не помню уже даже, из чего – вдруг мне показалось, что выгнали за то, что с родителями говорил не по-русски, а на родном языке (узбекском?). Вот оно что! Значит, точно прослушивают всё, суки, прямо в режиме он-лайн, и еще и на родном языке говорить не дают, чтобы им было понятно! Теперь ясно, почему в апреле, после разговора там с матерью о затягивании телефона, прибежало сразу по два шмона в день!..

Пришел со свиданки довольно рано, не было еще 12-ти, сел на шконку, сижу. Соседушки поспали, встали, попили чай, опять легли... Потом изнывающему от скуки дятлу-домушнику вздумалось вдруг подмести под своей шконкой (их общей с быдляком, точнее). Именно от скуки, а не потому, что там было так уж грязно. Быдляк, наблюдавший это, сидя за столом, тут же начал докапываться до меня, что, мол, тебе тоже надо у себя (под шконкой) подмести. Я так и знал – и тут же решил дать отпор. Что, говорю, прямо сейчас, что ли?! Он стал орать на меня, что, мол, он мне уже не так давно говорил, а я всё равно не убираюсь, такой-сякой, и т.д. Я в ответ откровенно сказал ему, что мне абсолютно наплевать, ЧТО там под шконкой на полу и т.д. И это – было единственное отличие от аналогичных ситуаций зимы-весны в 408-й – те же скандалы на ту же тему уборки! Как вся эта мразь и быдло хотят заставить меня мести их камеры, где они, видишь ли, «живут», а я только мучаюсь!.. В общем, на этот раз я не молчал и не покорялся, чем привел быдляка в ярость, – правда, драться он не полез, как

тот ублюдок в 408-й, а на все его словечки типа «черт» и пр. – мне наплевать, я их наслушался еще тем сроком. Быдло, мразь, говно говорящее, ты сперва дорости до моего уровня, насекомое бессмысленное, а уж потом будешь от меня чего-то требовать! Чистенькая, в чистеньком жилье, лоснящаяся, лощёная... бессмысленная мразь! Просто кусок биомассы, гордящийся чистотой вокруг себя, – но смысла-то в нем нет никакого, а вот во мне есть! Сделай хоть что-нибудь, мразь тупая, чтобы быть хоть кому-то на свете интересной, кроме двух-трех ближайших родственников (а цветные фотографии с World Stomakhin Day, присланные на днях Майсуряном, быдляк у меня попросил и долго, внимательно рассматривал) – а потом уже будешь от меня что-то требовать, свинобыдло ты безмозглое!.. Ей-богу, это тупое владимирское животное, я как раз хорошо себе представляю, действительно уместно и у места только разве что в роли уборщика (ну, садовника в крайнем случае) в имении, где я – барин (да-да!.. :) , а он – отнюдь не вольнонаемный, а КРЕПОСТНОЙ холоп, который не может уйти от меня по собственному желанию и которого, если что, – кнутом на конюшне!! А по-другому это русское тупое свинобыдло (вообще всё, а не этот один) не понимает, и то, что их в 1861 г. освободили от крепостного права – на пользу им и стране абсолютно не пошло, на наследничках тех освобожденных это видно сейчас совершенно явственно...

Обед почему-то привезли очень поздно, уже в третьем часу, – перловый суп и перловка на второе. И еще не успел я доесть свою котлету по-киевски (точнее, лаваш, в который ее тут зачем-то заворачивают) – открывается дверь, входит с «мусорами» Каретникова! Хорошо, что я уже давно готовился к ее приходу (в свете мечты дорогих демонов-соседушек о телевизоре), а мать только сегодня на свиданке сказала, что звонила ей – и та обещала прийти либо на этой неделе, либо на следующей. И вот, пожалуйста!.. Долго осматривала камеру, щупала матрасы и т.п. – как будто первый раз здесь. Быдляк, разумеется, тотчас же озвучил ей жалобу на «насушную тему». Я кое-как намекнул ей, что надо бы выйти, поговорить конфиденциально; так когда вышли – остановились прямо под нашей дверью откуда эти животные в камере могли слышать, – нет чтобы уйти к окну в коридоре, возле которого мы говорили в марте!.. И – с первого же вопроса я понял, что Миша Агафонов, зараза, так и не звонил ей, как я его уже дважды просил, и ничего насчет моей позиции по поводу телевизора не сказал! Будь ты неладен, Миша!.. Каретникова от меня всё это услышала впервые – и, поняв, наконец, что они хотят, а я не хочу, изрекла: «Какой вы жестокий, Борис!». Какая ты сердобольная, когда ночуешь-то дома, а не тут, в камере, со всяким отребьем и отродьем, дура несчастная!.. Тут же и вторая

– интеллигентная бабулька, вечная каретниковская спутница – начала меня увещевать, что, мол, «надо договариваться» и что «если тихо сделают» (телевизор), то ничего. Будь ты неладна, старая глухая карга, – а весь разговор прямо под нашей дверью происходит, так что я даже отвечать толком не могу!.. В общем, вроде Каретникова обещала не передавать начальству просьбу демонов (а с ней пришел только какой-то мелкий начальник с видеорегистратором, к нему я и не обращался), – но, увы, с ней ни в чем нельзя быть уверенным, она вполне может поступить по своему дурацкому разумению, – эта дешевая «правозащитница», общающаяся с уголовниками только под охраной тюремного начальства и потому склонная искренне их жалеть, сочувствовать и помогать... А насчет отдачи (уже перед этапом) моих вещей на волю – она и матери по телефону, и мне сказала, что сама забрать их не может, а только проконтролировать, когда я подам заявление начальству, чтобы вещи забрали на вещевой склад для отдачи потом матери.

24.9.13., утро (после завтрака)

Невероятно, но они – соседи – оба еще спят, проспали завтрак!.. :))) После вчерашнего, видимо.

С воскресенья (позавчера) на «суд» неожиданно «заказали» не только меня, но и быдляка. Как он ни отбивался, ни протестовал, ни напирал на то, что, мол, в апелляции специально просил рассмотреть без его участия, – его тоже повезли в Лефортовский «суд», и на сборке мы сидели с ним вместе, пока его не увезли. Сборка на это раз оказалась не бывший карцер, а та самая, «родная» уже мне «красная» сборка, где сидел я столько раз с весны... Набита она была, как всегда по утрам, сверх всякой меры, сперва мне пришлось стоять, но потом один молодой уступил-таки место. Центрами внимания толпы были сперва болтливый без меры балагур-украинец из Харькова, – как выяснилось потом, 1978 года рождения, не говорящий по-украински и проходящий по своему делу как «сутенер» (с ним мы ехали потом обратно), а чуть позже – старик (по виду), тоже балагур, в реальности же – 1968 г., из своих 45 лет в сумме отсидевший 30, большую часть из них – на Беларуси, там же обзаведшийся семьей, так что быдляк потом назвал его в камере просто и коротко – «бульбаш» (но родом из России), – с ним мы ехали позже в «суд». Когда народу стало меньше и балагур-«бульбаш» стал спрашивать меня, что у меня за «беда» (как меня бесит это выражение!..), а я стал вкратце отвечать, – в одном из присутствующих вдруг – совершенно неожиданно и к моему изумлению! – обнаружился парень, с которым в 2006, в самом начале, лежали мы вместе в 20-й больнице, в больничном ИВС, – меня привезли, а он уже был там. Помню, мы хорошо с ним

общались, я даже дал ему свой домашний телефон – и мать как-то тем сроком говорила, что он звонил ей из Углича, где сидел. И вот – когда я стал называть свои статьи, он сразу меня узнал! Да уж, как тесен мир... Увы, я не помнил даже, как его зовут, а он сообщил, что после того срока в Угличе успел отсидеть еще один срок – и вот сейчас по 158-й опять. Мелкий воришка-профессионал, видимо.

Как только стал писать всё это – демоны, как по команде, проснулись. :)

Ехали в «суд» втроем в пустом, огромном отделении автозака – я, балагур-«бульбаш» и молодой б/с, бывший «мусор», позарившийся вместе с подельником-дагестанцем украсть чьи-то велосипеды. Сразу в Бутырский «суд», в Бабушкинский, как в тот раз, не заезжали. Там, когда всех приехавших этой машиной, как обычно, перед шмоном ненадолго заперли в один боксик, – какое-то молодое глупое чмо с медведковских «пятерок», из соседних со мной камер, стало возмущаться, что я, мол, из «шерстяной хаты» и не должен сидеть с ними вместе, а какой-то быдлодагестанец-грабитель, сидящий сейчас в карцере, а когда-то (быдляк еще помнит, это было летом, кажись) – в 526, рядом с нами, даже попытался диктовать мне, куда (в какие боксики) и с кем я должен заходить и куда не должен.

Ну, а на обратном пути всё было еще интереснее. Спросили сперва, как я хочу ехать – отдельно или со всеми. Если отдельно – то только в «стакане». Со всеми, естественно, сказал я. Сел опять в тот же дальний отсек, у самой двери, чтобы в окошко на двери машины видеть дорогу. Но – влез в машину вот тот же молодой, долговязый, глупый-преглупый сосед из 527, кажись, – увидел меня, стал требовать, чтобы его посадили в другой отсек, т.к. я, мол, из «красной хаты» (это уже объяснил ему я) и будет «кипеш», если их, типа, живущих по понятиям, будут сажать со мной. «Мусора», сказавшие мне в начале, что, мол, обратно повезут гораздо больше народу, чем туда, так что свободного отсека не будет, недолго думая, всё-таки пересадили меня в «стакан».

Что ж, было там тесно, темно, душно, но терпимо, а благодаря таблетке даже не укачивало. Потом, позже, «мусор» открыл на двери «стакана» глазок – и я, пригибая шею и напрягая глаза, смог в эту дыру в железной двери видеть окно и за ним – улицу.

Как раз в это время ехали по ул. Космодемьянских – и когда выехали на Большую Академическую, – по большой надписи «Коптево» на углу я узнал местность.

Желтая, красная, но больше всё-таки ещё зелёная листва московских окраинных улиц, мокрая вчера от целый день шедшего дождя! Сплошь цветное, желто-зелено-красное всё вокруг проносится мимо, – и такая же

гамма из окон тюрьмы. Листья пока еще в основном на месте, не облетели. Романтические, ностальгические цвета и пейзажи, сколько же они будят воспоминаний! Всё было точно так же – и осень, и желтизна, и дождь, и даже улицы те же самые, те же Космодемьянских и Б. Академическая, – когда меня «судили» в прошлый раз, осенью 2006-го! Всё повторяется в жизни, всё... Почему? Или это судьба у меня такая? Семь лет прошло... Что еще ждет впереди? Ясно уже, что ничего хорошего, но все равно – почему всё вот так?.. Лучшее это время года, цветное, самое красивое – сколько раз мне еще встречать в неволе? А в Москве – так это, пожалуй, уже вообще последний раз, – в ноябре ли освобожусь, или в мае, но и к следующему сентябрю, к следующим желтым листьям, очень надеюсь, меня уже не будет в этой стране... А пока что – всё повторяется, как круговерть, как мистика какая-то; хотя, конечно, на этот раз уже я чувствую себя сильнее и увереннее, – и потому, что опыта больше, и больше известность, и поддержка теперь уже международная, покруче, чем тогда, – и еще потому, что хожу я сейчас с палкой, а не на костылях.

В общем, с обратной дорогой тоже повезло. Их «стакана» меня через некоторое время опять пересадили в тот же отсек – и там мы опять были вчетвером – я, харьковчанин, еще один парень, не виденный мною утром на сборке, и «обиженный», тоже всю жизнь сидящий и на сборке утром об этом рассказывавший. Из разговоров конвойных ментов я понял, что первоначальный их план – после Бабушкинского «суда» ехать в Мосгор«суд» и там пересаживать всех по другим машинам, каждая на свой централ, – неожиданно отменился возле Бабушкинского «суда», когда оказалось, что туда (к Бабушкинскому «суду») едет другой автозак, и пересадить всех можно будет прямо здесь. Ждали, правда, этот автозак мы не меньше часа, а скорее даже больше. Но все равно – не было еще, кажись, девяти часов, когда приехали в тюрьму, еще час (м.б., и больше) на сборке – и, без шмона почему-то в этот раз, подняли в камеру пол-одиннадцатого где-то. Быдляр же, приехавший гораздо позже другой машиной и поднятый в камеру уже где-то только в первом часу ночи, рассказал вот сейчас, пока я всё это пишу, что и их почему-то не шмонали вчера.

Что же до самого моего «суда», то это было такое же позорище, такая же невыносимо гнусная комедия, как и обычно. Прежде всего – не удался мой трюк, задуманный по опыту предварительного заседания, – что если заявлять каждый раз отвод «судье», то, пока он будет уходить готовить письменный отказ, можно будет поговорить с ребятами в зале. Хрен там! – ублюдки-конвойные повели меня на 20 (!) минут, заранее названные «судьей», вниз! Закрыли в боксик, пока вниз, вверх, – минут на пять, не

больше. Потом – адвокаты заявили наконец своё давно задуманное ходатайство о возврате дела прокурору, Трепашкин подробно расписал все основания для этого: и что по некоторым текстам ответственность предусмотрена в обвинении дважды, по нескольким статьям УК; и что не конкретизировано, в каком именно СМИ я собирался что распространять по 205.2ч., и т.д. Казалось бы, основания совершенно железные, – но, конечно же, ублюдок «судья» Логинов отказал, а меня – еще на 20 минут, им так же заранее обозначенных, – опять спустили вниз. После этого, совершенно неожиданно, сам же «судья», спросив мнение сторон (мне было всё равно, прокурор – по-моему, против, а адвокаты – за), нашел, что не может начинать рассматривать дело без... свидетеля обвинения Носикова, того самого ублюдка-стукача, что написал на меня первоначальный донос, имеющийся в деле. Зачем он нужен как свидетель на «суде» – непонятно, но и мразь эта, которой после доноса на меня уже дали в интернете кличку Доносиков, естественно, сделает всё, чтобы не появляться на «суде» – он и на следствие-то всеми силами старался не прийти, несколько месяцев его там ждали. «Судья», велев прокурорше обеспечить привод Доносикова в следующий раз, отложил начало разбирательства на 8-е октября – ну и слава богу, чем дольше протянется, тем лучше!

Порадовали меня, конечно, ребята, – и это была единственная радость в тот день. Пришла собственной персоной Люда Евстифеева, которую я не видел – странно даже вспомнить – со дня приговора, наверное, в 2006 г., если не раньше. Пришел Паша Люзаков, как и обещал. Пришел Гена Строганов – и именно он сказал мне, что Миша Агафонов стоит внизу, на улице, с одиночным пикетом, так что с ним мы так и не увиделись (но потом, уже в тюрьме, один из конвойных «мусоров» сказал мне, что видел пикет). Был Веник Дмитрошкин с «Граней», – я еле узнал его. Была еще молодежь, знакомая мне по фотографиям, но не лично, журналисты или не журналисты – не знаю даже (но два человека сидели прямо в зале с ноутбуками в руках). И – наконец, – завершающий штрих. Когда заседание кончилось и «мусора» выгнали всех из зала, а я еще остался переговорить с адвокатами, стоя в клетке, – когда меня тоже вывели, то оказалось, что все бывшие в зале не ушли, а стоят здесь же, в каком-то закутке возле дверей зала – и они проводили меня дружными аплодисментами, на которые оборачивались многие, сидящие в коридоре у дверей других залов!..

Да, не было, увы, Е.С. – Трепашкин сказал, что она не в Москве и просила ходатайство (безнадежное, увы!) о ее допуске в процесс в качестве защитника готовить к следующему разу.

Ну и, наконец, Бородин, как только меня первый раз привели в зал,

вручил мне – через конвой, естественно – распечатку от 23-го же числа с сайта некоего «фонда борьбы с русофобией». Там говорилось, что какой-то адвокат Буланов направил прокурору Москвы очередной донос на меня, требуя возбудить очередное уголовное дело по всё тем же 280-й и 282-й. Оказывается, профессиональных русопятов из «фонда» очень возмутило, что, пока я сижу в СИЗО, мой блог на LJР активно пополняется новыми материалами (в частности, их возмутили «Реплика», заявление про срыв олимпиады и стих про «мусоров» :), и они требуют провести расследование, кто именно из сотрудников СИЗО дал мне устройство и обеспечил выход в интернет из камеры! :)))))) Я умер со смеху (внутреннего, беззвучного), прочитав это!.. :)))) Кроме того, их очень заинтересовал твиттер, ведущийся кем-то от моего имени (я уже читал об этом в майсуряновских распечатках, но понятия не имею, кто это делает; причем – фотку автор идеи взял именно ту, которую охотнее всего взял бы и я: в майке с волком, с концерта «Электрических партизан» в Питере в 2012 году). Причем, автор твиттера (по словам этих русобыдлярских уродов, с одной стороны, высказывал поддержку Басаеву и неприятие Путина, а с другой – собирал на какой-то Яндекс-кошелек деньги в мою поддержку, – так что эти идиоты не придумали ничего умнее, как обратиться в ФСБ, дабы там проверили, не переводились ли с этого кошелека, и кому именно, средства на «финансирование боевиков» на Кавказе!.. :)))))) Правда – что совершенно нетипично для людей, действительно мне близких, так что это, думаю, все-таки был чужак, – твиттер после озвучивания этих претензий тут же закрылся, так официально и написав, что закрывается из-за претензий «фонда борьбы с русофобией», а потом аккаунт был удален. Но кошелек, видимо, будут проверять всё равно.

Лестное, но не очень приятное всё же сообщение. Чем мне это грозит? Прежде всего – истерикой тюремного начальства, и конкретно мрази-опера «пятерок», которым придут все эти запросы от прокуратуры. Повальными шмонами в камере в поисках телефона и ноутбука. :) Не дай бог, еще переводом куда-нибудь в другое место – на «спец», например, а то и в другую тюрьму, для большей изоляции (хотя это вряд ли, конечно). И – еще менее вероятно – новым уголовным делам по этим материалам, хотя пребывание в СИЗО, конечно, есть достаточно крутое алиби, а лог провайдера им на этот раз недоступен, не говоря уж о лог сервера. :) Едва ли они смогут это дело раскрутить, хотя предчувствия и не очень приятные, конечно; но – я не боюсь этих мразей!.. Война есть война – и я буду воевать с вами, русские мрази и свиньи, до самого конца, пока я жив!..

вечер (после ужина)

Ходили сегодня в баню. День пролетел довольно быстро и как-то незаметно. Весь день у меня было какое-то приподнятое, веселое, энергичное какое-то, бодрое настроение, которое я, однако же, не решился бы по совести назвать «хорошим». Скорее, было в этой бодрости и веселье что-то нервическое, искусственное, неестественное, – как будто я, не отдавая себе полностью отчета, инстинктивно стараюсь заглушить какую-то тревогу какую-то сосущую, тянущую боль в душе. Разумеется, я знаю, что там за камушек холодный лежит, в глубине моей души, тут ни искать, ни гадать не надо: это вчерашнее известие о том, что на меня написали новый донос прокурору Москвы – и, скорее всего, будет заведено еще одно уголовное дело. Когда все же эта мысль изредка, временами, выплывает на поверхность, – я гоню ее, говоря себе, что всё равно ничего доказать они не смогут, что было уже подобное – тем сроком дело по «РП» в Нижнем, когда был обыск у Пантелеева, и ко мне приезжали в лагерь с допросами аж дважды, и – ничего не смогли нарыть, и это притом, что в январе 2006 я еще был на воле, а сейчас – я в тюрьме, и это просто шикарное, железное алиби!.. – и т.д. и т.п. Но тревога всё равно остается где-то там, в глубине души, – безотчетная тревога под напластованиями всех доводов разума и логики, и я понимаю, что всеми этими сегодняшними – как летом прямо! – длинными веселыми разговорами и смехом с быдлом я просто стараюсь – тоже безотчетно – заглушить ее, отвлечься, ибо если она овладеет мной полностью, мне будет очень плохо – вот как было 6-го числа с зубной болью, только от предчувствия новой беды, да еще в тюрьме, никакие лекарства не помогают. Ну и – наконец – есть и еще одна причина этого сегодняшнего веселья, более слабая, но и более рациональная: радость от вчерашнего же известия, что следующий «суд» отложен аж на две недели, до 8-го октября. Немножко, слабенько – но я все-таки этому радуюсь; тем паче, это примечательно потому, что эту приятную новость я узнал вчера уже после того, как узнал основную, грустную – про новый донос...

27.9.13., утро (после проверки)

Мрази, мрази, мрази!!! Быдло, быдло, быдло!!! Ублюдки! Выродки!.. Мерзкая, зловонная грязь и слизь, – вот что (кто) меня окружает! Ей-богу, без всяких шуток, всю эту проклятую страну вот прямо сейчас выжег бы напалмом без всякой жалости! Всех вас, тварей, мразей, ублюдков, вонючих русских свиней, спалил бы!.. Ненавижу! Ненавижу!! НЕНАВИЖУ!..

Гнуснее, мерзее, отвратительнее просто не бывает. Вчера этот урод так и не пришел, хотя я ждал после обеда, как договорились еще в «суде», – и ни хрена, облом! То ли не успел (а я так и думал, что в 12 сюда идти, как он хотел, – это поздно!), то ли опять чем-то еще занят был. Но всё важнейшее –

предупреждение по новому доносу, прежде всего – так и не передано...

А зато вот сейчас, только что, перед проверкой, ублюдок опер все-таки приволок этим мразям телевизор!!! :((((Новенький, плоский. Сука, е...чая мразь! Ублюдок тупой, белобрысый, вечно лыбящийся! Х...сос! Шкуру с тебя живьем содрал бы, мразь мусорская, оперская!.. Ну ничего, погоди, – жалобу я отправлю не сегодня – так в понедельник! Сука е...чая!.. Убил бы своими руками, глаза бы у тебя, оперской гниды, выцарапал бы! Что, нашел мою тетрадку с дневником? Ну читай, читай, сука, и радуйся, что пока глазенки твои еще на месте...

Мрази, ублюдки, рвань и срань, выродки, тупые суки, мразь, как же я вас всех, всех, ВСЕХ ненавижу!!! Эта сучка белобрысая, конечно же, отдавая телевизор, сказала им, что, мол, чтобы никаких жалоб не было, и – смотреть, мол, только до 12 ночи. Ага, как же, сейчас!.. Особенно после того, как уедет быдлак и заедет сюда еще кто-нибудь... Мрази, будьте вы прокляты со своим телевизором, суки!.. Итого – пять месяцев и восемь дней было спокойно в камере. Сейчас эти суки его налаживают, мастерят из провода от старого кипятильника (моего!) себе антенну, но – тишина в камере доживает последние минуты, ну от силы – еще час-другой, это ясно. Ни читать, ни думать днем, ни спать ночью опять будет невозможно, как уже было здесь весной...

Думал вчера об этом гнусном новом доносе. Одно радует: ведь я действительно этого не делал, того, что они мне пытаются пришить, ничего отсюда не вешал. Так что если даже и раскрутят это новое дело – «по закону» своему, если брать за образец дело нынешнее, с логами провайдера и пр. – ничего они мне нового не повесят, очень на это надеюсь. И не докопаются ни до кого из тех, кому действительно может грозить по этому делу опасность. Потому что если докопаются и повесят – это для меня будет таким же ударом и такой же болью, как если бы повесили мне самому...

вечер (после ужина)

Мрази, мрази, мрази!.. Быдло, быдло, быдло!.. :)))) (Горький смех.)

Настраивали полдня, настроили-таки себе канал «Перец», бывшее ДТВ, самая говённая, тупая, пошлая быдлоразвлекаловка, – и теперь сидят, блаженствуют, смотрят, слушают. Особенно дятел, конечно, – наконец-то, сбывлась мечта идиота... Время от времени пытаются поймать еще что-нибудь (и «Перец»-то черно-белый, но не шипит, увы). Мрази, ублюдки, выблядки, сраное быдло... Тишина, да, увы, в камере кончилась. После обеда взял читать тем сроком уже читанный детектив Акунина «Левиафан» – с трудом продираюсь под их идиотские «прикольные видео» и бесконечную, жутким замогильным голосом с «разоблачительными» интонациями

читаемую криминальную хронику. Какое говно!.. – впрочем, какая страна, такое и телевидение (и такое и население, для которого это телевидение делается. Акунин на этом фоне смотрится прямо-таки аристократом...).

А этот, черт бы его побрал, – так и не пришел, конечно. Я прекрасно понимал, что в пятницу уж он, понятно, не придет, если не пришел в жестко, конкретно договоренный четверг. То ли не успел, то ли занят другими «делами», а вернее всего – узнав, что мать приходила на свиданку (в среду, позавчера, и я об этом, кажись, так и не писал еще здесь, – решил, что слишком жирно мне будет в одну неделю и он, и мать... Сука... Завтра-послезавтра – выходные, потом – ждать его всю следующую неделю, быть наготове (это очень обременительно, т.к. в любой день может быть опять шмон, а для шмона требования совсем другие, противоположные), и, если в ту неделю не придет, то за ней, во вторник – уже и «суд» очередной, и он может мне там «точно» назначить очередной день своего визита, в который опять не придет...

Мрази, ублюдки, суки! Будьте вы все прокляты и сдохните поскорее!.. Мразь Россия, когда же наконец я смогу всю тебя, суку, выжечь напалмом?!.

28.9.13., утро (после завтрака)

Мрази опять «гуляют», и, видимо, это теперь будет единственный спокойный час в день (и то далеко не в каждый). Вчера они «поймали» себе к вечеру еще несколько каналов, в том числе, конечно, быдлоразвлекательный ТНТ – куда же без него! – и до ночи смотрели «камеди вомен», «камеди клуб», «камеди баттл» и прочее говно. Я вынужден был не только лечь, отвернувшись лицом к стене, но и – через толстый двойной воротник кофты (на молнии), надетой на мне, заткнуть себе пальцами левое ухо, оказавшееся сверху – а правое было прижато к подушке, – чтобы не слышать этот словесный телепонос. Беда в том, что если долго лежать в такой позе – начинает болеть с левой стороны шея, волей-неволей приходится переворачиваться. Животные эти ничего не сказали мне, ни о чем не спросили, но, видимо, сейчас вот обсуждают вдвоем на «прогулке». Ни о чем их просить, пусть даже сделать потише свой любимый «ящик» (любимое выражение домушника), я не собираюсь, говорить с ними мне вообще совершенно не о чем, пусть наслаждаются круглые сутки обществом и интеллектом друг друга. Молчать, находясь среди быдла, мне вообще не привыкать, опыт имеется. :) (Грустная улыбка.) В отличие от той зимы, от 408-й «хаты» с подонками, – у этих нет телефона, так что я ровно ничего не теряю. :) И, к тому же, тут-то уж не «людская хата», как мне постоянно тыкали там, – ну и слава богу. Теперь меня связывает с этими двумя телезрителями только одно: я должен (?) им (почему-то) раз в

три недели мыть туалет (но если очень уж достанут – могу отказаться, а вот они мне хрен запретят им пользоваться, особенно когда владимирский быдлак наконец уедет).

В общем, жизнь тут сильно ухудшилась со вчерашнего дня; вечерА – самое лучшее и спокойное до сих пор время, когда меня немного отпускало и можно было подумать хоть о чем-то хорошем, а не только об ужасном, голодном будущем в лагере, теперь непоправимо испорчены телевизором. Выключили они вчера в 11, я сразу сел есть, – походить, подумать, сосредоточить и расслабить свое внутреннее «я», как каждый вечер я делал, уже не было времени, да и желания тоже, – всё было отравлено в душе... Ел целый час, пил чай – уже заиграли по радио их вонючий «гимн» (музон расстрелов), потом сразу лег. Проснулся – радио отбивало очередной час («больше, чем радио!» замогильным голосом), но не сразу, я до этого еще долго лежал. Сколько, собственно, времени, однако, не сказало. А дальше, еще через час (я так и не спал уже больше) – опять гимн. Значит, проснулся в пятом часу, а лег в первом. Четыре часа сна за ночь, вместо положенных восьми... И это еще хорошо, что четыре, а то, бывало, и час всего, тем сроком...

Почему же, почему я не уехал? Ведь отчетливо помню тот момент, утро в бараке, поздней осенью 2007-го, когда пришла впервые эта мысль, еще неуверенно, как вопрос. Будь всё проклято!.. Почему же я не уехал, идиот?.. Зачем и тогда-то, в 2004-м, вернулся? Эх, знать бы мне тогда про этот самый «женевский паспорт беженца», о котором пишет теперь Антоша, знать бы тогда МФФ... Суки, будьте вы прокляты с вашей Россией – мразью и ублюдиной – и с вашими 140 млн. быдла на веки вечные!..

Зуб – тот самый, верхний справа, дико болевший 6-го и 7-го сентября – опять обрел чувствительность, увы. Хотя и не такую, как летом, когда там сам по себе постоянно ныл нерв. Сейчас – тупая боль при нажатии, потом проходит. Весь день не болит, но за ночным чаем – второй уже раз подряд – кусаю им конфету, как раньше, – и очень больно... :((

день (после обеда)

Древние великаны, Адам, всемирный потоп, ангелы-хранители, НЛО, библия, веды, китайская угроза России, скорое вымирание европейцев от однополых браков... О-о-о!!... Они поймали утром, придя с «прогулки», Рен-ТВ, и весь день слушают этот густой, махровый, густопсовый бред, мешанину из библейских сюжетов с НЛО, со ссылками через каждую минуту на неведомых «ученых», ни один из которых не называется по имени. От этого многочасового бреда, передача за передачей таких вот «сенсаций», вполне можно сойти с ума, не хуже, чем от художественных

фильмов о ментах и неудачных замужествах. «Научные» открытия и сенсации для быдла... Увы, умом я понимаю, что даже от жалобы в УФСИН, пересланной через волю, эффекта все равно не будет, – телевизор, увы, уже всё равно не заберут. Быдловизор, точнее. Жаловаться Каретниковой, писать и идти на прием к самому местному начальству – надо, да, но нутром я чувствую, что всё уже бесполезно. Придется сутками, неделями, месяцами слушать телеканал, сознательно и целенаправленно генерирующий «сенсационный» псевдонаучный бред, дабы засрать все мозги обывателю и сломать всю нормальную, действительно научную картину мира... Господи, за что мне это?! Так хорошо было эти пять месяцев, ровно 160 дней, пока в камере не было работающего быдловизора!.. Суки!!!!..

29.9.13., утро (после завтрака)

Дьяволы эти опять ушли «гулять» – и слава богу, хоть воздух чище на это время, подышать без них...

О, как всегда, – сможет ли кто-нибудь из небывших понять, какое это мучительное, горькое унижение: уже в темноте, уже под полночь, это ясно, – сидеть и мучительно ждать, когда же эти б...ди досмотрят свое очередное «кино», наконец, чтобы иметь возможность поест (под их «кино» мне кусок в горло не лезет) и лечь, наконец, спать, хоть чуть-чуть отдохнуть от этой бесконечной, целодневной пытки телевизором и бредом из него... Но вчера, увы, жрать пришлось под эти телепомои. Сразу после итоговой программы Максимовской по Рен-ТВ они стали там же смотреть какой-то фильм; часа три он шел, как обычно, вместе с рекламой, и я все-таки надеялся, что вот-вот он кончится – и ВСЁ!.. Но тут в анонсе, в перерыве, сказали, что второй фильм – продолжение первого – «прямо сейчас», в 23-45! Еще на три часа!.. Тут уж меня прорвало, я понял, что ждать нечего, поел и лег. Омерзение, ярость, тошнота в душе были такой силы, такого накала, что какой уж тут сон! – да плюс фильм же так и продолжал орать!.. Но тут быдлак, видимо, что-то вспомнив (или остатки совести вдруг проснулись?..), сказал дятлу, что, мол, вот сейчас «добьём серию» (каждый фильм делится на куски – типа, серии – идущие подряд) – и спать, да? – а то, мол, он прикинул, – до трех, до полчетвертого будет идти. Вскоре, как я лег, он всё же выключил, предварительно, конечно, как всегда и как все они, ритуально пощелкав другими каналами, – мол, нет ли где еще чего-нибудь еще интересного; это – прекрасно видя, что я уже лег спать...

В общем-то, конечно, какой там сон, после ТАКОГО (весь день от звука телевизора было такое чувство, что меня электричеством пытаются, всего аж трясет). Ну да, засыпал пару раз, просыпался, потом опять засыпал, задрёмывал, – в общей сложности, наверное, часа два проспал, не больше.

Проснулся, как обычно, задолго до шести, до включения света, – а эти суки себе дрыхли и похрапывали, дятел еле изволил встать к завтраку, получить его; быдляр проснулся и того позже, да и вчера днем дрых часа два. Как обычно: тупое, толстокожее, гораздо лучше приспособленное к тюрьме (благодаря своей бессмысленности) быдло наслаждается в тюрьме жизнью, жрет-пьет-дрыхнет-смотрит телевизор, а я страдаю. Ведь именно лишение сна – худшее, что тут может быть, это я знаю еще по опыту того раза...

Что ж, после проверки напишу жалобу в УФСИН, заявления Горбачеву (зам по оперработе, тот, что детом отдал мне майсуряновские распечатки) и психологу (сильно ухудшилось психологическое состояние, – это как раз по ее части, пусть поможет срочно убрать быдловизор), письмо матери, чтобы тоже начинала скандалить и жать на все кнопки по поводу этого проклятого телевизора, чтобы его убрали, – но, увы, боюсь, что все эти усилия не помогут, что мучиться мне еще долго. Если максимум – 7,5 лет, то осталось мне на сегодня 2423 дня...

вечер (после ужина)

Отдал письма – матери и в УФСИН - и заявления – Горбачеву и психологу. Расписаться за них пока не принесли, кстати. Блин, просто представить: сегодня опять полночи сидеть и ждать, пока у них закончится это очередное говно... пардон, кино. Тоска, тоска смертная, и всё бессмысленно – жизнь не сложилась, и ничего уже не исправить... Быдловизор хохочет...

30.9.13., 9-01

Демоны опять «гуляют». Вчера очередной идиотский фильм у них закончился довольно рано – в 23-25, объявляли в анонсах, там уже должно было начаться что-то другое. Быдляр, как обычно, еще пощелкал, поискал, прежде чем выключить. Расписаться за заявления – за оба – таки принесли, вскоре после того, как я написал, что не несут. Быдляр, разумеется, тут же спросил, к кому я писал заявление и – услышав ответ – о чем? Я ответил, что на прием к начальнику – узнать кое-что («поинтересоваться»), а про Горбачева и психолога говорить не стал, – зачем? Быдляр, разумеется, подозревает об истинной цели моих заявлений – он не совсем идиот, довольно смышлён, – но ни доказать, ни, тем паче, предотвратить мою попытку добиться убранья отсюда телевизора он не может. Вчера ночью, когда они уже дрыхли, а я ужинал, – несколько раз (чаще, чем обычно) заглядывали в «глазок» на двери, причем один раз я услышал за дверью свою фамилию. А сейчас, выпуская их на «прогулку», один из двух «мусоров» спросил громко: «А что, политзаключенный не ходит?». Из этого я заключаю, что, видимо, когда они вчера вечером разбирали заявления, их поразило слово «политзаключенный», которое я на обоих своих заявлениях

написал, – настолько, что они, видимо, даже ходили на меня посмотреть в «глазок», пока я ел...

Всё это, конечно, прекрасно, но – началась новая неделя, неделя мытья туалета. :))) И – нового ожидания Бородина, тоскливого ожидания день за днем хотя я почти уверен, что если он и придет, то не раньше четверга, это его любимый день, – а сегодня только понедельник. Как там развивается донос в прокуратуру – нет никакой информации, хотя опасность сохраняется. Должна еще, по моим прикидкам, сегодня-завтра быть почта, много, в том числе письмо от Майсуряна, 34-е. И – очень любопытно, сколько именно придется написать заявлений Горбачеву и психологу, чтобы они все-таки вызвали...

день (после обеда)

Прибегал после проверки мразь опер, выдергивал меня в коридор (даже не в кабинет) и очень возмущался, – мою жалобу в УФСИН ему таки показали!.. :))) Грозил мне всякими карами, – а с них (сокамерников), говорит, возьму объяснение, что они только до 22-00 смотрят ТВ, так что ты, мол, ничего не докажешь. То бишь, лжесвидетельство практикуется вполне открыто, о нем и не стесняются говорить вслух, ага... Следом за мной тотчас вызвал быдлярка, я думал – писать это лжесвидетельство, но через полминуты тот уже вернулся – в ярости, конечно, и стал жаловаться дятлу, – мразь опер, то бишь, просто ему сообщил, что я написал жалобу. Мне практически ничего не сказал, зато, я слышал, дятлу, своему нынешнему, так сказать, «семейничку» (еще бы – его передачи только и жрет, больше самого дятла, самому-то московская тетка почему-то ничего не шлет) сказал, что, мол, садись теперь со мной (за стол, есть в обеда и ужины), – мол, со мной, «доносчиком», это быдловатое владимирское чмо теперь есть не хочет. :))) В обед так и сделали, – я ел первым, один, а они – вдвоем после меня. Хорошо еще, что хоть брать мне баланду не отказываются, – а в остальном всё повторяется, что было и в 408-й, только здесь для этого есть хоть какая-то формальная причина, а там не было вообще никакой.

Вот только стали меня одолевать сомнения – писать ли «заявления №2» Горбачеву и психологу. Естественно, на «№1» ни тот, ни другая и не подумали отреагировать.

ОКТАБРЬ 2013

2.10.13., вечер (после ужина)

Ух, как оно бесновалось, это тупое быдляцкое чмо, вечером позавчера и вчера!.. Позавчера аж с кулаками на меня броситься пыталось один раз, и всё пыталось оскорбить словом «мышь», – этому дурачку кажется, что обозвать «мышью» - это что-то ужасно обидное. :)))) «По-тихому, по-мышьиному» написал жалобу, и т.п. :) Вчера же – уже лег спать, и когда я сел ужинать, вскочил, сел за стол напротив меня (всё удовольствие от курицы-гриль испортил, мразь!..) – и стал дотошно выпытывать, почему это, мол, «из-за меня» им опер запретил смотреть быдловизор после 22 часов, а я, мол, только где-то в 11 вечера есть начинаю; почему бы, мол, им не смотреть это телеговно до тех пор, пока я не поем (ага, под этот галдеж и бред...), а потом, мол, всем вместе ложиться спать. И, мол, соглашусь ли я подтвердить такой порядок, если опер спросит. Не давал мне спокойно поесть, докапывался и настаивал, сука, – но я фактически отказался с ним разговаривать (дай мне спокойно поесть, и всё тут. В ответ эта мразь заявляла, что, мол, раз я их двоих «защемил» с телевизором, то и он мне есть спокойно не даст, и вообще, в каком-то (не помню точно, каком) случае я ужинаю после отбоя последний раз!). Концом всего была угроза, что, мол, если телевизор заберут, то он (быдляр) тоже уйдет из этой «хаты» (интересно, куда и как?), но я, мол, его уход «запомню на всю жизнь». Я понял эти слова как угрозу физической расправы.

Но и это было еще не всё. Когда я поел и лёг, этот ублюдок специально включил телевизор снова! Не очень громко, но чувствительно. Я накрыл голову подушкой, как научился делать недавно, на этих днях, когда появился быдловизор. Лежал, помню, не уверенный, что смогу в таком положении заснуть, и думал что – да, жизнь кончена, и теперь всё, что осталось мне от моей когда-то столько обещавшей жизни, – это вот эти вот унижительные ситуации: спать с подушкой на голове, слушать угрозы всякой мрази, терпеть бытовые условия, создаваемые мне быдлом, под вечной и неизменной, одной и той же всегда угрозой – физической расправы. Жизни нет, и уже не будет, и впереди – только одно дерьмо, дерьмо, дерьмо...

Ох, с каким бы наслаждением я стесал бы этому чму все его рыло доской из пола, которые тут поднимаются!.. Связать сзади руки, связать ноги, повалить – и шарашить, шарашить, шарашить по его свиному рылу этой доской, пока там не останется уже ни носа, ни глаз, ни подбородка, пока не останется ровная и гладкая поверхность, ровненькое, без неровностей,

кровавое месиво...

Сегодня вечер – время, когда определится, как мне себя вести. Выключит ли всё же это быдлочмо свой быдловизор в десять, как погасят свет, ляжет ли спать, даст ли мне поесть спокойно, или опять будет сидеть и смотреть полночи. Что ж, хорошо, что есть хотя бы подушка, а под ней – свернутая телогрейка, есть, на крайний случай, на что положить голову...

А в обед сегодня пришел наконец Бородин, как ни в чем не бывало. Принес письмо от Миши, который, разумеется, уже знает про «фонд борьбы с русофобией» и сам меня предостерегает. Привел в письме шикарную листовку, написанную, видимо, им же к началу «суда». Похвалил мои последние стихи (что мне очень лестно), но сказал, что кое-где рифма всё же хромает (интересно, где).

3.10.13., вечер (после ужина)

Вчерашний вечер преподнес неожиданную коллизию: дятла-домушника «заказали» на сегодня на «суд»! После чего, когда погасили свет, быдляр решил другую коллизию просто и изящно: даже и не подумал выключить телевизор! :) Ровно на одну ночь хватило приказа мрази опера!.. :) Досматривали нелепую "ТНТ-комедию", которая там каждый день начинается в девять вечера – и, слава богу, из анонсов я знал, что в 11 уже начинается «Дом-2». Похоже, «комедия» закончилась даже раньше, – повезло еще, что она была какая-то западная, русская точно длилась бы часа три...

Сидим вдвоем с быдляком целый день, – тихо и спокойно, день даже прошел быстрее, чем обычно – ОНО со мной не разговаривает, чему я очень рад и ни малейшей надобности в разговорах с ОНО не испытываю. :) Я вполне самодостаточен и могу весь день размышлять о чем-либо, вспоминать, рефлексировать, писать стихи (чем сегодня и занимался, кстати), пить иногда чай или кофе... Мешает только телевизор, регулярно включаемый быдляком время от времени, – слава богу, что хоть и регулярно выключаемый. Самое же неприятное, как обычно, – это перспектива: любимое обоими уродцами телеговно вроде пресловутого «Comedy club'a», в пятницу только в 11 вечера начинается!.. Видимо, опять придется залезать под подушку... То или сё, разные говнофильмы и бредопередачи они смотрят в течение дня фрагментарно, с большим или меньшим интересом, – но неизменным, максимальным спросом, таким, что смотрят каждый день, полностью, не пропуская, – пользуются все те же говносериалы, что и у весеннего тут быдла (нарядчик и наркоман), что и в 408-й зимой, – «Реальные пацаны», «Интерны», «Универ – новая общага» по ТНТ, – настоящие шедевры быдлотелевидения!..

4.10.13., позднее утро (после проверки)

Вчера было еще, оказывается, ничего. А сегодня – опять дикая тоска с утра (боже, за что мне это?! За что я опять сижу?!), а эти суки как раз всё утро плятятся-смотрят по СТС какую-то очередную идиотскую комедию, это дебильное веселье, эти визги и вопли настолько диссонируют с моей тоской, настолько добавляют еще отвращения и тошноты в эту жизнь, что я буквально на стену готов лезть или биться об нее головой... Невыносимо, невыносимо!.. Жизни нет, но и смерть не берет... Тоска, невыносимая, нелепая эта жизнь, эти стены вокруг, полное отсутствие перспектив, даже если я и выживу... :(((((((

около 18-00

Почему-то сегодня «прогулку» устроили не с утра, только вот сейчас, в полшестого вечера где-то. Так что демоны сейчас там. :) Забыл утром написать: дятел вчера получил целых пять лет за свои квартирные кражи, – больше, чем они с быдлом ожидали. Но, как бы это чмо ни было со вчерашнего дня этим сроком убито, подавлено, оглушено, – оно сейчас, перед уходом на прогулку, не забыло спросить, убрали ли вчера туалет (оно почему-то думало, что пятница была вчера, тогда как она сегодня). Ну что ж, «прогулка»пришлась тут очень кстати – я «убрал» его, пока они были там. :) Надеюсь, если вопрос всплывет опять, они не заставят, мрази такие, переделывать еще раз, поверят уж на слово...

Пришло письмо от Миши Рахманова. Еще раньше, до обеда, пришло «решение» омского «суда», того самого, где Корб пытался оспорить признание сентябрьской «РП» за 2011 г. «экстремистским материалом». «Экстремистских» в нем текстов осталось не так уж много – восемь или девять, меньше половины; мои тексты – не все, а кроме одного, под псевдонимом «Олгой Хорхоев», – обидно, что где-то у меня они и «экстремизм» даже не нашли; текст Паши Люзакова о лагерях смерти не удостоили даже кратким анализом, но тоже включили в список. Но лучше, круче, божественнее всего оказались некоторые формулировки в их, типа, «экспертизе», включенные потом и в решение, вроде следующего перла: «в качестве субъекта, обеспечивающего неблагоприятное существование в прошлом и настоящем кавказских народов, названа Россия, осуществляющая колониальную политику...». «Неблагополучное» – это еще очень мягко сказано, – но, однако же, за называние этого непреложнейшего, веками известного факта по имени – следует запрет, то бишь признание «экстремистским материалом». «Хаджи-Мурату» Толстого в таком случае тоже прямая дорога в этот черный список, уже одно только наличие которого полностью лишает государство «РФ» всякого права на

существование...

Чума эта быдлаяцкая всё же, как хотела раньше, привесила свой быдловизор еще ниже по стенке, чем он был. В результате он стал мне виден не только в лежачем, но уже и в сидячем на шконке положении, – кроме дикого давления на мозг через уши, это говно, видите ли, теперь будет еще и мелькать у меня перед глазами!.. В ответ я – тоже как давно хотел – как только они ушли «гулять», вытащил из-под казенного «одеяла» ненужную там «простыню» и повесил ее на торец шконки, чтобы она закрывала и в лежачем, и в сидячем положениях. Надеюсь, у быдлака не случится истерики, когда он сейчас вернется и это увидит...

Тоска, тоска, невыносимая, дикая тоска. За что, за что я сижу?!?!!

5.10.13., день (до обеда)

Хорошо еще, что я, зная, что вечер пятницы – самое тяжелое время, успел за вчерашний день хоть как-то морально подготовиться. Тупые мрази с гоготом тарасились в свой быдловизор аж до 12-ти ночи! Около 11-ти, видя, что прекращать они отнюдь не намерены, я сел ужинать. Заняло это у меня около часа, и, когда я уже наливал себе чай, идиотская их передача с демонстрацией, типа, «смешных» кадров из интернета наконец закончилась – и они выключили, легли-таки спать, слава тебе, господи. Сегодняшней ночью, видимо, предстоит такое же испытание.

Из сюра, вечного русского сюра, из которого и состоит жизнь на этой земле (1/7 суши) – с утра почему-то была не одна проверка, а две, вторая меньше чем через час после первой. Просто открыли еще раз дверь, сказали опять всем выйти, еще раз постучали киянкой по оконной решетке... Омерзительному, мелкого росточка «мусору», часто дежурящему тут, на этаже, и как раз стоявшему около открытой двери на второй проверке, я, не удержавшись, задал-таки вопрос, что это за прикол такой – вторая проверка почти сразу после первой. На что он, не отвечая по сути, тут же посоветовал мне написать жалобу начальнику, ублюдок бессмысленный...

Ну, уж что «гулять» демонов и всех прочих повели вот сейчас, уже перед обедом, я и не удивляюсь. Пусть «гуляют», а я уж погуляю тут, без них...

Но – гложет и гложет опять, с утра, эта тоска, это невыносимое отчаяние от понимания (давнего уже, впрочем), что жизнь прошла, кончена, что впереди нет ничего, – только ежедневные, годами, унижения в лагере – и пустота после него, если доживу... Всё бессмысленно, всё!.. Жить только мечтой о том, что когда-нибудь сможешь уехать, хоть остаток жизни, м.б., провести среди нормальных людей, в человеческих условиях, на ВОЛЕ... Уехать, поселиться где-нибудь в Европе – и тихо доживать, выходить погулять, смотреть на дома, на небо, на людей, сидя где-нибудь на лавочке

в парке... Вот к чему свелся теперь весь смысл моей жизни, вот чем кончилась эта жизнь, начинавшаяся с такой пламенной решимости – лично, непременно лично участвовать в борьбе за свободу... :(((

6.10.13., день (после обеда)

Вчера они тарашились как раз до 11-ти ночи, потом таки выключили и легли спать, – ну, это еще ничего. Сегодня – с раннего утра, как «заказывали» тут всегда, не пошли «гулять» (о, мой отдых!..), зато – по Рен-ТВ, этому мозгопромойному каналу, ради воскресного дня идет какой-то сериал целиком, на весь день, – и они весь день (вот уже полдня, точнее, с самого утра, еще до проверки начав) сидят и смотрят его. А мой дневник незаметно превратился в программу их телепередач, – тьфу, будьте вы прокляты, твари!..

7.10.13., вечер (после ужина) Увы, увы, так и продолжается эта нелепая, грустная летопись... Вчера они смотрели этот бредовый, безумный сериал-детектив, а потом, сразу после него, в 23-15 – «фильм» про Надю Толокно на зоне в Мордовии, где она сейчас сидит. Кончилось это всё, как я и думал, в 12 ночи. Суки, выbleядки, недоноски вонючие, тупые, свиньи, поганая, ублюдочная падаль и мразь!.. Пустить бы вас на удобрения, на костную муку, нечисть тупорылая!.. Суки, мразь... За день у меня – как, помню, и тогда, в апреле – начала уже реально пухнуть голова и закипать мозг, была реально тяжелая, мучительная усталость от этой бесконечной говорильни... Суки тупые!.. Вот оно, наступило, то бесконечное, неотвратимое дерьмо, которого я ждал в будущем, о котором знал, в котором не сомневался – только не ждал так быстро, еще в этой тюрьме, в этой камере... Дерьмо оказалось прямо тут, и много, – в лагерь за ним даже не понадобилось ехать... Убийственное, унижительное, мучительное положение – томиться весь день, ждать, пока это их говно по ТВ кончится, не будучи в состоянии ровно ничего сделать, ничего изменить... :(((Суки, выродки, быдло, будьте вы прокляты... А сегодня, вот недавно, вечером, перед ужином, обнаружилась еще одна милая подробность этого нового состояния в камере, где 11 дней как поставили быдловизор: под его постоянную болтовню я не могу писать стихи!.. :)) Да, совершенно не могу – болтовня фильмов и передач про великанов (по Рен-ТВ) напрочь отбивает, лишает меня всякой возможности не только подбирать рифмы (что весьма трудно само по себе), но и вообще сочинять что-либо, даже просто первую строчку, еще без всяких рифм, я не могу придумать под эту трескотню!.. Ей-богу, я поубивал бы с радостью своими руками этих мразей с их Рен-ТВ, ТНТ, СТС и прочей мерзостью!.. Но – сделать ничего не могу, говорить с ними совершенно бесполезно, да и унижительно настолько, что я никогда не буду

этого делать. Я не общаюсь с ними ПОЛНОСТЬЮ с ночи с 1 на 2 октября – и сегодня, когда перед ужином быдлык спросил, буду ли я рыбу, – я ответил и с изумлением услышал звук собственного голоса, от которого уже успел отвыкнуть... :) Стихи я писал только на этом корпусе, в этой камере, – несколько еще до безвременной поломки :) прошлого телевизора 19 апреля с.г., но в основном, конечно, после. 21 стих – из тех, что можно опубликовать – написан уже за этот срок. Но теперь – не знаю, когда смогу еще; возможно, до самой зоны со стихами придется проститься...

А завтра, пропади оно всё пропадом, – очередной выезд в «суд»!.. :((Пока еще не «заказали», – ни меня, ни быдлыка, и главная интрига – «закажут» ли его, или нет. Ненавижу, ненавижу, ненавижу эту страну, эту мразь, закатавшую меня опять в тюрьму, всё это тупое быдло, милостью которого правит и сажает политзэков эта чекистская мразь...

9.10.13., день (после обеда)

Что ж, съездил вчера. (Быдлык тоже, разумеется.) Главная новость – мне сменили «судью»! Вместо хитрого, улыбочато-рассыпчатого Логинова теперь «судит» меня другой – какое-то грубое животное, тупая мразь саженного роста, грубый и злобный мужлан, обликом своим неуловимо похожий на топор. Фамилию его я не разобрал, – не то Ковалевский, не то еще как-то. Трепашкин, оказывается, в отпуск так и не уехал (вроде в ноябре собирается, сказал Бородин), но прислал в «суд» ходатайство, чтобы вчерашнее заседание или отложили до пяти вечера, или вовсе перенесли, так как он занят где-то в другом месте. Топоровидный «судья», естественно, сообщил, что в «суде» никакого ходатайства не получали (кто бы сомневался!..), кто такой адвокат Трепашкин, вообще делал вид, что не понимает, переносить явно был не настроен, прокурорша, конечно, возражала – и я уж думал, что не перенесут, но все-таки он перенес, – на 18-е, на 11 утра! М.б., сыграло роль то, что на его вопрос ему сообщили, что свидетель обвинения Доносиков опять не явился (и слава богу!). Даст ли это новое чмо теперь свиданку матери, неизвестно, – когда меня уже вывели, обернувшись, я увидел, что она как раз зашла в кабинет – просить насчет этой свиданки, больше ей незачем.

А так – день пролетел за бурными дискуссиями в боксике конвоирки о политике, истории и т.п. Опять я оказался там с теми двумя дагестанцами-фальшивомонетчиками с «пятерки», что и 12-го сентября, а еще одним соседом – собрали там в боксике некурящих – оказался мой сосед по «Медведкову» из 426-й камеры, – выяснилось, что он не только «ученый» в области авиации, как он всё время тут повторял, но и целый генерал авиации(правда, гражданской :) . С дагестанцами, явными исламистами, он

сразу сошелся во всех этих популярных конспирологических бреднях – что, дескать, «мировое правительство» специально подкупило и завербовало Горбачева, Ельцина, Гайдара, Чубайса и пр. и пр., чтобы, мол, «развалить Советский Союз», а потом и Россию, «захватить наши ресурсы»; что, мол, Америка делает что хочет в мире, «уничтожает целые государства» (то бишь, диктатуры Каддафи, Хусейна и пр.), и т.д.; что, дескать, у народа всё «украли», его «ограбили» Гайдар с Чубайсом, – при этом генерал рассказывал о прелестях своей начальнической жизни до 1991 г. (сам он 1956), а старший из дагестанцев – о прелестях колхозной жизни в советском Дагестане, ныне, разумеется, исчезнувших. Надо мной они дружно смеялись, когда я возражал, что у «народа» в совке ничего и не было, так что «ограбить» его было нельзя; что СССР никто специально не разваливал это был естественный процесс; что Горбачева никто не «подкупал», т.к. у него, владыки полумира, как справедливо заметил Эдичка Лимонов, и так всё было; и т.п.

Поехали из «суда» сразу в тюрьму, на этот раз со шмоном; «подняли» в камеру довольно быстро – не было еще и десяти вечера, свет горел. С соседом нас прямо сразу повели в баню, что было мне удивительно, – после 21-30 ведь не водят, а было уже где-то без десяти. Потом же, спустя еще часа полтора, когда приперся быдляр – к моему полному изумлению, повели и его, – «мусор», по его словам, ответил ему про утро, что, мол, утром водить будет некогда (интересно, почему). С ним поперся и домушник, которого, оказывается, одного днем тоже не водили, – но, тем не менее, со мной он не пошел...

Сегодня всё утро, до обеда, провел я в каком-то оцепенении, отупении, потеряв все ориентиры и с трудом сознавая смысл происходящего. Где я и как сюда попал? За что?!! Быдлосокамернички как ни в чем не бывало смотрели полдня напролет свою развлекаловку по ТНТ-СТС, – комедии «камеди клабы» и прочее говно, от которого меня буквально трясет, как в лихорадке, и такое чувство, что мозг сворачивается в голове, как молоко. Господи, что же делать?! Выбраться не получится, а как мне пережить оставшиеся 2413 дней, еще шесть с половиной лет кошмара, не-жизни среди быдла, – я не представляю...

Да, самое неприятное известие за вчерашний день, – Миша Агафонов, бывший в зале, когда выводили, успел мне сказать, что, мол, Маня ждет моего письма с ответами на ее вопросы для статьи обо мне. Я успел ответить, что написал ей уже, – еще бы, 1-го октября, в тот же день, как получил ее письмо, я всем отвечаю сразу же, – но она, видимо, целую неделю так и не получила мой ответ! Суки, и за эту интернет-переписку они

еще и дерут вдвое дороже, чем обычная почта за письма!.. Что теперь делать – тоже неизвестно; писем нет с прошлой пятницы (сегодня уже среда), где письма и будут ли они вообще теперь доходить – совершенно неизвестно...

А быдлу хорошо, у него всё отлично. Развлекаловка по ТВ есть, жратва тоже есть (сегодня дятлу опять принесли передачу из дома, с частотой раз в две недели он их получает, а вчера – магазин; при этом магазин мне, заказанный матерью позавчера, в понедельник, почему-то не принесли. М.б., сегодня? За дверью как раз вскрывают сейчас коробки и хлопают «кормушками»), о смысле жизни оно не думает, стихов не пишет... Моя тоска – в этой камере, в этой стране и в этой жизни – видимо, обратно пропорциональна счастью и удовольствию быдла: чем лучше им, тем хуже мне, и наоборот...

12.10.13., утро (после проверки)

Демоны всё продолжают смотреть свой быдловизор днями и ночами. Я продолжаю сходить от этого с ума. Вчера – вечер пятницы, самое тяжелое время – они, не удовлетворившись какой-то говнопрограммой с, типа, «смешным видео» (той же, что и неделю назад), кончающейся в 12 ночи, незадолго до ее конца нашли какой-то идиотский фильм по СТС и стали смотреть его. Хорошо, что я с ужином не стал ждать ровно 12-ти, конца говнопрограммы, как хотел вначале, а сел ужинать, пока она еще шла, – и тут такой сюрприз! Я поел, попил чаю, лег спать – а они всё тарасились на экран, аж встав со шконок и вплотную подойдя к быдловизору. Я опять накрыл голову подушкой и, лежа под ней, опять тоскливо думал о том, что жизнь кончена и впереди одно дерьмо, одно сплошное дерьмо, до мая 2020 г., как минимум, – вот такое же, как сейчас, или еще хуже; в общем – сплошная зависимость от всякой мрази и нечисти в самых простейших (и важнейших) бытовых вопросах: еда, питье, сон, тепло, свет/темнота и т.п. Одновременно понял, что уснуть в таком положении – с подушкой на голове – у меня, пожалуй, нет шансов... Не знаю уж, до конца досмотрел тупой быдляр свой фильм, или нет, но минут через 15-20 моего лежания под подушкой он таки выключил свой быдловизор.

Веселый день был позавчера. С утра, вскоре после проверки, неожиданно вызвал мразь опер. Сперва сообщил, что цензор опять болеет, так что вся почта опять через него – и отдал письмо от Маглеванной. Она там писала, что на моем письме от 1.10. сверху стояла приписка: «09.10» - и получила она его как раз 9-го, накануне. Опер же на вопрос о недошедшем моем ФСИН-письме Мане сказал, что, мол, электронными письмами «занимались» вчера (как раз 9-го). Вот, значит, почему Маня не получила – они ВСЕ мои электронные письма от 1.10.13. отправили только 9-го, суки этакие, – больше,

чем через неделю!..

Но куда интереснее стало, когда он (опер) сообщил, что, мол, мной интересуются «спецслужбы». Всё оказалось скромнее, конечно, – просто наконец-то дошла сюда волна от того доноса в прокуратуру на мой блог на LJR, о котором (доносе) я узнал еще 23-го сентября в «суде».

Между прочим, демоны, полночи вчера смотревшие быдловизор, сейчас после проверки его выключили – и завалились спать. Всё возвращается к классическим образцам, – и моя невозможность спать и ночью (из-за быдловизора), и днем (из-за бессонницы)... :((((

Так вот, опер, вопреки моим ожиданиям, не пошел тут же устраивать шмон у меня в камере и счел факт, что в их СИЗО интернет мне недоступен, как бы установленным и не подлежащим сомнению, мне же предложил написать некое объяснение, – о том, что я из СИЗО ничего не распространял в интернете; я отказался, естественно. По поводу же моего требования убрать быдловизор – он ответил, что если начальство ему скажет убрать, он уберет, но сам не может (а к Горбачеву на прием я не попал и не знаю, как попасть, – заявления тут игнорируются, но, впрочем, тут же пытался и развести меня, как дурачка: мол, если напишешь объяснение, я уберу телевизор. :))) Но я от природы не лежачий, и он обломался... Да еще – в самом начале я ответил категорическим отказом на его предложение переехать обратно на старый корпус, а то он, тварь такая, оказывается, уже готовился поставить этот вопрос перед начальством.

Потом, в обед, пришел, как и обещал, адвокат. Когда мы с ним закончили, круглоголовый очкастый идиот-«мусор», переведенный недавно с «Пресни» (тюрьмы), как обычно, тщательно обшмонал меня и вывел в отстойник, – стою там; вдруг открывается дверь и тот же очкастый зовет меня назад со словами, что, мол, пришел еще один адвокат!..

Разумеется, я подумал не о Трешкине, а о Роме Качанове, – неужели он всё-таки приехал?! Но – ублюдок этот очкастый решил непонятно для чего таким способом меня обмануть, а уже там, внутри, сказал, что, оказывается, вызывают в оперчасть (находящуюся здесь же, за железной дверью в другом конце коридора с адвокатскими кабинетами).

Захожу туда – а там сидит тот же наш опер, мразь, и с ним – еще один, в штатском. И опер говорит мне, что это вот то самое, что он обещал мне в утренней беседе, – что, мол, если я отказываюсь писать объяснение, то придут уже из УФСИНа и будут меня трясти опять по этому поводу. Полдня прошло; опер, должно быть, донес начальству о моем отказе, – и вот уже приехали, не задержались!.. Ну да, свою жопу спасать, тут они быстрые!..

Я спросил его удостоверение, и он показал. Фамилия короткая, из пяти букв, – Кузин, кажется, но точно не уверен. Не Дёмин, во всяком случае, как звали начальника оперчасти в Буреполоме. Кузин этот повторил мне тот же вопрос о том, что что-то такое, типа, «в мою поддержку» – он явно не знал, как сформулировать – распространяется в интернете и – наконец-то конкретика! – показал мне издали распечатку июльского заявления о срыве олимпиады в Сочи и даже прочел первый абзац. Вот что их, значит, так взволновало!.. :))) «А что, по-моему, всё правильно написано!» – сказал я в ответ и так же решительно отказался писать какие-либо объяснения. Немного поспорили с ним о том, должен ли я соблюдать их правила (коиными писание объяснений по требованию администрации предусмотрено), и разошлись. Что теперь и кем будет дальше предпринято для расследования этих злокозненных публикаций в моем блоге, я не знаю, – но, видимо, м.б., предпринято уже не в отношении меня, а в отношении ребят на воле (не дай бог, конечно!).

Слава богу, принесли вчера после обеда и письма без помощи опера, – пять какая-то баба в камуфляже, но не та цензорша, а помоложе. От Майсурына оказалось только одно письмо – №35, электронное от Орлеаны и заказное – от Михаила Герасимова из Питера, ответ на мое августовское. К моему разочарованию, он отклонил мое тогдашнее предложение – включить и его тоже в корбовский комитет моей защиты, – видите ли, всё из-за той их первоначальной свары по поводу письма MFF, причем в грубости и площадной ругани обвинил не только самого MFF, но даже и Антошу Ручкина...

Ну и – всё у меня как всегда. Непереносимо тошно, отвратительно. Господи, за что я сижу?! 2410 дней, кажись, осталось до 19.5.20, и по утрам совершенно не хочется жить...

13.10.13., утро (после проверки)

Как же тут все-таки не сойти с ума, сохранить рассудок? Я в стотысячный уже, наверное, раз оглядываю это небольшое помещение с желтыми стенами и серой стальной дверью. Что я здесь делаю и как сюда попал? И за что я должен провести – тут месяцы, в лагере годы – еще шесть с половиной лет в неволе? За что мне опять этот ужас, столь памятный (да еще и сейчас как раз) от того, что в лагере начинается зима, уже непереносимо холодно по утрам, – а теплые вещи туда не пропускают?..

Вчера они опять тарасились до 11 вечера, потом быдлык лег спать, предоставив дятлу-домушнику самому выключить, когда тот захочет. То есть, эти выродки теперь непременно ждут, когда я поем и лягу, раньше этого не выключают, как делали в первые дни. Досмотрят фильм – находят

и начинают по другому каналу смотреть еще какое-нибудь говно («Уральские пельмени», например, по СТС, как вчера), лишь бы только не выключить без совсем уж крайней необходимости, суки!.. А сегодня – ну, сегодня воскресенье, день просмотра целодневного сериала, продолжения того, что был в тот раз!.. Еще утро, но я уже обалдеваю, слушая этот галдеж, разговоры героев фильма, – самое худшее, что только вообще можно представить, хуже даже пропагандистского антизападного бреда, целыми днями гоняемого этим же Рен-ТВ по будням.

Мрази, выродки, страна уродов и идиотов!.. Так за что же мне все-таки такая судьба? Будущего нет, жить незачем, в настоящем – одни мучения, но и умереть я не могу, сам не понимаю, почему. Что же все-таки делать? Ждать, что всё как-то разрешится само собой, как советовала мне Маглеванная? Но оно не разрешится раньше 2019 года. Или радоваться, что всё-таки 7,5, а не 10,5, как я думал? Не знаю... Жизни нет, полный тупик – и жгучая ненависть, выжигающая мне душу, – ко всей этой жизни, к этому тупому быдлу, в камере, в тюрьме и в стране, ко всей этой мрази, загнавшей меня сюда, и – к самому себе, к своей идиотской, нелепой, неудавшейся жизни!.. НЕ-НА-ВИ-ЖУ!!!

14.10.13., день (после обеда)

Опять с самого утра эта дикая, давящая, невыносимая тоска. 2408 дней еще осталось... Всё бессмысленно, абсолютно всё. После этого падения мне уже не подняться... Будущего нет, даже если я доживу до освобождения и на этот раз. Пустота, пустота... Сука, как же так вышло, – прошла жизнь, и не был я в ней даже счастлив, и всей-то жизни, осмысленной и сознательной, было всего десять лет, с 1996 по 2006... Упасть не стыдно, стыдно не подняться... Всё абсолютно бессмысленно... Сижу с быдлом и жду срока, после которого еще шесть с половиной лет останется торчать в лагере, среди феерической мрази и быдла, среди всякой швали, норовящей на каждом шагу командовать мной... Надо, надо умереть сейчас, пока еще не поздно, чтобы не дать снова загнать себя туда, в этот ад... Мысль эта сегодня утром опять пришла мне в голову: веревка же по-прежнему лежит на том же месте, и ЧТО мне помешает, как только эти демоны опять уйдут на «прогулку»?.. Нет, я настолько труслив и ничтожен, что мне не дано и это, увы... :(Какого же черта?! Что же мне делать?.. Нет жизни, и смерти нет. Я хочу умереть, но не могу. Я ненавижу быдло, но вынужден жить среди него всю свою жизнь. «Пережить весь этот кошмар и уехать»? Доживу ли я до этого? Какое еще говно ждет меня впереди, эти 6,5 лет? Дикая, невыносимая тоска, отчаянье и безнадега... За что, за что мне всё это? За мысли и слова. Проклятая страна...

15.10.13., утро (после проверки)

С увлечением смотрят всё утро по Рен-ТВ очередные бредовые «разоблачения» Америки, – опять Ротшильды, Рокфеллеры, «масоны» якобы в 1870 году назначили уже даты 1-й и 2-й мировых войн, Америка через Ханфштенгля финансировала Гитлера, собрала у себя весь золотой запас стран Европы, и прочий, и прочий конспирологический «разоблачительный» бред. Особенно бесит хриплый, надсадный, специально давящий на нервы, донельзя «разоблачительный» тон, которым каждый день в разных «программах» по этому каналу рассказываются всяческие небылицы. О том, что, дескать, все богатства Европы в результате II Мировой войны оказались в США, говорится так, как будто в этом есть что-то плохое... :))

Вчера мрази опять после «ТНТ-комедии» нашли себе еще какой-то фильм по СТС, пусть с середины, ну и что?! – и смотрели его до 12-ти, если не позже. Опять я поел, лег, накрыл голову подушкой, – а тупая, быдловатая владимирская мразь даже не соизволила убавить звук, видя это. Через некоторое время, к счастью, выключила, – минимально необходимое, чтобы я, упаси бог, не подумал, что она выключает из-за меня, – другой причины такого поведения я не могу найти.

О, свежая версия!.. :))) По Рен-ТВ сейчас объясняют, что студенческие бунты 1968 г. во Франции были инспирированы США, чтобы свергнуть непокорного Де Голля!.. :))))))

Какая мразь всё же!.. Какая мразь вся эта страна, с ее быдлом, пропагандистами, мусорами! Я легко отдал бы свою жизнь, чтобы только уничтожить это государство целиком, со всеми 140 млн. мрази, которой оно населено!.. Но вместо этого – сижу в тюрьме, день за днем, месяц за месяцем (скоро уже 11 месяцев), ежедневно по 16 часов слушаю всякий бред – «разоблачения» Америки и русский быдлоюмор, потеряв уже практически всякую надежду убрать этот быдловизор из камеры и хотя бы здесь опять проводить время (глагол «жить» тут явно не годится) спокойно. Невыносимо ждать, когда же этого ублюдка – быдляка – наконец увезут отсюда; похоже, он проторчит здесь еще долго, – но и после его отъезда никакой надежды, что начальство тюрьмы согласится этот быдловизор убрать (и что я смогу для разговора об этом к начальству попасть), у меня нет... :(((((((Быдло, быдло, русское быдло, будь же ты проклято навеки!..

17.10.13., 19-00 (после ужина)

Короче, этот уродец так и не пришел – ни вчера, как обещал мне еще в тот раз (на той неделе), ни сегодня! Видимо, тварь не хочет ходить раз в неделю, как (вроде бы) обещал, даже несмотря на то, что теперь нет свиданок. Вчера

– вместо него – принесли пачку писем (электронных) – от Мани, Маглеванной и Карины Магомадовой, наконец-то вспомнившей обо мне, и еще письмо от матери. На электронные я как раз успел ответить, всё время ожидая, что прервут и выдернут «на следствие», – но нет, хрен!..

А завтра – увы, опять ехать в «суд», будь он трижды проклят!.. Вставать опять в полшестого, видимо. На завтрак себе оставил я полмиски кильки с сегодняшнего ужина, из баланды, – но не знаю, полезет ли она мне завтра в рот...

Быдляка тем временем так и не увозят, даже «законку» ему не несут. Это чмо, между тем, похоже, начало уже использовать мой «Фэйри» для своей посуды. От их телевизора я по-прежнему обалдеваю весь день, хотя последние два вечера – неожиданно – выключали довольно рано. Спасает только книга – толстенная, весь Толкиен в одном томе – в которую я ныряю с головой с самого утра, с перерывами только на проверку, обед и ужин. Заодно – чуть меньше думаю о том, что меня ждет в лагере...

Маня во вчерашнем письме написала, что ей накануне ночью приснилось, что я умер. :) Сон в руку, не иначе, – я ей так и написал. И еще одну хорошую новость сообщает Маня: Татьяна Близнюк из Киева, с которой я Маню просил связаться, согласилась войти в корбовский комитет в мою защиту.

19.10.13., утро (после проверки)

У быдла праздник: только что, на проверке, «мусор» таки просунул им в камеру из коридора обрезок кабеля от общей антенны на крыше тюрьмы, они подключились к нему – и теперь у них есть все каналы: и 1-й, и «Россия», и всё прочее говно. Можно смотреть хоть круглосуточно, особенно – по ночам, когда там по всем каналам самая развлекуха...

И тем сроком бывало у меня такое, типа нервных срывов, и вот сегодня с утра – опять. Невыносимая и без того тоска еще больше обостряется, до предела, сверх всякой меры, аж до того, что слезы из глаз... Немыслимой, абсолютно нестерпимой становится в такие моменты эта жизнь, в окружении омерзительного быдла, в ожидании еще худшего быдла и всяких несчастий, боли и ужаса, в неволе, в этом совершенно бессмысленном, нелепом положении. Хоть головой об стену бейся, настолько непереносима эта жизнь в неволе!.. (Впрочем, какая там «жизнь»!..) Повеситься бы, так этих демонов теперь и на прогулку-то не водят (по крайней мере, сегодня не «заказывали», вчера – не знаю). А, впрочем, если б и увели – что с того? Разве я смогу, разве мне хватит мужества?..

Вчера тоже всё обошлось по-идиотски. Сплошные обломы... Приехали в

«суд» только к часу дня, тогда как у меня заседание было назначено на 11 утра, – час, или больше, стояли возле Бабушкинского «суда», там было закрыто, эков не принимали («мусора» тамошние были у кого-то на приговоре, как они потом объяснили). В результате меня вчера вообще не подняли наверх, в зал, – так и просидел весь день в боксике внизу, под «судом».

Конвойный «мусор», сообщив, что уже не поднимут сегодня, сказал, что следующий раз назначен на 22-е, – вторник, через четыре дня всего. Так и буду теперь мотаться, не высыпаясь, мучаясь, в давке и тряске, среди тупых уродов и подонков... Какой кошмар, господи!.. Во что превратилась моя жизнь... :(Правда, маленькое чудо всё же произошло вчера утром: все два (или сколько там?) часа до выезда я сидел на «красной» сборке один! Точнее, сперва нас было двое, но второго увели почти сразу же, минут через десять, и – какой это был кайф, сидеть там одному, не видеть и не слышать все эти уголовные хари!.. И вот – через два дня, во вторник, как раз когда баня, предстоит тащиться опять...

Клянусь, я изрезал бы всю свою плоть, перерезал бы все вены и артерии – на шее, на руках, где угодно! – если бы только у меня хватило на это мужества! О, с каким наслаждением я уничтожил бы это свое проклятое тело, прервал бы эту идиотскую, нелепую, никчемную жизнь! Если уж нет в жизни счастья – так на кой она нужна?! Будь всё проклято, проклято, проклято, – и я сам, и весь этот мир, и все эти миллионы быдла, и сама эта моя проклятая жизнь!..

20.10.13., раннее утро (до завтрака)

Фильмы, фильмы, фильмы... Дикая, безумная, слепая ненависть клокочет в груди... Вчера они опять таранились в быдловизор чуть не до часу ночи, после всех фильмов (весь день!), я уже лег спать, – смотрели еще и бокс, или что у них там... Тщательно обшаривая все каналы – нашли-таки, и стали смотреть; с полчаса, наверное, не меньше, я пролежал с подушкой на голове (а залез под нее не сразу, как лег), когда наконец выключили. Зато – возвращается прошлое, и дикая, жгучая буреполомская моя ненависть тоже возвращается, наконец-то!.. – весь вечер, еще до этого, я смотрел на мерзкую тушу быдляка, его тупое беззубое рыло и бритую башку – и представлял, как я доской от пола начисто стёсываю ему всю физиономию, заравниваю на этом кровавом месиве нос, раскалываю его гнусный бритый череп, той же доской со всей силы ломаю ему ноги, словом – калечу эту мразь, уничтожаю ее, лишаю способности дальше жить в свое удовольствие и творить зло (она творит его уже тем, что живет на свете, оскверняя воздух и занимая место, отобранное у достойных людей). Гадина, мерзкая,

отвратительная гадина, которую не жалко убить доской, – точнее, их две, этих гадин, ибо домушник ничуть не лучше, даром что вообще теперь не говорит со мной ни слова, в отличие (изредка) от того. Я разметал бы по ветру выпущенные из них кишки и прочие потроха, если б только была у меня возможность... Но ее нет, увы, и остается лишь жалкое, тоскливое прозябание, под бесконечный галдеж телевизора с утра до ночи, под бред Рен-ТВ и идиотские фильмы, от которых пухнет голова. Всё думал о лагере, боялся, как там буду, в лагере, – о, я еще до лагеря, еще здесь, в тюрьме, намучаюсь и нахлебаюсь вполне достаточно! Ибо, когда я думал (весной, летом) о лагере – тут, в камере, еще не было проклятого быдловизора. О, как хорошо, как уютно, комфортно спокойно было здесь тогда, с 19 апреля по 27 сентября, когда приходилось лишь переживать о том, почему так долго не гасят ночью свет – но после этого уже не было мучительных дум о том, как же заснуть под галдеж фильмов!.. Будь она проклята, такая жизнь!.. Одно говно, одно сплошное говно впереди, еще шесть лет и семь месяцев, 2402 дня мне плыть по нему. Кончится ли это всё когда-нибудь? Доживу ли я до нового освобождения? Увы, в этом совершенно нет уверенности. Будущее настолько беспросветно, что хочется выть и биться об стену головой – да только это не поможет. Тоска дикая, смертная, нечеловеческая, – с такой тоской в душе не может человек жить на свете, с такой тоской – только в могилу...

Написал вчера еще одно бесполезное заявление на прием к Горбачеву, сегодня вечером надо будет его отдать. Эта сука мало того, что не решит вопрос, если даже я ей его изложу, это ясно заранее, – так она и вообще не вызывает, сколько ни пиши заявлений, ей даже изложить ничего нельзя!.. И тварь Бородин не появляется, оборвав тем самым последнюю мою связь с домом, с волей... Завтра, в понедельник, его точно не будет, послезавтра – «суд», так что раньше среды-четверга я его точно не увижу – если увижу вообще... Не говоря уж об этом старом уродце, нашем соседушке, «генерале авиации», который, конечно же, как я и подозревал, не подумал сдержать данное мне слово, доставить то, что сам же предложил – я вовсе не тянул его за язык, – вместо обещанной им тогда недели прошло уже почти две, а от него с тех пор ни слуху, ни духу... [Примечание 2020 г.: во время разговора в «суде» этот тип, узнав, что я сижу без связи, сам предложил раздобыть где-то и передать мне нелегальным способом телефон. Обещание это, разумеется, так никогда и не было выполнено.]

Ярость, боль, ненависть, отчаяние, ужас перед будущим в моей душе. Будь вся эта жизнь проклята, проклята, проклята навеки!!!...

вечер (после ужина)

Вот только что, когда уже раздали ужин, мразей-телезрителей увели «гулять», а «заказали» немного раньше. Старая традиция, согласно которой этот этаж водили гулять утром, до завтрака, таким образом, оказалась окончательно и бесповоротно сломана...

О чем еще писать? На душе дикая тоска, отчаяние и безнадёга. Жизнь, увы, кончена, действительно кончена, нет больше надежды добиться хоть чего-нибудь в этой жизни. Одно сплошное дерьмо впереди, ничего другого, даже если я и доживу до нового освобождения.

Сегодня ровно 11 месяцев, как я был арестован, как дома у меня был шмон, как окончательно рухнула вся прежняя жизнь, которую я по наивности еще думал как-то восстановить после первого срока... 79 месяцев мне еще осталось, если исходить из 7,5 лет, – это как раз 90 месяцев, сегодня я впервые это посчитал. В тот раз было только 60... Послезавтра опять ехать в «суд»... Нет никакого выхода, никакой надежды на хоть сколько-нибудь приемлемый исход этого всего... Всё абсолютно безнадежно и бессмысленно, – и эта тюрьма, и вся моя жизнь, и грядущий срок; а теперь еще и этот проклятый быдловизор в камере, орущий постоянно, из-за которого я вообще не могу расслабить нервы, натянутые как канаты, ни на минуту, схожу с ума, готов уже лезть на стену или биться об нее головой. Увы, на этот раз сбылось именно то, чего я так боялся все пять месяцев, все 160 дней тишины, – что не будет покоя ни днем, ни ночью, что опять будет пухнуть голова и закипать уже к обеду мозг от бесконечных фильмов – главной тюремной радости быдла. Так всё и вышло... Я проклиная весь этот мир, себя, свою нелепую, никчемную, несчастливую жизнь. Единственным выходом было умереть, прервать весь этот кошмар – вот сейчас, пока в камере как раз никого нет, – но, увы, даже на это я никак не могу решиться... :(((

23.10.13., день (после обеда)

Ну что ж, съездил вчера опять. На сборке и в автозаке было не так плотно набито, как обычно. В конвоирке сидел с теми же двумя дагестанцами-фальшивомонетчиками, старым и молодым, что и раньше (и старый на мой вопрос ответил, что в Дагестане большинство населения считает себя все же гражданами РФ, а не Имарата Кавказ). В зал повели к 4-м, как было назначено – читали бредовое «обвинительное заключение» мрази Абоева аж до 8-го часа, с одним десятиминутным перерывом. Читала молоденькая прокурорша, – отвратительно читала, постоянно запинаясь и спотыкаясь, неправильно ставя ударения, норовя произнести «*untermenschen*» на английский манер (разобрала она это слово отнюдь не с первого упоминания), а один раз превзошла сама себя, произнесла вместо

«территориальной целостности» (РФ, конечно же) – «террористической целостности». :))) Вот уж поистине – «устаами младенца»...

Пришел опять Паша Люзаков, Вера Лаврешина, неожиданно появился и Феликс Шведовский – буддийский монах (правда, досидел только до перерыва). Санниковой не было опять, и это уже похоже на нежелание ее участвовать в моем нынешнем деле. Что ж, я ни капли не удивлюсь, если эта версия подтвердится. Не хочет – так не хочет, что ж...

Успел я на вопрос в конце – признаю ли я себя виновным – только коротко ответить, что я не признаю ни «вину» (ни полностью, ни частично), ни их «суд» (не являющийся на самом деле судом), ни их законы, ни их будущий приговор. В зале раздались аплодисменты. «Судья» тут же, с первого слова, стал затыкать мне рот, так что развернуто, как хотел раньше, произнести и обосновать всё это я бы никак не смог. Но какие-то – мне незнакомые – журналисты в зале всё же были, и я надеюсь, что мои слова хотя бы до «оппозиционной» тусовки дойдут. Самое же интересное – что следующее заседание назначено на 30-е октября – День политзаключенного в СССР, – тоже на 16 часов. Если, как в 2011, митинг по поводу этого дня будет утром или днем, – на нем можно было бы объявить о сегодняшнем заседании, м.б., пришло бы больше народу, чем обычно. Можно было бы сделать для этого митинга листовки, как делал уже Миша Агафонов, плакаты и т.п., но – вся надежда на то, что все-таки Бородин придет завтра, как обещал, и через него можно будет передать это Мише. Времени до 30-го на подготовку у него, слава богу, еще будет достаточно.

Увезли из «суда» всех очень поздно – где-то в восемь вечера, не раньше. Слава богу, в Мосгор«суд» не поехали а прямо в тюрьму. На сборке после шмона сидели вроде не так уж долго, но меня неудержимо клонило в сон, – увы, из-за этих поездок нормально поспать ночью хронически не удастся. В камеру подняли только в 12 ночи. Смотрю – матрас мой в изголовье завернут, лежавшая под подушкой телогрейка – развернута. Быдлярк сказал сквозь зубы, что утром был шмон. Я выдвинул сумку – по виду ее вроде бы не трогали вообще, она не открыта и не выпотрошена. Мразотина постарше вскоре улеглась спать, а помладше – смотрела какое-то дерьмо по быдловизору еще долго, до часу ночи, выключила только, когда я уже пил чай.

Но самое интересное выяснилось сегодня. Утром, часов в семь, повели в баню (вчера я ее пропустил). Прихожу оттуда – соседки дрыхнут. Лезу в сумку, в тот отсек, где лежат все письма, дневники, бумаги и пр. – и вижу: мой толстый красный блокнот, в котором я отмечаю приход и уход писем, всякие тюремные события по датам, а также начерно пишу стихи

(записываю, когда только приходят в голову), торчит среди бумаг не той стороной, как его обычно кладу я! И ручка – гелевая, «запрещенная» тут – не вытащена из него. Да и – шмон вообще редко лазит в эти боковые отсеки, в основном в саму сумку, а она вчера имела вид полностью нетронутой. То бишь – кроме этих ублюдков, лазить и брать мой блокнот было просто некому. Хорошо, что остатки дневника (вот эти два листочка) я загодя убрал так, что им не судьба было их найти. Начитались, небось, зато моих стихов, – жаль, что только в черновом варианте, но всё равно – русскому быдлу их почитать всегда полезно. Но мне ничего не говорят, ни в чем таком не уличают, – чтобы себя не выдать, ясное дело... :)))

НОЯБРЬ 2013

9.11.13., утро (после проверки)

Да, опять я оказался прав, как всегда. Никакого, абсолютно никакого действия не возымел мой недавний поход «к начальнику» и разговор с его замом. И быдляк, и быдловизор – всё осталось на месте, ничто нисколько не изменилось. Мрази в камере по-прежнему дрыхнут днем, а ночью тарашатся в свои идиотские фильмы, бои без правил, идиотские «смешные» кадры из интернета и т.п. Дятел попозже всё-таки тоже засыпает, а вот мерзкий беззубый быдляк – каждый раз, просыпаясь, я вижу, как эта тварь, уже без штанов, в трусах, сидит за столом на моем месте и пялится на очередной фильм, начавшийся где-то в 12, в полпервого, в час ночи. Соответственно, кончаются они в два, в три, не раньше. Вот уже несколько последних ночей я ужинаю, стараясь затянуть этот процесс и кончить попозже (чтобы поменьше лежать без сна, слушая быдловизор), ложусь, затыкаю уши кусками синтепона из матраса (уши от них болят, синтепон сильно мешает, но слышно через него всё практически так же, как и без него), уговариваю себя, что день кончен, что надо расслабиться и постараться заснуть, несмотря на доносящийся вполне отчетливо бред быдловизора, – и как-то, каким-то чудом мне вот уже две последних ночи удается вот так засыпать. Более того, проснувшись где-то через час (очень приблизительно, конечно, – часов-то у меня нет) и посмотрев на сидящую за столом, спиной ко мне, тушу этого ублюдка, я каким-то уж совсем невероятным чудом умудряюсь засыпать снова. Впрочем, если бы не затычки в ушах, мне бы это едва ли удалось, – слушает это чмо свои быдлофильмы на громкости хотя и убавленной, но всё равно вполне приличной, особенно ночью, в тишине. Попробовал было их сегодня вынуть, но тут же пришлось вставить опять. Вынуть эти проклятые затычки и расслабиться можно только тогда, когда эта быдломразь владимирская выключает наконец свой быдловизор и заваливается дрыхнуть.

Сегодня суббота, то бишь – тишина и глухое спокойствие. Вчера принесли мне остатки магазина от 6-го ноября – и две «Новых газеты», за сентябрь всего лишь, которые здесь дают в качестве технической бумаги. Их чтением я очень удачно занял время от обеда до ужина. Библиотека отсутствует, книги не носят. Делать нечего. Обстановка настолько мучительная, настолько невыносимая, невозможно описать словами. Я сижу абсолютно ни за что в тюрьме уже год, в одной камере с подонками и тупым быдлом, не дающим мне спать по ночам и думать днем. В голове – только обрывки мыслей, в клочья раздираемые бредом быдловизора. За что,

за что я здесь?!! Это совершенно невыносимо... Бессмыслица, тоска, безысходность и нелепость этого существования кипят, не находя себе выхода, в моей душе, и – как было и в Буреполоме, из этого состоит тот мой дневник – естественным путем преобразуются в лютую, неуголимую ненависть, в жестокую ненависть ко всем, кто загнал меня сюда и мучает здесь, в безумную, неукротимую, кипящую в душе ярость. Всё чаще я с наслаждением представляю себе, как убиваю, калечу этого тупого быдляка, этого мерзкого ночного телезрителя доской, вынутой из пола, расшибаю ему череп, ломаю руки, ноги, ребра, заравниваю тяжелой доской все выпуклости и неровности на его тупом свиньячем рыле... О, с каким наслаждением я и в самом деле убил бы тут эту мразь, уничтожил бы, не оставил бы ей ни одного шанса, – для меня он не человек, жалеть его нет никаких резонов, а останавливает меня только то, что за него мне впаяют еще лет восемь или десять, впридачу к оставшимся шести с половиной... Мрази, выbledки, тупые скоты, вся эта мерзкая, вонючая, ублюдочная страна свиней, – как же я вас НЕНАВИЖУ!!!!...

Понятно уже, что это вонючее владимирское быдло будет здесь и 15-го, в следующую пятницу, когда мне опять предстоит мыть «дальняк». Ей-богу, за одну только эту необходимость я сжег бы эту проклятую Москву, где мне довелось пережить это унижение, ядерной бомбой, не говоря уж – перестрелял бы своими руками, сжег бы лично в печах крематория все 2000 эков этой тюрьмы и уж сколько там в ней работает «мусоров»!.. Унижения, унижения, вечные, неизбежные унижения от быдла, – шесть с половиной лет еще их терпеть... Быдляк, конечно, и 15-го всё ещё будет здесь – и будет мне напоминать мыть «дальняк», мразь!.. «Законку» ему так и не несут, точнее – ни вчера, ни позавчера спецчасть не ходила вообще по этажу. Точнее, конечно – нет сомнения, что быдляка держат тут специально, «законка» никак не может идти месяц. Мразота е...чая, которую посадили тут блаженствовать с быдловизором, на чужой (дятла) жратве и куреве. Так и просидит тут, что ли, все оставшиеся ему 9,5 месяцев? Интересно только, что это чмо будет жрать, когда уедет дятел... :) То ли писать опять жалобу в УФСИН (настоящую, т.е. через Бородина, через волю), то ли писать опять заявление на прием к начальнику, чтобы убрали эту мразь и быдловизор, – не знаю даже, что делать. Ясно лишь, что ни то, ни другое, ни вообще какие-либо мои усилия в этом направлении – не помогут. :(Попал в западню, и выхода нет, и покоя – тоже, и сна по ночам... Каретникова, как пишет мне Миша Агафонов, пока не уверена, останется ли в ОНК, – их, правозащитников, там вроде оставили, но «силовики» напихали туда вдвое больше, чем было, так что правозащитники теперь там в

меньшинстве – и Борщев, как написал Миша, пригрозил вообще уйти и забрать с собой всех правозащитников. На 4-е ноября – судя по письму Миши, они ждали итогов выборов председателя ОНК. Кого там выбрали, я пока не знаю, но ясно, что и Каретникова, неизменно сердобольная к уголовникам, уж точно не возьмется помогать мне в том, чтобы оставить их, бедненьких, без любимого быдловизора...

Ситуация безвыходная. Тупик. Клетка. Я ненавижу вас всех, мрази, тупые ублюдки, злобные русские свиньи!.. Ненавижу, ненавижу, ненавижу всех вас!!! Будьте вы все прокляты навеки!.. Желая вам всем сдохнуть мучительной, жуткой смертью!..

10.11.13., утро (после проверки)

Теперь эти мрази сокамернички перед проверкой непременно открывают окно, блядво этакое... Всё дело в том, что позавчера на проверке им кто-то из «мусоров» сказал, зайдя в камеру, что, мол, надо открывать – «проветривать», и мразь опер, стоявший тут же, подхватил – и пытался даже со мной поговорить на эту тему необходимости «проветривания» (в ноябре!..), но я не поддержал беседу. Ублюдки, как только зашли в тот день в камеру, прямо-таки кинулись открывать эту форточку, которая с сентября так и стоит неприбитой, только подпертой палочкой, и которую давно пора привинтить шурупами. Вместо того – эти мрази вот уже третий день сами угожливо открывают ее перед проверками, хотя, конечно, никто им ничего больше не скажет, кому они нужны. И – самое прелестное – теперь никто из них уже не спрашивает, как раньше, МЕНЯ, не против ли я открыть окно, не холодно ли мне, не пора ли закрыть, и т.п. Теперь они спрашивают об этом исключительно друг друга, как будто меня в камере нет вообще. В общем, ситуация, описав полный круг, вернулась к тому, что было той зимой в 408-й, – с той только разницей, что тут они меня при мне же не обсуждают (м.б., на прогулках, но туда они уже давно не ходили), не упрекают, что я, мол, «обособился»; но зато мытьё туалета вменено мне тут в постоянную, регулярную обязанность. А так – я не разговариваю с этими двумя говорящими кусками говна ни о чем, ни при каких обстоятельствах, ни о чем их не прошу и не спрашиваю, – и желаю им обоим страшной, мучительной смерти еще сильнее, чем желал тем трем ублюдкам (включая всех, кто в разное время был там третьим) в 408-й...

И – есть за что. Привыкнуть к круглосуточному бубнежю телевизора, заново научиться о чем-то думать и писать под этот телебред гораздо труднее, чем это было в 408-й, где телевизор уже был задолго до меня и нигде не исчезал. Не говоря уж – снова научиться под ЭТО спать. Старый ублюдок быдлак этой ночью смотрел фильмы уже не до трех ночи, а,

наверное, до пяти – судя по тому, что я уже успел проголодаться, хотя кончил ужинать в час, как обычно, – а он всё ещё сидел и тарашился. И – прошел как раз где-то час, по ощущениям, без часов, после того, как он наконец улегся, – и как раз уже зажгли свет, и почти сразу же вскочила с постели вторая мразь, побежала – и, конечно же, включила себе быдловизор. Перерыв составлял, таким образом, всего от силы часа два, не больше. Под фильмы быдлаяка я как-то смог немножко подремать, просыпался пару раз, то бишь – не было ощущения полностью бессонной ночи и ни на секунду не отключавшегося сознания, но – после того, как он выключил, заснуть я уже не смог. Мрази, выблядки, всех бы вас сжечь в печах, мерзкие тупые суки!..

день (после обеда)

Наконец-то мразей этих увели «гулять», впервые за сколько дней. Хотя час отдыха... Фактически же – это тупое владимирское блядво сейчас просто вернулось к тому графику, о котором само же честно сказало, едва появившись в мае в этой камере: мол, на том корпусе, в 310-й, оно все ночи напролет смотрело телевизор, а днем дрыхло. Помню, услышав это, я возблагодарил бога (в которого не верю :), что здесь телевизора нет, т.к. такой график мне абсолютно не подходил. Ну так вот, теперь он есть – и всё просто вернулось на круги своя, пусть не сразу, но неизбежно. Куда мне деваться, я не знаю, постоянно чувствую себя невыспавшимся, сил уже нет совсем. А эту тварь на этап всё не забирают и не забирают... :(((

12.11.13., утро (после проверки)

Съездил вчера... До этого всю ночь не сомкнул глаз, так что спать весь день хотелось дико – и там, в конвоирке, и – особенно – вечером, на сборке. В общей сложности я просидел там четыре часа, – приехали в тюрьму в начале десятого, а в камеру меня «подняли» только в час ночи, да еще под конец заперли в боксик уже здесь, на «пятерках» – пока разводящий не найдет дежурного по этажу с ключами от камер.

А в «суде»... что ж, всё было как обычно. Мразь «судья», так и не пуская в зал публику, начал процесс. Пару раз я пытался выяснить у него, закрытое заседание или всё-таки открытое – и каждый раз он мне отвечал, что, мол, мне слова не давали. На второй раз я уже слегка повышенным тоном объяснил ему, что мне слово не надо ДАВАТЬ – я беру его сам, когда мне нужно, а также сообщил ему открытым текстом, что он мразь. Он в ответ тотчас приказал удалить меня из зала. Ну и прекрасно! На следующих заседаниях я буду сидеть исключительно спиной к нему. Как я и предчувствовал заранее, наш спор с Мишей Агафоновым о моей тактике на процессе решился сам собой. Журналистов и общественность попросту не

пускают, так что вообще о чем бы то ни было говорить с этими мразями нет ни малейшего смысла.

Поразило меня другое. Еще до начала заседания Бородин успел дать мне письмо от Миши Агафонова и... несколько бланков на русском и грузинском языках о том, что я прошу дать мне грузинское гражданство, т.к. не желаю быть гражданином преступного государства РФ! Оказывается, Саакашвили объявил, что в последние десять дней своего президентства готов дать грузинское гражданство всем желающим – и МФФ, спасибо ему, договорился с кем-то в Тбилиси, что мои документы ему тоже передадут. Я подписал все эти заявления, но – Антоша (через Агафонова) в письме сообщил, что времени есть только до 13-го числа, и 13-го, а лучше 12-го, документы уже должны быть в Тбилиси. Уж не знаю, успеют или нет, но как здорово было бы!.. Перевод на грузинский всех бумаг обеспечила Ольга Исаева (Орлеана), ей тоже огромное спасибо, – как раз вчера пришло от нее и письмо, от 10.11., и я сегодня с утра успел уже ответить и поблагодарить.

Пришел вчера в час ночи в камеру – странно, но быдлук дрых (!), а фильм смотрел со своего шконаря дятел-домушник. Впрочем, он вскоре встал и выключил быдловизор, так что ужинал и спал я в полной тишине, чего давно уже не было. Зато сегодня с утра... Мало того, что эти твари продолжают постоянно открывать окно, как будто меня здесь и нет, – так они еще и, похоже, стали делать тут брагу сегодня утром, или какую-то алкогольную бурду, – быдлук налил в ведро два чайника кипятка (я сперва подумал было, что отключили горячую воду, а ведь сегодня баня), затем вывалил туда кучу сахара-рафинада, потом насыпал какой-то белый порошок из пакета, – крахмал? Или черт его знает, что это было, – я не спрашиваю, понятно. Накрыв пакетом для мусора и поставил в таз, в горячую воду. В общем, для полного счастья только не хватало, чтобы эти твари стали тут напиваться!.. И, главное, по-прежнему нет ни малейших признаков, чтобы быдлук собирался бы на этап. «Законку» ему, видимо, не принесли и вчера, – по крайней мере, разговоров об этом не слышно. Я уже не сомневаюсь, что его держат здесь специально, не может «законки» не быть второй месяц. Я совершенно не знаю, куда мне деваться от этой мрази с ее ночным быдловизором, а теперь еще и открываемым окном и алкоголем...

Да, еще одна хорошая новость. Бородин успел вчера перед заседанием сказать, что на четверг или пятницу (14-15) согласовывается дата и время пресс-конференции с участием обоих адвокатов, Григорьянца, ну и – не знаю уж, кого еще: Миша Агафонов хотел вроде просить Подрабинека, когда-то давно и Гефтер изъявлял готовность участвовать, да и Санникова,

по идее, должна... Собственно, Бородин про это сообщил в ответ на мой вопрос, когда он придет ко мне, на этой ли неделе, – я так понял, что не раньше следующей.... :(((

Шикарная новость с утра: вчера во время марша в честь Дня независимости Польши (1918?) в Варшаве, типа, пытались поджечь (забросать горящими файерами) посольство Руси. Молодцы! Жаль, что не сожгли совсем! К сожалению, это, видимо, была не заранее спланированная акция, так что заметного ущерба русским свиньям и их шпионскому гнезду в Варшаве она не принесла.

14.11.13., день (после обеда)

Только одна хорошая новость, зато какая: быдляку вчера наконец принесли «законку»! М.б., вскоре эта мразь отсюда наконец уедет!.. Сегодня он просился к мрази оперу на прием – видимо, чтобы тот ему помог еще «тормознуться» здесь, но тот, похоже, отказал. Пришли еще вчера письма – от матери (мое к ней дошло за пять дней, оказывается), от Маглеванной и от Майсуряна – №40. А вот №36 так и нет. Мрази вчера опять до глубокой ночи смотрели свои фильмы, даже особо потише не делая, но я всё же как-то умудрился заснуть. Ведро с брагой вот уже третий день стоит – то под шконкой, то у умывальника, но они всё никак не соберутся опорочить его.

*** * * После обеда**

Не могу удержаться, чтобы еще одну яркую сценку не описать, хотя и пришлось для этого тетрадь доставать. Не первый раз это уже, но сегодня – особенно ярко. Принесли только что заказ еды от матери – остатки понедельничного и сегодняшнего (четверг). И вот – я набираю в руки всего так, что чуть не падает, и таскаю к себе на шконку. Последняя бутылка, или что там еще, остается лежать в «кормушке» – я уже не могу ее взять, не хватает рук, и говорю ларёчнице: «Подождите». Она недовольна, конечно, этой задержкой (как и вообще всем на свете). И – она говорит в «кормушку»: «Ребята, помогите ему!». Один из «ребят» лежит, как всегда, на шконке, головой к быдловизору; второй – стоит прямо около него (быдловизора) (то есть в одном шаге от двери). И – ни тот, ни другой, обычно столь покорные любому слову начальства, тут даже не шелохнулись; даже этот ублюдок дятел, стоявший рядом с дверью, не сделал ни малейшей попытки! В прошлый такой же раз ближе к двери был быдлук – и он по слову ларёчницы таки взял последнюю бутылку и передал мне. А тут – вообще ничего, демонстративно... Не зря я этих тварей (да и вообще всё подобное русопятое быдло) категорически не считаю за людей...

15.11.13.

Два крупных события сегодня. Первое – утром, во время

«проветривания», до проверки – неожиданно вызвали «к начальнику». Принимал, конечно, опять не сам Хорев, а – Горбачев. Четыре заявления написал, чтобы к нему попасть, а тут – на тебе! Он спросил опять вкратце про быдловизор, я упомянул и про быдляка – и тут он мне озвучил «решение администрации», такое, как я и думал: быдловизор, конечно же, не заберут! Это, видите ли, нарушает права других зэков (мразей)... Единственное, что придумал(и) – предупредить сокамерничков еще раз, чтобы не смотрели ночью, а иначе – выключать на ночь розетки. Гениальная идея... :((Когда же я сказал, что быдляка ни о чем предупреждать как раз не надо, т.к. один раз его уже предупредили, после чего он мне стал угрожать, и упомянул, что на днях быдляк получил уже «законку» - Горбачев ответил, что тогда его, мол, от вас скоро увезут. Ну что ж, на это вся надежда, хотя уже понятно, что пользы от обращения к банде «администрация СИЗО» не будет и не может быть, а будут только одни проблемы.

Пришел назад в камеру, немного посидел, – вдруг приносят «законку» и дятлу!! Да еще вместе с ответом на апелляцию, где говорится, что ему скинули с пяти лет полгода, и подельнику столько же. То-то радости было у них с быдляком.

Ночью вчера заснул под быдловизор, как обычно теперь; просыпаюсь – а он уже выключен, телезрители ночные, мать их, спят. И вдруг... Быдловизор включается сам собой! Оказалось потом – они легли спать, когда где-то в час или во втором часу ночи вдруг отрубилась розетка. Утром просыпаюсь – опять не работают, и «мусор» включил их только после завтрака. Прихожу от Горбачева – не работают опять!.. И «мусор» говорит на стуки в дверь быдляка, что, мол, после обеда вызовет электрика. Вот сейчас, пока пишу это, началась какая-то возня – «мусор» спросил у нас и у соседей, работают ли розетки. Но пока так и не работают, даже кофе не попить. :(А главное – как-то странно наложилась вся эта ситуация на сегодняшнее обещание Горбачева отключать здесь розетки на ночь...

16.11.13., утро (после проверки)

Вчера, да-да, таки помыл я их дальняк. :) Напомнил мне об этом домушник, мразь, – и, по-моему, это было еще омерзительнее, чем когда в тот раз дважды напоминал быдляк. Следующий раз – 6-го декабря, и я от всей души надеюсь, что к тому времени обоих этих тварей тут не будет, так что «традиция» умрет сама собой.

Но к тому моменту я уже не думал о том, какое это унижение – мыть дальняк. После обеда принесли электронные письма от Корба и Орлеаны. Итак, на грузинское гражданство мои документы подать просто не успели.

Миша Агафонов, к моему изумлению, лично летал 12-го в Тбилиси с моими заявлениями, но – вместо 13-го они там как раз 12-е сделали последним днем, так что – не успели, как пишет Орлеана. Впрочем, с первой секунды, как увидел эти бумаги, я уже знал, что никакого грузинского гражданства у меня не будет...

А Корб пишет, что Антоша Ручкин неожиданно вышел из Комитета моей защиты! Антоша, которого я считал одним из лучших своих друзей и единомышленников, которого вспоминал постоянно, просил – через других моих друзей – написать мне, который так много для меня значил... Какая, однако, скотина!.. Мотивы его Корб не приводит, да это и не важно – факт есть факт. Ушел так ушел, умерло так умерло... Меня так подкосила эта новость, что сразу стало всё равно, ЧТО там еще пишет Корб: что в Комитет так и не включили Исаеву (Орлеану) и Близнюк, но неожиданно для меня включили Ефимова, который в Эстонии (о нем я еще как-то думал, что надо бы его предложить) и Мананникова (вот уж абсолютная неожиданность!..). Впрочем, всё это уже не имеет никакого значения: кампания по мне не состоялась, это уже ясно. Разве что в интернете что-то пишут обо мне, а в real life – ничего, полное молчание. Вторая новость Корба только подтверждает это: 13-го ноября (вечером, видимо) он пишет мне, что пресс-конференция в Москве так и не получается – хотя 11-го с «суде» Бородин говорил мне, что она, мол, уже согласовывается на 14-е или 15-е. Согласовали... :(((Зато «суд» сделали закрытым – и на срок меньше 7,5 надеяться теперь просто смешно...

Эту ночь почти не спал опять. Дятел, как обычно, уснул раньше, а ночное владимирское чмо так и сидело часов до трех, до четырех – точно не знаю – в одиночестве, как всегда теперь. Когда оно наконец выключило и легло – заснуть я уже не смог, а вскоре вдруг неожиданно включили свет...

Абсолютная депрессия, тотальная безнадега. Все попытки Корба только показали, что я никому не нужен, защищать меня невозможно и некому, всё обусловлено и предопределено. Сам Корб, возвращаясь из Парижа с какой-то конференции, 20-го будет в Москве, а м.б. – и 21-го, зайдет в «суд», увидимся на миг, пока меня будут вести мимо. На 20-е он, пишет, предлагал очередной WSD, но – никто не откликнулся...

17.11.13., день (после обеда)

Опять не спал целиком всю прошедшую ночь. Лег в час, как обычно, в три где-то они выключили быдловизор (быдляк выключил, точнее), я вынул затычки из ушей – но уснуть так и не смог. Только когда уже включили свет, я встал, умылся, убрал одеяло, надел кофту и опять лег, как обычно (переход с ночного режима на дневной), – умудрился-таки ненадолго задремать. Во

сне увидел вдруг – и не сразу узнал со спины – Маню. Проснулся – ба, сегодня же день ее рождения! Ну, поздравляю тебя, кошка моя черная! Потом еще лег после проверки – и таки проспал, видимо, подольше, видел какие-то нелепые сны (только по ним и сужу, что, значит, спал), и в одном из них – вдруг Мишу Агафонова, которого тотчас стал расспрашивать и благодарить за его недавний полет в Тбилиси. Все точно по Фрейду, – в сны попадает то, что реально кроется в подсознании. Маня с ее д/р, о котором я помнил еще за несколько дней, Миша с его полетом, а поблагодарить его в реале я не могу... 2374 дня мне еще осталось, и на душе дикая тоска от этого. Кампания в защиту полностью провалилась, всё бессмысленно... :((

18.11.13., день (после обеда)

Неожиданно вчера вечером приперся Бабушкин (ОНК). Вышли мы с ним в коридор к окошку, поговорили. Ничего он мне не сказал насчет быдловизора (о котором слышал уже, конечно), кроме все той же избитой их общей мантры: нельзя, мол, бедненьких уголовничков оставлять совсем без телевизора, он им просто позарез необходим... Суки, короче, что те, что эти... На упоминание о «деле» моем и о «суде» - сообщил, что, оказывается, он так и не получил обвинительное заключение! Сука!.. И Каретникова, и Бородин – еще летом (осенью?), помнится, говорили, что скидывали ему. Он же на мой вопрос об этом – тут же отмазался, что, мол, по 300 писем в день получает, – мол, надо ему специально звонить и сообщать, что послали, чтобы он не прохлопал письмо. Я дал ему телефон Миши Агафонова, но – едва ли он – ОН!! – архизанятый Бабушкин будет звонить Мише ради помощи мне по делу. Сказали ему и о том, что «судья» выгоняет посетителей из зала «суда», он записал фамилию «судьи», количество раз изгнания публики, какой «суд» и т.п. – и что? Он что-то сделает, что ли, чтобы «судья» в следующий раз, 21-го, не выгнал посетителей и журналистов из зала?.. Ничтожество в очках и с ноутбуком, в который он пунктуально записывает все, что ему говоришь, – но после этого ровно ничего не меняется...

Тоскливо, пусто, тошно на душе. Началась новая неделя. Почты нет. Бородин тоже не идет – и, думаю, на этой неделе так и не появится. Ублюдков не забирают на этап, они сидят и, как обычно, смотрят быдлокомедии по быдловизору. Одно хорошо – эту ночь все-таки спал, и под их быдловизор, и после него, более-менее. Утром, до обеда, в камере стало уже холодно, с окна всё ощутимее дует, ноги у меня прилично замерзли. Надо одевать шерстяные носки, менять обувь на зимнюю...

19.11.13., день (после обеда)

Дико, чудовищно, невыносимо обидно получилось этой ночью. С вечера

демоны – неслыханно!! – улеглись спать, пока я еще пил чай! Точнее, улегся домушник, не найдя ничего интересного по оставленному в его распоряжении быдловизору; а быдляр – тот улегся еще раньше. То-то радости мне было, – опять полностью тихая, спокойная ночь, без фильмов до трех утра, какое счастье... И вот – в этой полной тишине, темноте и тепле (под одеялом) я не смог опять заснуть до утра!.. :(((Ворочался и так и сяк, думал о сроке, вспоминал своих буреполомских кошек, пробовал считать – всё без толку. Только когда уже зажгли свет, чуть-чуть всё же задремал, на минуты какие-то, – сперва под одеялом, а потом уж и без него...

Обед сегодня припозднился почти до четырех часов. Только успели поесть – вырубился вдруг свет, через несколько минут включился, но розетки не работают до сих пор. Баландеры в коридоре говорят, что свет вырубился на всем централье, розетки – на половине корпуса, и т.д. Поэтому быдловизора сейчас нет (и моего послеобеденного кофе со сгущенкой, увы, тоже). Быдляр уже дрыхнет, чтобы опять колобродить ночью. Самое обидное – Бородин так и не пришел пока, я не знаю новостей еще за прошлую неделю (про пресс-конференцию, в частности, – была ли она). Придет ли он хоть завтра?..

А завтра, между тем, уже исполняется год. Сумная гадавина... Послезавтра – опять ехать... :(((

вечер (после ужина)

Розетки заработали днем совсем ненадолго – и опять отключились, сказано было – до завтра. Так этот выблядок домушник додумался запитать их быдловизор от кнопки звонка у двери, – от этой кнопки срабатывает лампочка в коридоре над дверью, чтобы сигналить «мусорам». На чайник – тоже пытались – мощности там не хватило, но на их вонючий «ящик» – вполне. Суки, мразь!.. Тихая, спокойная ночь, на которую я опять рассчитывал, чтобы все-таки поспать, – теперь пошла псу под хвост!.. Быдляр, как он сам сказал, выдрыхся, спал всю ту ночь, да еще сегодня днем, – теперь эта мразь будет сидеть и тарашиться до утра! Опять не уснуть!.. :(((Боже, ну когда же наконец обоих этих выблядков, сукиных детей, заберут отсюда и увезут на этап? Мрази, как же я вас ненавижу!.. В гигантской мясорубке лично смолот бы вас, мразей, в кровавый фарш, в печах крематория живьем бы сжег, мрази, на куски топором лично бы порубил!..

20.11.13., день (после обеда)

Итак, этой ночью был апофеоз, – не думал, что я доживу ЗДЕСЬ до этого... Мрази в камере, как я уже писал, даже без розеток обеспечили себе на всю ночь быдловизор, а мрази вне камеры – оставили на ночь свет! Я, собственно, так и понял, учитывая обстоятельства, – когда уже около 12

ночи быдляр надумал все же спросить у «мусоров» через домофон, не погасят ли они свет, – ему ответили оттуда: ни у кого не погасили, а у вас погасить, что ли? То ли ночники у кого-то не работали (днем в коридоре слышно было, как у каких-то камер спрашивали, работает он или нет), то ли еще что – но впервые в этой камере пришлось ложиться спать при свете. Ух, как же это было отвратительно!.. Всё как в 408-й, только там при свете и быдловизоре ИЗНАЧАЛЬНЫХ мне все же было засыпать как-то проще. Но – заснул и тут вчера, поскольку не спал ночь до этого. Проснулся, когда они уже выключили – и, обалдеть, после этого заснул опять!.. Днем опять вырубили весь свет, починили розетки – и эту ночь, конечно же, мне не спать, а завтра в шесть утра – уже ехать...

Быдляр, мразота, утром, после проверки, вдруг накинулся на меня – за то, что я, видите ли, не выкинул мусор, когда им на проверке приказал его выбросить «мусор». :) Еще на сегодня бы хватило этого пакета, но они, твари, повадились каждые два дня – полупустые еще – выкидывать; а сегодня почему-то вдруг не выкинули сами – так в него сунул свой нос «мусор» и приказал им выбросить. Я зашел в камеру с проверки последним – и, ясное дело, ближе всего это мусорное ведро было ко мне и выкидывать должен был я. Но- я не считаю правильным выкидывать полупустые, и я не стал. После же проверки эта злобная владимирская быдломразь вдруг набросилась на меня тоном настолько злобным, что стало ясно: она ненавидит меня так же люто, как и я ее. На куски бы тебя порезал живьем, тупая быдлярская сука! Впрочем, хоть этот выродок и здоровенный, тяжелый, и старше меня на восемь лет, – но если только его нападение не застанет меня врасплох, если я буду морально готов с ним драться; мне думается, я одолею его...

Вот и год прошел, как я в тюрьме... В том году в это время они как раз всю шмонали квартиру... Бородин так и не пришел, увы. Писем тоже нет. Я медленно схожу здесь с ума, сидя в камере с этими упырями, слушая их идиотские быдлокомедии весь день, без писем, без вестей с воли, в глухой изоляции, думая почти непрерывно и рефлексивно о том, что меня ждет, – об этих шести с половиной годах еще, об этапе, шмоне в «столыпине», о жуткой этой нечисти, с которой в соседних проходняках (а м.б., и в своем) придется жить в лагере... О том, почему же так нелепо и бессмысленно сложилась моя жизнь, и когда же всё это кончится, и что высшим, предельным вознаграждением, компенсацией за все пережитые мучения будет разве что небольшая квартирка в какой-нибудь нормальной стране, как вон у Маглеванной, и пособие, чтобы прожить, – вот и всё, и ничего больше, ибо большего я не заслужил...

22.11.13., утро (после завтрака)

Масса новых и интересных событий. :) Главные, пока я ездил вчера в «суд», произошли тут, в тюрьме. Быдлярка, по его же рассказу, утром «заказали» наконец-то на этап в Волгоград (вместо ожидаемого им Владимира!), он просидел семь часов на сборке – и его опять вернули в камеру, :((потому что для едущих «по изоляции» где-то (в «столыпине»?) не оказалось достаточно мест. А уже когда я приехал вчера вечером, в начале 11-го «поднялся» в камеру, лег полежать до ужина – и заснул, разбудило меня хлопанье «кормушки»: пришли заказывать на ночной этап дятла-домушника!.. Куда – неизвестно: вместо двух часов ночи, на которые его «заказали», увели его – не было еще и часа; до сих пор он не возвращался. Остались мы с быдлярком вдвоем – и уже вчера ночью, сразу после ухода дятла, эта мразь не орала на меня и не угрожала, а разговаривала вполне дружески (и сама же лезла разговаривать всё время), как будто ничего не случилось... Вот так-то, злобная хитрая мразота, не плюй в колодец... Но, конечно же, теперь я знаю эту мразь уже как облупленную, и о прежнем спокойном к ней отношении речи быть уже не может. Жаль, что просидит она тут, видимо, еще целую неделю, как ни в чем не бывало смотря по ночам телевизор на всю громкость, – но уж, я надеюсь, до следующей пятницы (сегодня как раз тоже пятница), чтобы опять заставить меня мыть дальняк, он тут не досидит...

А в «суде» тоже было вчера интересно. Первое – что «заказали» меня туда на семь утра, а не на шесть, как обычно. В самом «суде», как зашли в конвоирку – всех поразили «мусора» в масках на бошках, в дополнение к обычным, постоянно тут работающим. Я сразу подумал, что это из-за того кабардинца, который буйнил и дрался с ними в тот раз, 11-го, и сегодня, по его словам, должен приехать опять. Так и оказалось. Его в общий боксик, куда до шмона закрывают всех, ссаженных с автозака, вообще не посадили, а повели, видимо, шмонать первым, – я слышал, как они повторяют его фамилию. На обратном пути в машине он рассказал, что шнурки ему на этот раз просто разрезали ножницами, а самого пару раз ударили – то ли электрошокером, то ли просто дубинкой, я точно не понял.

Из набитого же боксика первым выдернули шмонать меня, хотя обычно выводят одним из последних. Шмон в присутствии и под руководством «масок», отдававших команды и натужно пытавшихся глумиться, носил явно издевательский характер, специально с целью унижить, а не что-то такое «запрещенное» найти, – ну да, в наказание за то, что я тогда, 6-го ноября, упирался при выходе из зала и они уже хотели тащить меня волоком. Ничего не забывают, суки!.. «Маски» командовали, а жирный,

щекастый, очень похожий на хомяка молодой «мусор» из Бутырского «суда» шмонал. Перелистал по листочку (чего никогда раньше не делал) тетрадку, что я постоянно вожу с собой для возможных записей; прощупал, заставив снять, обе куртки (кожаную и трикотажную); штаны они тоже заставили снять, прощупали; заставили снять и вывернуть носки; в общем, это был уже почти что полноценный лагерный шмон с раздеванием до трусов. На их попытки глумиться я не отвечал, и чувство у меня было такое, что эта мразь, нечисть и падаль в форме и масках ничегошеньки мне сделать не может, даже если изобьет до полусмерти (одного они потом, спустив из зала, таки избili – за разговоры с родственниками в зале; меня за это же, спуская вниз по лестнице, чехвостили словесно вдвоем, но бить не посмели), – мой дух тверд, я ненавижу и презираю их самих и это ублюдочное государство, которому они служат, им ничем меня не взять!..

На «суд» на этот раз зрителей все-таки пустили, – видимо, подействовали жалобы, которые, как написала мне в полученном позавчера письме мать, народ пошел в тот раз писать на имя председателя «суда» – пять или шесть жалоб, как пишет мать. Сперва пустили всего пять человек, среди них – Рудыка (уже второй раз приходит, молодец!), Мишу Агафонова, Веру Лаврешину и еще двоих незнакомых. Пока «судья» долго сочинял отказ Трепашкину в его ходатайстве (еще в тот раз, без меня, заявленном) об исключении из дела части эпизодов по сроку давности, пришел неожиданно Подрабинек (!) и еще какая-то женщина, которая на мой вопрос, не журналист ли она, ответила, что она художник и принялась меня рисовать. М.б., это и есть та самая Виктория Ломаско, организатор конкурса «Рисуем суд», куда свои зарисовки с моих фотопортретов вешал (на их сайт) Корб, не знаю уж. (Корб, как сказал мне Миша Агафонов, 20-го был-таки в Москве, но на 21-е, как я понял, не остался, в «суде» его не было.)

Потом стали допрашивать мать, она отказалась давать показания по 51-й статье конституции, прокурор зачитал ее показания на следствии, а Бородин сказал, что она дала их вынужденно, иначе мразь следователь не давал ей свиданий со мной, но протест Бородина никакого эффекта, разумеется, не возымел. Зато – удалось «пробить» допуск в зал еще одного журналиста, того самого молоденького пацана с «Каспаров.ру», который ходит на все заседания постоянно, но вчера почему-то опоздал. Пристав не хотел его пускать под тем предлогом, что, мол, нет мест в зале, тем более, что мать после ее допроса тоже, конечно, осталась. Но когда народ потеснился, доказав, что еще одно место точно есть (а пацан худенький, много места не займет; хотя – зайдя в зал, я сразу увидел, что одну из и так немногочисленных скамеек для публики убрали), и стал объяснять

приставу про уголовную ответственность за воспрепятствование работе журналиста, тот всё же каспаровского корреспондента пустил. Еще одна совсем крошечная – но победа!.. Увы, войну у них по их законам выиграть всё равно невозможно («приговор» это скоро докажет), – только такие вот бои местного значения.

Что еще? Вели меня на этот раз «черной» лестницей до пятого этажа, как в первые разы, – неужто им передали мое письмо к Корбу, где я ему советовал ждать меня на площадке «парадной» лестницы?.. В коридоре, как с «черной» лестницы вошли, сидел пристав с собакой, – привели ради меня?.. Санниковой опять не было. Из-за отсутствия свидетеля Доносикова «суд» опять отложили – на 2-е декабря, 11 утра (неожиданно, вместо обычных 16-00), а Трепашкин рассказал мне, что Доносиков, оказывается, написал в Мосгор«суд» жалобу на «судью» – за то, что в интернете висит кусок из обвинения, где упоминается протокол его допроса на следствии, – типа, «судья» торгует материалами дела, или как-то так, хотя ясно, что закидывал этот кусок обвинения в интернет вовсе не «судья» Ковалевский... :)))

24.11.13., утро (до завтрака)

Воскресенье. Вот уже третий день пошел, как сидим опять, как было летом: вдвоем с владимирским быдляком. Но продолжается всё, увы, не как было летом, а как при дятле: эта мразь быдляк, накачавшись с вечера кофе, так и сидит почти всю ночь, таращась в экран и не давая мне спать. Фильмы ли, бокс, борьба, еще что-то, – ему всё едино, лишь бы не выключить и не лечь спать. Потом зато дрыхнет до проверки, – вчера мне пришлось, преодолев отвращение, собственноручно будить на проверку эту тварь, когда-то подсказывавшую аж в шесть утра, и сегодня придется, видимо, тоже. Зато, встав перед самой проверкой, эта тварь не забывает всё так же открывать окно – «проветрить», и это, боюсь, непоправимая трагедия: ведь ясно же, что любое новенькое чмо, что заедет сегодня-завтра в камеру, пока быдляк еще здесь, – за одно-два утра научится от него тоже раскрывать окно по утрам, и его потом хрен от этого отучишь, хрен остановишь!.. Ну ладно, вчера еще была плюсовая температура на улице, но – на носу уже декабрь... Так же как хрен отучишь и заставишь потом выключать на ночь быдловизор. Сука этакая!.. Острое, непереносимое желание убить эту мразь, уничтожить ее, освободить от нее мир, от этого мерзкого, вонючего, тупого быдляка, раскроить ему сзади череп тяжелой доской от пола, когда он сидит на моем месте за столом и таращится в экран. Жаль только, что, если начать вынимать из пола доску, он непременно обернется на звук... И – непроходящая, лютая, испепеляющая ненависть к ним ко всем – и к

государству этому свиному, и к населяющему его быдлу, к тем, кто загнал сюда, засадил меня в тюрьму второй раз ни за что, и ко всей этой мрази и быдлу, которое тут вокруг – и не дает мне спать, есть, дышать...

Бородин, сука такая, в пятницу так и не пришел. С замиранием сердца жду в понедельник, – обещал быть уже твердо, причем с утра. Хоть какие-то новости узнать о том, что происходит на воле, как идет эта архивялотекущая кампания по мне...

26.11.13., день (после обеда)

Ну что ж. Приходил вчера адвокат, слава богу. Сказал, что на сегодня таки назначена по поводу меня пресс-конференция, но не в Независимом пресс-центре, как я думал и советовал Мише Агафонову, а – в Сахаровском центре, совершенно для меня неожиданно! Это кто ж меня, экстремиста-террориста, туда пустил-то, интересно?!. :))) А в прошлый раз она не состоялась, оказывается, из-за того, что Миша уезжал в Тбилиси. Пишет, что познакомился там с Орлеаной и ее мужем, пили вместе грузинское вино за мое освобождение и смерть России, плюс – он отвез ей оригиналы моих тюремных статей и стихов, да еще и все сканы нынешнего уголовного дела, – так, на всякий случай, пусть будут вне пределов ФСБ-ляндии, как он мне совершенно верно написал. Гена Строганов и еще какой-то парень, мне незнакомый даже по имени, оказывается, 20-го получили семь суток (точнее, 21-го, соргу) за акцию на Красной площади, которую они назвали WSD-2 (но больше он нигде не проводился, как я понял); с ними был и Миша Агафонов, но его и еще двух человек отпустили из ментовки (ОВД «Китай-город», мне памятное). [Примечание 2020 г.: этим неизвестным мне вторым участником акции, получившим сутки, был Ильдар Дадин, позже широко прославившийся своим арестом по «дадинской статье» за одиночные пикеты и оглаской тех пыток, которые ему пришлось перенести в карельской зоне №7.] Есть фотка, где они растягивают на фоне ГУМа и Кремля баннер «Свободу Стомахину!», видна только та часть, где фамилия. Вера Лаврешина в сообщении «Граней» об акции не упоминается, но упоминается именно ее плакат, картонный: Свободу Стомахину! Долой ст. 282!», который она в тот раз в «суде» держала на коленях и, украдкой раскрывая, мне показывала.

В камере так и сидим вдвоем с быдляком, который, мило улыбаясь, пытается как ни в чем не бывало разговаривать со мной о разных тюремно-бытовых пустяках. Вот он, дурак, наверное, пожалел-то, когда остался наедине со мной опять, наутро после отъезда дятла-домушника, что при нем орал на меня, хамил и угрожал. Думал, небось, идиот, что уедет первым, с мной останется дятел. Тот, кстати, проявил напоследок еще раз

всю свою сучность: на следующий день, когда в обед я полез в шкаф за пачкой готовых (только разогреть) макарон по-флотски из ларька, которые я часто ем тут на второе, – выяснилось, что одной их пачки не хватает! Было пять, я помнил абсолютно точно, а осталось только четыре. Видимо, пока этот ублюдок был полдня в камере один (я – в «суде», быдляк – на сборке, ждал этапа), сожрал пачку, а то – припрятал и увез с собой (но это менее вероятно, конечно). Мразь – она и есть мразь...

Прогнозы погоды неутешительны: ожидается (или уже где-то в Москве идет) сегодня густой снег и мороз до минус пяти градусов. Самый тоскливый, невыносимый, мучительный момент в году: ложится зима. Долгая, теплая, аж до ноября осень закончена... (Но быдляка в оставшиеся ему тут дни никакой мороз, разумеется, не удержит от того, чтобы открывать по утрам окно.) На душе мучительная тоска, тихий тоскливый ужас, так хорошо мне знакомый по тому сроку, – ожидание неизбежно грядущих еще несчастий... Шесть с половиной лет еще остается сидеть (дай бог, чтобы меньше), 2365 дней... Пережить весь этот кошмар – и уехать (если только удастся как-то физически пересечь границу), получить убежище, м.б., маленькую квартирку, как у Маглеванной, и небольшое пособие, – и доживать эту никчемную, неудавшуюся, но вначале столько обещавшую, такими посулами и горизонтами манившую жизнь... Доживать – в точном соответствии с формулой Пушкина: «На свете счастья нет, а есть покой и воля»...

27.11.13., день (до обеда)

Была сейчас свиданка с матерью. Забыл вчера написать, что сука Ковалевский («судья»), оказывается, свиданку таки разрешил, – это оказалась для меня чуть не главная новость позавчерашнего общения тут с Бородиным, хотя спросил я его об этом так, для проформы, между делом и без всякой надежды. Оказалось – разрешил (после того, как мать допросили), но сам Бородин про это мне сказать вообще забыл, не спросил бы я его – так и не знал бы до сегодняшнего утра.

Мать пару раз традиционно кашляла и давилась на свиданке так, что не то что говорить – сидеть даже не могла; но там ведь помещение тоже заперто, окно закрыто, ни воды, ничего, и никого не дозовешься. Как-то отдышалась после этих приступов, слава богу. Из всех новостей самая идиотская, сообщенная ею, – это про вчерашнюю пресс-конференцию обо мне. Увы, великий организатор Миша Агафонов организовал ее так, что журналистов на ней практически не было. Был Бачинский от «Каспарова.ру» – видимо, тот самый молоденький пацан, что ходит ко мне на «суды» постоянно и которого последний раз, опоздавшего, пустили

только под давлением зала; был Паша Люзаков; и была Полина Кузьмина, – уж не знаю, кого она представляла. И всё!.. Полный провал, короче; позорище. Не то чтобы я был на 100% уверен, что организуй ее Независимый пресс-центр, народу (прессе) было бы больше, но, м.б., хоть на сколько-то...

Григорьянц, по словам матери, там очень сильно чехвостила «Мемориал» за невключение меня в их последний список политэков, обнародованный 30-го октября. Что ж, вот уже сейчас, в зрелом возрасте и при полной ясности сознания (идейного в том числе), отношения мои с этой страной, в лице ее «лучших людей», «оппозиции» и «правозащитников», определились четко, ясно и однозначно. В 2012 году они выкинули меня с выборов в «КС оппозиции». В 2013-м, уже год сидящего по политическим обвинениям, – отказались даже включить в список политэков. И нет никаких оснований думать, что когда-нибудь (в 2020 г., например, если я доживу до освобождения) их отношение ко мне переменится, что хоть на какое-то мало-мальское признание и сотрудничество они будут готовы. То бишь – перспектив никаких даже в том деле, которому я жизнь посвятил, И действительно, если доживу, надо уезжать. Там тоже не сахар, конечно, – но там хоть все чужие по определению, хоть нет таких «своих», которые тебя предадут, отказываются защищать и даже признавать пзк...

29.11.13., день (после обеда)

Пятница. Четверг прошел, а быдляка так никуда и не увезли, – рухнули все мои надежды. Более того, сегодня, через час где-то после проверки, его вызвал к себе мразь опер и держал долго, полчаса, наверное, не меньше. Вернулся быдляк чуть не в ярости, злой: оказывается, этот дурачок опер требовал с него какие-то сведения обо мне, компромат на меня какой-то, но что именно ему надо – понять было тяжело. Реального-то компромата (да еще такого, чтобы о нем знал быдляк) нет. Правда, он со слов опера упомянул, что, мол, от моего имени в интернете публикуются какие-то статьи (раньше быдляк об этом, естественно, знать не мог), и это было, как я понял, чем-то вроде вводной или причины поиска компромата. Быдляк резонно предположил, что, м.б., на мразь опера надавило начальство, а я – про себя – что, м.б., по доносу этого самого «фонда борьбы с русофобией» таки возбуждено уголовное дело. Это было бы крайне неприятно, конечно, хотя мне-то лично едва ли чем бы грозило, в дополнение к тому, что уже и так есть... За непредоставление на меня компромата опер разговаривал с быдляком, по рассказу того, очень зло, пугал тем, что отправит в эти выходные на этап, заберет телевизор (только чтобы уже не возвращал, когда быдляк уедет!..) и – отказал в традиционной просьбе о сигаретах. Бедный

быдляк, просидев тут полгода с лишним, под конец таки впал у своего дружка опера в немилость и лишился его благоволения... :)

Посмотрим, вспомнит ли сегодня о мытье дальняка... :)

30.11.13., утро (до завтрака)

Нет, про «дальняк» он мне вчера – о диво! – не напомнил, хотя – не сомневаюсь – помнит о нем так же хорошо, как и я. Так и остался бедный «дальняк» немывтым, впервые за два месяца, кажись... :))

Новость дня вчера – уже вечером, часов в девять, быдляк через дверь долго слушал чей-то громкий разговор в коридоре («мусоров»?) и из него узнал, что на будущей неделе (сегодня суббота) грядет «ФСИН-овский» шмон, который, оказывается, на старом корпусе уже был. Я стараюсь убедить себя, что мне глубоко наплевать на их шмоны, пусть приходят и шмонают (гелевые ручки вот только бы не забрали, их будет жаль, а уж иголки они вряд ли найдут, да и нитки, м.б., тоже), но все-таки в душе мне эта новость глубоко неприятна. М.б., он будет прямо в понедельник, когда я буду в «суде» весь день? Тогда, придя часов в 12 ночи назад в камеру, придется первые полчаса посвятить складыванию и приведению в порядок всего барахла – в сумке, на шконке, жратвы в шкафу и т.д... :(((

Очередное письмо от Мани – с радостным описанием того, как она уродует себя (и так-то...) мужскими гормонами. Я написал ей в ответ, что она дура, просто набитая дура, и что этой хваленной ее любви, о которой она в каждом письме пишет, я совсем не чувствую, в отличие от 2011-12. Вместе с ним пришло и повторно посланное наконец-то Майсуряном его 36-е письмо, – не все распечатки, жаль, он в него вложил, а только ту статью Каретниковой обо мне к началу «суда», про которую я уже много слышал (точнее, просто большой пост в ее ЖЖ), со всеми комментариями. Сразу по прочтении этой мерзости возник опять соблазн написать ей ответ, как тогда Холмогоровой, но – точно так же – много чести ей будет. Да и ЧТО можно написать? Что она меня не читала практически, кроме той цитаты из некролога Масхадову и одного стиха? Что все они – со своим идиотским «ненасилием» – просто профанаторы и провокаторы, изображающие из себя «оппозицию», чтобы выпускать весь пар в свисток, уводить всех, кто готов реально бороться с режимом, в тупики и на ложные пути; что они – «белоленточники» 11-12 гг. – просто предадут и гробят то дело, которому я жизнь отдал, за которое сию секунду второй раз, и поэтому они для меня – просто предатели и враги, которых отстреливать и взрывать нужно заодно с путинцами?..

Всё время вспоминается, какое почему-то хорошее, просто шикарное, было у меня настроение в этот день семь лет назад, – 30 ноября 2006,

вечером, после бани уже, в той тюрьме – «пятерке», – вопреки тому, что тогда я уже получил свой первый приговор – пять лет...

ДЕКАБРЬ 2013

3.12.13., утро (до завтрака)

Самое мучительное во вчерашнем «суде», как и всегда, было – уже после «суда», ночью, на сборке бороться со сном. Предыдущую ночь вроде спал, но как-то очень мало, урывками; из «суда» выехали – и шести вечера еще не было; поехали в старомодном ментовском автобусе с кучей боксов внутри (я в бокс не помещался целиком, так что дверь закрыли не на замок, а на наручники) вместе с лефортовскими з/к в Мосгор«суд», там пересаживались два раза; в «Медведково» приехали – сказал на чей-то вопрос мент – полдесятого, но – после приезда за нами еще пары машин и ожидания, пока всех прошмонают – в камеру я попал без четверти два ночи, – абсолютный рекорд за весь этот срок!.. На сборке же казалось, что я буквально схожу с ума от этой слабости и желания растянуться во весь рост хоть на полу, если на скамейке я никак не помещаюсь...

А в «суде» допросили вчера наконец «свидетеля»-стукача Доносикова. Он заявил «суду», что со мной не знаком, но что мои статьи, оказывается, использовались в скинхедских кругах для разжигания ненависти скинхедов к евреям, – мол, смотрите, как вас ненавидят евреи, а государство их покрывает (!), т.е. оно, типа, на их стороне. Более нелепо и извращенного бреда, конечно, трудно придумать; Доносиков в подтверждение своих слов сослался на девицу с именем Василиса, – фамилию не помню сейчас, но именно именем она выделяется больше всего, – посаженную по делу одной из нацистских банд, убивавших таджиков. Мол, она была знакома с моими статьями, и одной из ее претензий к государству было то, почему я на свободе (видимо, как раз когда я был на зоне или только что освобожден отсюда). По логике Доносикова, именно мои статьи были одним из факторов, заставлявших эту Василису (или не только ее?) убивать таджиков, – и на немедленный вопрос Трешкина, призывал ли Стомахин в своих статьях к убийствам таджиков, Доносиков выкрутился из этой нелепейшей ситуации так: мол, бывает, что тебя кто-то разозлит, а срываешься ты совершенно на других людях (как-то так, не дословно). Что ж, надо сказать, что мне это очень лестно, если нацисты, тем паче известные, не только читали мои статьи, но и как-то использовали их в своей пропаганде (во что я, надо сказать, совершенно не верю).

А самым потрясающим для меня открытием стало то, что «судья» Ковалевский стал-таки наконец согласовывать день следующего заседания с адвокатами! Еще в тот раз стал, но тогда я как-то не придавал этому значения, пропустил мимо ушей. А тут – он в самом деле сказал дату (11-е

декабря в 11 утра) сперва им, негромко, они достали свои ежедневники, сверились – и только тогда он огласил дату для всех. Что уж на него так повлияло, – неужели то, что писал Миша Агафонов в ЖЖ, что «судья» готовит провокации и норовит вышибить моих адвокатов из дела, нарочно назначая неудобные им дни заседаний?.. Так или иначе, но что-то сдвинулось в этом процессе, – и публику стали пускать, и заседания назначать не так, как прежде. Но, увы, на «приговор» это едва ли повлияет...

Неожиданно в коридоре «суда», когда заводили в зал, я увидел Григорьянца и даже успел на ходу пожать ему руку. Несмотря на возраст и болезни, он всё же пришел, – спасибо, я как-то не думал именно его там увидеть. А самой горькой новостью, что узнал я там вчера, оказалась весть о смерти Горбаневской...

5.12.13., 7-й час утра

Владимирского быдляка наконец-то – вот только что – забрали на этап. «Заказали» еще вчера вечером на шесть утра. Самое странное и поразительное – что до сих пор не закинули в камеру больше никого; это вызывает у меня крайне неприятное подозрение, не хотят ли и меня убрать отсюда, – куда-нибудь на старый корпус, а в камеру заселить опять первоходов. Надеюсь, что этого все же не случится, – по крайней мере, пока всё тихо. Забиравшие быдляка «мусора» почему-то не включили даже свет в камере, что поразительно само по себе. Вообще – да – в этой стране возможно всё, ничему не следует удивляться. Из настойчивых вопросов «мусоров» на проверках, на какой именно шконке я сплю, быдляк недавно сделал вывод, что мне навесили «полосу» «склонен к суициду», а спрашивают, чтобы тщательнее следить за мной. И вот – вдруг – оставляют в камере одного; а при том режиме, как мы тут жили с апреля – что этапы своим чередом, а переводы из камеры в камеру своим, и это никак не связано, – я мог бы теоретически прожить тут в камере в полном одиночестве не один день и даже не одну неделю. Но это едва ли, конечно. Молюсь в душе, чтобы хоть не выкинули отсюда опять на проклятый старый корпус...

Вчера была очередная свиданка с матерью, но ничего особенно интересного и нового она не сообщила. В это же время тут, на этажа, работала целая бригада хозобслуги, – что-то делала с окнами в карантине, да и не только в карантине, по-моему. Но, хотя мать накануне была на приеме у кого-то из замов начальника и, как я понял, сказала насчет незаделанного окна в 525, – сюда его заделывать так никто и не пришел. Если останусь тут, придется добиваться этого самому, – натываясь на возмущение и противодействие тех, кого сюда еще посадят, конечно...

Кстати, быдляка теоретически и еще раз вернуть сегодня обратно с этапа, – он же хочет ехать только «по изоляции», написал в тот раз об этом заявление, а вот отдельных мест для этой изоляции может опять не быть...

Что еще? Шмона обещанного пока что не было, вчера – слышал в отстойнике перед свиданкой – шмонали на старом корпусе, на «тройках». Пришли вечером письма от Мани, от Лены Маглеванной, от Орлеаны – и 43-е письмо от Майсуряна. Плюс – закинутые вчера Бородиным в здешний почтовый ящик журналы «The New Times», обрезанные по ширине, – я читал их весь вечер, от ужина в семь до гашения света в десять, и еще не все прочел.

5-й час дня

И сомневался, и надеялся, что обойдется, и не верил, и знал, что тут возможно абсолютно всё... Короче, его опять вернули с этапа!.. Опять потому же, что и в тот раз, – нет мест для «изоляции», в автозаке, как он мне объяснил, всё забито (а не в «стольшине», как я думал раньше). В три часа дня – уже после того, как мразь опер на проверке сказал, что надо кого-нибудь закинуть, – я уж думал, ведут закидывать, когда стали отпирать дверь, и тут НА тебе!..

Опять, значит, еще целых две недели минимум – фильмы до двух-трех ночи и открывание окна по утрам... :(((Не открывать ему хватило ума за эти дни только один раз – позавчера, кажись, когда на улице, по информации ТВ, был явный мороз. Я уж думал – всё, окончилась эта идиотская эпопея «проветриваний», разум таки возобладал. Нет, на следующее же утро (вчера), когда на улице чуть потеплело, – опять!.. Приевшаяся, до мелочей последних заранее известная жизнь... Я-то уж думал – начнется что-то новенькое, я сразу попробую договориться с закинутым(и) о том, чтобы ночью спать или хоть реально потише делать, – нет, ни хрена... Это чмо заливалось сейчас тут соловьем, придя со сборки, – рассказывало вздох, каких ужасов наслушалось там про порядки в здешних «красных хатах». А на днях про какую-то историю, рассказанную им домушнику, когда тот еще был здесь, – «нет, тебе я не прикалывал, я тогда с тобой не разговаривал». Ага, помню, как же!.. И – ни извинений (!), ни объяснений – почему не разговаривал и почему вдруг так активно стал разговаривать сейчас, оставшись опять со мной наедине...

вечер (до ужина)

И вот – апофеоз прикольного, в который тоже я не верил. Только что закинули-таки третьего, обещанного опером. Сука!.. С виду – редкостное быдло, только что (меньше месяца) заехало по 228, и жена тоже на «шестерке» сидит; а до этого – муженек – то ли четыре, то ли пять раз по 158-

й, еще с малолетки... То-то будет теперь фильмов по быдловизору – на всю ночь и на всю громкость!.. :((((

вечер (до ужина)

И вот – апофеоз!.. :) Как только новенький увидел и похвалил здешний туалет – по сравнению со старым корпусом, – как быдляк тотчас сообщил ему, что, мол, мы его моем по пятницам, по очереди!.. Мерзкая «традиция», пропущенная всего только один раз, возрождается прямо на глазах... Завтра как раз пятница. Интересно, сколько пятниц пройдет, прежде чем уже это наркоманско-воровское чмо, явное полуживотное, будет вместо прежнего дятла напоминать мне, что сегодня моя очередь мыть дальняк... :))))

6.12.13., день (после обеда)

Пятница кончается. Тоска и скука невыносимая. Делать весь день абсолютно нечего, до обеда я тупо валялся, чуть-чуть даже подремал. Обещанного на эту неделю шмона не было, – но ведь он может быть и в выходные, с них станется... Сокамернички сейчас дрыхнут, – традиционно и неизменно дрыхнут днем (с самого утра), чтобы смотреть фильмы ночью. Бесит меня такой их образ жизни, как и мешает спать ночью их быдловизор, надо сказать, совершенно невыносимо. Вчера, когда я лег спать, потише они сделали ну совсем чуть-чуть, самую малость, – я отчетливо слышал даже через затычки в ушах и сам не знаю, как уснул все-таки. Новый бабушкинский (живет на «Бабушкинской» быдлячок оказался еще более заядлым телезрителем, чем старый владимирский быдляк, причем, конечно же, телезрителем именно ночным, сука такая!.. В одно мое просыпание ночью – быдловизор уже был выключен, оба демона уже легли, а в следующее – быдляк спал, а быдлячок снова сидел у вновь включенного быдловизора. Единственное, чего мне невыносимо хочется – это сжечь в крематорской печи их обоих, или, на худой конец, забить насмерть, связанных и лежащих на полу, молотком...

Да, тоскливым, тошным, мучительным, в обыденность и повседневность вошедшим ужасом запомнится мне навеки эта осень и зима 2013-го, – время, когда меня второй раз «судили», – эти автозаки, трясучие, душные и тесные; эти утренние и ночные тоскливые сборки по многу часов; эта унылая камера с гнусными быдлососедями, круглосуточный бред телевизора, «комедии» для и про идиотов – и ночные затычки в ушах, почти не помогающие, но от которых уши потом болят.

Новенький быдлячок рассказал, что у него никого нет, – родители умерли, жена в тюрьме (тоже за наркоту), брат с первого же раза за то же самое получил 12 лет; на свободе осталась только жена брата, которая завтра обещала привезти и передать ему одежду. Есть надежда, что

роскошествовать тут, питаюсь наравне со мной хорошим хлебом и вареными яйцами, как было у дятла-домушника, это чмо не будет, и владимирский быдляк тоже вынужден будет последние (надеюсь!) две недели перед этапом посидеть на баланде (вчера в мой ужин выпросил у меня сало от грудинки, которое я выбрасывал до этого :), – но зато быдлячок сегодня и в завтрак и в обед неукоснительно лезет в «кормушку» и просит баландера положить ему двойную порцию... :))))

7.12.13., день (после обеда)

Эту ночь опять почти не спал. Лег рано, около половины первого, и ненадолго удалось заснуть. Просыпаюсь – та же картина, что и вчера: старая большая быдлятина уже завалилась спать за свою шкерку на шконке, а новая маленькая – лежит на своей верхней и тарашится в быдловизор; а там – уже другой фильм и другой канал, чем когда я ужинал, а они тарашились вдвоем. Вот попал так уж попал – из огня да в полымя; пожалуй, прежний дятел-домушник, засыпавший под фильмы на своей шконке раньше быдляка, еще покажется на этом фоне ангелом... Тарашится, и звук такой, что никакие затычки в ушах не помогают. Преодолев омерзение, всё же сказал ему сделать потише, – он сполз со шконки, уселся за стол, пощелкал каналами, но реально тише так и не сделал; правда, вскоре выключил, и – как сказал сегодня в ответ на вопрос быдляка – не досмотрев до конца.

Я обрадовался, вытащил затычки, но не тут-то было!.. Опять, уже в полной тишине, так и провалялся без сна почти до самого утра. Правда, под утро уже все-таки задремал, не знаю уж, на сколько (скорее всего – на несколько минут), а проснувшись – как раз услышал щелканье выключателей в коридоре: суки-мусора включали свет...

Так и сижу невыспаный, да еще не завтракал, замерз, кашлять начал, – простудили, видно, всё же сволочи своим открыванием окна... Демоны сейчас опять дрыхнут, – ежедневный послеобеденно-вечерний сон, чтобы с новыми, свежими силами колобродить всю ночь. Одно только радует: кофе у быдляка таки кончился, еще из домушниковых передач остававшийся, и сейчас для ночной бодрости остается только чай, которого вчера новичок-быдлячок часть выклянчил у соседней сверху, а часть – сегодня у баландера.

Настроение отвратительное, гнусное, тоскливое до невыносимости, до полного отвращения к жизни. И не потому только, что еще 2354 дня этого сплошного говна предстоит, а потому – копаясь в себе, я это быстро выяснил – что ничего не предстоит потом, после них. Вот что самое обидное. Как и в тот раз, окажусь я никому на воле не нужен, только еще прибавится проблема выезда из этой проклятой страны и получения убежища, которой в тот раз не было. Хотя и называют меня порой уже сейчас «известный

русский диссидент» (или «российский»? Впрочем, по-украински это одно и то же; так написал какой-то украинский СМИ-сайт, публикуя мое письмо к Тягнибоку), – а все равно ведь: мне даже возможность печататься где-либо, кроме как в собственном блоге и на собственном сайте, с аудиторией пять человек в день, никто не предоставит, раз не нашлось такой возможности в те 20 месяцев. Ни рубрику в СМИ, ни книгу, а об орденах и премиях я вообще молчу... :(((Никому не нужен и не будешь никогда нужен, и это – самое горькое, полностью обесмысливающее все нынешние страдания в неволе, среди уголовников... Будь всё проклято!..

8.12.13., вечер (после ужина)

Сегодня ночью спал побольше, чем вчера, – уже после того, как закончился их проклятый концерт «Дискотека 80-х» с орущими и грохочущими песнями, и они выключили быдловизор. Но всё равно – случилось это где-то примерно часа в три, а в шесть я уже опять не спал. Меньше трех часов за ночь – вот и весь сон. А юный быдлячок продолжает днем дрыхнуть – и вечером уже спрашивал про время очередного такого же концерта, уже сегодня ночью...

Лежа и сквозь болезненные затычки в ушах слушая песни, не придумал я ничего лучше, как написать утром Мише Агафонову и матери, изложив еще раз все подробности появления быдловизора, ответа мне Горбачева 15 ноября, и т.д. – пусть ребята напишут об этом отдельные пост в блогах; м.б., хоть так будет какой-то эффект. Написал обоим – а в обед пришла вдруг Каретникова, вдвоем с незнакомым мужиком, одним из новых зампредов ОНК. Слава богу, в камеру она не зашла, вывели меня к ней, говорили мы у традиционного окошка в коридоре. Я сказал, что не могу спать под быдловизор; они оба, конечно же, стали опять квакать, что, мол, как же так, остальные двое же хотят, чтобы телевизор был!.. А новый зампред (Пятницкий, кажется, его фамилия), идиот, настойчиво предлагал перевести меня в другую камеру, где нет телевизора, – как будто его нельзя поставить там завтра, как поставили у нас... Слава богу, Каретникова сказала, что сегодня ни Хорева, ни ее приятеля Сороки в тюрьме нет, – так что решение вопроса отложено и перевод мне на днях не грозит.

Сказал я ей также, что прочел ее сентябрьский большой пост обо мне в ЖЖ, мог бы многое ответить, да и вообще, полезно бы было поdiscутировать. Она дала свой адрес и – на мой настойчивый вопрос – сказала, что у нее вроде бы хватит времени набивать мои письма, чтобы дискуссия была публичной. Что же, не откладывая, я сразу же написал ей на трех листах письмо с кучей вопросов и политических раскладов – и в ужин с теми двумя отправил. Жутко интересно, какой будет ответ и будет ли он

вообще, – не говоря уж о целой публичной дискуссии...

12.12.13., утро (до завтрака)

Съездил вчера на «суд». Всё обошлось очень коротко и быстро: не было прокурора, он прислал бумагу о том, что т.к. он занят в другом процессе, то просит заседание перенести. Перенесли, посоветовавшись с Трепашкиным, когда он сможет, на 20.12.13, 11 утра. Интересно, после этого раза успеют ли меня еще раз свозить туда до Нового года; но скорее всего, успеют, конечно. Были все те же, что обычно приходят, – Эдик Рудык, Миша Аагфонов, Вера Лаврешина и еще некоторые, кое-кого из которых я даже не знаю, увы. Фигур типа Подрабинека, Григорьянца и даже Люзакова не было.

На улице уже приличный мороз, больше десяти градусов, и в своей кожаной куртке, пока не включали в промерзшем автозаке печку, я, надо сказать, слегка подмерз. Доставать же из-под подушки свернутую, с весны там лежащую телогрейку, разворачивать ее, надевать (да из-за бутылки пепси-колы во внутреннем кармане она всё равно едва ли застегнется), потом опять сворачивать и класть туда – мне не хотелось, но в следующий раз, если будут такие же морозы, то, видимо, придется. Одел зато наконец-то белые шерстяные носки, еще с Буреполома у меня лежащие, последнюю остававшуюся еще новой и целой пару (вещевую передачу с еще парами двумя-тремя мать пока что так и не несет), – и не зря: ноги у меня там порой замерзали даже в них и в зимних кроссовках.

Главное же событие вчерашнего дня – неожиданный рекорд скорости: приехали мы на тюрьму в семь вечера – и в полдевятого меня уже «подняли в хату», т.е. привели в камеру! Не стали, слава богу, дожидаться приезда никаких других машин – особенно с Мосгор-, Мособл- и прочих «судов», битком обычно набитых. Особенно впечатляет этот рекорд, конечно, на фоне, так сказать, антирекорда прошлого раза, когда в камеру привели только без четверти два ночи.

Спать мне довольно сильно хотелось еще там, в «суде», в боксике, и я даже умудрился кое-как примоститься лежать, поджав ноги, на тамошней деревянной лавке, хотя, против обыкновения, нас сидело там целых четыре человека (один из них, блатной езид, тот же, что сидел со мной и в тот раз, лег спать на полу). Но на сборке, слава богу, такого не было, да и сидели мы там не так долго. Главное же событие последних дней, из-за которого, м.б., и не хотелось уже так сильно спать, – в понедельник, наутро после визита Каретниковой, тетка-дежурная по этажу, когда баландер раздавал завтрак, сунула мне в «кормушку» маленький пакетик с чем-то непонятным – три маленьких ярких картонных коробочки, и на мой вопрос – что это? – ответила: «Это беруши ваши». Вот оно что!! Видимо, те самые, что

приносила Каретникова и, как она мне сказала, «отдала сотрудникам». На коробочке сказано, что они американские (но сделаны в Польше) и служат для приглушения шума в самолете, – ничего себе, там-то уровень шума покруче, чем телевизор у нас в камере. Желтые толстенные цилиндрики из ПВХ, кажись, очень мягкие, но эластичные. Самое грустное, что на коробочке написано «одноразовые», но я пока что одну пару использую вот уже третью ночь, – ничего, после вынимания из ушей они всё равно принимают пусть чуть поврежденную, но свою первоначальную форму. Глушат же звук они, м.б., не так идеально, как мне показалось вначале, но вполне нормально, – наконец-то мне их быдловизор реально перестал мешать спать!

13.12.13., 12-й час дня

Все-таки приходил Бородин после обеда, – не обманул на сей раз. Времени нам дали так мало, что Мише Агафонову едва успел я написать письмо на один листик – в ответ на его тоже очень коротенькое, – полшестого уже начали выгонять. Зато – очкастого чма с «Пресни» вчера там не было (а вот только что, на проверке, я увидел его стоящим возле открытой двери камеры, – неужели из водящих на «следствие» поставили его дежурным по этажу? :) – и журналчик «The New Times», последний, свеженький, который Бородин почему-то не опустил вместе с предыдущими в почтовый ящик в тюремном магазине, взял я с собой! Молоденький, мелкий пацаненок-«мусор», который меня шмонал перед выходом оттуда и до журнала хотел докопаться (а год назад их тут никто и не думал запрещать выносить со «следствия»!..) – поверил, когда я сказал ему, что этот журнал я взял с собой из камеры, чтобы почитать, пока жду вызова к адвокату. :))

Быдло камерное с утра смотрит уже второй фильм, – с утра это было «молодёжка» про хоккей (от одного названия меня выворачивает наизнанку от отвращения!..), а сейчас – какой-то французский, что ли. И так – весь день, перерыв небольшой разве что после обеда (и то не всегда), когда они дрыхнут. Сучонок-быдлячонок, недавно сюда закинутый, демонстрирует, как и все вот такие существа, хорошее знание западных фильмов, – называет название с первых же кадров, еще прежде, чем оно прозвучит по быдловизору. Сегодня утром мне пришел в голову вдруг смешной вопрос: интересно, а владеет ли это чмо интернетом? Пользовалось ли? Есть ли у него аккаунты в соцсетях?.. :)) Понятно, что если бы пользовалось – не могло бы ни разу не упомянуть об этом в разговорах, а упоминает оно преимущественно о наркоте.

Вообще, любопытное существо. «Любопытное животное» – хотел я сперва

написать, но – еще с того срока я знаю, что нельзя обижать животных такими сравнениями. Просто еще один говорящий кусок дерьма, – пожалуй, еще более примитивный и бессмысленный, чем все бывшие здесь прежде. Похоже, задержка в умственном развитии, заметная даже по манере говорить, да и вообще по поведению. Как бы крепко оно ни спало (а спать может хоть сутками) – но как только открывается «кормушка» для раздачи баланды, – оно соскакивает с верхней шконки, лезет в окошко, кто бы там ни получал баланду, – и сует баландеру свою уже наложенную миску со словами: положи сюда побольше!.. Я просто охренел, увидев и услышав это в первый раз, но – так повторяется вот уже вторую неделю по три раза в день! Сам-то я всего лишь один раз попросил баландера добавить щей, когда он налил их совсем на доньшке миски, – это было еще той зимой, на старом корпусе, в 408-й. Так ублюдок «дурак» тогда же донес об этом волгоградскому засранцу, который во время раздачи обеда, как обычно, был на прогулке, – и этот бандит, помню, строго заявил мне, чтобы я больше так не делал (не просил добавки, в смысле), а то, мол, – не помню точно, но какой-то бред он сказал, в том духе, что, мол, местные блатные тут принесли какие-то очень большие жертвы, чуть ли не жизнь, чтобы остальным экам побольше баланды наливали (тогда тем более непонятно, почему же мне дали так мало). Я с тех пор и не просил – но в основном потому, что их баланда крайне малосъедобна; а этот новый сучонок – прямо кидается, сует тарелку и клянчит без всякого стеснения. Можно подумать, что мир потеряет хоть что-то заметное, если это существо дойдет с голоду и не доживет до конца срока...

Впрочем, у обоих этих уродцев вчера таки наметились существенные трудности. Баландер им отказал в приносе пакета чая (очень плохого, вьетнамского, гранулированного), как приносил до этого. Быдлячонок полез было наверх – просить чай и курево в 637, – отказали!! :) И, наконец, опера на проверке сегодня тоже не было – и теперь два выходных тоже не будет, сегодня ведь пятница! – просить курево тоже им не у кого!.. :))) Но – сигареты пока у них еще не совсем кончились, а чай – понятно же, что они, когда у них кончится их гранулированная ерунда, будут беззастенчиво таскать мои чайные пакетики, даже не спрашивая разрешения, как уже не раз бывало, – благо, коробка с ними стоит прямо на столе.

Тоскливо, пусто, бессмысленно – и вокруг, и на душе у меня, как и всегда в неволе. Да и может ли тут быть иначе?.. Сейчас вот опять приближается проклятый новый год, будь он неладен! – мало того, что полмесяца сидеть в полной изоляции, без адвоката, свиданок, магазина (еще хватит ли мне жрать на «праздники», успеет ли мать запастись?..), дык еще и повальные,

тотальные шмоны грядут, как обычно... Мрази!.. Суки, ублюдки, нечисть, русские свиньи, будьте вы все прокляты, за что я должен тут среди вас мучиться всю жизнь?!. Ненавижу!.. И даже проклятая тюремная библиотека куда-то запропастилась, не идет менять книги, – я бы хоть почитал что-нибудь, хоть отвлекся бы... Не говоря уж – чтобы Миша попробовал мне сюда еще раз что-то передать из моего списка...

Зима, тюрьма, дикая тоска... Перспектив нет никаких, абсолютно. Жрать, спать и развлекаться, – вот всё, что умеет это тупое, свинское быдло, очень хорошо воплощенное в этом 30-летнем полуидиоте, в 30 лет решившем стать наркоманом, глядя на пример брата и его жены. Весь день дрыхнет, с перерывами на завтрак и обед (сейчас вместо одеяла использует громадное фиолетовое банное полотенце; раньше, когда не было у него нормальной простыни, использовал его же как простыню; непонятно, как его вообще сюда пропустили, – меньшее по размеру, купленное мне ныне уже покойным Гройсманом в Виннице в 2004 году, у матери год назад не приняли, – слишком большим, видите ли, оно им показалось), а после ужина – и до середины ночи, не меньше, они с владимирским быдлом СМОТРЯТ. Обычно фильмы, а последние две ночи, например, по инициативе быдлечонка смотрели футбол, – он еще и любитель футбола, оказывается... Интересна психология этих существ, – что именно смотреть, на чем остановить свой выбор в час ночи где-то, если ничего однозначного и бесспорного для обоих нет, они обсуждают так, как будто им деньги платят, как будто у них почасовая оплата за просмотр телевизора, и расценки нехилые. Или же – как будто им скидывают срок за то, что они смотрят по ночам телевизор, и чем больше они насмотрят – тем больше им скинут. Стоит во всей своей суровости вопрос: «ЧТО смотреть?» – в час, в два ночи. Вопрос – а не выключить ли просто этот дурацкий телевизор и не лечь ли спать, благо время уже позднее, – им почему-то даже в голову не приходит. Телевизионные идиоты...

14.12.13., день (после обеда)

Это новое чмо проспало сегодня даже обед, – вскочило, когда открылась «кормушка», спустилось, стало ждать, пока поедим я и быдлук – забралось на время этого ожидания опять на шконку, – и вот, спит до сих пор. А ночью будет колобродить, мразь, и тарашиться в быдловизор на что попало, – надо непременно его смотреть, всё равно, что именно... Обед, как и все нынешние обеды теперь, выглядел, надо сказать, очень специфически: вслед за новой мразью и старая тоже стала клянчить у баландера, чтобы он второго наложил побольше. В результате – у них на столе две большие широкие пластмассовые миски, наложенные тем же горохом или

макаронами с верхом, у меня – маленькая алюминиевая мисочка, в которой еды совсем немного, как и клали ее здесь всегда...

Одно чмо весь день спит, другое – весь день смотрит быдловизор, даже не заваливалось спать после обеда, а по утрам продолжает открывать окно, которое потом никак не удается плотно закрыть. И так с него дует, и так в камере холодно, а тут еще эта сука нарочно открывает – и будет открывать, даже если я категорически потребую от нее перестать, я уверен. Дай бог, в четверг ее все-таки увезут отсюда – но нет никакой гарантии, что юная новенька я мразь не унаследует «традицию» и не начнет открывать тоже. Быдло это – четко видно по роже – очень очень тупое, примитивное, злобное и грубое, с ним ни о чем не договоришься, – настоящий, типичный русский Untermensch, во всей красе, так сказать...

Пока писал это – старшее, владимирское быдло таки выключило свой быдловизор и завалилось дрыхнуть.

Настроение, как всегда, тоскливое, отвратительное, смертное. Жил-жил, боролся-боролся за свободу, за права народов, – а теперь вот не нужен никому, и пишут одни «Грани», и не защищает никто, и посольства некому пикетировать, кроме одиночек – Маглеванной да Ефимова, спасибо им...

В понедельник, в 12 дня, очередная свиданка с матерью.

15.12.13., утро (до завтрака)

Ужасно, чудовищно, мучительно, невыносимо... Спать мне тут удается всего-то в течение пяти часов за сутки, – лег вчера опять в час ночи, сегодня в шесть утра уже не спал. Беруши эти процентов на 80, даже на 90 (когда лежишь на боку, одним ухом на подушке, второе накрыв одеялом) скрадывают звук, позволяя хоть как-то спать; еще недели нет, как я ими пользуюсь, а уже кажется – без них я не смог бы спать вообще, ни одной секунды, и сошел бы давно с ума... Подсел на беруши, как на наркотики, короче... Мучительно очень, невыносимо, что день, время бодрствования, тянется у меня тут так долго – 19 часов, раз на сон остается только пять. Просыпался, вставал за ночь несколько раз – эти твари всё сидели и смотрели свой быдловизор, – фильмы все подряд (от которых сами же плевались, но смотрели упорно, как будто и впрямь им деньги платят за отсмотренное), а под конец – уже какой-то бокс или борьбу, это они все тоже любят захлеб... Хоть и заткнуты уши, не слышу, – однако подсознательно их ночное бдение у быдловизора всё равно мешало мне нормально, с комфортом спать, и ничего тут уже не поделаешь; а выключили они, наверное, часа в четыре, не раньше, – какой уж тут сон, за два часа всего до включения света... В общем, состояние у меня измотанное, измученное, – хоть вроде номинально как-то и сплю ночью, но слишком мало, слишком

устаю от бесконечно длинных 19-часовых дней, от их мучительного однообразия, от невыносимого безделья, когда абсолютно нечем заняться, нет ни книг (завтра, в понедельник, обещали наконец библиотеку), ни журналов...

Между тем, когда не спит – это новенькое животное, по-моему, явно избегает со мной разговаривать, в отличие от первых самых дней, – общается только с быдляком, и то преимущественно на темы курева, чая (принес ли его баландер, или не принес) и фильмов. На меня же практически не смотрит, и под маской напускного равнодушия я чувю в нем явное недружелюбие. Быдляк ли успел ему наговорить обо мне гадостей, пока я ездил на «суд», или же эта тварь сама, инстинктивно (как было в Буреполоме) чувствует во мне чужака и своего по определению врага (врага быдла), – не знаю уж, но ощущение явно отчужденное и глухо, затаенно враждебное. Интересно, что будет, когда быдляк таки уедет и оно останется со мной вдвоем. От ночных смотрений мне, конечно, не удастся его отучить, как и – увы – заставить мразей «мусоров» таки забрать быдловизор. Увы, но я буду счастлив, если хотя бы прекратятся эти проклятые ежеутренние открывания окна...

Что еще? Днем вчера, потеряв всякое терпение и надежду получить в камеру ножницы (я-то не расписываюсь за «дежурство», а их просить – противно до отвращения, а сами они не берут), отрезал-таки просто «мойкой» с затылка всё, что хотел отстричь ножницами, – аросло там много, в несколько слоев. При этом, да и помимо этого, как-то незаметно поранил и порезал себе чуть не все пальцы на руках, теперь они болят, ничего не могу толком делать, особенно – деликатного.

вечер (после ужина)

Из-за этих тупых, бессмысленных мразей с их бесконечными фильмами, из-за всей этой тупой, проклятой, бессмысленной тягомотины тюремных дней, из-за тоски и отчаяния круглосуточного – забыл я сейчас, в ужин, отдать письма – электронные, Мане и Орлеане. Так обидно, просто нет слов!.. Это новоявленное тупое животное, озабоченное только жратвой и фильмами, – на этот раз получало ужин оно – и, конечно же, не подумало ни отдать письма, ни напомнить мне... Мразь тупая, бессмысленная... Завтра дай бог не забыть, да плюс в 12 еще свиданка... Будь всё проклято!.. Всего-то, конечно, один день задержки, ничего уж такого страшного – но всё равно, ещё это ко всему, ко всем моим здесь неудачам (да и не только здесь, а вообще в жизни, за все эти бессмысленные 39 лет)... И – ведь этим сукам уже теперь, ПОСЛЕ ужина, никак письма не всучишь, не отдашь, – они за весь день берут только в ужин, суки, и всё!.. Может быть, еще что-нибудь завтра

принесут, тогда отправлю все вместе. Суки, мрази, быдло тупое, бессмысленное, будь ты проклято на веки вечные!.. Никто не поможет, никому ничего не надо...

18.12.13., утро (после проверки)

Бурные сволочные события опять... Вчера после обеда неожиданно закинули в камеру четвертого, – долговязое тощее существо омерзительного вида. Долговязая мразь из Мордовии, 1973 года, сидящая по 159-й ст. – брала по чужим паспортам кредиты в банках. Сюда попала, оказывается, из той же «хаты», что и предыдущий наркобыдлачонок, – оказывается, ей хотелось тишины и покоя, она ходила к «хозяину», писала заявление на голодовку, просила посадить ее в карцер, и т.д. – и ей наши, суки, тихое и спокойное место: посадили ко мне!..

Здесь сразу же перестало быть тихо и спокойно (мне). Легло это чмо, естественно, надо мной, на единственное свободное место, – простыню, которая мне загораживала свет ночника по ночам, увы, пришлось убрать. Первое же, что существенного это чмо о себе сообщило – что до этого оно постоянно «ставило брагу» в тех камерах, где сидело, и, увидев сложенный на выброс казенный хлеб, частью уже заплесневевший, тут же кинулось его отбирать и прятать для будущей браги. Повод, видимо, кажется этой мрази железобетонным: близящийся новый год, и сегодня с утра оно уже спрашивало у быдляка, нет ли в «хате» кипятильников – гнать самогон. У меня-то есть; чмо тут же выпросило у меня сперва синий ларьковский стаканчик – один из двух, купленных матерью в ларьке еще в январе: своей кружки у него, видите ли, нет; потом несколько пакетиков чаю; потом – бутылку минералки из стоящих на виду под столом (простая вода, видите ли, этому чму не подходит, хотя своего у него нет абсолютно ничего); сейчас же, придя с прогулки, эта нечисть сообщила, что еще вчера углядела, оказывается, в моей половинке шкафа пачку чая, показавшегося ей не пакетным. Но это оказался таки пакетный чай; а зато быдляк, памятьливая мразь, тотчас вспомнил, что еще летом мне «заходила» пачка обычного чая, – ее заказывала вместе со всем остальным в начале июня Карина Магомадова, и с тех пор она стояла в шкафу на верхней полке, я на нее ставил начатые пачки сгущенки. Черт с вами, мрази! – я отдал им эту пачку, подавитесь!.. Потом еще выяснилось, что одной из моих запасных губок для посуды это чмо вчера ночью без спроса мыло свою тарелку, – губка лежала вся мокрая. Весь вечер и ночь, наряду с телевизором, был у них посвящен добыванию курева, – долбились в верхнюю, 637-ю «хату», просили, спрашивали, не могут ли те «отписать» в «котловую хату», дабы этим прислали оттуда хоть пачку сигарет. В результате им дали несколько штук

из 637-й, а «отписать», видимо, так никуда и не «отписали». Просыпаюсь – вроде быдловизор выключен, валяются... Я вытащил из ушей беруши; и через совсем непродолжительное время смотрю – это новое долговязое чмо уже слезло и опять включило! Только засунул беруши опять, – оно опять выключает и ложится. Ах ты, сука!.. В пять утра где-то оно опять долбилось в 637, они с быдлячком курили на двоих одну самокрутку и спрашивали быдляка, будет ли он курить, из-за чего он орал на долговязого тогда же и потом, уже встав окончательно. Но непосредственно вслед за тем они опять подружились, вместе поперлись на прогулку – добывать курево (уж не знаю, добыли или нет), а вот сейчас сидят за столом и мило беседуют.

Жизнь вчетвером, да еще с этим тупым алкогольным быдлом, будет, я чувствую, совершенно невыносимой, еще хуже, чем всё, бывшее до того. Одна надежда – что быдляка завтра все-таки увезут наконец, с третьей попытки! Жду этого не то что с нетерпением – с замиранием сердца, иначе тут без всяких шуток можно сойти с ума. Еще только на днях, помню, мне приходила эта мысль, – втроем, конечно, тяжелее, чем вдвоем, но уж хоть четвертого, слава богу, не посадят, а то можно будет от одной тесноты тут рехнуться; да еще – стал почему-то прикидывать, куда буду вешать сушить полотенца после бани, если надо мной поселят четвертого. Веревочка, которую я именно для этого, для лицевого полотенца, сделал в изголовье 9-го июля, когда сюда закинули двух таджиков, цела, – и вот вчера она наконец пригодилась. :(

Днем вчера на этом этаже были шмоны в восьмиместных камерах – с 501 по 505, пять из десяти. Поэтому в баню повели уже после ужина. Это чмо не пошло, – сказало, что только вчера было в бане (т.е. накануне, позавчера). Приходим – оно уже расстелило надо мной свой матрас, развесило на дужке полотенца, – короче, мне своё вешать сушить некуда... Кстати, тогда же, оставшись одно в камере, оно, видимо, и лазило по шкафам, – и я не сомневаюсь, что скоро у меня опять начнут пропадать оттуда продукты...

19.12.13., утро (до завтрака)

Итак, свершилось. Эту ночь долговязая мразь **ВООБЩЕ** не выключала быдловизор, ни на сколько вообще, даже на пять минут. Валялась на чужой шконке, сидело за столом, бродила по камере, – не всё время, м.б., даже и смотрела, но – не выключала! Я лег около часа, как обычно, и когда проснулся – быдляк и быдлячонок уже дрыхли, т.е. – можно предположить, что было уже больше трех часов ночи, до которых смотрят они. Звук был убавлен, так что через беруши я его почти не слышал, но – заснуть больше так и не смог. Спал, таким образом, где-то два-два с половиной, ну от силы три часа из пяти, остальное время просто валялся, пока не включили свет. А

это чмо сидит и смотрит до сих пор, – когда оно собирается спать, вообще непонятно. Впрочем, этим сроком уже немало я насмотрелся тут уголовников, которые не спят вообще, сутками. В основном это наркоманы, но не только.

В общем, всё настолько омерзительно, что просто нет слов и сил. «Когда-нибудь всё это схлынет, всё непременно пройдет, закончится этот ужас, наступит совсем другая жизнь», – уговариваю я себя, как настраивала меня когда-то Орлеана, спасибо ей. Но помогает это мало, честно говоря. Быдляка владимирского вчера никуда так и не «заказали», и главная интрига – «закажут» ли его на этап хотя бы сегодня утром, как было в предыдущий раз. Если нет, если их так и останется трое (а долговязый в этом почему-то уверен), то я буквально сойдут тут с ума, – и от тесноты, от этого проклятого, вечно занятого ими стола, и от круглосуточного их быдловизора, и от того, что даже сказать ничего долговязому, хоть попытаться как-то прекратить его бесчинства, я не могу, – быдляк, если останется здесь, непременно влезет в эту разборку и будет не на моей стороне...

Вчера пришли письма от Лены Маглеванной, Корба, Антоши Ручкина и два от Майсурына, – увы, с распечатками совсем не теми, что я хотел бы увидеть (реакцию на письмо Саакашвили и «41-й год»). Завтра мне снова ехать на весь день в проклятый «суд»...

утро (после проверки)

Быдляка так и не «заказали» никуда. Это полный кошмар!.. :(((Теперь только 2-го января, не раньше... :(Теснота, занятый стол, ночной быдловизор, брага и самогон, беспрестанные поиски курева...

20.12.13., 21-25

Мрази, ублюдки, что устроили мне, суки!.. В «суде»-то сегодня всё обошлось легко и быстро – Трепашкину, конечно же, отказали в его прошлом ходатайстве – о возврате дела прокурору; он заявил новое – о запросе сведений о «РП» в Минпечати, или как это сейчас называется, где регистрируют СМИ. Прокурор попросил время на изучение и этого ходатайства, – и отложили аж до 16 января, почти на месяц!..

Зато тут, в камере... О, это было почище шмона!.. Оказывается (если это не брехня, конечно), на проверке «мусора» сказали, что, мол, как у вас много тараканов, заглянули в шкаф с продуктами – и сказали всё оттуда вынуть, мол, мы сейчас придем травить тараканов. И – не пришли!.. :))) Но зато, когда мрази всё запихнули мне обратно, пропал целый неначатый батон колбасного сыра, по-моему, и батон колбасы, и пара банок тушенки, а самое главное – пачек пять сахара! Сразу ясно, куда делись: в камере видно только одно ведро, а под соседней шконкой сумки опять характерно сдвинуты

передками друг к другу, – ну да, ясно, за ними ведро с брагой! Я-то предвкушал, что эта мразь, конечно, уже разнюхав, что у меня есть сахар, будет кланчить, но я категорически откажу, – а эта мразь оказалась хитрее: взяла сама, выбрав момент, когда меня не было! Я высказал долговязой твари всё (ну, почти всё), что думаю о ней, а она мне, конечно же, – что я, мол, не убираюсь, ну да, их вечная песня... Под конец долговязая свинья, естественно, начала мне угрожать физической расправой, я в ответ засучил рукава и предложил ей попробовать. Быдлярк ее остановил, но она пообещала расправиться со мной, когда я лягу спать.

Вот такие дела. Да, еще они тут мыли пол моим «Fairgy», который для мытья посуды вообще-то. Забрали и присвоили себе одну из двух губок для посуды, запасных, не ждя и не спрашивая, естественно. Захватили себе мой байзер из-под майонеза, – заваривать в нем свой чай. С сентября стоял пустой, а тут... И так-то непонятно, хватит ли жратвы до конца «праздников», а тут всякая тупая мразь еще ворует колбасу и сыр... И сообщить теперь домой, чтобы купили еще, – только если на днях, в понедельник-вторник, придет Бородин, как обещал... Ни письмо уже не написать, – не успеет дойти, да и мать сегодня в «суде» успела сказать, что заказывать будет в понедельник и среду, а если Бородин в среду придет, то уже не успеть заказать, – разве что мать в четверг позвонит еще этой своей знакомой в ларьке, успеет еще дозаказать, – если только в пятницу, последний рабочий день, мне всё это успеют принести...

И как с этой мразью решать вопрос, непонятно. Долговязое чмо не должно тут сидеть, но – опер в отпуске, к начальству не пробиться... Горбачеву написать, чтобы срочно вызвал по вопросу моей безопасности?.. Вызовет ли?.. Очередной нелепый тупик...

Посмотрел сейчас еще – пачку кофе (75 г.) тоже украли, да пачку хлеба, похоже, одну уволокли. Будут всё это жрать-пить у меня на глазах, нисколько не стесняясь. Начали кланчить, чтобы я, видите ли, купил за свой счет им в ларьке блок сигарет, – ага, щаз-з-з!!! И – этот долговязый выродок так прямо в лицо мне и говорит, что я, мол, ему должен, должен его снабжать – когда я ему сказал, что он в сорок лет ничего не имеет своего, никому не нужен – и пытается на меня повесить вопрос снабжения его жратвой, куревом, чаем и пр.. Ничего нового – точно то же самое было и в Буреполоме в тот раз: они тоже считали, что если у меня есть, а у них нет, то я им должен, типа, обязан их обеспечивать. Мерзкое русское свинобыдлокоммунистическое блядво, привыкшее жить за чужой счет не только на воле, но и в тюрьме...

Да, как только я спросил, где сахар, долговязое чмо при поддержке

остальных кинулось мне объяснять, что, мол, у меня в шкафу две банки тушенки были открыты – и в них лежало... МЫЛО!.. Я сперва не обратил внимания на этот бред, поглощенный мыслью о сахаре, а вот сейчас вспомнил. Никакого мыла там, разумеется, нигде не лежало, это полный бред, я каждый день лазил и видел, ЧТО там лежит, – а просто эти мрази, как бывало и тогда, в 408, в январе, украли у меня сразу две банки тушенки – и, естественно, сожрали...

21.12.13., день (после обеда)

Они украли вчера много чего – две пачки крекера, например, минимум; полную пачку кофе (75 г.), колбасный сыр, «краковскую» колбасу, про сахар я уже говорил. Пойло их бродит всюду, они носятся с ним весь день, как дурак с писаной торбой, и собираются вроде бы уже завтра (воскресенье) к вечеру его выжрать, – увы, раньше, чем я в понедельник мог бы (и очень хочу!) испортить им это удовольствие...

На проверке совершенно неожиданно быдлярка «заказали» на 12 часов дня на этап. Сейчас я, таким образом, остался с долговязой мразью и быдлярчонком. Есть большое ожидание, что быдлярка вернут с этапа опять, в третий раз, – и он принесет этим мразям курить, потому-то они его так и ждуют. Что ж, вполне возможно. Жизнь здесь без него, – м.б., не будет каждое утро открываться окно (да и то вряд ли), но зато будет не до трех, а всю ночь напролет орать телевизор...

Со всеми этими мерзостями и воровством совсем ничего не написал я про новости большие, мирового уровня: по путинской позавчерашней амнистии выпущены четверо «болотников» (Баронова, Кавказский, Ковязин и Акименков, – из тюрьмы, видимо, только последний), Алехина и Толоконникова, амнистированы все гринписовцы, а самая оглушительная новость последних двух дней – вчера, пока я ездил, помилован и выпущен из лагеря Ходорковский, а сегодня с утра – он уже в Германии! Если честно, я не мог поверить впервые услышав... Все же, начиная с покойного Березовского, уверенно говорили, что он будет сидеть в лагере ровно столько, сколько Путин в Кремле, – и вот... Убедительное доказательство, что всё кончается в этой жизни, что любые ужасы – не навсегда, и бывают в жизни очень приятные сюрпризы, когда совсем не ждешь, и что, м.б., я тоже не зря так и не смог повеситься ни тем сроком, ни этим... В общем, я до сих пор под впечатлением – и буду еще долго, видимо. Единственные радостные новости за столько лет – уж и не вспомню, за сколько. С марта 2011 г. как минимум...

22.12.13., 7-й час утра

Короче, эту пададь так никуда и не увезли, она, как и ожидалось, часов

около шести вечера вернулась назад, нагруженная тремя, что ли, пачками сигарет, – к восторгу остальных существ. Долговязая мразь сразу же вернулась опять на шконку надо мной (недолго там моя простынка пролежала...) – и уже втроем они озабоченно принялись прыгать вокруг ведра со своей вонючей брагой, пробовать ее и подробно обсуждать ход процесса. Все никак не могли решить, будет ли она уже этим вечером (вчерашним) готова, или нет. В результате ведро, накрытое какой-то курткой, стоит возле умывальника до сих пор, а все три мрази, накуролесившись за ночь, насмотревшись телевизора (долговязое чмо особенно любит все спортивные программы, всякие трансляции хоккея, биатлона и пр., так что смотрит их даже ночью, а владимирский быдляк, когда я ложился спать, смотрел громко поющую «Дискотеку 80-х»), сейчас крепко дрыхнут. Под столом, с их стороны, стоят недопитые бутылки – мои, разумеется: одна с обычной газировкой, а другая с лимонадом. Первую бутылку с газировкой долговязое чмо, в день своего заезда, еще спросило у меня разрешения взять; но теперь оно в моих разрешениях больше не нуждается... Самое же интересное – куда они девали мои продукты: сыр, колбасу и пр., поскольку, как я понял, не едят их даже ночью, да и в ведре нет отходов, – но тем не менее, продукты пропали, это же не могло мне присниться!..

Благодаря берушам я, как выяснилось с помощью часов в быдловизоре, в хорошую, удачную ночь, когда чувствую себя более-менее нормально проспавшим, сплю не более трех часов. Так было и вчера ночью, и сегодня: ложусь и засыпаю – примерно в час ночи, а когда просыпаюсь – от них слышу или сам включаю быдловизор и смотрю – бывает обычно четыре часа утра. Правда, на удивление, сегодня я, кажется, после этого умудрился заснуть еще на сколько-то, проснулся – было уже шесть, вскоре включили свет; но обычно я с четырех утра больше уже не засыпаю...

23.12.13., утро (после проверки)

Еще утром вчера, когда те двое ушли на прогулку, быдляк говорил мне наедине, что, несмотря на внешне дружеские отношения с долговязым, он едва уже сдерживается, чтобы не начать с ним драку. И вот вечером они выжрали наконец эти получившиеся из моего сахара полведра браги – и понеслось...

Эта долговязая мразь выпросила у меня еще и два пакета сухой лапши, – сам не знаю, зачем я дал, но предупредил, чтобы на постоянное питание за мой счет он не рассчитывал. Тот заварил их, высыпал туда сразу чуть не весь пакет моего черного перца – и стал предлагать быдляку (хотя тот вовсе и не просил, даже свою картошку с ужина не доел). Тут-то быдляка и взорвало.

Сперва они чуть не сцепились посреди камеры, и долговязый, явно перетрусив, всё отстранял быдляка рукой, упираясь ему в грудь, а тот всё говорил ему – мол, убери руку. Не сцепились, долговязый, твердя, что он драться не хочет, ничего плохого быдляку не делал и т.д., залез на шконку, а быдляк долго ходил по камере туда-сюда, – как он потом сам сказал, размышляя, двинуть ему в подбородок, чтобы потерял сознание, или нет.

день (до обеда)

Приходил наш опер, выдергивал сокамерника-быдлячонка, держал больше часа, всё расспрашивал про вчерашнее. Пришлось прерваться – я думал, что и меня дернет, я ведь вчера тоже писал заявление начальнику оперчасти Горбачеву, просил срочно вызвать – просить убрать этого долговязого козла. Нет, не вызвал, проигнорировал, сука. Зато – как быдлячонка увели – дергали было к начальнику тюрьмы, – к нему на прием я вчера тоже писал заявление; но вызвали, оказалось, не по моему заявлению, а по заявлению матери аж от 3-го декабря, где она просит меня вызвать (тогда очень остро стояла проблема быдловизора). Но – вчерашняя проблема решилась, долговязого тут больше нет, так что к начальнику я не пошел, отказался.

Так вот, про вчерашнее. Походив туда-сюда и слегка остыв, владимирский быдляк подошел к лежащему на шконке надо мной мордовскому долговязому чму и спросил, сейчас будем решать вопрос или завтра. Тот слез, сел за стол и спросил, как именно решать. Быдляк ответил, что всё решение – сейчас же долговязый уйдет из камеры, или завтра утром, на проверке. Сбросил его матрас со шконки на пол и готов был гнать его прямо сейчас, что было бы наилучшим вариантом; но потом вдруг предложил вариант, что тот остается, но сидит тихо, своего не навязывает и т.д. Но долговязый явно не хотел уходить и уцепился за это, стал обещать сидеть тихо. Но при этом все равно он постоянно говорил что-то такое, что провоцировало разъяренного быдляка на новые вспышки агрессии. Главным образом – выражал какие-то сомнения, что тот сможет его вот так сразу убить. Если в первом раунде долговязый еще как-то пытался сопротивляться, обещал какой-то «дальнобойный» удар и даже расчленение (! :) быдляка, то второй раунд не оставил ему никаких шансов. В доказательство, что может его «завалить» прямо здесь и сейчас, быдляк кинулся на сидящего за столом долговязого, зажал его шею под мышку, нагнул, схватил со стола заточенную ложку и продемонстрировал, что может перерезать ему этой ложкой горло. Держал довольно долго, тот уже стал хрипеть, потом наконец отпустил.

С долговязого после этого слетела вся наглость и бравада, он стал

униженно говорить, что не сделал быддюку ничего плохого. Тогда-то тот и сказал ему в открытую, что терпел четыре дня, как длинный пытается навязать свои порядки: смотреть постоянно хоккеей и прочий спорт вместо фильмов или «Дискотеки 80-х», включал ночью, когда быддюк уже спал, телевизор на полную громкость, и т.д. Но наибольшее впечатление, конечно, на быддюка произвело то, с какой наглостью тот украл мой сахар и прочие продукты. Быддючонок рассказал мне потом, что долговязый всё это – батон колбасы, пачку «Виолы», целый колбасный сыр, а еще, видимо, крекер, хлеб, что там еще, – сказал, что и сгущенку, и кетчуп, и майонез он крал у меня тоже, – так вот, всё это он сожрал за день, что меня не было, 20-го, и тогда же выпил всю пепси-колу в маленьких бутылочках, которую я просил мать купить в магазине, чтобы брать с собой в «суд».

Долговязый уже особо не перечил, но все равно, как ни вяло он что-то возражал, быддюка это бесило. Он схватил мою палку и пообещал, что забьёт ею сейчас долговязого, – тот откровенно испугался, но быддюк, раза два-три замахнувшись, так ни разу и не ударил, потом поставил палку на место. Матрас долговязого валялся на полу, они разговаривали, быддюк уже несколько раз сказал ему положить матрас на [запись оборвана]

Вечер (до ужина)

Вызывали к врачу (по моему заявлению о цитрамоне), померили давление – нормальное. Собирали туда из разных камер, и, пока ждали, что все пройдут, разговорился со мной какой-то мужик, лет 40-50, из 507, – видимо, увидел во мне собрата по интеллигентности, с которым можно поговорить о книгах, об истории, а не только о куреве и чае... Впрочем, для него СССР оказался «полностью позитивным государством», из Латвии, оказывается, высылали «реальных врагов народа», и то всего «два вагона», – а из дальнейших моих расспросов выяснилось, что он оттуда и родом, из Риги, видимо, – отец его после WW2 прибыл туда какой-то завод (военный?) восстанавливать, мать – по распределению, – и при этом он отрицает, что это была оккупация, ссылаясь, что продуктовые магазины в Риге при совке были лучше, чем в России, никого (на его памяти, т.е. в 70-е самое большее) не ссылали, лишения латышей национальной идентичности якобы тоже не было (ну да, судя по его РУССКОМУ окружению – не было, ага...), и пр. и пр. Совок, оккупант, оккупантское отродье, вас не натурализовать в Латвии надо, не гражданство вам давать после жалких экзаменов, – а в теплушки и на Восток!..

Так вот, заканчивая наконец о вчерашнем. Долговязый всё чем-то провоцировал быддюка, всё перечил ему, даже столь жалким тоном, – а тому много и не было надо. Последовал третий раунд, самый

продолжительный: оба были на ногах, быддюк, бросившись на долговязого, опять нагнул его, зажал голову и стал так держать. Было это прямо возле двери, и как раз в этот момент в «глазок» заглянул «мусор» – они последние дни стали и днем постоянно заглядывать, раньше только ночью, – и это увидел. Быддюк тотчас закричал ему: «Старшой, выводи его, а то его тут убьют!» – или как-то так. Этого оказалось достаточно. Через пару-тройку минут дверь открылась – и вошло сразу человек пять-шесть «мусоров», а дальше – еще подходили, до десяти человек их тут собралось. Быддюк, тяжело дыша, сидел с моей стороны стола, долговязый, сильно потрепанный и совершенно убитый, не разговаривающий, растерявший всю свою наглость, – с другой стороны. Тут уж мы все трое решительно стали говорить, чтобы его забирали из камеры. Дежурный по этажу стал говорить ему, чтобы собирал вещи, но тот почти не отвечал, вел себя заторможено, ему пришлось повторить это еще много раз, торопить, понукать, даже слегка применить силу – взяв за локти, попробовать поднять с места, – чтобы тот, с большим трудом, очень медленно, да еще скручивая и прикуривая на ходу самокрутку, наконец собрался и вышел.

Свет погасили, и мы втроем, конечно же, стали оживленно обсуждать это событие. В основном быддюк описывал свои ощущения и мысли в процессе драки. Сказал, что реально мог бы убить этого хмыря и «раскрутиться» еще лет на десять, не меньше, – я, мол, сначала делаю, а потом думаю; и по такому же принципу он совершил и два предыдущих убийства. Сказал, что, оказывается, до армии три года занимался дзюдо, – что ж, это многое объясняет. Злобная, опасная, хищная в глубине своей тварь. Раньше я, видимо, его недооценивал, даже после угроз и попыток нападения на меня.

Смачное, надо сказать, это было зрелище! :) Бурление возмущившейся биомассы, так сказать. Подрались два типичных представителя русского пьяного быдды, две принадлежащие к одной категории (мразь, нечисть и говно) сущности, равно мне омерзительные (хотя долговязый – после кражи моих продуктов – конечно, больше). Ничего не желал бы я так сильно – в глобальном, разумеется, смысле, не только в камере, – как чтобы они вот так же вот, сцепившись, поуничтожали друг друга, эти морлоки, злобные, бессмысленные, заплонившие всю жизнь в этой стране твари, – и нормальные люди остались бы наконец наедине с собой, без этой тысячекратной пьяной мозгожопой (привет МФФ! :) биомассы вокруг...

Но на этом всё не закончилось. Сперва пришел опер, которого быддюк опознал по старому корпусу, – спросил, что случилось. И он, и «мусора» вначале, и все последующие – первым делом задавали вопрос, пил ли быддюк (брагу), но он это упорно отрицал. Снова открылась дверь, зажегся

свет, – быдляка вызвали в коридор на врачебное освидетельствование, дали справку о паре синяков у подмышки где-то, – той, под которой он держал башку долговязого :) . При этом, по его словам, врачиха осмотрела его – и безошибочно, несмотря на все его отрицания, определила, что он пил, конечно же. Потом вызвали еще раз – принесли алкотестер; но он, по его словам, как-то неправильно дул, не в него, а куда-то в сторону, так что тот за четыре попытки, к удивлению врачихи, ничего не показал. Еще раз через некоторое время открылась дверь – сказали ему собрать вещи. Он приуныл и стал даже просить меня, если я завтра (сегодня) пойду к «хозяину», попросить, чтобы его вернули, – думал, что в другую камеру, на старый корпус переводят. А-а, старая злобная мразь, тупая, совершенно безбашенная, безумная в ярости, – о чем ты думала, когда злобно кидалась тут на меня в октябре, угрожала, называла «мразью», демонстративно не садилась со мной за стол?.. Ты думало, тупое чмо, что я всё забуду и прощу, и буду снова просить перевести тебя в эту «хату»? Как бы не так, – на хрен ты мне сдалось!.. Память у меня на такие вот эксцессы, как в октябре, очень хорошая, и вот для встреч именно с такими безумными, злобными, реально опасными тварями – хотел бы я на воле носить пистолет, или, на худой конец, хотя бы хороший электрошокер...

Но когда за ним пришли – быдлячонок сразу спросил: куда его? – и «мусор» честно ответил: в карцер, за то, что пьяный. Не удалось-таки скрыть, отмазаться, как ни пытался...

Лег я вчера со всеми этими событиями только в два часа ночи. Проснулся сегодня в шесть, но потом, видимо, заснул опять, окончательно встал только в 7-50. И наслаждаюсь жизнью в камере вдвоем с юным (30 лет) наркотическим быдлячком с «Лося», тотчас же переехавшим на нижнюю шконку. Пока с ним всё нормально, тихо и спокойно, он по характеру вроде не агрессивный, навязывать ничего не пытается. Так что настроение весь день, можно сказать, приподнятое. Да еще два письма пришли после обеда – от Мани и Герасимова, я уже успел им ответить. Завтра должен прийти адвокат. Опасение, что долговязого всё же попытаются сюда вернуть, вроде бы испарилось (вчера вечером оно было еще очень сильно), и самый интересный вопрос сейчас – сколько суток дали быдляку и уедет ли он на этап прямо из карцера, или же (скорее всего) его еще успеют вернуть к нам сюда, – понятно, что мне этого совершенно не хочется...

25.12.13., утро (после проверки)

Так и сидим пока вдвоем. Сокамерничек-быдлячонок, как и прежде, до обеда спит, а потом, особенно к ночи, садится смотреть быдловизор, – но, к счастью, хоть не до трех ночи, как они смотрели с быдляком, а пораньше, до

часу где-то, или чуть позже.

Приходил вчера, как обещал, Бородин, – идиот, забывший на сей раз распечатать и принести мне письмо от Миши Агафонова, Я отдал ему свои – и к Мише, и к матери – так что приходил он не зря, но всё равно, – я остался без информации. Обещал прислать мне сегодня-завтра мишино письмо сюда ФСИН-письмом, – жду, но не верю...

Шел вчера к нему – в коридоре у одной из камер стояла тетка, раздатчица «ресторана». Я спросил ее, есть ли для камеры 525, – она заявила, что, мол, заказов очень много, она не успевает разносить, мне принесет завтра (то бишь, уже сегодня). А коробка с «магазином» уже лежала у двери камеры, – хоть за это я был спокоен. Но иду обратно – коробка эта, с моей надписанной фамилией, стоит в коридоре, между карантинном и нами, на ней написано «суд», рядом еще несколько чьих-то коробок. Быдлячонок рассказал: оказывается, эта идиотка магазинщица, тут только одна такая, мелкого росточка, не отдала ему мой магазин под его роспись, услышав, что меня нет, а написала на коробке «суд», хотя он говорил ей, что я ни на каком не на «суде», а всего лишь у адвоката. Дура полоумная, другие-то всегда отдавали сокамерникам; хотя – по последнему опыту – если бы без меня это принимал бы долговязый, – сколько бы из купленного досталось бы мне?.. Значит, после обеда сегодня опять ждем и «ресторан», и «магазин»...

Настроение отвратительное, – хорошее от того, что мы остались вдвоем в камере, продержалось ровно один день, 23-го, и вчера с утра его уже не было. Не только потому, что сижу ни за что и сидеть еще долго, – а вчера, пока Бородин общался с другим своим клиентом здесь, пацаном из 507, – почитал я принесенный им, но еще не опущенный в ящик последний, двойной номер «The New Times» за этот год. Первые полосы – эксклюзивное интервью Ходорковского Альбац, специально для этого успевшей прилететь в Берлин, – да, круто работают, подсуетились: в пятницу освободили, в пятницу или субботу (уже точно не помню) прилетел в Берлин, а номер выходит в понедельник, его в пятницу как раз в печать сдают, – и они успели!.. Ходорковский, кстати, там проясняет самый главный вопрос: в помиловке он ничего не писал насчет признания вины, т.к. на сей раз от него этого не требовали. Ну что ж, и то хорошо (хотя мне-то всё равно, конечно, я-то едва ли на каком-то поприще буду с ним пересекаться; да и вообще – он левый и имперец, насколько я сейчас в курсе о его позиции); если, конечно, не ставить вопрос предельно заостренно – что само по себе обращение к кремлевскому упырю с какими бы то ни было просьбами есть признание и «законности» его власти, и – косвенно, но всё же – своей «вины», за которую он тебя посадил...

Ну так вот, интервью Ходорковского, потом короткие интервью с Машей и Надей, с Ковязиным, Бароновой, Кавказским (Трибунусом), Акименковым, – ну да, они все сейчас тоже именинники, их по амнистии выпустили (куда достойнее это, кстати, чем по помилованию...), ясное дело... «Потери года» (умершие), «Запреты года» (или как-то так, – все тоталитарные запретительные «законы», принятые за 2013 год), и т.д., – я лишь бегло пролистывал. И – последнее, что успел увидеть, – «Громкие дела года», или как-то так, не помню точно. Всего девять дел таких насчитали, – и гринписовцы, и «болотники», и «Pussy Riot», конечно, и даже дело Фарбера... Нет только моего – десятого – дела. Внаглую, хамски, бесстыдно, беспардонно, демонстративно – игнорируют, суки, хотя дело весьма и весьма скандальное – уж точно более скандальное, чем у «болотников», и полностью, на все 100%, политическое, – в отличие от дела Фарбера, скажем.

Пытался утешать себя тем, что обо мне зато много пишут «Грани», портал №1 всей этой «болотно»-имперско-«либеральной» «оппозиции», да еще и «Каспаров.Ру» пишет, и когда я освободился в тот раз – «Грани» ко мне аж съемочную группу прислали, тоже интервью брать... Но – это всё было в тот раз, а сейчас вот – чужие именины, праздник сердца, а обо мне эти мрази именно из «New Times», который я тут как раз читаю, который есть как бы флагман их «либерализма», предпочитают не вспоминать, как будто меня нет вообще. Впрочем, как и «Мемориал», и многие другие. Ничтожества, мрази, холопы, генетические рабы, – прав Зеличенко: если даже лучшие из лучших, интеллигенция и «оппозиция» в этой стране таковы, если даже они не способны меня понять – а способны, добавлю от себя, только на жалкий бунт на коленях, потому что они такие же генетические рабы и жалкие трусы, как и простонародье, расейское быдло, – то что же тогда?.. Да просто еще и еще раз подтверждается, что эта страна абсолютно безнадежна (мой главный вывод): раз даже самые лучшие люди ее, «либералы», «правозащитники», альбацы, световы, гефтеры, давидисы и пр. и пр. – такое дерьмо, то что же говорить об остальных – о простонародье и обо всей стране в целом!..

Да, права Каретникова, одно она точно сформулировала в том своем, на жалость бьющем, сентябрьском опусе обо мне в ЖЖ: мне не хватает ощущения востребованности. Всё есть, и сознание своей правоты, и ощущение, что и силы для борьбы еще какие-то остались, – нет вот только чувства востребованности, ощущения, что я с этой своей правотой, со своим пониманием ситуации и задач хоть кому-то нужен – что в этой стране, что вне ее... 160 с чем-то френдов в ЖЖ, из которых часть – тролли; 255, что ли, – в фейсбуке... Вот и вся аудитория, что была до ареста, и едва ли, если доживу

опять, она станет намного больше. А КЦ уже тогда, в 2012, меня перестал (второй раз после 2006) печатать – и на него больше надежды нет. Ни книгу издать, ни место себе в СМИ найти, хотя бы бесплатное, и ни в список пзк не включают, и не упоминают нигде, кроме «Граней» и «Каспарова», – как будто меня и нет совсем... 22 года исполнилось в этом году, как я участвую в политической борьбе, в политической деятельности тем или иным способом; а если брать с самыми первыми моими чисто самостоятельными (дурацкими) попытками, – то и все 23. Уже мог бы молодежь учить, передавать, так сказать, свой опыт, митинговый, самиздатский, тюремно-лагерный... Да только – нет спроса, нет востребованности, нет ни капли уважения от своей же среды, «оппозиции» этой страной, к которой я объективно отношусь на все 100% и в которой я – без ложной скромности – один из лучших, мог бы указывать им всем путь, – хотя субъективно, при их-то диком конформизме, я себя к ним не отношу, конечно. Служил, служил 20 с лишним лет, – да ничего не выслужил... Фарбер – есть, Мохнаткин – не столь давний герой – тоже есть, а меня вот нету... :(

26.12.13., 7-07

Всё омерзительно, гнусно, невыносимо настолько, – просто нет никаких слов описать; только остается – биться в бессильной ярости и отчаянии головой об стену... Плохо было позавчера вечером, после Бородина, после прочтения журнальчика; еще хуже – вчера утром, когда писал предыдущую запись; ну а днем вчера, после получения почты – стало уж совсем невмоготу...

Самое главное, самое гнусное, под корень подкосившее меня – новость в письме от матери, что после проверки по номерам листочков (на которой настоял я – и не зря!..) целых пяти листков из вот этого дневника, ей передаваемого и у нее хранящегося, – нет!.. Она приводит номера – со 126 по 135, кажись; это, видимо, еще осень, когда еще дятел-домушник тут был, я думаю; короче, пять листков – это больше, чем за месяц!.. Записи, мои труды, писал, хранил, проносил, отдавал, – и всё зря, всё псу под хвост!.. Суки, мрази!.. Вот оно – бородинское отдавание через посредника (Мишу Агафонова), нежелание встречаться для их отдачи самому!.. Убил бы, в печах бы сжег живьем всех троих, мразей, за это!.. Напишу сейчас, после проверки, конечно, матери, потребую, чтобы искала дома и звонила, трясла тех двоих, но – уже ясно, что пять листочков пропали безвозвратно... :(((

Абсолютно идиотское, нелепое письмо №46 от Майсурия – распечаток обо мне совсем чуть-чуть, плюс поэма Евтушенко, которую я у него просил. За поэму спасибо, конечно, однако – реакции на мое письмо Саакашвили, как и на статью про «новый 41-й», он по-прежнему не шлет никакой,

вообще ни единого слова, хотя – уже за середину декабря распечатки, а темы были актуальны еще в начале его. Через Лену Маглеванную я попросил передать ему, что я просто в ярости от такого подбора им информации, и в недоумении – ПОЧЕМУ?!! неужели осторожничает?! – но, увы, любую информацию на сей счет теперь я получу никак не раньше 9-го января, а скорее – 13-го...

От всего этого, и от остающихся еще мне целых 2335 дней, – ненависть и отвращение в душе такие безумные, невыносимые, что, ей-богу, без малейших сожалений и колебаний сжег бы весь этот проклятый мир, если б была у меня к тому хоть малейшая возможность!..

28.12.13., утро (после проверки)

Всё по-прежнему. Сидим с сокамерничком-быдлечком вдвоем – и слава богу, никого больше не закидывают – и не надо! Дошло ли до матери мое последнее письмо, переданное через Бородин, – непонятно: заказы все эти три дня, вплоть до вчера, приносили, но самый поздний из них был – от 24 декабря, а не от 25-го, как она собиралась (сказала мне в «суде»). И – губок для посуды, крекера и еще каких-то знаковых вещей, украденных долговязым и которые я просил ее заказать, – там не было, так что, видимо, письмо мое не дошло вовремя. Журнал «The New Times» вчера принесли – тоже всего один номер вместо двух, и не тот – толстый, двойной, с итогами года – который я читал при встрече с Бородиным и который он тоже обещал кинуть в ящик в магазине, а – предыдущий, который он кинул, еще только идя ко мне; второй, видимо, не успел. Так что – 12 дней еще пустых и глухих, не считая сегодняшнего, сидеть тут в полной изоляции от мира, без почты, без прессы (уж про связь вообще не говорю!..), с одним только быдловизором, где или бесконечные песни 80-х, или же нелепые фильмы или сериалы, – и даже почитать будет нечего (журнал я прочел еще вчера, а тюремная библиотека придет менять книги, естественно, лишь после праздников, и то – не в первый день... 2333 дня мне осталось – этого нелепого, бессмысленного сидения в тюрьме и на зоне, проверок, уборок (в том числе «генеральных»), шмонов, ОМОН-ов, комиссий, а в общем и целом – мучительного, унижительного, издевательского, совершенно невыносимого страдания за свои убеждения...

30.12.13., 6-45

Главная, и очень хорошая, новость за всё последнее время, – это, конечно, вчерашний взрыв на вокзале в Волгограде! «Теракт», «террористка-смертница», ага!.. :))) Показали с камеры видеонаблюдения, – мощная вспышка за первыми дверями, в фойе, от которой вылетели мощные двери и окна...

Ура!!! Браво!!! Брависсимо!!! Так вам и надо, русские имперские суки, получайте!.. Пусть теперь ваше быдло и всё ваше государство встречает новогодние «празднички» так, как привыкло веками, но только в более явной форме на сей раз: плясками и пьянками НА КРОВИ, в буквальном смысле! Браво, Имарат Кавказ! Приветствую и полностью поддерживаю! Это наш общий ответ вам, мрази, – от всех нормальных людей, от всех поработанных вами народов, в том числе ответ и за меня, – за то, что я сижу тут ни за что, за этот мой плен, уже второй по счету, – сажаете за «оправдание терроризма», так вот вам «терроризм», получайте, прямо под ваши «праздники»!.. Огромная радость, – не всё ещё так плохо, наши-таки еще способны наносить удары!.. :)) Написал даже черновик заявления – с поддержкой, с «оправданием» :) и даже с подробным объяснением для наших вечно сомневающихся (типа Миши Агафонова), осторожничающих: мол, не Лубянка ли это, – о том, что даже если и Лубянка (10% вероятности, не больше) – то и пусть, это тоже отлично: пусть путинские верные избиратели получают по башке от своих же любимых спецслужб, они и это вполне заслужили; но – невыгодна сейчас Лубянке дестабилизация обстановки в стране: это в 99-м, когда они только сажали Путина на трон, им были нужны взрывы, но не сейчас, когда задача – охранять его власть, уже не столь прочную и незыблемую, как десять лет назад... Глупо, конечно, но отдать это заявление я смогу только после «праздников», когда уже потеряет свою актуальность (хотя, надеюсь, КЦ всё равно его заметит и процитирует), – 9-го, а то и вовсе 14-го, в зависимости от того, когда придет этот чертов Бородин. До тех пор – никакой связи, никаких контактов с волей, глухая изоляция...

А в остальном – эта «жизнь» тут вдвоем с дрыхнувшим полдня, полдня смотрящим фильмы сокамерничком-наркоманом, – это сплошное ожидание шмона, забыл написать в прошлый еще раз. Да-да, того самого неизбежного новогоднего ритуального шмона, который бывает в это время всегда во всех тюрьмах и зонах. Вчера кричали, что шмон в 531-й камере, но больше на этаже вроде нигде не было. Сегодня понедельник, рабочий день, – что ж, ждём-с, когда ОНИ приедут целой бригадой с других тюрем, как тут бывает, и пойдут обходить камеру за камерой, последовательно выворачивая всё вверх дном... Будьте вы прокляты, суки, тупые выродки в форме, мрази-недочеловеки, и желаю вам, чтобы у вас каждый день взрывались вокзалы и метро в вашей проклятой Москве!..

утро (после проверки)

Медленно, постепенно, но неуклонно – я схожу тут с ума, в этой тюрьме, в этой камере... С утра сегодня – еще две крупных новости, потрясающих в

этой скудной интеллектуальной среде воображение. Первая – отличная: сегодня утром в Волгограде взорван троллейбус! Опять Волгоград!.. :) Вот уж взялись за него – так взялись!.. И – поделом! Полностью поддерживаю. Волгоградский засранец, ублюдок, сидевший в 408-й и избивший меня в марте 2013, помню, рассказывал, что какой-то его друг детства – значит, тоже волгоградец – стал военным летчиком, бомбил Чечню – и засранцу (в пьяном виде, конечно) хвастался, что, мол, его оружие может вообще разнести полностью чеченские горы (идиот!..), да только им – вот печаль! – не дают приказа это супероружие использовать, а то бы от Чечни уже давно ничего не осталось бы!.. Ну что ж, пусть вот за этого «героя», своего землячка, и расплачиваются теперь волгоградцы!.. В троллейбусе, сказали, погибших нет, только пара десятков раненных, – а жаль!..

Вторая новость уже привычно-безумная, так сказать. Путин подписал сегодня «закон» об уголовной ответственности за «пропаганду» или «призывы» к сепаратизму. Через СМИ или в интернете – до пяти лет, как я понял. Что ж, этот их «закон» такой же мой, как и нынешние – об «оправдании терроризма» и «призывах к экстремизму», но если таки удастся уехать – особой жалости, что не довелось посидеть еще и по этой статье, я, честно говоря, испытывать не буду... :)))

Что ж, мразь Россия, последняя в мире колониальная империя – обречена на распад и распадется, рано или поздно. Кремлевско-лубянские мрази это прекрасно понимают, – и такого рода «законы» вообще-то есть безошибочный признак близящейся агонии их безумного государства. Что ж, где бы я ни был – в тюрьме ли, на зоне, за границей, – я клянусь сделать всё возможное, всё от меня зависящее, чтобы эта проклятая империя распалась поскорее. Восточная Пруссия, Ингрия, Идель-Урал, Сибирь и много кто еще – имеют полное право отделиться от кровавой империи и даже ДОЛЖНЫ это сделать, – не говоря уже об Имарате Кавказ, де-юре давно уже независимом (и, похоже, подтолкнуло путинцев к принятию этого их «закона» именно то, насколько популярна в последние годы с подачи новоявленных «национал-демократов» идея не только распада империи, но, главным образом, отделения Кавказа, – помню, как меня поразила популярность этой идеи, до того развивавшейся чуть ли не мной одним, когда я освободился и весной 2011 года стал подробно читать интернет). Мою давнюю идею написать открытое письмо Широпаеву, как идейно во многом мне близкому «русскому националисту», этот «закон» только подстегнул, – что ж, на этих пустых «праздниках» у меня будет время обдумать его содержание как следует...

вечер (после ужина)

Нет, оказалось, я таки ошибся утром: в троллейбусе погибло 14 человек. Ну что ж... Не надо только сказок про «ни в чем не повинных мирных жителей», путинских избирателей... Дико, невыносимо обидно, что в такой горячий момент – у меня заткнут рот, я в полной изоляции и ничего не могу сказать... А ведь наверняка – как и десять лет назад, и больше, я опять окажусь единственным в России, кто эти взрывы одобрит и поддержит, – ну да, не то что взрывы башен-близнецов в Нью-Йорке в 2001 году...

Письмо Широпаеву вызревает в голове потихоньку, я обдумываю его; завтра, наверное, начну писать. Жаль, что я не знаю, как он там сейчас, – обращаться-то я буду к тому Широпаеву, какого знал на день ареста, в ноябре 2012, – кто знает, как и что там у него изменилось в голове, в организации и в интернете...

Шмона пока так и не было. Принесли после обеда письмо №48 от Майсуряна, – что за бред, а где же №47? Прошлое точно было №46. И – опять ни о Грузии, ни о «41-м годе» моем (не о Грузии, а на письмо Саакашвили, конечно) никаких отзывов, – в основном отчеты и впечатления от «суда», плюс – абсолютно безумный, с плюрализмом в одной голове (редактора?), номер их «Свободного слова», состоящий процентов на 60 из статей одного Старикова. Майсурян пишет, что мое письмо для Люзакова он получил, – что ж, и то слава богу...

ЯНВАРЬ 2014

1.1.14., 8-й час утра (до завтрака)

Вот он и новый, 14-й год, будь он проклят! Еще один новый год в неволе, – и сколько еще предстоит!..

Короче, Широпаеву я ничего писать так и не стал, – и много чести, да и не знаю я контекст, его нынешнюю позицию, как он думает выкручиваться из-под действия этого нового «закона» о сепаратизме, и т.д. А писать на одних догадках и по своим ощущениям – точно не стоит, так что – извиняй, Алексей Алексеевич!.. :)) Активно зато пишутся стихи. Вчера – совершенно неожиданно – принесли еще до обеда электронное письмо от Миши Агафонова. Он рассказывает там новости про МБХ, про Машу с Надей, которые я частично уже слышал, а еще – подробности про голосование в совете «Мемориала» – по мишиной настойчивой инициативе – по поводу меня: «признавать» политэком или не признавать. :)) Суки, как будто это от них зависит, а не просто по факту я политзэк!.. Так вот, голосовали два «за» – Каретникова и Ганнушкина – и девять против. Миша пишет, что были какие-то колеблющиеся, но противная (очень противная!) сторона устроила им художественное чтение моего текста «Untermenschen» – и они таки проголосовали против. Это ровно ничего не значит, конечно, – они специальным заявлением отмежевались от меня и отказывались защищать, хотя до написания текста «Untermenschen» тогда оставалось еще целых шесть лет. Будьте вы прокляты, суки, лживое, гнусное жульё, а не правозащитники, – и вот об этом, что они жульё, я добавил тогда еще восемь строк в уже практически готовый стих «Правозащитное»! Пусть этим мразям, гефтерам, давидисам, орловым и пр., на том свете аукнется, как они не хотели меня защищать и признавать политзаключенным...

Шмона так до сих пор и не было, – лишь мразь опер вчера на проверке, зайдя в камеру, выдвинул сумки из-под шконок и открыл зачем-то обе мои тумбочки, – проверял, должно быть, не стоит ли ТАМ, в тумбочках, брага!.. :))) Очень надеюсь не увидеть больше эту мерзкую белобрысую рожу хотя бы до конца «праздников», – а шмон по-прежнему возможен в любой момент...

Эти дни опять сильно разболелась спина – и отдавалась болью в левой ноге, вверху, как обычно, начиная еще с 2006 г., с первых дней перелома позвоночника, – так что вчера я не мог даже ходить по камере и, дожидаясь Н.г. (чтобы поест, как обычно, и лечь), в основном лежал. Ничего особенно интересного не было, – меня, как обычно, воротило от путинской хари, вещавшей на сей раз, по ее же словам, с Дальнего Востока, и от музона

расстрелов после нее, играющего на фоне Темной башни с курантами и звездой наверху. Быдлячонок-сокамерничек всё переживал, что, мол, как встретишь Н.г. – так его и проведешь (и не один, в нашем-то положении :) , да сколько ему дадут срока, да рассказывал, как теми сроками на «пятерке» (на малолетке, Пятый централ Москвы) они орали в окно «С новым годом!», после чего «мусора» их всех вывели на «продол»... На удивление, вчера тут эки орали и буянили мало – разве что в момент последнего удара курантов начали долбиться всем этажом в двери и долбились примерно минутку, – и даже традиционные взрывы петард и фейерверков на улице были совсем не так активны, как в прежние годы, в середине 2000-х, – ну да, сейчас и пиротехнику-то уже почти запретили, и позапрещали все места, где ее раньше взрывали – дворы и т.п....

2.1.14., утро (после проверки)

Опять не довелось позавтракать сегодня: пшенку (единственную из каш, которую я здесь ем; гречку на завтрак давать перестали давно) дали не только опять абсолютно водянистую, но и СЛАДКУЮ! Суки, для кого они тут это готовят – сладкие каши время от времени?! Для сидящих здесь в абсолютном большинстве идиотов, которые даваемый на завтрак же казенный сахар-песок сыпят не в чай, а в кашу? Тоже четкий, безошибочный признак генетического идиота (а дятел-домушник, да, кажись, и волгоградский засранец в 408-й год назад, вообще сгущенку наливали себе каждое утро в каши). Короче, пришлось вылить эту отраву...

Девчонка в форме – цензорша, видимо? – принесшая мне 31 декабря письмо от Миши Агафонова, на мой вопрос сказала, что выходит на работу она 5-го (воскресенье!..), так что отдать ответ можно будет в ужин 4-го, в субботу. Совершенно не верится, что дежурящий по этажу «мусор» его возьмет, – придется муторно и тягостно выяснять с ним этот вопрос через «кормушку» (если он вообще соизволит снизойти до разговора со мной...). Самое же поразительное – почему и зачем цензорша выходит на работу 5-го, посреди «праздников», да еще и в воскресенье...

Вот они, короче, – идут, тянутся, эти дни, которым я так обрадовался, услышав последний раз в «суде», что заседание переносится почти на месяц – с 20 декабря на 16-е января. Я тогда еще не знал, что сидеть будем вдвоем, – это еще лучше! И – вот они, эти пустые, глухие «праздничные» дни; вчера полдня читал библиотечную книжку (детектив Устиновой), в остальном же – делать абсолютно нечего, пусто, скучно; сокамерничек до обеда спит, не мешает мне даже своим быдловизором с бесконечными нелепыми ментовскими сериалами по НТВ (активизируется после обеда – и до ночи, когда уже я ложусь). Что делать? Писать стихи, если пишутся; думать о

будущем, – если оно есть; вот уже шесть лет и четыре с половиной месяца мне осталось (дай бог, чтобы еще меньше). Из-за проклятых болей в пояснице и ногах (в верхней части, особенно левой ноги, отдается та же поясница, боли какие-то невралгические, в тканях, и весьма неприятные) я не могу даже долго ходить по камере, даже сидеть на шконке, опершись спиной на тумбочку, как я тут привык, – в основном приходится лежать на том или другом боку; лежу, размышляю или дремлю. Будущее, будущее, есть ли оно?.. Вроде шесть и четыре с половиной – не так много, особенно если сравнивать с п/ж, как мне советовала, кажись, Лена Маглеванная. Да, можно, наверное, как-то дотянуть... А что потом? Прозябание в полном ничтожестве, в одиночестве, в вакууме?.. Особенно ТАМ, – если еще удастся выехать, конечно. «Хоть тушкой, хоть чучелом», – короче, пошла уже классика жанра, советский фольклор «отказников» 70-х... Всё повторяется... То, чего я хочу, не сбудется, это я чувствую совершенно ясно, и за все пережитые мучения не будет никакой компенсации, никакой награды, – а только серое и скучное прозябание – доживание, пусть и в нормальной стране, и то – если дадут пособие, как вон в Финляндии, по словам Лены М. А бороться с Мордором, – кто будет с ним бороться? Он уже всех купил и подкупил, высокие принципы, права и свободы личности, – забыты, все радостно обнимаются с Путиным, весь Запад. Боюсь, что и мне, несмотря на всё мое желание, не удастся прервать этот процесс объятий... :(((

3.1.14., утро (после проверки)

Добью уж этот листок, черт с ним... Тоска опять с утра невыносимая, мучительная, – в самом деле, мытарства души, иначе эти тюрьмы и зоны не назовешь... Тихо, спокойно, шмона до сих пор не было. Дурачок-быдлачок-сокамерничек стандартно: до обеда спит, после обеда смотрит сериалы. Их по НТВ показывают минимум два в день, и каждый идет по четыре часа, рехнуться можно!.. Оба абсолютно бредовые: боевики с ментами, ворами в законе, стрельбой, погонями, взятием заложников, наркоторговцами и их разоблачением, и т.д. и т.п. Омерзительная телепурга для быдла. Первый, с обеда, я еще хоть как-то переносу, но на втором, с ужина (19-30), меня вчера опять переключило, как раньше: от многочасового слушанья разговоров персонажей ощущение, что голова пухнет и мозг сейчас взорвется, невозможно переносить... М.б., просто слишком громко орал быдловизор, но сделать потише – просить эту поганку мне очень не хотелось, для нее ведь тоже просмотр фильмов – это своего рода священнодействие, как для них для всех, уголовного быдла. Попросил всё же, когда началась очередной раз реклама, – она всегда еще громче. Хорошо хоть, что ночами сейчас все-таки сплю, хоть нервы не расшатаны так, как осенью, при тех двух

животных – дятле и владимирском быдлаке – когда не мог уснуть всю ночь даже в полной тишине. Этот хоть выключает (пока) пораньше...

Да, кончена жизнь, прошла, пролетела незаметно, осталось только вот это – тюрьмы, лагеря, уголовники и «мусора» вокруг, неотличимые друг от друга... Боролся, боролся за всё светлое и хорошее, – и вот результат: пустота, отсутствие всякого результата... Самое же мучительное, что давит и жжет душу сильнее всего, – а ради чего это всё?! Вот эти муки, мытарства, эти вот 2327 дней срока, на сегодня остающиеся, – ради чего?! Ведь ясно же, что и там, впереди, за сроком этим, если доживу, – и там тоже пустота, бессмыслица, никчемность, там тоже останется лишь доживать, с горькой усмешкой вспоминая о несбывшихся мечтах – как это у меня уже и было в 2012, до ареста. Лежать на диване и вспоминать... Мое дело, моя главная жизненная цель – бороться с этим Мордором, что называется сейчас РФ, но – как же бороться с громадной империей в одиночку?! Писать статьи на забаненных там давно сайтах? В комментариях ЖЖ говорить быдлу, что оно быдло? Что его империю надо уничтожить? Да, это я могу и один; интернет – хорошее поле для работы даже в одиночку. Но – и всё?! Империю это даже не пошатнет, увы. КЦ и сайт MFF до сих пор ее не пошатнули, даже меня из тюрьмы не спасли. Антоша и Лена М., допустим, будут мне помогать, они мои единомышленники, – и что? Никто в Москве даже нее почешется. А правительства Запада, президенты США, – они так и будут жать руку Путину и покупать у него нефть... Поднять народы, устроить вихрь, который сметет и разломает эту империю, как смел СССР, – вот что надо, но надежды на это никакой, увы... Все дружат с Россией, меня с моими двумя сроками вряд ли вообще кто будет слушать... :((

5.1.14., 9-й час утра (после завтрака)

Ну разумеется, мой ответ Мише Агафонову эти мрази вчера не взяли! Поговорил сперва (несколько дней готовился!..) с девчонкой в форме, сопровождавшей баландера с ужином. Она, разумеется, ничего не знала, – сказала, что узнает и зайдет еще раз. Но вместо нее уже через минуту «кормушку» открыл другой «мусор» – тот самый бритый наголо идиот, что чудит здесь постоянно, – то летом прищемил себе пальцы «кормушкой», то – еще при нарядчике – утром как-то требовал у нас раскладушку... Известен он также тем, что по любому мелкому вопросу вместо того, чтобы «кормушку» открыть или в «глазок» сказать, как другие, – сразу отпирает дверь, так что даже странно, – вчера он всё-таки общался со мной через «кормушку», сейчас вот только я это сообразил. Открыл, спросил, кто мне сказал про письма, – и заявил, что, мол, пусть она (цензорша) тогда сама приходит и берет мое письмо, а они, мол, ни писем, ни заявлений, ни

апелляционных жалоб сегодня не собирают, только 8-го вечером.

Свиньи, свиньи, мразь, режим свиней, государство свиней, и на всех должностях в нем, даже мелких, вплоть до дежурного по этажу в тюрьме, – одни свиньи!.. Нечисть... После этих двух разговоров меня аж трясло, жарко аж стало, – пришлось снять «тепляк», надетый еще утром (новый, с наклеенной биркой, мать еще год назад передала – но он был мне тесен, как раз вчера разносил его). Не то чтобы я ждал чего-то другого, надеялся на что-то, – но все равно, невероятно унизительно это – просить что-то у НИХ, а тем паче – просить, зная, что откажут, невыносимо унизительно получать этот отказ, даже если о нем и знаешь заранее. Унизительно, омерзительно и оскорбительно. Теперь ждать до 8-го, да еще мучает всё время эта гнусная мыслишка, – а что, если 9-го, в четверг, первый рабочий день, мать не догадается мне ничего заказать, или забудет, и т.д., а у меня еды как раз до 9-го, – а что я буду есть дальше? До самого 14-го, когда получу ее стандартный заказ от понедельника, 13-го? Будут, правда, еще макароны по-флотски, лапша б/п и тушенка, но не одними же макаронами и лапшой питаться все эти дни, особенно когда на обед тоже тут дают макароны (раза два в неделю стали давать последнее время). В этом письме к Мише я написал, чтобы он напомнил матери, если получит его раньше 9-го, но – теперь с этим вышел полный облом...

Вчера даже спина и ноги перестали днем болеть – до того вдруг разболелась десна, в том месте, где шатается зуб, нижний, прямо спереди, по центру, – на том самом месте, откуда уже вылетел другой зуб, как раз два года назад, в первые дни 2012 г. Оставшиеся раздвинулись, этот шатался тогда совсем чуть-чуть, а сейчас – уже сильно: сказывается год с лишним тюрьмы... Будь она проклята, эта тюрьма: именно в ней мне и испоганили нижние передние зубы, когда, еще в 2006, на «Матроске» при очередном приступе с потерей сознания, засовывали ложку в рот, – как раз между этими зубами и верхними, там был зазор. Тот, что вылетел в январе 2012, именно тогда и стал шататься, – но всё же пять с половиной лет еще продержался; теперь вот – следующий на очереди... :(((От холода, что ли, от продуваемого насквозь окна, или еще от чего – разболелась эта десна вчера невыносимо, хотя в этом месте никогда не болела. Аж, говорю, спина прошла, довольно долго я ходил вчера туда-сюда по камере, пока не устал. Лег спать – после горячего чая вроде прошла, утром проснулся – десна совершенно не болит; но стоило съесть на завтрак проклятую пшенку, – заболела опять. Жевать, получается, я теперь вообще не могу!.. Слава богу, заболела ненадолго, сейчас вроде опять прошла...

Большого шмона пока так и не было, но вчера уже в ужин и после (!) него

откуда-то из 501, кажись (восьмиместка на той стороне коридора), кричали, что у них шмон, а м.б., и не только одна 501-я.

Беруши вчера, к счастью, опять не понадобились, – сокамерничек-быдлячонок, насмотревшись, вырубил быдловизор как раз когда я ложился спать. Но это всё же везение редкое...

6.1.14., утро (после завтрака)

Вчера перед обедом опять та же девица, что и 31-го (но на сей раз не в камуфляже, а просто в синей форме, поэтому не сразу узнал) принесла электронное письмо от Герасимова из Питера. На мой вопрос – не возьмет ли она мой ответ Агафонову, не взятый у меня накануне вечером, – ответила отказом. Мразь... Видите ли, так она не берет – только через дежурных «мусоров» по вечерам (еще три дня ждать, значит). Суки, мрази, будьте вы прокляты сами и со всем вашим свинским быдлогосударством РФ!..

Тоска опять дикая, невыносимая по утрам, просто убийственная. За что я так попал?! Когда всё это кончится? Зима, на дворе темень... Утро в тюрьме... Вместо «Россия, выборы, зима» Нестеренко, – надо подставить «Россия, тюрьма, зима», – вот этого сочетания, и впрямь, есть ли тошнотворней... А скоро ведь опять ехать в «суд», всего-то девять дней осталось от этого моего почти месячного отпуска. Омерзительная, тошнотворная процедура, гнусные сборки, трясучие автозаки, неволя тюремная сменяется неволей в конвоирке «суда», еще худшей, – там даже в туалет надо стучаться и проситься многократно... И есть ли что-нибудь более безнадежное, тоскливое и мучительное, чем когда тыходишь с лестницы на «семерки» (третий этаж нового корпуса, где камеры на «7») утром – а там весь этот предбанник, где собирают «судовых», уже забит, и деваться тебе некуда, и не встать у стеночки – они все уже заняты, обсижены (обстояны, точнее), как мухами, этой нечистью, уголовным отребьем, теперь уже поровну русским и среднеазиатским, которое не намного лучше; и ты стоишь среди них, как дурак, столбом, опираясь на палку (хорошо, хоть палка есть), дыша поневоле кому-то из них в затылок, и кто-то дышит в затылок тебе... Быдло, отребье, нечисть, – самое мучительное для меня в тюрьме, в этот раз точно так же, как и в тот. Ненавижу, ненавижу всю эту скотскую мразь, эту страну мрази!..

Почему-то пришла утром мысль: имеет ли смысл, даже самому уже уехав, пытаться тут хоть к кому-то обращаться, кого-то пытаться сагитировать на что-то толковое, антигосударственное, хоть на какую-то активность? Не то что интеллигенцию вообще (где она?), а вот студенчество, например, как своего рода квинтэссенцию интеллигенции. Понятно, что

делать что-то вообще-то нужно, это лучше, чем просто жить там в комфорте, забыв обо всем. И что сказать молодежи – в принципе есть, да вот только – воспримет ли она? Если это будут не шкурные интересы, а абстрактные ценности (свобода, права...) – едва ли. Хотелось бы что-то делать, даже если надежда на успех здесь минимальна, – хотя бы какие-то листовки по ВУзам распространять, например, благо что теперь можно готовый макет в PDF просто скинуть, а здесь распечатают, – но, увы, разум подсказывает, что это безнадежно абсолютно – кого-то за что-то здесь агитировать (разум и опыт, точнее), что эту страну лучше и правильнее всего было бы просто сжечь, утилизировать вместе со всем, что и кто в ней есть...

Пережить весь этот кошмар – и уехать... Еще выпустят ли?.. И не будет ли какого-то вот такого соблазна в тот момент – остаться, попробовать всё же тут что-то делать, какие-то мнимые возможности... Но, слава богу, все надежды на очередную «оттепель», похоже, похоронены Медведевым в 2011 – и надолго!..

7.1.14., 5-й час вечера

Я, конечно, прекрасно понимал, с кем имею дело, и не питал никаких иллюзий, – скорее, просто ждал. И вот дождался: сегодня, не с первого (неделю назад), так со второго раза это алкоголь-наркотическое животное, выродок, говорящий кусок дерьма, с которым я сейчас сижу, настоял-таки – и лично, уходя в баню, открыл-таки в камере окно! «Проветривать», сука тупая! Воздух ему, видишь ли, спертый!.. Мразь, выблядок, говна кусок!.. Сука... Пришли – в камере холод собачий (еще и дверь осталась открытой, сквозняк гулял). Это чмо полезло само закрывать моей палкой, – быстро насобачилось, сука!.. Сидит сейчас, продолжает смотреть сериал...

Быдло, быдло, тупое, скотское быдло... Эти выродки, которые сыпят сахар в кашу, кладут полотенца на подушки, «проветривают» в любой холод помещения, в которых живут не одни... Еще были у меня какие-то их признаки в коллекции, пока мылся в бане – вспоминал всё, хотел записать, а вернулся – забыл... :(((Будьте вы все прокляты, мрази! Из-за вас я сижу в этой тюрьме, из-за вас сломана вся моя жизнь, с первых же лет... Нет никакого будущего, ничего – только пустота... Будь ты проклята, свинская эта империя, страна мрази и быдла, нечисти и пьяной тупой мрази!..

Шмона так и не было. Кончатся проклятые эти «праздники», завтра – последний день (и не забыть вечером отдать почту!). Три стиха – один большой, два маленьких, и заявление про Волгоград, – таков итог этих двух с лишним недель. Негусто, увы... Честно говоря, как бы низменно и пошло

это ни звучало, но больше всего меня сейчас волнует вопрос, догадается ли мать заказать жратву в четверг, 9-го января, чтобы уже в пятницу я получил ее, или же придется перебиваться паштетом, хлебом и макаронами пофлотски до самого вторника, 14-го...

8-й час вечера, после ужина

После открывания окна дуть с него, даже закрытого, стало просто сатанински. Ничего теперь не поделаешь, так и мерзнуть здесь до весны, если досижу... Животное это бессмысленное тем временем смотрит по НТВ очередной – ежевечерний – сериал, – про доблестное ФСБ, которое в каждой серии ловит каких-нибудь новых злоумышленников; сейчас вот, например, говорили о продаже якобы новейших химических веществ – ядов, которыми – в мизерном количестве – якобы можно отравить всё Химкинское водохранилище. Эх, хорошо было бы, если бы это на самом деле было так!.. Я бы лично поехал и высыпал бы этот яд – да хоть с Дмитровского моста, который переходили мы тогда, в 2005-м, с Ленкой... Эх, суки, нечего вас жалеть, быдло и мразь, миллионы недочеловеков, травить вас надо беспощадно, как крыс!.. Русским двуногим крысам – дератизацию! – вот он, правильный лозунг! Некому, некому просто тут этим заниматься... ну, кроме смертников Имарата Кавказ, разумеется, честь им и слава! Пусть взрывают вас почаще, побольше и посильнее, – ваши вокзалы, троллейбусы, метро, аэропорты, школы, больницы, поезда, всё, что угодно... Так вам и надо, – мочить, безжалостно мочить вас надо, русские свиньи!..

8.1.14., 9-00

Вчера вечером это существо – быдлосокамерничек – развило вдруг бешеную деятельность по... затягиванию телефона! Еще накануне оно надумало писать наверх – в 637, сидящим там таджикам (или узбекам? Кто их разберет...) – «малявы» (вообще, всё делает исключительно в письменной форме, – прямо писатель, блин, абсолютно безграмотное чмо), чтобы они со своей «трубы» позвонили его родственнице – жене брата посаженного за наркоту на 12 лет (других родственников не осталось), и спросили ее насчет передачи вещей, присылки фотографий и т.п. К моему великому изумлению, таджики согласились (!), позвонили – и ему вниз, через дыру в потолке, передавали, ЧТО она говорит! .. Невероятно, но факт!.. Однако вчера вышло еще невероятнее: оно написало им опять «маляву» на тему: где и за сколько можно купить телефон. Тут же пришел (устный) ответ: за десять тысяч! Если не в самой 637, то где-то в зоне доступа от нее есть на продажу – и даже разные: с интернетом, без интернета, и таджик (узбек?) по имени Ровшан еще и спрашивал: какой, мол, вам нужен? На мои опасения, что уж больно это всё легко и быстро получается – прямо вот так, влегкую, у

абсолютно неизвестных каких-то людей купить в тюрьме телефон за 12 тысяч – это существо с абсолютно железобетонной наивной уверенностью объясняло мне, что обманывать им нет смысла – иначе, мол, оно пожалуется «положенцу» (который на том корпусе и до которого едва ли легко будет достучаться, – пожалуй, придется «тусовать маляву» кому попало в очереди к врачу, т.к. 637 жалобу ему на себя едва ли отправит, а другой «дороги» нет) – и тот, мол, их накажет. С такой же детской уверенностью оно объясняло мне, что его «малявы» в 637 (с его подписью причем!) о покупке телефона ни за что не всплывут где-нибудь у оперов, т.к. в 637 их непременно уничтожат...

Но найти деньги на покупку телефона, не имея телефона, нереально, – и это чмо стало прочить таджиков в 637 спустить нам сюда их (который им тоже «загоняют» на ночь, не их собственный) телефон «на десять минут». Те, конечно, не такие дураки – стали отмазываться, что он не пройдет в эту дыру в потолке, через которую идет всё общение; что им его еще не «загнали», и т.д. До 12 ночи быдлачонок ждал – ни фиги! Еще при первой же просьбе о спуске телефона сюда ему устно ответили, что он не пролезет в дырку – а зато, мол, могут спустить в нее наушники с микрофоном, чтобы можно было разговаривать, стоя на тумбочке. Существо в ответ написало им, что я, мол, «хожу с палочкой» (слово «инвалид» ему неизвестно, видимо) и не могу залезть на тумбочку (если даже и смогу, то не хочу; тем паче, что в «глазок» часто заглядывают и стоять придется как раз на виду), поэтому, мол, надо, чтобы они спустили сам телефон. На том все переговоры вчера ночью и закончились, телефон не спустили. Я сказал ему еще до того, когда предварительно обсуждали идею «затянуть трубу», что попробую поискать деньги, но не обещаю, – естественно, о том, чтобы мать дала на это десять тысяч, не может быть и речи, она скорее удавится (хотя свободная эта сумма у нее, безусловно, имеется), да и орать от радости и спрашивать про здоровье она будет добрых десять минут, если ей вдруг – впервые за десять месяцев – позвонит по поводу денег; разговора явно не получится, так что придется это делать через Мишу Агафонова, он не столь эмоционален. Не то что десять тысяч – а брать телефон за семь, не больше, и пополам, – он (быдлачонок) вроде говорил, что какие-то знакомые пацаны на воле могут ему дать денег, – и 3,5 тысячи-то из матери будет вытрясти огромной проблемой!..

9.1.14., 8-14

Выродка-быдлосокамерничка моего вчера неожиданно еще днем, когда он, по обыкновению, дрых до обеда, «заказали» на сегодня в «суд», на шесть утра. Весь сон слетел с него мигом, – это надо было видеть!.. :))) Вечером,

разумеется, он начал отправлять наверх, в 637, заранее написанные «малявки», чтобы ему дали позвонить вот этой самой жене брата, от которой он всё ждал передачи. Провода с наушниками, обещанного накануне, в 637 почему-то не оказалось, и они сделали еще остроумнее: включили громкую связь и положили телефон возле самой дыры (у них – в полу, у нас, соответственно, в потолке), так что, встав на дужку верхней шконки ногами, а рылом уткнувшись в самую эту дыру, он кое-как мог разговаривать. И что же мы услышали?.. Я – сперва какой-то резкий, но неразборчивый женский крик, потом разобрал, что родственница вроде как возмущена и требует, чтобы ей больше не звонили (хотя не поручусь). Быдлачонок же очень быстро стал говорить ей, чтобы она угомонилась, и обличать ее, что она в жопу пьяная, а вскоре сказал владельцу телефона прервать разговор.

То бишь, и здесь всё, как было в тот раз в Нижегородской области, один в один: кому эти уголовники ни позвонят из своих родных/друзей на воле – там все встельку пьяные!.. Страна спившихся, конченных, совершенно бессмысленных алкашей... А еще хвалятся, что они, мол, такие непобедимые, воюют так, мол, героически, Гитлера когда-то (якобы) победили... Представляю этих спившихся вояк сейчас, появись тут хоть новый Гитлер, хоть кто угодно, – они же не только алкаши, но и дети алкашей, в том числе и те, кто служит в их армии и даже ею командует... :)) Мразь, нечисть, пьяное свинобыдло, короче, – вот ЧЕМ (раньше-то я, дурак, всегда писал «кем») населена эта страна...

А это блядво, вопреки моим ожиданиям, сегодня проснулось-таки вовремя, еще не было шести утра, – и тут же показало себя во всем своем быдлосвинском блеске. Видя, что я сплю (я не спал уже, но лежал под одеялом, лицом к стене, и оно не могло знать, сплю или нет), сперва долго плескалось под краном, включив его на всю мощь; потом включило, конечно же, быдловизор, ну куда же без него! – и, видя, что я продолжаю (как бы) спать – эта мразь, уходя, даже не подумала его выключить!.. Пришлось мне вставать и выключать самому. Чтоб тебе лет десять дали, тупая ты мразь!..

«Первый рабочий день нового года», как с утра вовсю уже квакают по телевизору, во всех их быдлоновостях. Главная новость утра: оказывается, уже неделю (!) власти Сенегала держат у себя под арестом какой-то русский рыболовный корабль с экипажем, задержанный где-то в африканских водах. «Росрыболовство» – и это квинтэссенция новости – готовит против правительства Сенегала судебный иск. Эх, жаль, нет у меня здесь твиттера, да и на воле я им не так уж активно пользовался. Но если вообразить, что это

не тетрадный листок в клеточку, а экран компа или смартфона, то вот она, моя запись в микроблоге: «Сенегал: молодцы негры! Убейте их».

Еще одна новость оттуда же – что сегодня будет сильная магнитная буря, – какое-то очередное возмущение на солнце. Меня это волнует только в одном смысле: сможет ли мать, чувствительная к таким вещам, поехать заказать мне здесь жратву. Или хоть по телефону через эту свою знакомую в здешнем магазине (если у той будут деньги, чтобы оплатить). Крайне неприятна мысль, что придется-таки голодать, – если не прямо здесь, в тюрьме, то на зоне-то уж точно придется, там от силы будет три-четыре свиданки и передачи в год. Вчера между ужином казенным (немного вареной картошки, почти в виде пюре) и своим (пара бутербродов с последней еще оставшейся колбасой) мне постоянно хотелось есть, – хорошо, было еще немного крекера, а потом и колбасный сыр, чтобы заглушить это ощущение рези в животе. И хотя я живу не для того, чтобы есть, конечно, – всё равно, перспектива постоянно, день за днем, эту резь испытывать и не иметь чем ее заглушить, особенно по вечерам, перед сном, крайне неприятна. Был бы еще там, на зоне, нормальный ларек, да пускали бы в него почаще, хотя бы раз в неделю, – ну и денег бы побольше клали на счет те, кто будет приезжать...

Ну и – ждем сегодня Бородина, конечно! Он обещал, что, м.б., придет сегодня, но не очень точно обещал, – и я не верю, разумеется. Дай бог, чтобы пришел хоть 14-го, на которое он свой приход обещал точнее, – и дай бог, чтобы до тех пор мать всё же что-то заказала, т.к. передать ей эту просьбу раньше его прихода (и ведь заказанное приносят только на следующий день) я едва ли смогу...

Вроде мелочь – да? – ну подумаешь, быдлачонок не выключил телевизор, уходя. Но из таких вот мелочей и складывается понятие быдла (русского свинобыдла, если быть точным) и его отличия от нормальных людей...

11.1.14., утро (до завтрака)

Опять безумные дни... Позавчера таки приходил адвокат; выдернули меня к нему 20 минут второго – и еще часа два стоял там в отстойнике, ждал; а разговаривать вообще начали в коридоре – настолько всё было забито после Нового года.

Вернулся оттуда к самому ужину. Быдлачонок еще не было. Только успел съесть ужин (кислую капусту) – открывается дверь. Заходит мужик с матрасом под мышкой. Я аж обалдел... Думал, мы еще долго тут вдвоем просидим – м.б., тоже месяца полтора, как тогда, летом, с быдлачком... И вот – привели... Из 310-й, с того корпуса, но – арестован только 5-го числа, курил спайс, чуть-чуть не успел докурить и уехать... По 228, естественно, сидит,

уже третий раз, но раньше – по 226 (кража оружия) и 158, два раза. 1978 года рождения (а с виду – старше меня), из Башкирии родом и пропиской (русский, ненавидит башкир), в Москве жил на «Соколе» у нерасписанной жены. Знает английский, когда-то (в юности) даже преподавал его в школе, – последнее время работал в такси для иностранцев. Услышав это, я спросил о Храмове, – нет, работал не у него, но с ним только на днях говорил по телефону, – видимо, об устройстве на работу, о чем еще? С этого началось наше с ним общение, с общего знакомого, и продолжалось весь вечер и весь вчерашний день. Он оказался церковным (РПЦ-шным, естественно) православным, докурив спайс, как раз собирался ехать в монастырь в Серпухов, и весь вечер, да и часть вчерашнего дня, мы поспорили о религии, вере в бога (он, как и сто раз до него я слышал, обещает мне, что я еще к ней приду :) и истории РПЦ, которую он, конечно же, не знал толком и разоблачение которой ему весьма не понравилось (типа, он идет в церковь не к попам этим ГБ-шным, а к богу, – стандартная отмазка). Но поругаться не поругались, пока. Он читал мне вчера свои стихи, я ему – один стих Нестеренко («Здесь любая победа всегда обернется бедой»). С ним можно говорить о книгах, – слава богу, интеллектуальный уровень позволяет, книг он читал достаточно, хотя в основном и не те, что я. Учился в Башкирии в пединституте, но не закончил, – не удивительно, учитывая столь глубокую наркотизацию: 17 лет наркоманского стажа, попробовал всё; правда, говорит, что последние годы от тяжелых наркотиков отказался, больше курил спайс и т.п.

Короче, посадили человека, с которым хоть можно о чем-то поговорить, не такое тупое бессмысленное быдло, как обычно, – и, пока мы спорили о религии и о чем-то еще, быдлачонок несколько раз говорил нам иронически, что, мол, вы друг друга нашли. Новенький вспомнил кольцо Соломона с надписью – и объяснял быдлачонок, кто такой Соломон. И вообще, они друг друга подкалывали весь день; новенький внес, правда, слишком уж много шума, веселья, приколов и подколов в спокойную до него жизнь камеры; в частности, своей болтовней вчера не дал быдлачонок спать до обеда, как тот привык, а мне – написать письмо Агафонову (как раз о боге, – в ответ на его, принесенное Бородиным). Правда, полдня, с самого утра, вчера у меня болела голова, я пил кучу таблеток – одну, от давления какую-то, дал мне он. Поговорить есть о чем, и отношения пока вроде нормальные; но – уже на сегодня он с быдлачком планировал какую-то уборку в камере, – я надеюсь, они не будут меня к ней привлекать, справятся сами. Тот еще посвятил его в свои планы покупки «трубы», – и новенький вчера уже после отбоя размышлял, что, мол, не «загонят» ли нам

таджики из 637 «трубу» охотнее, если открыть окно и попросить их «загнать» ее через окно, – мне, короче, только вот не хватало налаживания тут в январские морозы еженощной «дороги» через окно, под которым я как раз сплю и с которого и без того дует невыносимо... Короче, я не строю себе никаких иллюзий. Да, поговорить есть о чем, и время вчера и позавчера за спорами об РПЦ, чтением стихов и рассказами о прочитанных книгах пролетело почти незаметно. Но – увы, проживание вместе в маленьком помещении, совместный быт, необходимость уборок, мытья и т.п. – еще сделают свое дело. Отношения неизбежно испортятся, мне еще суждено познать реальное лицо и этого человека, как и многих других до него, и ничего приятного уже сегодняшняя уборка не сулит...

12.1.14., 8-й час утра (до завтрака)

Напряжение предыдущих дней вчера уже схлынуло, день прошел спокойно. Никакой уборки не было. После завтрака и проверки они дрыхли, хоть и не до обеда (а я писал письмо Мише Агафонову о «боге» :) ; потом – тупо смотрели быдловизор, причем до глубокой ночи, когда я уже лег, у них кончился концерт, хотели уж было тоже ложиться, – но при заключительном ритуальном перещелкивании каналов новенький вдруг увидел какой-то фильм – и радостно завопил, что, мол, давай его немного (!) посмотрим. Был при этом так любезен, что спросил меня (первый из всей этой камеры с марта 2013), не помешает ли это мне. Я сказал, что лучше бы сделать потише (раз уж не выключить, как я надеялся), и вставил в уши заглушки.

Дальше, ночью, произошла совершенно идиотская история. Дело в том, что новенький – тоже первым из всех, кто до него спал на этой верхней шконке – еще прошлой ночью взял да и завесил газетой ночник, бьющий там прямо в глаза. И вот сегодня я просыпаюсь – они спят, а свет уже горит. Достая беруши из ушей, встаю, включаю быдловизор, смотрю время – 3:38! Сперва решил, что отключалась ночью розетка и сбились часы в телевизоре, – вот досада; но раз свет горит – шесть-то утра уже есть. Но – что-то тихо; раскладушки не собирают, «расход» по камерам не стучат; странно как-то. И тут, уж точно не помню, как, но мне приходит вдруг мысль, что, м.б., время-то по ТВ и правильное, еще и четырех нет, – потому что не мог я проспать с часу ночи сразу до шести, ни разу не проснувшись, – а, видимо, просто нам зажгли свет, т.к. заглянули в «глазок» и увидели, что у нас темнее, чем обычно, – ночник-то завешен. А в таких случаях они не церемонятся, прибегают к самым простым решениям, – как тогда, осенью, когда на два дня выбило все розетки и ночники – и свет на всем корпусе вообще не гасили никому.

Короче, раздумываю убирать одеяло, как было уже хотел; решаю лечь под него и подождать: если загремит вскоре телега с завтраком в коридоре – то, значит, восьмой час, а если нет... Ложусь, лежу, отвернувшись к стенке, в таком положении свет особо и не напрягает. И вдруг – темнота! Погасили! Ура!!! Но – через пару секунд загорается снова. Тут уж все сомнения разом отпали: заглянули в «глазок» – увидели, что горит свет (непорядок!) – погасили – еще раз заглянули – увидели, что чересчур темно (тоже непорядок!) – включили опять. Но понятно, что после шести утра никто не стал бы выключать уже горящий в камере свет. Значит, и впрямь время – еще и четырех утра нет!..

Так и провалялся при свете до подъема, уже и не спал больше, по-моему. Последние дни, за всеми этими разговорами с новеньким, чтением стихов и пр. даже забыл на какое-то время, что сижу ни за что и что впереди-то ничего нет... Короче, 2318 дней еще мне осталось провести среди существ, среди которых данный новоявленный сокамерник есть невероятно редкое и приятное исключение, – впрочем, пока он здесь еще только неполных трое суток, и до извечной темы уборки в камере мы еще не добрались...

Что еще забыл о нем написать вчера, – поразительное, одно из первых сведений, с которых он начал знакомство 9-го вечером, – это то, что его московская нерасписанная жена (именно она, если не путаю; надо будет уточнить) в каком-то дальнем родстве с Никитой Тихоновым, убившим адвоката Маркелова и сидящим сейчас на п/ж. Причем новенький наш, конечно же, уверен, что он никого не убивал и дело сфальсифицировано...

13.1.14., 8-й час утра (до завтрака)

Увы, спокойная жизнь в камере кончилась – и началась та тяжелая, бессмысленная суета, что называется обычно у уголовников «движухой». Вчера утром, сходяв наконец-то «гулять» (два дня рвались), они записали в журнал дежурств нарды; в обед получили их, но там не оказалось «зариков» – и началось!.. Сперва хотели слепить их из хлеба, но – слишком долго будут сохнуть; надумали (новенький антибашкир из Стерлитамака, оккупант башкирских земель) налить расплавленный полиэтилен от горящего пакета в спичечный коробок – и потом уже ниткой вырезать «зарики» из получившегося брикета. Первый коробок у них, однако, загорелся от горящего капающего полиэтилена; второй они выложили изнутри фольгой от шоколадки, сделали, ниткой разрезали брикетик, стали стачивать получившиеся кубики об стену, – они получаются неровные, нужен штангенциркуль; короче, оккупант быстренько бросил это дело. Единственный результат – задымили всю камеру, пришлось – ну разумеется – открывать окно, мне тут же понесло холодом по ногам. В ужин нарды уже

пришлось отдать. Короче, пустая, бессмысленная активность, колготня и суета, лишь бы убивать на что-нибудь время. Вечером опять у них кончилось курево, весь вечер, почти до двух ночи, ушел на попытки что-то выбить из 637 (днем давали пару раз по несколько сигарет), отправить через них же «маляву» о куреве в 526 (в 637 ее не взяли), узнать, кто «смотрит» за корпусом (не сказали новенькому) и бурное возмущение «такой постановой» в этой тюрьме, особенно когда быдлячонок сказал ему, что, по его сведениям, к «красным» на этом корпусе относятся так же, как к «пидарасам», не гоняют с ними «дорог», и т.д. У оккупанта быстренько пропало желание что-то еще выяснять насчет «смотрящего», но второе прибавилось возмущения «такой постановой», – я уже лежал под одеялом, а он, на своей шконке, всё никак не мог уgomониться...

14.1.14., вечер (до ужина)

Шумный, буйный, горластый, шебутной набитый дурак. Постоянно орет, «шутит», постоянно это дурное шумное веселье, какие-то идиотские эковские «шутки» и приколы, преимущественно в рифму. От моего первоначального неплохого впечатления ничего не осталось. С прежним быдлячком они уже спелись, постоянно «шутят» друг над другом, смешно ругаются, огрызаются; бесконечный чифир по десять раз в день, круглосуточный почти что телевизор (утром включают, посмотрят – и засыпают, не подумав даже выключить), постоянные эти опять решения: «сегодня во столько-то будем смотреть то-то» (или же ругаются, что смотреть, – один хочет один быдлосериал или быдлофильм, другой – другой), и т.д., и т.п. Шум, колготня, суета в камере, – только что колесом еще не ходят оба, особенно новенький; тишины и покоя, даже таких относительных, какие были в недавние «праздники», хотя бы только до обеда, – не осталось и в помине. Идиотское веселье и дебильные рифмованные быдлоприколы с гомофобским душком...

Вчера и сегодня новичок получил-таки магазин, да еще, позвонив сестре через дыру в потолке и громкую связь с 637, узнал, что и сестра – помимо гражданской жены, той самой двоюродной или троюродной, точно я не понял, родственницы Никиты Тихонова – заказала ему через интернет магазин, в том числе – страстно чаемые им тапочки. Но сегодня тапочки так и не принесли, пошел в баню в кроссовках, там надел на ноги, поверх носков, по два маленьких пакета – и мелко крестил каждый несколько раз уже на ноге. :) Принесли ему зато из «ресторана» вареную курицу от жены, – магазинщица сперва думала, что это тоже мне (мать заказала вчера «ресторан», как обычно, но опять, дура, перепутала, – картошки-фри взяли две вместо одной, котлету по-киевски – наоборот, одну, а слойки мне на

завтрак не взяла вовсе). Вчера же, получив два блока сигарет, они согласно «загнали» тут же две пачки в 637, там попросили еще и сладкого (им тотчас «загнали» конфеты), а потом – неожиданно это азиатское быдло сверху предложило, чтобы здесь, в нашей камере, для них поставили бы брагу, выгнали бы самогон, – они, мол, через окно и кипятильники нам «загонят», а мы им потом, через окно же, – готовый самогон (хотя через здешнюю внутреннюю решетку не пролезет даже самая маленькая бутылочка, из-под пепси-колы). Башкирский новичок, правда, решительно против этого выступил, но – тотчас решил, что это, мол, оперская разводка, – мол, им в 637 специально предложили, чтобы на нас был «материал», раздраженно орал на быдлячка – мол, напиши им, что у нас тут «особый контроль», шмоны каждый день, и т.п., но в итоге тот всё равно написал им, что у нас якобы заколочено окно, не открывается, и предложил рецепт самогона, – таджики наверху сказали, что сами они не умеют готовить брагу. Новенький же орал, что, мол, они что, держат нас за лохов, это разводка, скажи им, что тут первоходов нет, и т.д. Но – обошлось, и после отказа даже дали попозже, после отбоя, им обоим поговорить по громкой связи.

вечер (после ужина)

В общем, теперь в камере сплошное неуместное быдловеселье и чифир. Они с быдлячком спелись, едят и пьют теперь вместе – тот со своей «диеты», этот с магазина. В общем, тот же расклад, что был осенью у быдляка с дятлом-домушником Виталиком. Был владимирский быдляк, стал башкирский, – разница только та, что с этими двумя, несмотря на всё отвращение к ним, я еще разговариваю (и они со мной тоже)...

15.1.14., вечер (после ужина)

Целый день в новостях: Дума обсуждает «пакет антитеррористических поправок» – п/ж для тех, кто «обучает террористов», «вербует», «финансирует», ограничить до 1000 р. в день анонимные переводы денег в интернете, и т.п. По 205.2 наверняка тоже повысят срока.

Ну что ж, ребята, давайте-давайте, старайтесь!..) Всё равно всех, кто хочет взорвать ваши вокзалы, метро, автобусы, школы и т.д. – отследить вы не сможете, как ни старайтесь! И денег эти праведные мстители на взрывчатку найдут себе всегда, не сомневайтесь. Даст бог, освобожусь, вырвусь из этой страны, – сам, лично, сделаю всё возможное как минимум для сбора денег тем же кавказцам, готовым подрывать себя на территории кровавой Русни, а м.б. – к тому времени это будут уже не только кавказцы. Вас будут – за дело! – мочить и взрывать до тех пор, пока ваша проклятая империя не сдохнет и не развалится, освободив оккупированные ею земли, – и никакие ваши «законы» и «ужесточения» уже не смогут этому

помешать...

Эти вот два абзаца, которые выше, – первая запись в моем «Политическом дневнике», или «Тюремном твиттере» (еще не решил точно, как назвать, но для твиттера, пожалуй, длинновато) – дневнике, состоящем только из коротких комментариев к текущим событиям, который хочу я по мере возможности передавать на волю публиковать прямо сейчас, – хотя бы в «тифаретнике» своем, где же еще, – ну и, м.б., Дубров на КЦ тоже будет их озвучивать. Пока я в Москве, и не в абсолютной все-таки изоляции, – надо пользоваться, не терять время зря...

Про этого новоявленного башкирского быдляка – забыл я вчера написать, что он такое же быдло, как был тот, владимирский, – несмотря на то, что знает английский и даже преподавал его когда-то в школе, учился в пединституте (не окончил), играет на музыкальных инструментах и на зоне был в местном ансамбле, работал в московском такси для иностранцев... По сути-то, по манерам и привычкам, по речи в тот момент, когда не старается произвести хорошее впечатление на собеседника (со мной ему в первые дни это удалось, но потом я его раскусил), – обычное тупое уголовное быдло, со всем набором этого вонючего, гнусного эковского рифмованного фольклора... Буянит и орет по любому поводу, – радость ли, возмущение... Сегодня устроил громкий скандал, когда наконец-то принесли ему с прочей снедью (сгущенка, чай и пр.) заказанные тапочки. Мало того, что они вместо нужного ему 45-го размера оказались 42-го (а у меня в 2006 г. на «пятерке» было наоборот), – это-то нормально, там же при заказе размер не спрашивают. Но то, что они оба были ЛЕВЫЕ, на левую ногу, – это было уже слишком!.. :))) Он сначала орал на нас с быдлячком, потом решил не брать весь заказ вообще, – тогда, мол, магазинщица быстренько сбегает на склад и принесет ему другие тапки, – размышлялся, ага!.. Отдал в «кормушку» неподписанные накладные и стал что есть силы орать на магазинщицу. Та резонно возразила ему, что им-то привозят уже готовые заказы со склада, – это ведь интернет-магазин, он вовсе не в этой тюрьме (и не в тюрьме вообще) находится. В итоге он всё же написал на накладных «возврат», как до того ему советовал и я по своему опыту, отдал тапки, а всё остальное осталось при нем.

Кроме того, в обед им дали нарды С «ЗАРИКАМИ», да еще на другой стороне доски – шахматные клетки, шахматы дали в отдельном пакетике, фишки от нард могут использоваться и как шашки, – и всё это великолепие не забрали почему-то в ужин! «Мусор», ходивший с баландером, сказал, что оставит до утра, – неведомо, почему вдруг такое нарушение своих же правил. Короче, резались весь день и режутся сейчас, занимая стол, –

хорошо еще, пока они сделали ненадолго перерыв, я успел после обеда попить кофе. Но – сгущенку, видимо, мать после Н.г. так и не заказала, так что прикончить за два дня последнюю пачку – и кофе пить будет не с чем...

Самое отвратительное – завтра опять ехать в «суд». Месяц «отдыха» прошел, на улице морозы – восемь или все десять градусов, с утра, естественно, будет еще больше, надо доставать из-под подушки телогрейку, а туда, видимо, на ночь класть кожаную куртку, чтобы не возиться утром. Уже четверть девятого, но меня еще не «заказали», я не знаю – на шесть, или всё-таки на семь утра...

Пришло после обеда 50-е письмо от Майсурына, – в основном реакция на мое письмо Ане Каретниковой от 8 декабря, ею повешенное в ЖЖ и даже (обалдеть!) перепощенное на «Каспаров.ру». Почитал всё это с большим удовольствием :) , как и само письмо. А вот ни «The New Times» последнего (двойного) номера за 2013 год, опущенного Бородиным в здешний ящик в магазине еще 24-го, что ли, декабря; ни им же туда же 9.1.14. опущенного письма от матери – нет и в помине. Похоже, журнала я уже так и не дождусь, хотя чтение его тогда, в последний декабрьский визит Бородина, не доставило мне никакого удовольствия...

17.1.14., 7-й час утра (до завтрака)

Прошлой ночью «заказали» на «суд», оказывается, только в два часа ночи, когда я уже давно спал с затычками в ушах, а они, досмотрев очередной бредовый «фильм», тоже ложились спать. Подошел к двери быдлячонок, но, как рассказал мне уже вчера вечером, подумал с чего-то, видите ли, что я не сплю и слышу, и не стал будить, да и утром вчера тоже ни слова не сказал. Так я и лежал пол-утра, гадая, почему не «заказали» и повезут ли теперь в «суд», или, м.б., «судья» на больничном и всё отменено, – пока не пришли за мной в начале восьмого: «заказ» был на семь, я мог бы в шестом часу и не вставать...

Они же вчера без меня весь день колобродили тут в камере, – «убирались». Составили тазик и все ведра под раковину, где им совсем не место; натянули под потолком через полкамеры веревку, – типа, для белья (десять месяцев все тут как-то обходились без нее, а эти – вот поди ж ты – не смогли), и т.д. и т.п. Тупое, бессмысленное быдло, – быдляк покрупнее и быдлячонок помельче; уже спелись и совместно жрут «доширак» быдляка с диетным мясом быдлячка по вечерам... География другая (далее на восток от Владимирщины), а типажи те же самые, стандартные... Смотрят, суки, опять по ночам (около 12 ночи только начало) абсолютно бредовые, нелепые фильмы (вчера – про «мутантов» американский) на полную громкость – и даже не думают сделать потише; если просишь – делают

очень неохотно и ненамного. Всё повторяется, – так же почти было и осенью; сейчас меня до некоторой степени спасают только беруши, иначе я вообще не мог бы спать...

На «суде» же вчера было одно большое сенсационное событие: бандит «судья» по моему ходатайству и вопреки моим ожиданиям допустил-таки Санникову в качестве защитника! Меня, правда, аж корежило от отвращения, когда пришлось самому обращаться к нему с этим ходатайством, да еще и вставать, когда он тотчас докопался, почему это, мол, я не встаю (потому что это было бы проявлением совершенно незаслуженного уважения к тебе, тварь!), и произносить ходатайство еще раз. Невероятно, но – разрешил, взяв с нас подписку, что если она как защитник не будет по какой-либо причине являться на процесс, то мы не будем против проводить заседания и без нее, чтобы не затягивать. Но одно то, что она теперь сможет в качестве защитника приходить ко мне в тюрьму, – стоило, я считаю, того, чтобы, преодолев отвращение, встать и произнести заветную фразу еще раз...

Другой небольшой сенсацией был приход на «суд» Акименкова – одного из амнистированных недавно «болотников». После «суда» он успел мне сказать, что всегда рад поддержать мыслепреступника :) и что благодарен мне за поддержку их, «узников Болотной». Что ж, я тоже ему благодарен, – пришел, хотя сам левый, член «Левого фронта» и от меня идейно весьма далек. Карина же Магомадова, которая общалась с ним еще до амнистии, передавала мне от него слова поддержки и первой сообщила, что он готов прийти ко мне на «суд», – сама так и не появилась опять: по словам Акименкова, она сейчас где-то за границей.

Еще одним приятным сообщением стало то, что следующее заседание «судья» назначил аж на 5-е февраля, – теперь ясно, что «приговор» едва ли будет и в марте... И то – несколько томов «дела» прокурор оглашать вслух не стал, т.к. там были только распечатки моих текстов, отправлявшихся «следствием» на «экспертизу» (заключение которой Трепашкин просил исключить как недопустимое доказательство, – но ему отказали, конечно); когда оставался только последний том, девятый, – он вдруг попросил перенести слушания, т.к. он «занят в другом процессе» и торопится туда. «Судья» и перенес сразу на 5-е февраля. Все конвойные «мусора» были новые, порядки в «суде» – тоже новые (в частности, в конвоирке теперь до шмона закрывали в самые дальние боксики, где я сидел с дагестанцами и пр., а после шмона меня посадили в один из тех, у выхода, куда как раз раньше всех сажали до шмона); навверх водили с собакой и в наручниках, застегнутых СЗАДИ (что вызвало всеобщее возмущение); но меня не только

повели без собаки и пристегнутым за одну руку, – поразительно, но эти новые «мусора» не мешали мне в перерывах говорить из клетки с матерью и людьми в зале!! Те, прежние, не позволяли и слова сказать, даже если заседание в этот момент и не шло, а эти – стояли спокойно, молча, и только отогнали от клетки мать, пригрозив удалением, когда она подошла к моей клетке вплотную. Мать, кстати, поразила меня и тем, что свиданки в тюрьме, оказывается, теперь без записи (надо же!.. И года не прошло, с прошлого – то февраля!..), и обещала прийти в понедельник, 20-го января.

18.1.14., утро (до завтрака) Как же тошно, невыносимо, неопишимо тоскливо здесь по утрам!.. Тюрьма, в которой я сижу ни за что, будь ты проклята!.. Тоска, душащая тоска, – от этого окружения, от этих условий, от того, что осталось еще целых 2312 дней, – шесть лет и четыре месяца...

Ничего особенно интересного не происходит. Новая башкирская чума, наигравшись в нарды (которые им дают теперь всё время с «зариками», – о, где ты, всегдашняя расейская расхлябанность, из-за которой дали без них только в первый раз!..), скачет от избытка чувств по камере, чуть ли колесом не ходит, орет во все горло и стучит кулаками во что придется – от шкафа для продуктов до входной двери, которую она называет «робот». Быдловизор она тоже норовит все время сделать погромче, – и эта ее особенность особенно достает после прежних – быдлыка владимирского, дятла-домушника и пр., которые хотя бы полной громкости избегали. Зато «кино» по ночам эта новая тварь жаждет смотреть так же яростно, как и все прежние, – как будто за просмотр фильмов ей деньги платят по таксе, или срок скидывают... Мучает вопрос: ЧТО смотреть (вчера ночью они очень страдали, что нечего), тогда как вопрос «смотреть или не смотреть» даже в голову не приходит. Так что, считай, с быдловизором я попал из огня да в полымя, как и предчувствовал, и если бы не беруши... Жду теперь свиданки с матерью или с Бородиным в понедельник, 20-го, – или, м.б., с обоими сразу. Больше тут ждать нечего...

утро (после завтрака)

Сделал сейчас новую запись в новопридуманном «Политическом дневнике»:

Говорите, химическое оружие продолжают вывозить из Сирии? Лучше дайте нам – русской радикал-либертарианской оппозиции – пару баллонов какого-нибудь газа поядовитее: ведь московские менты на разгон всяческих «несанкционированных» акций приходят, как правило, без противогазов... :))

19.1.14., 7-й час утра (до завтрака)

Надо сказать, что за день здесь, в этой проклятой тюрьме, я совершенно

выматываюсь, физически и душевно, и после выключения света (около 22-00) лежу и жду своего ужина (после 23-30) полностью обессиленным, измочаленным – и этим бесконечно долгим (с шести утра!) днем, и бесконечным телевизором, и отсутствием дневного сна, и всеми прыжками и скачками этого новоявленного здесь быдла, и всеми их за день быдлоразговорами, ужимками, «шутками», ржанием, и т.д. и т.п., и – главное- постоянным подспудным ощущением, что жизнь прошла, что никакого будущего нет, впереди один только ужас, что из этой ловушки мне уже не вырваться...

Вчера утром из-за того, что я не расписался за «дежурство», этим быдлострадалям не дали нарды (не позволили расписаться за меня), и весь день они особенно страдали – без нарды, смотря лишь телевизор на повышенной громкости (впрочем, оба задрыхли, когда в пять вечера, после их бесконечного быдлосериала, я стал смотреть начавшийся фильм к 90-летию смерти Ленина по НТВ). Ничего, оторвутся сегодня – будут стучать нардами с обеда и до глубокой ночи... Мне это уже всё равно, – сгущенка у меня вчера кончилась, заказанную матерью еще 9-го января – так и не принесли, так что пить кофе после обеда мне не с чем и, соответственно, стол не нужен...

день (после обеда)

Два этих быдлыка в камере уже полностью спелись – и, как обычно и бывает, общаются только между собой, полностью игнорируя меня. Со всеми предыдущими здесь было так же. Бешено, остервенело смотрят свой быдловизор, с обеда – и до глубокой ночи, тщательно следят, какие быдлофильмы анонсируют на вечер и на завтра, ругаются, что именно смотреть. Рвение такое, как будто и впрямь это их оплачиваемая работа... Концерты, шоу, игры и пр. – не любят, предпочитают именно фильмы – как и всё это свинобыдло в тюрьмах. Ненависть к ним, к их фильмам про ментов, ко всему их скотскому государству свиней такая – сжег бы напалмом, без всякой жалости, ядерным огнем расплавил бы все их города, всю эту мразь лично отправил бы в печи крематориев, всю эту бессмысленную мразь и нечисть...

вечер (после ужина)

Какую-то новейшую, супер-пупер-технологичную подводную лодку, показывают, запустили москали перед новым годом, – и хвастаются, что, мол, западные эксперты в шоке от новейшего технологического первенства москалей в области подлодок. Что ж, если бандиты вооружаются суперновейшим оружием, – честным людям это ничего хорошего не сулит. Москали, Россия, людоедская эта империя – вековые агрессоры, на своих

подлодках они – угроза не только соседям, но и США, Англии, скандинавским странам, всему миру... Мир должен остановить высокотехнологичных варваров-людоедов во что бы то ни стало, если мир хочет жить и быть свободным... Это пошло сегодня в «политический дневник».

21.1.14., 8-й час утра (до завтрака)

Ходил вчера на свиданку с матерью, – как она и обещала в «суде» в понедельник, без записи. Поразились, как шикарно сделали на этой тюрьме свиданки с этого года: вместо трех прежних кабинок на первом этаже сделали целых восемь – новеньких! – на четвертом (мать, конечно же, поднялась туда с огромным трудом), целый этаж отвели под это; в конце, в отдельной комнате, где стоит вся аппаратура, сидит девица в форме, – разумеется, это прослушка разговоров, как же без нее!.. Телефоны тоже стоят новенькие, к таким подключить прослушку – раз плюнуть. И самое поразительное – без записи-то без записи, но – приходиться надо к девяти утра, записываться на сегодня же – свиданки дают только с 11 до 14 и с 14 до 17, по ТРИ часа вместо прежнего одного часа!.. Вот это действительно круто! – ведь и тут, и на «пятерке» тем сроком, в 2006-07, давали только час, не больше...

Мать, правда, не знала этого, пришла в 11, хотела на 12 свидание, ей дали на 14, а за мной пришли только полтретьего, привели туда уже около трех, но всё равно – как и сказал по дороге «мусор» (какой-то новый, ни разу прежде не видел его), свидание было даже не до пяти, а до полшестого. Слава богу, успели наговориться обо всем...

Правда, в этой стране умеют все равно испортить любое хорошее дело. По дороге обратно у того же «мусора», ведшего нас четверых, заел вдруг замок в двери, не решетке с тюремным замком, а самая обычная деревянная почему-то дверь, и замок обычный, врезной, – и вот он никак не мог его открыть, раз десять бегал наверх, звал кого-то на помощь, обещал, что скоро придут и откроют нас, а зэки в это время травили друг другу байки. Один – из Беларуси – с какой-то мазохистской гордостью рассказывал, какое у них там безумное законодательство, какие чудовищные сроки дают за трупы, наркотики, взятки, подделку документов и т.д. Когда упомянул, что за «осквернение» всяких «вечных огней» и т.п. некрофильской символики советского победобесия («где победу в войне над собой отмечает народ», – тотчас вспомнилось мне) дают несколько лет заключения, без вариантов (а Ане Синьковой за ее яичницу в Киеве все же дали условно, дай ей бог здоровья и всего наилучшего!..) – стоявший здесь же тщедушный, лупоглазый какой-то, уродливый дурачок (как следовало из предыдущего

разговора, сидящий за наркотики на старом корпусе, т.е. уже не первоход) тотчас отозвался, что, мол, «нормальному человеку это и в голову не придет», и дальше, непонятно к чему вспомнив про «Pussy Riot», начал изрекать эти привычные «глубокомысленные» сентенции, что, мол, попробовали бы они такое сделать в мечети – так их бы порвали в клочья прямо там, на месте, и т.д. и т.п. Я рассматривал его в этот момент с любопытством: вот он, химически чистый образчик русского (москальского) бессмысленного быдла, яркий результат почти столетней большевистской антиселекции, существо, которое точнее, чем «сгусточек вонючей биомассы», просто не назовешь, – повезло мне еще раз с этим определением, как и с вокзалами и кое с чем еще... :)))

Еле-еле, но все же уговорил мать приехать еще и 30-го, не пренебрегать второй положенной за этот месяц свиданкой. Санниковой же, оказывается, тоже надо брать каждый раз у «судьи» бумагу – разрешение на приход ко мне в качестве защитника. На ближайший раз она уже взяла и, м.б., придет уже на этой неделе. Еще, по словам матери, Миша Агафонов лично, сам, без нее нашел и купил мне какие-то спортивные штаны (она даже не видела и не знает, какие именно), и в пятницу мать обещает принести мне наконец-то вещевую передачу (а сегодня вторник).

Да, забыл еще дописать по поводу вчерашнего образцового «сгусточка»: итак, моя вынужденная этнографическая экспедиция в Быдлостан продолжается... :):(

22.1.14., 8-й час утра (до завтрака)

Приперся вчера после обеда режимник, приволок неожиданно толстый антенный кабель, как раз вожделеемый башкирским наркобыдлом. И вот они вдвоем, переругиваясь, как обычно, между собой, оторвали две тоненькие проволоочки прежнего (владимирского) быдла и взялись прилаживать к своему быдловизору кусок этого кабеля, скупно и экономно отрезанного им режимником – как раз когда и где (на столе) я пил кофе. Правда, вопреки их ожиданиям, больше каналов у них от этого не стало. Потом заглянул «воспитатель», проверил, все ли бумажки с «правилами» и пр. у нас наклеены на внутренней стороне двери, и сокамернички сошлись в том, что едет какая-то комиссия, и потому-то «мусора» так суетятся, принесли даже кабель; а зато – к их дикому огорчению – второй день уже не выдают им страстно вожделеемые нарды!.. :))

Да, принесли магазин от 13.1., в том числе сгущенку для кофе и медовик, и чуть-чуть магазина от 20.1.14. Продолжение – видимо, сегодня, но если я буду в это время у Бородина (очень надеюсь, – он обещал если не в понедельник, то в среду точно быть), сокамерничкам опять ничего не

отдадут, придется ждать до завтра. Зато – вообще не принесли «ресторан» за 20-е, и я молюсь, чтобы без меня сегодня им отдали хотя бы его...

Но главное событие, главный, безумный драйв вчерашнего дня, – это, конечно, репортажи весь день из Киева, где две предыдущих ночи на улице Грушевского шли мощные бои демонстрантов с ментами, их забрасывали брусчаткой, жгли (показывают прямо, как мент реально вовсю пылает, коллеги бросаются тушить его огнетушителями), строилась катапульта, реют красно-черные флаги, на стенах надписи «Воля або смерть!», и т.п. Народ вышел против как раз накануне принятых законов об «экстремизме» и всяческих ограничений на уличных акциях, типа запрета масок и палаток. Страшно обидно, что во время таких великих исторических событий я тупо сижу в тюрьге и не могу не то что съездить поучаствовать, но хотя бы просто как-либо слышно и заметно выразить свою солидарность с украинцами вообще и с ВО «Свобода» в частности. Обсуждал даже это с сокамерничками, – их картинка уличного побоища с ментами тоже не оставила равнодушными, даже мелкого тупого быдлечонка (чего я уж никак не ожидал). Легко зомбируемый телепропагандой наркобыдлок изумленно спрашивал меня, уж не поддерживаю ли я «беснующихся» в Киеве националистов (в «новостях» как раз внушали, что либералы типа Кличко якобы уже не могут контролировать националистов, которых сами вывели на Май дан), и ДАЖЕ!! Бандеру, и – неужели?!?! – ДАЖЕ!!! Власова?!?! :))) Его изумление было мне очень забавно, но все его ужасы я безжалостно подтвердил: да, поддерживаю и националистов (и всегда их поддерживал, всю жизнь, а не только по поводу нынешнего Майдана), и Бандеру, и Власова (хотя причем здесь Власов? Украинцы ведь решительно не желали иметь с ним дела, но для наркобыдлака это прозвучало как откровение). Главная линия москальской пропаганды – и в наркобыдлаке она отражается очень наглядно – это: представить киевские сражения с ментами чем-то бессмысленным, непонятным, смутным, непонятно для чего творящимся адом, от которого только «страдают простые люди», которым неудобно ходить и ездить через баррикады, – а требования митингующих ни в коем случае не озвучивать и не упоминать (ведущий «ночных новостей» на Рен-ТВ так и заявил – мол, требования выдвинуты, но он не будет их озвучивать, чтобы не стать «рупором экстремистов»). То бишь, не новости и не информация, а чистая промоскальская пропаганда. Самое же нелепое и гнусное за вчера, – Лаврушка, «министр иностранных дел России», на пресс-конференции возмущается киевскими боями как «попращанием всех европейских норм», или как-то так (начисто забыв обо всех бесчисленных европейских революциях, от 1789 до 1848, как раз и сформировавших

современную Европу) и предлагает хищную имперско-реваншистскую Россию, мечтающую загнать Украину в свой новый СССР, в... посредники между украинской властью и оппозицией!! :)))))))))

вечер (до ужина)

Сам не пойму, что со мной происходит...

Адвокат сегодня неожиданно пришел утром, а не после обеда, как обычно. Пошли со вторым его здешним подзащитным, 19-летним дагестанцем по имени Ислам из 507. Стоял-стоял, ждал-ждал, пока он отпустит его и вызовет меня, – обычно-то быстро, а тут – точно больше часа, и всё никак. Не выдержал, попросил «мусора», чтобы пустил меня внутрь – поторопить Бородину. Обалдел, когда увидел: сделали 12 новых кабинетов для свиданий с адвокатами, в параллельном коридоре, дополнительно к прежним шести! Просто охренеть!.. Оказалось, к этому дагестанцу пришел следователь – предъявлять ему обвинение, вот почему так долго... Зашел внутрь, стал читать пока письма и распечатки.

До сих пор не могу прийти в себя от письма Миши Агафонова! Сперва он сообщает новости, отвечает на мои вопросы, а потом – пишет, что, мол, из-за моей «публицистики» мое «электоральное поле» так сужается, что нет смысла меня поддерживать, мол, я одной рукой разжигаю пожар, а другой заливаю его водой, и т.д. и т.п. – и он сильно хочет всё бросить. Что из-за меня их тусовку могут посадить (типа – пишет – я готов сесть, но не из-за твоих статей), да еще, сука такая, корит меня, что я, мол, жалуюсь на телевизор и хочу нормальной пищи в тюрьме, а сам радуюсь гибели людей, – как будто это как-то связано, или как будто это я устроил геноцид чеченского народа и сижу за это, а не за слова!.. Не знаю уж, – я так его понял, что он не то что на 100% решил бросить меня в тюрьме, но испытывает сильное желание. Черт его знает, верно понял или нет; написал ему тут же большое письмо, попытался вразумить, напомнить, что уж кто-кто, но он-то – точно такой же, как я, всегда был таким же, газету «Басаевец» делал, которая для нынешних правозащитников и пр. в 2000 была столь же неприемлема, как и сейчас и как все мои тексты. Короче, нанес мне удар под дых, скотина такая, – вот так всегда получаешь предательские удары от тех, от кого не ждешь, от самых близких... Идиотизм его в том, что он и с самого начала советовал мне подстраиваться под белоленточников, пытаться говорить на их языке, дабы побудить их меня защищать (ну вот я написал письмо Каретниковой отчасти и с его подачи, – и что?..), тогда как я с самого же начала ему советовал больше ориентировать кампанию по мне на внешнюю аудиторию, чем на внутреннюю. Не понимает, или так велика инерция? – он ведь меня корит именно тем, что мое заявление по

Волгограду отвращает от моей защиты публику тут, внутри, и это действительно так, – но эта публика всё равно, и без того, терпеть меня не может и защищать не хотела еще в тот раз...

Более того, что-то совсем уж пробило меня на сантименты, совсем мне не свойственные – разве что в далекой юности – пока перечитывал его письмо и ждал ухода следователя с дагестанцем. Подумалось вдруг: с Маней я сам порвал отношения, сейчас и Миша вот откажется, – с кем я останусь?.. Это ведь самые близкие, как ни крути, – в России, считай, никого больше у меня и нет, в Москве – так один Миша и есть... Короче, начались решительные поступки, – важно успеть совершить их, пока, пока решимость не иссякла. Зачем-то я написал Агафонову в письме, что опять резко поругался с Маней и хотел просить его (хотя до его письма вовсе я этого не хотел!..) просить его передать ей мои извинения и просьбу написать мне. Писал – и знал, что это глупо, не нужно, что Маню не переделать, – и, тем не менее, я уже ощущал, что и без нее мне тоскливо... Писал Мише – и уже знал, что сейчас вернусь в камеру – найду среди прошлогодних ФСИН-писем чистый бланк для ответа Мане, случайно однажды присланный ею лишний бланк, – и напишу ей большое покаянное письмо с просьбой меня простить и написать мне... Давно не было со мной такого, – такого мощного наплыва сентиментальных чувств и такого болезненного, подлого удара в спину от настолько близкого человека...

Сокамерничкам наконец-то – на четвертый день – дали их счастье – нарды, и теперь вот они играют и смотрят быдловизор одновременно. Всё еще хуже, чем я предполагал: они взяли мне обед (гречка на второе) и, понимая, что мне надо поесть, – не убрали свои нарды со стола, пока не доиграли: мол, сейчас-сейчас, мы уже закончили, – и в итоге чуть ли не полчаса я ждал, пока они встанут из-за стола и уберут свои нарды. Да, всё как и в тот срок: они могут со мной говорить, смеяться, о чем-то спрашивать, клянчить жратву (о, это уж обязательно!..) – но чтобы при этом они меня УВАЖАЛИ, – об этом нет и речи!.. Потому что того, кого уважают, не заставляют ждать с обедом, пока доиграют в нарды...

23.1.14., 8-й час утра (до завтрака)

Какой же омерзительный был вчера день!.. Окончательно добило меня то, что ночью, когда стал ужинать перед сном, 22.1.14., курица из «ресторана», принесенного-таки днем, оказалась не «гриль», а вареной!.. Вот черт!.. Пропали ты!.. Безвкусная, несоленая, противная, – обглодал ее кое-как, даже не полностью... Мать, дура, видимо, опять ошиблась, как ошибается теперь постоянно и во всем, связанном с моей здесь едой, вещами и т.п. Ах, будь ты проклята, как же это все не вовремя и некстати, одно к одному!..

Не задался вчера день, короче. Вот, с ночи сегодня уже думаю, мучаюсь, ругаю себя: а надо было писать этой дуре Мане это покаянное письмо, не стоит она того!.. Если ответит – еще куда ни шло, а если нет – это ж вообще позор!.. И что это на меня нашло??? Расчувствовался, дурак!.. Да и перед Мишей Агафоновым – хрена ж было унижаться, уговаривать его, упрашивать: мол, не бросай меня, пожалуйста!.. Сам был всю жизнь таким же, как я, – а теперь, видишь ли, «поумнел» и корить меня вздумал, мол, люди гибнут, и ты, мол, сам ни разу не Рахметов, – идиот, причем тут вообще я?! Скотина, блин... Надо было, по принципу «падающего – толкни!», сказать: ну и пошел ты, не хочешь – не помогай, всё равно в политическом смысле толку ноль от всех твоих усилий, как и от всего вашего (корбовского) комитета, и даже пресс-конференцию ты не мог нормально организовать!..

Сучонок-быдлячонок уехал опять на «суд» – возможно, уже за сроком. Второе животное вставало с ним перед уходом «чифирить», заботливо спрашивало его: взял ли конфеты, сахар, попей «святой» водички (из-под крана!.. :), – меня они оба и не думали даже провожать, когда в «суд» ездил я, головы от подушек не оторвали ни на миг... Теперь это башкирское быдло сквозь дальнейший сон очень озабочено тем, чтобы я, беря завтрак, не забыл взять быдлячонкову «диету», и, в частности, масло (сливочное) – потому что оно, уже проев свой недавний «магазин», плотненько подсело на эту «диету» – масло, мясо вареное, творог, молоко и т.п. – ну совсем как владимирский быдляк на передачи дятла Виталика осенью. :)) Из масла и творога, получаемого чмом помельче, чмо постарше сбивает каждый день «помазуху», которую они мажут на хлеб и едят; мясо и вареное яйцо мелко крошат и тоже совместно жрут, и т.п. В общем, с внезапного заболевания твари помельче ВИЧом (из-за которого и поставили на «диету») питается теперь не только она сама, но и ловкий везунчик, оказавшийся случайно рядом...

Какое чмо и ничтожество оказалось, это ж просто ужас!.. И с чего это я столько лет был о нем такого высокого мнения?!

вечер (после ужина)

Из сегодняшнего «Полит. дневника», свеженькое, только что написанное:

Как всполошились москали по поводу разгорающейся революции (даст бог!..) в Киеве! Охренеть просто!.. Дума принимает заявление, где требует от западных государств невмешательства в украинские дела – и Песков от имени Путина заявляет, что Москва, мол, никогда себе такое вмешательство не позволит! – империя, ставленник которой – продавленный в 2009 со второй попытки Янукович!.. По российскому ТВ идут провокационные

вопросики, – мол, не вот это ли готовила «нам» Болотная, – и от имени «оппозиции» защищать Болотную выдвигается... КГБ-шник Гудков, мразь!.. Как все эти имперско-реваншистские ублюдки в Москве перетрусили, когда возник «Правый сектор» (они дико боятся организованного сопротивления такого рода!..), когда «коктейли Молотова» и брусчатка – а ведь это еще отнюдь не автоматы и не гранатометы! – были поставлены в Киеве на поток, когда ясно заявила о себе радикальная, боевая, организованная молодежь, решительная и готовая стоять насмерть, но не допустить нового захвата Украины Россией! Тут же пущена в ход позорная еврейская карта – и вот на российском ТВ главный раввин Израиля вспоминает нацистские лагеря, которые прошел его отец, – и это почему-то привязывается к сегодняшним украинским националистам на Майдане. Ясно, что расчет не на логику и аргументы, а на чувства и эмоции, т.к. связи никакой, – но москали, природные антисемиты, не стесняются для своих текущих имперских целей использовать евреев и весь Израиль целиком – а те привычно, как и всегда, мазохистски лижут москалям жопу... :((

Последняя, безумно крутая новость – сегодня во Львове и Ривном народ под красно-черными флагами взял штурмом областные администрации, оставив местную исполнительную власть. От всей души приветствую их, приветствую «Правый сектор» и разгорающуюся украинскую национально-освободительную революцию! Слава Україні!

Вот. Дико, невыносимо, мучительно обидно сидеть в тюрьме, не имея источников информации, кроме лживого русского ТВ, когда в Киеве творится ТАКОЕ, великое... Поехал бы в Киев, несмотря на все немощи, будь я на воле... И – еще один знак судьбы (в которую я, разумеется, абсолютно не верю), надеюсь, знак хороший. Принесли вдруг днем электронное письмо от... Мани! Не ответ на мое, а сама написала мне, сухо и по-деловому, но – получается, что все же не зря меня вчера вдруг разобрало написать ей. Пишет она о том, как Данилу на митинге 19-го на Марсовом поле – памяти Маркелова и Бабуровой – организаторы, сраные «антифа», подвергли обструкции за плакат обо мне, хотя формально митинг был в защиту ВСЕХ политзаключенных, и просит это прокомментировать.

24.1.14., 8-й час утра (до завтрака)

Мелкого сучонка-быдлячонка привели вчера не раньше часа ночи, – я уже заканчивал свой ужин и собирался пить чай. Как я и думал, его не «осудили» вчера, – справка о ВИЧ еще не дошла, так что «суд» отложили на... пятое февраля. Придется нам с ним идти на «суд» вдвоем, вместе торчать на сборке и т.д. У меня и так отвращение к этим поездкам и сборкам, а с ним – и подавно...

вечер (после ужина)

А быдлотаксист этот башкирский, между прочим, оказался поклонником быдлосериала «Вороныны» по СТС. Из всех, кто тут сидел, по-моему, этим сериалом брезговали все (ну, м.б., кроме двух самых первых идиотов). Говно из говна, юмор только для слабоумных, сериальчик ПРО дебилов и ДЛЯ дебилов, переплюнувший по тупости, пошлости и идиотизму все «юмористические» быдлосериалы такого уровня, – а для него это на полном серьезе «сериал про семейные отношения», и сейчас вот, после обеда, они долг8о смотрели его вместе с быдлячком и ржали. Вот оно сразу и видно, кто есть кто и что – даром что знает английский, преподавал его в школе и даже учился в пединституте. Быдло быдлом, такой же говорящий кусок дерьма, как и все они, москалики, от Владимира до Уфы... Этот тест на идиотизм и быдловость оба прошли суперуспешно, и сейчас вот сдают другой, не хуже, – смотрят шоу «Уральские пельмени» и дико ржут над этим бредом...

вечер (после ужина)

Испытание, что ли, это мне такое посылается – сидеть тут, в полной изоляции, тупо и бессмысленно, с идиотами-соседями, когда в Украине творятся такие великие – без преувеличения – исторические события? И не то что поучаствовать в них никак не мочь – а даже не мочь как-либо слышно, явно и громко выразить свою солидарность с украинцами, с тем же «Правым сектором» и «Свободой»... Тошно от этого бессилия просто до безумия... Кто же мне это испытание посылает-то? В бога я не верю, – значит, видимо, дьявол... Будет ли мне вообще дано в жизни поучаствовать хоть в каких-нибудь исторических событиях, сыграть в них заметную, персональную роль, а не быть только массовой, как в 1993 году? Будь она проклята, эта бессмысленная, неудавшаяся жизнь!.. Роль, видимо, мне уже нигде и ни в чем не сыграть... А от этих быдлосериалов, идиотских «пельменей» и прочего говна, как и от ментовских их сериалов по НТВ – я уже давно заметил – я впадаю в какое-то угнетенное, подавленное состояние, тупею, цепенею как-то, – вот уж не думал, что доживу до такого, когда какой-то телебред будет настолько угнетающе на меня действовать... :(

И – в политдневник, свеженькое: еврейским организациям Украины стоило бы сейчас выступить с заявлением в поддержку народа (т.е. оппозиции). Если же они, как всегда, на стороне Москвы и москалей, – так и нечего обижаться потом...

25.1.14., день (после обеда)

Дурачок быдлотаксист признался, что ненавидит Америку. :) (Впрочем, я

это понимал и раньше.) За что? – спрашиваю. – Они, мол, такие высокомерные, и т.д. и т.п. (нее помню уже дословно); короче – за их мнимое превосходство. У них, мол, только обертка покрасивее, а так – всё то же самое (что и у нас). Откуда – спрашиваю – знаешь? Ты там был? – Рассказывали. Ага, по телевизору, – там про Америку именно это, и ТОЛЬКО это, сейчас и рассказывают, – сам Путин постоянно уверяет в ответ на все укоруы, что там, мол, так же, как и у нас, и даже еще хуже. Короче, у быдлячка-таксистика повышенная внушаемость и восприимчивость к пропаганде, и от того «неплохого» впечатления, которое было сложилось у меня о нем в первый день, давно не осталось и следа... Смотрит, животное тупое, новости из революционного Киева – и вслух мечтает, чтобы на Майдан пустили танки... Вот оно, расейское тупое быдло – хоть совсем безграмотное, хоть с полуобразованием, как это чмо, хоть с полным в/о, – чужую свободу они ненавидят безотчетно, генетически, всей душой и всем желудком, – хоть полноценную уже американскую, хоть только сейчас становящуюся украинскую... Не на Майдан в Киеве танки надо, а на ваши, москальских мразей, головы – американские бомбардировщики с украинскими экипажами, – и бомбить, бомбить, бомбить вас, по паре ядерных бомб сбросить на все ваши крупные города, на «секретные» городки типа Арзамас-16, на ж/д узлы, – чтобы у тех из вас, кто выживет, имперские амбиции и ненависть к чужой свободе отбило навсегда. И иного способа переделать тех из вас, кто выживет, из имперцев-недочеловеков в нормальных людей – не существует...

Дико, невыносимо обидно. В Украине разгорается, видимо, реальная революция, народ уже захватывает министерства в Киеве и здания облдминистраций в областных городах. В это время я сижу здесь и не могу не только поучаствовать в их революции, но даже выразить свою горячую солидарность с ней... :(((

27.1.14., утро (до завтрака)

Понедельник. Опять дикая, невыносимая, смертная тоска здесь по утрам. За что, за что мне всё это?! Лучше бы я сдох, чем еще шесть с лишним лет сидеть вместе с быдлом по тюрьмам и лагерям... Ужасно, ужасно это всё... 2303 дня еще осталось – и вот уже ровно год, как я веду здесь, в тюрьме «Медведково», этот дневник...

Новая неделя началась – что ж, ждем почту, Бородина (обещал в первые три дня, до матери), а в четверг, 30-го, обещала прийти на свиданку мать. Вчера вечером опять поцапались немного с башкирским быдлотаксистом, – ну да, ему ж показали по ТВ «страшные» кадры про дивизию «Галичина» 40-х гг. – и он тут же заявил мне, что, мол, сейчас в Киеве бузят одни

«фашисты». Восприимчивость к пропаганде, готовность хавать ее большими ложками просто поразительная, – только пообщавшись здесь вот с такими вот примитивными существами, понимаешь, на кого рассчитана вообще русская телепропаганда, для кого, для какого уровня примитивности биомассы ее стряпают, – потому что на воле никогда в моем окружении такого быдла, конечно, не бывало...

Очень маются и переживают они с быдлячком, что вот уже несколько дней, несмотря на все просьбы и отчаянные «малявы» - их «друзья сверху, из 637, не дают им позвонить даже так, через громкую связь, как они звонили несколько раз до этого. Обещают им, что когда телефон «загонят» в 637, оттуда им «цинканут» (это вот таким языком они общаются, на самом деле!..), дадут возможность «дзынькнуть». Эти смотрят очередной ночной быдлофильм, нервничают и ждут, но из 637 им так и не «цинкуют», и они в конце концов огорченно ложатся спать, сокрушенно вздыхая, что опять «борода» и что уж завтра им точно «цинканут» и дадут «дзынькнуть». Но назавтра всё повторяется, а если начинают спрашивать про вчера – там говорят, что вчера «трубу» не «загоняли», а сегодня – мол, как «загонят», мы вам «цинканём»...Быдлотаксист очень расстраивается и переживает, уверяя, что здесь какая-то «нездоровая х...ня», а я отчетливо вспоминая свои 17 дней в транзите Нижегородского централа в 2007, когда за всё это время мне дали позвонить только один раз – в самое первое утро, а потом всё было вот так же, – бесконечные обещания... Ясно, что «мусора» пронюхали о звонках через дырку в потолке – и строго предупредили обитателей 637, чтобы телефон в 525 те не давали ни в какой форме – даже в виде разговоров по громкой связи через потолок. Но сокамернички этого не понимают, а я им не говорю, – во-первых, потому, что полной уверенности в этой версии, на все 100%, всё же нет, а во-вторых – пускай помучаются, понедоумевают... :))

Прорвался вчера носок – трикотажный, зимний, толстый, а проносился за половину этой зимы сильнее, чем другая такая же пара – за всю прошлую зиму, всё протерлось до громадных дыр вдруг, на два пальца сразу. Порвалось ночью, когда уже был погашен свет, и сейчас, как встал, первым делом зашил, – счастье еще, что есть иголка. А мать с Мишей Агафоновым обещанную вещевую передачу мне так и не принесли, – м.б., потому и не принесли, что Миша отказался помогать мне вообще в чем бы то ни было?.. И я не стал бы писать здесь про такую житейскую мелочь, как драный носок, если бы не была эта ситуация прообразом того будущего, которого я так боюсь и от мыслей о котором мне так тошно: зашитое мной продержится еще несколько дней – и опять протрется и порвется, это ясно;

есть у меня еще только одна пара новых, ненадеванных «зимних» носков – та, что под новый год раздавали здесь «благотворители» от РПЦ; главная же моя надежда – вот на эту вещевую передачу, там таких три или четыре пары, говорила мать на свиданке, – теоретически должно хватить еще и на следующую зиму. Но – зим мне предстоит еще целых шесть, и если некому будет потом, зимы через три, привезти мне эту очередную передачу, – то всё, что у меня есть, окончательно проносится и протрется, а новое взять будет негде, не за что (сигареты же мне в тот раз тоже привозили из дома, чтобы за них покупать вещи в самой зоне), – и буду я мыкаться там совсем оборванный, голодный, замерзший насквозь (зимами), без теплых вещей, еды и лекарств, которые к тому моменту тоже все кончатся, или срок годности их пройдет, – а новых привезти будет просто-напросто некому... :(((

утро (после проверки)

Всё повторяется, увы... Всё это уже было... Только «мусор» на проверке сказал им, выйдя из камеры: «Вы хоть проветривайте!» – и закрыл дверь, – они прямо бросились открывать окно!.. Мороз на улице, градусов 15, но им плевать, – им же «мусор» сказал, как это они могут послушаться?! А скажи он им встать на четвереньки и залаять по-собачьи, – встанут, не сомневайтесь!.. Владимирский быдляк осенью именно после такого вот, одного-единственного, замечания от «мусора» на проверке и стал открывать окно каждое утро, – чтоб ты сдох там, урод, в своем липецком лагере!.. И если мелкий быдлячонок всё же довольно быстро окно и закрыл, сказав, что холодно и что «проветрилось» достаточно, то быдлотаксист был недоволен, ворчал, что, мол, надо еще, «что проветривали, что не проветривали», и т.п. – а меня они оба, в полном друг с другом согласии, даже и не подумали спросить МОЁ мнение насчет «проветривания». Мразь, быдло и рабы, – вот они, во весь рост, гнусные, не имеющие по этой причине права на жизнь русские рабы, кидающиеся со всех ног выполнять любое приказание любого самого мелкого начальства. И они еще делают вид, будто не понимают, за какое такое рабство воевали их деды-прадеды во II Мировой, убивая и депортируя тех же украинцев или чеченцев, когда им говоришь об этом (как я вчера говорил вечером быдлотаксисту)...

Да и вообще, что такое соблюдение прав меньшинств – ключевое условие демократии – на практике? Это чтобы вот эти двое, прежде чем сразу после обеда плюхнуть свои нарды на стол и усесться играть на несколько часов, – спрашивали бы меня: не нужен ли мне еще стол, или не будет ли нужен в обозримом будущем. Простая ведь вежливость, черт побери, в конце-то концов!.. Но нет – они вежливости не обучены; они ведут себя так, как будто

здесь есть только они двое со своими нардами, а меня – хочу ли я продолжить обед, или попить кофе, или написать письмо, допустим, – здесь нет вообще. Меня они просто не замечают; и – если даже я, преодолев отвращение, громко и прямо скажу им, что мне нужен стол, – о, они отнюдь не будут так любезны, чтобы сразу же перейти со своими нардами на шконку. Нет, они просто буркнут мне довольно нелюбезно, чтобы я ждал, пока они доиграют, – и будут доигрывать, причем не текущую партию, а доигрывать столько партий, сколько у них запланировано с самого начала, или пока не устанут, пока им не надоест, – а я бужу ждать, даже если мне надо успеть до ужина ответить на письма. Их больше, я один, и они ни за что не сделают мне никаких уступок или поблажек – им это просто в голову не придет. Маленькая проекция огромной страны, в которой торжествующее хамско-великодержавное быдло ведет себя со всеми меньшинствами точно так же – и именно потому-то я считаю, что эту страну с ее быдлом вместе надо напалмом выжечь, или ядерными бомбами, без всякой жалости...

В общем, за прошедшие две недели можно уже сделать кое-какие выводы. С появлением в камере быдлотаксиста положение мое ухудшилось – он стал играть в нарды после обеда (когда их приносят), не давая мне нормально пить кофе, и включать быдловизор на полную громкость что днем, что ночью, чего раньше никогда не было. То, что временами он гогочет, топочет и всячески шумно беснуется, как жеребец в стойле, – после бани, например, – я уже не беру, это еще можно как-то вытерпеть... Кстати, насчет бани: завтра, при уходе в нее, быдлячонок обещал устроить очередное «проветривание»...

28.1.14., утро (до завтрака)

Непонятно, с чего, но эту ночь вдруг опять всю практически не спал! Вот разве что только когда уже зажгли свет, задремал на несколько минут, – вроде что-то снилось... А так... Телевизор свой они вырубili, как обычно, где-то во втором часу, я вынул затычки из ушей; в три часа, видя, что не могу заснуть, пошел и принял «Драмину» с ее побочным снотворным эффектом. Действительно, вскоре стали слипаться глаза и дико клонить в сон, как бывало на сборках, – но всё равно не смог уснуть!!! :(((Так и проворочался всю ночь с боку на бок. С чего? Непонятно. Ничего вроде такого уж ужасного вчера не произошло, хотя – ни писем, ни адвоката, ни даже магазина не было, ждём всё сегодня. Вечером, правда, ругался опять с быдлотаксистом по поводу Украины, Америки, пропаганды по ТВ, которую он жрет тоннами и которой козыряет тут передо мной... Но это было вскоре после ужина, в любом случае к ночи я должен был уже успокоиться после

этой стычки – даже если бы и впрямь сильно разнервничался после нее... Но – факт остается фактом: в полной тишине, тепле и темноте – так и не смог почему-то заснуть всю ночь... :(((

Самая же поразительная – и омерзительная! – новость вчерашнего вечера, – этим двум мерзавцам-сокамерничкам азиаты из 637, сверху то бишь, всё же дали вчера, уже ночью, позвонить опять через дыру в потолке своим. То бишь, оказалась неверной моя догадка, – не так уж тут активно работает оперчасть, не она, значит, подсуетилась, чтобы пресечь мне всякую связь в корне, в зародыше... :) А жаль, – я предпочел бы, чтобы эти уродцы сидели, раз уж я сижу так же, в тотальной изоляции, а также – без курева, по которому они так страдают и чтобы заказать которое, и добивались так упорно и долго у 637 телефона.

Ну и, наконец, свеженькое для политического дневника. Только полные идиоты и конченные циники могут по поводу юбилей снятия ленинградской блокады, из-за которой погибло 360 тысяч человек (цифру назвал лично Путин), устраивать возле Пискаревского кладбища военный парад, а вечером – салют, однозначно воспринимающиеся всеми нормальными людьми как символы радости и торжества, а отнюдь не скорби по погибшим...

29.1.14., 9-й час утра (после завтрака)

Эту ночь хоть спал нормально, слава богу. Сегодня и завтра объявлены по ТВ самыми морозными днями этой зимы, ночью температура ниже -30, – не знаю уж, как мать поедет на свиданку. Точнее, соггу, завтра и послезавтра, четверг и пятница объявлены.

Башкирский быдлотаксист вчера в бане не стал в третий раз просить у меня шампунь, вымыл свою густо обросшую башку мылом, хотя те два раза именно этого и хотел избежать. Нарды они вчера утром вернули только тогда, когда за ними отдельно пришла тетка-«мусорша», а потом ей пришлось еще раз приходить – за шахматами (внутри это нарды, снаружи шахматы, вот так!). После этого она и другие «мусора» решили в эту камеру нарды больше вообще не давать – и вчера таки не дали, слава богу. Вместо их игр я после обеда сразу сел отвечать на как раз пришедшие письма от Орлеаны и Лены Маглеванной – и так увлекся, что напрочь забыл про свой ежедневный послеобеденный кофе. :) Закончил уже ближе к ужину. Очень надеюсь, что нарды им не дадут и сегодня.

А вообще – тоска, тоска, тоска, конечно... Сиди и жди «суда», «приговора», потом – этапа куда-нибудь в мерзлую, гиблую глухомань... Мать и Миша Агафонов вроде бы точно выяснили, что на этап в тот или иной город отправляет именно начальник тюрьмы, а не УФСИН, как я думал. Придется

и матери, и мне просить эту мразь, унижаться, чтобы отправил куда-нибудь поближе, не на Урал и не в Сибирь... Бородина так и нет, последний из обещанных им дней прихода – сегодня...

вечер (до ужина)

Какой же все-таки мразью, дерьмом и ничтожеством оказался этот Миша! Недаром в 2012 я уже решал было не иметь с ним вообще никаких дел, изменил это решение только мой арест. Пришел сегодня Бородин, принес от него письмо: какая-то нечисть в твиттере кинула депутату ГД от «ЕР» ссылочку на мой LJR, – заявление о Волгограде конкретно эту мразь взволновало. Тот пообещал – и через несколько дней, 22-го января, написал депутатский запрос прокурору Москвы, приложив распечатку заявления. Казалось бы, обычное дело, в том году уже один запрос был, – но эти мрази панически перетрусили. Мразь Миша уточнил (насколько я его понял), что он не от защиты меня, а от помощи мне в публикациях отсюда отказывается, – я-то уж подумал, что он из корбовского комитета хочет выйти. Мразь Бородин, перетрусивший за свой статус еще больше, заявил, что вообще ничего теперь у меня брать не будет, – ну, исключая вот этот дневник для матери, как он позже уточнил. Суки!.. Огромное искушение, если всё же заведут дело и будут допрашивать, – сказать, что это Бородин лично всё публиковал по моему поручению. Ублюдки!.. Стихи, политический дневник, просто какие-то размышления в форме статей, – всё теперь повисло; особенно стихи жалко, конечно...

Вроде, сказал Бородин, Миша с матерью завтра должны приехать, – видимо, передавать мне вещи; не знаю уж, пойдет ли мать на свиданку, но – по выбору даты – надеюсь.

Ну, конечно, не так уж я и пострадаю от этого подлейшего предательства Миши, – только до тех пор это обидно, пока я сижу здесь; хотя – это и было одной из важнейших причин, по которым я хотел сидеть именно здесь как можно дольше, а не ехать на зону. Ничего эти мрази не найдут и не докажут, даже если и заведут уголовное дело; да и – к кому обращаться-то, ждя кого вообще статьи эти писать? «Говорить с этим народом мне абсолютно не о чем», – как сказал MFF еще в августе того года. Нечисть и мразь, – что «народ» этот, что мои дорогие «друзья», которых я-то, дурак, всё пытался как-то вписать в диссидентское сообщество вместе со мной. Какое там диссидентство, – трусы и шкурники, мразь трусливая, и этот Миша – первый и ярчайший пример. Суки! Мразь! Ненавижу!!!...

Да, так вот – не так много я потеряю. Привезут в зону – надо будет искать канал отправки писем за зоной, вне цензуры. Не знаю только, кто из этих моих «друзей» решится хотя бы получать эти письма, сканировать и

отправлять дальше, если уж не набивать самим... Суки, ни на кого нельзя положиться... Если переживу этот срок, – потенциал у меня немалый, многое я еще мог бы сказать миру, – фиг его знает, м.б., не меньше, чем Солженицын... Но – не в этой стране, и не из тюрьмы, как это ни обидно, как ни попусту проходит тут время. Да, Солженицын каким-то чудом через шмоны сталинских лагерей пронес с собой какие-то записи и опубликовал их только на воле, через десять лет. Видимо, и мне так же придется – хранить записанные здесь мысли и свежие стихи еще как минимум 2300 дней, – если не намотают еще чего-нибудь по еще одному уголовному делу. А мразь Бородина – да, надо было бы доказать, за всё, суку такую... Верещал там сегодня, руками махал, – мол, мне это всё вообще не нужно, я не твой единомышленник, знать, мол, ничего не хочу (не дословно, но смысл такой). Сука, ублюдок – так вот из-за тебя я и сижу второй раз, и из-за всех таких вот, как ты, которым ничего не нужно и которые ни помогать, ни вообще знать ничего не хотят...

31.1.14., 7-й час утра (до завтрака)

Сходил вчера утром на свиданку с матерью. Ублюдок Миша, оказывается, как раз должен был вечером вчера прийти к ней – поздравлять с днем рождения. Я наговорил ей теплых слов для передачи и Мише, и Бородину, объяснив всё, что можно было объяснить по прослушиваемой связи. Однако не сомневаюсь, что она если и скажет, то в крайне смягченной форме, и наверняка эту мразь я опять увижу 5-го на «суде», – придется всё объяснять из клетки самому, настолько, насколько позволит охрана...

А тупое свинобыдло в камере нард вчера опять не получило, а вечером/ночью, как всегда, смотрело – сперва сразу по двум каналам фильм и футбол одновременно (причем на такой оглушительной громкости, что меня так и подмывало молча встать и сделать потише; но это почти неизбежное начало скандала я по зрелом размышлении решил приберечь до того момента, когда станет уж совсем невыносимо). Потом фильм кончился, пока я ужинал – они досматривали футбол, причем башкирский ублюдок вовсю бесновался тут, прыгал, скакал, орал на футболистов в полный голос, выл и причитал, когда забивали не так, как ему хотелось бы, а также постоянно тупо, по-быдлярски, по-свински «в рифму» хамил быдлярчонку, – я давно удивляюсь, как тот всё это терпит и умудряется постоянно обращать в шутку... Перемежал быдлотаксист свои прыжки и вопли бесконечными жалобами на то, что «в хате кумар», «нет кислорода» и полувопросами-полуобещаниями: «завтра проветрим». Выблюдок сучий, на улице 30 градусов мороза, самые холодные ночи за всю зиму, – какое, к черту, «проветрим»?!!! Я что, околевать тут должен из-за тебя?!. Вот оно – то, что

ФЕВРАЛЬ 2014

знал я заранее, неизбежное, как смена времен года, ясное и predetermined: из-за того, что ублюдок «режимник» в конце декабря отказался заделать окно – другая какая-то мразь, которая заедет в камеру, непременно начнет его открывать, несмотря на любой мороз. Я потому-то после отъезда владимирского быдляка так и хотел заделать, – и вот, увы, мои самые мрачные предвидения сбылись... Ну чего бы, кажется, тебе, сука ты башкирская (русификаторская), было не «проветривать» вчера или позавчера, когда меня на полдня выводили из камеры?.. Нет, непременно надо, чтобы я сидел тут и мерз, – и ведь ничего этим мразям не докажешь. Их двое – и, согласно основному быдлозакону, им на меня самого и мое мнение просто-напросто плевать, их больше и они делают всё, что хотят...

Единственный неопределенный момент до сих пор, – так и не пришла пока что Санникова. Мать вчера на свиданке сказала, что она обещала ходить раз в неделю, – что ж, это просто прекрасно, это может быть неким выходом из ситуации, созданной предательством Миши. М.б., сегодня придет? Мать говорит, она обещала в среду/четверг, но в среду как раз был Бородин, а в четверг мать, – так, м.б., она придет сегодня, в пятницу? Или уж только на той неделе?..

день (после обеда)

Итак, быдло (2 шт.) играет за столом в нарды; я из-за этого не могу ни съесть котлету по-киевски, только что принесенную, ни выпить кофе. Таково положение на текущий момент.

2.2.14., 8-й час утра (до завтрака)

Вчера эти демоны опять выклянчили оставить им нарды на ночь – и играли не только весь день, но и ночью – уселись уже после 11-ти, в темноте, под светом работающего быдловизора. Хорошо, что хоть недолго играли – мне, слава богу, не пришлось с ними разговаривать на тему освобождения стола, чтобы я мог поужинать... А кофе после обеда я сел пить прямо явочным порядком сразу после того, как пожрали они, – пока быдлячонок не успел еще, как обычно, плюхнуться на только что освободившийся от тарелок стол свои нарды. Кстати, потому ли, что перед едой они теперь, с подачи быдлотаксиста, непременно «чифирят», а уж потом, спустя время, едят, или по какой другой причине, – но только я заметил, что за стол вместе со мной, на свободное место, ни один из них не садится, только вместе, а я ем первым и всегда один, хотя в первые дни появления быдлотаксиста так не было. Зато именно так было осенью, в октябре-ноябре, при владимирском быдляке и дятле-домушнике, после моей заведомо неудачной попытки с помощью жалобы во ФСИН убрать из камеры быдловизор.

Сам я занимался вчера весь день сущей ерундой, – еще парой дней раньше втемяшилась вдруг в башку мысль написать тут брошюру, раз уж времени свободного полно, а заняться нечем. Именно брошюру, для печати, как в старые добрые времена, – хотя кто уж ее сейчас будет печатать-то, когда даже небольшую статью набить некому, по полгода держат, суки, – и к тому же мне почему-то втемяшилось, что рукопись для брошюры должна быть объёмом не меньше тетради в 48 листов. Набросал вчера утром с ходу план, писал с перерывами весь день, – полплана уже написал, получилось всего семь листов, причем большие, важные, казалось бы, темы – типа «педофилии» или наркотиков – занимают вовсе не так много места, как могло казаться заранее. В общем, ясно, что на тетрадь там не наберется, и никто это издавать все равно не будет, и даже набивать не будет, – увы, не тот у меня авторитет среди «друзей», чтобы они свое драгоценное время тратили; если даже и смогу передать тетрадь на волю – так и будет валяться ненабитая, а к 2020 г., к моему освобождению, уже устареет, если тетрадь еще не потеряется до тех пор. Единственный зримый результат – извел на эту писанину вчера хорошую, почти полную гелевую синюю ручку, которой мог бы писать, например, вот этот дневник...

вечер (после ужина)

Весь день мучила опять дикая, прежняя, давно уже не появлявшаяся

тоска – и мысль: а не повеситься ли мне, в самом деле? Животные нынешние в камере сонливы, возможность есть... Писать что-то (продолжение вчерашнего) начал только после обеда, ближе к вечеру, и то – плохо, вяло; всё равно – придется бросить этот никчемный труд... Да, прошла жизнь, черт побери, действительно прошла, и ничего нельзя с этим поделаться, и ничего, ничегошеньки нет впереди... Ничего не добился я в этой жизни, – ни в личной (это бы еще ладно), ни в общественной, ни книгу не издал, ни партию не создал, ни орден не заслужил... И не предвидится уже ничего никогда, – навсегда... Дай бог, пособие и квартирка в Финляндии, как у Маглеванной, – вот и всё, достойная награда за четверть века политической карьеры... :(((Бессмысленно всё... Хотел написать письмо Эделеву – так и не взялся: зачем?.. Быдлотаксист в камере совершенно невыносим, буянит и хамит напропалую, – правда, быдлчонку, ко мне вообще не обращается, я весь день молчу. При просмотре вечерних новостей из Украины на вопрос быдлчонка: что это за флаг? – про красно-черный флаг УПА, – ответил коротко: «фашистский». :) Что ж, я написал опять заявление начальнику тюрьмы, – опять, опять всё повторяется! – если вызовут, надо будет просить, чтобы убрали из камеры этого уродца, быдловизор, ну и – заделали все-таки окно. Знаю заранее, что вероятность выполнения мразями в пятнистой форме всех этих моих просьб – 0%... :(((

А телеканал «Дождь» таки правильно спросил зрителей – не надо ли было сдать Ленинград, дабы избежать массовых жертв блокады? Недаром «Дождь» клеймят, а про результаты опроса ни слова не говорят: видимо, зрители согласились, что надо было сдать... Хотя – кому теперь это всё говорить? Покойным Сталину и Жданову? Если бы они сдали город – как бы их наследники 70 лет спустя могли проводить на костях жертв военный парад (сугубо торжественное, праздничное мероприятие) у самых ворот Пискаревского кладбища?..

4.2.14., 8-й час утра (до завтрака)

Неожиданно вызвали прямо вчера утром, до проверки, по моему заявлению – к начальнику. Просидел там почти что до обеда. Прием вел, конечно, не Хорев, а Сорока, его зам. – тот самый, которого Каретникова считает лучшим «мусором», по-моему, во всем московском ФСИНе. Наконец-то я с ним познакомился лично, – хватило ума после разговора спросить его фамилию. Про быдлотаксиста он обещал передать начальнику, про окно и быдловизор – тоже, записал, хотя посетовал, что у нас, мол, спокойная камера – нет даже повода забрать быдловизор. А вот другому ээку, что всё это время сидел со мной на сборке – одессит, бывший офицер-подводник, которого уже встречал я на сборках после «судов» –

сказал он, что он состоит в комиссии по распределению на этап, – это очень хорошо, значит, можно будет его через Каретникову просить об этапе поближе, да и мать пускай с ним поговорит. Другой сидевший в том же кабинете зам. – Цуглин – по словам этого одессита, неожиданно признал в нем своего сокурсника по какому-то военно-подводному училищу или институту в Крыму еще в советское время. Одессит, который сам его не узнал бы, этой встречей был немало изумлен. Да, вот уж действительно, тесен мир...

После обеда принесли наконец долгожданную вещевую передачу. Сумку мать нашла, удовлетворяющую только одному критерию – размеру: всё барахло действительно влезло. Но – кроме двух огромных торцевых карманов, больше их там не оказалось вообще (да еще один маленький внутри), так что мелочи вроде щипчиков для ногтей, пакетов и пр., которые всегда должны быть под рукой, рассовать оказалось абсолютно некуда. Да и сама сумка сделана из такого материала, и тряпочные ручки к ней пришиты такие короткие, что, боюсь, уже на этапе, под весом вещей, эти ручки на тех местах, где пристроены, начнут разрывать в грубые клочья дерматин, из которого сделана сумка. Короче, полное дерьмо!..

Но это было еще не всё. Свежекупленная черная рубашка оказалась мне явно маленькой. Из двух пар спортивных теплых штанов – те, что потоньше, очень хороши по размеру, а те, что потеплее – налезают с трудом, особенно на поддетые кальсоны. Всё наоборот, – ну что за чертовщина!.. Однако я всё равно был очень доволен, что хоть одни, нормальной длины и теплые одновременно, штаны у меня теперь есть, вместо прежних коротких, – будет хоть в чем ездить в «суд», а в него предстоит тащиться уже завтра, будь он проклят... Чуть-чуть отпустила вчера, как получил эти вещи, тоска, а так – она всё время на страже, жжет и мучает мою душу... За что, за что я сижу, черт возьми?! М.б., всё-таки взять и повеситься, – эта мысль приходила мне на днях опять несколько раз. Только ведь я, трус и ничтожество, опять не смогу... 2295 дней мне осталось еще мучиться – и не сказать, чтобы потом ждало счастье...

7.2.14., вечер (до ужина)

Пятница. Неделя целая прошла, я ничего не писал, – всё ждал чего-то, не сбывшегося. Тоска...

В понедельник – неожиданно прямо с первого же заявления – вызвали к начальнику. Вместо Хорева принимал, конечно, зам. – Сорока, наконец-то я познакомился с ним лично. Лучший ФСИН-овец, по-моему, аж на всю Москву, по мнению Каретниковой. Я сказал ему, как и собирался, про быдлотаксиста, окно и быдловизор, – ничего не забыл на этот раз. Про

таксиста он записал и пообещал передать начальнику; про быдловизор же – посетовал, что, мол, камера у нас спокойная, нет даже причины его забрать... Зато другому, – одесситу, ждавшему приема вместе со мной на сборке по поводу этапа, Сорока сказал, что он входит в комиссию по распределению на этапы. Что ж, значит, именно с ним и именно об этапе поближе надо будет просить поговорить Каретникову, да и мать тоже...

Вторник начался с того, что еще до проверки открылась дверь, вошел «мусор» вместе с парнем из хозотряда, несущим дрель, – и по команде «мусора» парень быстро вогнал два шурупа в окно. Наконец-то !.. Но – на возмущенное бурчание сокамерничков – что, мол, как же теперь проветривать, дышать нечем, воздух спертый и т.д. – сказал, что, мол, поступают жалобы, что холодно; а на – тут же – уточняющий вопрос быдлотаксиста, кто именно жаловался, – ответил: ну, я не узнавал. Помоему, этот «мусор» был и при моем разговоре с Сорокой накануне, – значит, всё слышал, но не сдал. Ублюдок быдлотаксист тут же начал предъявлять претензии мне, – ну да, пока он тут сидит, я один раз имел неосторожность при нем сказать, что, мол, окно надо бы завинтить. Побурчали, этот козел попытался отломать форточку, у него, естественно, не получилось; сошлись на том, что надо написать заявление, чтобы окно опять отвинтили, но писать не стали, – и на этом тема временно заглохла.

На следующий день, в среду, мы с мелким быдлячком ездили в «суд». Ему дали пять лет за наркоту. У меня – заседание отложили на 14-е, на два часа, т.к. не пришел Трепашкин, заранее приславший в «суд» ходатайство о переносе на тот же день, на 16-45, но «судья», как я и думал, отложил на 14-е, – и, как говорил Бородин, сказал (Бородину же), что, мол, адвокатам теперь придется подстраиваться под «суд», т.к. времени у него осталось совсем мало. Ну да, 12-го марта – полгода, как «судят», но неужели эта мразь успеет до 12 марта вынести и «приговор»?..

Пришла в «суд» и Санникова – и сказала, что ее, оказывается, с бумагой, выданной в «суде», не пустили ко мне в тюрьму, куда она приезжала накануне. Оказывается, надо еще выписку из протокола заседания – о ее допуске защитником; эту выписку она взяла при мне у секретарши «суда» им пообещала быть на днях. Был в «суде» Паша Люзаков, передавший мне потом через мать, что, мол, я пишу абсолютнейшую ерунду, – это он про волгоградское заявление, конечно. Ну ладно... Агафонова не было (и слава богу!), был Рудык, передавший мне горячий привет от Акименкова, – тот, оказывается, в это же время пошел на «суд» по «болотному делу», т.к. у них там в этот день были уже последние слова подсудимых. Всё, заканчивается процесс!.. У большинства из них после «амнистии» ставка снизилась до пяти

лет по 318 ч.1. Уехали мы из «суда» довольно рано – в пятом часу вечера – и поехали кататься по окрестным «судам»: Бабушкинский, Останкинский, Тимирязевский и т.д. Качать автозак вдруг стало так сильно, что я решил все же выпить таблетку «Драмины», хотя думал не пить, чтобы не клонило в сон так дико на сборке. Выпил – и это дикое «залипание» в сон пришлось полностью перенести в стоящем у какого-то «суда» автозаке, на сборке в этот раз было полегче. Подняли в камеру нас обоих одновременно – не было еще и 11 часов вечера. Да, забыл: утром тоже повезло – «заказали» на семь, а не на шесть, всегда бы так...

Вчера, в четверг, как и договаривались мы заранее, утром была свиданка с матерью. Три часа проговорили о том о сем, она сказала, что Санникова вроде бы обещала прийти завтра (т.е. сегодня), в пятницу. Долго потом ждали в «адвокатском» отстойнике, пока разведут по камерам, и из громогласных речей там я понял, что один из ходивших с нами на свиданку – тот самый Кабалов, авиадебошир, в январе 2013 якобы пытавшийся угнать самолет (на самом деле он просто устроил там пьяную драку со стюардом) и на днях получивший за это три с половиной года. Драка, розыск, арест в марте 2013, «суд» и недавний «приговор» широко освещались по всем телеканалам, что сделало этого дебошира и алкаша из Саратова чуть ли не звездой общенационального масштаба, – и он, видимо, всю наслаждался этим своим положением, громогласно вещая перед толпой в отстойнике о деталях того, как его неправильно и несправедливо «осудили»...

Сегодня, в пятницу, никакая Санникова, конечно же, не пришла. (И когда теперь – неизвестно, дай бог, чтобы в понедельник. Во вторник или среду обещал прийти Бородин, – а совпадать им нежелательно.) Зато – мразь опер, зайдя (неведомо зачем) на проверку в камеру, традиционно сказал после этого: «Вы проветривайте помещение», – и понеслось опять... Они оба в один голос завывали, что, мол, как же проветривать, когда у нас окно завинтили!!!... Опер спросил другого «мусора», – зачем, мол, вы завинтили? – и тот ответил: я сейчас тебе скажу, – явно ожидая, пока за нами закроется дверь. По наблюдениям быдлячка-сучонка, живо заинтересовавшимся этим диалогом, «мусор» был тот самый, что приходил завинчивать окно; я не знаю, он это был или нет. Они снова стали гундеть про «спертый воздух»; быдлячонок в ответ на расспросы таксиста припомнил, что я еще до появления таксиста просил заделать окно; таксист со мной вообще не разговаривает (от чего я абсолютно не страдаю :), на это он мне тоже ничего не сказал, но тема просьб к начальству развинтить окно всплыла опять, и вот – сейчас, после обеда, быдлячонок написал заявления – оперу и, видимо, режимнику, точнее, начальнику режимного отдела. Завтра утром, пока они

будут дрыхнуть, посмотрю поточнее. Разумеется, заявления не об окне, а о приеме (оперу, по крайней мере). Что ж, когда я просил режимника об окне устно, он отказал, а на заявление на эту тему вообще не последовало в декабре никакой реакции. Подействовало только, когда я сказал про это окно Сороке, лично меня знающему, да еще и наслышанному обо мне от Каретниковой. Что ж, посмотрим, чья возьмет и что будет дальше. Инерция у этой системы огромная, если уж закрыли (или не закрыли вовремя) – допроситься потом отыграть назад этих ленивых, тупых, наглых, неповоротливых «мусоров» будет непросто, особенно без приказа начальства. Получив отказ режимника и глухое молчание на заявление, я больше месяца не предпринимал ведь никаких попыток – потеряв надежду, ну и еще потому, конечно, что заехал этот быдлотаксист. Будет очень смешно, дико, глупо, если этим тупым тварям и мразям с одного-двух заявлений и личных просьб удастся перешибить влияние мое, Каретниковой, приказ замначальника Сороки – и им таки опять откроют окно!.. Будет смешно, дико, глупо, нелепо, с рациональной точки зрения я в это не верю, это невозможно представить... и всё же чутьё подсказывает мне, что будет именно так. Почему? По двум причинам: первая – в этой стране быдло всевластно, все пляшут под его дудку, даже «мусора» в тюрьме; вторая – я хронический неудачник во всем.

Что ж, посмотрим, что из этого выйдет. Ждать остается недолго: заявления они отдадут послезавтра, в воскресенье вечером...

вечер (после ужина)

Вот и день прошел. Ни писем не было сегодня, ничего... Жди теперь до понедельника... Тоскливые, пустые выходные впереди. Вечное, многолетнее сидение в одной камере с быдлом... У проклятой этой свинской страны сегодня праздничек, вот как раз сейчас, – открытие олимпиады в Сочи. Будь ты проклята, страна свиней!.. За что – и КЕМ?! – погублена моя жизнь?.. Тупик, тупик, выхода нет... Всё бессмысленно... Никакого воздаяния, никакой компенсации за пережитые мучения. Всё это – попусту... :(((Бессмыслица... Тоска... Где друзья, – да и есть ли они у меня вообще? Помнят ли, думают ли они обо мне вот сейчас, в эту минуту, когда я маюсь, тупо сижу в маленькой камере с недочеловеками, и гремит быдловизор, и еще шесть лет и три с половиной месяца мне быть в неволе, и – пустота, пустота потом?.. Одиночество, бессмыслица и тоска. Суета сует и томление духа. В сотый раз перебираю всю свою жизнь, – мне не в чем себя упрекнуть, я всегда шел прямым путем, не кривил душой и ничем не жертвовал; но – как же это получилось, что жизнь прошла – и нет никаких результатов, и вокруг – пустота?..

9.2.14., 11-й час утра (после проверки)

Итак, теперь я завишу еще и от их нард. С тревогой жду в обед, когда открывается «кормушка»: дадут им нарды или не дадут. Не дают, впрочем, частенько – как, например, вчера – и тогда я хотя бы спокойно пью кофе после обеда, настроение чуть-чуть улучшается. Но эти демоны все равно упорно, каждое утро, на каждой проверке, записывают в журнал дежурств: «нарды» – и, когда в обед им не приносят, долго и нудно всё равно клячат эти нарды у раздающего обед «мусора».

А еще ублюдок быдлотаксист повадился теперь оттягивать левую сторону завинченной недавно форточки – она завинчена двумя шурупками по правой стороне – отчего из-под этой ее левой стороны сразу же начинает сатанински дуть, – но ему именно того и надо. Не то «свежий воздух», не то месть мне, – я сплю как раз под самой этой форточкой, а он – далеко, на другой стороне, да еще и головой от окна. Закрываю, прижимая левый край через решетку своей палкой, – он подходит, обнаруживает, что дуть стало меньше, – и тотчас открывает опять. Ну да ничего, сегодня вечером будут отданы заявления быдлчонка к оперу и режимнику, – и им, без сомнения, вскоре развинтят окно, закрытия которого я добивался с того года, а они – добьются сразу и без всяких усилий. Ну да, ведь я-то – неудачник, а они – счастливы, частичка торжествующего в этой стране везде и во всем его величества быдла...

Тошно до такой степени, что нет слов это выразить на бумаге. Годы среди быдла и всякой мрази, годами терпеть их глумление и зависеть от них в малейших бытовых мелочах – без малейшей надежды на хоть какое-то воздаяние в будущем за все эти мучения... И такой вот «жизни» мне осталось еще 2290 дней, шесть лет и три с половиной месяца... :(((((((

вечер (после ужина)

Эта страна окончательно скатилась в средневековое мракобесие. По быдловизору день за днем долбят про «изгнание бесов» из «одержимых»...

10.2.14., вечер (после ужина)

Понедельник. После обеда приходила наконец-то Е.С. И – оказалась таким же дерьмом, как и все остальные, и Миша, и пр... Еле уговорил хотя бы найти Орлеану и у нее поинтересоваться, отдали ей пароль или нет. А уж скидывать ей что-то – отказалась тотчас, сука, едва я завел речь. Предыдущие два листка дневника (и нафига я только брал их туда с собой?!) – тоже с неохотой согласилась взять для матери; теперь неизвестно, отдаст вообще, или нет, – забудет, потеряет и т.д. Мрачно всё это, короче. Учит меня какой-то ерунде, того же типа, что и Миша недавно: мол, не надо заикливаться на одном и том же, надо что-то новое... Майсурян в

пришедшем сегодня одним из писем – №52 и 53, а №51 опять не дошло, – тоже пишет такую же пургу, что, мол, не надо только «выражать позицию» всё время, типа, ее и так все знают... Суки тупые, о чем вы вообще толкуете?! Новое нельзя искусственно выдумать, когда его нет (а его нет, – в тюрьме вообще живешь как в загробном мире каком-то, тут нет ничего, прежде всего – информации о происходящем в мире), но это не значит, что надо позорно, как вы, изменить позицию по давно уже решенным вопросам, если они, эти вопросы, всплывают вновь и вновь!.. Наглая, глупая, тупая демагогия у них у всех, как сговорились: мол, ищи «новое», а о старом – молчи, ибо они, суки, боятся, что их тоже посадят, если они будут мне помогать!.. Суки, мрази, уроды, вот они – «друзья», говно говном!.. И какого черта я еще спорил по поводу Е.С. с Майсуряном, – хотя и сам он хорош, конечно. Дерьмо, дерьмо, кругом одно дерьмо... Придется, видимо, сидеть заткнувшись, и перспектив на будущее тоже нет: ну, на зоне, м.б., кто-нибудь сможет отправлять мои письма за зоной, – но это маловероятно, да плюс – еще ж надо точно определиться, кому именно их посылать, потому что найти надежного человека, а не такую же вот «принципиальную» трусливую мразь, теперь будет нелегко. Ну, или – если будет мать приезжать на свиданки, как в тот раз; но – и свиданок будет заметно меньше, и сколько раз она-то сможет приезжать в год?..

В общем, перспективы грустные и мрачные. Сидеть заткнувшись, с кляпом, вставленным «лучшими друзьями» и «правозащитниками»... Грустно, хотя не смертельно. Я-то себе не изменю, я останусь собой, сохраню себя для будущего, как мне еще в Буреполом писал Миша... Если останусь жив, – м.б., смогу что-то сказать и потом, на воле уже, – и, м.б., больше тогда будет слушателей, чем в 2011 году... Мрази, называющиеся друзьями и затыкающие рот... Особенно обидно будет, когда будут случаться какие-то крупные события, типа того же взрыва в Волгограде, – и придется молчать, а больше ведь сказать всю правду этой стране ублюдков в лицо будет некому.

А Е.С., между тем, еще и передала от Миши опять всё тот же вопрос – приходит ли ему в "суд». Подействовало, значит, сука!.. :)) То, что я 30.1.14. передал через мать, подействовало, – замельтешил, задергался, сучонок!.. Будь ты проклят, урод!..

Быдло в камере достаёт меня всё больше, становится всё невыносимее, – хотя я молчу, не вступаю с ним ни в какие разговоры. Оно – быдлотаксист – видимо, хочет меня поддеть, когда по ТВ (каждый день) говорят что-нибудь о «русофобии», о советских «освободителях» Европы, о гнусных истуканах их «победе» и т.д. Но – напрямую ко мне не обращается, только что-то там

бубнит себе, а я молчу, – какой смысл о чем-то вообще говорить с абсолютным, безнадежным, конченным быдлом? В печах таких сжигать надо, а не разговаривать с ними... Быдлотаксист очень смешон: крайне эмоционален, внушаем, несамостоятелен в мышлении, каждый мало-мальски нестандартный сюжет новостей – убили ли жирафа в датском зоопарке или прихожан в сахалинском «храме», не говоря уж о «мусоре» и учителе в 263-й школе – встречает криками: «П..ц!!!» или «А...еть!!!». И я, глядя на эту вопящую образину, четко понимаю, ДЛЯ КОГО старается телепропаганда, каков тот типаж, который готов жрать бред телеканалов ложками, вдохновляться ложью и бредом и рваться в бой против любого, на кого натравят... Быдло, тупое, свинское, безмозглое быдло – и все эти санниковы, каретниковы, агафоновы и пр. де-факто на его стороне: не только не борются с ним сами, но и мне, когда я пытаюсь бороться, затыкают рот... :(((

Быдлотаксист ходил сегодня к врачу, – написал отказ от отправки на больницы «Матроской тишины», и ему посоветовали по поводу операции, которую он требует (что-то там вскрыть в паху и откачать жидкость) писать заявление на прием к начальнику. Он написал, завтра может и пойти (хотя скорее всего там опять будет кто-то из замов). Естественно, нажалуется и по поводу окна, мразь такая. Забавно, если с этой жалобой он попадет к Сороке, которому про окно говорил я. Раскроют, непременно, не сомневайтесь, – БЫДЛУ окно развинтят по первому требованию, это я с сентября ждал и мерз...

Отвратительное, гнусное настроение. Будущего нет, увы. Настоящее – омерзительно, вокруг одно быдло и предатели под видом «друзей». Придется довольствоваться только тем, что у меня в голове, в блокноте, в тетради со стихами, – а никому вовне доступно оно, увы, не будет... Уехать, к чертовой матери уехать из этой проклятой страны забрав с собой старенький уже (в 2020-то году!) нетбук, подаренный Маней, – и где-то там, в общежитии для беженцев, сидеть, набивать день за днем этот дневник вспоминая все вот эти сегодняшние ужасы и гнусности...

11.2.14., 10-й час утра (после завтрака)

Ну что ж, вот и решился, считай, вопрос. Долговязую быдлотаксистскую мразь только что, разбудив, выдернули к начальнику. Он там потребует развинтить окно – и развинтят, конечно; наверное, прямо завтра же придут... Мрази, тупое русское быдло, будьте вы все прокляты!..

Они опять окно откроют./Я непременно простужусь./Увы, не годен я в герои/И в политзэки не гожусь...

Эти существа ниже меня по всем параметрам, в самом буквальном

смысле. По умственному развитию. По IQ. По нравственным качествам. По уровню воспитания и манер, по способности сдерживать свои эмоции... Это недочеловеки. Untermenschen, как и было сказано статье, за которую меня сейчас «судят». Биомасса. И вот среди нее я вынужден жить – второй срок и всю свою жизнь... Чтобы перестать страдать от всей этой мрази, надо уехать из страны, теперь я это понимаю. А вот чтобы мразь перестала калечить жизни и судьбы таким же, как я, которые пока еще не могут уехать, – ЧТО для этого надо сделать?..

день (после обеда)

Они ПОПИЛИ, не убирая нард со стола, и продолжают, как ни в чем не бывало, играть в них, надсадно стучать своими кубиками – вот уже час, наверное, сразу, как пришли из бани. Я – не попил ничего: стол занят, из-за этого я не могу сделать себе привычный послеобеденный кофе. Но я лучше вообще перестану его пить, чем еще хоть раз обращусь к этим тупым мразям – и они и не подумают уступить мне стол и перейти играть на шконку...

12.2.14., 8-й час утра (до завтрака)

Вечер вчера выдался бурным, – после ужина явился вдруг Бабушкин, а с ним – два зама начальника, Сорока и Горбачев. Вошел в камеру – и начал, как всегда, с опроса быдла: какой отдел задерживал, сколько дней держали, дали ли позвонить, и т.д., а потом спросил – есть ли еще какие вопросы. Быдлотаксист спросил, только ли родственникам дают свиданки, пожаловался, что следователь не дает его гражданской жене (той самой родственнице Никиты Тихонова – убийцы Маркелова и Бабуровой), – Бабушкин посоветовал ему написать заявление на свиданку, а мы, мол, со своей стороны, объясним следователю (или поправим – не помню точно, как он сказал).

Потом Бабушкин вывел меня из камеры (молодец, – сам, без напоминаний), мы с ним пошли в коридор, к окошку, оба зама с нами. На мое сообщение, что я ходил к Сороке на днях, он указал мне на присутствующего тут же Сороку (которого в шапке я просто не узнал), я стал говорить с ним. Он сказал, что быдлотаксист приходил утром на прием (именно к нему, а не к Хореву, как тот думал), просил развинтить окно. Я стал его просить не развинчивать (а со слов быдлотаксиста, Сорока утром ему про окно ответил неопределенно: мол, зайдут, посмотрят), а самого этого просителя убрать из камеры. Тот обещал твердо; а по поводу окна – тут же непрошено вмешался Бабушкин со своими общими нормами: что, мол, окно таки должно открываться, проветриваться во избежание болезней, и т.п.

На мой вопрос выяснилось, что обвинение по моему делу Бабушкин так и не видел, – весьма похоже просто на саботаж, на дешевые отмазки, т.к. с лета я Бородина и Агафонова несколько раз просил ему послать на мыло, – у меня, говорит, всю почту получает помощник, и т.д. Не хочет помогать по делу – вот и отмазывается, похоже. Записал, когда ближайший «суд» и во сколько. Неожиданно заинтересовалась моим делом бывшая с ним девушка, – как выяснилось, корреспондент «МК», работает там больше десяти лет, но Карамьяна не знает. Я передал через нее привет Муждабаеву (едва ли, впрочем, она передаст), вкратце сказал, как в 1995 г. пытался туда устроиться, приходил к Поэгли, и т.д., а из дела своего сообщил самое сочное, – «оправдание терроризма народовольцев, убивших Александра II», призывы срыть Москву и затопить ее водой, сказал, кто был доносчиком по делу – и дал телефон адвоката. Не льщу себя, впрочем, никакой надеждой, что «МК» напишет о моем деле хоть строчку... :))

Пришел в камеру – быдлячонок с любопытством спрашивает, кто это, мол, такой. Я сказал – и понеслось!.. Быдлотаксист, многожды сетуя, что вот пришел Бабушкин – и взбаламутил его, а до этого он, мол, сидел спокойно, – взялся писать эту самую заявку на свиданку, которую бабушкин посоветовал написать. Консультировался, как ее писать, сперва с быдлячком, потом показал и мне, спросил, нормально ли. Много рассказывал об ужасах башкирских лагерей – и сказал, что телефон Бабушкина надо на всякий случай взять, пусть мать звонит, если будет совсем уж беспредел. По всему видно, что с правозащитниками – даже такими полуказёнными, как Бабушкин – столкнулся впервые. Короче, визит Бабушкина стал поводом, по которому мы с быдлотаксистом снова стали в камере разговаривать, – этого не было, по моим вчера же дневным воспоминаниям, целую неделю, – с 4-го февраля, когда утром пришли и заделали окно. Я-то не нуждаюсь в разговорах с этим тупым православным чмом, а тот сугубо гопнический стиль, в котором он общается с быдлячком за их играми, чифиром, телепросмотрами и пр., вообще вызывает у меня глубокое омерзение. Вчера же – со мной, понятно, он разговаривает не так хамски и гопнически – проговорили, считай, целый вечер – о том, можно ли доказать, что «спайс» ему в карман подложили менты, о том, как бороться с беспределом башкирских лагерей, и т.д. Не знаю уж, как будет сегодня.

Большое недоумение и огорчение вчерашнего дня, – ни магазин, ни «ресторан» почему-то не носили вообще! Не кидали коробки в коридоре, не вскрывали их, и т.д. – стояла полная тишина. Мать как раз 10-го, в понедельник, должна была много заказать, – и я, придя из бани, потому и не торопился особо с кофе – ждал, что сейчас принесут «ресторан», съем сперва

свою котлету по-киевски... :)) Не принесли почему-то. Кофе, слава богу, потом все же попил, когда они сделали перерыв в своих нардах. На ужин – яйца и масло накануне кончились, но, слава богу, были хлеб, колбаса и «Виола». Надеюсь, будут разносить хоть сегодня, – но, если я в это время буду у адвоката (вчера не пришел – значит, должен сегодня), то магазин эта мелкая дура-магазинщица сокамерничкам опять не отдаст... Но, надо признаться, после визита Бабушкина – настроение вчера вечером и сейчас вот, утром, стало хоть чуть-чуть получше (размечтался про «МК», ага!.. :) , хотя, разумеется, никаких оснований к этому нет. Сидеть мне осталось еще 2287 дней...

17-30

Мрази!.. Ненавижу!!! Проклятая быдлострана!.. Всё в ней – для быдла и только для быдла!.. Будьте вы прокляты, вся эта вчерашняя компания – Сорока, Горбачев, Бабушкин... Не иначе, как из-за этой суки Бабушкина, который полез учить, когда я просил Сороку не трогать больше окно, – сегодня после обеда пришел-таки «мусор» с хозотрядовцем и дрелью, – и хозотрядовец раскрутил-таки назад окно, ту самую не прибитую вообще форточку. Суки е...ные!.. Будьте вы все прокляты, блядво тупое, свинобыдло!.. Я просил заделать полтора месяца, а быдлотаксисту достаточно оказалось сходить один раз, попросить – и вот вам тут же, на блюдечке!.. Не говоря уж о том, что ни быдлотаксиста, ни телевизор отсюда убрать тот же Сорока даже не подумал!.. Суки все... Ну а Бородин, обещавший быть во вторник или среду, – Бородин и сегодня так и не пришел!.. Единственное, что было сегодня положительного, – магазин и «ресторан» наконец принесли... Свинская страна, будь ты проклята!..

15.2.14., 8-й час утра (до завтрака)

Съездил вчера опять на «суд». Не было прокурора – «занят в другом процессе» – и опять отложили, аж на 27-е. Отлично! :) Из нового – были только новые «мусора», один из которых якобы меня узнал – видел в Мосгор«суде» в июне, когда меня единственный раз туда привозили, – и всё пытался навязать мне такие же порядки, какие царят у этих мразей в Мосгор«суде», – раздели, суки, почти догола, заставили снять носки, и т.д., и даже бутылку с пепси-колой не дали в камеру, – там так и делают, но здесь-то я бутылку всегда брал с собой. Тупые мрази, всех бы вас перестрелял своими руками, недочеловеки, русское свинобыдло в мусорской форме, грязные свиньи!.. Зато – не шмонали вечером в тюрьме, тех, кто сидел на «красной» сборке – семь человек – «подняли» прямо так. Остальных-то шмонали, а про нас, видимо, забыли. :)

И на днях еще, и вчера почти весь день, пока ехали, пока там сидели, –

вспоминал я этот день десять лет назад, в 2004. Вспоминалось как идиллия, – с утра я куда-то ездил, не помню уже, куда; потом, купив по дороге торт и, м.б., как раз вот того беленького плюшевого зайчика, наш символ, поехал к Ленке своей, поздравлять ее с днем всех влюбленных. Она гуляла, как всегда, во дворе со своим пуделем, тогда еще живым, и я, помню, с этим тортом в руках гулял вместе с ней. Было не холодно, падал мягкий снежок, и – остро, отчетливо запомнилось, и сейчас, через десять лет, я ярко, с мучительной ясностью его вспоминаю, – чувство умиротворенности и покоя на этой прогулке; непередаваемо приятное ощущение того, что всё у меня в жизни хорошо и спокойно, и настроение хорошее... Это было за три (почти) месяца до моего отъезда в Киев, с которого – и вот уже на десять лет – оказалась полностью сломана вся моя хоть сколько-то спокойная и нормальная жизнь... И вот потому-то, наверное, так саднит в душе это теплое воспоминание: Ленка в своей детской черной шубе, я с тортом в руках, ее пудель, хорошо знакомый уже школьный двор, домаА вокруг и этот мягкий, падающий снежок. Боже, как хорошо тогда было!.. – и повторится ли это ощущение тихого счастья, покоя и умиротворенности в моей жизни хоть когда-нибудь?.. Потом мы пошли к ней – обедать, пить чай, весь тот день я провел у нее, – а вот теперь не знаю даже, надо ли было писать всё это сейчас, вспоминать лишний раз, беречь душу...

Позавчера прямо с проверки мелкого сучонка-быдлячонка забрал к себе мразь опер, к которому на прием быдлячонок писал заявление еще с воскресенья. Вопрос с окном, увы, уже разрешился не в мою пользу; но быдлячонок принес другую ошеломительную новость: опер, оказывается, сказал ему, что сегодня-завтра (позавчера-вчера) заберет у нас быдловизор, , т.к., мол, поступают жалобы на то, что он мешает. Сообщил при этом, что два быдловизора он уже у кого-то забрал (видел их в кабинете, или мразь опер сам сообщил ему об этом?) – и тут же стал спрашивать меня, зачем я жалуюсь, – мол, если тебе мешает, ты скажи, мы сделаем потише. Свиньи тупые, сделаете вы, как же, – вам говори, не говори, один хрен, и если бы не каретниковские беруши, я сейчас изнемогал бы по ночам так же, как это было осенью. Я ему ответил, что это «мусорская» провокация, я никуда не жаловался, с опером этим вообще не разговаривал с того года еще, и что никуда он их обожаемый быдловизор не заберет (а очень жаль!..) – а сам стал думать, следствие ли это моей последней просьбы на приеме у Сороки, или же реально провокационная самодеятельность опера. Похоже, все-таки второе: если бы ему сказало начальство забрать, он бы просто пришел и забрал, а не предупреждал бы и не пугал. Когда мы во второй раз говорили с Сорокой при Бабушкине, про быдловизор вообще речь не заходила, я просто

не вспомнил о нем, поглощенный темой окна; а при предыдущем разговоре – Сорока даже не обещал, что уберет быдловизор. То бишь, этот ублюдок опер просто пугает и играет на нервах, – так же, как тем летом он всё время обещал с усмешкой посадить меня в карцер...

Пришел вчера в камеру рано – было только девять вечера. Быдлотаксист смотрел по ТВ «фильм» к 25-летию вывода советских оккупационных войск из Афганистана. Вся советская мразь всюду отмечает эту дату, – уже требовали от Думы пересмотреть «негативную» оценку агрессии в Афганистане советским ВС в перестройку; а в фильме этом – набрали советских марионеток, афганцев, учившихся в СССР, работавших на Советы при Наджибулле, эмигрировавших в Рашку от талибов, и т.д. – и все они в один голос твердили, какие, мол, русские оккупанты были добрые, гуманные, ласковые, белые и пушистые, помогали афганцам, строили им школы, дороги, больницы, всё давали, чего ни попросишь, не убивали даже своих противников, не преследовали – подумать только!!! – какого-то командира моджахедов, когда он спрятался на женской половине своего дома, потому что, мол, мужчинам нельзя туда входить!.. :))) Я чуть не умер от смеха, слушая весь этот бред!.. Забегали опять с моющими средствами вокруг черного кобеля (как написала мне недавно Ольга Исаева), пытаюсь отмыть еще одно преступление совка, в процессе тотальной его (совка) нынешней реставрации и реабилитации. (А про американцев все эти русско-афганские марионетки, разумеется, говорили, что те очень плохие и злые... :) Тотальная промывка мозгов такому вот тупому наркоманскому быдлу, как этот быдлотаксист, – как раз достойный потребитель и поглотитель всей этой глупой и лживой пропагандистской стряпни...

Добило же меня окончательно, когда после этого «фильма» показали анонс следующего такого же, но, видимо, еще круче по качеству замеса, – «Биохимия предательства», вечером в понедельник, 17-го. Биохимия пропаганды в мозгах авторов этой стряпни оказалась такой крепости, что в видеоряде анонса – то, что я успел запомнить – мелькнули генерал Власов, американский флаг и... пляшущие в ХХС «Pussy Riot». Тоже, видать, матерые такие «предательницы»!.. :))) Эх, суки!.. Самый лучший кандидат на показ и рассказ в этом «фильме» (хотя бы заочно) – я; недаром же быдлотаксист так шарахнулся, оцепенел и перестал со мной разговаривать, когда я сказал ему как-то, что «предать» в их терминологии) эту гнусную страну есть долг совести каждого честного и порядочного человека. Мало кто здесь ненавидит эту мразь так, как я, и настолько хочет ее уничтожить; но – увы, меня рекламировать, даже как своего врага, эти твари в своей телестряпне не будут – а очень, очень жаль!..

16.2.14., 8-й час утра (до завтрака)

Итак, теперь это быдло в камере открывает окно а ж два раза в день. Вчера утром, перед проверкой – быдлачонок; в четыре часа дня, когда я сел пить кофе, – неожиданно быдлотаксист. В «хате», видите ли, «дым», «туман», «воняет» и т.д. – и эта сумасшедшая мразь вдруг открывает, когда захочет, никого не спрашивая. Дело уже к весне, на улице – а значит, и в камере – не особо холодно, но снять толстые шерстяные носки я не могу: в любой момент они растопырят окно – и сразу же начнет нести по ногам, а бежать тогда одевать носки при них, демонстрируя, насколько я от них завишу, – не хочу, мне это противно...

Таращились, суки, вчера в свой быдловизор до глубокой ночи, так что даже с затычками в ушах я долго ворочался, не мог уснуть: звук убавлял перед тем, как лечь, я сам, но мало; у них орало за 30, а я убавил, дурак, только до 25-ти...

Единственная хорошая новость: вчера они тут вечером захваченно смотрели хоккейный матч Россия-США в рамках нынешней сочинской олимпиады (увы, ее так и не взорвали пока...), а там, в самом Сочи, на стадионе, ее, как было сказано, смотрели Путин, Медведев и всякая прочая мразь. Быдлотаксист прыгал, орал, выл, бесновался по ходу матча, – но все же американцы выиграли! :) Как бы мне ни был безразличен и хоккей, и любой спорт вообще, – пустячок, а приятно... :))

Интересно: мать в пятницу (позавчера) в «суде» успела сказать мне, что она накануне, в четверг, заказывала мне еду; но какую именно – сказать не успела. Когда вечером я вернулся в камеру – эти быдложивотные сообщили, что мне приносили магазин, но не отдали, – обычное дело. Это мог быть как магазин, заказанный в четверг (накануне), так и остатки от понедельника. А вот «ресторан», который мать точно должна была заказать в четверг и который оставляют, даже если меня нет, – странно, не приносили, по их словам. Вопрос: уж не сожрали ли они мой «ресторан» – курицу-гриль, слайки и пр.? А что, вполне могли и сожрать...

11-й час утра (после проверки)

НОбелевские лауреаты, мать их так, мрази е..чие!.. Нарды, окно, быдловизор...

9-й час вечера (после ужина)

Дни тянутся невыносимо долго, а недели пролетают мгновенно, едва успеваешь их замечать. Так же было в прошлый раз...

18.2.14., 7-й час утра (до завтрака)

Была вчера свиданка с матерью. Ничего особенного. Санникова, оказывается, отдала ей 14-го в «суде» мои предыдущие два листа дневника,

но - еще раньше? – сказала определенно, что ничего передавать не будет. Вот мразь!.. Теряется последний – и единственный – смысл моего пребывания здесь: возможность сказать что-то вслух, так, чтобы быть услышанным и рассчитывать на внимание слушателей. Ну погоди, сука лицемерная, отольются тебе мои слезы...

Быдлотаксист вчера вечером очень бесновался, увидя вдруг в новостях Рен-ТВ – и для меня совершенно неожиданно – Николая Баева, с подписью «ЛГБТ-активист», по-моему, – того самого Баева, что постоянно писал новости для храмовских «Контуров», один раз я его видел в Сахаровском центре, а пока я сижу, он на «Контурах» что-то писал и обо мне, кажись. Тема новости была – он подал какой-то иск против полоумного гомофоба Охлобыстина за его призывы к уничтожению геев. Призывы эти быдлотаксист вполне разделяет, – увидев знакомое, очевидно, сочетание букв «ЛГБТ», он зарычал от ярости и стал что-то говорить о желании «сжечь всех геев в печах», кажется. Быдло, мразь, типичный «россиянин», дикий житель этой дикой гомофобской страны, короче; православие головного мозга detected.

Посмотрели они вчера вечером аж два американских фильма подряд, которые оба я здесь уже видел (слышал) за пять месяцев (уже!.. :((( ) пребывания быдловизора в камере. Выключили, как я лег спать (совпадение; потом быдлячонок тихо включал на некоторое время еще, – пришлось-таки вставить беруши), – но и после того, в тишине и покое, я долго не мог уснуть, боялся, что опять не засну всю ночь...

Писем вчера опять не было, – сама она отправила еще 10-го, а Маглеванная, по ее словам, 15-го, в субботу (вчера был понедельник, письмо электронное), – нету!! Зато принесли через спецчасть – не знаю, для чего, я не просил – протокол того «суда», на котором Санникову допустили к моей защите. И – принесли не отданный в пятницу (когда я был в «суде») магазин, а вот «ресторана» так и не было. И когда я приехал из «суда» - подозрительно было набито мусорное ведро, до самого верха, а наверху лежал мой пакет из-под сока, который обычно я туда не кладу, а ставлю рядом. Похоже, эти суки все-таки сожрали мой «ресторан», а коробку от сока положили, чтобы замаскировать там, в ведре, пластиковые коробочки из-под котлеты по-киевски и картофеля фри...

19.2.14., 7-й час утра (до завтрака)

Принесли вчера в обед почту: письма от Маглеванной, Орлеаны, от матери и два письма от Майсуряна – №54 и 55. №51 так и нету, опять пропало. Самая веселенькая новость была в одном из этих его писем: заметка со ссылкой на «Известия» о том, что в «Думу» внесены поправки к

«законам» на тему: ввести отдельное содержание осужденных за «экстремизм» и «терроризм» от остальных заключенных. Казалось бы, хорошо: наконец-то политических будут держать отдельно от уголовников!.. Но: во-первых, только в тюрьме держать, то бишь на самом жестком из возможных режимов; во-вторых же – откуда-то уже известно, где именно будет эта тюрьма: г. Енисейск Красноярского края. И даже фотка ее приведена...

Таким образом, можно считать, что моя судьба на ближайшие годы определилась. Принять они примут, раз задумали в этом сомнения нет, и, скорее всего, прямо в этом году. То бишь, даже если и удастся договориться через Сороку об этапе в какой-нибудь Липецк, Смоленск или Ярославль, то всё равно потом оттуда повезут в Красноярск, – жутким этапом на несколько месяцев, через кучу промежуточных городов... И в камере в этом Енисейске нельзя будет весь день лечь, и жрать тоже будет нечего, кроме баланды... Веселенькое будущее – и не факт, что я его переживу...

Бородин так и не пришел вчера, жду сегодня. Окно по утрам эти суки открывают теперь попеременно – то один, то другой – но неизменно, как открывал и владимирский быдляр. А как я радовался, когда его убрали, что хоть эти ежеутренние открывания прекратились... Еще паршивая новость: начал вчера вечером, пока не очень сильно, опять ныть зуб, тот самый, что болел всё лето и начало осени. Ну и – если не путаю, то именно сегодня ровно год с того дня, как я, еще в 408-й, со слов волгоградского засранца решил, что сегодня меня переведут оттуда в большую камеру, и весь вечер дико нервничал, ожидая этого, да еще и (поскольку был собственный телефон) надумал позвонить Мане, передать через нее (больше не через кого было) предупреждение о переводе матери, – с чего, собственно, и началось наше с ней новое общение после больше чем 2,5 месяцев перерыва.

Кстати, если закатают в енисейскую тюрьму, то вопрос о (не)ведении там дневника решится сам собой, – там его просто некому будет отдавать; да и любые тексты бессмысленно будет писать при полном отсутствии любых каналов на волю...

20.2.14., 6-40

Опять невероятные, потрясающие события в Киеве и вообще в Украине – тема №1 этих дней!.. Неудавшаяся очередная попытка ночного разгона Майдана, сторевший БТР (эти суки, промоскальский режим, все-таки бросили на народ БТРы!..), захват восставшим народом зданий в Киеве и городах Западной Украины, отчаянная и бесстрашная борьба, упорная и бескомпромиссная, до победы или до смерти, – чего так не хватает здесь, в России, москальскому этому быдлу, даже «оппозиция» у которого состоит из

рабов... Браво, украинцы!!! Вы герои, и я мысленно, духом своим и сознанием, всей душой и всем сердцем – с вами!! Дико жаль, невыносимо обидно, что не могу участвовать лично в вашей великой национальной революции...

Чудовищная истерика москальских пропагандистов на всех их телеканалах!.. От Путина, Пескова и Лаврушки (МИД) – до рядовых телебrehунов. Собрали вчера, в среду, аж внеочередной (!) «Воскресный (! :) вечер с Владимиром Соловьевым», на котором были все только свои – Затулин (главный «спец» по Украине, по подготовке ее новой оккупации, еще в 90-е), Яровая, Никонов (внук Молотова) и пр., а в качестве украинца – Олесь Бузина, мразь, оскорблявшая там Шевченко и битая за это народом по физиономии. Выли, визжали, камлали и заклинали – все почти что их выступления были на одну тему – Януковича применить наконец силу, ввести чрезвычайное положение, бросить (открыто не говорили, но и так понятно) танки на митингующих, как на Тяньаньмынь в 89-м. Кто-то – Никонов? – спел целую хвалебную одну «сильному государству», – мол, как хорошо, что у нас есть традиция сильного государства (тоталитарного и стоящего на костях подданных, – но этого он, конечно, не сказал), как отлично, что у нас есть такие спецслужбы, «корпус законов» – тоталитарных, охранительных и репрессивных, по которым сижу, в частности, я, – и т.д. и т.п., а в Украине, мол, всего этого нет, так что Янукович должен, якобы, танками и ЧП спасти ее от распада, – этот сценарий распада они все, москали, упорно навязывают, требуя, кроме прочего, сделать из единой Украины «федерацию» ее запада, востока, Крыма и т.д., но при этом столь же упорно приписывают желание распада Украины радикалам из оппозиции, – им-то это зачем?.. В общем, имперские мрази эти несли агрессивный бред, от которого у меня вяли уши и разбирал смех, – в частности, все сводилось у них к тому, что, мол, если в Украине начнется гражданская война, то москали на своих танках ну просто не смогут не вмешаться, – ну да, для них любой предлог стодится, для этих вековых оккупантов и убийц!.. Не было только Жирика, короче, но в его духе успешно несли имперско-реваншистскую пургу все остальные.

Тупой быдлотаксист всё время этого «Воскресного вечера» отпуская – перемежая их обычными для него криками: «П...ц!! П...ц!!!» – реплики, полные ненависти к украинцам и желания задавить их москальскими танками. Говорилось всё это явно в расчёте на меня, но я молчал, только смеялся про себя этому их бреду. Когда же в конце сказали, что это был внеочередной выпуск «Воскресного вечера», в среду, не дожидаясь воскресенья, – меня разобрал такой смех, уже в голос, что он немедленно ко

мне прицепился, не выдержал, – над чем это, мол, я смеюсь. Я кратенько высказал свое отношение к участникам прослушанной передачи и к их позиции по Украине – и он тут же стал возмущенно спрашивать, за что же это я так ненавижу Россию, – ведь она же меня «родила» (!!!), «воспитала» (!!!), ну и, конечно же, «дала мне образование» :)))))). Увы, жаль, но дискуссия почему-то не развилась должным образом, ответить на этот бред верноподданного раба, которому родное государство наркоту в карман пихает и в тюрьму сажает, а он продолжает его любить и прославлять, я просто не успел, а очень жаль. Эта их девственная чистота и тотальная промытость мозгов, когда даже не знаешь, с чего, собственно, начать отвечать, потому что они не знают о своей стране буквально ничего, кроме парадно-пропагандистской версии ее истории (на нас, мол, всегда все нападали, а мы только защищались, – и, «защищаясь», как-то незаметно расширили свою территорию до Тихого океана), – просто умиляет... :))

Вечером, уже ночью, точнее, когда я ел на ужин курицу и нарочно старался это делать подольше, тянул время, дабы дожидаться конца их очередного фильма по Рен-ТВ и не спать под него (но это в итоге мне не удалось), им опять дали позвонить, – сверху на дыру в потолке, через которую проходит стояк батареи, положили телефон и включили громкую связь. Оба дозвонились сестрам и долго общались с ними, клянча денег на счет, сигарет, чая и т.п. Быдлотаксист всё пытался дозвониться гражданской жене, но без толку, – похоже, она его просто заблокировала, не хочет говорить, от чего он был сильно расстроен и обескуражен.

Окно эти мрази открывали вчера раза три, весь день, с утра – и до этих вот ночных телефонных бдений. Зато хоть нарды им в обед опять не дали, так что хоть кофе я пил спокойно и вовремя.

Приходил с утра Бородин, принес распечатки моего «тифаретника». Ах, Миша, Миша, какой же мразью ты всё-таки оказался!.. Стих на восемь строк, замечка об Украине, – всего, что отдавал в последний раз, естественно, на блоге нет! Верен своему слову, ублюдок! И не только в этом верен, – в стихе «Правозащитное» пропущена аж целая строчка в одной строфе! Как теперь это исправить, вообще непонятно, – разве что попытаться через Маглеванную. Вместе с Бородиным и Санниковой – эти суки заткнули-таки мне рот, мрази, и довольны! И это, видимо, надолго теперь, – была у меня слабенькая надежда, что, м.б., найду я других людей для отправки и набивки, приехав на зону, – или телефон там будет, или, м.б., даже канал для выноса писем за зону, – но теперь ясно, что если срок мотать придется в Енисейской тюрьме, да даже и не обязательно Енисейской, если даже и ближе, – ничего этого там, естественно, не будет. Глухое, мертвое молчание,

кляп во рту до самого 2020 года, – причем кляп, вставленный «лучшими друзьями»! Вот уж поистине, страна мрази и быдла, ни на кого тут положиться нельзя, одни рабы, подонки и предатели вокруг. Проклятая, омерзительная свинобыдлоимперия, когда же ты, наконец, сдохнешь!..

22.2.14., 8-й час утра (до завтрака)

Два последних дня, позавчера и вчера, прошли здесь на удивление тихо и спокойно. Позавчера не было вообще никаких событий. Вчера с утра, еще до проверки, дурачка быдлотаксиста вызвали «на следствие», – оказалось, следователь прямо в тюрьму лично принес ему обвинительное заключение, так что вскоре он, увы, вернулся. В обед принесли письма о Орлеаны, Лены Маглеванной – от обеих по второму разу за неделю, очень круто! – и наконец-то от Мани, где она прежним, вполне ласковым тоном просит все-таки называть ее в среднем роде, раз уж я когда-то начал. Так что, считай, не зря я написал ей месяц (уже месяц!..) назад то письмо с извинениями, – и не жалею о нем.

Главное же событие вчерашнего дня, – это, конечно, победа украинской революции! К изумлению, похоже, не только москальских телекомментаторов, но и всего мира – Янукович на переговорах с оппозицией вчера заявил, что ради мира в стране он сам инициирует досрочные президентские выборы и возвращение к конституции Украины 2004 года, перераспределяющей власть в пользу парламента. Президентские же выборы, как сразу все заговорили, должны пройти почему-то в декабре, не раньше, – то бишь, не так уж задолго до очередных выборов, которые и так намечались на 2015 год. Сперва неожиданное решение Януковича показалось мне победой оппозиции в чистом виде; но потом подумалось – от него ведь требовали, чтобы он ушел в отставку немедленно, и вполне может быть, что кампания «Правого сектора» за его немедленную отставку продолжится, что радикальное крыло революционеров не захочет ждать еще почти целый год, до декабря. Что ж, посмотрим, это, надеюсь, можно будет как-то узнать даже по архилживому москальскому ТВ.

Единственное неприятное, что было за эти два дня, – мрази-сокамернички, конечно же, постоянно открывали окно, не довольствуясь одним разом – с утра, перед проверкой. Хорошо еще, что на улице сейчас днем стоит плюсовая температура, – оттепель. Ну и – конечно, два дня крайне неприятных мыслей о том, как я буду в этой тюрьме в Енисейске, без свиданок и передач, на одной баланде... Всем трем написал вчера об этом, – посмотрим, что ответят. 2277 дней мне осталось, если что...

23.2.14., 7-й час утра (до завтрака)

Боже, как тошно, как невыносимо... Вчера был великий день – день победы революции в Украине. Главная, потрясающая новость вчерашнего вечера – Юлия Тимошенко на свободе! Ее освободили постановлением Верховной Рады из харьковской тюремной больницы – и вскоре она уже выступала в Киеве на Майдане, заявив, что будет участвовать и в президентских выборах. Верховная Рада фактически низложила Януковича, назначила досрочные президентские выборы на 25 мая, расставила на все ключевые посты – от спикера Рады до министра внутренних дел – своих людей. Москальское ТВ объясняло, что кворум был достигнут за счет того, что часть депутатов от Партии регионов вышли из своей фракции – и из партии, как я понял, тоже, – так что управляет сейчас Украиной, что очень важно подчеркнуть, легитимный парламент, а подписывает принятые законы вместо Януковича новый спикер ВР Турчинов, старый батькивщиновец. В то же время Янукович сбежал в Харьков, отказался уходить в отставку, вокруг него там уже собираются какие-то ополчения, проходят съезды нардепов Юго-Востока Украины, сервильных не столько Януковичу, сколько Москве, на этих съездах все выступают по-русски и машут российскими триколорами, – и нет уверенности, что вся эта шобла не двинет еще оттуда танки на Киев. Москальская пропаганда упорно воеет об опасности раскола Украины из-за действий революционеров, – и, похоже, именно этот сценарий Москва будет упорно навязывать, чтобы захватить если уж не всю Украину, то хотя бы ее восточную часть.

Я же весь этот великий вчерашний день провел в опостылевшей до смерти тюремной камере. Тянулся он бесконечно, выматывая всю душу и все нервы. Мрази раза три за день открывали окно, – вплоть до ночи, когда я ужинал в 12-м часу. На улице сейчас оттепель, но из-за их постоянных внезапных открываний я не могу снять, например, шерстяные носки, не говоря уж о теплых подштанниках... До обеда эти мрази-быдлосокамернички дрыхли, потом – переругивались весь день, что именно им смотреть по быдловизору, и тупо таращились то в омерзительные ментовские быдлосериалы по НТВ, то в блевотные быдлоюмористические, совершенно не смешные «Уральские пельмени» по СТС. От того и другого у меня весь день было явно угнетенное, подавленное состояние, – смотреть не смотрю, но слушать-то приходится... В первом часу ночи, как всегда, пошел самый разгар, – начали смотреть какой-то фильм, потом переключили на другой; я лег спать с затычками в ушах, и, слава богу, удалось немного поспать – хоть два или три часа. Проснулся – быдлотаксист уже дрых, а вот быдлячонок, как ни в чем не бывало, лежал и смотрел, – уже

что-то другое, видимо. Было, я прикинул, часа четыре ночи, – вскоре после того, как он наконец выключил и лег, я еще покрутился с боку на бок, – и тут зажгли свет! Тупые мрази, ублюдки, говорящие куски дерьма, сгустки биомассы, телезрители и проветриватели, бессмысленное свинобыдло, которому я лично, своими руками, с удовольствием отрезал бы их тупые бошки или сжег бы живьем в печах крематория... Будьте вы прокляты, мрази, и вся эта мерзкая быдлострана ублюдков и мрази, тупая свинская империя – будь проклята! Да здравствует украинская национальная революция!!!

24.2.14., 8-й час утра (до завтрака)

И вчера всё было так же, как до этого: открывали окно, смотрели говно (разве что спать оба легли раньше, выключив свой быдловизор). Особенно пёрли им весь вечер фильмы по ТВЦ про войну в Чечне, где убийцы, террористы и оккупанты в российской форме изображены, разумеется, героями, – пёрли настолько, что даже закрытие сочинской олимпиады эти животные из-за фильмов не стали смотреть.

Революция в Украине, похоже, победила окончательно и бесповоротно, Янукович уже никому не интересен, кроме москальских телекомментаторов, привычно «разоблачающих» Запад, – будто бы тот всех купил или как-то обманул – так, что, мол, герои Майдана воюют сейчас на улицах Киева исключительно за интересы США и ЕС. :))) Впрочем, в голосах москальских пропагандистов вчера неожиданно появились и нотки сомнения: устоит ли (промосковский) Юго-Восток перед напором Западной (как они уверяют, а на самом деле – всей, кроме Донбасса и Крыма) Украины? Конечно, не устоит, плакали ваши надежды на харьковско-севастопольский имперский реванш, москалики!..

М.б., главное событие вчерашнего дня, – утром, до проверки еще, пришло мне в голову написать Олегу Медунице, которого в 2004 знал я в Киеве как, кажись, главу МНК, а в 2012 он был избран депутатом Рады от «Батькивщины». Типа, выразить горячую солидарность с их революцией и попросить как-то высказаться в мою защиту. Написал после проверки, приклеил на конверт марку за 25 рублей, вечером отдал. Взять его взяли, и, м.б., даже оно до ВР дойдет – без индекса и номера дома по ул. Грушевского, которые я не помню, – но 99,999%, что никакого ответа на него, и вообще никакой реакции в Украине, никаких упоминаний обо мне – не будет, естественно. Написал просто для очистки совести, чтобы сделать перед самим собой вид, что что-то предпринимаю, использую любые возможности, – хотя и знаю прекрасно, что жизнь прошла, и что никому в этом мире я не нужен, и защищать меня некому, и лишь шесть с лишним

лет срока (в Енисейской тюрьме причем), лишь 2275 дней неволи еще впереди...

около 5ч. вечера (после обеда)

Так никто и не пришел, – ни Санникова, ни – тем паче – Бородин. Вот как на них полагаться... В Украине полная победа революции, и.о. президента – Турчинов. Янукович объявлен МВД в розыск. Губернаторы западных областей ушли в отставку, бузит только харьковский Добкин и мэр Кернес, – оба евреи, суки, промоскальская мразь. Такое же позорище, как в Латвии, – евреи всегда за москалей... :(((Объявлен приговор по «болотному делу» – от трех лет условно Духаниной до четырех лет реально Кривову. Позор!.. Правда, по полтора года и больше все уже сидят, осталось не так им много, как мне...

28.2.14., 7-й час утра (до завтрака)

Ездил вчера опять в «суд». «Мусора» были уже другие, не те, что в прошлый раз, рук мне не сковывали, – наоборот, очень любезно помогали мне спуститься из машины; раздеваться при шмоне тоже не заставляли; правда, один из них все равно запрещал в зале «суда» общаться с матерью и пр. В конвоирке сидели втроем, в том числе парень, ездивший со мной и в тот раз, – еще тогда, в машине, он сказал, что толстенная книга у него в руках – «Архипелаг ГУЛАГ» в одном томе. Сейчас он до моего ухода «в зал» спал, а я читал этот томище; после моего прихода мы с ним больше сидели и беседовали «за жизнь», – обо всем, от легализации наркотиков до моего участия в выборах в «КС оппозиции» в 2012 г. Ему оказалось всего 22 года, он не полный идиот, сидит первый раз за наркоту – и убежден, что чтение книг и вообще просвещение надо навязывать людям (молодежи) силой, как в совке...

Прокурор наконец-то «представил доказательства обвинения» из последнего, девятого тома дела. Трепашкин заявил ходатайство о вызове «экспертов», писавших ту бредовую «экспертизу», на которой все «дело» и основано. Прокурор был против, но «судья» все же согласился. Когда я отвечал на какой-то его вопрос, что я поддерживаю ходатайство защиты, кажись, – он мне сказал: «Ну вы хоть встаньте», – как-то так; на что я ему тотчас ответил: «Вы не стОите того, чтобы перед вами вставать», – что, по-видимому, ему очень не понравилось. :) Конечно же, не забыли продлить мне и «меру пресечения» в виде ареста, – на три месяца, до 28 мая; оказалось, что после истечения первых шести месяцев ареста под «судом» дальше можно продлевать только на три месяца каждый раз.

Самое же неприятное – эта мразь «судья» фактически заставила Трепашкина согласиться на назначение следующего заседания всего лишь

через неделю, 6-го марта, в следующий четверг. Мол, у него там в этот день есть «окошко» в графике, а дальше всё расписано на два месяца вперед. Заседание назначил на 17 часов, – то бишь, в 11 где-то привезут, и весь день сидеть в конвоирке, ждать!.. :(((Трепашкин, у которого в этот день были уже назначены какие-то другие «суды», сказал мне, правда, что не уверен, успеет ли приехать; если же не успеет, пришлет телеграмму. Так что поездочка в следующий четверг намечается не только мучительная, – те же многочасовые сидения на сборках м в конвоирках, та же тряска в автозаке, что и всегда, – но и бессмысленная с точки зрения «дела»...

Пока «судья» стряпал у себя в задней комнате постановление о продлении моего ареста, я прямо в клетке говорил с Трепашкиным и Санниковой, стоящими рядом. Санникова сказала, что она смотрела прямую трансляцию с киевского Майдана, – там и картинка совсем другая, чем показывают по ТВ, и вообще, видно, насколько ТВ безбожно врет. Я, впрочем, этим совсем не удивлен. Трепашкин же вспоминал, как у них в КГБ реагировали на угрозу нападения в августе 1991 г., говорил о «бандитах» в Киеве, Крыму и т.д., о нападениях сторонников Майдана на его противников, и т.д., – вообще, чувствовалось, что он, как бывший КГБ-шник, не очень-то рад украинской революции и не очень-то приветствует революционеров-националистов, что было очень забавно слушать...

Из «суда» поехали – удивительное дело! – напрямиком в тюрьму. На этот раз таки пришлось раздеваться для шмона. В камеру «подняли» в десять вечера, и как раз погасили свет. Быдлотаксист и тут не сказал мне ни слова (он со мной не разговаривает :), немного расспросил меня о том, что было в «суде», быдлячонок. Зато – смотрю, быдлотаксист дождался наконец-то своего магазина, который – по телефону накануне узнал-таки! – сестра по инету заказала ему еще на выходных. Сгущенкой, конфетами и сахаром-песком забил всю полочку в шкафу, где испокон веков, с марта 2013, стояли мои миски и кружка, – и запихнул их в мою половинку шкафчика, впереди всего, распихав майонез, кетчуп, колбасу и пр. так, что ничего стало не найти. На полке же выше у них, видите ли, лежат буханки казенного хлеба – и ими одними занята вся полка!.. Я подвинул их хлеба и свои миски с кружкой поставил туда. А эта мразь – сразу ясно, что много сахара ей принесли – уже спрашивает быдлячонок, сколько, мол, надо ждать, чтобы заплесневел хлеб, – ясно, что собирается «ставить» брагу. Это только подвигает меня в понедельник, 3-го марта, идти опять (написав и отдав с вечера заявление) к начальству, – просить, чтобы эту мразь убрали отсюда. Но – я заранее знаю, что всё равно не уберут, как не убрали и в прошлый раз... :(((

Писем так и не было и вчера. Ни писем, ни журналов, которые Бородин (он таки приходил во вторник, 25-го) опустил в повешенный опять почтовый ящик в магазине. Вера Лаврешина сказала мне в «суде», что написала мне письмо – обычное, в конверте – с неделю назад, – нет и его!.. Мать сказала, что меня таки подписали на «The New Times», – что ж, ждём-с!..

Накануне ночью, когда они опять звонили через дыру с 637-й камерой, по громкой связи, а заодно и клянчили там весь день курево, – быдлячонок через 637 же дозвонился вдруг некий «смотрящий за карантинном», что ли, – короче, кто-то из блатных этой тюрьмы. Узнал, что у быдлячонка «нужда во всем», нет курева и пр. – и предложил ему распускать какое-то тряпье (носки?) и шить «КИшки» для их «дорог» – длинные узкие мешочки, в которых они свое курево, чай и пр. таскают по «дорогам», как раз такого размера, чтобы мешочки пролезали в решетку. Видимо, иголку для этого шитья ему тоже обещали «загнать», т.к. он сказал этому блатному, что иголки у них нет, а у меня не стал ее просить, как раньше просил для зашивания одежды, – хорошо, хоть на это ума хватило...

За две ночи до моей вчерашней поездки вдруг опять сломались почему-то ночники на всем «корпусе», «мусора» опять зажгли нам часов в 11 свет, до этого все же погашенный одним из них (без всякого ночника), – и долговязый быдлотаксист, взгромоздясь на стол, обмотал решетчатый короб, которым в мае того года здесь снабдили лампу дневного света на потолке, газетами в несколько слоев. Получилось темно, почти так же, как и без верхнего света, с одним ночником, я даже заснул опять уже после шести утра. Слава богу, на следующую ночь ночник починили: а часть газет этот дятел снял уже и днем – ему, видите ли, темно...

МАРТ 2014

1.3.14., 8-й час утра (до завтрака)

Суббота. Начало весны... Вчера четко, документально подтвердилось, что быдлотаксист в камере меня ненавидит (я знал, конечно, и так). Я отказался расписаться за «дежурство», быдлячонок почему-то (вопреки теперешнему обыкновению) не расписался тоже за меня. А потом, днем, когда они оба сидели за столом (играли в домино?), быдлячонок спросил: а почему, мол, мы сегодня не написали нарды? Быдлотаксист же ответил – негромко, но так, чтобы я услышал: «Потому что сегодня хуеплёт дежурный».

За что же эта нечисть меня ненавидит? Думаю, не только за то, что я ненавижу их империю, их ГБ-шное «православие», их шовинизм и реваншизм и поддерживаю/считаю героями всех, кого это быдло по их быдлоТВ учат ненавидеть: Майдан, «Правый сектор», Бандеру, Шухевича, Власова Саакашвили, ЛГБТ (впрочем, ЛГБТ мы в первоначальных, когда оно только заехало, спорах не касались, про ЛГБТ оно может и не знать). А еще и – из чистой, примитивной зависти. Я ем у него на глазах через день курицу-гриль, а оно – кашу, капусту, ну – самое лучшее – кусочек вареного мяса из диеты быдлячонка. Мне приносят жратву (магазин и «ресторан») два-три раза в неделю, ему – раз в месяц (он, правда, как всё это эковское быдло, просил последний раз сестру по телефону заказать ему только чай, курево и «сладкое», – больше ничего, мол, не нужно, – традиционный быдлонабор). Та же история, что и с буреполомскими мразями, с которыми никогда никаких политических дискуссий я там не вел, а ненавидели они меня за то, что я с ними колбасой не делюсь, и некоторые открыто это говорили...

«Открыватели окна, телезрители говна», – всё это тоже продолжается. Какой именно фильм смотреть, постоянно собачатся между собой (каналов-то много...), но, в любом случае, смотрят далеко за полночь каждый день, – меня спасают только беруши, и то не полностью. Окно открывают тоже по системе, которую я теперь более-менее установил. Первое за день открывание – перед проверкой, независимо от того, что я делаю (сижусь на шконке обычно). Дальше – в те минуты, когда меня на шконке, под самой форточкой, нет, а сижу я, как правило, за столом, ем. То бишь, еще два открывания в день обязательно – когда я около семи вечера ем казенный ужин, и потом, около 12 ночи – когда ем свой. А могут и в обед тоже открыть, – благо, ведь эта мразь теперь со мной за стол не садится, ждут, когда я поем, а потом они садятся вместе. Это тоже, естественно, способ выразить мне свое отношение (на которое мне плевать), учитывая, что в самые первые дни быдлотаксист, помнится, садился есть со мной на

свободное место...

Тошно, гнусно, горько, невыносимо здесь. Шесть лет и 2,5 месяца ужаса еще впереди. 2270 дней. Будь всё проклято, и эта моя неудачная, непутевая, никчемная жизнь – прежде всего!..

2.3.14., 7-й час утра (до завтрака)

Весь вечер вчера, до ночи, это тупое наркоманское свинобыдло из Башкирии почти что открыто глумилось надо мной, – вслух, глумливо, комментировало дауну-быдлячонку поступающие по их быдлоТВ новости из Крыма и про Крым, а также про Харьков. Новости были омерзительные: в Харькове местные москали захватили здание обладминистрации, до этого бывшее под контролем украинцев; а Путин в Москве обратился в свой «совет федерации» – и, разумеется, тотчас получил их единогласное разрешение использовать русскую военщину против украинцев в Украине. То бишь, и так очевидное участие русского бандфлота в попытке захвата Крыма теперь формально узаконено.

Быдлотаксист под эти новости весь вечер бесновался, вопил и выл проклятия «фашистам», которых он «оскорблял» самым «страшным» москальским «ругательством» – «пидорасы» :))) ; вопил то свой любимый «п...ц!», то «ништяк!» - в ответ на любые слова о намерении москалей захватить себе Крым. В простоте своей открыто выразил потаённые (но всем понятные) намерения путинской банды: «Мы сейчас под шумок отжуём у них Крым» – и будем, мол, туда ездить без таможни. Притихли немного оба идиота лишь тогда, когда им показали короткое интервью с Сашко Билым, героем еще первой русско-чеченской войны, держащим автомат и обещающим, что вскоре он возьмет под свой контроль Юг и Восток Украины. Он-то сказал это как нечто само собой разумеющееся, но быдло, чувствуется, испугалось, – и по ту сторону экрана (берущее интервью), и по эту. :))) Сучонок-быдлячонок был теперь уже, надо сказать, полностью на стороне быдлотаксиста, вместе с ним открыто радовался, что, мол, «Украине – ... !» (все свои «прогнозы» и пожелания они выражали, разумеется, самым грубым москальским матом), поддерживал ругань в адрес «фашистов», и т.п., тогда как раньше – отчасти под моим влиянием и, конечно, настолько, насколько это может явный даун – симпатизировал украинской революции.

Увы, у быдлотаксиста ничего не вышло!.. :))) Провокация сорвалась... Сколько бы он ни вякал там про «расстреляем всех предателей» и пр. – но, после многозначительной фразы: «Бей ... (молчание) – спасай Россию!» вынужден был признать, что «оппозиция молчит». Провокация его сорвалась, а прямо и непосредственно ко мне обратиться он ни разу не

попробовал, я бы ответил.

Зато окно эти ублюдки открывали вчера чуть не десять раз за день. Днем, после обеда, было тепло, это почти не мешало, – на улице оттепель. Тем паче, мне было как-то нехорошо после обеда, навалилась какая-то слабость, так что прохлада была даже приятна. Вечером – уже холоднее, конечно. Эти два выблядка же открывали, советуясь только друг с другом: «Открываем? Закрываем?» – так, как будто меня здесь нет вообще и спрашивать мое мнение нет надобности.

Что ж, напишу сейчас заявление к начальнику – дай бог, вызовет завтра, попрошу еще раз убрать эту мразь. Жаль, что в любом случае ее всё равно не уберут, как бы я ни просил, чем бы ни грозил. И еще – вот победила украинская революция, вот москали лезут захватывать Крым – а у меня так и заткнут рот, мне по-прежнему недоступен собственный блог. Ах, Миша, Миша, какая же ты сука, как же ты гнусно предал меня – и как же сурово, безжалостно я тебе за это отплачу когда-нибудь! Собственно, я охотно сжег бы эту тварь за предательство живьем в крематории, вместе, в одной печи со своими дорогими быдлосокамерничками...

3.3.14., 7-й час утра (до завтрака)

Вчера вечером при первых же звуках (анти)украинских новостей глумление этого башкирского чма продолжилось, но было короче и не таким интенсивным, как накануне. Днем оно поспокойнее, и даже любезно уступило мне после обеда со своими нардами/шахматами стол для питья кофе, но вот вечером... Вплоть до реплик – на какое-то случайное, мимолетное упоминание Израиля, – мол, пусть все, кому здесь не нравится жить, валят в Израиль!.. Раскусило-таки, сучка!.. :))) Быдлячонок полностью теперь под его влиянием и пытается тоже вякать что-то глумливое, видя по ТВ Сашко Билого или слыша, что западные страны прекратили подготовку к саммиту G8 в Сочи (правильная, но крайне слабая мера). И еще, – больше, чем всё глумление этого говнюка быдлотаксиста достает меня теперь его манера открывать окно, как только я сажусь за стол! Кофе, например, я пью чисто для удовольствия, есть тоже стараюсь так, чтобы было хоть что-то приятное (не баланду, конечно) – а тут, получается, ем каждый раз весь промерзший, заочневший, – какое уж тут удовольствие!.. Короче, отдал вчера заявление на прием к начальнику, – не знаю уж, вызовут или нет, но настаивать буду изо всех сил, если вызовут, чтобы убрали из камеры эту мразь. Однако же – и предчувствие, и опыт говорят, что всё равно её не уберут, хоть ты как хочешь проси, грози им мордобоем, кровью, убийством, оглаской в СМИ, – не уберут, и всё тут, потому что я неудачник, мои просьбы не исполняют...

5-й час вечера (после обеда)

Никуда не повели, ха-ха!.. :))) Зря готовился еще с вечера, подбирал слова, репетировал. Видно, в следующее воскресенье, не раньше, надо будет отдавать новое заявление...

Однако вот беда – за эти выходные пропало у меня чувство покоя, того, что в камере всё нормально и можно думать о внешнем, о своей жизни, не напрягаясь по пустякам окружающего камерного быта. Проще говоря, перестал я как-то более-менее спокойно выносить эту башкирскую наркоманскую мразь, глумящуюся и сегодня надо мной уже с обеда, с первых новостей об (против) Украине. Теперь это чмо этаким глумливеньким тоном повторяет всё время (прибавляя разные матерные эпитеты, естественно) слышанное по быдлоТВ словечко «радикалы», всячески – с явным намерением, конечно – глумится над «радикалами», хотя я-то никогда – а не только в этой камере – не называл себя «радикалом». Пропало чувство покоя, появившееся, наверное, с момента ухода владимирского быдляка 28 декабря, – и появилась привычная, старая, хорошо знакомая ненависть. Теперь это тупое животное – быдлотаксиста – мне люто, нестерпимо, невыносимо хочется убить, замочить, заколбасить, забить насмерть моей палкой (клюкой) Именно с таким чувством я смотрел сегодня на его спящую харю, волосатую башку, открытый рот, когда уже встал утром (а оно спит до десяти утра, до проверки). Дубасить, дубасить, дубасить, лупцевать остервенело железным дрыном, круша, ломая каждую косточку, до самых мелких, кровяня его плоть и соседние стены, колошматить, лупить наотмашь, пудовыми ударами, беспощадно, забивать насмерть, пока эта волосатая глумливая гнида не испустит дух... Но – без последствий для себя забить его спящего нельзя, увы; а когда еще поведут к начальнику – неизвестно. Самое же главное – я уже писал, – ясно, что всё равно «мусора» не уберут его из камеры. В этой стране – власть быдла, здесь всё для быдла; а я – неудачник, и никакие мои просьбы не выполняются...

Последнее маленькое событие – эти два ублюдка только что всё же – после долгих сборов и планов – продырявили в двух местах нагретым гвоздем пластиковую надстройку над туалетом, которую делали в августе того года. Продырявили, чтобы пропустить провод от стационарной телеантенны, тянущийся из коридора. Спичек у них совсем нет, масла растительного для коптилки – нагревать гвоздь – тоже нет; так намазали на бумажку тонким слоем даваемое быдлячонку на диету сливочное масло, свернули листок в трубочку и подожгли. «Голь на выдумки хитра!» – радовался потом быдлотаксист. Излишне говорить, что этому говорящему куску дерьма я не давал бы жрать не то что диету, а вообще ничего, кроме

тухлой капусты...

Очень смешная новость по быдлоТВ: в России (!! :) против Дмитрия Яроша возбуждено уголовное дело за обращение к Доку Умарову – «призывы к экстремизму и терроризму»!! :) То бишь, по тем же статьям, что и у меня – 280 и 205.2! :)))))) Самое интересное из того, что цитировалось вчера по быдлоТВ из этого обращения (всего-то одна фраза) – это его слова, что Россия не так сильна, как кажется. Что ж, дай то бог! – м.б., если за нее возьмется целый украинский народ, да еще в союзе с кавказскими, – ее силенок и не хватит воевать на несколько фронтов. Ничего я в жизни так не хочу, как – иметь еще возможность лично поучаствовать в этой борьбе...

И еще одна анекдотическая новость. Какой-то из каналов быдлоТВ в знак солидарности с москалями и протеста против власти украинцев в Украине начинает сегодня заново крутить сериал (!!) по «Белой гвардии» Булгакова, – ну да, про оккупантов Украины столетней давности...

2268 дней мне осталось. Будь проклята эта ублюдочная, свинская, гнусная страна мрази и быдла, в которой мне довелось родиться, и вся моя дурацкая ничемная жизнь в ней!..

4.3.14., 7-й час утра (до завтрака)

Лег вчера, как обычно, где-то около часу ночи, проснулся – где-то около трех; у этих выблядков только что кончился их очередной фильм, они выключили быдловизор и готовились лечь спать. И тут ебанашка быдлотаксист, как уже не раз в это же время, устроил очередной спектакль-истеричку: увидел где-то около себя (на стене, что ли) тараканов – и стал в воплях бегать от них!.. Если бы я спал, то от его воплей проснулся бы непременно, но долговязую ебанутую тварь это мало интересовало. Быдлярчонок, как тоже уже бывало не раз, вскочил тоже со шконки и стал под истерический гогот повторять, что, мол, зачем ты мне это показал, я теперь тоже не смогу спать, надо ночью тусоваться, а спать днем (из-за тараканов, ага!..), и т.д. Вдвоем они колобродили так, наверное, с час, – исследовали маршруты тараканов, шугали их веником, прислушивались, принюхивались и т.д. Убрали пакет со старым, заплесневелым хлебом (на который тараканы и лезли прежде всего), чего только ни предлагали (быдлотаксистское животное), – попросить старшего включить свет; открыть на всю ночь окно, чтобы «стало похолоднее» (этой нечисти всегда жарко, видите ли); но самое главное – договорились и согласились друг с другом, что надо будет завтра же (т.е. уже сегодня), еще до бани (сегодня вторник), «почистить в телевизор», или как-то так. А «телевизором» эта полоумная быдлярчо-зэковская нечисть традиционно именуется не только свой быдловизор, но и – шкаф с посудой, продуктами и прочим, висящий на

стене. Половина его вот уже год, с 12 марта, как меня переселили в эту камеру, занята мной, – продуктами; во второй они хранят сейчас свою сгущенку, сахар, конфеты и прочие сокровища; а также стоят тарелки, моя кружка, ложки и пр.

То есть – неужели опять, как и тогда, 20-го декабря, устроят там погром под предлогом «травли тараканов», после которого я не досчитался половины жратвы?! Поведут ли меня сегодня к адвокату, или, м.б., к начальнику, а м.б., и никуда не поведут, и они устроят этот погром прямо при мне?! Их ведь двое, а я один, и отговорить их, остановить никакими разумными аргументами мне всё равно не удастся... Да даже если бы и удалось, – послезавтра мне на «суд», они целый день опять будут тут одни, могут творить всё, что хотят... И – даже в этой истерике ублюдочное быдлотаксистское чмо не преминуло один раз всё же назвать тараканов «радикалами» и даже «бунтовщиками», хотя я вроде бы спал в это время и не мог его слышать...

7.3.14., вечер (до ужина)

Сегодня была свиданка с матерью, – всего до часу дня, потому что, видите ли, накануне их «праздничка», 8 марта. Не успели даже обо всём договорить...

А вчера была очередная поездочка в «суд». Почти весь автозак в один только этот Бутырский «суд» и ехал, так что все камеры в конвоирке оказались забиты, впервые нас, некурящих, посадили в подвал. Судя по №2 на двери, там как минимум две камеры, но №1 я не видел. Туалета нет, только наверху, в конвоирке, надо долго стучаться, чтобы вывели. Вроде есть и в подвале этом помещение для «мусоров», дверь открыта, виден стол с вещами, но – никто там, видимо, не сидит.

Соседом моим оказался всё тот же Кузьмин, «генерал авиации», бывший сосед из 526-й камеры, ныне сидящий в 503. Спросил меня сразу же, что я думаю об Украине, я рассказал ему, как горячо я приветствую украинскую революцию.

Вышло всё не так, как я предполагал. Трепашкин где-то там освободился раньше и ко мне на «суд» таки пришел. Пришла и эта мразь, мусорской «эксперт» Сафонова, одна из тех, кто стряпал «экспертизу» по этому моему делу. Пожилая уже, сухонькая тетка в очках. Мразью я ее считаю совершенно независимо от того, что она (как мне передавал и мразь Абоев еще в первую же ночь ареста) несколько раз повторила, как ей было приятно читать мои тексты, как я хорошо владею русским языком, пером, слогом и т.д. (зато эти похвалы произвели впечатление на мать). Допрашивали ее Трепашкин и Санникова (в основном) и, надо честно сказать, на фоне ее

ошеломляющей лингвистической подкованности выглядели довольно жалко. К тому же, разумеется, «судья» всю снимал их вопросы (как и в тот раз, в 2006 г.), – в частности, потерпела неудачу попытка Санниковой спросить, есть ли признаки «призывов к экстремизму» в песне «Мы раздуваем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравняем с землей», в стихах Симонова «Если дорог тебе твой дом» и в статье Эренбурга «Убей немца». Было заявлено, что, мол, вопросы можно задавать только по «экспертизе», которую делал этот «эксперт», а кроме того – Сафонова постоянно шпыняла Санникову и Трепашкина, чтобы они в своих вопросах цитировали только ее «экспертизу», а не обвинительное заключение (на ней целиком основанное), а Санникова ее, как я понял, не читала. В общем, жалкое было зрелище, хотя Трепашкин и сказал мне потом, что допросом «эксперта» он доволен. Зато уж я не отказал себе в очередном удовольствии: когда «судья» спросил, есть ли у меня вопросы к «эксперту», я ответил ему: «Я в вашем свинском спектакле не участвую!» – за что он тут же вынес мне уже второе замечание – только я не понял, за это заседание или за весь процесс...

Подтвердилась их мрачная договоренность с «судьей» – график на март: 6-е, 14-е, 18-е и 20-е. Следующий «суд» назначили на 14-е, а про остальные – решили, что будут уже 14-го договариваться более точно. Остается еще надежда, что от 18-го и 20-го удастся как-то отбиться, но, увы, надежда очень смутная.

Присутствовал на «суде» и мразь Агафонов, – как рассказала сегодня на свиданке мать, его тоже на какой-то акции на днях забрали, две ночи провел в ментовке, вчера присудили наконец десять тысяч штрафа – и он со своего «суда» прибежал на мой, но опоздал, стоял в коридоре и до ушей улыбался мне, сука, когда открывалась дверь. А Гене Строганову опять дали 10, не то 15 суток, и его вчера не было вообще.

На обратном пути – из «суда» прямо в тюрьму – опять попала та машина, «мусора» в которой особенно активно борются с курением, ссылаясь на «федеральные законы». Я сел в ближнем к выходу отсеке у самой двери, когда отсек был еще почти пустой; и «мусор» из этого конвоя вдруг спросил, как, мол, я себя чувствую, когда перед отправкой просил всех не курить. Он, оказывается, откуда-то знал, что я не курю, и то ли собирался на мне спекулировать, то ли и впрямь переживал о моем здоровье, – черт его знает. Таблетки от укачивания я не принимал, по дороге было мне не очень хорошо, но и не настолько плохо, как в трясухих этих ментовских «ГАЗиках». Когда кто-то из эков тоже меня спросил о самочувствии, по дороге, – я сказал, что всё нормально, и они закурили. Когда же уже приехали с тюрьму – один из «мусоров» (начальник конвоя, кажись) крепко

сцепился с какими-то уродами в том отсеке машины, – он им ссылался на «федеральные законы» и требовал, чтобы какой-то активный курильщик назвал свою фамилию и вышел – составлять на него протокол, который «мусор» обещал вложить в его дело какотягчающее обстоятельство – обещая, что бить никого не будут. Эки из обоих отсеков возмущенно орал менту – зачем, мол, он «провоцирует», обещали сжечь или поломать сейчас же автозак (что нереально, т.к. он железный и очень крепкий, сделан на совесть). Один же, с кавказским акцентом, раздухарился настолько, – выйти отказывался без всех остальных, орал, что курить не бросит, т.к. курить ему нравится (или по кайфу, не помню точно), а потом, разойдясь, стал материть мента и посылать его на ... . Некурящий Кузьмин сидел в том же отсеке и молчал, – «мусора» о нем, видимо, просто не знали и не ссылались на него. Мне же они предложили – выводят меня одного, пока остальные сидят. Офигеть, какие любезные «мусора»! :) – я, естественно, отказываться не стал (хотя до этого думал выходить последним, – с палкой по высоченной лестнице из железных жердочек, – не столько чтобы не задерживать остальных, сколько просто чтобы они не сшибли меня с этой лестницы). И, поскольку, споря с этим матерщинником с кавказским акцентом, мент время от времени ссылался на меня – мол, тут есть человек, который от вашего курения страдает, еле дышит, и т.д., а я и не думал этого опровергать, просто молчал, – тут забавно совпали вдруг два события. Меня уже вывели из отсека, и я взял свою палку, – как вдруг этот козел в другом отсеке, донельзя разъяренный, завопил: мол, покажите, кому это там мешают сигареты, где он?! Ему через стенку тотчас ответили, он сидел молчал. Тот, кто это сказал, и раньше еще, я слышал, с возмущением говорил обо мне: мол, сидит, молчит!.. Ага, размечтались, суки! – чтобы я перед «мусором», озабоченным в кои-то веки моим здоровьем, отстаивал ваше курение в машине!.. Нет уж, ребята, я вас всех ненавижу, – и уголовников, и ментов (но уголовников все-таки больше), и чем вы больше будете друг с другом драться, тем лучше! Короче, понятно, что вся ярость этого зверья должна была обрушиться на меня, – и как нельзя удачнее в этот момент меня вывели из машины! :) Провели одного внутрь тюрьмы; там местные «мусора» удивленно спросили, одного ли меня привезли с «суда». Я и конвойный вкратце описали конфликт в машине – и я сказал, чтобы меня посадили на сборку, пока не вышло из машины это разъяренное быдло. Ну и заодно – пошутил: мол, м.б., сразу и на корпус (в камеру) меня поднимете? В ответ два или три «мусора» сказали, что, мол, подожди, за пять минут ничего не случится, и т.д. – я не мог взять в толк, о чем это они. Посадили на «красную» сборку, где уже были знакомые морды, утром раньше меня

уезжавшие в гор- и обл«суд». Поговорил немного с ними, прошло минут пять-десять – вдруг открывается дверь: «Новый корпус!». Оказывается, большую толпу из обл«суда», раньше нас приехавшую и уже, видимо, прошмонанную, как раз собирались поднимать на новый корпус – и тут как раз привели меня! И без всякого шмона, очень быстро подняли в камеру, – а то тупое быдло все еще продолжало сидеть в автозаке. Вот так еще раз подтвердилась старая пословица, что молчание – золото! :)))

В камере обошлось спокойно, лучше, чем я думал: тараканов не морили, в шкафчик мой продуктовый не лазили, сахар не украли, – но всё же брагу свою вонючую поставили, причем быдлячонок, как он сам сказал, взял для этого мою пятилитровую бутылку с негазированной водой, – полупустую, еще в июне того года заказанную мне – со всем прочим в магазине – Кариной Магомадовой. Мне она не была, конечно, нужна, но – если бы он спросил меня вовремя, на такое дерьмо, как брага, я бы ему, конечно, не дал.

Между тем, они тут очень увлеченно обсуждали без меня, – быдлотаксист сообщил быдлячонку, что про того в отстойнике у кабинетов адвокатов, прямо в первом же боксике, написано, что быдлячонок – барыга, и еще что-то, и дан даже быдлячонков домашний адрес. Тот очень заинтересовался, а единственный способ узнать, что же там еще, был – попросить меня посмотреть, когда пойду к адвокату или еще куда. И вот сегодня после свиданки, когда нас привели в этот отстойник, я посмотрел – и даже, по быдлячонковой же просьбе, переписал. С матерными ругательствами там было написано, что он – барыга, посадил свою девчонку на 2,6 (он ли посадил, не он, но она и вправду сидит), а также что еще шесть человек из-за него сидят на централье. Ну и содержались угрозы. Он, прочитав это, когда я принес и показал, стал мучительно думать, кто же это мог написать, т.к. сколько получила его девчонка, не знал долгое время даже он сам. так и не надумал ничего. Проверяли они с быдлотаксистом неоднократно брагу, – что-то она у них не идет... :))

Заказ, который делала мать вчера, даже лично приезжала в тюрьму, – «ресторан» и часть магазина, воду, сок и пр. – не принесли сегодня, суки! Значит, только 11-го, не раньше, т.к. 10-е, понедельник, – выходной из-за этого их проклятого 8-го марта. Еще счастье, что колбасы на эти дни мне должно хватить.

вечер (после ужина)

Новости омерзительные: москаля уже торжествуют свой захват Крыма! Вчера, пока я ездил и не смотрел их быдлоТВ, оказывается, симферопольская агентура Москвы уже перенесла свой «референдум» с 30-го на 16-е марта, включив в него вопрос о присоединении к РФ. В то же время

показывают, что «Дума» и «Совет Федерации» уже готовят «юридическую базу» для аннексии Крыма, – то бишь, в Москве этот вопрос уже решен, а «референдум» будет еще большей бутафорией, чем это казалось вначале. Ичкерия, Абхазия, Самачабло, и вот теперь – Крым... Очередной наш проигрыш, слегка подслащенный лишь победой – как-никак – целой украинской революции. В москальских «новостях» сейчас показали: Корчинский говорит, что он объявляет войну России и что надо создать украинский «Талибан» (хорошо, что украинский, а не православный), – браво, Дмитро! Но Крым, Крым!.. О татарах же крымских какой уж день не говорят ни слова, – не могут же татары безучастно смотреть, как им готовят новый геноцид в виде «присоединения к России»... Увы, мразь Миша перекрыл мне (сам ли, или с подачи Бородина, – не знаю, да и не всё ли равно?) кислород, возможность хоть что-то сказать вслух, прокомментировать, поддержать героев-украинцев... Мечта вступить из тюрьги в «Правый сектор», не говоря уж – лично пообщаться с Ярошем, – видимо, так и останется несбыточной мечтой... :(((

9.3.14., 3-й час дня (после обеда)

Поймал себя на том, что ни о чем вот уже сколько дней не могу думать, кроме одного: москаля захватывают Крым!.. Мрази, выродки, недочеловеки, биомасса под руководством палачей, – вот так просто берут и захватывают!.. :(((Итог «референдума» предreshен совершенно очевидно на все 100%, москальское быдлоТВ этого вовсе и не скрывает, о «вхождении в состав РФ» говорит как об уже свершившемся факте – хотя Орлеана писала мне, что по соцопросам там всего 41 % за это... А я – я ничем не могу помешать ублюдкам москалям, этой античеловеческой нечисти и мрази, и, сидя в тюрьме, ожидая скорого уже «приговора», размышляю лишь об одном: смогу ли я наконец повоевать с ними, нанести им хоть один реально чувствительный удар хотя бы в 2020 году, в 2021-м, – словом, после освобождения, если доживу до него. Утешает одно: этой войны хватит на мой век, и в 2020 она еще далеко не будет закончена. Наоборот: с каждым новым преступлением москалей, с захватом каждого нового куска чужой земли – сопротивление будет нарастать и война – только разгораться. Я очень надеюсь на это, т.к. больше мне надеяться, в сущности, не на что...

Мразям в камере сегодня опять выдали нарды, так что мой кофе со стуженкой опять под вопросом (но, честно говоря, он такого паршивого качества, что потеря небольшая). Всё тут по-прежнему: эти выродки по много раз в день открывают окно (днем, правда, уже не так холодно – весна, солнце) и до глубокой ночи смотрят свои говнофильмы, так что меня спасают только каретниковские беруши, и то не до конца, звук всё равно

слышен и сквозь них. Эти два выродка – хорошая иллюстрация к тому, кто такие вообще москали, что это за субстанция – в самой тоще этой биомассы, этого простонародья взятая проба, – чтобы иметь ясное представление, КТО захватывает Крым, КТО угрожает Европе и всему цивилизованному миру – и, посидев с этой мразью уже второй срок, я мог бы довольно подробно и ярко миру рассказать о грозящей ему опасности, если бы... Если бы не ублюдок Миша Агафонов, подло заткнувший мне в тюрьме рот; ну и – если бы не вообще моя судьба хронического неудачника, которому, хоть разбейся, не предоставляют никакую нормальную трибуну, которого куда не зовут печататься даже те, кто его читал, знает и с ним согласны, и – которого, как Кассандру, никто не хочет слушать...

Чихаю и кашляю, – простудился-таки из-за этих мразей, из-за их е...чего вечно открытого окна...

11.3.14., 7-00 утра (до завтрака)

Это тупое чмо – быдлотаксиста – вчера в ужин «заказали» на сегодня на «суд», а оно от родственников знало, что ему на «суд» только 17-го. Весь вечер оно металось, причитало, недоумевало, звонило родне ночью, когда я уже ложился спать; бедненькое – причитало – как же я встану в полшестого (быдлячонок посоветовал)?! – и надумало-таки включить таймер в быдловизоре – тот самый, что мне осенью включал владимирский быдляк, на те же самые 5-20, с тех пор там (в таймере) и оставшиеся. Дрыхнет так, что не сразу проснулось утром даже и под вопящий быдловизор, – а я с тех пор, как быдляк уехал, как-то встаю сам, даже раньше, чем надо...

Вообще, удивительная тварь, – я наблюдаю ее здесь, как макаку в зоопарке. Не знаешь, смеяться или плакать, – перед тобой тварь, которая и в самом деле, без малейшей карикатурности, от всей своей «души» ругается словом «ПИДОРАСЫ!».. :)))))) Если что-то или кого-то хочет обозвать, обругать, с чем-то самым плохим сравнить – то вот оно, универсальное обозначение всего самого худшего в ее (твари) представлении!.. :))) Быдло е...чее... Смотря бесконечные эти фильмы «о войне», новейшего путинского пошиба и срока изготовления, – истово ругает «предателей» (намек в мою сторону после памятного разговора, когда я ей сказал, что «предать» (в их терминологии) эту страну есть долг совести каждого порядочного человека), возмущенно вякало по поводу изображаемых в фильмах «предателей»: «пидорасы!», «пидорасы!», а вчера после этого даже вякнуло вдруг: «Геи!» :)))))) . Смех, да и только. Такой вот уровень умственного развития этой бесхвостой макаки...

Какое счастье провести хоть день без этой твари перед глазами... А я жду: отдал вчера вечером заявление опять к начальнику, – вызовут или нет. Но

уже ясно, что если даже и вызовут, то эту мразь отсюда всё равно не уберут... :(((

А москали тем временем захватывают Крым, нагло, уверенно, беспардонно готовят свой «референдум», гонят бред и дезу по всем телеканалам. О позиции татарского Меджлиса – по-прежнему ни слова (что очень показательно!), только кто-то из их «политологов» и комментаторов вякнул по какому-то из каналов, что, мол, Меджлис давно уже не представляет ВСЕХ крымских татар, – есть, мол, еще такие-то и такие-то организации... Ну да, гэбуха давно уже пыталась расколоть татар, нейтрализовать Меджлис, противопоставить ему что-то свое, ГБ-шное, проводящее линию Москвы, – да только у нее, я слышал, никак это не получалось, так что и сейчас – это, скорее всего, выдача желаемого за действительное... Как бы там не было, – надеюсь, придут сегодня-завтра письма с воли, узнаю хоть что-то из реальной обстановки, какое там есть противодействие москалям, и т.д. Видимо, ничего не сделаешь, – Крым они действительно уже захватили, пользуясь тем, что еще с 1946 г. большинство населения там – оккупанты; остается лишь готовить то время, то будущее, когда рухнет и развалится наконец их проклятая Россия...

12.3.14., 8-й час утра (до завтрака)

Конечно же, вчера никуда не повели, ни к какому начальнику. Второй раз уже, – рано я радовался, что как-то раз повели прямо сразу же... Неизвестно, что теперь и делать-то, – если не пробовать больше, не прошибать эту стену лбом, – очень уж тошно, просто невыносимо смотреть на эту мразь в камере, слушать ее глумливые комментарии про «предателей» и «пидорасов», ее подлую радость по поводу захвата свиньями Крыма... Если же писать еще, – тошно ждать каждое утро: поведут, не поведут, и если поведут – не наложится ли это на приход Бородина, на свиданку, на что-то еще и ЧТО брать с собой в предвидении такого наложения, и т.п. – а потом еще обламываться, что опять не повели... Да еще если не «суд» сейчас будут возить через считанные дни, – некогда будет и ходить-то к этим начальникам...

Башкирскую эту быдлонечисть, разумеется, не «осудили» вчера, как все и предсказывали, – и я, и быдлячонок. Отложили на 17-е, – как и планировалось изначально, то же число. Привели вчера уже полдвенадцатого ночи. Слава богу, 17-го я хоть отдохну еще один день от этой твари (правда, часть дня съест свиданка с матерью)...

Брага, которую эти ублюдки «ставили» (причем по инициативе быдлячонка, как выяснилось) в мой последний отъезд на «суд» (6-го марта), у них не получилась, процесс брожения почему-то не пошел. Долго

сетовали, что, видимо, «дрожжи» (заплесневевший хлеб) были плохие, или мало их, и через пару-тройку дней быдлачонок эту бурду из украденной у меня пятилитровой бутылки вылил. Пошел на это килограмм сахара, полученного быдлотаксистом через магазин, больше не осталось, новый магазин еще не принесли, и я думал – уймутся хоть на время. Но вчера с изумлением заметил, что быдлачонок, получив в завтрак казенный сахар (песок), пересыпает часть его в другую коробку из-под «доширака», с крышкой, и прячет в свою тумбочку!.. А ночью, когда привели уже быдлотаксиста, поделился с ним своей надеждой: за какой-то небольшой период собрать таким образом килограмм сахара. И опять, значит... эх, суки, ну почему вчера я не добрался до тюремного начальства!.. Сахар прячет в тумбочку, а в шкаф, за пакет со свежим хлебом, стал прятать другой – с нащипанными черствыми кусочками, в ожидании, пока те заплесневеют и превратятся в «дрожжи»... Что они будут здесь творить, как именно куролесить, когда (если) напьются, – страшно даже представить...

Вчера был ровно год, как меня избил в 408 этот волгоградский ублюдок, нанеся четыре внезапных удара по голове. Сегодня – ровно год, как я в этой камере, в 525... Грустные годовщины...

15.3.14., утро (после проверки)

В общем-то, писать особо и не о чем. Ну, ездил вчера опять на «суд». Бородин туда не явился, прислал ходатайство, что он занят где-то еще, – и «суд» перенесли на 20-е – слава богу, что хоть не на 18-е, заранее тоже (как и 20-е) запланированное. Но всё равно, раз в неделю теперь стабильно приходится мотаться туда... Собственно, Трепашкин и Санникова хотели вчерашнее заседание проводить – ради того, чтобы допрашивать пришедших «экспертов», в количестве аж две штуки. Но, поскольку они сказали мне, что решение этого вопроса зависит от меня, я разрушил их планы. Неожиданно приперся на этот «суд» какой-то новый прокурор – молоденький, заметно положе прежнего – и тоже высказался за то, чтобы перенести заседание.

Мучительно долго сидели на сборке – утром до 11-го часа, больше трех часов; да и вечером – часа полтора, не меньше, а м.б., и все два. Вечером собравшиеся там со смехом спрашивали едущего на этап деда – 64 года, кажись, если я правильно расслышал, что не 54. Воровал, – велосипед, зеркало от машины, лобовое стекло и т.д. – чтобы было на что пить. Запойный алкаш, последние три года пристрастившийся к алкогольному коктейлю «Манхэттен» – семь, что ли, градусов, по его словам, как пиво. Но этого коктейля – слушатели ржали и не могли поверить – он выжирал за день аж 11 (!) полуторалитровых бутылок. Работал на каком-то заводе –

списывал показания манометра в котельной; до этого вроде бы был сантехником. Если так, то это классический советский запойный сантехник-алкаш, да еще и напоминающий видом и манерами известный плакат ВО «Свобода»: «Матюкі перетворюють тебе в москаля». Я смотрел на него – и думал: вот какой мразью населена эта страна!.. Вот он, типичный «россиянин», представитель здешнего большинства – интеллектуального, алкогольного и всякого другого. Вот с кем «воссоединяют» сейчас Крым, – уже и словечко этакое пышное, праздничное, убедительное (для невежд и быдла) нашли для своей оккупации и аннексии: «воссоединение». Ну да, в 1783 была первая оккупация, а сейчас – новая, то бишь «воссоединение» с прежними оккупантами. И вот такую же пьяную русскую мразь, свиной и быдло, заселил туда Сталин в 46-м, и вот теперь их потомки-подонки требуют опять оккупировать Крым москальской армией, суки!.. Быдло, мразь, свинье, выродки, тупая пьяная нечисть, только и смотрящая украсть, что плохо лежит – будь то железяка на опохмелку или чужая земля, целый Крым, Абхазия или Ичкерия, – вот кем населена эта проклятая страна, вот ЧТО несет она миру... Лена Маглеванная в пришедшем позавчера письме (хоть датировано оно было еще 8-м марта) приводит текст Михилевича о последних событиях – новой агрессии против Украины. Текст, конечно, маленький, примитивный, куцый, ни анализа, ни обоснований, ни исторических ссылок в нем не содержится, да еще и используется там идиотское словечко «россиянцы» вместо «русские» или «москаля», – ну да, Михилевич всё выделяет реверансы перед своими дружками-москалями, русскими нацистами типа Крылова. Но основная идея этого куцего текстика всё же правильная – и Лена потому его и прислала, что еще раньше сообщила мне: Михилевич поставил под ним и мою подпись, – и мне захотелось прочесть. Удивительно, как через тюремную цензуру-то проходят такие тексты! :))) – основная идея там совершенно правильная: москалей-«россиянцев» надо убивать!.. Полностью разделяю: нечего церемониться с этой пьяной, бессмысленной мразью! Всех русских свиной, населяющих и целую-то Россию, 140 млн. быдла, не говоря уж – оккупирующих Крым и рвущихся загнать и его в Россию, – я бы просто вырезал, уничтожил, бы без малейшего сожаления их всех любыми доступными способами, от травления через водку до выжигания напалмом. Травить крыс – так уж травить, жалеть их нечего! Смерть России, смерть русской (москальской) мрази и быдлу, ее населяющему! Смерть русским свиньям!!!

Лена пишет, что Ярош, которого она нашла в фейсбуке и написала ему, не отозвался, ответил ей только Олег Медуница (но про мое письмо не говорит

– значит, не получил его). Но – подумалось мне сегодня утром – так ли уж, в конце-то концов, мне надо, чтобы мне ответили и официально приняли меня в этот «Правый сектор»? В конце-то концов – я ведь и так «Правый сектор», даже без их ведома и признания, – просто по своим убеждениям, по своей горячей поддержке «ПС», по своей священной ненависти к москалям и готовности их безжалостно уничтожать, будь к тому малейшая возможность. Я – «Правый сектор» Москвы, возможно, что единственный на весь город, а то и на всю Русню (хотя вряд ли, конечно) – и, будь я на воле и в Москве, можно было бы попытаться создать здесь российское отделение «Правого сектора»...

А вот такой вот типичный «россиянец», бессмысленный православный, полубразованный оккупант татаро-башкирских земель и фанат новой оккупации Крыма сидит со мной в камере уже третий месяц. Быдлячонок, вообще отстающий в развитии и совершенно безвольный, находится под его полным влиянием. И типичный этот «россиянец», полностью сформированный рабскими генами своих предков и оголтелой быдлопропагандой везде, от детского садика до взрослых «новостей» по быдловизору», – по-прежнему спрашивает у него (быдлячонка): «Ну что, ВЕТРАНЁМ?» – открывая в любой момент, ночью ли, днем ли, окно. Эх, тупая ты сука, быдлятина, гнусная бессмысленная мразь, – эх, как бы я со всей силы, от всей души «ветранул» бы тебе своей палкой поперек твоего тупого рыла, по твоей волосатой башке!.. Забил бы тебя, ублюдина, насмерть, – всех вас, русские свиньи, надо резать и уничтожать, и тебя, православную москальскую свинью, может быть, еще вырежут со всей твоей быдлосемейкой в Стерлитамаке объединившиеся татары и башкиры. Сейчас это чмо, вместе со вторым, радостно слушают пропагандистскую телебредятину о том, как счастливы и как рвутся в Россию аж 85% жителей Крыма, – хотя это, конечно, брехня. Вырезать, вырезать всю эту москальскую быдломразь в Крыму, всех, кого в 46-м заселил туда Сталин!..

Перед проверкой вдруг постучали в дверь, – быдлотаксиста позвали «на служение». Ну да, видимо, в молельню их чекистской «церкви» прибыл чекистский попик. Мочить, мочить вас всех, москали, православные ублюдки, а церкви ваши – взрывать!.. Но на проверке сказали быдлотаксисту, что уже увели, – его, видимо, поведут во втором потоке. И вот – что-то не ведут пока... :)))

16.3.14., 8-й час утра (до завтрака)

По милости быдлотаксиста вчера вечером пришлось прослушать целую «аналитическую программу «Постскриптум»» бесноватого Пушкина на ТВЦ. О том, какими ужасными «украинскими фашистами» были Бандера,

Шухевич и даже крайне редко упоминаемый в москальской пропаганде Стецько; как ужасно они «резали» поляков на Волыни (крокодиловы слезу о поляках льет москальская мразь, убившая тысячи и тысячи поляков в Катыни, а еще до этого – тысячами убивавшая их, топя в крови польские восстания); еще о том, что, мол, формальная клятва верности латышских легионеров waffen SS Гитлеру – чтобы служить в созданном немцами национальном подразделении и воевать немецким оружием, еще бы! – это, оказывается и был основной смысл борьбы этих легионеров, они, якобы, и впрямь рвались воевать не за независимую Латвию, а именно за Гитлера и нацизм, ага!.. :))) Текстик этот был приурочен к сегодняшнему, оказывается, очередному их шествию в Риге, – сегодня вообще юбилей, 70 лет создания легиона, поздравляю от всей души!! Опять пришла мне мысль – не вступить ли в Национальный Фронт Латвии, где меня все-таки давно уже знают? Хотя, конечно, правый сектор, и ВО «Свобода» сейчас куда актуальнее, но – что делать... Надо будет попросить Лену Маглеванную связаться с Гардой или хотя бы – в ФБ – с Лигой Музиканте.

Ну и – основная тема пушковской пропаганды была: что, мол, в случае реальной аннексии Крыма Запад, оказывается, пообещал Москве полновесные экономические санкции (отлично! Наконец-то!!!), но, мол, это ударит и по самому Западу, т.к. вся мировая экономика сильно взаимозависима. Произносились все эти контробещания ущерба Западу от его же санкций, разумеется, с неприкрытым злорадством.

Что ж, это правда, санкции экономически невыгодны Западу – и потому-то и стоит актуальнейшая задача: убедить правительства и бизнес цивилизованных стран, что свобода и собственные принципы важнее прибыли и выгоды; что в их же интересах немного затянуть пояса, дабы усмирить агрессивных, хитрых варваров, которые иначе грозят – в чуть более отдаленной перспективе – захватом Европы и смертью ВСЕМ, и по сравнению с этим любые финансовые потери просто ничтожны; убедить слегка встряхнуться от слишком сытой и благополучной жизни – и чуть-чуть обратить внимание на грозящую всем опасность, – ведь лучше пожертвовать частью благополучия, чем потом из-за своего упрямства и слепоты внезапно потерять всё... Будь я сейчас уже на Западе – я постарался бы объяснить и доказать им это, хотя бы в форме публицистики (говорить лично – кто меня пустит...); а сейчас – не знаю даже, КТО возьмется им это популярно растолковывать...

В камере всё то же самое. Окно постоянно (вчера чуть похолодало), фильмы до трех ночи; два ублюдка постоянно собачатся между собой, что именно им смотреть, каждый называет фильмы, нравящиеся другому,

полным дерьмом (но быдлотаксист, конечно, давит на быдлячонка сильнее, чем тот на него), дошло уже до криков: «пойди скажи оперу, пусть заберет телевизор!» (вот было бы отлично-то!.. :))), и т.д. Говорящий кусок дерьма – сучонок-быдлячонок – к тому же вчера опять поставил брагу, на том сахаре, что забирал из казенного пайка (моего в том числе). На сей раз у него процесс пошел вовсю, бурлит в бутылке так, что она надувается, он спрятал эту пятилитровую баклагу из-под воды не куда-нибудь, а в собственный баул, среди тряпья, и вчера постоянно лазил туда- доставать и проверять. Брага воняет, разумеется, так, что окно теперь, по всей видимости, вообще не будет закрываться, и я околею; а эти мрази скоро напьются и начнут колобродить еще хуже прежнего. Сказать, что я их ненавижу – значит буквально ничего не сказать...

Одна приятная новость – вчера закончил я наконец (неожиданно) «Антиимперскую азбуку», лежавшую больше месяца. Придумал самое сложное – на «ю» и «я» – и добавил или поменял кое-где в других местах. Конечно, вид еще не идеальный, можно шлифовать и полировать еще некоторое время, но – в общем-то, вчерне уже готово, можно вешать. Единственный оставшийся мне путь – через цензуру, электронным письмом Лене Маглеванной; дай бог, чтобы прошло и чтобы она набила точно, без ошибок. А ублюдок Агафонов, кстати, из-за которого у меня такие проблемы, как ни в чем не бывало приходит опять в «суд» и в последний раз даже пробовал поздороваться со мной в коридоре...

А животное быдлотаксист, кстати, под влиянием всей нынешней телепропаганды уверен, что «скоро начнется война», и рвется на нее – «опять бить фашистов» (ему внушили, что украинские революционеры – это «фашисты»). :))))))))) Сегодня у оккупантов их «референдум» в Крыму...

17.3.14., 8-й час утра (до завтрака)

У всего русского блядва, мрази, свиноты, тупого русского свинобыдла – и в камере, и во всей Русне, и в украинском Крыму – великий праздничек: их туфтовый «референдум» по аннексии Крыма Руснёй. Визжат, разуются и пляшут со вчерашнего вечера – по их «экзит-поллам» вчера вечером было аж 93% крымских москалей за Русню. Ну что ж, это просто повод вырезать этих москалей – около полутора миллионов, или сколько их там; просто зачистить Крым от этой оккупантской мрази, заселенной туда Сталиным и не желающей уезжать. Просто вырезать их – и всё; будь моя воля, я бы так и сделал. Но – есть и хорошие новости: Запад вроде бы на этот раз проглатывать всё так же безучастно, как проглотил нападение на Грузию в 2008, не собирается, – даже по этому свиномоскальскому ТВ говорят, что, мол, в ООН москалям устроили вчера обструкцию и что «желание

поссориться» у Запада непривычно (для меня, по крайней мере) велико. Даст бог, санкции все-таки будут, – впервые с их агрессии в Афганистане, по-моему. Ну и – просто шикарная новость, вчера ее тоже уже мусолили свиномоскали по своему ТВ: Ярош сказал, что блицкрига Москвы на своей территории украинцы не допустят – и пообещал взорвать на территории Украины трубу, по которой москали качают свой газ (воруемый у сибиряков, конечно же) в Европу. Дай бог, чтобы они это и впрямь сделали! Ничего так не хочу, как – чтобы ответил Лене Маглеванной Ярош, чтобы принял мою горячую солидарность с украинцами – и меня самого заочно в «Правый сектор»!..

Тут, на местном уровне, тоже есть хорошие новости. У сучонка-быдлячонка опять, уже второй раз, не получилась его брага, вчера он ее опять вылил; не бродит, по его выражению. Долговязый ублюдок быдлотаксист поехал опять в «суд» – за сроком, как он считает (он же в «особом порядке» судится), – и я ему от всей души желаю получить за свой спайс никак не менее пяти лет, тогда как сам он в ужасе шарахается даже от мысли о трех. :))) Ну и, наконец, сегодня в 11 должна быть свиданка с матерью.

Да, теперь всё определилось... Раз я не умер здесь, в тюрьме, летом того года, – значит, кому-то и почему-то нужно, чтобы я жил. В конце концов, оставшиеся мне шесть и два, 2254 дня, – это ведь не п/ж, и даже не 20 лет... Ну а жить – для меня значит бороться. Бороться с москалями, с русскими свиньями, захапавшими полмира, а теперь рвущимися к реваншу. И вот – всё определилось еще раз: цель прежняя, я живу только для того, чтобы воевать с Россией, чтобы победить, опрокинуть и уничтожить ее. «Правый сектор» – такие же союзники и братья мне в этой борьбе, как и батальон шахидов «Риядус Салихийн». Смерть России! Смерть всем русским свиньям! Русские оккупанты – вон из Крыма!!! И теперь я мечтаю – вопреки очевидности, конечно, вопреки своей злой судьбе, но что делать – мечтать ведь не запретишь! – лишь об одном: как я, дожив до конца срока, свалю из Русни – и там в нормальном мире, опять встану в строй борцов с этой русской чумой, со свиномоскалями, и буду воевать насмерть – там, где к этому моменту будет война: в Крыму ли, на Кавказе, в Ингрии, в Восточной Пруссии, и т.д. и т.п.... Смерть москалям!!!

день (до обеда)

Не повели на свиданку!! Не знаю уж, что там могло случиться с матерью, но – свиданки нет!.. :(((Уже часов 12, наверное, а там начало в 11. Ехала на машине и попала в аварию? Или сердце? Или домой опять приперлись с обыском? Предположения самые невероятные, а узнать ничего нельзя...

Узнаю я, видимо, только 20-го в «суде», до тех пор, если и впрямь что-то случилось, ни Бородин не придет, никто... Санникова, видимо, сейчас уехала на свою сессию в Саратов... И там-то, в «суде», не поговоришь особо, парой слов перекинуться и то не дают. Разве что будут уже в курсе адвокаты...

Грустная правда состоит в том, что, случись что серьезное с матерью, я просто-напросто буду голодать, что в тюрьме, что на зоне... На баланде не прожить, увы... Что с этим делать – я не знаю...

Остается еще смутная надежда, что, м.б., в два часа сегодня все-таки поведут (но тогда я опять не получу часть заказа, которую и в пятницу не получил). Хотя мы давно договорились, что она приходит утром, к 11-ти...

Быдлотаксист уехал на «суд» – и я еще раз отметил, как интересны и странны извивы психологии всего этого быдла. Второй раз уже, когда быдлотаксиста нет в камере, быдлячонок НЕ открывает окно перед проверкой. Когда же быдлотаксист есть – быдлячонок бежит открывать, едва встав с постели, хотя тот ему ровно ничего не говорит про окно. Вот что значит – находиться под влиянием...

Где же мать?!... От неизвестности можно сойти с ума...

день (после обеда)

Мать так и не пришла – ни в 11 часов, ни в два. Что делать, совершенно непонятно. Магазин, принесенный в пятницу и без меня не отданный, сегодня... не принесли вообще! Спросил у магазинщицы, – ну я, говорит, скажу им... Охренеть... Еды почти что не осталось, – прошлогоднего паштета баночки четыре, хлеба всего две пачки, восемь яиц. Если что-то случилось с матерью, я сдохну с голоду – не здесь, так на зоне... Очень не хотелось, но – вопреки принципу «не верь, не бойся, не проси» – спросил быдлячонка, не может ли он позвонить с телефона 637 и кое-что сказать от моего имени. Сразу стало ясно, что не хочет, да если б и захотел – сегодня ему телефон не предоставят, они с быдлотаксистом звонили как раз вчера вечером (ночью). Узнать, была ли мать хотя бы вообще здесь, заказала ли хоть еду, как обычно по понедельникам, можно будет не раньше, чем завтра в четыре часа дня. Это полный кошмар. Я в отчаянии...

18.3.14., 7-й час утра (до завтрака)

Ничего вчера так и не удалось узнать. Быдлячонок, разумеется, и не подумал спросить для меня телефон наверху, в 637, и я тоже больше не буду спрашивать (не зря вчера мне этого так не хотелось, еле переборол себя), тем паче при быдлотаксисте. Это долговязое чмо привезло вчера из «суда» срок – три года. Жаль, что так мало... Ужинал какой-то ерундой: паштет, на который я рассчитывал, оказывается, весь вздулся, – ну да, больше года

лежит; с трудом нашел там две-три более-менее нормальных пачки, одну съел, отравления вроде нет. Сегодня мучительно жду мать, Бородина и письма, но, разумеется, не будет никого и ничего...

19.3.14., 7-й час утра (до завтрака)

Наконец-то вчера всё разъяснилось. Принесли почту, и в ней – неожиданно-очередное письмо от уродца Миши Агафонова, хотя и на предыдущее я не стал ему отвечать. И там он пишет, что мразь «судья» Ковалевский не дал матери 14-го свиданку, – вот почему она не пришла! И вроде бы, пишет, обещал дать 20-го.

Вчера после этого настроение у меня резко улучшилось. :) И не только после этого: принесли большой заказ от 17-го, всё же мать приезжала. От Маглеванной опять – очень удачно! – пришло два одинаковых письма с чистыми бланками для ответа, и я, пользуясь этим, отправил ей сразу: на одном – «Антиимперскую азбуку», а на другом – написанное накануне утром заявление по Крыму. Самое смешное, что и то и другое имеет все шансы пройти, так же, как в январе я открыто написал свое отношение к волгоградскому взрыву, а сейчас – до меня дошел не только текст Михилевича по Украине, но и (вчера) текст обращения Яроша к Умарову, тот самый, о котором так много трюндели по ТВ и за который в Мордоре на Яроша тут же завели уголовное дело. Тюремная эта цензура в политическом смысле, видимо, совсем девственная и непуганая, – эх, продержалось бы такое положение подольше!..

Пока всё это писал вчера, русские свиньи вовсю продолжали праздновать захват Крыма. Путин выступил перед всей этой кодлой в Кремле (кто бы мог 20 лет назад представить, что Проханова, идеолога и подстрекателя погромщиков 1993 года, начнут приглашать в Кремль!..) с абсолютно лживой речью, опять ссылаясь на Косово и деланно ужасался бомбежкам Югославии в 1999 г. (15 лет прошло, кстати, а я отлично помню ту весну, и наше первое заявление в поддержку США – «Добро должно быть с кулаками», и по сей день считаю так же); после чего был торжественно подписан некий «договор» и объявлено, что отныне Крым и Севастополь – это «субъекты Российской Федерации». Ага, как же, держи карман шире!.. На месте украинцев я бы на танках и боевых самолетах снес бы все эти блокпосты на въезде в Крым – и устроил бы туда большой десант «Правого сектора», дабы объяснить местному русскому быдлу, до какой степени оно неправо...

Впрочем, то, что 97% на «референдуме» за Русню – это блеф, я догадывался и раньше. А Орлеана вчера вместе с письмом прислала шикарную фотку. За столом сидят тетки из местного «избиркома», а на

столе три пачки бюллетеней: одна, большая, под табличкой «Украина», возвышается, как Монблан, а рядом две других, совсем тоненьких: «Россия» и «недействительные»...

И как же всё повторяется на этом свете, и в этой камере тоже, где я сижу уже год. Поистине, жизнь ходит по кругу... Принимал вчера этот заказ от 17-го, большой, с бутылками, торопился, всё падало, магазинщица торопила, как всегда... Эти двое мразей лежали на своих шконках. Вопрос был задан так тихо, что я не услышал, но столь же тихий ответ быдлотаксиста: «Не надо», – до моих ушей всё же донёсся. Ну ясно: быдлячонок, полностью находящийся под его влиянием, спросил, не помочь ли мне (хотя раньше не раз делал это без всяких вопросов и разрешений), а тот ответил: «Не надо». Мрази... Всё повторяется: точно так же делали здесь прошлой осенью и те два ублюдка – Олег и Виталик, владимирский быдляк и дятел-домушник. У меня всё падало, магазинщица торопила и даже им кричала, чтобы помогли мне – а они и не думали даже помогать, как будто не слышали, стояли истуканами, даже на шконках не лежали... Я это тогда же и описал в дневнике, но, боюсь, описание это пропало вместе с теми пятью листами дневника, как раз за осень 2013 года, которые умудрилась где-то дома потерять мать...

А ублюдок Агафонов, которому уже успели передать мои слова о нем, – в письме сожалеет, что я его «несогласие маркирую как предательство», путается всё свести к идейным разногласиям, о которых я знал и раньше, – мразь хитрая и лицемерная, и как только я с ним общался все эти годы... Не согласен со мной – не берись помогать, я, в общем-то, и не просил особо, он вызвался сам. Но помогать практически, с блогом, а потом, испугавшись сидякинского доноса в январе, разом всё бросить, откровенно мне написать, что боится и отказывается дальше помогать, не повесить на сайт последнее, что я ему передавал, и в обоснование своего предательства теперь яростно ссылаться на идейные разногласия, бывшие и раньше, – право же, это верх паскудства! Плюнуть бы этой мрази в лицо!..

Страна свиной, будь ты проклята!.. Завтра мне опять ехать в «суд»... 2252 дня осталось...

Кстати, подписанный – Корбом, видимо – мне журнал «The New Times» так и не приносят. Номер от 3-го марта не принесен до сих пор – а 17-го уже вышел следующий...

день (после обеда)

Паршивые дела, очень паршивые... Перед обедом выдернули вдруг, – я думал, Бородин или, м.б., Санникова, – а оказалось, это следователь ФСБ!.. По тому самому сидякинскому доносу, – как раз на днях я о нем вспоминал,

думал, что вот уже два месяца – и тишина, – м.б., и обошлось... Сказал, что уголовного дела пока нет, но – как придет экспертиза (уже под самый конец разговора пообещал) – дело будет. Показал мне только протокол осмотра блога на LJR от 4-го марта и предложил прочесть тот самый текст, о котором был донос.

Ну что ж, видимо, семью с половиной годами я не отделаюсь, еще одна 205.2 ч.1 – это еще пять лет (если еще и 280-ю не впаяют). Самое обидное – умом я прекрасно понимаю, что в этой проклятой стране мне впаяют еще хоть пять, хоть десять, хоть сколько угодно лет, хотя – и это я тоже понимаю умом – доказательств у них нет абсолютно никаких. Есть только я в СИЗО и текст в интернете. У меня – железное алиби, сервер с LJR – вне России, логи его посмотреть невозможно, у кого пароль – неизвестно. Ну, можно, как и в нынешнем деле, вызвать свидетелем автора доноса, или даже того, по чьему указанию он написал свой донос. Ну и что? Доказательств, что я из тюрьмы что-то размещал или что-то кому-то передавал, нет никаких, – но в этой стране и не требуется никаких доказательств, и вот это-то самое обидное... Эта система работает абсолютно автоматически, безотказно штампуя любой бездоказательный бред, а уж тем более – если его дает ФСБ... Спросил меня еще этот молоденький – лет 25, не больше – следователь, что я думаю об их «конституционном строе». :))) Я сказал ему, что лучше не надо об этом, потому что в главе второй их конституции – о правах человека – нет ни одной статьи, которая за последние 14 лет не была бы буквально растоптана, причем руководила процессом втаптывания прав и свобод в дерьмо именно их контора... Что ж, если не вздумают вдруг пересадить меня в «Лефортово» – а он упомянул, что, мол, в «Медведкове» за эками плохо смотрят, а вот в «Лефортово» я никогда бы не смог ничего опубликовать, – то, видимо, я просижу в этой тюрьме еще долго – не только ожидая апелляции по нынешнему делу, но еще и апелляции после «суда» по следующему, которое еще даже не возбуждено... :))) Хотя, с другой стороны, – не только два дела по мне ФСБ закрыла в 2001-03 гг., но и в 1998 дело по «РП» в Нижнем таки было закрыто, – НЕ НАШЛИ! :))) Если подходить с юридической стороны, то и дело по сидякинскому доносу тоже ни малейших судебных перспектив не имеет... Интересно еще, – будут ли они допрашивать моих сокамерничков как свидетелей? :)))

21.3.14., день (до обеда)

Давно уже не было такой тяжелой, такой мучительной поездки в «суд», как вчера. Со сборки утром забрали, правда, рано. Посадили в боксик с таджиком и каким-то русским быдлом, пятый раз сидящим. Поднимали в зал «суда» – издали я увидел среди пришедших Акименкова, на ходу пожал

ему руку; так – это что-то новенькое! – «мусор», к которому я и так был прикован за левую руку, попытался схватить меня одновременно еще и за правую, дабы не позволить пожать еще кому-нибудь. :))) В зале уже сидели Бородин с Санникова, но оказалось, что нет Трепашкина. Оба они тотчас набросились на меня, увещевая, чтобы я на этот раз согласился проводить заседание без Трепашкина: Санникова, мол, только что с поезда, специально приехала из Саратова, где у нее сессия ее заочного юрфака, дабы допросить сегодня «экспертов». Напор был такой силы, что я уж решил было согласиться, – точнее, сказать просто «судье», что мне всё равно, будет или не будет проводиться заседание, поскольку участвовать в нем я всё равно не собираюсь. Однако с началом заседания Санникову ждал другой облом: оказалось, что оба «эксперта» просто не пришли! Не пришли – и всё тут, хотя в прошлый раз оба были и лично получили повестки на сегодня (вчера). Так что пришлось отложить опять – увы, опять всего лишь на неделю, до 27 марта, в 11 утра. Тут же выяснилось, что эта мразь Ковалевский опять, как и в тот раз, не дает матери свиданку, и даже как-то объяснить свой отказ не изволит. Бородин посоветовал матери пойти к председателю «суда», и она, хоть сперва и не хотела, но потом вроде всё же решила сходить. Однако сегодня утром на свиданку меня опять не повели, – значит, разрешение ей так и не дали...

Выезжали из «суда» полседьмого, и тут началось!.. Первым делом поехали не куда-нибудь, а сразу в Басманный «суд», забрали двоих. Потом – в Мещанский, который неподалеку от Басманного. Потом выехали на проспект Мира, ехали по нему долго, я уж думал – в тюрьму, но оказалось – в Останкинский «суд». И вот тут-то мы застряли! Сидя у самого выхода, я слышал, как мент с улицы (видимо, конвойный «суда»?) открыл дверь и сказал сидящему в автозаке менту, что, мол, там двое еще на заседании. Так что хоть было понятно, кого мы ждем так долго и мучительно, до полного изнеможения: мы простояли там примерно два часа, в восьми до десяти вечера!!! В конце этого ожидания в машину, правда, загрузилось не двое, а целых 11 человек, которые тоже сидели в «суде» и ждали.

После этого проехали сразу в тюрьму, доехали быстро, было вроде бы (по словам одного из «мусоров») пол-одиннадцатого. На сборке просидели часа два, не меньше, потом погнали на шмон. Еще немного подержали после шмона, наконец «повели». Однако – вслед за нами шел приехавший этап, и «мусор», который нас вел, по приходе на «семерки» занялся ими и ушел на «семерки», оставив «судовых» стоять в отстойнике и ждать. Час не час, но минут сорок продолжалось это ожидание. Минут 15-20 еще подождали его же не «шестерках». В общем, в камеру я попал только полвторого ночи.

Быстро поел и лег.

У ублюдков здесь как раз в это время кончился очередной «Спартак» (фильм) по быдловизору. Но – не думайте, что они его выключили, они тотчас стали тарашиться на какой-то другой фильм по СТС. Затем быдлотаксист все-таки лег, а быдлчонок тарашился дальше, – я уснул и не знаю, во сколько он выключил. Я просыпался потом еще пару раз за ночь, но утром – проспал до семи, пропустив включение света в шесть. В камере эти твари без меня, слава богу, ничего не натворили, только своей уборкой загнали опять мои тапки глубоко под шконку (нарочно?), однако пакет с «Тайдом», который я тщательно закрывал, стоял на полу открытый, – ну да, наглая мразь быдлчонок, когда я есть, спрашивает у меня, можно ли взять порошка, а когда меня нет – берет сама, без спроса...

22.3.14., день (после обеда)

Суббота. Неожиданно принесли передачу быдлчонку от сестры, – впервые за все месяцы, что он здесь. Быдлотаксист в связи с этим событием, озаботившись, куда распихать в шкафу всё полученное (не им!.. :) – обратился прямо ко мне, редчайший случай: мол, «двигайся!». И еще, мразь, спрашивает этак с угрозой: тебе помочь?.. Мразь, мразь!.. Верхнюю полку, где у меня лежит хлеб, кофе и сгущенка, слава богу, не тронуло это чмо; но свои миски, кружку, стаканы и ложку – пришлось мне из шкафа убрать, поставить в стол. Хлеб вольный – вот основное, что ему (быдлчонку) передали; ну, еще шоколад, сахар, колбасу, сыр, по-моему... Мрази, свиньи, быдло, будьте вы прокляты... А, еще чай ему принесли.

Настроение отвратительное, тошно на душе, просто невыносимо... Весна... Как в склепе, заживо похоронен я в этой камере, уже второй год... Хотел умереть, да и сейчас хочу, но вот – не берет меня смерть... Еще это второе дело, еще пять лет срока... Сейчас законопатят, загонят черт знает куда лет на десять, не считая эти уже отсиженные год и четыре. Да, «жизнь про...на», как написал про меня какой-то мой ненавистник в интернете, в майсуряновских распечатках. На что потрачена жизнь, зачем, почему – я сам не знаю... Результатов никаких... Сижу как дурак уже 16 месяцев, и это только самое начало... А Корбу (наконец-то вчера пришло от него письмо) кто-то в интернете написал: мол, выйдет твой Стомахин в ближайшие полгода на волю... Если бы, если бы... Но нет, жизнь кончена, это уже ясно. Теперь я не знаю, как и дни-то считать, а это мне было немалое облегчение: шесть лет и два месяца осталось по нынешнему делу, но сколько еще по новому, ФСБ-шному, – кто знает? Без фактов, без всяких доказательств – наматывают, не сомневайтесь... :(((Десять лет в сумме, не меньше, даже если, как обещает Трепашкин, дадут мне меньше семи... Суки, будьте вы

прокляты... Свиньи... страна свиной... Как глупо всё вышло, просто нет слов... Быдло, одно быдло кругом...

За что, за что мне всё это?.. «Что за беда?!» – одна только и есть беда, что довелось родиться в этой стране. Именно это – первопричина всех бед, но ЧТО теперь можно сделать? Сжечь бы напалмом всю эту проклятую страну, всю эту мразь в количестве 142 миллиона!.. Всех бы вас, мрази, я выжег бы напалмом, на каждый ваш областной город сбросил бы по ядерной бомбе в сто хиросим... Мрази, будьте вы прокляты, прокляты, прокляты!!! – за все мои мучения, за каждый день, проведенный в тюрьме!.. Свиньи ликуют, пляшут и устраивают салюты, – как же, у них великая радость: захватили Крым. Но – посмотрим, выблядки, будет ли он еще вашим-то, Крым!.. Украинцы – это народ, большой и сильный, великий народ!.. Вчера эти суки по своему быдлоТВ сообщили, что возбудили в своем свинарнике очередное «уголовное дело» - против Корчинского! Легендарного Корчинского, автора лозунга еще 1992 г.: «Крым будет украинским или безлюдным!». Такие люди, как Корчинский и Ярош, люди из УНСО и «Тризуба» - смирятся ли, что москали вот так просто, за три недели, взяли да и отобрали у них целый Крым?! Десант туда, большой, до зубов вооруженный десант «Правого сектора» на БТР-ах, при поддержке авиации...

Русские грязные свиньи, тупые ублюдки, свинобыдло, мразь, говно говорящее, – будьте вы прокляты!..

23.3.14., утро (до завтрака)

Теперь понятно стало, почему это чмо – «судья» Ковалевский – с 14 марта вдруг перестал давать матери свидания: конечно же, из-за этого нового ФСБ-шного дела! Так же точно, как упорно не давал их в первые месяцы ареста по тому делу мразь Абоев. 19-го гебешник пришел ко мне; но, несомненно, еще до 14-го они успели сунуться и в «суд», поинтересоваться моим нынешним делом – а заодно и дать указания «судье» не давать свиданок. И – почему-то после слов этого гэбульника-следователя мне упорно кажется, что они со своим новым делом могут устроить мне еще и этап в «Лефортово». Дай бог, чтобы это не сбылось! Там, конечно, гораздо лучше контингент, почти нет уголовников, но – очень жесткий внутритюремный режим, буквально ничего – от еды до щипчиков для ногтей – не позволяют держать в камере (да и сумки, кажись, тоже?..), на любую мелочь надо писать заявление и просить; письма и заявления отдаются в шесть утра, а не как тут – в ужин... Часть из этих ужасов описывал еще Квачков, когда по последнему делу сидел в «Лефортово», часть – те мои знакомцы по Бутырскому «суду», которых за наркотики «судили» там в прошлом году. Каретникова, помню, писала, что и «ФСИН-

писем» там нет, и о деле, о «суде» с ней не дадут говорить; и слышал я, что адвокаты неделями не могут туда попасть, ночуют в машинах у тюрьмы... В общем, не дай бог, не дай бог попасть туда!.. И сам этап с вещами страшно тяжел, да и там – не то что тексты или стихи отдавать на волю, но этот дневник отдать я не смогу, а значит – пропадет и смысл его вести, даже если физически и будет возможно делать какие-то записи...

день (после обеда)

Пайковый, казенный сахар в этой камере уже много месяцев, задолго-долго до появления здесь быдлячонка, ссыпается утром в баночку из-под чипсов, стоящую в столе. Бывала эта баночка полной, бывала совсем пустой... Сейчас у обоих этих мразей сахара – завались, он «зашёл» (о, этот мерзкий жаргон!..) им обоим. И всё равно, – получая его утром достаточно много, тупой выродок быдлячонок ссыпает его в эту баночку дай бог до трети его объема. Типа, выделяет мне мою долю, один раз чай попить; а остальное – ссыпает в их общую с быдлотаксистом «сахарницу», и без того полную до краев. Мразь...

Окно «пусть будет открыто, не холодно», – с обеда стоит нараспашку. Они между собой решили, что ИМ не холодно, а меня, как обычно, даже не подумали спросить: не холодно ли мне?.. И – поразительно, с каким упорством всё повторяется, раз за разом, год за годом, как случайности складываются в закономерность. В четырехместной 408 прошлой зимой тамошние мрази долго не садились со мной за стол, – я ел первым, а они ждали (точнее, двое ждали, спортсмен-засранец вообще ел по отдельному графику). Тутти, в 525 – осенью мрази, животные Олег и Виталик (быдлак и домушник) тоже перестали садиться со мной за стол. Сейчас – та же картина :))) – ждут, выродки, пока я поем, хотя их-то баланда тем временем остывает. До того упорные мрази, что когда быдлотаксист последний раз ездил в «суд» – быдлячонок, оставаясь со мной вдвоем в камере, всё равно вместе со мной есть не садился – ждал, пока я поем, делал вид, что чем-то занят... «Причинами» же для этого было – в 408-й вздорная, смешная претензия, что я якобы «не стираюсь» и вообще «черт» :)))) ; с быдлаком и дятлом прошлой осенью – то, что я написал жалобу, заведомо никуда не ушедшую, об установке быдловизора; наконец, сейчас – единственно мои политические взгляды: то, что на расспросы быдлотаксиста в первые дни я открыто сказал, что я «за Бандеру», «за Власова», за украинскую революцию, за Майдан и т.д., а также – что предать (в их понимании, конечно) их гнусную «родину» есть долг каждого порядочного человека. Добавлю, что засранец в 408 тоже ненавидел меня не за (якобы) (не)стирку, а за мои политические взгляды, тоже поначалу, по глупости, ему частично

высказанные. В общем-то, всё просто, ясно и закономерно: при любых изначальных отношениях быдло очень скоро чувствует, что я ему – не свой, что я – чужак, и притом чужак враждебный, настроенный к быдлу очень критически, чужак буквально на генетическом уровне, не говоря уж – на ментальном, – и перестает со мной если не вообще разговаривать, то садиться есть за один стол. Я от этого ничуть не расстраиваюсь, конечно, – ничего, поем и один :) – но уже ясно, что так теперь будет всегда, сколько бы я еще ни просидел по тюрьмам в этой проклятой стране. В прошлый раз – такого не было...

24.3.14., 6-й час вечера (до ужина)

Отдал вчера вечером заявление о вызове к начальнику, упомянул там, что если будут продолжать игнорировать – объявлю сухую голодовку. Не ожидал, если честно, но – утром, уже в самый завтрак, вызвали. И что же?.. Просидел там до часа дня, – они, видите ли, с селекторного совещания понедельничного пришли в 12 вместо обычных 11-ти; те же самые Сорока и замполит. (Цуглин, кажись, его фамилия?) Сорока на мой вопрос и объяснил мне про селекторное совещание; опять точно так же на мою просьбу убрать быдлотаксиста Сорока ответил, что он сообщит начальнику о конфликтной ситуации, а сам он, дескать (опять же на мой вопрос), не имеет права переводить, – имеет право зам по оперативной работе (т.е. Горбачев), а он зам по режиму. Пока сидел, вспомнил я еще: спросить, почему не приходит подписанный журнал «The New Times», как не отдавали его с декабря и через почтовый ящик. Ничего толком не ответили, обещали узнать, разобраться, замполит записал себе про подписку, – вроде как это по его части. Ноль результатов, короче. На стене сборки я, правда, сразу, как привели, написал крупно: «СЛАВА УКРАЇНІ!» и внизу, мельче: «Смерть москалям!». Привели в камеру в самый обед, – как раз только что 525 получила баланду, на сей раз я наблюдал этот процесс извне, со стороны коридора. Единственная польза – полдня провел один, наедине с собой, без этой тупой и постоянно пытающейся тупо, идиотски «острить» мрази – быдлотаксиста. Привели – и вот оно, это чмо, приплясывает, радостно предвкушает завтра «баньку» (это такой общий идиотский признак у них, у всех этих недочеловеков и вырожденцев, – какой-то запредельный, исступленный культ бани в тюрьме) да довольно гогочет на все эти гнусные новости из оккупированного москалями Крыма...

25.3.14., день (до обеда)

Башкирская наркоманская мразь радостно хихикает и потирает ручонки, слушая (только что) в москальских теленовостях горькую весть об убийстве в Ривном Сашка Билого. Говорят, что застрелили его в кафе менты,

он отстреливался; но всё равно – его смерть могла быть выгодна только Москве и москалям, они и убили, это очевидно и несомненно. Вечная память герою! Покойся с миром, украинец Сашко Билый, все антиимперцы Русни и ее бывших колоний тебя не забудут...

Вчера по всем каналам москали целый день выли про Сербию – 15 лет начала НАТО-вских бомбардировок 1999 г. Чего только они не несли, какой пурги и бредятины, эти русские телесвиньи, и особенно, конечно же, напирали на озвученный Путиным «косовский прецедент», плюс – описывали, как радостно в нынешней Сербии поддерживают аншлюс Крыма Москвой. Мрази и там, и тут... Правильно делали, что бомбили, я полностью поддерживал эту операцию НАТО тогда и поддерживаю сейчас, – и вот так же, только в сто раз сильнее и активнее, надо бомбить сейчас Москву и всю эту свинскую Россию!!! Я не устаю требовать этого от НАТО уже 15 лет, со дня их второго нападения на Ичкерия осенью 1999, и в последнем слове на нынешнем процессе, если только мне позволят его произнести до конца, потребую опять.

Постоянно чихаю, из носа течет, хорошо хоть кашля нет... Эти мрази все-таки простудили меня своим постоянным открыванием окна, хоть на улице вроде и тепло...

Вечная память Александру Музычко – герою украинского народа Сашко Билому!!!

8-й час вечера (после ужина)

Да, да, да, – мразь, быдло, нечисть, говорящие (по какой-то странной прихоти природы) куски дерьма, выродки, недочеловеки, варвары, просто сгустки вонючей слизи, а не люди!.. И эти двое, которые у меня в камере (быдлотаксист – уже 2,5 месяца), и вообще – все эти русские свиньи, ублюдочные создания москали, расплодившиеся не только по 1/7 части суши, но и по всем соседним странам, от Украины до Киргизии!.. Животные, а не люди; нет, нельзя оскорблять животных, сравнивая их с этой русской (москальской) нечистью. Гнусная, мерзкая биомасса, подлежащая тотальному, безоговорочному уничтожению. Выродки, добровольные рабы, мазохисты, безмозглые твари, которые вместо того, чтобы поддерживать тех, кто в соседней стране наконец-то берет за галстук прокурора, поджигает живьем «мусоров», пугает до немедленного побега президента-диктатора, – стоят на стороне прокуроров, «мусоров», президентов и вообще любого начальства – как украинского, так и своего, которое их-то здесь мордует не по-украински, а куда похлеще... Вот так же эти свиньи, точнее, их свинячьи дедушки и свинопрадедушки, защищали в 1941 г. жопу своего Сталина и своих комиссаров, всех тех, кто за 11 лет до того

устроивал им коллективизацию, раскулачивание и Голодомор... Свиньи, вонючие рабы и мазохисты, свинобыдло и мразь, – вот кем населена эта гнусная Россия. Ни малейшей надежды на перевоспитание всей этой мрази, на превращение ее в нормальных людей – нет и быть не может; вся эта русская/москальская мразота подлежит только и исключительно тотальному уничтожению!..

26.3.14., утро (после завтрака)

Весна. На улице тепло. У мразей в камере новые порядки. Весь день, с утра до вечера, они держат окно открытым. Вечером, когда уже стемнеет, с него начинает тянуть холодом, и они его благоразумно закрывают. Вроде бы всё нормально. НО! Где-то полдвенадцатого я сажусь ужинать (а они начинают смотреть своего «Спартака»), где-то до часу ночи или около того. И вот – пока я ем, им, сукам, вдруг становится жарко, и они открывают опять!.. И так уже не один день!.. Как будто специально – открывают и таращатся в свой быдловизор, а закрывать достается мне, – когда ложусь спать; не буду же я в марте спать всю ночь под открытым окном. Суки, мрази, выблядки, будьте вы прокляты на веки вечные!..

Излишне даже говорить, что быдлотаксиста так никуда и не убрали после моего второго визита к Сороке. Всё без толку... Писем вчера тоже не было. Дошли ли мои стихи и заявление (обращение) по Крыму до Лены Маглеванной, я так и не знаю; боюсь, что нет. Сегодня должен (обещал, но как ему верить...) прийти Бородин, но никакой новой информации он, конечно, не принесет...

день (после обеда)

Ну конечно же, этот урод не пришел, обманул опять! Вот так вот им верить... Быдлотаксист зато пошел на свиданку, вот уже третий час его нет, какое счастье!..

А я, как дурак, продолжаю сидеть в тюряге, в полной изоляции, без информации как по моим собственным делам, так и по общеполитическим. Есть только лживое русское быдлоТВ – и глумящиеся над каждой его провокационной «информацией» мрази. Сегодня, например, с утра (быдлечонка утром после проверки вызвал мразь опер, дальше тот уже не спал) они уже взвизгивали глумливенько и чуть не подпрыгивали от радости, слыша, что глава «Правого сектора» Ярош после убийства Сашка Билого потребовал отставки министра МВД Украины Авакова, а тот в ответ обещал продолжать сознательную зачистку «ПР». Русские, свинобыдломрази, ликуют, слыша это (и не только у меня в камере, – сколько таких и на воле!..), а я думаю, что прав, сто раз прав был Троцкий, писавший о том, насколько судьба революции зависит от качеств

революционного руководства. Кто назначил Авакова, этого бывшего харьковского губернатора, министром МВД? Да и остальные там не лучше, – Турчинов, например, предыдущая биография которого вовсе не выдает в нем революционера... Кличко, Тягнибок, особенно Ярош – те, да, гораздо симпатичнее; но вот и оказывается «ПР» уже под ударом нового государства, – месяц всего прошел после революции!.. С УНА-УНСО в свое время было так же, они ведь созданы были тоже в революционный момент, в августе 1991 г., и до 1996 воевали вне и внутри страны героически, – у них было целых пять лет, а тут – месяц... :(((

Нельзя даже описать, как бесит меня глумление тупой свиньи – быдлотаксиста – над всем и вся, над украинской революцией, над Америкой, и т.д. и т.п., как нестерпимо, непереносимо мне хочется разбить ему всё его свинячье рыло ручкой моей клюки!.. С огромным трудом, но пока я всё же сдерживаюсь, – понятно, что счастья мне этот удар не принесет, скорее напротив. Голос разума побеждает, так сказать. Но это еще один, дополнительный, мучительный раздражитель, – ко всему, что есть и так, что было и до украинской революции... Тошно невыносимо, невообразимо... И так-то было тошно, а тут еще это второе дело, это треклятое ФСБ... Что теперь будет – не знаю, – и не могу не думать постоянно об этом... В «Лефортово» ли меня увезут; или – если после нынешнего «дела» будут «судить» еще и по тому – вообще впают особый режим?.. Вполне может быть такое... Смешно и грустно, – я вспоминаю себя тем кудрявым маленьким мальчиком, лет четырех, пяти, – вроде того, чью фотку Корб поместил себе на аватарку. Какой был красивый, нежный, хороший ребенок... И что же с ним стало? Он прошел в жизни тюрьмы, лагеря, над ним глумились, били, заковывали в наручники... Смешно представить, что вот теперь, м.б., он станет еще и «особиком», «полосатиком», «особистом» – членом этой касты самых прожженных, старых, всё прошедших эков, – тех, что сидели на особом режиме и пользуются особым уважением остальных. Меня, впрочем, уголовное быдло уважать не будет и после особого...

...Я смотрю по НТВ, как Ярош говорит прессе об убийстве Музычко. Перед ним куча микрофонов, – в частности, выделяется микрофон российского «5-го канала» с цифрой «5». Ярош всего на три года старше меня; он, как и я, начал политическую деятельность сразу же, как окончил школу, – у него это было, соответственно, тоже на три года раньше, в 88-м. Одно отличие, правда, есть, – он служил в армии. Где же пои микрофоны?! Где пресса, слушающая меня, берущая интервью?! Когда же настанет мой час – и настанет ли он вообще? Сколько еще ждать? Сколько еще надо отсидеть?

Или всё бесполезно - и никогда от меня ничего не будет в этом мире зависеть, никогда никому я не буду интересен, сколько ни просиди, хоть 20 лет?.. Почему оно так? Почему всё так вышло? Кто в этом виноват?! Россия, - как пишет мне Орлеана? Ну да, наверное, Россия, - а кто еще? Виноватых нет - и жизни нет, и перспектив никаких... Как это все так получается, и почему? И тем сроком, тоже в дневнике, искал я ответы на эти вопросы, - ничего не нашел, теперь вот ищу опять... Как всё так вышло? Кто виноват? Не знаю... Всё время вспоминаю эти дни послание от Буковского тем сроком, - мол, ночь темнее всего кажется перед рассветом. Дай бог, чтобы оно было так, - но в тот раз, как мы помним, не оправдалось, рассвета я так и прождал до марта 2011-го... Сейчас вот тоже - темнее просто некуда, семь лет минимум по этому делу, плюс еще новое, и не дают свиданок, и неизвестно, доходят ли письма, и предал ближайший друг (сука!), и адвокат не идет, и нет телефона, нет информации, ничего узнать нельзя, ничего передать (чтобы мать побольше воды заказала, например, - жажда эту неделю меня просто замучила...); в общем - кошмар... Да еще в камере глумящаяся мразь, - как вишенка на всем этом торте... Темнее уже, кажется, некуда... И - что же? Какой рассвет грядет, и когда? Может быть, в апреле меня освободят? :))) Или вообще это проклятое государство рухнет, и мой процесс прекратится сам собой? :)))) Нет, едва ли, увы... Не на что надеяться, ничего мне не светит. Когда теперь дадут хоть свиданку, тоже непонятно... Тотальная безнадёга...

Эх, знал бы кто-нибудь, до какой степени, какой лютой ненавистью я ненавижу эту проклятую страну, сломавшую, исковеркавшую мне всю жизнь!..

28.3.14., около 5 вечера (до ужина)

Ездил вчера опять в «суд». Мучительна была дорога туда - в набитом автозаке, полускрючившись, ног под старую, из четырех досок, скамейку, не вытянуть... Обрато, кт счастью, доехали и быстро, и в полупустом отсеке автозака и - напрямую, даже в Бабушкинский «суд» не заезжали. «Подняли» меня в «хату» (тьфу!..) - еще не было десяти вечера.

В «суде» же наконец-то состоялся допрос двух оставшихся «экспертов» - «психолога» (молодая девчонка, бывшая Маланцева, ныне по мужу, кажется, Гурина) и, кажись, Баранова - лингвист, немолодой дядька в очках, «экспертирующий» с 1990 г., выпускник филфака МГУ. Сперва не было Трепашкин, - он звонил, что едет, но опаздывает, и Бородин с Санниковой опять уговаривали меня, чтобы я согласился проводить заседание и долгожданный допрос «экспертов» без него. Я сказал на вопрос «судьи», что в процессе я не участвую, а Трепашкин опоздал на ползаседания, допрос Маланцевой-Гуриной пропустил полностью, приехал, когда уже начали

допрашивать второго «эксперта».

Допрос, как и ожидалось, представлял собой полнейшую профанацию. Проводила его в основном Санникова, подоспевший Трепашкин тоже поучаствовал, Бородин - совсем чуть-чуть (и жутко косноязычно, как всегда). Все наиболее важные вопросы, клонящиеся к моей пользе, «судья» снимал, чаще - по требованию прокурора, иногда и сам. Все элементарные, традиционные в таких случаях попытки узнать, не являются ли «экстремистскими», не содержат ли «призывов» и т.п. известные тексты вроде «Убей немца!» Эренбурга, или же (моё любимое! :) «Так убей же хоть одного» Симонова, или что-то аналогичное из Маяковского, найденное Санниковой, - отсекались под тем предлогом, что допрашивать «эксперта» можно только по проведенной им «экспертизе», а эти тексты на «экспертизу» данным «экспертам» не давались. Впрочем, Баранов, кажется, изволил заметить, что ситуация не та, - тогда ведь, мол, была война... :)))) Как будто ее нет сейчас... Любые попытки узнать, что думают «эксперты» о человеке, который выступает против своей собственной группы/нации/конфессии и т.д. - «психолог» Маланцева отбивала тем, что она, мол, исследование личности автора не проводила, знакомилась только с текстами, а Баранов - тем, что это вопрос к психологу, а не к лингвисту. «Психолог» ещё всё время отвечала на разные вопросы одно и то же: что в текстах отражена «идеология автора», под которой она неизвестно, что именно понимала, но, тем не менее, никаких противоречий в ней не заметила... :))))

В общем, это был полный фарс и цирк. Полный триумф железобетонной Системы над жалкими потугами правозащитников вроде Санниковой что-то выиграть у Системы на ее поле и по ее правилам. Зато - еще на входе в зал Вера Лаврешина успела крикнуть мне, что «Эхо Москвы» неожиданно (только я не понял, когда, - видимо, накануне) подробно рассказало о моем деле и дало анонс этого заседания. С чего бы это? Просто поразительно!.. На мой вопрос она сказала - как-то смутно, я даже не вполне уверен, не домыслил ли я за нее - что Маглеванная вроде бы одно мое письмо получила и опубликовала в рассылке мой текст по Крыму (обращение к правительствам Запада), а вот насчет «Азбуки» - ее вроде бы не было. Я попросил Веру узнать об этом у Маглеванной; в то же время мать на мой вопрос ответила, что Лена ей звонит и - вроде бы - получила оба моих письма; но информацию матери никогда нельзя считать точной, увы...

Приехал обратно - почты так и не было. Сегодня ее не было тоже. Целая неделя вообще без почты, без единого письма!.. Единственная хорошая новость была в «суде» - матери таки дали наконец свиданку, она должна

приехать в понедельник, 31-го.

На улице последние дни наступило похолодание. Пришел в камеру – вроде всё спокойно, погрома нет, даже мою еду из правой половины шкафчика мрази не выбросили, как я боялся. Взяли опять у меня рулон туалетной бумаги (при мне теперь не берут, хе-хе!.. :))), мразёныш быдлчонок, конечно же, опять без спроса взял у меня порошок на стирку своих бесчисленных вещей, – пакет стоит открытым, тогда как я его заворачивал в последний раз. Я пришел и лег, – около десяти вечера, окно открыто, с него весьма ощутимо дует. Через некоторое время быдлотаксист подошел и закрыл. Я дождался, пока они начали полдвенадцатого смотреть своего «Спартак», сел ужинать, потом пить чай. Ублюдок быдлчонок, кстати, в те дни, когда я езжу на «суд», не отсыпает мне теперь сахара вообще, ни крошки, как будто, приехав, я не буду пить чай... И вот – уже допиваю, собираюсь ложиться спать, – и вдруг эта мразь, сучонок-быдлчонок, вырожденец и даун, встает со своей шконки и открывает окно!..

Нарочно ли он это сделал, заранее ли они договорились вот так вот мелко и глумливо пакостить мне, – черт их знает; м.б., и нет. Я расстилаю одеяло – и лезу закрывать своей палкой это проклятое окно. А оно еще и вылетело снизу из своей ниши, и не так-то просто вставить его обратно, чтобы закрыть. Я мучаюсь – и тут эта тварь начинает гундеть: мол, я его только что открыл... Я, говорю, вообще-то спать собираюсь ложиться, как раз под этим окном. Оно гундит дальше: мол, воняет тухлятиной в камере, ты не чувствуешь? Я – говорю – абсолютно ничего не чувствую (ибо нечего чувствовать, не пахнет, разумеется, ничем в камере). И тут эта мразь гундит: ну да, мол, свое дерьмо не пахнет, а мы, мол, должны нюхать... Раздухарился, ублюдок, чувствуя поддержку, а со мной вдвоем сидел в новый год – не вякал... Я не стал ничего отвечать на это, лег спать; прямо, можно сказать, как в прошлое на четыре года вдруг улетел, повеяло явственно Буреполомом и полоумным молотобойцем, вопящим на 11-м бараке: «Воняет пидорасом!!! Воняет пидорасом!!!» – после чего каждый вечер отодвигаются все шконки и начинается тщательное оттирание бумажных обоев на стене мокрыми тряпочками...

Короче, первое столкновение еще и с этой мразью, впервые за почти четыре месяца ее пребывания в этой камере. Быдлотаксист промолчал. Молчат оба этих животных и сегодня, не докапываются, слава богу. Убрать быдлотаксиста не уберут, – видимо, остается только ждать, когда уедет на этап; вроде бы писать апелляцию на приговор он не стал. Но увезут все равно еще не скоро, увы...

Следующий «суд» «судья» назначил на 10-е апреля, – какое счастье, не одна, а целых две недели отсрочки. Кончается «суд», максимум в мае, а то уже и в апреле – будет «приговор». На информацию о готовящемся новом деле Трепашкин вчера сразу же сказал, что, по его мнению, они не будут это дело – я вот только не понял – то ли вообще заводить, то ли раскручивать и доводить до «суда»...

29.3.14., 7-й час утра (до завтрака)

Мерзкое быдло (оба) взбунтовалось, развизжалось и развонялось неожиданно сегодня ночью, часа в три примерно (уже их «Спартак», начавшийся в час ночи, кончился, быдловизор был выключен). Не спали оба, выблядки, и вякать неожиданно начал сучонок-быдлчонок, животное, – почувствовал поддержку, раздухарился, а когда зимой сидели 18 дней вдвоем, не вякал, был смирный... Ну, естественно, вякали оба всё на ту же тему, излюбленную: чего-то я там «не мою» (руки, что ли, – я не разобрал), «не убираюсь», «не беру в руки веник» и т.п. Всё то же излюбленное эковское быдлочистюльство – от скуки, от нечего делать; такое же точно, как было и в Буреполоме. Сүки, свиньи, мразь, дерьмо говорящее, еще претензии мне предъявляют, Untermenschen! Сучонок-быдлчонок (первоначальные, декабрьские еще мои подозрения насчет его злобности и агрессивности вот когда наконец оправдались!..), между прочим, предъявил мне «претензию», что я, мол, без их ведома хожу «жаловаться» к начальнику (хотя содержание последней беседы с Сорокой им никто пересказать не мог, кроме двух замов начальника, не было там вообще никого), и пообещал, что в понедельник (сегодня суббота) он, мол, сам ходит к начальнику «поговорить за меня». :)))))) Ну-ну, что ж, иди, если времени не жалко (и если еще вызовут), – уж если по моей просьбе ни одну мразь до сих пор еще не убрали отсюда, то, надеюсь, по просьбам этой мрази меня тоже не переведут – а о чем другом она может идти говорить с начальством? Хотя, конечно, – это страна быдла, быдлу тут везде дорога и почет; с окном в феврале тоже – у меня получилось с десятого раза, а у них с первого. Так что – всё может быть; но всё-таки маловероятно, конечно. И – характерно еще, что свиньи эти тупые открыли на меня свои поганые рты ночью, в темноте, посреди сна, так сказать (и из-за них я так и не заснул больше, ворочался до самых шести, когда заиграл гимн – и тотчас включили свет). Сейчас они дрыхнут; почти уверен, что днем, проспавшись и встав, ни одна мразь продолжить это ночное вяканье, глядя мне в глаза, не посмеет.

И еще одна пакость была ими вчера намечена: опять, идиоты, нашли много тараканов на шкафу – и опять всплыла гениальная идея «помыть телевизор» (это они шкафчик для еды и посуды так называют :)))). Идиоты

вонючие, как будто это что-то изменит в количестве тараканов!.. Но им же не объяснишь, – чем более эта живность тупая и бессмысленная, тем более упёрто верит в свои нелепые предрассудки. Говорили они об этом вчера вечером, намечали на сегодня; одна надежда – что забудут, увлекшись фильмами, футболом etc. Иначе – придется мне из моей половины шкафчика опять всё вынимать, как они уже вынимали 20-го декабря; единственное положительное отличие в том, что сегодня я хоть здесь и могу сам контролировать процесс, не допуская покражи и погрома. Но всё же очень надеюсь, что вынимать всё не придется.

2242 дня осталось, если не намотают еще по новому делу. Вот оно, собственно, то, чего я так боялся в будущем, в лагере, – власть быдла, навязывание быдлом своих быдляцких правил, тотальное их хамство и унижения, – вот оно, уже есть в полную силу сейчас, здесь, в этой тюрьме... :((

5-й час дня (до ужина)

Только хотел после обеда попить кофе со сгущенкой, – вонючая быдлотаксистская долговязая мразь уселась за стол писать письмо!.. :)) Уже всё заранее понимая, – всё же надеялся до последнего, ждал, когда мразь закончит. И – не ошибся: когда появились признаки приближения конца – открылась «кормушка»: им принесли нарды, которые мразь упорно кланчила у дежурной по этажу в обед; записали утром, как всегда, в журнал, но в обед им их, как обычно, не принесли – и вот мразь выкланчила. Дописал – и они уселись играть, долбить этими кубиками по доске, под бодрый крик стерлитамакской мрази: «Купцанём!!!». Для непосвященного это слово, наверное, дико, непонятно, и даже не ясно, как его правильно прочесть... :))) Впрочем, еще до нард я понимал, что как только мразь закончит письмо – она (они) начнут чаевничать, – первый из раз десяти за вечер, до глубокой ночи... Естественно, чтобы спросить меня, не хочу ли я пить кофе, не нужен ли мне стол – уже и речи не было, не те «отношения»... :)) Вот так я и остался сегодня без традиционного послеобеденного кофе, и тешу себя лишь одной пошлой поговоркой: «что ни делается – всё к лучшему». М.б., увлекшись, кроме быдловизора, еще и нардами до ночи (им сразу разрешили оставить их до утра, – неслыханная лояльность!.. и непонятно, с чего...) – они не вспомнят о своей вчерашней идее «мыть телевизор», то бишь наводить погром в моей половине продуктового шкафчика ...

вечер (после ужина)

Мрази самозабвенно играют в нарды, жрут-пьют, смотрят быдловизор – и регулярно открывают окно, несмотря на сильный холод на улице,

фактически – мороз. Замерзнут – закрывают, потом, через час примерно – опять... Как будто издеваются, мрази... Я сижу или лежу под самой форточкой, трикотажная кофтенка и шерстяные носки от силы наполовину, не больше, защищают меня от мороза, но в воротник, рукава и штанины задувает немилосердно. Естественно, я не прошу их закрыть – я вообще не разговариваю с ними, да и знаю заранее ответ, – опять, суки, будут вопить, что им «воняет»... Закрывать самому – долго, тяжело, унижительно (насколько проще с этим было в 408-й!..), они завопят и тотчас откроют снова. Их двое, я один... «Остаётся лишь страдать...» И вот я сижу, сжавшись в комок, до горла застегнув кофту, скрестив для тепла руки на груди, – СТРАДАЮ. А как это еще назвать?.. Нет никаких сомнений, что они открывают окно специально, дабы поглумиться надо мной...

30.3.14., вечер (после ужина)

Судя по недоговоренностям мразей в камере между собой, быдлотаксист сегодня вечером отдал заявление о вызове к начальнику, чтобы просить его убрать из камеры 525 меня. :) То самое, чем пугал меня быдлячонок две ночи назад, – сам не пошел, но, судя по короткой реплике быдлотаксиста, сама идея эта принадлежала именно быдлячонку. Тупая, бессмысленная, дауническая, с явным отставанием в развитии – мразь эта оказалась омерзительнее и ядовитее, чем я думал...

Мразота эта в полном составе смотрела сейчас «итоговую программу» НТВ (воскресенье) – быдлотаксист глумливо хихикал на все бредни быдловизора, рисующие всё, что связано с Руснёй, естественно, в мажорном, радостном и победном свете. Всем ужасам, которые эта пропаганда рассказывала про Украину, он покорно ужасался и бурно негодовал. :)) быдлячонок поддакивал ему во всем, но в негодовании всё же больше, чем в радости. Ну где еще увидишь такое? – как на изначально умственно неполноценных существ, генетических рабов, которых и людьми-то, по сути, нельзя назвать, массированно действует изощренная, высокопрофессиональная пропаганда, апеллирующая к самым низменным их инстинктам, – и они прямо на глазах, не зная реальной картины и – главное! – не желая ее знать, превращаются в зомби... Но, конечно, очевидно одно: на нормальных, полноценных, без этого рабства в генах, людей такая пропаганда не то что не подействовала бы, – но и само существование столь тотальной лжи, столь наглого пропагандистского аппарата было бы невозможно...

Для быдла – всё, для нормальных людей – ничего... Быдлотаксисту удастся завтра убрать меня из камеры? :)) По уму – едва ли, конечно. Если и вызовут (что не факт), – ну, попадет опять на Сороку, который и по моей-то

двойной просьбе ничего не сделал, только обещал, что скажет начальнику. При том, что сам, как он говорит, переводить не имеет права. Ну, м.б., попадет на Горбачева, который переводить имеет право – но в ноябре владимирского быддяка по моей просьбе отнюдь не перевел, хотя меня к тому времени уже хорошо знал лично.

Что ж, посмотрим. Надеюсь, что этого не будет, – надо было бы суметь мне как-то выселить эту мразь отсюда. Завтра должна прийти мать на свиданку, – надо будет просить ее сходить к самому начальнику на прием, позвонить Каретниковой, любыми способами как-то пробить этот вопрос. Жить с этими выблядками, особенно с быдлотаксистом, в одной камере, несмотря на всю крепость моих нервов, становится всё более невыносимо...

Конечно, всё это пройдет, схлынет, кончится когда-нибудь. Если я доживу, конечно. Этот мрак не навсегда и в неполные 46 лет, м.б., у меня наконец-то начнется новая жизнь, в другой стране, на воле, среди нормальных людей... Как всё это выдержать, как дожить? 2241 день остался... Проклятая страна рабов, почему же мне так не повезло – в тебе родиться?.. Как бессмысленно всё вокруг, и эта далекая перспектива – воля, эмиграция, нормальная жизнь среди людей, а не среди нынешних насекомых, – как она смутна, далека, зыбка... Вокруг только одно дерьмо, мрази и свиньи, от этой камеры до Кремля и до свежезахваченного Крыма, заселенного в советское время москалями...

Почты не было всю. Прошлую неделю, с позапрошлой пятницы. Почему не несут и не отдают? Выблядки, оба, тоже ждут писем, тоже всё время говорят об этом. Орлеана и Лена Маглеванная не могли же мне ни с того ни с сего не писать столько времени?.. Увы, у матери завтра мне едва ли удастся узнать хоть что-нибудь на эту тему; стихи-то коротенькие, три штуки по восемь строчек, и то едва ли удастся через нее – продиктовав – полноценно выгнать на волю...

31.3.14., вечер (после ужина)

Чудовищно, но мать не пришла сегодня на свиданку!.. Ждал полдня – ни в 11, ни в два (хотя это-то уже было ясно...). Не знаю, что и думать... М.б., потому, что последний день месяца? В Буреполоме ведь там и было. Мучительная, жуткая эта неизвестность... Пришлось, наступив ногой на собственные принципы и гордость, написать письмо уроду Агафонову, – а кому еще? Да и бланков лишних – аж целых два, я же ему не отвечал – было только на его имя... Ни мать, ни Бородин, ни Санникова, никто... :(((И – завтра, очевидно, будет так же. Беспросветность и безнадега... Каретниковой нет уже три с половиной месяца, Бабушкина – больше полутора. Что делать – совершенно неизвестно, как неизвестно и то, приезжала ли мать хотя бы

еду заказать. Хлеба у меня осталась всего одна пачка, неначатая. Курицу сегодня принесли, еще от 27-го, за прошлый четверг, – не последняя ли?.. Настроение отвратительное. Если уж с полученным разрешением не пришла – значит, случилось что-то очень серьезное... :(((

А мрази эти, в камере, не ходили сегодня никуда. Быдлотаксист, ублюдок, написал, как я потом уже, более поздним вечером вчера, понял тоже с его слов, заявление не на прием к начальнику, а с просьбой этапировать его в Башкортостан (когда же, наконец, там всех таких вот оккупантов начнут резать и вешать?!). То ли сегодня, то ли послезавтра у этой нечисти вступает в силу приговор, апелляцию она не писала, – ждет «законку», а потом этап. Дай бог, поскорее, и сама она тоже рвется отсюда, но – боюсь, еще месяц просидит здесь, если не уберут...

Жизнь кончена... Жизнь кончена... Жизнь кончена...

АПРЕЛЬ 2014

1.4.14., вечер (около 19 часов), после ужина

Всё так и оказалось: вчера был санитарный день везде, не только в тюремном магазине. Сегодня с утра мать пришла; правда, вместо трех часов нам дали поговорить только два, в 13 часов закончили неожиданно свиданку! Ничего страшного не произошло, всё в порядке; есть заказывать она, оказывается, вчера тоже не ездила. Уроду этому письмо можно было и не писать, поторопился я...

Принесли наконец-то – впервые за 11 дней – почту. Чудовищно, но всего два письма – от Орлеаны и Лены Маглеванной. Принесла мне цензорша и справку, которую я просил в своем вчерашнем заявлении. Ну да, письма, которые я отдал 23-го, в воскресенье вечером, эта сука отправила не 24-го, как я думал, а только 26-го, а Лена еще и сама по себе задержалась с ответом до 30-го; больше же, что самое грустное, не пишет вообще никто...

Гнусная, омерзительная новость сейчас по ТВ – в Киеве Рада решила разоружить «Правый сектор». Победа москалей, оккупантов и вековых врагов Украины, этим шагом уже, можно сказать, обеспечена... А Путин, говорят, озаботился сегодня проблемами крымских татар, решил о них позаботиться, – ну всё, не миновать татарам геноцида, как не миновали его чеченцы... :(((Я спросил у Орлеаны, что там пишет официальный Меджлис и украинские националисты по поводу оккупации Крыма; но, честно говоря, не очень-то она охотно выполняет подобные мои просьбы. Зато Лена Маглеванная пишет новости просто шикарные – мое обращение к западным правительствам широко разошлось, в том числе на КЦ (а где еще, интересно?), очень хвалит мою «Азбуку», считает, что она лучше, чем у Маяковского :) - но не пишет, опубликовала ли она ее где-нибудь, или нет. Еще одна шикарная новость в ее письме – ей написал Олег Медуница. Киевский депутат, дал свой e-mail и телефон, попросил написать ему на мыло – и я написал в ответном письме к Маглеванной, чтобы она набила и переслала ему. А мое бумажное письмо, еще февральское, на адрес Рады, он так и не получил.

Ну что ж, в моем нынешнем положении – это просто счастье, если мне из тюрьмы удастся принять хоть какое-то, хоть косвенное словесное участие в украинской революции. Забавно, что и при нынешней цензорше в этой тюрьме, и при прежних – политической цензуры писем, особенно электронных, тут практически не существует, свободно проходят не только мои тексты и стихи, но и Михилевича, а также нашумевшее не так давно по москальскому быдлоТВ обращение Дмитра Яроша к Доке Умарову...

Пришел со свиданки – через коротенькое время после возвращения из бани в камере новость: окончательно сгорел чайник. Точнее, расплавилась пластмассовая штука, на которую он и ставился на своей платформе. Просто счастье, что у меня заранее был запасен еще один, запасной, и несколько месяцев, с того года еще, простоял под шконкой. Я уж думал – не пригодится...

Завтра обещал прийти Бородин. Опять в среду, – как мы помним, в ту среду он обманул и не пришел. Вообще же – было днем, после свиданки и писем, опять глупое чувство, что «всё хорошо» :))) . Блаженная расслабуха после вчерашних нервов...

425 сторінок

+ Сторінки під вихідні дані і документацію

190x230 мм

3мм виліт під обріз

Шрифт: PermianSerifTypeface 11

Заголовки: **DINPro, bold, 16**